Юрий Азаров

Семейная педагогика

ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА В ЛЮБВИ, СВОБОДЕ И ТВОРЧЕСТВЕ

РЕКОМЕНДОВАНО РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами уникальная книга – настоящая энциклопедия воспитания ребенка. Яркое и фундаментальное пособие по семейному воспитанию станет настольной книгой для каждого родителя. Юрий Азаров, выдающийся отечественный педагог и гуманист, делится советами, как воспитывать ребенка в любви, творчестве и свободе. Автор просто и наглядно рассказывает о своей системе ускоренного развития талантов детей. Как бороться с детскими стрессами? Как воспитать трудолюбивого, физически и духовно здорового ребенка? Как пробудить и развить талант ребенка средствами искусства, игры и труда? Прочитавшие книгу узнают ответы на эти и многие другие вопросы. Книга будет интересна всем, кто посвящает себя воспитанию детей: родителям, педагогам и воспитателям.

Издание рекомендовано Российской академией образования.

- Юрий Азаров
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ От автора
  - ○ Часть I
    - ■ Глава 1
      - ■ 1. Кто защитит ребенка?
      - ■ 2. Стержень воспитания – любовь к детям и детству
      - ■ 3. О высоте личности педагога
      - ■ 4. Свобода и защищенность ребенка
      - ■ 5. Воспитание в свободе – магическая формула подлинной педагогики
      - ■ 6. Педагог – философ, мудрец, гражданин
      - ■ 7. Авторитарность – всегда зло
      - ■ 8. Осторожность и гибкость!
      - ■ 9. Умейте защищать своих детей!
      - ■ 10. Педагог в ответе за результаты своей работы
      - ■ 11. Строгость не есть авторитарность
      - ■ 12. Педагогика Любви и Свободы сопрягается с философией ненасилия
      - ■ 13. Необходимо воспитание у ребенка потребности в труде
      - ■ 14. Чувство любви формируется любовью
      - ■ 15. Истинный воспитатель, истинный отец

и мужчина всегда гражданин, любящий ближних
- 16. Любовь, свобода и труд – главные добродетели
- 17. Родитель – Учитель и Пророк
- 18. Учиться у Природы
- 19. Творить социально-нравственное воспитание
- 20. Гуманизм противоречив и всегда требует развития, внесения коррективов. Гуманизм без движения – духовная смерть
- 21. Все реакционные системы воспитания всегда претендовали на гуманизм, демократизм и гражданственность
- 22. Преодолевать в самих себе страсть к насилию – это задача не только сегодняшних поколений, но и будущих
- 23. Научиться распознавать семейные авторитарные тенденции – одно из важнейших условий нормального человеческого воспитания

- Глава 2
  - 1. Только личность способна воспитать личность
  - 2. Семье и образованию нужны личности, подобные личности Ушинского
  - 3. Культура и народность – вот без чего не может быть семейного воспитания
  - 4. Народность – это синоним святости
  - 5. Основные факторы семейного воспитания
  - 6. У народности есть своя тайна развития. С постижением этой тайны развертывается культура личности
- Глава 3
  - 1. На вопрос «Кто же спасет нас?» Достоевский отвечал: «Спасут женщины и дети». Своей смиренной любовью спасут
  - 2. Честность и бескорыстие – безусловные факторы воспитания
  - 3. Любовь и нравственная чистота (лик женщины – лик России)
  - 4. Красота Мадонны и красота содомская
  - 5. Нежность и жестокость

- 6. Тайны родительской любви
- 7. Тревожная индивидуальность идеала
- 8. Единство и бескомпромиссность
- 9. Различия и противоположности
- 10. Альтернатива: всеединство или блуд на крови?

- Глава 4
  - 1. Не Личность – часть космоса, а космос – часть Личности
  - 2. Высота и глубина
  - 3. Тютчевский парадокс?
  - 4. Жертвы дискурсивного мышления
  - 5. Философский диктант: ВОЗВЫШЕННОЕ как энергетический импульс
  - 6. Личность нуждается в другой личности
  - 7. Присутствие великой детской Любви
  - 8. Два полюса социализации
  - 9. Сильная личность есть выраженный характер
  - 10. Личности нет без способности к страданию и тоске по совершенству
  - 11. Нет личности без страсти
  - 12. Личность есть гражданин царства Божьего, а не царства кесаря
- Глава 5
  - 1. Мудрый мистицизм здравого смысла
  - 2. Мир управляется из детской…
  - 3. Заповеди духовно здоровой семьи
  - 4. Духовный опыт как цель воспитания
  - 5. Искусство воспитывать сильную духовно-творческую личность
  - 6. Свобода, воспитание, демократия
  - 7. Возрождать Россию – значит воспитывать народ в духе воли к справедливости
  - 8. «Любовь есть доброта» (И. А. Ильин)
  - 9. Священное слово СОЗЕРЦАНИЕ
  - 10. Тайна созерцания
  - 11. А как же на практике?
  - 12. «Летящий бег пера»
- Глава 6
  -
  - 1. Гордость – величайший грех?
  - 2. Последнее прибежище

- 3. Семантические капканы
- 4. О трех типах талантливости
- Глава 7
  -
  - 1. О двух путях развития
  - 2. Трагический конфликт закона и таланта, нормы и творчества
  - 3. Глубинная психология конфликта и странное свойство закона
  - 4. Без идеала нет ни таланта, ни воспитания
  - 5. Пафос профанации
  - 6. Возвышенное, а не просто высокое…
  - 7. Свет сознания и мощь свободы
  - 8. Свобода произвола и свобода творчества
- Часть II
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
    -
    - 1. Огосударствление школы, сплошная коллективизация человеческих отношений соединились с народной нищетой
    - 2. Душой культуры является искусство
    - 3. Бедность, как правило, нравственна, потому что, страдая, рвется к возвышенному
  - Глава 5
    - 1. Родители не должны верить тому, что только в элитарных школах должны преподаваться основы искусства и культуры
    - 2. Гармоническое развитие – это когда хотя бы в одной способности не утрачивается связь с другими способностями
    - 3. Постижение смысла Любви, Целомудрия и Наслаждения есть главная, никем не раскрытая еще тайна становления высоконравственной личности
    - 4. Детей надо учить мужеству и долготерпению
    - 5. В приземленности детского восприятия,

в неприхотливом здравом смысле ребенка таится истинная народность, которую нужно оберегать и всячески развертывать
- Глава 6
  - 1. В подростковом возрасте потребность Любви и Свободы обостряется
  - 2. В подростковом возрасте чувственная любовь и то, что именуется ранней сексуальностью, должны соединиться с духовными началами
  - 3. Особую, живую, нравственную, недосягаемую и щемящую красоту в детском общении выражают девочки
  - 4. Нельзя соединять духовно-творческую природную девичью красоту с бездушной коллективизацией!
- Глава 7
  - 1. Чудо обновления семьи свершится, когда истинная свобода приобщит взрослых и детей к матери-природе, к великим тайнам народной культуры, сбереженной в укромных и неприметных далях нашего отечества
  - 2. «Молчи, скрывайся и таи…»
  - 3. Народность нуждается в поддержке
  - 4. Не погасить бы Божественный свет…
  - 5. Семья – спасительный остров
  - 6. Идеалы истинные и мнимые
  - 7. Свободный труд свободного человека – это, по Ушинскому, – и цель, и средство, и результат воспитания

○ Часть III
- Глава 1
  - 1. Без идеала нет ни воспитания, ни жизни
  - 2. Соборность
  - 3. Покаяние и самоукорение – суть нравственные основания педагогики Любви и Свободы
  - 4. Тоталитаризм любит свободу для себя
  - 5. Свобода и любовь противоречивы
  - 6. В наших детях зреет вера и острейшая потребность Свободы и Любви
  - 7. Самое трудное в педагогике Любви и Свободы – научиться любить врагов

своих
- 8. Научить детей любить самих себя, свои потенциальные возможности – значит сделать первый шаг на пути истинного воспитания
- 9. Мы ориентировались на бедность, гордились бедностью и учили ненавидеть богатство. Педагогика Любви и Свободы ведет к богатству и изобилию

- Глава 2
  - 1. Тайные надежды
  - 2. Общечеловеческие ценности против кризиса семьи и духовного обнищания молодых людей
  - 3. Не верьте тем, кто проповедует вседозволенность! Не верьте тем, кто «свободу любви» пытается обосновать жизненным укладом диких племен или южных народов
  - 4. Семейное воспитание должно с ранних лет готовить детей к семейной жизни
  - 5. Процесс маскулинизации женщин и феминизации мужчин
  - 6. Энергия красоты Венеры и Марса (из записок В. П. Попова)

- Часть IV
  - Глава 1
    - 1. Игра в системе отношений
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
    -
    - 1. Истинная духовная высокая любовь не может быть без страданий, без тайных ожиданий, без надежд

- Часть V
  - Глава 1
    - 1. Незащищенность ребенка
    - 2. Оберегайте детей от ложных стрессов!
    - 3. «Суженное сознание»
    - 4. Амбивалентность воспитания
    - 5. Еще о защищенности и незащищенности ребенка

- 6. Погоня за детской любовью и за детскими симпатиями – педагогический порок
- 7. Сострадание, сочувствие, сопереживание – это то, без чего не может быть педагогики Любви и Свободы
- 8. Повышайте личностный статус ребенка!
- 9. Оптимизм педагогики Любви и Свободы – в том, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не оставлять ребенка в беде
- 10. Нравственное чувство и нравственная вера – вот что способно объединить взрослых и детей
- 11. Не смотрите на ребенка сверху вниз

- Глава 2
  - 1. Понятие счастья у всех разное
  - 2. Все родители обладают педагогической интуицией. Великое счастье – дать простор этому человеческому дарованию
  - 3. Счастье – нравственная обязанность человека
  - 4. Гармонизация потребностей
  - 5. Не только обстоятельствами воспитывается человек, но и самим собой
- Глава 3
  - 1. Целесообразно, чтобы ребенок сам творил свою систему отношений
  - 2. Человек считает себя счастливым, когда у него есть возможность стремиться к наслаждению, к удовольствию, к удовлетворению своих потребностей
  - 3. Ребенок постоянно находится во власти острейших противоречий. Помогите ему преодолеть преграды. Не отмахивайтесь от детских невзгод
  - 4. Ребенок перед сном должен быть спокоен
  - 5. Вся суть раннего воспитания таится на перекрестьях игры и труда. От «безоблачного» детства к лени, праздности, потребительству – всего один шаг
  - 6. Общение со сверстниками – важнейшее

условие нормального развития ребенка
- 7. Что передаем мы детям?
- 8. Сердцевиной гармонического развития является энергия. Страсть движет воспитанием. Увлеченность, бесстрашие, отвага – без этих качеств нет личности
- 9. Без авторитета нет воспитания. Авторитет родителей достигается высокой требовательностью и уважением к ребенку, к его интересам
- 10. Важно развивать духовное зрение, свое видение глубинных нравственных свойств личности ребенка
- 11. Детское общение бурлит противоречиями – без этого нет развития. Умелое разрешение противоречий – основа творческого воспитания
- 12. В моральных вопросах родителю следует быть бескомпромиссным
- 13. Не бойтесь исправления своих ошибок

- Глава 4
  - 1. Ваше живое общение с детьми, совместный труд – вот что может пробудить детскую увлеченность учебными занятиями
  - 2. Держите себя в руках, воспитывайте в себе самообладание
  - 3. Нельзя замыкаться только на требованиях к ребенку. Иногда полезно скрыть свою линию поведения
  - 4. Важно поощрять стремление к независимости, к свободе. Конфликты, возникающие в ходе самоутверждения ребенка, естественны
  - 5. Искусство общения требует: избегайте неоправданных конфликтов с детьми
- Глава 5
  - 1. Доверяйте своим предчувствиям: они способны подсказать вам правильные решения
  - 2. Предчувствие редко обманывает матерей
  - 3. Педагогический такт зависит от того, в какой мере ваши интуитивные

предчувствия проверяются глубоким анализом
- 4. Бестактность, грубое вторжение в интимный мир детства – тягчайшее зло
- 5. Чем сильнее отчаяние, тем острее потребность в дружеском общении, в тактичной поддержке
- 6. Постоянно думайте о защищенности ребенка!
- 7. Интересуйтесь тем, как ваш ребенок относится к слабым ученикам, как помогает им, какими методами завоевывает авторитет
- 8. Правильная организация образовательного процесса в школе – это создание необходимых условий для становления наклонностей каждого, это гарантия защищенности и свободы, развития ребенка

○ Часть VI
- Глава 1
  - 1. Проблемы взросления – это новые требования к самим себе. Это новые конфликты, новые, неведомые ранее притязания
  - 2. Взросление – это и болезнь, и выздоровление, это, когда все по краю, у самой бездны. Это и жизнь, и смерть – родители должны быть постоянно начеку!
  - 3. Заботьтесь о том, чтобы у ребенка были яркие и прекрасные мгновения – они-то и воспитывают. И если они связаны с собственным трудом, с раскованностью душевных сил – тогда им нет цены!
  - 4. Приохотить к умственному труду – дело непростое. Надо запастись терпением
  - 5. Избавьте ребенка от страха, от ложного стыда, от необходимости изворачиваться и лгать
  - 6. Если вы хотите, чтобы ваши дети получили хорошее образование и развитие, не надо жалеть собственных усилий. Воспитанный и образованный ребенок – это самое великое ваше

богатство
- 7. Не всякая загруженность полезна. Занятия должны развивать духовно и физически
- 8. Труд и гармоническое развитие личности
- 9. Духовное благородство невозможно воспитать только постоянными назиданиями. Оно утверждается в сотрудничестве с другими, в трудовом напряжении

- Глава 2
  -
  - 1. Чувство красоты необходимо человеку, как зрение и слух, как здоровье и умение разговаривать
  - 2. Если вы хотите приобщить ребенка к прекрасному, сами займитесь искусством
  - 3. Нельзя развивать интерес к любой творческой деятельности в отрыве от нравственности
  - 4. Подростка легче всего убедить его же собственными мыслями
  - 5. Учите ребенка самостоятельно воспринимать искусство. «Стадность» и суррогаты коллективности недопустимы в эстетическом воспитании
  - 6. Гармония – единство различного
  - 7. Соревновательность в творчестве – это необыкновенно увлекательно
- Глава 3
  - 1. Не только восприимчивость и увлеченность характеризуют детство
  - 2. Это неправда, что детям, подросткам свойственна лишь беззаботность. Они искренне переживают, волнуются, страдают
  - 3. Повышайте персональную значимость ребенка – в этом и проявится защищенность его личности
  - 4. Не идеализируйте своих детей – это опасно и вредно!
  - 5. Воспитание девочки – это воспитание будущей жены, матери, хранительницы

семейного очага
- 6. Ребенок проходит многие ступени своей социализации через разрешение противоречий в среде своих сверстников
- 7. Экология и гражданственность

- Глава 4
  -
  - 1. Остановить природу невозможно. Задача состоит в том, чтобы помочь ребенку сберечь и развить то лучшее, что есть в нем
  - 2. Всестороннее развитие без детской любви – ничто. Гармония с самим собой немыслима без гармонических отношений с другими
  - 3. Две главные добродетели должна культивировать педагогика: трудолюбие и любовь к человеку
  - 4. Страдание так же необходимо для становления личности, как и радость
  - 5. Невмешательство – один из самых разумных приемов сближения с детьми
  - 6. Если вы научите ребенка любить, вы научите его всему!
  - 7. Каждый школьник – это сложнейший мир проблем и задач. Забота о своевременном решении этих проблем и задач составляет основу строительства новой школы
- Глава 5
  -
  - 1. Проблема роста
  - 2. Ребенок мыслит образами. Его самосознание предметно и образно. Он видит себя в среде других таким, каким сложился его «Я-образ»
  - 3. Постарайтесь понять, с каким чувством относится к себе ваш ребенок
  - 4. Подумайте, в чем вас может обвинить ребенок, когда станет взрослым
  - 5. К гармонии – через противоречия
  - 6. Расковать физические и духовные силы ребенка – для этого не нужны годы и месяцы

- 7. Производительный труд – это сложнейший мир социальных влияний, противоречий, первые опыты подлинно гражданского поведения
- 8. Учить порядочности – вот основа гражданского воспитания

○ Часть VII
- Глава 1
  -
  - 1. Умейте отделить все дурное от того прекрасного, что есть в ребенке
  - 2. Помогите ребенку выпутаться из мрачного лабиринта неприятных ощущений!
  - 3. Механизм радости
  - 4. Не ждите резких перемен
  - 5. Механизм поощрения
  - 6. Не делайте из ребенка подопытного кролика
  - 7. Единство труда и наслаждения
  - 8. Не избегайте мелочей
  - 9. Механизм возникновения полезных потребностей
  - 10. Не бойтесь напоминаний
  - 11. Потребность в человеке
  - 12. Не бойтесь приласкать ребенка
  - 13. Механизм педагогического удовольствия
  - 14. Принцип опережения
  - 15. Не бойтесь конфликтов с детьми
  - 16. Помогите ребенку преодолеть «физиологический барьер» – от сладкого сна к дневным заботам
  - 17. Не играйте роль обиженных
  - 18. Ребенка надо терпеливо учить
  - 19. Удовлетворите стремление ребенка к сверхзадачам
  - 20. О переходе от игры к неигре
  - 21. Срываясь на крик, вы сводите на нет все результаты воспитания
  - 22. Помните, что одной из главных ваших забот является забота о здоровье ребенка
  - 23. Без экологического воспитания немыслимо нормальное развитие ребенка

- 24. Чтобы снять сопротивление воспитанию, надо менять тональность обращения к ребенку
- Глава 2
  -
  - 1. Подходите к ребенку с оптимистической гипотезой
  - 2. Установите точный диагноз
  - 3. Реформа современного образования – это прежде всего повышение требований к детям, к учителям, к родителям. Войдите в круг учебных забот вашего ребенка
  - 4. Начинайте с малого
  - 5. Избегайте нервозной настойчивости и неоправданных конфликтов
  - 6. Следите за собой, за своей интонацией в процессе занятий с ребенком
  - 7. Обязательно отметьте первый успех ребенка
  - 8. Соедините первый успех вашего ребенка со сверхзадачей самовоспитания
  - 9. Не забудьте посоветоваться с учителем
  - 10. Постарайтесь привлечь всех, кто сможет помочь вашему ребенку
  - 11. Переход к самостоятельности должен быть незаметным
  - 12. Не забывайте чередовать занятия ребенка с пребыванием на воздухе, с физическими упражнениями
  - 13. Старайтесь развивать в процессе совместного общения чувство собственного достоинства у ребенка
  - 14. Помогите ребенку увидеть себя таким, каков он есть на самом деле
  - 15. Не мучайте ребенка своей подозрительностью, недоверием
  - 16. Помните, что подражательная способность ребенка так же естественна, как и творческая
  - 17. Остерегайтесь «перезащищенности» ребенка
  - 18. Учите ребенка деловому расчету и разумной практичности
  - 19. Приучайте ребенка к домашнему

труду, вводите его в экономику семьи
- 20. Стремитесь воспитать сильный характер
- Глава 3
  -
  - 1. Что главное в вечере?
  - 2. Постарайтесь вникнуть в проблему «единственный ребенок – класс»
  - 3. Вам необходимо выработать привычку разрешать главные проблемы детского общения
  - 4. Помимо чувствительности вы должны ориентировать ребенка и на воспитание душевной стойкости и чувства собственного достоинства
  - 5. Надо уметь отличать подлинную коллективность от мнимой
  - 6. Воспитывая доброго и дружественного человека, вы воспитываете хорошего семьянина
  - 7. Несколько советов, вынесенных из практики воспитания
  - 8. Проникновение в сущность детства помогает познавать и преобразовывать мир
- Часть VIII
  - Глава 1
    - 1. Гарантия защищенности детства и материнства – основа семейного воспитания
    - 2. Воспитательный процесс в семье нельзя приостановить, как нельзя приостановить приближение весны
    - 3. Злобность, зависть захлестывают современную семью. Преодолеть эти дурные побуждения могут только Любовь и Всепрощение
    - 4. Необходимо внушить детям неприятие любых форм человеческой разобщенности
  - Глава 2
    - 1. С развитием рыночных отношений возникает опасность усиления безнравственных и даже преступных явлений в среде детей и молодежи
    - 2. Вторая надвигающаяся опасность – это

понижение интереса к гуманитарному образованию, к проблемам духовной жизни людей
- 3. Соотнесение отечественной культуры и современной народной жизни
- 4. Детей надо ориентировать на труд. Правда, помноженная на трудовое усилие, – едва ли не главный воспитатель личности

- Глава 3
  - 1. С раннего детства воспитывать правдивость и честность
  - 2. Лучший метод воспитания правдивости – это ваша правда, ваша совесть и ваше раскаяние
  - 3. У любого дела есть своя технология. Педагогическая технология всегда духовна и нелжива
  - 4. Игра является одним из сильнейших средств нелживого безнасильственного воспитания
- Глава 4
  - 1. Бог есть Любовь
  - 2. У современных подростков нередко любовь к Богу и к себе уживается со вседозволенностью
  - 3. Ненасилие есть свобода от насилия
  - 4. Жестокость – явление социальное, а она порождение бездуховной жизни, которую творят государство, культура, просвещение
  - 5. Педагог должен быть психологически и профессионально готов к участию в совершенствовании системы образования
- Глава 5

○ Приложение
- Семья – активный участник формирования кадрового потенциала страны

○ Рекомендуемая литература

• notes
○ 1
○ 2
○ 3
○ 4
○ 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15

Юрий Азаров
Семейная педагогика. Воспитание ребенка в любви, свободе и творчестве

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Предисловие

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках книгу известного педагога – ученого и практика – Ю. П. Азарова о семейном воспитании.

В семье закладываются семена добра и любви к людям, именно в семье ребенок получает первые уроки любви к ближним, уважения к общественным правилам и законам государства, основы гражданского воспитания. Современное общество крайне нуждается в сохранении и укреплении института семьи, без которого не может быть воспитания физически и духовно здорового поколения.

Выдающийся отечественный педагог К. Д. Ушинский, который отводил семейному воспитанию решающую роль в развитии юного гражданина, отмечал, что «самое важное в воспитании – это духовно пробудить ребенка, когда он умел бы внутренне уважать самого себя и утверждать свое духовное достоинство и свою свободу».

Автор работал над книгой более сорока лет. Основой труда послужила «Семейная педагогика»[1], написанная Ю. П. Азаровым в 1982 году и изданная во многих странах мира.

В книгу включены новейшие исследования автора, его учеников и единомышленников-ученых: в частности, даны фундаментальные разделы, посвященные педагогике отечественной культуры и технологиям ускоренного развития творческих способностей ребенка в условиях семейного воспитания.

Мы не ошибемся, если назовем данное издание абсолютно новым произведением, в котором органично сочетаются духовность, право и синтез наук, культуры и искусств. Вне этих величин нет истинного эффективного воспитания личности, всесторонне и гармонично развитой.

Под духовностью автор понимает силу проявления интеллектуально-эстетических, нравственно-волевых и физических данных личности, утверждающей высшие человеческие ценности – Любовь, Свободу, Красоту и Созидание. А духовность, не подкрепленная правом или законодательными нормами, – пустой звук. У некоторых критиков категория Любви и Свободы вызывает некоторое недоумение – дескать, красивые слова и только. А между тем основные сферы Любви, о которых говорит автор, – это сферы любви к Отечеству, родному краю и семейной жизни, к воспитанию детей, к труду и к профессиональной деятельности, к своим достоинствам

и потенциальным возможностям. Свобода при этом определяется максимой И. А. Ильина: «Свобода есть образ жизни, присущий любви». Только в этом случае свобода не обращается в свою противоположность – вседозволенность и произвол.

Профессор Ю. П. Азаров в своих теоретических исследованиях и практической деятельности опирается на лучшие традиции отечественной культуры, представители которой – Толстой и Достоевский, Бердяев и Лосский, Булгаков и Ильин, Вышеславцев и многие другие – утверждали: «Любовь и Свобода есть Бог». Эти великие трансцендентные традиции требуют смелого вторжения в развивающиеся процессы реидеологизации, то есть процессы создания духовно-правовой идеосферы, именуемой в прежние времена идеологией, то есть системой ведущих идей, без которых не может быть ни эффективного образования, ни сильного духовного и правового демократического государства.

Совсем не случайно последний цикл статей Ю. П. Азарова, опубликованный в журнале МВД «Инспектор по делам несовершеннолетних», назван «Святая любовь к Родине и подвижничеству». Под таким названием в данную книгу вошел целый блок статей, раскрывающих важнейшую проблему века – ускоренное развитие дарований, талантов и высших способностей в системе гражданско-патриотического становления личности как основа формирования кадрового потенциала России. Скорость, быстрота – важные категории педагогического искусства в творческой палитре Ю. П. Азарова. Замечательный лингвист и философ А. А. Потебня назвал эти категории умом и творческой энергией человека.

Может показаться странным и вызывающим, что в процессе педагогических инноваций педагог-новатор за пять часов выявляет и развивает талант каждого человека в возрасте от 5 до 70 лет. Но это действительно так и подтверждается многочисленными семинарами-тренингами, описанными в ряде книг и зафиксированными в видеофильмах.

В книге представлены новые разделы, в которых рассказывается о таком ранее не исследованном явлении, как энергия красоты, истоки которой находятся в вере, в глубинах подсознания, в методах повышения самооценки личности.

Точно названы основные направления своеобразного космизма красоты в педагогическом искусстве: «Чувство красоты – это чувство высокого наслаждения», «Красота интуитивных решений», «Красота подвижничества», «Красота игровой энергии», «Энергия и красота развивающих семинаров», «Красота развития мессианской роли России». И проблемы

реализации гендерного подхода: «Красота развития мужской энергетики», «Плюсы и минусы женской красоты», «Гармония красоты Венеры и Марса».

Важнейшим достоинством новой книги является органическое соединение высокой теории с технологиями. Причем теория, основанная на анализе духовно-творческих открытий, пробуждает не только сильные чувства и волю педагога, но и ведет его к поиску новых технологических решений. Именно поэтому одна из частей книги называется «Педагогика на каждый час». В главах «Утро», «Полдень», «Вечер» формула «в воспитании нет мелочей» раскрывается через микромир детских и педагогических движений: ребенок постигает великие законы своего собственного развития, самовоспитания. И здесь один из основных вопросов: «Как стать счастливым человеком?»

В каждой главе, особенно в заключительной, даны рекомендации по вопросам самовоспитания, преодоления таких негативных явлений, как дурные привычки, вседозволенность, злобность, жадность, лживость и бесстыжесть.

Свои сорок заповедей Любви и Свободы автор строит с учетом развития, если можно так сказать, планетарного духа технологий и деятельностного созидания, в процессе которых человек учится распознавать вечно живые противоречия, учиться преодолевать их.

Полагаем, что данная книга будет полезна студентам вузов, педагогам, родителям и всем, кто соприкасается с такой сложной проблемой, как воспитание.

Н. Д. Никандров,

президент Российской академии образования

От автора

Мне давно хотелось написать педагогику будней. Педагогику на каждый день. В малом, повседневном раскрыть основы великого таинства – становления человеческой личности.

Но долгое время я не мог разрешить для себя вот какое противоречие. С одной стороны, современный родитель нуждается в конкретных советах, а с другой – в педагогике сложилось незыблемое правило: в воспитании нет и не может быть рецептов.

Человечеством накоплен мощный духовный потенциал, а практическая педагогика полна схоластики, и в воспитательной практике семьи часто встречаются грубость, жестокость и педантизм. Современное воспитание породило особый вид бездуховности, обусловленный утратой педагогических и социальных идеалов, разрушением гуманистических нравственных норм общения с детьми. Я бы назвал его *безыдеальностью.*

Передо мной вырисовывались две основные задачи. С одной стороны, попытаться приподнять педагогику до уровня общечеловеческих ценностей. Именно этим и объясняется то, что первая часть книги посвящена философии семейного воспитания – педагогике Любви и Свободы. Любовь и Свобода как раз и образуют человеческий идеал, потому что обе эти сущности и есть воплощение Божественного, Нравственно-Высшего, Целостного и Совершенного. С другой стороны, наряду с философским осмыслением психолого-педагогических закономерностей я ставил перед собой задачу дать родителям необходимые рекомендации, ответить на конкретные вопросы педагогики Свободы и Любви.

Действительно, как же воспитывать детей, чтобы в них гармонично сочетались свободолюбие и смиренномудрие, стремление к независимости и любовь к ближнему, трудолюбие и порядочность, гражданственность и человечность? В какой мере воспитателю следует быть мягким и строгим, бескомпромиссным и всепрощающим? Как ориентироваться в современном воспитании, когда кругом бушуют войны, когда семью настигают нищета и обиды, когда новые рыночные отношения порождают алчность, ложь, безумие? Как соединить реализацию детского САМО (самостоятельность, самодеятельность, самоактуализация, самораскрытие, самообеспечение и самообслуживание) с разумным руководством со стороны взрослых, чтобы избежать вседозволенности, чтобы предотвратить дурное, чтобы дети росли

счастливыми?

Я исхожу из общечеловеческих ценностей Свободы и Любви, где гармоническое развитие означает гармонию ребенка с Богом, Культурой и Природой, гармонию с людьми и с самим собой, где воспитатель призван помочь личности сформировать свое «я» – физически, умственно, эстетически, духовно. Естественно, что родителю нужны не только духовно-творческие максимы, заповеди, ценности, но и жесткие правила, приемы, методы.

Мое стремление написать «педагогику правил» не означало попытки навязать читателю «воспитание по книге», ибо весь ход воспитательного процесса определяется характером жизни, сложившейся в семье родителей еще до рождения ребенка. Мы несем в свою семью формы общения, которые восприняты нами от предшествующих поколений, усвоены в годы нашего детства. Даже если мы против того воспитания, которое осуществлялось по отношению к нам, мы все равно в своих действиях почти всегда воспроизводим в чем-то тот педагогический опыт, который впитан нами с младенческой поры, в ходе физического и духовного роста. Мы невольно подражаем своим отцам и матерям, бабушкам и дедушкам, несем в себе заряд той социальной среды, тех социальных отношений, которые сформировали наши личности.

Между тем каждая эпоха дает людям новые ориентиры, заставляет смотреть на педагогические явления по-новому. Сама жизнь подсказывает, что сегодня истинные духовные ценности как бы переместились в семью. Семья стала хранительницей и исповедальницей высокой Любви, Труда и Свободы. На одном из первых мест обозначилась такая необходимая ценность, как *защищенность* личности ребенка и его родителей, исповедующих Любовь и Свободу. Разумеется, защищенность в стране должна обеспечиваться государством, но прежде всего от семьи зависит то, как распорядиться правами и обязанностями в мире войн и междоусобиц, как оберечь детей от неоправданных стрессов и страданий, как сделать семью защитницей гуманного воспитания.

Надо ли говорить о том, что сегодняшняя жизнь родителей бесконечно тревожна: несчастья, голод и нищета подстерегают не только беженцев, но едва ли не каждую вторую семью. Избежать социальных тревог и потрясений в семейном воспитании невозможно. А отсюда вытекает еще одна особенность воспитательной практики семьи – ее органическая связь с обществом. Рыночные отношения, приватизация, развитие частной собственности ставят многих детей перед необходимостью с раннего возраста участвовать

в самообеспечении семьи и своего образования.

Вот почему, говоря о семье, нельзя не коснуться содержания всех основных отношений, которые складываются за пределами дома, нельзя не коснуться тех перемен, которые произошли в стране, в ее нравственном облике, в ее судьбе.

Разрабатывая Педагогику Свободы и Любви, я все больше и больше убеждаюсь в том, что основы этой педагогики могут быть универсальными в воспитании, ибо Свобода и Любовь есть Идеал общечеловеческий, социальный и культурный – этот идеал отвечает запросам Общества, Семьи, Личности.

Часть I
Философия семейного воспитания – педагогика Любви и Свободы

Глава 1
О чем спорили и спорят по вопросам семейного воспитания у нас и за рубежом. Мои встречи с Бенджамином Споком

1. Кто защитит ребенка?

Минуло много лет с тех пор, как Организация Объединенных Наций приняла Декларацию прав ребенка – документ, направленный на защиту детей от голода, эпидемических заболеваний, эксплуатации.

Как же значительны, необыкновенно важны действенные меры, направленные на защиту прав ребенка, какую весомость обретают слова, напоминающие человечеству о том, что мир детства может и должен быть прекрасным, как необходимо знать каждому природу этого мира и отдавать все свои помыслы, усилия воспитанию в детях добра, разума, красоты! А между тем у ребенка, как сказал в свое время замечательный польский педагог Януш Корчак, есть только одно реальное право – право на смерть. Миллионы приговоренных к медленной гибели детей. Приговоренных чернобыльскими и другими катастрофами, неизлечимыми болезнями, загрязненной средой!

Миллионы детей, страдающих от национальных распрей, от неправедной борьбы, в которую все больше и больше втягивается человечество, – как спасти их?

В это трудное время особенно важной становится роль воспитателя, ибо помочь детям может только тот, кто войдет в детские души, кто согреет их сердца, кто защитит от социальных и других невзгод. Какой же должна быть личность современного воспитателя?

Еще раз подчеркну: философский разговор о семейном воспитании я начал с личности воспитателя еще и потому, что в нашей стране принижалась роль личности – и ребенка, и родителей. Вы не встретите ни одной книги, где бы раскрывалась личность отца или матери, их духовный мир, культура и отношение к общечеловеческим ценностям.

В это трудное время особенно важной становится роль воспитателя, ибо помочь детям может только тот, кто войдет в детские души, кто согреет их сердца, кто защитит от социальных и других невзгод. Какой же

должна быть личность современного воспитателя?

Возможно, исключением является «Книга для родителей» Антона Макаренко. Но если вы раскроете академическое издание четвертого тома его сочинений, который всецело посвящен проблемам семейного воспитания, то вы сможете прочесть, что основная тема «Книги для родителей» – «советская семья как коллектив». Заметьте, не личности ребенка и не личностям родителей посвящается это произведение, а коллективу. Я выступаю против точки зрения Макаренко, утверждавшего, что не личность, а коллектив является главным воспитателем личности ребенка. Позволю себе сразу оговориться: решительно отбрасывая доктрину коллективизма, я все же отношусь к Макаренко как к великому педагогу, создавшему, подобно Этьену Кабэ и Роберту Оуэну, еще одну педагогическую утопию: утопию «демократического авторитаризма».

Чтобы ответить на многие вопросы личностного воспитания, деятельности и позиции педагогов и родителей, я расскажу о трех значительных педагогах – Бенджамине Споке, Константине Ушинском и Антоне Макаренко.

2. Стержень воспитания – любовь к детям и детству

Характеры воспитателей могут быть разными, а стержень один – любовь к детям, доверие и уважение к человеческому достоинству, любовь к свободе и бережное отношение к демократизму межличностных отношений.

Сразу хочу отметить, что педагогический опыт каждого родителя в чем-то велик и не уступает по значимости тем обобщениям, которые содержатся в сочинениях крупных педагогов. Когда Спок настаивал: «Родители, больше доверяйте себе, пользуйтесь той мудростью воспитания, которую нажили ваши дедушки и бабушки, вы сами, ваше окружение», – он тем самым подчеркивал, что родители обладают достаточным знанием, чтобы хорошо воспитывать своих детей. А просчеты в воспитании детей получаются от нерешительности и растерянности родителей и оттого, что они попадают в стрессовые ситуации, оттого, что их преследуют беды социальной неустроенности, конформизм и пресловутая авторитарность. Ратуя за человечность воспитания, я не могу упускать из виду и проблему гражданственности, которая в настоящее время особенно проявляется в интересе родителей к таким сложным явлениям, как политика и война, национальные распри и общественная активность семей, социальных общностей,

регионов, рынок и экологические народные беды.

Когда бастующие горняки Кузбасса говорят, что они больше не рабы, они тем самым осуществляют гражданское воспитание в своих семьях и подают детям великий пример смелости и демократизма.

Когда металлурги Урала требуют срочного решения экологических проблем, они поступают по-граждански, ибо думают не только о себе и о своем поколении, но и о будущих семьях, будущих поколениях.

Когда в школах дети и учителя бунтуют против авторитаризма, низкой оплаты и плохих условий труда, в семьях идет процесс гражданского воспитания, который должна поддержать общественность. У меня могут спросить; а как же согласуется такая установка на бунт, стачки и митинги с философией Свободы и Любви, с христианским воспитанием смиренномудрия и самоукорения?

Отвечаю: Свобода и Любовь есть Бог, ратующий за справедливость, доброе отношение к обездоленным, за красоту человеческих поступков, за бескорыстное служение людям. Сын Человеческий дал нам пример беззаветной любви к людям. Когда отцы семейств и матери своих детей перестают быть рабами, они приближаются к Богу, ибо не гордыня ими овладевает, а готовность идти на крест, готовность жертвовать собой во благо своих детей и будущих поколений.

Из истории педагогической мысли я выбрал трех педагогов, которые, на мой взгляд, смело шли на крест во имя великой педагогики Свободы и Любви. Ушинский и Спок шли, защищая Свободу и Любовь, Макаренко, как это ни странно, – отрицая общечеловеческие ценности. И в этом единстве приятия и отрицания есть вечная борьба Добра и Зла, Любви и Нелюбви, Свободы и Рабства. Это единство всегда в наших душах, в душе каждого родителя, каким бы он совершенным ни был. Вот почему я отважился на критическую оценку столь замечательных педагогических личностей.

3. О высоте личности педагога

Высоту личности педагога определяет мера гражданственности, дар слышать диалог своей эпохи, как заметил М. М. Бахтин, или, точнее, слышать свою эпоху как великий диалог. Улавливать в ней не только резонансы голосов прошлого, но и слышать голос будущего. Раскрывать мысль как великое противоречие и мучиться неразрешенностью жизненных конфликтов. Бескорыстно служить великим идеям справедливого

устройства мира и бесконечно верить им.

Такой мерой невольно измеряешь замечательного американского врача и педагога Бенджамина Спока, чьи книги в нашей стране за последнюю четверть двадцатого века были изданы миллионными тиражами. Поскольку я и мой сын принимали непосредственное участие в подготовке изданий Б. Спока, мне небезынтересно было выяснить причины столь громадной популярности американского педагога. Мои выводы могут оказаться неожиданными, но я смею утверждать, что Спок покорил наших родителей широтой своей свободолюбивой души, искренней любовью к людям и к детям, своей уникальной личностью, лишенной какого бы то ни было педантизма, занудства или высокомерного нравоучительства.

Как бы две важнейшие доминанты в Бенджамине Споке. Одна связана с политикой и философией – здесь он яростный противник войны и защитник самой высокой социальной справедливости. Другая обусловлена профессиональной деятельностью, соединившей в себе искусство медицины и искусство воспитывать.

Основой этих двух доминант, в этом я сегодня абсолютно убежден, являются такие общечеловеческие ценности, как Любовь и Свобода. Признаюсь: источником моей постоянной энергии являются дети, больше того – международные детские и педагогические движения, которые имели место в США и Англии, Германии и Швейцарии, Швеции и Норвегии, Польше и Венгрии, Дании и Италии, да и во многих других странах, постоянно принимавших участие в международных детских фестивалях в Артеке. В середине 70-х годов я отправился на такой фестиваль, куда был приглашен Бенджамин Спок; я хотел увидеть его в общении с детьми, обстоятельнее познакомиться с его взглядами на воспитание, приблизиться к пониманию его педагогической философии.

В том, что содержанием личности во многом определяются и педагогические взгляды, я никогда не сомневался. Точнее, личностный аспект в педагогике крайне важен, поскольку накладывает определенный отпечаток на весь педагогический мир того или иного мыслителя в этой области. Перебирая в памяти всех больших педагогов, я невольно для себя делил их (в сугубо личностном плане) на два типа. Первый: Оуэн, Ушинский, Дистервег, Макаренко. Здесь я сталкивался с характером неистовым – горящие, как у пророка, глаза, нервы, подобные тросам; могучая энергия рождает могучие формулы: если характер создается обстоятельствами, значит, надо изменить среду (Оуэн); если педагог дышит энергией – детская

самодеятельность неизбежно развивается (Дистервег); только счастливый человек может воспитать счастливого человека: разорвитесь на части, но станьте счастливыми, иначе вы не сможете воспитывать детей (Макаренко). В этом характере, казалось мне, преобладают мажорные интонации. И весь дух личности – реформаторский, бескомпромиссный. Другой тип, по моим предположениям, не являлся полной противоположностью первому, но здесь нежность души педагога как-то смягчала тональность учительских исканий. Здесь больше ориентации на отношение к личности ребенка, здесь доброта в той изысканно-трепетной тонкости, которая и рождает интимность прикосновения, свойственную людям легко ранимым, мучительно сомневающимся. Здесь подлинно гражданская страстность рождается как великое откровение через собственную муку, боль, очищение.

4. Свобода и защищенность ребенка

Талантливость педагогической личности определяется способностью любить детей, умением предоставить им максимум свободы, обеспечить полную защищенность ребенка.

Только Песталоцци – больной, измученный, но готовый в любую секунду принести себя в жертву во имя одного несчастного ребенка, – мог сформулировать так свой основной метод влияния на детскую душу: «С утра до вечера я был среди них. Все хорошее для тела и духа шло к ним из моих рук… Моя рука лежала в их руке, мои глаза смотрели в их глаза. Мои слезы текли вместе с их слезами, и моя улыбка следовала за их улыбкой».

И как апофеоз этой линии духовного общения – Януш Корчак, переступивший вместе с детьми порог фашистского крематория…

Завоевавший право сказать: «Сердце отдаю детям», – В. А. Сухомлинский напишет в одной из последних своих книг: «Имея доступ в сказочный дворец, имя которому – *Детство,* я всегда считал необходимым стать в какой-то мере ребенком. Только при этом условии дети не будут смотреть на вас как на человека, случайно проникшего за ворота их сказочного мира, как сторожа, охраняющего этот мир, сторожа, которому безразлично, что делается внутри…»

Конечно же, такое деление педагогических линий на два типа весьма условно, неточно, уязвимо. Но реальность не сбросишь со счета, тем более что она заявляет о себе в педагогическом почерке, в педагогической палитре. Больше того, эти самые личностные нюансы находятся в особом сцеплении со всем

мировоззрением личности, они индивидуальны и различны, смыкаются в демократизме и человечности, в той неуемной педагогической жадности, стремящейся охватить все факторы становления души человеческой, чтобы ребенку стало лучше, чтобы матерям и отцам жилось радостно. Поэтому и вершины у обоих типов одни и те же: создать системы, обеспечивающие всестороннее и гармоническое развитие, – вот единственная цель педагогического дерзания. Здесь требуется некоторое разъяснение.

> Талантливость педагогической личности определяется способностью любить детей, умением предоставить им максимум свободы, обеспечить полную защищенность ребенка.

Когда мы так формулируем цель, невольно каждый родитель задает вопрос: «А не слишком ли высоко – всесторонне и гармонически?»

Отвечу: совсем не высоко. Нормально. Иначе просто нельзя. Каким бы плохим воспитателем ни был родитель, он все равно не упускает из виду умственное, физическое, эстетическое и нравственное воспитание. Под гармоническим я понимаю гармонию ребенка с Природой и Культурой, с людьми и с самим собой. Миновать эти четыре вида гармонии невозможно: гармоническое развитие осуществляется и тогда, когда родитель старается красиво одеть ребенка, чтобы пойти в гости или просто на прогулку. И тогда, когда читает с ребенком книжку, и тогда, когда учит не обижать куклу, и тогда, когда настаивает на самообразовании подростка или юноши. Гармоническое и всестороннее – это наша обыденность, а не утопия. Есть более высокий идеал – отношение к Богу. Это идеал Любви и Свободы. К истинной Любви и к истинному освобождению от суетности, рыночной психологии, жадности, потребительства и паразитаризма можно прийти только через гармонию с культурой, через гармонию с самим собой. Когда в русском Ренессансе начала двадцатого века была выдвинута максима: «Отнесись к себе, как к Богу», – речь пошла о самом главном воспитателе человеческой души – о Любви к собственной Личности. Вот этой Любви нам, в России, всегда не хватало. Просто эту Любовь к самим себе, к своим возможностям, к своим талантам и дарованиям всегда убивали. Убивали тем, что низводили всех до винтиков и «членов» некоего абстрактно-авторитарного коллектива. Убивали, когда несколько десятилетий подряд талдычили каждому: «Будь скромен, не суйся, не выступай, не проявляй инициативы, потому что все

это наказуемо…» Убивали, когда самоуничижение прививали каждому, как делали прививку от кори и оспы. Убивали тогда, когда воспитывали гордыню: «Я горжусь тем, что живу в самой лучшей стране, где самое лучшее правительство, самая лучшая милиция, самая лучшая школа и самые лучшие трудности!» Распятая человеческая душа современного россиянина начинает оживать. Но еще далеко до сошествия с Креста. Только Любовь и Свобода могут стать целебными средствами для окончательного духовного выздоровления и детей, и родителей. Вот почему в качестве цели я выдвигаю диалектическое единство общечеловеческих ценностей Любви и Свободы!

5. Воспитание в свободе – магическая формула подлинной педагогики

Воспитание в свободе и любви, через свободу и любовь, для свободы и любви – есть истинное гармоническое воспитание, всестороннее и гуманистическое. Это воспитание есть цель жизни семьи, государства и общества.

И эта общая цель снимает необходимость банального вопроса: «Какая из линий в педагогическом рисунке правильнее: мягкая или строгая?» Задавать такой вопрос так же неправомерно, как отдавать предпочтение Гегелю перед Бердяевым, Некрасову перед Тютчевым, Фолкнеру перед Хемингуэем. Просто мы имеем дело с разными уровнями человеческой талантливости. Хотя об этом можно долго спорить.

Все это я говорю не случайно, поскольку в педагогике, как и в искусстве, шараханье то в одну, то в другую сторону всегда приносило немало вреда: убивало поэтическую форму в ущерб содержанию, а в педагогике порой разъединяло нерасторжимое – бережное отношение к личности ребенка и всю организацию жизни детей, гарантирующую их суверенность и защищенность.

Какова же педагогическая палитра Бенджамина Спока? Каким образом система «доктор Спок – современное американское общество – личность ребенка» сформировала те установки, которые пришлись по душе родителям во многих странах? Каков же Спок как человек?

Не скрою, по многим публикациям о нем, да и по его книгам у меня сложилось определенное представление – скорее педагог корчаковского плана. Этакий добрый-предобрый, конечно же, нежно-сентиментальный сказочный Айболит. А оказалось наоборот. И я рад тому, что рухнули мои построения о двух педагогических линиях. Укрепилась вера в то, что подлинный

воспитатель – это уникальная личность, в ней органично сплавлены гражданственность и человечность.

Много лет назад по всему миру прокатилась волна дискуссий вокруг педагогических взглядов Спока. Появились статьи и в нашей печати. На страницах «Литературной газеты», в частности, было опубликовано такое характерное письмо геолога А. Силуянова из Кургана:

«Уважаемая редакция! В нашей стране хорошо знают американского педагога и педиатра доктора Спока по его замечательной книге «Ребенок и уход за ним», переведенной на русский язык. Сформулированные им прогрессивные, гуманистические идеи и педагогические принципы близки и понятны нам, они перекликаются с идеями и воспитательной практикой наших выдающихся педагогов К. Д. Ушинского, В. А. Сухомлинского, С. Т. Шацкого и других. Но вот за рубежом, о чем уже говорилось и в нашей печати, появились сообщения, что д-р Спок изменил своим принципам, отказался от системы воспитания, построенной на доброте и доверии к ребенку, и уповает теперь прежде всего на жесткость и дисциплину. Что же произошло с д-ром Споком? Мне не совсем понятно, почему нужно противопоставлять дисциплину доверию, – разве одно исключает другое? И почему указание на то, что помимо доброты полезна бывает и жесткость, означает измену прежним взглядам?»

И в сентябре 1974 года я выступил на страницах «Литературной газеты» со статьей «Доктор Спок против доктора Спока?». Вопросительный знак в заглавии статьи был поставлен не случайно, ибо я, как мне представляется, доказал, что никакого отступничества у доктора Спока не было. Три года спустя, встретившись со Споком, я показал ему эту статью. Споку понравился заголовок, а когда переводчица познакомила его с содержанием статьи, Спок, в общем-то, согласился с тем, что я написал, и подчеркнул, что никакого изменения своим принципам у него не произошло. Не скрою, я тогда как бы уходил от категорических, безапелляционных заявлений, так как кое-что мне самому оставалось непонятным, проблема была необыкновенно сложной, дискуссионной.

И эта моя в некотором смысле «размышленческая» позиция дала основание некоторым читателям прийти к заключению, будто я все же упрекнул Спока в отступничестве. Впрочем, мне и сейчас многие из тех, кто встречался со Споком, говорят, что все же некоторое отступление у него произошло. Я такой позиции не разделяю, поскольку вопрос, опять-таки подчеркиваю, сложен. И здесь надо говорить о целой системе противоречий,

которые явились в результате педагогической и общественно-политической деятельности этого замечательного человека.

6. Педагог – философ, мудрец, гражданин

Воспитание всегда движется педагогическими идеями, которые чаще всего кажутся спорными, порой парадоксальными и даже неприемлемыми. Чтобы разобраться в этих идеях, надо каждому быть в какой-то мере философом, мудрецом и гражданином. Доверяйте своей мудрости, гражданственности, человечности!..

Итак, доктор Спок, с именем которого связана гуманистическая педагогика, выступил со статьей, в которой ратовал будто бы за твердость в воспитании детей.

Доктор Спок, антивоенный лидер, борец за мир, утверждает, что без жестких, последовательно проводимых требований не может быть действенного воспитания.

Доктор Спок, замечательный педагог современности, увидел вдруг в мягкости, доброте, родительской ласке главные противоречия воспитания детей в современной Америке.

Эта его новая позиция и вызвала в зарубежной печати бурю страстей.

Радио… Газеты… Телевидение… Десятки запросов… Все желают знать, зачем и почему понадобилось доктору Споку изменить своим убеждениям: проповедовать твердость и дисциплину вместо доброты, «переметнуться к консерваторам», отступиться…

> Подлинная педагогика, даже если она имеет дело с отвлеченными процессами, всегда учитывает особенности мира детства, мира личности ребенка.

Чем вызваны эти заявления? Почему, казалось бы, частные вопросы педагогики стали общественно значимыми? Перед тем как ответить на все эти вопросы и на главный из них: остался ли доктор Спок верен своим взглядам или изменил им, – я позволю себе небольшое отступление: необходимо объяснить, почему решение, что ставить на первое место – строгость или доброту, – оказывается кардинальным в воспитании детей.

История знает немало случаев, когда одна книга или статья о воспитании приводила в движение общественную мысль, совершала своего рода очистительный переворот в сознании людей. Чем объяснить такой резонанс? Чем объяснить, что выдвижение на общественный суд педагогической идеи

приводило к тому, что пульс общественной жизни мгновенно учащался и в полемику вступали крупные ученые, педагоги, писатели – Руссо и Толстой, Пирогов и Добролюбов, Макаренко и Сухомлинский?.. Они вторгались в самые глубины социальной жизни, через отдельные звенья микропедагогических явлений обнажали социальные противоречия и находили ту единственную правду-истину, которая долгие годы потом поддерживала нравственное развитие общества.

Разрешая, казалось бы, семейные, отнюдь не глобальные проблемы воспитания – «пеленать или не пеленать?», «сечь или не сечь?», «наказывать или поощрять?», «строго выполнять режим или с некоторым послаблением?», – признанные авторитеты общества, например Руссо и Оуэн, Добролюбов и Толстой, указывали на причины существующего зла, пытались объяснить способы обновления мира. То есть брались не проходные или узкоспециальные темы, а такие, которые, по меткому выражению Ушинского, становились общественными вопросами для всех и семейными вопросами для каждого.

Для педагогики Любви и Свободы проблема примата доброты над строгостью является одной из важнейших: правильное ее решение объясняет тонкие нравственные переливы, логику утверждения человечности в воспитании детей. Здесь малейшие недомолвки и неточности сказываются на всей системе педагогических подходов.

Подлинная педагогика, даже если она имеет дело с отвлеченными процессами, всегда учитывает особенности мира детства, мира личности ребенка. Да! Именно от того, как мы прикасаемся к детям, как заставляем учить уроки и укладываем спать, как смеемся в их присутствии и рассказываем о себе, как угрожаем или поощряем, – от всего этого зависит становление детской души и даже в известном смысле судьба целого поколения.

7. Авторитарность – всегда зло

Научиться различать авторитарность и авторитет даже в мелочах, даже в микроскопических движениях души – одно из главных достоинств воспитателя, исповедующего педагогику Любви и Свободы.

Много лет работая в школе и занимаясь педагогической теорией, я тысячи раз убеждался в том, что научное решение этой проблемы позволяет четко отделить авторитет от авторитарности, свободу от вседозволенности, истинную любовь от слепой привязанности, необходимость бескомпромиссного подчинения

нравственным законам от педагогического произвола и насилия…

Чем больше вчитываешься в книги доктора Спока, тем отчетливее сознаешь, что здесь речь идет не столько о замкнуто-этических категориях, сколько о главных проблемах воспитания, которые неизбежно сталкиваются с идеологией общества.

В одном из своих интервью доктор Спок сказал: «Знаете, поднялась такая буча после того как я выступил с этой злополучной статьей… Все спрашивают об одном и том же, все желают знать, зачем и почему я так написал. А уж письма! Вот, пожалуйста: «Стыдитесь, вы погубили молодое поколение». Или вот это: «В том, что мой сын стал преступником, виноваты вы…» Как все это глупо, как смехотворно! Они же ничего не поняли. Ничего! В своей статье… я лишь повторил все то, что твердил на протяжении трех десятков лет: «Не пасуйте перед своими детьми. Когда нужно, не бойтесь проявлять твердость по отношению к ним». Но быть твердым не значит быть злобным: это значит воспитывать ребенка в атмосфере радости и дружбы…»

Итак, частный, казалось бы, педагогический вопрос, что ставить на первое место – строгость или доброту, разделил людей на два противоположных лагеря. Первые – сторонники гуманизма – утверждают, что только в атмосфере доброты может быть осуществлено подлинное воспитание. К ним всегда принадлежал и Спок. Он писал в книге «Ребенок и уход за ним», что детям больше всего на свете нужна любовь преданных родителей, что дети, ставшие преступниками, страдали не от недостатка наказаний, а от недостатка любви, что каждый ребенок – личность.

Нельзя сказать, что сторонники второй концепции начисто отметали ласку и доброту. Они просто отдавали предпочтение строгости и жестким требованиям. Никто из них, разумеется, не призывал «сокрушать дитяти ребра сызмалу», но они ратовали за беспрекословное подчинение детей воле взрослого.

Именно против таких авторитарных методов выступил более полувека назад Бенджамин Спок. Тогда он на первое место ставил родительское тепло, свободу ребенка, его творческую деятельность. Был ли он тогда пермиссивистом – проповедником вседозволенности? Нет. Была ли его теоретическая концепция связана, скажем, с теорией свободного воспитания? Нет. Вносил ли он со временем какие-либо коррективы в развитие своих идей? Разумеется. Эти коррективы отражают и некоторую эволюцию взглядов доктора Спока, и противоречия американского общества.

8. Осторожность и гибкость!

Все больше и больше сегодняшний родитель втягивается в социальные битвы за лучшую долю, за лучшие условия жизни. В этих процессах надо думать о детях, прежде всего о детях! Надо быть до предела осторожным и гибким!

Уже в 50-х годах Спок предостерегает матерей от крайностей в воспитании детей. «Проявляйте чуткость, – говорит он, – учитывайте желание и волю своего ребенка. Но осторожно, не позволяйте ребенку превращать вас в рабыню. Помните, что главенствующую роль должны играть родители, родительский авторитет. Я имею в виду настоящий авторитет, а не авторитарность, разумеется. Речь идет не о наказании ребенка, а об умении научить его тому, что хорошо и справедливо. Нужно добиться того, чтобы в наказании, как в методе воспитания, просто не было необходимости…»

Наблюдая, как многие родители совершают ошибки – культивируют вседозволенность, потакают капризам, способствуют зарождению у детей безволия и безответственности, – Спок специально перерабатывает свою книгу для второго издания и особо подчеркивает роль родительского авторитета, дисциплины…

В середине 60-х США начали войну во Вьетнаме, и доктор Спок сразу примкнул к антивоенному движению, так объяснив свой поступок: «Нет смысла растить детей, чтобы потом позволить им заживо сгореть». Он становится антивоенным лидером, одним из организаторов антивоенных маршей. Официальные круги привлекают его к уголовной ответственности по обвинению в заговоре с целью побудить молодежь не служить в армии. А прогрессивные силы единодушно присваивают ему звание гуманиста… Педагогические идеи Спока сомкнулись, как и следовало ожидать, с большой политикой. Сторонники гуманизма безоговорочно одобряют его идеи. А приверженцы ужесточения ему пишут: «Я сжег твою книгу!», «Я разорвала ее на мелкие клочки…» Они вопят хором: «Это Спок повинен в том, что наша молодежь такая недисциплинированная и безответственная…»

Да, Спок вынужден под их напором оправдываться: «Разве в странах, где моей книги никто и в глаза не видел, молодежь бунтует меньше?» Но, как и много лет назад, он придерживается основного своего принципа: «Существо дисциплины, ее девять десятых – это любовь, которую ребенок испытывает к родителям».

Можно было бы сказать, что Спок не несет прямой ответственности за разноречивую интерпретацию своих статей.

Но ведь каждый в ответе не только за то, что он сказал, но и в известной мере за то, как его поняли.

Можно было бы не обратить внимания на эти противоречия, учитывая и высокую порядочность доктора Спока, и весь его гуманистический опыт, и его заявления о том, что по коренным вопросам он взглядов не меняет.

Можно было бы подождать, пока сгустившийся полемический туман сам по себе рассеется. Но это вряд ли возможно, так как за тонкостью вопроса и кажущимися незначительными поправками стоят глобальные проблемы формирования личности человека и сложные противоречия в любой социальной общности. Эти противоречия, в частности, в такой стране, как Россия, стали в первом десятилетии этого века кричащими. Повальным становится поведение родителей, которые в общении с детьми срываются на озлобленное: «Заткнись!» Участились физические наказания в семье, барометр неоправданной строгости постоянно показывает «бурю».

Конечно же, и дети должны учитывать беды взрослых. И они, как правило, понимают родителей, когда те спокойно и разумно объясняют им трудности их общего бытия. И вообще, должен сказать, что подлинная педагогика Любви и Свободы проверяется как раз именно на трудном. Мне на память приходит постоянно один жуткий факт, когда родитель в буквальном смысле сошел с ума: идя по сталинскому сибирскому этапу, не выдержал крика больного и голодного своего годовалого ребенка и хватил им о дерево, а потом вытянулся на снегу и орал что есть мочи: «Прикончите меня!»

…Я всматривался в детские лица армянских и русских беженцев: сколько в их глазах было страданий и сколько уважения к матерям и отцам, отдававшим всю свою любовь детям. Наверное, нам предстоит еще испытать немало лишений, и как важно, чтобы мы не утратили любви к детям, к свободе и к справедливости!

9. Умейте защищать своих детей!

Государство всегда будет ратовать за ужесточение воспитания, за наказания, за авторитарность. Умейте противостоять этим тенденциям.

Нечто подобное тому, что случилось со Споком, произошло в России примерно сто лет назад. Известный врач и педагог Н. И. Пирогов в статье «Вопросы жизни» сделал уступки общественности, допустив, правда с оговорками, возможность применения розог в гимназиях.

Н. А. Добролюбов, резко осуждая непоследовательность Пирогова, писал тогда: «…г. Пирогов оказался слабым перед средою, и он уступил, уступил не в мелочи, а в принципе, уступил в том, против чего решительно и ясно заявлял свое мнение прежде».

По этому вопросу собирался выступить Ф. М. Достоевский. Интересны его пометки, сделанные в записных книжках. Приведу некоторые из них: «Настоящий суд над г. Пироговым был бы таков: «Что вы, Пирогов, добровольно перешли в партию обскурантов или только сделали уступку противникам?» Но обскурантизм в Пирогове невозможен, след., уступка… Довольно плохая и нехорошая правда. Можно ли было без нее обойтись? Почти можно…» «Он (Пирогов. – *Ю. А.)* ошибся, положим. Но действительность сшибает иногда и гениальных людей с ног… Пирогов нигде не соглашается с розгою как с принципом…», «Пирогов рассудил, что лучше сделать хоть что-нибудь, если не всё».

Да, действительно, Пирогов не возводил розгу в принцип воспитания, хотя и не мыслил хорошей дисциплины без строгости и наказаний. Как и Спок, Пирогов ратовал за атмосферу любви, за доброе отношение к детям, за гуманизм… В то же время он был и не против твердости, а в иных случаях и жесткости в обращении с детьми. Как и многие его коллеги. Как и государство, церковь, «общество».

10. Педагог в ответе за результаты своей работы

Воспитатель несет ответственность не только за свои поступки, но и за те негативные результаты, которые случились в воспитании детей как бы помимо воли воспитателя. Больше того, педагогические установки могут быть самыми гуманистическими, а результат авторитарен. Вот почему воспитателю нужна мудрость философа.

Противоречия Пирогова в какой-то мере напоминают противоречия, которые обнаружились во взглядах доктора Спока. Сам факт, что доктор Спок решительно отказался от высказанных им в своих последних статьях суждений, уже внес некоторую ясность в дискуссию и с еще большей силой подчеркнул сложные противоречия воспитательной практики современной Америки. Приведу ответы, которые дал Спок в своем интервью для журнала «Эуропео».

«Мне и в голову никогда не пришло бы утверждать, – объяснял Спок бравшей у него интервью журналистке, – что родители должны подавлять волю своих детей. Точно так же,

как мне не пришло бы в голову сказать: если твой сын вздумал повесить кошку на дереве, отнесись к этому спокойно, пусть вешает…»

> Воспитатель несет ответственность не только за свои поступки, но и за те негативные результаты, которые случились в воспитании детей как бы помимо воли воспитателя.

Нет, Спок, конечно же, не обскурант и не конформист. В принципиальных вопросах он уступок не делает.

«Видите ли, предшествующее поколение считало, – говорит он, – что только благодаря трепету перед отцовским или материнским авторитетом дети могут стать достойными гражданами… Я показал, что это чушь… И объяснил это, ссылаясь на собственный опыт. В детстве я боялся отца и мать. Да и не только в детстве, но и в юности. Боясь их, я боялся всего: учителей, полицейских, собак. Я рос ханжой, моралистом и снобом; против всего этого мне пришлось потом бороться всю жизнь. Но сегодняшние дети! Сегодня в Америке ты уже не укажешь ребенку: «Сделай то-то и то-то», – если ты хочешь, чтобы тебя послушались, ты должен доказать разумность своего требования. Вы, наверное, заметили, с какой свободой молодежь критиковала университетские власти, когда поняла, каким суровым и принудительным порядкам подчинена жизнь высших учебных заведений. Как они боролись за гражданские права, против войны во Вьетнаме! Знаете, я считаю, что война во Вьетнаме заставила молодежь крепко призадуматься. Она показала, какой раковой опухолью являются империализм, расизм, нищета, неравенство, загрязнение окружающей среды. И молодежь взбунтовалась и стала искать иные идеалы. Так вот, они, эти молодые американцы, и есть «дети» доктора Спока. Ребята, исполненные смелости и чувствующие себя вправе задавать себе и другим любые вопросы».

Драма доктора Спока состоит в том, что он пытается примирить непримиримое, стремится отстоять гуманистическую систему воспитания в обществе, которое в силу своих противоречий если и допустит какую-то толику «спокизации», то непременно потом отыграется на детях, что-то деформирует в них, чему-то не даст развиться… Трагедия таких педагогов, как Макаренко и Сухомлинский, в том, что они жили и творили в авторитарном государстве и славили этот авторитаризм, называя его справедливым, демократическим и гуманным.

Трагизм сегодняшней семейной педагогики в том, что родители воспитывают детей, не будучи уверенными, что их

не искалечит новая война, не удушит голод, не настигнет экологическая смерть.

Какими же, на первый взгляд, суетными и мелкими могут показаться обсуждаемые нами вопросы: что ставить на первое место – ласку или строгость? И вместе с тем это отнюдь не мелкие вопросы, в особенности для сегодняшней семьи, когда и родитель и ребенок нуждаются в социальной защите, когда семья во что бы то ни стало должна сплотиться у своего очага, мобилизовать все свои силы, чтобы выжить и не дать в обиду своих детей.

Так что же следует ставить на первое место – ласку или строгость? Ответим словами В. А. Сухомлинского, который, полемизируя со своими противниками, писал: «Я не могу согласиться с тем, что ребенка надо любить с какой-то оглядкой, что в человечности, чуткости, ласковости, сердечности кроется какая-то опасность… Я уверен, что только гуманностью, лаской, добротой можно воспитать настоящего человека».

11. Строгость не есть авторитарность

Строгость никакого отношения к авторитарности не имеет. Истинные Любовь и Свобода всегда отличаются целомудренной строгостью, некоторой бескомпромиссностью и бесконечной верой в творческие силы ребенка. Важно одно: в какой мере строгость и целомудрие, смирение и самоукорение способствуют развертыванию и расцвету Любви и Свободы в детских душах.

Я рассказывал Споку о дискуссии, которую вела «Литературная газета» на своих страницах. Дискуссия называлась «Кого и как мы растим?». Один из вопросов был таким: «Почему иной раз доброта оборачивается злом в воспитании детей?»

– Так не бывает, – резко замечает доктор Спок, будто на такой вопрос он отвечал неоднократно. И тут же встречный вопрос: – Приведите мне пример.

– Выходит, кашу маслом не испортишь, – ухожу я от ответа, поскольку разделяю позицию доктора.

Спок смеется и добавляет:

– В жизни очень мало нравственных аксиом, но одна из них такая: доброта никогда не приводит к злу.

– Тогда почему же в США, да и не только в США, вокруг этой проблемы «строгость – доброта» столько споров?

– В Америке действительно есть много ученых авторитарного направления, которые считают, что если к ребенку относиться строго и даже с жестокостью, то он вырастет вежливым и, главное, послушным человеком. А если к детям относиться по-

доброму, то они вырастут избалованными и распущенными.

> Строгость никакого отношения к авторитарности не имеет.

Я пытаюсь заметить, что авторитаристы, наверное, не так уж прямолинейны, что в их представлении строгость не является синонимом грубого насилия, окрика, ругательств, что здесь дело в чем-то посложнее. Спок просит меня не перебивать его (он любит изложить свою мысль до конца, исчерпывающе, и это он делает с методической аккуратностью и последовательностью). Снова он подчеркивает, что никогда не был сторонником вседозволенности, что существуют разные манеры воспитания, индивидуальные почерки. И я так понял доктора Спока: можно предпочесть и строгое воспитание, основанное на непринужденности в обращении с ребенком. Если вы выбрали строгую манеру воспитания, то надо быть в этой манере последовательным. Умеренная строгость в смысле требования хороших манер, послушания, аккуратности, выполнения режима и т. д. вреда ребенку не причинит, если действия родителей основаны на доброте и если созданы условия для того, чтобы дети росли счастливыми и общительными. Такую строгость Спок исповедует как одно из важнейших звеньев своего педагогического и врачебного кредо.

> Дети эмоционально должны чувствовать себя свободно. Они должны знать, что их инициатива не будет пресечена или высмеяна.

– Что значит «счастливыми и общительными»? – спрашиваю я. – У нас прямо-таки помешались на общительности. Говорят, общение – главное средство воспитания. Я же считаю, что по-настоящему счастливым ребенок может ощутить себя только тогда, когда сам сделает что-то важное и значительное.

– Дети эмоционально должны чувствовать себя свободно. Они должны знать, что их инициатива не будет пресечена или высмеяна. Моя падчерица Вирджиния любит громкую музыку. Я не выношу какофонии, но я не стану запрещать Вирджинии слушать музыку на полную катушку. Мы устроили в ее комнате звукоизоляцию.

– Дети должны расти в атмосфере любви и свободы. И тональность общения взрослых и детей может быть разной. Родители могут говорить с детьми громко, но это еще не будет означать, что они авторитарны. Дети особенно чутко различают, где к ним относятся плохо, а где хорошо.

– Безусловно. Но есть еще и такая авторитарная строгость, когда родители грубы с ребенком, когда постоянно недовольны им, подозрительны, не делают скидок на возраст и индивидуальные различия. В таких условиях ребенок вырастает малодушным, бесцветным или жестоким человеком.

Спок как бы вычленяет два вида строгости. Строгость, основанную на доброте, и строгость, замешенную на раздражительности, нетерпимости, ожесточенности. Последняя и формирует жестокого человека, а иногда и озлобленного преступника.

Слежу за мыслью Спока, который напоминает: он же об этом подробно рассказал в своих книжках.

Молчу не потому, что я этих мыслей Спока не знал, а потому, что я убежден еще и в том, что все это не так просто, что за всеми этими в общем-то правильными рассуждениями доктора стоит нечто большее, чего Спок не касался в своих книжках. Почувствовал ли он эти мои ожидания – не знаю, но он понял отлично, что я жду от него какой-то особенной диалектики взаимоперехода и взаимосвязи различных манер воспитания, которую он и раскрыл в своей беседе. В общем, все выглядело так: строгость не исключает мягкости, а мягкость без строгости опасна.

12. Педагогика Любви и Свободы сопрягается с философией ненасилия

При мягком обращении, как и при строгом, говорит Спок, можно воспитать послушного ребенка, если ваше воспитание основано на уважении к личности сына или дочери. Дело не в том, что родители предпочитают непринужденность в обращении и не настаивают на абсолютном послушании и аккуратности. Важнее другое: чтобы ребенок любил людей – это поможет воспитать общительного и внимательного к другим людям человека… И снова оговорка, как бы возвращающая канву его мыслей на тот самый первый круг, на котором расположена строгость, основанная на доброте. Мягкость тогда даст положительный результат, если родители не побоятся проявить твердость в тех вопросах, которые они считают особо важными.

Мягкость тогда даст положительный результат, если родители не побоятся проявить твердость в тех вопросах, которые они считают особо важными.

– При мягком воспитании можно получить, значит,

и скверный результат?

– Разумеется, – утверждает Спок, снова недовольный тем, что я вклинился в его слаженные построения. – И это случается тогда, когда родители не ожидают от ребенка понимания их потребностей, когда бездумно подчиняются ребенку, когда ущемляют себя в своих человеческих и родительских правах. Когда у слишком мягких родителей вырастают назойливые, избалованные дети, то это вовсе не потому, что родители баловали детей, а потому, что они стеснялись или боялись настаивать на своих требованиях, или потому, что бессознательно поощряли детский деспотизм.

13. Необходимо воспитание у ребенка потребности в труде

Нельзя забывать о том, что вся система американского воспитания наполнена трудом. Нужно величайшее терпение, чтобы сделать труд потребностью ребенка. Это терпение, возможно, и есть наиважнейший метод формирования личности.

Я сказал Споку, что американские дети много работают. Зарабатывают деньги. Например, четырнадцатилетний Марк Маккафи, сын фермера, имеет на своем счету достаточно приличную сумму, чтобы купить, скажем, мотоцикл, а затем однокомнатную квартиру. Он сам заработал деньги. С трех лет участвовал в поливке огорода. Так, по крайней мере, он сам мне рассказал. Спок слушает и кивает головой: это так обычно для Америки… Я заметил, что у наших детей нет возможности зарабатывать деньги, хотя дети с удовольствием бы работали. Спок пожимает плечами: это, дескать, не самое главное. Он вдруг стал говорить о чрезмерной мягкости родителей как о вредном явлении в американском семейном воспитании, как о самой острой проблеме, возникшей потому, что нынешнее поколение родителей не желает поступать по отношению к детям как к людям второго сорта, ругать и лишать их всего. Многие родители не признают строгости как педагогической ценности, а усвоенные ими новые социально-психологические установки, рассчитанные на воспитание добротой, не подкреплены ясным пониманием твердого педагогического руководства, которое непременно должно исключить какую бы то ни было распущенность и вседозволенность. Таким образом, родители оказались как бы на полпути.

Лучший метод воспитания, по Споку, – «метод терпения», который вовсе не означает вседозволенность, а скорее родительское умение ждать. Если ребенок не откликается

на поощрение, то наказание только ухудшит дело, поэтому надо подождать, избегая раздражения и отчаяния, позволить ребенку проявить свою независимость и самостоятельность и, выбрав удобный момент, возвратиться к своим требованиям.

14. Чувство любви формируется любовью

Научить ребенка любить людей может только тот, кто сам умеет любить. Истинная любовь – это необыкновенно трудно, потому что любовь, как и свобода, обязывает, бескомпромиссно требует отдавать самое лучшее, что есть в человеке. Истинная любовь – всегда разрешение противоречия между творческим «я» и моральной нормой.

Всеобщей основой воспитания Спок, как и Сухомлинский, считает потребность в *другом человеке,* потребность любить людей. Научить ребенка доброте – в этом главная направленность воспитательных действий родителя. Если ребенок не сумеет полюбить людей, то невозможно будет даже научить его поверхностным манерам.

– Но что значит научить любить людей? Каких людей? Как это возможно в обществе, построенном на несправедливости? Где тот предел истинной доброты, который смыкается с подлинной гражданственностью?

> Всеобщей основой воспитания Спок, как и Сухомлинский, считает потребность в другом человеке, потребность любить людей.

Я явно лезу на рожон со своими вопросами. Нет, я не вступаю со Споком в политический спор. Свою позицию Бенджамин Спок сформулировал достаточно ясно. Но для меня все время будто остается в тени, где-то в неясной глубине ответ на вопрос – что является сутью человеческой доброты…

15. Истинный воспитатель, истинный отец и мужчина всегда гражданин, любящий ближних

Я вижу Спока как бы в двух измерениях. В одном – Спок, у которого все правильно, мудро, величественно: богат, любим, добился в жизни самого главного – говорить вслух, без оглядки всё, о чем думает, не скрывая своих убеждений. И дело не только в его олимпийских и политических победах, в том, что его признала общественность мира, он еще и по-человечески счастлив: вот моя молодая жена, вот мои

талантливые сыновья, мои внуки, мои увлечения, мои прекрасные яхты. И для такого Спока нет особенных проблем в любви. Здесь любовь ограничивается методическим советом, здесь ее общечеловеческий смысл зауживается до элементарной общечеловеческой нормы действия, обязательных микроначал, которые свойственны роду людскому. Действительно, если больной просит воды, ему принесет каждый – и в этом не будет любви, не будет нравственного содержания. Ибо здесь нет выбора, нет противоречия между личным творческим «я» и моральной нормой.

Но есть еще другой Спок. Отважившийся выступить против веками складывающейся иерархии насилия, унижения, деспотизма. Решившийся пойти за свои убеждения на тяжкие испытания. Это Спок страдающий, Спок, счастливо избежавший суровой кары в несправедливом обществе.

И для такого Спока доброта становится проблемой, непосредственно связанной с коренными вопросами жизни общества. Здесь начинаются искания. Снова замечу: где дело касалось забот детского врача, где Спок был специалистом, там он давал исчерпывающие ответы. А где сложная противоречивость вышла за пределы его компетенции, где необходим серьезный и глубокий философский, этикопсихологический анализ, там Спок оказался несколько беспомощным. Мне хотелось бы, воспользовавшись некоторой аналогией, обозначить связь между гражданскими убеждениями педагога и его методикой общения с детьми.

* * *

Ушинский… Поразительное сходство у всех больших педагогов. Даже во взглядах на доброту – строгость и любовь. И связь между макроустановками и микроприемами аналогичная. Ушинский в своей семье был, как и Спок, добрым и строгим по отношению к детям. И его нежная любовь не исключала суровой требовательности. Вот как об этом пишет его дочь В. К. Ушинская (Пото) в своих воспоминаниях об отце: «И в обхождении с нами далеко не было любовности к нам от родителей или любования нами, ласки без конца… Но наоборот, чувствовалась при внимательном отношении к нам какая-то сдержанность. Ласка была редкостью, но редкость, кажется, особенно чувствовалась и потом долго не забывалась. Может быть, отец и чаще ласкал бы нас, но нас было много, и, может, боязнь обидеть при этом, обойдя кого-либо из нас, была

отчасти причиной, а чувство справедливости ко всем нам было особенной его чертой… Другой стороной его отношения к нам, детям, было строгое преследование исполнения нами своих маленьких детских дел. Это сказалось как в уроках и занятиях с нами, так и в требовании от нас той детской помощи, которую мы, особенно старшие, могли оказать в семейной обстановке… Он и потом редко допускал нас высказывать безапелляционные мнения и критиковать с видом знатоков то, что было выше наших суждений».

16. Любовь, свобода и труд – главные добродетели

Итак, три добродетели: любовь к детям, основанная на свободе и справедливости, труд как форма саморазвития и свобода мысли, основанная на глубине познаваемой культуры.

И эти три добродетели неразрывно связаны со всем мировоззрением Ушинского, его политическим и философским кредо, с его могучей идеей народности и верой в человеческий прогресс. Я невольно сравниваю некоторые позиции Ушинского и Спока в таком важнейшем вопросе, как отношение к милитаризму. Русский педагог так же резко, как впоследствии знаменитый американец, выступал против войны и насилия.

Соответственным было и отношение к Ушинскому со стороны властей, официоза. Его книги, как и книги Спока, признаются вредными; многие находят, что они дурно влияют на молодежь, развращают. Об этом писал Ушинский в одном из частных писем к товарищу министра просвещения И. Д. Делянову: «…название *вредных книг* кладет самую оскорбительную печать на всю мою педагогическую деятельность. За что же это? Неужели за то, что я всегда шел прямой дорогой?»

Нет, разумеется, Ушинского преследовали не за то, что он исповедовал «методическую доброту» (больше ласки и меньше строгости), а за его дух, за его настроенность, которая выразилась в верности декабристским идеям, клятве, сформулированной им в юношеские годы рылеевскими словами: «Известно мне: погибель ждет того, кто первый восстает на утеснителей народа»; за его сотрудничество с «Современником», за его солидарность с освободительным движением шестидесятников, за его пламенную любовь к народу.

Три «методические добродетели», так сказать, на микроуровне сомкнулись со своим основанием на макроустановках: любовь к народу, труд, избавляющий каждого от эксплуатации, справедливое просвещенное устройство общества. Нет, не так уж все просто с этой самой добротой.

Неслучайно проблема доброты в философии и педагогике на протяжении веков волнует человеческие умы.

Понятие доброты, как и понятия любви и свободы, неизбежно превращается в схоластическое, если оно отрывается от сегодняшних забот трудового человека, той несправедливости, которая царит в мире.

И когда я увидел, что Спок это хорошо понимает, он еще более вырос в моих глазах.

17. Родитель – Учитель и Пророк

Как бы родители ни замыкались в рамках своей семьи, все равно судьбы детей связаны с огромным социальным миром, с космосом человеческого бытия, с Божественными началами мироздания. Именно поэтому родитель – это и Учитель, и Пророк: в душах добрых и любящих отца и матери есть что-то от святости, от Господа Бога.

Две глобальные мировые идеи смыкаются во всей деятельности Спока, во всем его облике, в каждом движении, в каждом утверждении. Это идея судьбы ребенка, его счастья, его самочувствия. И вторая – это идея человечества, идея спасения жизни.

Как бы родители ни замыкались в рамках своей семьи, все равно судьбы детей связаны с огромным социальным миром, с космосом человеческого бытия, с Божественными началами мироздания.

Потому Спок и представляет две свои главные должности на земле: «Я буду исходить из своего опыта детского врача, а также противника войны во Вьетнаме». Именно такими словами начал он свое выступление на пленарном заседании международного фестиваля в Артеке. И Спок развивает эти главные свои, глобальные идеи таким образом:

– Школы могут быть могучим средством в воспитании уважения и любви ко всем народам и расам. Школы должны воспитывать отвращение к войне и всем формам насилия. Этим аспектом обычно пренебрегают в Соединенных Штатах частично потому, что у нас не было сражений (или бомбежек) на нашей территории уже больше двухсот лет, в противном случае ужас войны был бы свеж в памяти народа. Другая причина заключается в том, что в США приняты другие виды насилия со времен еще первых поселенцев: насилие против коренного населения Америки – индейцев, а также негров. А в более поздние годы –

насыщенные насилием телевизионные программы и кинофильмы, которые изготовляются по заказу промышленных кругов, заинтересованных в сбыте своих товаров. Исследования четко показывают, что насилие на экране стимулирует в некоторых зрителях стремление совершить реальное насилие, а также понижает всеобщий моральный уровень. Американские реакционные круги поощряли появление определенных тенденций – например, грубого индивидуализма, жестокой конкуренции в ущерб гуманным ценностям. Это в значительной степени привело к высокому уровню преступности и той легкости, с которой руководители нашей страны втягивают ее в войны и в другие, не менее трагические виды вмешательства…

Мне кажется, что Спок и стал большим педагогом именно потому, что его частная педагогическая и медицинская деятельность шла вровень с масштабами мировых проблем. Ведь педагогика неотделима от политики. А вопрос, для чего и как мы растим детей, неизбежно выводит и на проблемы государственного устройства, и на проблемы взаимоотношений между народами. Сегодня мы окружены войной. Гибнут дети. Сотни тысяч семей остаются без крова. Но даже в этих суровых условиях не может прекратиться воспитательный процесс в семье. Ежедневно родители вынуждены решать проблемы развития детей, их физического и духовного роста. Каждый родитель поставлен перед необходимостью организовывать их жизнь, учение, игру, творчество. Здесь крайне важно формирование детской целостности. Целостности как гармонии, которая выступает, больше чем где-либо, как единство различного, где различное обнаруживает себя в детской образности, в детском характере, в детской яркости, в детской самобытности, в детской неиссякаемой энергии.

Здесь крайне важно формирование детской целостности. Целостности как гармонии, которая выступает, больше чем где-либо, как единство различного, где различное обнаруживает себя в детской образности, в детском характере, в детской яркости, в детской самобытности, в детской неиссякаемой энергии.

18. Учиться у Природы

Экология детства и экология воспитания призывают нас, родителей и педагогов, учиться у великой матери – Природы. Всматривайтесь, как растут розы и васильки, как живут пчелы

и муравьи, ели и березы, яблони и вишни, и вам откроется немало секретов подлинного искусства воспитательной практики.

Книги Спока стали педагогическими бестселлерами, потому что Спок, даже когда говорит об отношении ребенка к еде, сну, одежде, даже когда говорит об особенностях питания, о жирах, крахмале, сахаре, – не утрачивает специфики понимания детскости. Это не просто доступность изложения, это и та целостность видения, которая через конкретность образа передает необходимый характер отношения к растущему человеку, где всегда присутствуют доброта, смех, игра, поощрение.

У литературы, как и у педагогики, предмет один – человек, его мир, его противоречия, его радости и тревоги. Кроме того, педагогика нынешняя, как наша, так и зарубежная, допускает порой одну и ту же ошибку: не использует в качестве метода анализа детской жизни художественное обобщение, в котором целостно, нерасчлененно передается типичность тех или иных состояний детства. Грустно, что слово «эмпирическое» в значении педагогической конкретности стало чуть ли не ругательным, а влияние личности воспитателя на душу ребенка считается чем-то второстепенным – на том основании, что наука будто бы исследует не личностные влияния, а действия «форм, методов, средств» и т. п. Это пренебрежение к подлинно человековедческим проблемам воспитательного процесса лишает педагогику полноты жизни, яркости и образности передачи подлинных процессов, которые совершаются в общении взрослых и детей. И объясняется это двумя причинами. Первая – невежество, нежелание и неумение разобраться в природе детства. И вторая – увлеченность схемами, неизбежно превращающаяся в наукообразие и схоластику.

В педагогике органично соединено и масштабное, и то малое, что составляет суть жизни человека. И близкое – то, что непосредственно формирует. И далекое – то, что является гарантией тех или иных условий жизни: политических, экономических, трудовых, эстетических. И эта масштабность непременно проходит через тончайшие капилляры «малого», через зауженность близкого, через психологические механизмы развития личности… Произнося столь высокоумные слова, невольно думаешь и о том, что ребенок – природное существо. Он растет независимо от влияний и психологических механизмов. Точнее, он скорее как бы преодолевает эти влияния, опережая воздействие воспитателей. Его микромир сам по себе масштабен и является своеобразным педагогическим космосом. Когда мы неожиданно замечаем, как вырастают яблоки, или зреет виноград, или краснеют помидоры, или вдруг отмечаем,

что зазеленела трава, мы фиксируем резкие рубежи роста, резкие изменения в природе. В детях эти перемены столь же резки и значительны, только мы, взрослые, их часто не замечаем, – точнее, замечаем их нередко с большим опозданием. Чаще всего ребенок сам заявляет о своих переменах, заявляет подчас грубо и настойчиво, как бы настаивая на том, что он, ребенок, уже не тот сегодня, каким был вчера. Дети чрезвычайно близки к природе и оттого, возможно, кажутся иной раз мудрыми и всевидящими; потому, наверное, и говорят в народе: устами младенцев глаголет истина. Кстати, мы не замечаем детскую мудрость, не придаем ей должного значения, потому что в нормальных проявлениях духовного роста ребенка усматриваем своенравие или максимализм. А между тем подростковый максимализм не есть вообще характерная черта детей старшего возраста, а скорее рубеж, начало процесса взросления. Подросток, оказавшись на этом рубеже, ведет себя по-разному, склонен к поступкам, последствия которых часто непредсказуемы, и педагогу необходимо угадывать появление опасных симптомов. Конечно, психологические состояния подростка в разных социальных условиях проявляются специфично и могут приводить либо к полнейшему краху личности, либо к нравственно-эмоционально-эстетическому подъему всех сил растущего человека. Как бы то ни было, а психологическая закономерность эта подмечена и психологами, и педагогами, и литераторами. Кстати сказать, обращаясь к литературным героям, педагог оказывается более вооруженным и психологически, и эмоционально.

Я давно обратил внимание, что воспитатель нередко правильно воспринимает литературного героя-мальчонку, проникается его заботами, тревогами, радостями. Но видя такого же ребенка в жизни, относится к нему по-иному. Кто из преподавателей литературы не сочувствовал, скажем, дубовскому беглецу, у которого и двойки, и конфликты в семье, и бродяжничество? И сколько в жизни таких ребят стояло в учительских, и как те же педагоги-словесники отчитывали детей, не верили их искренним доводам, ибо их вид не внушал доверия, пугал, отталкивал: пуговицы оборваны, брюки в грязи, ссадины на руках… весь он, этот мальчуган, полон злобы, нетерпения – ах, как это все раздражает порой педагогическое «я». Я не помню класса и школы, где бы не было такого максималистски настроенного мальчишки. Точнее, там, где их не было, жизнь детского коллектива превращалась в тошнотворную скуку, а дисциплина вырождалась в отвратительное смиренное послушание, когда любая

несправедливость принималась как должное, замалчивалась, утопала в безразличии.

Я недавно встретился со своим воспитанником Леней Сомовым. Как его несло в свое время на вершины максимализма, как он обвинял ребят, педагогов, родителей – все не по правилам, все нечестно. И девчонки такие хитрые бестии, и товарищи такие ничтожества, и педагоги – им палец в рот не клади: обманут.

В эти мгновения бушующего подросткового отрицания будто взрывается вся энергия человека, накал страстности появляется такой, что готов уничтожить и других, и себя. Как снять это состояние? Как помочь? Как прийти на помощь ребенку? Загонять энергию внутрь – все равно что пытаться приостановить пулю из выстрелившего ружья! И эта же энергия, только что казавшаяся губительной и разрушительной, вдруг, если ее направить вовремя, становится созидательной силой, тем единственным скрепляющим материалом, без которого не может быть становления ни коллектива, ни личности.

19. Творить социально-нравственное воспитание

Истинное воспитание не может быть не-демократичным, не-социальным, не-гражданским. Воспитывая сильную нравственную личность, мы фактически создаем, и то нравственное поле, которое организует нравственную среду, творит нравственное социальное воспитание, формирующее Человека и Гражданина.

Социальность и гражданственность охватывают и дальние, и ближние социальные пределы, микромир (общение с близкими) и макромир – общение с дальними, с людьми своей страны, с людьми других стран. Конечно же, современные дети присматриваются сегодня к тому, как живут их сверстники на Западе. Нам долго внушали, что капитализм – это плохо. Теперь внушают, что капитализм – это очень хорошо. Но и там, на Западе, есть свои беды, есть своя отчаянная борьба за справедливое устройство мира. И там, на Западе, как и у нас, есть подвижники и правдоискатели, исповедующие истинную Любовь к людям и истинную Свободу. Я не могу принять эксплуататоров и реакционеров ни у нас, ни на Западе, и этому учу детей.

Нет, я совсем не хотел обидеть Бенджамина Спока, когда стал говорить, что природа доброты определяется и характером распределения благ.

– Я не знаю, как вы себе представляете капиталистов? – несколько с раздражением сказал Спок. – Я тоже принадлежу в какой-то мере к этому миру. Когда говорят о жестокости

капиталистов, допускают некоторые искажения. В личной жизни капиталисты не жестоки. Они любят своих детей, семью. Глава династии Дюпонов был большим другом матери моей первой жены. И он постоянно искренне говорил о любви к своему шоферу. Но в то же время вел яростную борьбу с профсоюзами, которые боролись за улучшение положения рабочих «Дженерал моторс».

Эти люди относились к рабочим как к пиявкам. И это представление о рабочих как о пиявках сложилось потому, что они очень далеки от них. Многие социологические исследования подтверждают, что у людей легко вырабатывается чувство страха по отношению к тем, кого они плохо знают.

Мне трудно определить, что Спок имел в виду, когда заметил, что это очень хорошо, что Артек пригласил к себе в гости и его, Спока, и многих других. Но его заключительная фраза: «Мы такие же, как они», – прозвучала для меня так: «Многие капиталисты не есть наши враги». И Спок пояснил: «Капиталистов ценят по той прибыли, которой они добиваются. И эта погоня за прибылью заслоняет им порой возможность видеть народ, улучшать его жизнь, медицинское обслуживание, образование».

Сила Спока в оригинальности его противоречий. Он всем ходом своих суждений утверждает коллективизм как главное звено в воспитании. И он выступает против коллективизма – по исключительно политическим соображениям. Он за развитие личности – всестороннее и гармоническое. И отлично понимает, что оно невозможно в обществе неравенства. Спок ратует за процветание сознательности и ориентируется на фрейдовское бессознательное. Он ратует за воспитание уважения к учителям и родителям, и он же призывает, когда это необходимо, сопротивляться установкам учителей, родителей. Он борется за самодеятельность детей, за полную самостоятельность. И он апеллирует к твердому руководству, без которого не может быть воспитания.

20. Гуманизм противоречив и всегда требует развития, внесения коррективов. Гуманизм без движения – духовная смерть

Спок – прагматик. Но его прагматизм, основанный на здравом смысле и на человеческой мудрости трудовой Америки, разумен. И поскольку вся антиавторитарная направленность педагогики Спока связана с отрицанием и существующей системы эксплуатации, и политической лжи,

и экономической структуры американского общества, то общая гуманистическая позиция четко просматривается в любом, казалось бы, прагматическом объяснении метода или приема.

Спок – ниспровергатель тех «ценностей», которые против человека. Поэтому его гуманизм действен. Гуманизм – это его идеал, его вероисповедание. Конечно же, я не все узнал о Споке, но, зная общую направленность прогрессивной, гуманистической педагогики Запада, склонен был сделать вывод, что у нас есть и должны быть точки соприкосновения, особенно в трактовке частных приемов воспитания. Я заговорил со Споком о Сухомлинском, о его идеях. Спок заметно оживился.

Я не берусь сравнивать идеи Сухомлинского и Спока; это во многом разные педагоги. У них разные характеры, разное поле деятельности. Один – директор школы, другой – детский врач. Но у них много общего, поскольку и Сухомлинский и Спок вобрали в себя те прогрессивные ценности, которые всегда были дороги человечеству в борьбе против различных форм дегуманизации воспитания. Общее у них в том, что оба создали добрые педагогики. И конечно, тот факт, что в Соединенных Штатах Америки оказался такой прогрессивный мыслитель, как Спок, примечателен еще и тем, что политические взгляды Спока переплетаются с его педагогическими установками. Спок выразил общечеловеческое в воспитании, поэтому и покорил мир.

21. Все реакционные системы воспитания всегда претендовали на гуманизм, демократизм и гражданственность

Как это ни парадоксально, но даже выдающиеся педагоги нередко заблуждались в оценке тех или иных социально-педагогических явлений.

Не будь в обиду сказано Споку, но тогда, в 1975 году, когда меня, как затравленного волка, со всех сторон преследовали функционеры и высокопоставленные чиновники, мне было неприятно, когда он говорил, что СССР – страна с самым совершенным строем.

Он еще знает такую же справедливую страну – это Израиль. Он ставил знак равенства между страной и детьми. Он постоянно подчеркивал, что сожалеет о том, что в Артек приехали не 32 миллиона американских школьников, а всего лишь 32 подростка. Спока невозможно было оторвать от детей: он всматривался в их лица, играл с ними, спрашивал, отвечал на вопросы, трогал руками. Он органично вписался в это удивительное королевство детской радости. Его мажорная

педагогическая линия как бы нашла для себя благодатную почву в среде общительных, доверчивых и открытых ребят из нашей страны и социалистических стран, стран Африки и Азии. И, как и следовало ожидать, его тянуло к вьетнамским детям: высокое интернациональное чувство Бенджамина Спока сливалось с его добрым пониманием детства. Я невольно сравниваю педагогические интонации Спока и Сухомлинского. Мне особенно дорога грустная глубинно-нравственная позиция последнего (научить ребенка видеть в чужих глазах не только радость, но и горе, одиночество, безысходность; научить ребенка любить детей, маму, папу, дедушку, бабушку, свой родной дом, свою родную землю), его ориентация на воспитание таких качеств, как сочувствие, сострадание, соучастие, сотрудничество, его постоянные апелляции к человеческой совести, к индивидуальным ее границам, к бескомпромиссности нравственных норм.

– Как? Научить любить? Разве это возможно? – спрашивает меня Спок.

– А разве нельзя научить?

– Конечно, нельзя научить, потому что ребенок сам, через свой опыт, должен приобрести эти свойства.

– Правильно. Известную педагогическую формулу можно было бы выразить так: «Человек является творцом и своего собственного воспитания, и самого себя».

– Это формула? – спрашивает Спок: ему очень пришлось по душе это положение.

– Педагогическая авторитарность как раз и начинается там, где на этом основополагающем принципе ставится крест. Все реакционеры всегда и всюду были сторонниками авторитарного воспитания. Что думает по этому поводу мистер Спок?

– Похоже, что так.

И Спок рассказывает, как он прочел однажды своему противнику слова о том, что нельзя судить о воспитанности по тому, как ребенок ест или сидит за столом, на что этот сторонник жесткого воспитания заметил: «Вот с этого как раз и начинается распущенность и безнравственность». Спок смеется и продолжает:

– Тогда я сказал, что эти слова принадлежат Сократу! Но для него Сократ не авторитет…

22. Преодолевать в самих себе страсть к насилию – это задача не только сегодняшних поколений, но и будущих

Так называемый гомо советикус в педагогике – это неуемное чванство, высокомерие, презрение к слабым и нравственный деспотизм.

Мне очень хотелось поделиться со Споком мыслью о том, что психологические корни авторитарности таятся в чрезмерном честолюбии взрослых, в абсолютизации своей власти, в непонимании прекрасной природы детства. Но Спок будто почувствовал мое намерение, сам заговорил примерно о том же:

– Эти люди (имеются в виду авторитаристы. – *Ю. А.)* сами в чем-то неполноценны. Они видят в каждом ребенке потенциального преступника, потому что сами являются сформировавшимися преступниками. Они подсознательно завидуют молодежи. И этот мотив зависти приводит их к агрессивным выступлениям против любых частных действий молодого поколения.

> Психологические корни авторитарности таятся в чрезмерном честолюбии взрослых, в абсолютизации своей власти, в непонимании прекрасной природы детства.

Меня поразила мысль о зависти авторитаристов к молодому поколению. Это интересное, хотя совсем не новое объяснение причин и источников авторитарности. Аналогичную мысль высказал и Лев Толстой, подвергая критике существующие в царской России методы воздействия на детей. «Воспитание есть возведенное в принцип стремление к нравственному деспотизму, – писал он. – Воспитание есть – я не скажу – выражение дурной стороны человеческой природы, – но явление, доказывающее неразвитость человеческой мысли и потому не могущее быть положительным основанием разумной человеческой деятельности – науки. <…> Воспитание есть стремление одного человека сделать другого таким же, каков он сам (стремление бедного отнять богатство у богатого, чувство зависти старого при взгляде на свежую и сильную молодежь, – чувство зависти, возведенное в принцип и теорию). Я убежден, что воспитатель только потому может с таким жаром заниматься воспитанием ребенка, что в основе этого стремления лежит зависть к чистоте ребенка и желание сделать его похожим на себя, то есть больше испорченным».

23. Научиться распознавать семейные авторитарные тенденции – одно из важнейших условий нормального человеческого воспитания

Стремясь как-то подытожить беседу, я задал Споку вопрос в несколько более развернутой форме:

– Гуманистическое воспитание противоречит авторитарной социальной системе, где, как правило, немало демагогов, воров и грабителей, лжецов и проходимцев. Реакционеры всех видов заинтересованы в воспитании частичного человека, функционера, всесторонним образом приспособленного к системе. Это, в общем-то, вы показали довольно обстоятельно. Но есть еще и другая сторона – психолого-педагогическая. Как воспитывать сильную личность, практического, целеустремленного человека, способного противостоять злу, обеспечить свою семью и воспитание детей? Как преодолеть авторитарность в поведении воспитателя?

Я знаю о том, что Бенджамин Спок интересуется проблемами преодоления авторитарности не только в семейном воспитании, но и в условиях школы и, если можно так сказать, во внешкольной работе. Его старший сын Джон – директор уникального детского музея игр в Бостоне.

– Это такой замечательный музей, где на детей никто не кричит, где ребятишки могут все трогать руками, скажем, залезть в вигвам и смолоть муку из кукурузы, как это делали аборигены, – поясняет Спок. – Вот этот антиавторитарный принцип должен пронизывать все воспитание и в школе, и вне ее.

И мы начинаем говорить о некоторых нюансах преодоления авторитарности; не все же объясняется влиянием среды, есть еще и общие психологические правила, основанные на законах развития детства.

Порой педагога-авторитариста, замечаю я, внешне нелегко отличить от подлинного мастера, гуманного в своих целях, результатах, способах их достижения. Эта трудность кроется не только в изощренности почерка авторитариста и даже не в блистательной манере исполнения педагогических приемов. Трудно распознать авторитарную технологию еще и потому, что авторитарист-виртуоз все усилия направляет не на демонстрацию своей силы, а на то, чтобы скрыть ее. Там, где подлинное мастерство мучительно ищет ответ на вопрос, какое действие лучше применять, чтобы поднять человека, авторитарист решает просто и быстро. Ведь куда легче разрушить, смять, принизить. Для педагога-авторитариста система отношений подобна тонкой и прочной сети, которую даже не он, а сами дети набрасывают на себя. Он руководит этим процессом самозапутывания. Если подлинный мастер все время думает над тем, чтобы система отношений помогала развитию задатков и способностей ребят, творческих созидательных сил

в детском коллективе, то педагог-авторитарист до предела сужает сферу самостоятельной деятельности, поощряя лишь ту, которая способствует утверждению авторитаризма, бессловесному послушанию, разобщению в среде детей.

Преодоление авторитарности – одно из главных условий научного, подлинно авторитетного педагогического руководства. И здесь главное – высокая культура воспитателя, его способность выработать в себе четкое, не допускающее никаких отклонений, примесей, опошлений, искажений научное педагогическое мировоззрение; ясная позиция в подходе к детской самодеятельности и к своей собственной роли в ней. Суть этой позиции в том, чтобы уметь заметить рядом с собой и поддержать нравственные силы, сделать все для их утверждения и развития (а эти силы всегда есть в детском коллективе, в педагогическом коллективе, в нас самих, в окружающей школу социальной среде) … Таким образом, заключаю я, единственный способ преодоления авторитарных элементов – это широкое развитие демократических начал, воспитание гражданственности и человечности. Только при таких условиях может вырасти хороший семьянин и хороший гражданин.

Бенджамин Спок соглашается с моими доводами и приводит пример в пользу гуманистического воспитания:

– Я служил во время войны в морском флоте в качестве врача-психиатра. Наши главные усилия были направлены не на избавление людей от страха, а на выявление людей, подходящих к службе в этом трудном роде войск. Два года у нас ушло на то, что мы выявляли мелких преступников, которые всегда были и плохими солдатами. У них не было ответственности ни перед флотом, ни перед родиной. Хорошими солдатами оказывались те, кто был и хорошим гражданином, и добрым человеком, которые приобрели ранее опыт уважения к своим учителям и к родителям.

Сильная личность, по Споку, – это те парни, которые и сейчас выступают против войны, те, которые и сейчас борются против дискриминации цветного населения, против любой социальной несправедливости.

Конечно, эта борьба сложна, поскольку молодежи приходится выступать и против своих близких, родных, знакомых: очень многие родители были возмущены своими детьми, которые отказались служить в армии и тем самым испортили себе карьеру.

– Какой же вывод? – спрашиваю я.

– Менять надо всю систему, – отвечает Бенджамин Спок.

– Конечно же, кроме социальных проблем, есть еще

и проблемы сугубо психолого-педагогические, – говорю я. – Как воспитать счастливого человека – один из труднейших вопросов.

– Несомненно, – отвечает Спок, и мы долго обсуждаем с ним, насколько индивидуальны представления людей о счастье, насколько эти представления зависят от традиций и культуры того общества и того окружения, в котором сформирован воспитатель, в котором живет и воспитывается современный ребенок.

Глава 2
Проблемы народности и культуры семейного воспитания в трудах К. Д. Ушинского

1. Только личность способна воспитать личность

Эта формула принадлежит Константину Дмитриевичу Ушинскому. Против нее и поныне выступают приверженцы макаренковской педагогики. Мне бы хотелось рассмотреть некоторые идеи Ушинского, которые нельзя отделить от проблем семейного воспитания, – это идеи народности, государственности, личности и культуры. Между личностью и культурой прямая связь. Культура есть развернутый во времени мир человека. Личностью я называю нравственного человека, для которого любовь и свобода – главные человеческие ценности. Подлинно нравственная личность не замыкается на своих узких интересах. Она живет тревогами своей семьи, своего народа, а следовательно, и государства. Только крепкая, независимая духовно и материально, нравственная семья создает крепкое, правовое, культурное, духовно-творческое государство. Государственность, ущемляющая семью, неизбежно оборачивается тоталитарностью. Ушинский заботился прежде всего о народном воспитании, полагая, что специальные пансионы для богатых – институты, кадетские, пажеские корпуса и лицеи имеют достаточно средств, чтобы построить эти учебные заведения в соответствии с требованиями науки. Не отрицая значимости привилегированных школ, он помогал им развиваться в соответствии с народными интересами. Сегодня эти вопросы оказались для нас крайне острыми. В большинстве своем частные школы, специальные детские сады, лицеи, средние и высшие учебные заведения доступны лишь состоятельным родителям. В них изначально заложена тенденция отгородиться от «демоса». По сути, народное образование перестало быть таковым…

2. Семье и образованию нужны личности, подобные личности Ушинского

Возрождение отечественной культуры связано не только с возрождением идей, но и, главное, – с возрождением образа жизни людей, причастных к образованию.

Вот почему я хочу рассказать о личности Ушинского, творившего в период самых значительных социальных реформ XIX века. Всматриваясь в его судьбу, думаешь, как же недостает нам именно таких личностей, ибо без их света жизнь школы и семьи – тьма!

> Личностью я называю нравственного человека, для которого любовь и свобода – главные человеческие ценности. Подлинно нравственная личность не замыкается на своих узких интересах. Она живет тревогами своей семьи, своего народа, а следовательно, и государства.

Да, он был прежде всего патриотом своей страны, а затем уже педагогом.

Он был прежде всего демократом по убеждениям, а затем уже теоретиком.

Он был прежде всего кристально честным человеком, а затем уже методистом-воспитателем.

Когда соприкасаешься с личностью Ушинского, невольно приходит на ум определение, данное Белинскому, – неистовый.

Представьте себе молодого человека, худощавого, выше среднего роста, крайне нервного. Лицо резко выделяется своей бледностью в строгой раме черных как смоль волос; тонкие бескровные губы и проницательный взор, который, кажется, видит человека насквозь. Каждое движение подчеркивает сильный характер и упорную волю. «Мне кажется, – вспоминает о нем одна из его учениц, Е. Н. Водовозова, – если бы знаменитый русский художник В. М. Васнецов увидел Ушинского, он написал бы с него для какого-нибудь собора тип вдохновенного пророка-фанатика, глаза которого во время проповеди мечут искры, а лицо становится необыкновенно строгим и суровым. Тот, кто видал Ушинского хотя раз, навсегда запоминал лицо этого человека, резко выделявшегося из толпы даже своею внешностью».

Прибавьте к этой характеристике еще и высокие его помыслы – все для России, все для любимой родины, его открытую непримиримость к косности, к казенной официальной науке, к мерзостям самодержавия, высокую образованность – и тогда станет понятным его тернистый жизненный путь в условиях социальных реформ его времени.

Его жизнь – напряженная борьба. Непримиримая, неравная… Это была борьба бескорыстного человека с силами зла. Человека, который поставил жизненной целью (об этом он написал в своем дневнике) «отдать все потомкам… не ждя награды ни на земле, ни на небе, знать это и все-таки отдать им и жизнь свою – велика

любовь к истине, к благу, к идее! Велико назначение!»

Это была борьба человека, который знал, что ему угрожают лишения, а возможно, и ссылка. Ведь не случайно его рукой в семейном альбоме как величайшее откровение, как клятва были написаны слова: «Известно мне, погибель ждет / Того, кто первый восстает / На утеснителей народа, / Судьба меня уж обрекла. / Но где, скажи, когда была / Без жертв искуплена свобода?»

«Будучи глубоко русским человеком, – писал о нем его друг и соратник Л. Н. Модзалевский, – Ушинский также был в полном смысле «западником», хотя и относился строго критически к западной науке и образованности вообще, а к западной школе – в особенности, немецких же педагогов даже недолюбливал за их нередко слишком сухой педантизм и излишнюю чисто кабинетную теоретичность. Потому и ратовал за то, чтобы в образовании Россия пошла не по немецкому, а по своему пути, используя тот опыт, который был накоплен уже в те времена Швейцарией, Америкой, Францией».

3. Культура и народность – вот без чего не может быть семейного воспитания

Я любил русскую литературу. Жил ею. Рассказывал детям о ее подвижнической роли, о готовности писателей понести любые жертвы во имя защиты народа, во имя защиты своих убеждений. Но одно дело – литература. Другое дело – твоя сегодняшняя жизнь. Я не ставил перед собой вопрос: «А любишь ли ты народ? А готов ли ты…» Такой проблемы не существовало. Мне просто было хорошо, когда я вырывался на сельские и лесные просторы, оказывался вдали от суетной моей школьной жизни, начиненной педантизмом, бумагами, отчетами, порядками, дежурствами, разбирательствами неуспевающих. Открывалось в душе что-то хорошее, что манило и рождало силы. Иногда я уходил с детьми в лес. Иногда, под предлогом посещения их семей с целью изучения условий быта и прочего, я вставал на лыжи и отправлялся за десять, а то и больше километров в глухие деревни, где встречался с суровым, бедным и вместе с тем прекрасным, трогательно-чистым миром простых людей.

Я видел, как общаются родители с детьми, как доверчиво послушны и исполнительны дети, какой свет излучают бабушки, какой покой царит кругом. Покой, в котором я так нуждался тогда. Я видел бедность моих учеников и их родителей и вместе с тем ощущал в простых людях величие духа. Я начинал понимать, что без этого духа образование – ноль, а вся

учительская работа – суета сует! Сегодня, бывая в сельских школах, устанавливаю: ничего не изменилось за последние сорок лет. Разве что стало хуже: больше преступности, пьянства, бродяжничества. И вместе с тем именно в простых трудовых семьях хранится то нравственное величие, которое прошло испытание голодом и нищетой, ссылками и лагерями. И при этом сохранило свою сущность. Может быть, это нравственное величие и надо прежде всего привносить в практику современного образования, в практику молодой семьи. Сегодня, ориентируясь на Запад, мы нередко забываем свои достоинства. А ведь об опасности подобного забвения еще в прошлом веке предупреждал Ушинский.

> Я видел бедность моих учеников и их родителей и вместе с тем ощущал в простых людях величие духа. Я начинал понимать, что без этого духа образование – ноль, а вся учительская работа – суета сует!

Замечу сразу: К. Д. Ушинский, развивая принцип народности в общественном воспитании, одновременно выступал против односторонних тенденций славянофильства и западничества.

Научные истины, по его мнению, могут быть общими, психологические приемы и методические находки, добытые в разных странах, могут быть использованы любым народом, но система воспитания в целом у каждого народа своя, со своими национальными особенностями, учитывающая уровень развития общества, специфику национального характера и творческие силы самых различных слоев страны.

Рассматривая историю народа как историю его политических прав, Ушинский писал: «…воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа… Всякая живая историческая народность есть самое прекрасное Божие создание на земле, и воспитанию только остается черпать из этого богатого и чистого источника».

Защищая самобытность русского народа, глубоко веря в его творческие силы, напоминая о всемирно известных подвигах простых людей своей страны в борьбе с различными интервентами, он предостерегал от слепого подражания другим нациям, стремился пробудить в учительстве подлинный патриотизм и национальное самосознание, чувство гражданского и человеческого достоинства.

У нации Гёте и Шиллера, Гегеля и Шеллинга можно и нужно учиться глубокому познанию основ наук, наклонности

к абстрактному мышлению, но непременно надо отбросить мелочный формализм, муштру и склонность к казенному педантизму…

Французские школы с блеском готовят артиллеристов и техников, инженеров и механиков. Ни одно учебное заведение в Европе не могло сравниться тогда с успехами Французской политехнической школы, основанной в 1794 году и за сравнительно короткий срок выпустившей свыше 4 тысяч образованнейших техников.

Но ограничиваться только образованием – значит совершать преступление перед своим народом. И тому свидетельство, по мнению Ушинского, позор наполеоновской Франции, безнравственной Франции, заклейменной навеки творениями ее лучших сынов – Бальзака, Золя и Гюго.

Внешний блеск и тщеславие, материальная польза и стремление пустить пыль в глаза «чудесами воспитательного искусства» – вот что мешает общественному воспитанию Франции. Вот чего должна остерегаться педагогика русского народа, из чьей грубой, казалось бы, серой, невежественной массы льется чудная песня, в которой черпают свое вдохновение поэт и художник, музыкант и философ, естествоиспытатель и филолог…

Он категорически не согласен с некоторыми немецкими педагогами того времени, утверждавшими, что можно быть крупным ученым и вместе с тем безнравственным человеком. Нет! Прежде всего человек, а затем уже образованность. И только в единстве, в неразрывной органической связи воспитания и обучения могут быть сформированы гармонически развитые личности – образованные и воспитанные люди.

Не принимает Ушинский в целом и английской системы образования, закованной в латы средневековой схоластики и существующей в лучшем виде только для аристократов.

Ревниво следит К. Д. Ушинский за тем, что делается в Америке. Отмечает демократизм в организации женского образования, введение в школах таких наук, как физика и астрономия, биология и химия, отделение школы от церкви. Но вместе с тем его поражает необыкновенное многообразие программ и учебных планов, отсутствие той научной системы, которую он видел в Швейцарии и Германии, которую мечтает претворить на народных началах в своем отечестве.

Во всех школах Западной Европы, сделает много позднее вывод Ушинский в своем главном труде «Педагогическая антропология», – «бесчисленное множество чужих, плохо переваренных фраз, которые, обращаясь теперь между людьми,

вместо действительных, глубоко осознанных идей затрудняют оборот человеческого мышления, как фальшивая монета затрудняет обороты торговли…»

Он отмечает, что в западных теориях много верных выводов и фактов, но еще больше ни на чем не основанной фантазии, головоломных и утлых мостов через неизведанные пропасти образования, и еще больше ложных и вредных советов.

> Что же является критерием использования научных достижений в создании национальной системы образования и воспитания? Что может стать основой педагогической теории? Ответ один – народность.

Как истинно народный педагог, он понимает, что ни одну из самых интересных систем и, казалось бы, научно обоснованных теорий нельзя перенести с Запада на русскую почву. Нельзя открыть чужим ключом свою дверь. Попытки без разбора переносить в свою страну путаные и формалистские теории, абстрактная неудержимость объяснять явления народной жизни чуждыми и надуманными понятиями есть не что иное, как уход от злободневных проблем воспитания, от самого человека, от конкретных детей и учителей с их тревогами и насущными нуждами. И в этом Ушинский до конца последователен и, позволю себе заметить, необычайно современен.

Что же является критерием использования научных достижений в создании национальной системы образования и воспитания? Что может стать основой педагогической теории? Ответ один – народность. Народность как глубокая вера в творческие силы своей страны, как вытекающий из этой веры императив – предоставить дело народного образования самому народу, освободить его от бюрократизма и чиновничества, построить систему воспитания в соответствии с особенностями различных наций в стране и историческими условиями их жизни.

4. Народность – это синоним святости

Народность – это жажда нравственной чистоты. Народность – это то великое природно-нравственное начало, которое делает народ соединенным с Богом, с Космосом, с Посвященными, с Культурами.

У меня постоянно вычеркивали слово «народность». Когда выходил мой роман «Соленга», редактор мне объясняла, оправдываясь: «Мне нравится слово «народность», но вы противопоставляете «народность» государству, а сейчас идет

грязная возня вокруг разных направлений. Например, термин «народность» рассматривают как намек на монархизм: «Народность, православие, самодержавие».

В другом издательстве редактор, выпятив бородку, спрашивал: «Простите, а что это, собственно, такое – народность?»

> Народность – это жажда нравственной чистоты. Народность – это то великое природно-нравственное начало, которое делает народ соединенным с Богом, с Космосом, с Посвященными, с Культурами.

Господи, и я не возмутился, а что-то бормотал, поясняя, что лучшие мои годы те, когда я соприкасался с народностью. Это было в разных деревнях Архангельской области, куда по доброй воле, – нет, не сослан, а сам отправился, – чтобы сродниться с этой самой народностью. И это стремление у меня вспыхнуло под влиянием не только революционных демократов (которых я, впрочем, тогда безумно любил и жаждал ссылок, мучений и даже смерти), это стремление полыхало во мне, потому что был у меня друг, истинно народный человек, он тоже отправился после окончания университета учительствовать в село Подбужье Калужской области; так вот, этот мой друг, сын главы старообрядческой церкви Маркела Кузнецова, был истинно народным человеком, религиозным и образованным гражданином нашей страны… Он умер. Его нет больше на этой земле. Тогда, в страшные сороковые годы, он один говорил мне о бедности и нищете народа, о готовности служить народу – чего бы это ни стоило: позора, унижения и самой смерти.

5. Основные факторы семейного воспитания

На первое место Ушинский ставит знание ребенка во всех отношениях, знание побудительных сил его поступков.

Средства воспитания и развития, по Ушинскому, выводятся из самой природы ребенка, из той реальной окружающей среды, которая дает пищу для его ума, питает мир его чувств, влияет на его становление.

Два основных фактора определяют воспитательные средства – свободная инициативная деятельность ребенка и воспитывающая среда.

Вот почему лейтмотивом всего учения Ушинского можно считать слова, написанные в его основном труде «Человек как предмет воспитания»: «…Всякая человеческая душа требует

деятельности и, смотря по роду этой деятельности, которую дает ей воспитатель и окружающая среда и которую она сама для себя отыщет, – такое направление и примет ее развитие. От недостаточной оценки этой основной психологической истины происходят главные ошибки и еще чаще упущения и в педагогической теории, и в педагогической практике».

Воспитывает ребенка та деятельность, которая доставляет ему радость, которая оказывает на него положительное нравственное влияние, которая гармонично развивает его умственные и физические способности.

И система средств, и все воспитательные воздействия, и организация всей воспитывающей среды должны быть так построены, чтобы побуждали ребенка к самовоспитанию, к самостоятельному стремлению трудиться, совершенствоваться.

Воспитывает ребенка та деятельность, которая доставляет ему радость, которая оказывает на него положительное нравственное влияние, которая гармонично развивает его умственные и физические способности.

Как истинный педагог-демократ и величайший гуманист своего времени, Ушинский рассматривал воспитывающую деятельность в неразрывной связи со свободой, самостоятельностью и инициативой ребенка. «Стремление к деятельности и стремление к свободе так тесно связаны, – писал он, – что одно без другого существовать не может. Деятельность должна быть моя, увлекать меня, выходить из души моей, следовательно, должна быть свободна. Свобода же затем только мне и нужна, чтобы делать мое дело. Отнимите у человека свободу – и вы отнимете у него его истинную душевную деятельность».

Призывая родителей и педагогов воспитывать у ребенка стремление к деятельности в такой же мере, как и стремление к свободе, Ушинский с необычайной тонкостью раскрывает диалектику свободы и необходимости. Свобода вовсе не означает того, что взрослые должны убрать все преграды на жизненном пути ребенка. «Так как свобода воспитывается не отсутствием стеснений, но, напротив, преодолением их, опытами сладости свободы, которая чувствуется почти только в минуту удаления стеснения, то ясно, что чем более сделает дитя таких опытов, тем более окрепнет и разовьется в нем стремление к свободе; чем более стеснений оно опрокинет, тем более полюбит свободу».

Могущественнейшим средством воспитания, по мнению Ушинского, является учение. Главное достоинство преподавателя

заключается в том, чтобы он умел воспитывать учеников через предмет обучения.

И снова, и снова предостерегает великий педагог от возможных ошибок – от вдалбливания готовых истин, зубрежки, муштры. Учение как воспитательное средство в том случае достигает цели, если оно связано с развитием познавательных способностей ребенка.

6. У народности есть своя тайна развития. С постижением этой тайны развертывается культура личности

Народность, как и истинно гражданский порыв, по мнению Ушинского, есть самое великое чудо на этой земле. И народность, и гражданский порыв находят свои начала в семье. В семье – когда ребенок осваивает мир культуры, быта, семейных отношений, наполненных тревогами, бедами и радостями. В семье – когда ребенок совершает первые самостоятельные шаги, заявляя в полную меру о своем характере, своих притязаниях, своей личности. Иногда эти притязания родителям кажутся нелепыми, а потом проходит много лет, и оказывается, что ребенок был прав. И сожалеют, и горько плачут родители, что не поддержали в свое время порыв своего сына или дочери. И дети несут в себе до самой своей смерти горькую обиду на родителей.

Откуда же черпаются эти порывы саморазвития и самоактуализации? Прежде всего из семейного и общественного воспитания.

Под общественным воспитанием я понимаю и культуру, и народность, и все то, что живет полнокровной жизнью в семье и за ее пределами, что содержит в себе и здравый смысл, и великие общечеловеческие ценности – Любовь, Красоту, Добро, Истину и Свободу. Моя мама жила тревогами своего времени, и об этих тревогах я узнавал от нее. Она рассказывала мне и о богатых наших родственниках, и о бедных и несчастных наших дядьях и братьях, сестрах и тетушках, – и я присматривался к жизни тех, о ком узнавал из маминых рассказов, сам делал какие-то выводы, вступал в разговоры с этими людьми и их родственниками, – и это было истинным общественным воспитанием. Я находил себе друзей, делился с ними тайными своими мыслями о литературе, политике, искусстве, о цели и смысле жизни, – и это тоже было моим общественным воспитанием. В известном смысле пропасти между семейным и общественным воспитанием нет, но именно

в общественном воспитании семья черпает все необходимое для развития своих духовных богатств. Именно общественное воспитание творит народность.

> Под общественным воспитанием я понимаю и культуру, и народность, и все то, что живет полнокровной жизнью в семье и за ее пределами, что содержит в себе и здравый смысл, и великие общечеловеческие ценности – Любовь, Красоту, Добро, Истину и Свободу.

Эти мысли развернуты в творческом наследии Константина Ушинского.

Вот они:

• Общественное воспитание не решает само вопросов жизни и не ведет за собой истории, но следует за ней. Не педагогика и не педагоги, но сам народ и его великие люди прокладывают дорогу в будущее: воспитание только идет по этой дороге и, действуя заодно с другими общественными силами, помогает идти по ней отдельным личностям и новым поколениям.

• Общественное воспитание только тогда оказывается действенным, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всех и семейными вопросами для каждого. Система общественного воспитания, вышедшая не из общественного убеждения, как бы хитро она ни была обдумана, окажется бессильной и не будет действовать ни на личный характер человека, ни на характер общества. Она может приготовлять техников, но никогда не будет воспитывать полезных и деятельных членов общества, и если они будут появляться, то независимо от воспитания.

• Возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части: где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество общественных учебных заведений.

Сегодняшняя ситуация в стране как раз и характеризуется тем, что у нас множество учебных заведений, а в обществе нет своих педагогических идеалов. Создаются частные школы, лицеи, колледжи, училища, но никто из родителей в этом сложном процессе почти не участвует. Родители «сдают» своих детей, им обещают научить их грамоте, музыке, иностранным языкам и многому другому, а что даст это обучение ребенку – никому не ведомо, как не ведомо и то, научится ребенок грамоте и иностранным языкам или нет!

Я видел немало будто бы творческих педагогов,

но не встречал среди них по-настоящему образованных; зато каждый из них упрямо говорил: «Я знаю, как и чему учить детей. Я выстрою систему», – и показывал мне кружочки, соединенные стрелками; прямоугольнички, тоже связанные линиями, где все соединялось, – и труд, и учение, и музыка, и отдых, и режим дня. И что только не соединялось на листе ватмана, где была разрисована его система!..

До тех пор, пока общественное воспитание не станет подконтрольным семье, до тех пор, пока семья не вмешается в учебный процесс школы, до тех пор в развитии детей будут беды и бескультурье.

Глава 3
Семья и педагогические прозрения Ф. М. Достоевского

1. На вопрос «Кто же спасет нас?» Достоевский отвечал: «Спасут женщины и дети». Своей смиренной любовью спасут

Федор Михайлович, а вслед за ним многие русские мыслители (Ильин, Бердяев, Вышеславцев и другие), утверждал: Россию выведут из кризиса «три кита» – ЛЮБОВЬ, СВОБОДА и ДОБРЫЕ ДЕЛА.

Любовь к личности, помноженная на смиренномудрие, – самая могучая сила не только человека, но и страны, человечества. «Ею весь мир покорить возможешь. Смирение любовное – страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего», – говорит старец Зосима в «Братьях Карамазовых». Достоевский – реалист, потому и советует: «Выгоднее всего быть честным человеком! Выгоднее всего преодолевать вседозволенность: только так можно победить бесов в себе».

> Любить – значит побороть в себе гордость как верховное зло. Только через воспитание и самовоспитание можно создать свободолюбивый человеческий характер всемирного боления за всех.

Повсюду у Достоевского свободная нравственная альтернатива: брать силою или любовью? Авторитарность или авторитет? Мудрая власть или анархия безвластия? И не надо здесь лукавить! Не надо краснобайствовать! Преодолеть в зародыше Зло можно лишь через воспитание, наполненное любовным отношением ко всему сущему: к песчинкам, растениям и животным, к искусству и ко всему содеянному, к близким и дальним: «Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь». И, говоря языком сегодняшней педагогики, рекомендации: «Особенно любите детей, они безгрешны и живут для очищения наших сердец».

Любить – значит побороть в себе гордость как верховное зло. Только через воспитание и самовоспитание можно создать свободолюбивый человеческий характер всемирного боления за всех. Он хранит в себе будущее России… Нет, об этом походя

не скажешь – об этом надо создавать новую отечественную педагогику, новую (или возрожденную?) общечеловеческую культуру.

2. Честность и бескорыстие – безусловные факторы воспитания

Достоевский своей жизнью дал образец честности и бескорыстия. Даже под угрозой смертной казни он не стал во время допросов не то чтобы оговаривать своих «подельников», но все время боялся сбиться на путь выгораживания себя. А ведь действительно невиновен был: не входил же он в революционную группу Петрашевского. По случайности лишь читал письмо Белинского, чьи идеи разделял отнюдь не полностью.

Семья нуждается в образцах, в пророках, в честной, неопровержимой цельности идеала. Когда я читаю Достоевского, понимаю, что он стоит за ту науку, за те истины, за которые не дают наград, и я верю ему. Восхищаюсь его светлой праведностью, так необходимой в наши дни. Полагаю, главная, еще не востребованная идея нашего российского века состоит в бескорыстном служении на благо народа, демократии, культуры. Но все это невозможно без Любви, Свободы – свободы выбора, духовной свободы.

Мой неожиданный разговор о бескорыстии поражает детей, с которыми я общаюсь. Загораются глаза. Заманчивая крайность неведомой сферы приложения сил – и это притягательно.

Меня самого взбудоражил сам факт, что все герои Достоевского в конечном итоге – носители идеи бескорыстия. Это подметил еще М. М. Бахтин, который писал, что «все ведущие герои Достоевского, как люди идеи, абсолютно бескорыстны, поскольку идея овладела глубинным ядром их личности. Это бескорыстие не черта их объективного характера и не внешнее определение их поступков – бескорыстие выражает их действительную жизнь в сфере идеи (им «не надобно миллионов, им надобно мысль разрешить»); идейность и бескорыстие – как бы синонимы. В этом смысле бескорыстны и Раскольников, убивший и ограбивший старуху-процентщицу, и проститутка Соня, и соучастник убийства отца Иван; абсолютно бескорыстна идея «подростка» – стать Ротшильдом»[2]. И тут я вижу удивительное сходство «подростка» с моими детьми. В моей видеотеке есть импровизированный фильм «Хочу быть миллионером», в котором участвуют подростки из разных городов России. И чем я был поражен, когда снимал фильм, – это тем правдоискательством в душах детей, которое обнаружилось

во время съемок. Кстати, импровизация на подобные темы, репетиции и проговаривание основных идей, припоминание фактов – это замечательный метод воспитания и самовоспитания подростков. Эту мысль постоянно в своих дневниках проводит Достоевский применительно к роману «Подросток» (термин Бахтина – *роман воспитания* – вполне подходит к педагогической практике, нуждающейся в подобном жанре!).

Я показываю детям различные портреты Аркадия.

Грубый и нахальный тон Подростка в начале романа, по замыслу писателя, сменяется в конце записок деликатно-доверительным: человек прошел через покаянную свою исповедь, через анализ и прощупывание своей собственной нравственной ткани, просмотрел на свет свои отношения с другими – все это и составляет сложнейший процесс становления человеческого самосознания (отношение к самому себе!), «самовыделку» личности. Я рассказываю детям о том, как сам прорабатывал роман, делая выписки и создавая на крохотных полотнах лица героев, и, вбирая в душу свою полифонический диалог прошлой эпохи, думал: «Господи, какие же замечательные люди, даже самые отрицательные персонажи – искренние, дружественные, мягкие и деликатные» (все это, разумеется, в сравнении с тем, что я вижу в нашей жизни). Надо ли говорить, что сегодня цинизм, предательство, разрушение родственных и близких связей, ложь и стремление достичь корыстных целей любой ценой, даже ценою смерти близких, дальних, каких угодно – все это достигло не просто грандиозных размеров, а вышло за пределы любых оценок – все стало привычным.

Я сравниваю наших детей и детей из разных стран – и по вопросу бескорыстия наши подростки могут дать сто очков вперед кому угодно. Опрашивал старшеклассников, проучившихся по году в школах США. Возмущены: «Они, американцы, бездуховны, кроме долларов и сплетен о соседях, ни о чем не говорят… Чуть не задохнулись там».

Итак, детей наших сегодня словно «выстрелили» в СВОБОДУ, не дав ИДЕАЛОВ, не приобщив к высоким общечеловеческим ценностям. И речь не о поводырях идет, не о заполнении так называемого мировоззренческого вакуума (марксизм исчез – каким же бредом начинить образование?!), а о том СОСТОЯНИИ, в котором пребывают наши дети.

3. Любовь и нравственная чистота (лик женщины – лик России)

Достоевский учит любви и своей жизнью, и своими

романами. Последнее признание своей жене перед смертью: «Аня, я и в мыслях своих ни разу тебе не изменил», – воспринимается школьниками как вершина отношений между мужчиной и женщиной. Я это чувствовал, когда рассказывал о взаимоотношениях писателя с женой. Потребность в нравственной чистоте заложена в каждом ребенке. Дети задумываются над тем, как живут их родители. Как они любят, как чувствуют. В «Подростке» Достоевский с особой остротой развернул проблему греховности и нравственной чистоты женщины. Сонечка – мать Аркадия – в свои юные годы, но уже будучи женой Макара Ивановича, изменила мужу. С одной стороны, губительный и мучительный грех, а с другой – пламенная, чистая любовь к Версилову, отцу Аркадия. Подросток мучительно всматривается в жизнь родителей, в жизнь своих сверстников, близких. Он понимает трагизм матери, как понимает трагизм родины. Трагизм женщины и трагизм отечества у Достоевского – на одном витке жизненного водоворота. Россия – страна крайностей, но крайностей особых: здесь смиренная святость соседствует с готовностью идти на любые жертвы. То же в женщине, в Сонечке.

Потребность в нравственной чистоте заложена в каждом ребенке. Дети задумываются над тем, как живут их родители. Как они любят, как чувствуют.

Пытаясь создать несколько ее портретов, я постоянно ощущал над собой власть одного признания Достоевского, когда он применил к России видение Иоанна Богослова о жене, ОБЛЕЧЕННОЙ В СОЛНЦЕ и В МУЧЕНИЯХ ХОТЯЩЕЙ РОДИТЕ СЫНА МУЖЕСКИ. Жена – это Россия, а рождаемое ею есть то новое СЛОВО, которое Россия должна сказать миру. Это слово есть союз вечной истины и свободы человеческой. Так вот, когда я делал тщетные попытки проникнуть в тайну Сонечкиного бытия, я невольно наталкивался своим сознанием на образ женщины, ОБЛЕЧЕННОЙ В СОЛНЦЕ! Пусть то ЖЕНЩИНА, или РОССИЯ, или БОЖЬЯ БЛАГОДАТЬ – неважно! В этом образе чудилась мне та духовная бесконечность, выше и шире которой нет ничего на свете. Женщины в романах Достоевского – носители нравственных начал, они выражают чаяния всех буйных и кротких сил, всего божественного и горделиво-сатанинского, что есть в людях. Они ангелы и грешницы, блудницы и серафимы. В их ликах – не лицах, а именно ликах – неукротимое смиренное шествие по облачным высотам.

4. Красота Мадонны и красота содомская

Я рассказываю детям о древнем городе Содоме в долине Иордана. Там были прекрасные, но очень злые женщины, развратные и жестокие. Разгневавшись, Господь сжег Содом дотла.

Не знаю, можно ли согласиться с Бердяевым, что для Достоевского «идеал Мадонны и идеал содомский равно притягательны»? Можно ли согласиться с тем, что Достоевского женщина интересует лишь как момент в жизни мужчины, что женственные начала – лишь внутренняя тема в трагедии мужчины, его внутренний соблазн? И наконец, прав ли философ, когда замечает, что *у Достоевского нет ни прелести любви, ни благообраза жизни семейной,* а есть лишь некая пружина мужской судьбы, когда все в мужчине пошатнулось, когда он на краю гибели, а вместе с ним и женщина, подхваченная стремительными потоками либо сладострастия, либо еще какой-нибудь неведомой оргийной силы.

> Именно женщины своим бескорыстием утверждают и такую нравственную ценность, как соборность.

На мой взгляд, женщины у Достоевского преодолевают в себе содомские начала, их поле битвы – собственное сердце, где всегда побеждает Любовь. Все его женские образы написаны под знаком Божественной Красоты: не случайно над его письменным столом висело изображение Мадонны Рафаэля. Возьмем того же «Подростка» – здесь нет ни одного женского персонажа, который бы не жил самостоятельной жизнью. Здесь их собственные трагедийные судьбы, разрываемые жгучей и страстной любовью. И если и мелькнет в них содомский штрих, то лишь на мгновение, вызванное мужским коварством, безразличием или жестокостью. И главное, отнюдь не чисто женские вопросы, которыми живут в своих тревогах героини романа: «Во имя чего можно пойти на любые жертвы? Как сделать других счастливыми, беззаветно преданными самой высокой ИДЕЕ?» (А идея у Достоевского – это всегда то, что так или иначе связано с Богом, с высшими ценностями.) Именно женщины своим бескорыстием утверждают и такую нравственную ценность, как *соборность.*

5. Нежность и жестокость

В ожидании смертной казни летом 1849 года Достоевский

в камере Петропавловской крепости написал «Маленького героя», в котором раскрыл психологию взросления ребенка, психологию игры разных начал в общении женщин с детьми. Две прекрасные молодые женщины оказались рядом с одиннадцатилетним мальчиком. Вот здесь-то уместно привести характеристики, данные женщинам Достоевского замечательным русским писателем Дмитрием Мережковским: «Бездонная нежность рядом с бездонной жестокостью. Творческое начало жизни соприкасается с «началом конца», «бессознательная стихия человеческого сознания с непременным раздвоением и кровным родством», «два противоположных берега единой глубины: берег святости духовной – целомудрие – берег святости плотской – святое соединение полов, а следовательно, и святое сладострастие, окончательное, безвозвратное». И все это вдруг обрушивается на влюбленного мальчика, чье подсознание уже ощутило счастливую сладость загадочных прикосновений слабого пола. Юная красавица с округло-соблазнительными, белыми, как кипень, плечами, призывно подразнивая, усадила мальчика к себе на колени, и, чувствуя стыд ребенка, его смятение (что-то проснулось в нем), она это поняла, оттого и стала смеяться, все сильнее и сильнее, а затем безудержно хохотать, ломать разгоряченные пальчики мальчика, да так сильно, что он едва не вскрикнул, а она – дьяволица! – будто ждет крика и делает ребенку все больнее и больнее, и он чует эту жестокую игру, и, как спартанец, решил выдержать, а ее коварство будто совсем обезумело – она что есть силы сдавила детскую ручку, едва не сломав косточки, добилась-таки – заставила ребенка вскрикнуть и тогда… мигом бросила ребенка и отвернулась от него!

Откуда берется такое жестокое неистовство женской души? Откуда это ставрогинское или печоринское стремление причинить боль?

На связь с Печориным или, точнее, с Лермонтовым обратили внимание дети, прочитав о том, как обошелся Лермонтов с Катенькой Хвостовой: «Я вас больше не люблю, да, кажется, никогда не любил». А в другой раз заметил с наслаждением своей жертве, выплакавшей сердце и едва оставшейся в своем уме: «Теперь я не пишу романов… Я на деле заготовляю материалы для моих сочинений». Мережковский в связи с этим сказал: «Есть человеческие мерзости, которых нельзя простить ни за какое величие». Беспощадная оценка!

Что я могу сказать своим ученикам: «Коварен род людской! Страшна любовь, и еще страшнее бывает красота человеческая!» Нельзя не согласиться с критиками Достоевского, которые

подчеркивали, что любовь у Достоевского всегда доходит до предела, до исступленного сладострастия и исступленного сострадания. Эти два чувства испепеляют не только женское сердце, но и все, что есть вокруг. «Почему так происходит?» – вот вопрос, который мучит подростка Аркадия в романе «Подросток».

6. Тайны родительской любви

Что мы можем рассказать нашим детям о самих себе, раздвоенных, ожесточившихся, придавленных и униженных? Жизнь нашего поколения – трагедийный фарс с ожиданием еще больших трагедий. И все же дети, я это приметил, всматриваются в жизнь своих матерей и отцов, не осуждают, а с горечью отмечают для себя: «Не хотелось бы вот так же протащиться по этой жизни».

Аркадий, главный герой романа «Подросток», – юноша удивительно чистый. Конечно же, он никогда не задаст матери мучивший его вопрос: «Как она могла сама, уже бывшая полгода в браке, да еще придавленная всеми понятиями о законности брака, придавленная, как бессильная муха, она, уважающая своего Макара Ивановича, как Бога, как она могла в какие-нибудь две недели дойти до такого греха? Ведь не развратная женщина была моя мать? Напротив, скажу теперь вперед, что быть более чистой душой, и так потом во всю жизнь, даже трудно себе представить. Объяснить разве можно тем, что сделала она не помня себя… под сильным впечатлением… фатально и трагически. Почем знать, может быть, она полюбила до смерти… фасон его платья, парижский пробор волос, его французский выговор. Тот романс, который он спел за фортепиано, полюбила прямо до изнеможения… и на такую явную гибель?.. И знают, что гибель, а лезут».

Далее Аркадий, опять-таки с некоторым пренебрежением, замечает, что, «согрешив», они тут же покаялись, Версилов плакал на плече у Макара Ивановича, а мать «лежала где-то в забытьи в какой-то клетушке». А уже после этих строчек, в следующей главке, подросток, как бы понимая свою неправоту, приказывает себе: «Но довольно о вопросах и скандальных подробностях».

Помню, мне было трудно найти слова, чтобы рассказать детям о духовном возвышении Аркадия, когда он начинает понимать трагизм матери, и трагизм отца, и великую святость Макара Ивановича, который писал его родителям: «Любезным деткам нашим посылаю родительское благословение наше вовеки нерушимое». А потом я пришел к выводу: освоение романа «Подросток» в школе должно быть особенным. Бессмысленно же

предлагать детям писать «Образ матери Аркадия». В стихию «Подростка» можно лишь погружаться, бережно раскрывая его великий смысл. Предельная осторожность нужна еще и потому, что здесь мы имеем дело с человеческими тайнами – интимными, кровоточащими, порой призрачными: одна крохотная небрежность, один огрубленный поворот, и тайная соборность навсегда исчезает…

7. Тревожная индивидуальность идеала

Мысль Достоевского о том, что без идеала нет ни истинной жизни, ни истинного воспитания, сегодня предельно актуальна. В воспитательной практике идеал всегда индивидуален в том смысле, что реализуется в конкретном действии, в конкретной личности. Иной раз подлинность идеала настолько окрашивается чувствами действующих лиц, настолько глубоко входит в бесконечно противоречивый мир людских отношений, что неизвестно и неопределимо порой, где идеал сохранил свою первозданность, а где действия человека напрочь исковеркали его.

Мысль Достоевского о том, что без идеала нет ни истинной жизни, ни истинного воспитания, сегодня предельно актуальна.

Недавно я спорил с одним специалистом по творчеству Достоевского. Я заметил, что не разделяю мысль замечательного мыслителя М. М. Бахтина о том, что герои Достоевского живут не по законам приобщения к идеалам, а по законам карнавала: карнавальность как принцип поэтики Достоевского означает некую вольную профанацию или фамильярность действий героев, где все наизнанку, где все придумано, эксцентрично, где присутствует площадной карнавальный смех, полный кощунств, снижений, падений, балаганной эквилибристики и пр. Я сказал, что Достоевский далек от карнавального раблезианства, от Дон Кихота, где авторы идут от внешнего и неведомыми карнавальными гротескными действиями приходят к идеалу, высокому и несокрушимому. У Достоевского ход иной, не карнавальный, а глубинно-подсознательно-идеальный. Он действительно будто выворачивает своих героев наизнанку, изображает как бы мир наоборот, заставляя заглянуть в самые далекие уголки совести, чаяний, эсхатологических надежд.

Меня возмутило не то, что со мной спорили, а то, что мне запрещали думать с позиций моих представлений, дорогих мне

именно как личности. Если у меня отнимают право на личностно освоенный идеал, – значит, речь идет об увольнении не только идеала, но и моей индивидуальности, моей духовности. И я стал сопротивляться доводам оппонента, которые в общем-то сводились к заезженным упрекам: «Да кто ты, собственно, такой?» Я стоял на своем: «Я и детей призываю спорить не только с Бахтиным, но и с Достоевским, ибо весь смысл воспитательной системы Достоевского, в частности, это развитие в себе способности не просто припоминать факты своей жизни, но и различать различные чувства-мысли. Я стараюсь перед детьми ставить предельно сложные и даже приземленные вопросы, тревожившие великого мыслителя: «Кого же по-настоящему любил Достоевский – Суслову или Сниткину? Какая из этих женщин в большей мере приближается к идеалу? Истинна ли любовь отца и сына, Аркадия Версилова к Екатерине Николаевне? Правомерен ли «главный вопрос» Аркадия, касающийся греховности поступка его матери?.. Невозможность приблизиться к свершению своих идеалов толкает Крафта и Олю к самоубийству. Так ли это?» И очень трудный, философский, но именно сегодня значимый вопрос: были ли единомышленниками родоначальник русского идеализма великий Владимир Соловьев и гениальный писатель Федор Достоевский?

8. Единство и бескомпромиссность

Говорят, по силе своей страстности, искренности и честности Достоевский был схож с Владимиром Соловьевым. Ходили даже слухи, будто Алеша Карамазов списан с Соловьева. Но это были лишь слухи. Главное то, что по своим убеждениям, по видению путей рождения новой России они, думается, были единомышленниками, и даже в таком деле, как дело Нечаева[3], или в делах, подобных раскольниковским, стояли на одной нравственной платформе, утверждая бескомпромиссность в следовании самым высоким социальным ценностям общечеловеческого плана – других не знали!

Оба определили развитие отечественной культуры, повлияли на духовное развитие таких мыслителей, как братья Трубецкие, Бердяев и Булгаков, Вышеславцев и Ильин, Мережковский и Гиппиус, Блок и Белый, и многих других.

Они утверждали, что никакого воспитания и никакой будущей честной России не получится, если не следовать великим общечеловеческим идеалам, идеалам Любви, Свободы, Добра и Красоты. И пока современная школа, современная

педагогика не станет продолжательницей именно этих традиций, заложенных отечественной культурой, никакого движения в общественном воспитании не случится.

9. Различия и противоположности

Итак, великих русских мыслителей объединяет общая традиция – следование общечеловеческим ценностям. Надо, разумеется, знать и некоторые различия. Многие из них принципиальны.

Наш современник философ Алексей Федорович Лосев отмечал в своей книге «Владимир Соловьев и его время», что между двумя мыслителями «было много внутренних расхождений».

Большой знаток творчества Соловьева, его родной племянник С. М. Соловьев отрицал всякую связь Соловьева и Достоевского. Он писал: «Трудно представить более противоположных людей. Достоевский – весь анализ. Соловьев – весь синтез. Достоевский весь трагичен и антиномичен: Мадонна и Содом, вера и наука, Восток и Запад находятся у него в вечном противоборстве, тогда как для Соловьева тьма есть условие света, наука основана на вере, Восток должен в органическом единстве соединиться с Западом». Лосев соглашается с точкой зрения племянника. Однако вряд ли можно согласиться с позициями С. М. Соловьева и А. Ф. Лосева. При всем уважении к обоим.

Сам Владимир Соловьев определил свое отношение к выдающемуся современнику своему так: «Значение Достоевского как общественного деятеля состоит в разрешении двойного вопроса: о высшем идеале общества и о настоящем пути его достижения». По мнению Соловьева, Достоевский развивает в своем творчестве три истины. Первая: никто, даже лучшие люди, не имеет права насиловать общество во имя своего личного превосходства, вторая – общественная правда не выдумывается отдельными умами, а коренится во всенародном чувстве, и третья – эта великая правда связана с идеалом Христа, с идеалами Любви и Свободы, Добра и Красоты.

В нынешнее смутное время, время межнациональных распрей, националистических и шовинистических тенденций и настроений, надо подчеркнуть некоторую неправоту Бердяева и нынешних русофилов, подчеркивающих, будто бы Достоевскому был свойствен антисемитизм. Правда, Достоевский, как и Бердяев, считал Россию избранным народом (подобно еврейскому), но избранность он связывал не с соперничеством или господством, а со свободным служением всем народам

и для осуществления в братском союзе с ними истинного всечеловечества. Достоевский, утверждает Соловьев, верил в будущую Россию и главным считал слабость национального эгоизма в русском народе, при этом выделял две главенствующие черты: способность осваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций – черта, которая особенно выразилась в Пушкине. Вторая, еще более важная черта, – это сознание своей греховности, неспособность возводить свое несовершенство в закон и право и успокаиваться на нем, отсюда требование лучшей жизни, жажда очищения и подвига. Должен заметить: как же близки и понятны эти идеи нашим педагогам и детям!..

10. Альтернатива: всеединство или блуд на крови?

Рассказывая о заветах Владимира Соловьева и Федора Достоевского, я говорил детям: «Любой призыв к шовинизму, антисемитизму, национализму есть блуд на крови. Он ведет к духовному распаду. Интернационализм также загрязнен блудом на крови. Под знаком интернационализма в советское время уничтожались русские и украинцы, белорусы и литовцы, татары и чеченцы, преследовались евреи и поляки, башкиры и узбеки, таджики и киргизы, латыши и финны, армяне и грузины, якуты и немцы, а также сотни других народностей.

Блуд на крови разрушал самое великое Божье создание – *родственность между людьми,* утверждал самое тяжкое бедствие народов – *разобщенность.*

Если мы хотим уберечься от неизбежных катастроф, мы должны приемлемой ценой укреплять межчеловеческие отношения, завещанные Евангелием».

Мы обсуждали с детьми проблемы сегодняшних межнациональных распрей и не могли понять, почему же люди даже одной национальности и одной веры убивают друг друга. Приходили к выводу, что это болезнь человечества! Сумасшествие! Затмение!

И еще нам казалось, что мы что-то открыли, когда сформулировали два главных греха человеческих, ведущих к войнам и самоуничтожению.

Первый – сознание своей национальной исключительности и стремление любыми средствами утверждать эту исключительность. Второй – недооценка своих национальных достоинств и занижение своего статуса. Многие народы погибли в рассеянии, из-за распрей, из-за чрезмерных претензий и амбиций. Народная гордыня и чрезмерное самомнение нации

есть тягчайший грех и перед человечеством.

И тогда один юноша спросил:

– А что плохого в том, что народ стремится к своей исключительности? А разве грешно считать свой народ самым лучшим? Разве не об этом пишут наши писатели? И такие великие мыслители, как Достоевский, Толстой, Бердяев?

> А что плохого в том, что народ стремится к своей исключительности?

Я понял, что дети зацепили какой-то главный вопрос, а потому мы стали размышлять в таком направлении: «Сознание своей исключительности, но не в ущерб другим народам – вот истинная формула сотрудничества разных наций, условие единения на общечеловеческих началах. Однако единство не самоцель, оно лишь средство для достижения величайших вершин, где главное – благо личности и благо семьи!»

Мы с детьми пришли к таким выводам: у каждого народа есть свои недостатки и свои достоинства. Семья, школа, общество должны научить детей видеть достоинства в воспитательной практике своего и других народов.

И тогда родилась еще одна заповедь:

– Обогащайте воспитание своих детей педагогическими достоинствами всех народов. Если вы увидите, что евреям присуща кропотливая забота о воспитании своих детей, о том, чтобы дать им всестороннее развитие (а эта черта отмечается исследователями во всем мире), постарайтесь перенять эту великую национальную черту и немедленно обучайте своих детей по более усложненной и всеобъемлющей программе. Если вы поймете, что англичанам свойственно воспитание джентльмена, знающего цену своему человеческому достоинству, предприимчивого и трудолюбивого, постарайтесь перенять у англичан эту черту.

Если вы обнаружите, что узбекские дети заняты физическим трудом больше всех детей в мире и родители проявляют необыкновенную заботу о том, чтобы семейное трудолюбие не снижалось ни при каких условиях, задумайтесь над тем, чтобы перенять у узбеков эти всемогущие родительские установки.

Если вы узнаете, что немецкие дети с ранних лет приучаются к порядку, к дисциплине, точности и трудолюбию, сделайте все, чтобы и ваши дети росли в таком же точном и дисциплинированном ритме.

Если вы почувствуете, что американские дети и молодые люди предприимчивы, тяготеют к самостоятельности, доброжелательны и трудолюбивы, не бойтесь привнести эти

черты в жизнь ваших семей.

Если вам удастся побывать в грузинских или армянских семьях и вы услышите, как ласково и заботливо обращаются родители со своими детьми, поучитесь у них этой милой доброжелательности и мудрости.

Если вам часто приходится бывать в русских деревнях, задумайтесь над тем, насколько цельно и бесхитростно развиваются истинно природные и истинно народные начала в русских семьях, сколько доброты, мужества, долготерпения и смиренномудрия в родительских лицах, в лицах бабушек и дедушек.

Поговорите с ними «по национальному вопросу» – и вы почувствуете, насколько широка и благородна у них душа, не знающая различия между нациями, но постигшая то великое, что Бердяев называл человеческим всеединством! Развитая родовая общечеловеческая интеллигентность и подлинная культура семьи способны одолеть тягчайший злобно-завистливый грех, порождаемый блудом на крови.

Глава 4
Мировоззренческие максимы Н. А. Бердяева и духовный мир современной семьи

1. Не Личность – часть космоса, а космос – часть Личности

Такова отправная мысль Бердяева. Замечательный русский мыслитель Н. О. Лосский в своей «Истории русской философии», характеризуя концепцию личности по Бердяеву, писал: «В личности целое предшествует частям. Являясь духом, личность восходит от подсознательного через сознательное к сверхсознательному». Бердяев в личности различает три вида свободы: первичную, иррациональную, рациональную, то есть исполнение морального долга, и, наконец, свободу, проникнутую любовью к Богу.

Рассмотрим эти позиции сквозь призму взаимоотношений в системе «ученик – учитель».

Перед нами четырнадцатилетний акселерат Максим Головин, сын молниеносно разбогатевших родителей: открыли свою контору по продаже недвижимости. Престижный образ жизни: японская машина, двухъярусная квартира, шикарный офис, дача и даже яхта, поездки на Канары и пр. Максим Головин ощущал себя наследником богатства и, естественно, готовился стать преемником отца. Мешает одно: круглый двоечник. Смущает: обозленное одиночество и наметившееся расстройство психики. Росла ненависть к *учителям* и даже к родителям: они ежедневно напоминали о его никчемности, космической лени, грубости и даже жестокости. Насмешки учеников: «Ты тупее валенка!» И кличка – Эмбрион. Защитное наслаждение – сон. Двенадцатичасовое небытие, когда никто не тревожит, когда мечты ярким светом вспыхивают в прохладе второго яруса, где он спит и видит себя крепким, сильным, этаким «супером». В силе ему не откажешь. Он здоров, как кентавр, любуется мышцами, осанкой. Как у большинства здоровых и крупных людей, у него все же доброе сердце. Правда, это сердце уже сбито авторитарным режимом: крыша, как говорится, поехала – он не в состоянии разбить слово на слоги, не знает, что такое подлежащее и сказуемое, забывает таблицу умножения и, конечно же, ни бумбум в химии, математике, в других предметах. Ненависть

учителей к нему дошла до того, что они не выносят не только его присутствия – даже взгляда!

– Вон из класса!

– А что я сделал?

И объяснение родителям:

– Вы знаете, с какой ненавистью он смотрит на нас!

У педагогов прогрессировал новый тип неприязни – социальный: «За какие заслуги тебя подвозят к школе на «Мерседесе»? Нас ограбили, чтобы тебя, подонок, упаковать в шмотки лучших мировых фирм!»

Авторитарные гонения с каждым днем озлобляли мальчика, все больше и больше разрушалась психика, и его вскоре стали считать ненормальным. Пошли обследования. Кто-то из психиатров нашел его крайне агрессивным и даже опасным для общества. Предлагалось лечение. Все это усугубило здоровье будущего владельца фирмы по продаже недвижимости…

А школа между тем успешно работала над темой «Активизация учебной деятельности средствами индивидуального развития». Средств было много: игра и рефлексия, сочинительство и углубленное изучение отдельных дисциплин, рефераты и диспуты. И новая суровая установка: «Не хочешь учиться – уходи!» Когда родителям посоветовали определить мальчика в школу для умственно отсталых, причем совет давался с тайной радостью, учительские лица сияли: наконец-то они, обложившись медицинскими заключениями, сказали то, что наболело в их благородных душах: «Мы должны защитить других от вашего ребенка».

2. Высота и глубина

Пожалуй, Бердяев первым заметил оборотническую сущность казарменного социализма. В советское время на первом месте стояла все же вера… в светлое будущее, в партию, а затем уже в знания, науку, квалификацию. Это превращение веры в оборотническую привязанность к суррогатно-стадному коллективизму есть худший вид нравственного извращения. На уровне подсознания с оговорками и раньше верили в нравственно высшее. Сегодня я говорю с детьми о Боге без каких бы то ни было оговорок. Я, правда, не всякий раз обращаюсь к Богу. Больше того, крайне редко, ибо моя педагогика светская, а не религиозная. Мое обращение к подсознательно-высшему подкреплено лучшими образцами искусства: Рафаэль и Эль Греко, Боттичелли и Савонарола, Гоголь и Достоевский, Бах и Перголези. Я обращаюсь к потаенным силам ребенка и говорю

так, чтобы отступать было некуда. Это не значит, что я загоняю личность в угол. Напротив. Я даю ей шанс выйти в новый мир собственных свершений. Я предсказываю и пророчествую судьбу моего нового единомышленника, и когда его ВЕРА начинает определяться, я развертываю перед ребенком *план сверхзадач, план самореализаций.*

> Я обращаюсь к потаенным силам ребенка и говорю так, чтобы отступать было некуда. Это не значит, что я загоняю личность в угол. Напротив. Я даю ей шанс выйти в новый мир собственных свершений. Я предсказываю и пророчествую судьбу моего нового единомышленника, и когда его ВЕРА начинает определяться, я развертываю перед ребенком план сверхзадач, план самореализаций.

Нам, мне и моему помощнику, психологу Людмиле Николаевне, достаточно было двух часов, чтобы сделать вывод и сказать Максиму:

– У тебя прекрасные способности, и ты мог бы за два-три месяца очень хорошо закончить школу, а за последующие полгода закончить следующий девятый класс.

– У тебя замечательный вкус, хорошее зрение, великолепное здоровье: ты мог бы написать оригинальные картины, сочинить музыку…

– Я?!

– Конечно, ты. Твои возможности никогда не раскрывались. Больше того, твой дар и твои таланты замурованы. Если ты пожелаешь, мы вместе с тобой распахнем настежь твои закрома, и божественные начала твои приведут и тебя, и всех окружающих в восторг…

– Шутите?

– Нисколько! Хочешь, сегодня начнем работать?..

Мы пишем первый творческий диктант, и он делает восемьдесят шесть ошибок. Диктант оригинальный. Я ему читаю главы из «Самопознания» Бердяева, а он пишет только то, что ему понравилось:

«Я понимал жизнь не как воспитание, а как борьбу за свободу… Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу… Я не только человек тоскующий, одинокий, чуждый миру, исполненный жалости к страдающей твари. Я также человек бунтующий, гневно протестующий… Тоска по трансцендентному, по иному, чем этот мир, по переходящему за границы этого мира…»

Последнюю фразу я долго разъясняю. Говорю ему о том, что такое частичный человек. Что такое целостная личность.

Почему Бог в нас, и если это так, то мы должны беречь и любить это Божественное, которое внутри нас, дать ему выход… Как это сделать?! Необходимы добровольность, увлеченность, подвижничество. Убеждаю: сначала будет трудно, а потом придет легкость. Счастливая окрыленность! Эта окрыленность и есть человеческий Космос!

Далее следуют занятия: Людмила Николаевна занимается естественно-математическим циклом дисциплин, я – гуманитарным. И самое трудное: впервые Максим работает – у нас по три-четыре часа почти без перерыва, дома – по пять-шесть, а через две-три недели и по десять часов… На его лице появляется та замечательная просветленность, которая всегда – следствие раскрытия дара.

Проанализируем: что же произошло?

Первое: мы апеллировали не к сознанию, не к психофизическим функциям и способам интериоризации, хотя и это не исключалось, а к иррациональным силам личности, к бессознательной тоске мальчика по несбыточному, по сверхрациональному. Второе: мы подвели ученика к выдвижению *сверхзадач.* И третье: мы вселили в него надежду. И, наконец, четвертое: с нашей помощью он стал постигать *свободу созидания, свободу обретения своей целостности, свободу самоутверждения.*

> По мере расширения созидательной свободы исчезла потребность во сне. Рабочий день парня доходил до 12–14 часов. Однажды он сказал нам:
>
> – Я победил самого себя…

Ребенок, впрочем, как и любой человек, различается по содержанию и направленности *глубинного* и *поверхностного* Я. Он допускает нас в свой глубинный мир, и это главное условие нашего содружества. «Личность имеет бессознательно-стихийную основу», – отмечает Бердяев. Это та основа, которую так яростно отрицала советская психология – как же, идеализм! – с такого рода основами боролась идеология, прививая учительству жесткий рационализм, убивая самобытность индивидуальности. Бердяев подчеркивает, что подлинное и внешне рационалистическое хорошо различал Толстой. Когда князь Андрей смотрел на звездное небо, в этом проявлялась его подлинная жизнь, а когда он разговаривал в светском салоне Петербурга – срабатывало лишь поверхностное Я. Подлинность Максима жила в тайных надеждах, в глубоко спрятанной мечте, в обломовском наслаждении растворяться в полузабытьи. Мать жаловалась: «Он спит по восемнадцать часов. Даже днем засыпает

после обеда…» Я объяснил: «Это его единственное спасение и способ уйти из депривации, из авторитарной зоны злобы и презрения…» По мере расширения созидательной свободы исчезла потребность во сне. Рабочий день парня доходил до 12–14 часов. Однажды он сказал нам:

– Я победил самого себя…

3. Тютчевский парадокс?

Афористичный Бердяев нередко так тонко подмечает различные нюансы духовных движений, что порой не сразу схватишь суть его логики. Читая Бердяева, будто погружаешься в несколько пластов различных умозаключений. Например, он говорит: «Знание принудительно, вера свободна». Смотря у кого и смотря когда, размышляю я. У каждого человека или даже у каждой группы, социальной общности свой путь развития. Своя система верований, свобод и даже парадоксов. Соотношение веры и знания, свободы и духа у Бердяева являются главенствующим. Вера, я так понял Бердяева, есть одна из самых высоких сфер человеческого духа. В чем-то вера менее иррациональна, чем знание, хотя знание по природе свой дискурсивно, то есть логично, рассудочно, понятийно, опосредованно. Свобода, в частности личностная, духовная, с точки зрения материалиста марксистского пошиба, – явление иррациональное, чувственное, непостижимое. Сразу же отметим, что в нашей безличностной и схоластической педагогике напрочь отсутствуют такие понятия, как вера, духовная свобода, цельный дух. Рационализм, в том числе и педагогический, отделил личность от Логоса, точнее – умертвил и измельчил личность до такой степени, чтобы ее можно было протащить сквозь игольное дискурсивное ушко мышления. Свобода и вера иррациональны для рационалистов, для тех жестоких невежд, которые окаменели в своих рассудочных застенках. «Для меня вера, – пишет Бердяев, – есть знание, самое высшее и самое истинное знание, и странно было бы требовать, чтобы я дискурсивно и доказательно обосновывал и оправдывал свою веру, то есть подчинял ее низшему и менее достоверному знанию».

Свобода, в частности личностная, духовная, с точки зрения материалиста марксистского пошиба, – явление иррациональное, чувственное, непостижимое. Сразу же отметим, что в нашей безличностной и схоластической педагогике напрочь отсутствуют такие понятия, как вера,

духовная свобода, цельный дух.

Говоря о вере, Бердяев замечает: «Те, которые верят в миссию России, а в нее можно только верить, те знают, что существует своеобразный дух России, который ищет истины, живой и конкретной».

Наша педагогика тогда обретет силу, когда опрокинет логического идола, а ее высший разум состоит в принятии духовной свободы тех, кто поставлен в необходимость творить воспитание. Рассудочным, дидактическим умом схоласта этого не понять. И аршином не измерить живую педагогическую ткань, ибо свободное движение веры предопределяет суть развития и взрослых, и детей. Истинная педагогика основывается на вере.

Истинная педагогика основывается на вере.

Любопытно: мы, отрицая свободу личности, поклонялись вере в догматы, в утопические структуры, причем требуя ото всех – учащихся, педагогов, граждан, общества – веры абсолютной в социализм, коллективизм, коммунизм. В наши педагогические головы вбивали железобетонные материалистические догмы: бытие определяет сознание, деятельность формирует личность, мышление – основа развития, коллективизм – высшая ценность. Мы долдонили друг другу, что диалектика есть высший метод познания, что научный марксизм – вершина знания, а материализм – единственно верное учение.

4. Жертвы дискурсивного мышления

За годы материалистического обвала армией дидактов-марксистов было создано дискурсивное образование, в главную задачу которого входило создание такой системы программ, которая смогла бы разрушить веру, свободу, совесть, надежду у молодого поколения, подорвать здоровье детей, сформировать бездумных роботов. Созданные программы, учебники, всяческие пособия (они и по сей день действуют – больше того, в ухудшенном виде!) должны были уничтожить истинное знание (истинное знание основано на вере, на мысли-чувстве, на творческой свободе, на развитой интуиции, на увлеченности!).

Особенностью образования явилась тенденция к предельному усложнению учебного материала, способов его подачи. Обычными стали такие явления: кандидаты физико-математических наук оказывались не в состоянии решать задачи по арифметике третьего класса, а профессиональные филологи – выполнять домашние задания по русскому языку или литературе.

Родители должны были переучиваться, чтобы вместе с детьми проходить программы с первого по шестой класс – дальше уже никто не в состоянии был овладеть школьной наукой. И тут начиналось раздвоение – социальное, педагогическое. Те, кто побогаче, находили репетиторов, которые готовили уроки вместе с учениками. Не всякий репетитор мог угадать, какая блажь придет в голову учителю. Некоторые репетиторы писали с детьми сочинения и получали за это двойки: пойди разберись, чего хочет от ученика какая-нибудь Марья Ивановна, которая решила работать «творчески», то есть по-своему трактовать, скажем, Троцкого или Ленина, братьев Карамазовых или Анну Каренину, чеховскую Душечку или Павла Власова. Пойди угадай, что Анна, по мнению училки, – оргийная сексапилка, а Душечка – истинная хранительница очага, смиренница, а Павел Власов с Ниловной и их создателем – изверги рода человеческого.

Те, кто побогаче да посмышленее, брали в репетиторы ту же Марью Ивановну, которая учила до и после уроков одному и тому же… Другие, понимая, что школьная грамота – блеф и нелепость, просто покупали учителей, завучей, директоров, подводя итоги: «У нас с аттестатом проблем не будет…»

На противоположном берегу оказывались бедное и среднее сословия. Дети современных нищих (инженеры, учителя, врачи, искусствоведы, журналисты, разнорабочие, слесари, токари, пахари), которые были не в состоянии осваивать переусложненные программы, вышвыривались из школ, накапливали в своих душах агрессивный потенциал, мечтая о том времени, когда они подрастут и скажут владельцам недвижимостей на Кипре: «Отдай одну треть, падло, иначе…»

5. Философский диктант: ВОЗВЫШЕННОЕ как энергетический импульс

Личность есть существо, преодолевающее препятствия, которые возникают на пути его реализации. Человек преодолевает свою ограниченность в двух направлениях. Первое – это освоение общеобязательной науки, правил, навыков. Второе, опять-таки чего никогда не касались психология и педагогика, – это путь, который лежит в глубине личности, на этом пути происходят экзистенциальные встречи с Богом, с глубинным миром других. На этом пути сталкиваются божественные сущности. Личность вполне реализует себя только на этом пути, ибо здесь самоосуществляется *сверхличное*…

Я диктую Максиму мысли Бердяева и говорю, что многое здесь мне самому непонятно, потому что глубинные миры

человеческих Я всегда содержат тайну. Я заряжаю его мудрой бердяевской энергией.

> Человек преодолевает свою ограниченность в двух направлениях. Первое – это освоение общеобязательной науки, правил, навыков. Второе, опять-таки чего никогда не касались психология и педагогика, – это путь, который лежит в глубине личности, на этом пути происходят экзистенциальные встречи с Богом, с глубинным миром других.

Замечаю, что не разделяю, скажем, позицию профессора Занкова о том, что надо учить детей на ТРУДНОМ. Надо учить на ВЫСОКОМ, точнее – на ВОЗВЫШЕННОМ. Я показываю Максиму живопись Рериха, Рублева, Дали, Мусатова. Мы начинаем с *радости созерцания.*

– Смотри, какие краски! – говорю я и замечаю, что краски его не трогают, не волнуют…

– Я хочу научиться рисовать карандашом…

6. Личность нуждается в другой личности

Яростный антиколлективист, Бердяев не отрицал социализации, соборности, коммюнотарности, сотрудничества. Он подчеркивал двойную природу человека: личностную и социальную. Но и здесь находил тот единственно возможный духовный поворот, без которого коллективность неизбежно обращается в свою противоположность: конформизм, авторитарность, разобщенность. Он писал, что в личности всегда «есть наследие коллективного бессознательного, она есть выход человека из изоляции, она исторична, предполагает общение с другими и общность с другими. Глубокие противоречия и трудности связаны с этой коммюнотарностью».

Мой Максим всякий раз, когда добивался каких-либо успехов, будто одерживал победы не только над собой, но и над другими. Перед ним словно маячили его прежние враги – учителя, родители, сверстники: «Я вам докажу, сволочи!» Этот реваншистский мотив как раз и обращал добрую коллективность в злобную силу отмщения: «Я покажу вам, какими вы были дураками, раз не углядели во мне дарований!»

– Будь щедрее, только таким способом может твой талант окрепнуть, – говорил я ему.

Требовалось немало пояснений о вредном влиянии собственной злобной силы на развитие дарования. Он спрашивал:

– А как же понять моего отца, который говорил: «У тебя нет самолюбия. Злости нет…»? Во мне злости хоть отбавляй…

– Это как раз и скверно. Вряд ли обрадуются твои учителя, когда узнают о твоих успехах…

Я ему рассказал о моем разговоре с педагогами той школы, которая упорно навешивала ему ярлык дебила.

– А вы знаете, – сказал я этим учителям. – Ваш Максим – талантливый парень. Написал несколько удивительных картин. Сейчас готовится к персональной выставке. А что касается учения, то он за три месяца освоил и сдал на четыре и пять все школьные предметы. Поразительные способности и удивительная работоспособность…

Учителя не поверили: быть этого не может!

– А вы по-прежнему работаете над темой «Развитие творческой активности»?

Директор ответил:

– Я вам скажу, почему Головин проявился таким образом. Мы его подготовили. Наша высочайшая требовательность подвела его к таким переменам…

Максим, слушая мой рассказ, рассмеялся. Я сказал:

– Это хорошо, что ты смеешься. Надо лишь пожалеть этих твоих прежних наставников…

После этого моего разговора у Максима стал снижаться реваншистский настрой: он понял, что теперь побеждать некого и незачем.

7. Присутствие великой детской Любви

Мне как-то заметили:

– С одним ребеночком и дурак справится. Вы вот попробуйте с коллективом в тридцать-сорок оболтусов…

– А вы знаете, что коллектив значительно легче убедить, чем одного человека? Разумный педагог использует «коллективистскую иррадиацию» мотивов, потребностей, устремлений в добрых целях. Об этом я написал два романа: «Пласт “Владимир” и «Новый Свет». Последний опубликован. В пору первой оттепели я остро почувствовал, что моей педагогике суждено основываться на двух величайших началах человеческого бытия – на Свободе и Любви. Только таким способом можно победить авторитарность – самое тяжкое наследие марксизма, ленинизма, сталинизма и авторитарной педагогики. Я и развивал основной тезис: «Педагогика как Любовь, она и есть Любовь, преодолевшая тоталитарный коллективизм».

С точки зрения методической в основу моих подходов легло соединение игры и переживания, предельно серьезного, даже трагического и искрометного мажора, юмора, светлой иронии, рефлексии и диалога и главное – подсознательных (коллективных и индивидуальных) сил и рациональных самораскрытий личности.

Мои перманентные игры длились годами. Они были предельно индивидуализированы. Передо мною дневники игровых экипажей седьмого класса Прелестненского интерната. У каждого своя индивидуальная программа: «Сочинить марш школы-интерната, написать к нему музыку, научиться делать мостик, прочитать биографию Микеланджело, нарисовать пейзаж, высадить шесть кустов роз, ухаживать за животными, написать рассказ в школьный журнал «Звезда»…» Автор этого дневника Коля Хаджинов сейчас живет в Братске. Прошло сорок лет, а он помнит то, чем занимался в школе-интернате… Будто вчера это было. Больше того, между нами как бы живет и развертывается тот Дух, если можно так сказать, который был порожден общением сорок лет назад, когда я ощущал в своем учительствовании присутствие великой детской любви. Любви, которая меня обогащала, помогала переносить трудности. Мы сорок лет не виделись. Переписывались. И всякий раз в Колиных письмах я улавливал доброе волнение, которое постоянно присутствовало в нашем общении, находил те повороты мыслей, чувств, которые рождались на уроках, во внешкольных занятиях, в многодневных походах, в личных беседах. Даже стилистика, даже знаки препинания мне говорят о многом. В одном из писем пять двоеточий – это результат увлечения лермонтовской прозой: поэт избегал союзов в сложноподчиненных предложениях – всякие там «потому что», «оттого что» и т. д. Проза Лермонтова сжатая, чеканная. Он был первым нашим учителем по стилистике. И конечно же, в письмах ни одной ошибки. Наши игры в «Предложения-гиганты», где по десятку оборотов да по несколько придаточных, – знания синтаксиса на всю жизнь! И по сей день живет в нем острый интерес к социальным проблемам. Тогда, в хрущевскую оттепель, нас интересовала авторитарность в разных ее проявлениях. Этот интерес мы пронесли с Колей через всю жизнь. Вот последнее его письмо, на котором стоит дата 24.02.96: «Дорогой Юрий Петрович! Пишу с единственной целью уведомить, что я еще жив… Последние месяцы были насыщены такими событиями, что до обстоятельного письма руки не доходили, хотя мысленно я беседую с Вами постоянно… О чем? Да обо всем: о событиях в нашей новейшей истории, о политике и политиках и даже

о месте художника в обществе! Кстати, сейчас с экрана телевизора Эдвард Радзинский сказал: «Всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно…» Причем сказал без пафоса, тихим голосом и со своей всегдашней лукавой улыбкой, и я в который раз подумал: «Власти плевать хотели на все эти сентенции демократической общественности».

После Вашей «Печоры» прочитал «Жизнь Чезаре Борджиа» Рафаэля Сабатини. (О Борджиа впервые узнал из «Печоры».) Так вот в предисловии переводчик А. Случевский пишет: «…читающая публика почувствовала вкус к защите памяти Борджиа. Образ Чезаре Борджиа не становится отталкивающим, даже если без спора признать за ним все злодеяния, в которых его обвиняли враги». А Сабатини в качестве эпиграфа помещает латинское «Пороки эпохи, а не человека». Молодцы латиняне, для нашей нынешней власти очень «удобная религия». Но они вряд ли читали Сабатини.

Интересно, что напишут нынешние историки об уважаемом в 1991 году Борисе Николаевиче? Воистину «весь мир – театр…»

8. Два полюса социализации

Социализация может быть насильственной и добровольной. Она может быть порождена страхом, безразличием или радостью. Поразительна мысль Бердяева – в социализации всегда сталкивается образ Бога и образ механизма. Богочеловечество и машиночеловечество – два полюса. И трагизм педагогической технологии состоит в том, что та же радость, та же свобода и раскованность могут при определенных обстоятельствах привести к скрытой авторитарности, к конформизму самого худшего толка. Игра как сильнейшее динамическое средство может привести к бездумности, к жесточайшему отчуждению личности от самой себя, от богочеловеческих устремлений.

Я рассказывал детям сказки, где раскрывал им свою собственную судьбу, схожую по лишениям с их детскими судьбами. Рано осиротевшие, познавшие холод чердаков и подвалов, гнусность воровства и избиений, остриженные наголо, в огромных спальных комнатах длинными зимними вечерами они входили в мою прошлую жизнь, в жизнь мальчика, у которого не было ни дома, ни отца, ни еды, ни теплой одежды. И каким образом в сердце его вспыхнуло страстное желание чего-то добиться в жизни, каким образом пришло на ум за один год закончить три класса и поступить в университет – это было для меня загадкой, и эту тайну я раскрывал им, и она соединялась с игрой, которая завтра захватит детей своим

веселым задором, а я уже в игровой форме с новой силой буду убеждать:

– Нет такой силы в мире, которая могла бы победить истинную великую любовь человека к людям, к своим потенциальным возможностям… Каждый может достигать того, чего захочет… – и следовали рассказы о десятилетнем Пушкине («великим быть желаю»), об Эдисоне, Менделееве, Горьком, Лермонтове и многих других. И лейтмотив: «Раз другие смогли, значит, и я смогу…»

9. Сильная личность есть выраженный характер

Снова я пишу философские диктанты не только с Максимом, но и с другими детьми:

«Характер есть победа духовного начала в человеке. Характер есть овладение собой, победа над рабством в самом себе, которая делает возможным и победу над рабством во внешнем мире. Характер – это независимость, это обретенная форма свободы. Дух создает форму личности, характер – человека. Без этого синтеза *духа* и *характера* личность распадается на части, душа теряет свою целостность. Сила духа есть сила характера, сила личности… Личность связана с аскезой, то есть с духовными упражнениями, с концентрацией внутренних сил. Тот, кто способен на аскезу во имя духовно-творческих достижений, тот вырабатывает и волю, и сильный характер…»

> Характер есть победа духовного начала в человеке. Характер есть овладение собой, победа над рабством в самом себе, которая делает возможным и победу над рабством во внешнем мире. Характер – это независимость, это обретенная форма свободы.

После этого диктанта мы долго беседовали и пришли к необходимости провести дни САМОИСПЫТАНИЯ. Я рассказывал, как боярыня Морозова по несколько дней не брала в рот ни росинки, ни крошки хлебной: «Жаждой, голодом и поклонами тело свое умучаю…» Максиму понравился образ боярыни. Он написал ее портрет. Наметил для себя аскетическую подвижническую программу.

– Аскеза есть борьба личности против рабства, и только в этом смысле она допустима. Она не есть покорность и послушание. Истинная аскеза есть начало *героического в человеке.*

Мы говорим о героях, то есть о великих людях,

составляющих, по выражению Томаса Карлейля, «душу мировой истории». «Не много ведь людей нужно, чтобы изменить лик Отечества. Какая-нибудь тысяча», – говорил Достоевский.

Сегодня как никогда нужна эта тысяча, ибо кризис страны – это кризис, связанный с отсутствием бескорыстных героических начал в людях.

10. Личности нет без способности к страданию и тоске по совершенству

Это неожиданный поворот. Но не для Максима. И раньше до выхода книги Бердяева «Царство духа и царство кесаря» тоску под влиянием религиозных мыслителей считали греховным свойством души человека. Тоска, по Далю, это стеснение духа, томление души, мучительная грусть, боязнь, скука, горе. Тоска злая на сердце залегла. Хлеба ни куска – везде тоска!

Совсем по-иному смотрит на это душевное свойство Николай Александрович Бердяев. И я говорю об этом Максиму:

– Тоска обличает высшую природу человека, она устремлена вверх. Личность в путях своего возрастания переживает это состояние. В тоске есть что-то трансцендентное в двойном смысле. Острая тоска возможна в самые счастливые минуты. Личность не может примириться с обыденностью, отсюда тоска по совершенству. Развитие личности не может не сопровождаться тоской. Тоска – это готовность к прыжку через бездну, готовность к катастрофам и страданиям. Героизм личности всегда связан с готовностью переносить любые страдания. Переносить трагические противоречия.

– Теперь мне легче будет переносить одиночество, – говорит Максим. – Я буду ждать: за тоской всегда идет другой, светлый край бездны.

11. Нет личности без страсти

Увлеченные богоискательством, многие наши педагоги-энтузиасты в настоящее время под влиянием православия, в частности, проповедуют необходимость избавления от страстей. Помню мой долгий спор на эту тему с замечательным нашим философом Генрихом Батищевым. Он говорил: «Надо преодолевать страсти». Многие считают, что любовь ничего общего не имеет со страстями человеческими. Бердяев мыслит по-другому.

– Личности нет без страсти, как нет без страсти Гения. Нет и любви без страсти. Проблема личности связана

с проблемой гениальности. Гениальность не следует отождествлять с гением. Гениальность есть целостная природа человека, ее интуитивно-творческое отношение к жизни. Гений же есть соединение этой природы с особенным даром. Гениальность потенциально присуща личности, хотя бы она и не была гением. Образ Божий в человеке гениален, но эта гениальность может быть закрыта…

– Как это? – спрашивает Максим.

– В последние годы я провел в разных регионах страны опросы среди учащихся и педагогов. На вопрос: «Были ли у вас проблески гениальности?» – девяносто восемь процентов ответили утвердительно. А на вопрос: «Стремитесь ли вы вновь вызвать эти проблески?» – большинство ответили: «Нет». То есть гениальность как свойство личности оказалась невостребованной. В наших душах живет низкая самооценка, заниженность наших возможностей. Гениальность присуща каждому, поскольку Бог в каждом. Надо лишь дать простор для выхода потенциальных данных – эстетических, технических, нравственных, бытовых и т. д.

– Для этого нужна сильная целеустремленность?

– Именно. Нужна страсть, которая захватит личность полностью. Она возникает, когда человек ставит перед собой сверхзадачи. Пагубные страсти ведут к гибели личности. Страстная любовь к людям, к творчеству, к самораскрытию приводит к нравственным победам, к торжеству Добра и Красоты в человеке.

12. Личность есть гражданин царства Божьего, а не царства кесаря

– Социализируется индивид, а не личность. Личность в человеке не может быть социализирована. Социализация человека лишь частична и не распространяется на всю глубину личности. Личность не может быть поставлена под знаком общего блага. Общее благо нередко прикрывает многие тирании и рабства. Примат личности в человеке трагичен, потому что требования того же государства, партии или коллектива порой противоречат великим законам Любви и Свободы. Личность формируется через столкновение со злом, через острое сознание греха и вины. Тебе это понятно или это очень сложно? – спросил я Максима.

Личность формируется через столкновение со злом, через острое сознание греха и вины.

– Очень понятно. В прошлый раз вы говорили о Пилате и Христе. Выходит, Пилат – государственник, а Христос живет по законам Царства Божьего и поэтому гибнет?

– Выходит, так. В этом сложность гражданского и человеческого воспитания.

– Как же тогда быть простому смертному?

– Подлинная личность, конечно же, не исключает компромиссов, когда видит, что государство требует неоправданных жертв или безнравственных поступков. Но пусть этих компромиссов будет как можно меньше.

Глава 5
«Семья – лаборатория человеческих судеб» (И. А. Ильин)

1. Мудрый мистицизм здравого смысла

И. А. Ильин – один из немногих отечественных мыслителей, в чьем творчестве органично переплетаются два начала: русский космизм, соединенный с православием и общечеловеческой культурой, и здравый смысл проникновения в потаенный мир ребенка, отца, матери с их инстинктами, глубинным подсознанием, живой потребностью любить и преобразовывать этот мир.

Его педагогика всечеловечна, народна и государственна в лучшем смысле этого слова. Это даже не педагогика. Это пророчествование того, как выйти из социального кризиса, в котором оказалось Отечество. Здесь мы имеем дело не с частностями педагогических решений, хотя и они не отрицаются, а с глобальными механизмами переустройства и обустройства общества, с преодолением социальных кошмаров, как бы они ни именовались, – тоталитаризмом или демократической диктатурой, национал-патриотизмом или коммунизмом.

Мы имеем дело с инструментарием и системой обновления нравственных устоев семьи, культуры, образования. Его ясновидение, лишенное шаманства и кликушества, как луч света, пронизывает детство, материнство, отцовство, освещает путь в будущее, где горит звезда надежды и веры, где упование на истинное возрождение реально и самобытно.

Он предельно ясен, хотя входит в самые дальние пределы сложных психологических образований. Он рационален, несмотря на то что затрагивает глубинные иррациональные пласты подсознания. Он прост, но его простота таит в себе космические сплетения самых высших человеческих ценностей.

Он многомерен в слове, полифоничен в культуре, избегает парадоксальности или афористической завершенности, к чему так стремился Бердяев; ему чужда академическая ограниченность Мережковского или бунтарская тоска Льва Толстого. Он противник тайновидческих ходов а-ля Блаватская, Рудольф Штайнер или Кришнамурти. Он вселенский и вместе с тем национальный. По матери чистый немец, по отцу русский, он против шовинизма, против бездумного перенесения

на русскую почву чужеродных систем, в том числе германизма или американизма. Он художествен, его учение не взять силами логики. Он схож с Достоевским, с Вл. Соловьевым. Его учение сродни искусству, которое познается силами души, вчувствования, эмпатии, катарсиса. Читая Ильина, вспоминаешь «Подростка» Достоевского: «Воспитание определяет и характер государства, и характер преступлений в нем, и характер добродетелей».

2. Мир управляется из детской…

Ильин настаивает на иной формуле, всеобъемлющей: «Мир не только строится в детской, но и разрушается из нее; здесь прокладываются не только пути спасения, но и пути погибели».

Философ называет семью лабораторией человеческих судеб. И снова поражает неординарным подходом: эта семейная лаборатория возникает «от природы, на иррациональных путях инстинкта, традиции и нужды».

Люди живут, ходят друг к другу в гости, лгут, изворачиваются, радуются чужим потерям, удовлетворяют свои потребности, «изживают свои склонности и страсти» – и все это воспитывает, творит новое поколение. Он подчеркивает, что благороднейшее из искусств – искусство воспитания детей – почти всегда «недооценивается и продешевляется». Вместо того чтобы открывать им путь к любви и внутренней свободе, мы наносим им неизлечимые раны, уродуем их души – создаем мир по своему подобию, лукавый и коварный, жадный и мстительный.

Он предсказывал: придет час, и дети будут свидетелями того, как рухнет казарменный социализм, как на его обломках будут состязаться анархия и деспотия, как «демократическая» клановая диктатура будет создавать свою демократическую инквизицию, ибо демократия в России хочет строить все на сговоре, эта демократия соберет вокруг себя жаждущих власти, господства, командования. Это будут люди инстинктивно разнузданные, душевно ожесточившиеся и духовно омертвевшие, ибо они все из прошлого, из эпохи коммунизма, где все были рабами, и дети будут всматриваться в отцов и матерей и долго еще будут осваивать в своих душах и в своих деяниях то худшее, что вобрали в себя, постигая инстинктом души саму эссенцию предшествующего поколения.

У новых бесов нет времени на воспитание детей. Им некогда остановиться, прорефлексировать, сосредоточиться на своих

вчувствованиях – они в вечном стремлении удовлетворить жажду власти, крови, насилия. Они становятся беспомощными перед детской чистотой, перед детскими глазами, в которых застыли щемящие вопросы: «Чему вы хотите меня научить? Посмотрите, насколько вы отвратительны, – неужто и я должен стать таким?» И отмахнется от своего дитяти взрослый усталый человек: «Не до тебя, сыночек, иди-ка погуляй лучше», – это в лучшем случае, а в худшем, но может быть, и не совсем худшем, а правдивом, замечательном, скажет горячо или с обидой: «Нет правды на земле, но нет ее и выше!» Блеснут бесы страшным оком, обдадут жаром детскую душу – и уйдет ребенок к своим сверстникам, таким же необласканным и неприютным! Когда начинает черстветь сердце ребенка? Когда из красивой девочки вырастает жадная торговка, злая мстительная мегера? Когда из наших прекрасных юношей вылезает какое-нибудь кувшинное рыло карьериста или подхалима?

> История показывает, что все великие крушения и даже «исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются прежде всего в разложении семьи», в разрушении родственности.

Слышу голоса родителей и педагогов: «Зачем же так?!» Сегодня говорят о мировоззренческом вакууме, о том, что поколение растет вялым и беспринципным, бесчестным и циничным. И. А. Ильин по этому поводу предостерегал: станут создаваться эпохи, где безответственность родителей будет расти из поколения в поколение. «Это как раз в те эпохи, – настаивает философ, – когда духовное начало начинает колебаться в душах, слабеть и как бы исчезать; это эпохи крепнущего безбожия и приверженности к материальному, эпохи бессовестности, бесчестия, карьеризма и цинизма. В такие эпохи священное естество семьи не находит себе больше признания и почета в человеческих сердцах; им не дорожат, его не берегут…» Тогда между родителями и детьми вырастет пропасть, отец и мать перестают понимать своих детей, а дети начнут жаловаться на абсолютную отчужденность, и уже много лет спустя дети воспроизведут в своих семьях эту отчужденность: новая эпоха, как бы ее ни обновляли и ни подкрашивали, оборачивается новым оскудением, новым заболеванием. Этот кризис подрывает семью, общество, государство.

История показывает, что все великие крушения и даже «исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются прежде всего в разложении семьи», в разрушении *родственности.*

3. Заповеди духовно здоровой семьи

Перефразируя Августина Блаженного, можно сказать, что семья есть христианка по своей природе, в семье человек учится любить, из любви и от любви страдать, терпеть и жертвовать, забывать о себе и служить тем, кто ему ближе всего и милее всего. Так характеризует Ильин христианскую любовь в семье. Семья – естественная школа любви, школа творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей.

Семья, по Ильину, призвана поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную традицию. Из этой национальной, отечественной традиции возникает и утверждается культура священного очага – культура народа с ее благоговейным почитанием предков, с «ее идеей священной межи, огораживающей могилы предков», с ее национальными обрядами и обычаями.

> Семья – естественная школа любви, школа творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей.

Семья для ребенка – это первое *мы,* «лоно естественной солидарности», школа «взаимного доверия и совместного организованного действования».

В семье ребенок постигает и учится истинному авторитету, научается воспринимать высший ранг другого лица, не впадая ни в зависть, ни в озлобление. Только свободное признание чужого высшего ранга избавляет от унижений, и только любимый и уважаемый авторитет не гнетет душу.

Семья есть школа свободы, школа здорового правосознания. Здоровая семья будет органическим, природным, естественным единством – по крови, по духу и по имуществу. Единение членов семьи как раз и возникает в процессе труда, в процессе хозяйствования, дисциплины и жертв. Ребенок приучается пробивать себе дорогу в жизни при помощи собственной инициативы, социальной взаимопомощи, семейной солидарности, частной собственности как высшей целесообразности. А умение подчинять начала частной собственности социально-творческой духовной задаче есть то самое искусство, вне которого не может быть разрешен социальный вопрос. Вот почему с малых лет надо включать ребенка в процесс решения хозяйственно-бытовых задач, в процесс самообеспечения, возможных заработков, создающих предпосылки для приобщения детей к духовному

опыту через конкретную *предметность.*

4. Духовный опыт как цель воспитания

Чтобы ребенок получил доступ ко всем сферам духовного опыта, надо «сводить ребенка во все места, где можно найти и пережить нечто БОЖЕСТВЕННОЕ». Какие это места? Это и красота отдельных уголков природы, таинственных и благодатных, это и та чудесная глубина благородной радости, какую дают нам искусство и сострадание, это и мужество национального героя или гения с их одинокой борьбой и жертвенной ответственностью, а главное – молитвенное обращение к Богу.

Духовно пробудить ребенка и указать ему грядущие трудности – источник силы и утешения в его душе. Надо воспитывать будущего победителя, который умел бы внутренне уважать самого себя, утверждать свою духовную личность, свое свободное достоинство, перед которым бессильны были бы соблазны и искушения современной цивилизации.

Ребенок не должен быть для родителей игрушкой и забавой, он должен быть душевно закален, готов к лишениям и самоотречению, к высоким родительским и социальным требованиям. Надо помнить, что характер ребенка, его основные линии развития формируются уже в пять-шесть лет, необходимо разумно склонять ребенка к мужественной искренности, к спокойной и достойной дисциплине.

Надо помнить, что характер ребенка, его основные линии развития формируются уже в пять-шесть лет, необходимо разумно склонять ребенка к мужественной искренности, к спокойной и достойной дисциплине.

Крайне опасным является раннее эротическое пробуждение души ребенка. Предостеречь ребенка от грязных и грубых прикосновений жизни, от назойливых любвеобильных тисканий, от порнографии – значит сформировать так необходимое целомудрие и нравственную чистоту.

5. Искусство воспитывать сильную духовно-творческую личность

Что воспитывает ребенка? Атмосфера искренности, правды, труда, дисциплины, свободы творчества и любви ко всему духовному в семье, в окружающем мире.

Великий обман ребенок воспринимает с чрезвычайной остротой: становится подозрительным, впадает в соблазн лгать. Никогда из «лживой, изолгавшейся семьи не выйдет искренний, честный и мужественный человек», ибо ложь растлевает человека незаметно. И если в современном мире, особо подчеркивает Ильин, мир кишит ложью, обманом, неверностью, предательством и изменой своей родине, своей семье, наконец, самому себе и если эта лживость соединяется с душевным детским разладом, с ранее приобретенным бесчестием, то неизбежно вырастает человек, приученный в «нечестности наедине с собой и в подлости к другим».

Искусство искренности требует от ребенка большого мужества, напряжений и ответственной дисциплины.

Ильин категорически выступает против различных форм и методов авторитарного воздействия: унижения, оскорблений, угроз и суровых наказаний. Конечно же, крайне сложно вызвать в ребенке потребность добровольного самоограничения и добровольного преодоления трудностей. Но это необходимо, ибо *человек вседозволенности,* разнузданный и капризный, всегда враг и самому себе, и другим.

Именно поэтому на одно из первых мест Ильин ставит искусство воспитания воли, способность к автономному самообладанию. Дисциплинированному человеку всякая дисциплина легка. Как говорит русская поговорка: «Превысокое владетельство – собою владети». Но и дисциплина не должна развиваться в ущерб свободе и любви. Она не может стать самоцелью, не должна превращаться в «тягостный догмат и в душевное каменение». Искусство состоит в том, чтобы процесс дисциплинирования стал незаметным, свободным совестным актом. В основе дисциплинирования лежит, по мнению Ильина, чувство взаимной личной незаменимости, которое связывает родителя с ребенком. Эта таинственная связь кровной любви способна снимать любые напряжения, преодолевать и сглаживать конфликты, согревать добрым родительским теплом любые невзгоды и самоотречения. «Сокровенная совместимость двух существ, незаменимых, выстраданных, кровь от крови, кость от кости, создает неповторимое духовное своеобразие, порождает в сердце ребенка первообраз чистой матери, несущей милость, любовь и защиту, и первообраз благого отца, дарующего питание, справедливость и разумение. Горе человеку, если в его душе нет этих двух живительных начал духовной любви и духовной веры!» Об этом, о родительском авторитете сказал хорошо Пушкин, замечает Ильин:

Они любить, лелеять научают
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они науке первой учат:
Чтить самого себя…

Ильин делает такой вывод: «…Из духа семьи и рода, из духовного и религиозного осмысленного приятия своих родителей и предков родится и утверждается в человеке чувство собственного ДУХОВНОГО ДОСТОИНСТВА, эта первая основа внутренней свободы, духовного характера и здоровой гражданственности».

Пожалуй, никто из отечественных мыслителей XX столетия с такой отчетливостью не формулировал задачи воспитания, образования, культуры, демократии, обновления России. Много десятилетий назад Ильин предсказывал то время, когда рухнет казарменный социализм и на его обломках будет строиться новая «демократия» – демократия нуворишей, карьеристов, казнокрадов. Но в потаенных глубинах народа разовьется и окрепнет сохраненная православная *сила самоопределения к лучшему.* Подобно Толстому (в грандиозных битвах успех сражений решают не пушки и снаряды, а *дух народа!)* Ильин в противовес марксизму доказывал, что изобилие и благоденствие людей зависят не от «производительных сил и производственных отношений», а от того, насколько эта сила самоопределения преодолевает лживость и бесчестие, карьеризм и бездуховность, насколько она способна к самоотречению, к утверждению высших человеческих идеалов, насколько способна объединить граждан своего Отечества.

Нам бы постичь духовное величие его главного завета: «Россия выйдет из того кризиса, в котором она находится, и возродится к новому творчеству и новому расцвету – через сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: СВОБОДЫ, ЛЮБВИ и ПРЕДМЕТНОСТИ. Вся современная культура сорвалась на том, что не сумела сочетать эти основы»[4]. И. А. Ильин многократно подчеркивает, что России нужно НОВОЕ ВОСПИТАНИЕ: в свободе и к свободе, в любви и к любви, в сердечной предметности и к освященной высшими ценностями предметности. И это – прогноз не на сегодня, не на завтра – на ВЕКА!

И любовь, и свобода без наполнения их созидательной творческой деятельностью теряют свой высший смысл. Мы часто встречаемся с *декламацией высших ценностей,* когда демагог и шкурник, карьерист и подлец взывают к высшим ценностям –

Любви, Свободе, а на самом деле исповедуют даже не демонические убеждения, а сатанинские: лгут, изворачиваются, паразитируют на ближних, воруют и убивают.

Предметность и есть преодоление лжи и насилия, она и есть созидательная деятельность на основе Любви и Свободы. Вот почему немыслимо рождение новой России без этих трех законов Духа.

6. Свобода, воспитание, демократия

Воспитание, школа, семья воспроизводят в своей реальности те формы жизни, которые властвуют, доминируют в обществе. Какова демократия в обществе (внешняя свобода), таковы и способы преодоления или, точнее, развития авторитарности в семейном и общественном воспитании. Если в настоящее время в нашей стране зафиксировано около 200 тысяч преступных группировок, если этими группировками практически контролируются все финансовые и производственные структуры, если рэкет, заказные убийства, шантажи, ограбления и воровство становятся главными способами наживы, то этот насильственный мир так или иначе воссоздается на разностороннем воспитательном пространстве.

Именно в недрах семьи и школы идет подготовка (выращивание) нового «улучшенного» поколения творцов безнаказанных, государственно и социально санкционированных форм вседозволенности.

Поэтому надо и начинать социальные преобразования с семейного и общественного воспитания, когда воспитание внутренней свободы молодых людей идет рядом с развитием истинной демократии. Ильин исходит из такой зависимости обстоятельств и личности: «Если внешняя свобода устраняет насильственное вмешательство *других людей* в духовную жизнь человека, то внутренняя свобода обращает свои требования не к другим людям, а к самому себе – вот уже внешне нестесненному – человеку. Свобода уже по своему существу есть именно *духовная свобода,* то есть свобода духа, а не тела и не души… *Дух есть сила самоопределения к лучшему*»[5]. С точки зрения Ильина, тело и душа несвободны, поскольку зависят от внешних обстоятельств. А дух всегда свободен, так как он всегда есть сила, преодолевающая как соблазны, так и внешние воздействия на человека.

В стеснениях и ограничениях нуждается не свобода духа, а бездуховность, то есть такая освобожденность от духа, которая неизбежно переходит во вседозволенность. Именно поэтому дети

не могут быть предоставлены на произвол «внешней» и отрицательной свободы, они должны быть подготовлены к освоению внутренней духовной свободы. И дело состоит не в том, чтобы оставить их в покое и не вторгаться в их мир, а в том, чтобы пробудить в них жажду духовной жизни. «Духовная свобода ребенка, – пишет Ильин, – совсем не состоит в том, чтобы он приобрел внутреннюю способность достойно пользоваться свободой и духовно заполнять свою внешнюю «невынужденность» и «незапуганность». Внешняя свобода необходима для ВНУТРЕННЕГО САМООСВОБОЖДЕНИЯ; она священна только как верный залог внутренней свободы…»[6] Внутреннее самоосвобождение необходимо для предметного, созидательного самовоспитания.

Лояльный гражданин – это человек с развитым самосознанием, человек, противостоящий *смуте.* Лояльность не есть механическая покорность, но добровольно принятые на себя обязательства защищать все то *предметно-честное,* что есть в государстве, обществе. Лояльность противостоит произволу, вседозволенности, ибо она законопослушна или, как теперь часто прибавляют, легитимна! Только лояльность создает мир в душах людских, в обществе, государстве. Лояльности противостоит *смута,* ибо последняя есть *«война всех против всех»,* есть *«борьба личных своекорыстий».* «Так бывало и в истории России: люди кривили душой (в старину это называлось «воровал») и, по словам летописи, «несли Русь ровно». Так было в Смутное время (1605–1613 годы). Именно так возникла большевистская революция (1917 год). При таком настроении в народе государство существовать не может; центробежные силы одерживают верх над центростремительными; личный интерес становится выше общего; все рассыпается в прах, в песок – и буря событий несет этот песок в пропасть»[7]. Надо ли говорить о том, насколько точно приведенные слова характеризуют наше смутное время.

Преодолеть смуту – значит поставить на первое место социальной жизни воспитание правосознания у молодых людей, у народа, воспитание правозащитного гражданина, лояльного, дружественного, любящего свою семью, свою родину, свою профессию, свою духовную свободу.

7. Возрождать Россию – значит воспитывать народ в духе воли к справедливости

Такова формула Ильина, прозвучавшая в годы величайшей несправедливости. Он мечтал о том времени, когда будут

залечены раны революций и войн, когда «необманно» удастся «уверить народ в том, что есть дух высшей справедливости». Поэтому надо:

• воспитывать волю к справедливости;

• отыскивать справедливость для всех, осуществив конец уравниловки, обезличивания;

• пробуждать совестное братство и даже художественное вчувствование в живого человека желанием верно видеть его;

• развивать в каждом живое и чуткое правосознание, которое готово поступиться своим и отстаивать чужое;

• новое воспитание должно укреплять дух жертвенности. И чем сильнее этот дух, тем сильнее государство.

Справедливость требует предметного неравенства, и Ильин подчеркивает: уравнивать всех и во всем несправедливо, глупо и вредно.

Ильин проанализировал то, что нам предстоит еще делать, а именно рассмотреть во всех отношениях сложнейшую из социальных систем «справедливость – равенство – несправедливость». Всякое преднамеренное, ускоренное, оптимизированное развитие (сколько же пустых слов было порождено социализмом!), равенство может двигаться только «вниз», делая всех одинаково необразованными, больными, бедными, плохо одетыми. Бедность возводилась в ранг социального идеала. С какой же гордостью говорилось: «А мой отец, дед, прадед был очень бедным, с голоду помирал…» Революция сделала всех нищими, вороватыми, тупыми, она возвела на руководящие посты ловчил, подхалимов, карьеристов, продажных, гнусных, лицемерных подлецов, бездушных чиновников, доносчиков и палачей.

Справедливость требует воздавать каждому по действительным заслугам, по труду. Справедливость утверждает высшие ценности, добрые отношения между людьми, любовь.

8. «Любовь есть доброта» (И. А. Ильин)

Он так считал, потому что Любовь вызывает потребность сделать счастливыми всех вокруг себя (иначе это не любовь!) и «наслаждаться этим чужим счастьем как излучением своего собственного».

Духовная Любовь, отмечает постоянно Ильин, есть некоторый ГОЛОД ДУШИ по БОЖЕСТВЕННОМУ. Еще Платон говорил, что истинная Любовь делает человека одновременно БОГАТЫМ и БЕДНЫМ. Богатство в том, что человек нашел сокровище,

а бедность оттого, что в душе непременно рождается страх потерять богатство, и от чувства, что он не до конца владеет этим сокровищем: отсюда печаль и душевные муки, ропот на свою «лишенность и нищету». Но эта бедность особенная, духовная, она обостряет воображение, радость, стремление к высшему, к недосягаемому, к идеальному.

> Любовь есть вкус к совершенству, есть некоторый духовный орган для восприятия божественного совершенства. Собственно, и люди делятся на тех, кто стремится обрести этот ВКУС, кто пребывает в ПОИСКЕ ДУХОВНОЙ ЛЮБВИ во всем: в труде, в общении с близкими и дальними, и на тех, кому чужды этот поиск, эта направленность своей души.

Любовь есть *вкус к совершенству,* есть некоторый *духовный орган для восприятия божественного* совершенства. Собственно, и люди делятся на тех, кто стремится обрести этот ВКУС, кто пребывает в ПОИСКЕ ДУХОВНОЙ ЛЮБВИ во всем: в труде, в общении с близкими и дальними, и на тех, кому чужды этот поиск, эта направленность своей души.

Как видим, у Ильина иной, нам неведомый или даже забытый ключ к постижению и самих себя, и Высшего Добра, Высшей Красоты и Истины.

9. Священное слово СОЗЕРЦАНИЕ

«Во всяком духовном творчестве (а педагогическое прежде всего является таковым! – *Ю. А.*) есть две функции, – говорит И. А. Ильин, – две способности, которыми люди бывают одарены в неравной мере: способность творческого СОЗЕРЦАНИЯ и способность легкого и быстрого проявления или, если угодно, удачного, яркого, меткого, может быть, приятного или сладостного выражения»[8]. Ильин сознает, что слово «созерцание» не совсем подходит для характеристики первой способности: надо найти более «значительное и СВЯЩЕННОЕ СЛОВО». Только в этом случае, то есть если будет найдено такое слово, «осветится последняя глубина творческого процесса».

Мы утратили не просто связь с истинно родным языком, мы изъяли из живой семантической плоти духовные начала, отчего слова оскудели, приобрели характер жестких черепков, оттого и «созерцание» в наших словарях нередко трактуется на птичьем жаргоне марксистско-ленинской психологии: «начальная ступень познания, состоящая из ощущений

и восприятий, непосредственно связывающих мышление с бытием» (Словарь русского языка. – М., 1961. Т. IV. С. 256). И. А. Ильин не принял этот жаргон. Он жил в языковой культуре блистательного XIX столетия, когда «созерцание» означало «смотреть со смыслом, углубляясь в предмет, проникая его насквозь, любуясь им, вникая в него МЫСЛЕННО», РАЗУМОМ, ДУХОМ, как СОЗЕРЦАЕТ ПОМЫСЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ГОСПОДЬ. Истинный человеческий талант возвышается до подобия Божьего. Такой талант становится *посвященным, ясновидческим, пророческим.* Во времена Толстого и Достоевского были в ходу слова «пророчествование» и «учительствование». Толстой стремился к учительствованию, а Достоевский стал и Пророком, и Учителем. Достоевский созерцал своим духом и человека, и семью, и общество.

Такой созерцательности, такого созерцательного Духа недостает нам, погрязшим в мнимой учености, в мусорной диалектике железобетонной философии.

10. Тайна созерцания

Она проста и вовсе, может быть, не тайна. Однозначные выводы И. А. Ильина таковы:

– Надо смыть позор своих преступлений, следы вынужденного страхом приспособления. Надо смыть черное бесчестие прошлых лет и поверить в свою собственную непоколебимую честь, чтобы восстановить *доверие к себе самому и научиться узнавать людей,* то есть видеть их *духовный смысл,* радость обновления и избавления от лжи. Никакое пустословие о «демократии», «федерации», «свободе» не заменит *обновления душ,* избавления от дьявольской лжи, бессовестности и бесчестие. Нечего браться за освобождение России, за воспитание молодых людей без совести, без правды, без высокой созерцательности.

В разных регионах страны я рассказывал об Ильине, Бердяеве, Вышеславцеве, о возможных путях духовного обновления, о великой общечеловеческой педагогике любви и свободы и всюду видел, постигал и созерцал живую потребность обновления. Никто и нигде из моих многочисленных слушателей не сказал, не прервал меня словами:

– Мы – самые замученные из всех сегодняшних трудовых сословий. Нас, школьных учителей, обобрали до нитки, и мы на пределе крайней бедности и нищеты!

Может быть, это кощунство, но я осязал их потребность духовного очищения, духовного самоуглубления. В них рождалась та великая созерцательная сила, которая именовалась

Ильиным первой ступенью раскрытия человеческой талантливости. Кстати, тема моих выступлений – «Развитие детской и педагогической талантливости».

«Самое трудное – увидеть то, что перед тобой» (Гёте).

11. А как же на практике?

Хочу в терминах И. А. Ильина рассказать о реальном педагогическом таланте, о таланте, в котором священно соединены названные две способности.

Хочу с помощью педагогической эстетики углубиться со смыслом в созерцательную деятельность реального учителя, никем и ничем не отмеченного (разве что Богом!) учителя, которого администрация квалифицировала по заниженному разряду (а причина, может быть, и та, что слишком хорошо о нем говорят родители: добрый, добрый! А мы, значит, не добрые!)! Учителя, который мысленно, разумом, духом освещает последние глубины творческого процесса.

Зовут его Николай Алексеевич Екимов. Преподает он музыку в музыкальной школе, что на Красной Пресне в Москве. В этот день на свое индивидуальное занятие с пятилетней Леночкой Николай Алексеевич опоздал на полчаса: не мог дозвониться и предупредить об этом родителей. Я сначала не мог понять, почему занятие началось с того, что учитель долго извинялся перед ученицей, а она прятала голову под стол: что же она капризничает?! А она потом мне объяснила: «А почему он опоздал?!»

Ильин говорит о том, что дар созерцания предполагает в человеке некую повышенную впечатлительность духа. Нет, Екимов не упрашивал Леночку вылезти из-под стола, он продолжал объяснять то, как она должна сыграть на флейте новую песенку. Я наблюдал за этой ужасно неприятной картиной, за тем, как он, будто совсем не замечая каприза крохотного ребенка, продолжает как ни в чем не бывало рассказывать, не замечая ни меня, сидящего в зале, ни девочку. Мне думалось: может быть, это и есть то великое долготерпение, составляющее, как писал апостол Павел, истинную ДУХОВНУЮ ЛЮБОВЬ. Потом было еще два каприза. На просьбу учителя сыграть она демонстративно хватала флейту и играла. Снова учитель как ни в чем не бывало требовал повторений, возмущался и, когда получалось, хвалил… А потом где-то на тридцатой минуте произошло ЧУДО: девочка обнаружила и абсолютный слух, и абсолютное чутье, и что-то в ней открылось такое, благодаря чему она совершенно блистательно играла, и учитель ЩЕДРО,

ОЧЕНЬ ЩЕДРО поощрял, и здесь уже после тридцатой минуты он как-то по-иному переносил даже самые незначительные неудачи ребенка. Когда Леночка допускала даже крохотные неточности, учитель, точно раненый зверек, корежился от боли: «Ну что же ты так?!», и ребенок понимал эту боль, и все крохотное существо девочки точно вбиралось в блок-флейту, она старалась изо всех сил, чтобы больше не страдал любимый учитель. Истинное созерцание, по Ильину, есть «способность восторгаться всяческим совершенством и страдать от всяческого несовершенства».

Я думал над поведением учителя. Примеривал к себе детские капризы. Пожалуй, я бы не сдержался. Вспоминал итальянский фильм, где учитель, которого играл известный Плачидо, и глазом не моргнул, когда ученик, явно издеваясь над наставником, расписывал на уроке фломастером сначала руки, а затем и лицо педагога. Я ждал, когда сорвется учитель, по крайней мере руку ученика отведет в сторону, было больно созерцать учительское долготерпение – эту апостольскую духовную любовь! А он так и не сорвался.

И не сорвался Николай Алексеевич. В нем жила, говоря языком Ильина, «обостренная отзывчивость на все подлинно значительное и священное как в вещах, так и в людях». Ему нужен был духовный результат. Нужен был во что бы то ни стало! Перед ним, перед его созерцательным взором была великая музыка и великая тайна детского Я. Кроме этих двух величин, ничего не существовало. И учитель был абсолютно спокоен, ибо знал: обе величины раскроют свои недра, и замечательный ДАР будет явлен. Его «душа, предрасположенная к созерцанию, была как бы непроизвольно пленена тайнами мира и таинством божиим» (И. А. Ильин).

Вот как это таинство описывает сам Н. А. Екимов:

«Я знаю, что ребенок тогда раскроется эстетически, когда будет свободен, когда на него никто не будет давить. Почему я поступаю так, а не иначе, могу объяснить.

Когда я слушаюсь своего сердца, своей совести, тогда я поступаю как надо, а как это происходит, почему сердце подсказывает именно такой метод обращения к ребенку, вот это необъяснимо…»

Созерцание, по Ильину, – это интуиция, это духовное смотрение, когда углубляется взгляд человека, который *«вчувствуется в самую сущность вещей».* Созерцание – это и воображение, и духовная любовь, и интенсивность направления к любимому предмету.

Если еще раз возвратиться к педагогу Екимову, то можно сказать, что главное его достоинство состоит в способности

соединять свою и детскую фантазию или воображение с духовной любовью. «Сердечное созерцание может присоединиться к любому культурному акту»: к разучиванию гамм или усвоению теоретического материала, практическому занятию или к повторению ранее усвоенных пьес, заданий. Если это сердечное созерцание есть, то уроки превращаются в чудо. Дети, оказавшиеся в фокусе этих состояний, преображаются: они «начинают по-новому переживать уроки геометрии, географии, истории, педагогики и особенно Закона Божьего, излагаемых в словах и образах сердечного созерцания» (И. А. Ильин).

12. «Летящий бег пера»

Талант бывает разным. Конечно же, есть талант мучительно напряженный, деспотический по отношению к себе, состоящий, как признавался о себе Достоевский, из неверия и сомнений, находящийся всегда на грани, где жизнь и смерть смыкаются, где все на пределе, где такое ощущение, будто, как выразился Арсений Тарковский, «смерть идет по следу, как сумасшедший с бритвою в руке…». Наверное, таков был талант Толстого – мятущийся, бунтующий, постоянно решающий задачу жить или не жить. В педагогическом неистовстве рождались педагогические системы Оуэна, Дистервега, Ушинского, Макаренко.

Но бывает и такой талант, когда все будто льется легко и самозабвенно. «Летящий бег пера!» – так Пушкин заметил о той будто неведомой силе, которая сама по себе, без рацио, без мучительства внешнего, без изнуренной тоски, создает шедевры – находит нужное слово, нужный штрих, нужное чувство.

Его гению была присуща способность мгновенно находить самое главное, самое яркое и самое образное!

Педагогика – адский труд. Здесь будто и нет легкости! И все же природа таланта носит всеобщий характер. У Песталоцци все до предела естественно: «Мои слезы текли вместе с их слезами, моя рука лежала в их руке…» И у Корчака – всегда и до конца с детьми, и нет дилеммы, и даже смерть не способна нарушить его великое единение!

Вот такое легкое, самозабвенное, я бы сказал, пушкинско-моцартовское начало в талантливости Николая Алексеевича.

Педагогика – адский труд. Здесь будто и нет легкости! И все же природа таланта носит всеобщий характер. У Песталоцци все до предела естественно:

«Мои слезы текли вместе с их слезами, моя рука лежала в их руке…» И у Корчака – всегда и до конца с детьми, и нет дилеммы, и даже смерть не способна нарушить его великое единение!

«Каждый человек, творящий в искусстве, – замечает Ильин, – призван растить и беречь силу своего созерцания. В этом он нуждается прежде всего и больше всего… Каждый художник должен отыскать в себе тлеющий уголь (или целое пламя) этого дара и предаться ему: из этого огня и должен звучать его голос, подобно тому голосу, который слышал Моисей из неопалимой купины».

И если не будет развита эта сила *созерцания,* пропадет и сам талант, и сам творец.

В моей технологии я всегда выделял один из главных моментов – *время!* Да, за сколько времени и чему может научить тот или иной педагог. (Кстати, меня всегда поражали «временные рамки» наших отечественных гениев – Лермонтова, Добролюбова, Писарева, Надсона – двадцать с лишним лет – и столько написано! И как!)

Меня восхищал Достоевский: двадцать с лишним дней – и роман в двести страниц! Меня восхищал великий наш педагог Виктор Николаевич Терский, когда он говорил и показывал, как за два занятия можно научить рисовать, как за двадцать минут можно написать пьесу, поставить по ней спектакль, который может идти до сорока минут… Я не верил, пока сам не освоил его метод.

Сегодня меня восхищает Николай Алексеевич Екимов, который за три-четыре занятия учит играть с нотного листа, прививает любовь к сочинительству, к музыке.

Глава 6
Н. О. Лосский: абсолютное добро в семейном воспитании

Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) – крупнейший представитель интуитивистского персонализма. Его основные труды – «Обоснование интуитивизма» (1906), «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» (1938), «Условия абсолютного добра» (1947), «Бог и мировое зло» (1944). Лосский рассматривает Царство Божие как основу духовных ценностей. Им раскрыты условия возможности ценностей, интуитивные основы процесса познания. Его интуитивизм отличается от бергсоновского тем, что Бергсон считал бытие иррациональной реальностью, а Лосский доказал, что реальность познается в том числе и интеллектуальной интуицией. Русские философы отмечали, что Н. О. Лосскому в философии принадлежит одно из первых мест. Последние годы жил и работал в США.

1. Гордость – величайший грех?

На этот вопрос, который я задавал десяткам людей разных профессий различного возраста и образования, почти каждый отвечал: «Я бы никогда гордость не назвал грехом. Гордость необходимо воспитывать, особенно у девочек…»

Поразительная штука – мировоззрение человека. Я считал себя достаточно начитанным, знавшим многие произведения Достоевского, Бердяева, различных религиозных философов и все-таки где-то глубоко внутри был на стороне защищавших гордость. Или, по крайней мере, считавших это свойство души не отрицательным качеством. Я пытался найти какие-то смягчающие обстоятельства или лазейки чисто семантического плана: гордыня – это плохо, а гордость – это хорошо. Говорим же мы: «Я горжусь своей семьей, своей дочерью или сыном, своим делом…» Можно, разумеется, еще и такой ход найти: «Я не могу не гордиться успехами своего сына или дочери…» Или ребенку сказать этак совсем по-доброму: «Я горжусь тобой, сынок!» Почему же это грехопадение?

Как-то поделился своими мыслями с Юрием Федоровичем Карякиным, специалистом по Достоевскому. Показал ему фрагменты, где Лосский, анализируя творчество Достоевского, называет гордость сатанинством. Карякин ответил, что он разделяет мысли Лосского: «Да, гордость – сатанинское

свойство…»

Я снова высказал некоторые сомнения: уж слишком категорично. Есть же разные градации гордости. Впрочем, пусть судит читатель. Вот основные определения Лосского:

• Гордость в своей крайней степени есть вознесение своей личности выше всех и выше всего, что существует и что возможно. Абсолютно гордое существо живет и действует, руководясь сознательно или безотчетно следующими положениями: *Мое* решение устанавливает или даже творит ценности, поэтому *моя* воля должна господствовать над всем, что совершается; все, что происходит, должно следовать моему плану и указанию; никто не смеет порицать или даже хвалить, то есть оценивать…

• Гордость есть грехопадение.

• Гордый человек, если он богато одарен духовно, стремится к полноте жизни не для себя только, но и для всех существ, по крайней мере для всех людей и своих сограждан, но он хочет самоосуществиться не соборным творчеством, а по своему единоличному плану.

• Уверенность в своем превосходстве и праве руководить другими приобретает характер властолюбия. Высокоодаренный гордый человек хочет творить свою жизнь, как красивое целое, но эта красота нужна ему для самоуслаждения… настоящий гордец не нуждается в оценках и одобрениях…

• В состав полноты бытия входит у гордого человека и чувственная жизнь, но при условии, чтобы другое существо беспрекословно подчинялось ему.

• Если говорить о пороках и грехах, то вместе с гордостью обыкновенно находятся все семь смертных грехов: высокомерие, жадность, властолюбие (страсть к роскоши), зависть, обжорство, злоба, тоска (уныние).

Гордые бывают двух категорий: те, кто себя ставит выше Бога, их жизнь так или иначе связана с богоборчеством; и те, кто с помощью Бога отгораживаются от людей, дескать, я люблю все Божественное и ненавижу земное, человеческое. Большинство рецидивистов верят в Бога, так, по крайней мере, считают сами, но, следуя своему принципу вседозволенности, убивают, насилуют и грабят других. Герой Достоевского Версилов говорит о гордецах такого рода: «Тут причина ясная: они выбирают Бога, чтобы не преклоняться перед людьми… Из них выходят чрезвычайно горячо верующие, – вернее сказать, горячо желающие верить; но желание они принимают за самую веру. Из этаких очень часто бывают под конец разочаровывающиеся».

Иногда, замечает Лосский, гордость обращается в свою

противоположность – уничижение: «Бей меня, топчи, я – ничто!» Уничижение нередко переходит в мазохизм или в садомазохизм. Другой герой Достоевского Аркадий говорит: «Я знаю, что товарищи смеются и презирают меня, но мне это-то и любо…»

Гордость, по мнению Лосского, есть источник бесчисленных искажений души, и ведет она неизменно к катастрофе, ибо в Библии сказано, что всякий возвышающий себя будет поставлен на место. Один из разделов его книги так и называется: «Честолюбие, самолюбие и другие виды зла дружно соседствуют в человеческом характере». Лосский устанавливает разницу: если гордость есть самопревознесение, не нуждающееся в чужом признании, то честолюбие представляет собой высокую степень превознесения себя, потому что честолюбец, как и гордец, находит удовлетворение в оценке его личности, талантов, трудов и другими людьми – в их признании, похвале, восхищении. Духовно одаренный честолюбец, как и гордец, удовлетворяет свою страсть высокими средствами – художественным творчеством, научными трудами, социальным реформаторством.

2. Последнее прибежище

Снова и снова, погружаясь в философию русского Серебряного века, я пытаюсь реабилитировать в своей душе то, что мы именовали гордостью. Снова и снова опрашиваю тех, кто выстрадал добрые искры своей души долгими мучениями. И вот какие ответы:

– Все это не так, – обобщил седой, умудренный жизнью человек. – Для нас, бывших советских, гордость была последним прибежищем спасения. Это та крайняя точка самозащиты, где человек ставился на край бездны: либо он сохранит свое достоинство и погибнет, либо выживет, потеряв свое лицо, честь, остатки растоптанного благородства.

3. Семантические капканы

Мы расставили вокруг себя словесные капканы и ловушки, боясь нарушить созданную нами же их лживую первозданность, страшась того, что за малейшую провинность нам не сносить головы.

Раскрываю словарь Даля. За словом «гордый» не значится ни одного приемлемого положительного оттенка. Оно означает «надменный, высокомерный, кичливый; надутый, высоносный, спесивый; зазнающийся; кто ставит себя самого выше прочих». Есть еще и такие слова – гор-дыбачить, что означает

фордыбачить, неумно и дерзко молодцевать, пускаться на грубые выходки, бахвалить и грозить.

> Мы оказались в семантическом плену горделивой этики. Этики кичливого чванства, спесивого зазнайства и надутого бахвальства.

Гордиться – кичиться, зазнаваться, чваниться, спесивиться, тщеславиться, ставить что-либо себе в заслугу, в преимущество.

Поговорка: «Сатана гордился – с неба свалился; фараон гордился – в море утопился; а мы гордимся – куда годимся?»

Мы оказались в семантическом плену горделивой этики. Этики кичливого чванства, спесивого зазнайства и надутого бахвальства.

4. О трех типах талантливости

Я так понял Лосского: существует три типа творцов. Первый – постоянное противоборство с другими людьми, утверждение приемлемыми средствами своей эгоистической исключительности. Опирается только на свою изолированную творческую силу. Источник творчества – конфликт и жажда реванша. Вместо чудодейственной полноты получается чрезвычайная скудость. Крайняя степень этой скудости, замечает философ, известна в современной науке под названием «бытие изолированного электрона».

Второй тип представлен, на мой взгляд, деятелями, объединенными на время клановыми интересами. Сообщество мыслимо лишь при условии, если групповые люди усваивают правила взаимодействия. Каждый превращается как бы в орган для выполнения той или иной стороны совместной деятельности по принципу многоклеточного организма или объединения протонов, электронов, атомов.

И наконец, высший тип достигается путем единения с Богом, а через него со всем миром. Это единение, подчеркивает Лосский, может быть совершенным не иначе как на основе ЛЮБВИ К БОГУ И КО ВСЕМ СУЩЕСТВАМ мира, так как Любовь есть совершенное приятие чужого бытия. Такая Любовь возможна как свободное проявление деятеля. Всякое принудительное приятие чужого бытия, возникающего из расчета, страха или вообще в силу какого-нибудь эгоистического стремления, делает участника частичной личностью, ущербной.

Невольно перебираю в памяти множество знаменитых или известных деятелей педагогики, учителей, руководителей

школ. Неужто все эгоисты и частичные люди?!

> Свобода деятеля, не направленная на божественную любовь, творит зло. Мы все, если не творим зло, то, будучи частичными, способствуем развитию недобрых дел.
>
> Остаток нашей жизни будет оправдан, если мы хоть в чем-то поможем появлению тех, для кого любовь и свобода станут необходимым условием абсолютной полноты бытия и предельного совершенства.

Со своим несовершенством я давно свыкся: нет во мне ни способности единения со всем миром, ни любви к врагам моим. Свобода деятеля, не направленная на божественную любовь, творит зло. Мы все, если не творим зло, то, будучи частичными, способствуем развитию недобрых дел.

Остаток нашей жизни будет оправдан, если мы хоть в чем-то поможем появлению тех, для кого любовь и свобода станут необходимым условием абсолютной полноты бытия и предельного совершенства. Моя интуиция подсказывает, что этот тип деятелей, которые пройдут через Самоотречение, Любовь и Свободу, явится и без нашего участия. И все-таки грешно не использовать имеющуюся возможность – или шанс, как теперь говорят.

Глава 7
Б. П. Вышеславцев: основной принцип семейной педагогики – воспитывать на высоком

Борис Петрович Вышеславцев, профессор юридического факультета Московского университета, был выслан в 1922 году за границу, где стал сотрудником «Философско-религиозной академии», созданной Бердяевым. По тонкости чувств его называли Рахманиновым философии, а также русским Сократом: писал мало, но всегда высказывал глубочайшие мысли. Невольно сравниваешь его с Тютчевым: высота анализа проблем движущих сил человеческого бытия, динамики духа, законы иррационального противоборства, психическая энергия и сублимация подсознательного эроса – все это развернуто самобытно, оригинально. Он писал, что «спасти Россию может лишь трезвый практицизм и реализм, порожденный русской стихией». Основной труд (не закончен) – «Этика преображенного эроса» – вышел отдельной книгой в издательстве «Республика» в 1994 году.

1. О двух путях развития

Читая единственную книгу Б. П. Вышеславцева «Этика преображенного эроса», невольно вычленяешь два пути человеческого и даже профессионального развития, обусловленные конфликтным, порой трагическим взаимодействием двух видов ценностей. Первый вид – доминантный, приоритетный, высший – Вера, Любовь, Свобода, Творчество, Интуиция, Талант, Дар, Дух. Второй – усердие, порядок, регламент, традиция, метод, система рекомендаций, правил, норм, законы и закономерности.

Не будет искажением, если я скажу, что современная школа в лучшем случае работает в соответствии со вторым рядом ценностей. Больше того, такой вид жизнедеятельности школы, которая опирается на системы рекомендаций, правил, законов, считается идеальным. Но педагогика – не завод, не фабрика, не мастерская по штамповке или ремонту металлических, деревянных или других материальных изделий. Школа – область духовного сотрудничества, где «изделие» – живое существо, духовное, творческое, жаждущее реализоваться в первом ряду

человеческой культуры. Если мы заглянем в историю педагогической мысли, то обратим внимание на то, что все великие педагоги – Коменский, Песталоцци, Дистервег, Ушинский, Корчак, Макаренко – по существу, жили и творили в соответствии с приоритетными ценностями. Больше того, их деятельность – это острая борьба Свободы и Регламента, Творчества и Правил, Таланта и Традиции.

Если мы заглянем в историю педагогической мысли, то обратим внимание на то, что все великие педагоги – Коменский, Песталоцци, Дистервег, Ушинский, Корчак, Макаренко – по существу, жили и творили в соответствии с приоритетными ценностями. Больше того, их деятельность – это острая борьба Свободы и Регламента, Творчества и Правил, Таланта и Традиции.

Несколько перефразируя Вышеславцева, хотелось бы отметить, что педагогическая история творится не соблюдением Законов и Правил, а Верою в то, что эти Правила надо изменять. Вера ставит перед нами желаемое и ожидаемое совершенство, не встречающееся ни в каком опыте, ни в каких методиках и правилах. Творческая интуиция, основанная на вере в свой талант, учит педагога, как ему поступать, куда идти и что творить, исходя из «присущего ему *неискоренимого влечения к абсолютному совершенству»*. Педагогическую историю творят не те педагоги, которые соблюдают неподвижную систему правил, а те, кто является «беспокойными странниками и пришельцами на земле», кто ищет отечество и град грядущий. Вышеславцев подмечает, что Закон или Правило живут в прошлом, а Вера, Творчество и Свобода – в настоящем и будущем! Именно в этом и только в этом состоит трагизм высших ценностей. Две системы ценностей исключают друг друга во времени, ибо одна отрицает другую. Однако взаимоисключение не только временное, но и содержательное, ибо закон – это земля, это реальность, а творчество – это отрыв от земли, чтобы обрести новую, более благодатную почву. Вышеславцев диалектичен, он не отрицает закона. Напротив, говорит о *«двух великих системах»,* пребывающих в постоянном трагическом взаимодействии.

2. Трагический конфликт закона и таланта, нормы и творчества

Вышеславцев подчеркивает, что трагизм отнюдь не чисто теоретический, «это жизненный трагизм, развертывающийся

в истории и, быть может, повторяющийся в жизни каждого из нас». И здесь Вышеславцев суровыми аскетическими красками нарисовал картины, свидетелями которых мы были в той же педагогике или в той же культуре, когда «законники» на протяжении десятилетий гнали и травили талантливых людей.

Несколько десятилетий я анализировал сущность треугольника – власть, представленная государственным чиновником, педагогический закон, охраняемый методистами и академиками, и талант – рядовой труженик, учитель или руководитель школы, вуза, детского сада, внешкольных учреждений. Казалось бы, творческая деятельность таланта направлена на поддержку власти, на обновленное улучшение педагогических законов, а все равно талант оказывается в положении изгоя, гонимого. Причем стоящие над талантом травят и тех, кто им яростно предан (как Макаренко или Сухомлинский), и тех, кто подпольно противостоит закону. Почему же так происходит?! Вышеславцев неумолим – он делает вывод на века: «Служители «закона» всегда гнали и будут гнать поклонников свободы и духа: пророков, мудрецов и святых. Рожденный в рабстве гнал и будет гнать свободнорожденного». Вечный трагизм. Конфликт ценностей превращается в трагическое столкновение их носителей. Талантливый человек, будь он рядовой учитель или руководитель школы, будет гоним служителями закона. Больше того, эти служители сделают все необходимое, чтобы распять талант, уничтожить свободолюбивый дух. И лишь насладившись распятием, законники уже после смерти таланта соберут все сделанное одаренной личностью, исказят наработанное ею, но облекут в новые формы законности, потому что мертвое, прошлое, распятое им не страшно, оно утратило силу животворящего духа, точнее – животворящий дух таланта, мудреца или святого можно как угодно трактовать, можно приспособить для служения власть имущих!

3. Глубинная психология конфликта и странное свойство закона

Без закона грех или преступление мертвы. Благодаря закону мы узнаем о преступлениях, нарушениях, отклонениях. Закон убивает или является поводом, мотивом убийства, уничтожения любого дарования, любой талантливости. Закон прав в том, что он требует, но он виноват в том, что своей императивной формой вызывает дух противления, а следовательно, вызывает и *преступление.* Все эти максимы высеклись из дерзновенной этики апостола Павла благодаря Вышеславцеву. Между велением

закона и человеческим действием «лежит таинственная подсознательная сфера аффектов и не менее таинственная сфера свободы».

Закон, правила, рекомендации, будучи по своей сути всеобщими, то есть направленными на унификацию, призваны нивелировать личность, уничтожать индивидуальность. И в этом проявляется преступная сила педагогической законности, прикрытой порой нарядными покрывалами добра, красоты, справедливости. Учитель законом поставлен в необходимость требовать заучивания, запоминания, зазубривания Монблана фактов, конечно же, на две трети ненужных, но рекомендованных программами, методиками, учебниками. Учитель наказывает за невыполнение требований, учитель подключает к авторитарным действиям родителей – так закон обращается в преступную деятельность, подрывающую здоровье детей, уничтожающую детскую и педагогическую талантливость.

Всякий раз, когда рассказываю об этом учителям, слышу: «А кто опрокинет зло? Кто даст новое содержание образованию? Кто даст новые нормы, программы?» Это не просто вопросы. Это оправдание своей педагогической греховности, которая по вертикали (от учителя до министра) поддерживается круговой порукой законности!

Любопытна психология круговой поруки, уничтожающей педагогический талант. Суть здесь вот в чем. Талант пребывает в живой иррациональной сфере, а устаревшие рекомендации – в области рацио. Учитель прислушивается к рационально обретенным правилам, к своему уму, к сознательной воле. Между тем только в иррациональной сфере таятся силы, именуемые талантливостью, интуицией, творчеством. Там, в сфере иррациональной, подсознательной, в водовороте инстинктов и влечений, там «вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего»[9].

Итак, *закон иррационального противоборства* противоположен и непонятен *закону ума:* «не понимаю, что делаю»[10]. И далее апостол поясняет: «Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю». Итак, делаем то, что ненавидим, – вот формула убиения своей талантливости. Разрушая детский дар, мы уничтожаем лучшее, что есть в нас. Сознаем совершаемые преступления, а не в силах что-либо изменить в своих действиях, ибо нет обращения к своим сокровенным иррациональным силам, к своему заветному Духу, к своей Благодати. Педагогическая иррациональность остается невостребованной. Ее обнаружение никем не поощряется, и это все приводит к тому, что скудеет нива педагогических дарований, гаснет жар педагогических сердец!

Так ли уж безнадежно все?

> Разрушая детский дар, мы уничтожаем лучшее, что есть в нас. Сознаем совершаемые преступления, а не в силах что-либо изменить в своих действиях, ибо нет обращения к своим сокровенным иррациональным силам, к своему заветному Духу, к своей Благодати. Педагогическая иррациональность остается невостребованной. Ее обнаружение никем не поощряется, и это все приводит к тому, что скудеет нива педагогических дарований, гаснет жар педагогических сердец!

Нет. Сегодняшняя жизнь обострила противостояние иррациональных и рациональных сил в учителе. Закон заинтересован в разрушении старых догм, поэтому снизошел до того, что дал педагогу полную свободу творчества: работай по любой методике… но соблюдай программу, государственный стандарт! Создание новых подходов требует талантливых решений, требует поддержки учительских дарований.

4. Без идеала нет ни таланта, ни воспитания

Совсем недавно я проводил встречу-диспут в подмосковном Дорохове по мотивам моей книги «Педагогика Любви и Свободы». В зале более ста человек – педагоги из нескольких школ района.

Вопрос из зала:

– У меня создалось впечатление, что вы делаете ставку на учительский талант, на его неукротимую способность к творчеству. Но взглянем в глаза реальности: а много ли таких учителей в рядовой школе? По вашим наблюдениям, сколько процентов в рядовом педколлективе?

– Отвечу. Только не в процентах. Грешно талант высчитывать в процентах. Во-первых, согласимся, что талант – это труд. В любой области деятельности. А в школе в особенности. Позвольте вас спросить, а считаете ли вы себя талантом? – обращаюсь к учителям, сидящим за ближайшей партой.

Секундное замешательство и дерзкое, убежденное:

– Конечно.

Восторженный смех зала.

– А у вас были на уроках проблески гениальности?

– Были, – смущаясь, отвечает учительница. И ее ответ тонет в добром смехе присутствующих.

– Вот видите. Я спрошу еще десятерых, и бесталанных

не окажется. Это явление – одна из редких радостей в новой школе.

Прежде талантов было мало. Боялись сказать учителю, что он талантлив. А почему? Директор, завуч, районо в один голос твердили: да не нужны нам таланты и гении. Нам нужно, чтобы учитель добросовестно работал, чтобы он исполнительным был, чтобы он делом был занят, а не витал в облаках. Талантливая работа это там где-то, а не в школе. И по-своему школьный бюрократ был прав, талант – это всегда отклонение от нормы, расписанных методик и инструкций, цель которых – создать прямую линию. А талант – это поиск, это зигзаги, броуновское движение. И наконец, талант – это собственная душа, это не принятая в качестве догмы какая-то идеология, развивающая, проблемная или еще какая, а собственный мир, где высшее «во мне». И «я» должен любить то, что «во мне». Это прежде всего, это главное.

> Раз Бог внутри нас, то есть Нравственно-Высшее в нашей душе, значит, надо его беречь, развивать, дать ему выход. Это Высшее и есть Талант, Дар, Способности. Они в каждом. Только мера их разная. Сфера приложения различна.

По затронутым в дискуссии вопросам я проводил в различное время социологические исследования. Установил: статус личности, то есть самооценка как наших учителей, так и наших детей, резко повысился. Ход объяснений многих, в том числе и моих, был сходен: раз Бог внутри нас, то есть Нравственно-Высшее в нашей душе, значит, надо его беречь, развивать, дать ему выход. Это Высшее и есть Талант, Дар, Способности. Они в каждом. Только мера их разная. Сфера приложения различна. Да, я делал ставку на детскую и педагогическую талантливость, которая есть в каждом. Это единственное условие хорошего обучения и воспитания.

Второе условие – я беру из общечеловеческой культуры САМОЕ ВЕЛИКОЕ, САМОЕ ЗНАЧИМОЕ и даю это детям независимо от возраста. Вот почему мои трехлетки знакомятся с историей культуры, с азами философии, с разными формами сочинительства – в музыке, живописи, литературе, театре и т. д. Дети трех-четырех лет узнают и различают Босха и Дали, Рафаэля и Рублева, Эль Греко и Шагала. И в этом нет ничего удивительного. Не один я шел такой дорогой. Протоиерей Александр Мень издал «Житие Христа» для малышей в картинах известных великих художников, которые я и показывал «босоногим Сократам». Проблема формирования не только

личности, но и народа с особой силой развернута у замечательного русского философа XX века Б. П. Вышеславцева.

5. Пафос профанации

Так назвал Вышеславцев тенденцию на «понижение». В советский период нашей жизни эта тенденция была повсеместной. Винтик – крайняя точка понижения. Нет талантов – не нужны они, нужны добросовестные винтики, а талантом станет у нас любой, кто воспоет тоталитарный режим и кому за это хорошо заплатят. Вот установка. Любопытно: говорились в общем-то неплохие слова, а на деле творились страшные вещи. Так, в 1937 году педагогические газеты и журналы призывали к гуманизму, творчеству, всестороннему развитию. Это в стране, где расстреливали детей, где любой учитель за вольное слово мог угодить в концлагерь, где дети были низведены до уровня пресмыкающихся.

Тенденцию этой перевернутости Вышеславцев поясняет так. «Спекуляция на понижении» содержит в себе забавную двусмысленность. С одной стороны, это спекуляция понятиями, которые выполняют функцию прикрытия самого злобного сатанинства. Как у Гитлера: «Arbeit macht frei» («Труд делает свободным») – этот девиз висел на воротах многих фашистских концлагерей, в том числе на вратах ада в Освенциме. Как в советских гулаговских кошмарах: «Труд – дело чести, доблести…» Все ведь правда. Но за этой понятийной эквилибристикой стояла реальность, жестокая и беспощадная. Это с другой стороны.

Труд, экономика, гуманизм, свобода – действительно святыни, но их осквернение, опошление и искажение проделывались с таким изуверством, что все, что было хорошего в жизни и могло быть хорошим, обращалось в преступность, вседозволенность, издевательство над человеком.

Этот пафос профанации и сегодня жив. Он властвует в лживой демократии, продажной прессе. Профанирующему обществу и извращенной педагогике не нужны таланты, дарования, гении. Вышеславцев ссылается на высказывание Петра Верховенского из «Бесов» Достоевского: «Всякий гений потушим во младенчестве».

6. Возвышенное, а не просто высокое…

Знакомясь с творчеством Вышеславцева, невольно ощущаешь свою приземленность, свое несоответствие с его ценностями, с его

установками. Я раздумывал: существует такая градация ценностей – низкие, средние, высокие. Высшеславцев вносит существенное уточнение: не высокое, а возвышенное, не сильное, а святое, величие, а не величины. Ориентация на ВОЗВЫШЕННОЕ требует ПОДВИГА и даже возможных ЖЕРТВ.

Я прикидываю: наши учебники, учебные планы, весь режим жизни ребенка ставят детей в необходимость осваивать, запоминать неимоверное количество фактов, правил, теорем, формул, дат, таблиц, схем – все это способно убить личность, убить творчество, убить возвышенное.

Дело доходит до нелепости, когда наши руководители образования и поныне хвастают тем, что наши ученики лучше знают математику, физику, химию и другие науки, чем американские, французские и швейцарские школьники. Программы, рассчитанные на запоминание баснословного количества ненужного материала, не ведут к подвигу, героизму, жертвенности. Они лишь усредняют человека, ранжируют его под некий однотонный стандарт. Программы должны быть построены таким образом, чтобы дать каждому ребенку совершить истинный героизм в творчестве, в самостоятельном инициативном движении духа. И если говорить с позиций педагогического искусства, то суть как раз и выражается в том, чтобы вызвать в ребенке желание совершить героический поступок, проявить готовность к самоотречению и даже к жертвенности.

Детям иногда кажется сущим пустяком, когда мы подталкиваем их к такой подвижнической жертвенности: проснуться на два часа раньше, сделать зарядку, убрать квартиру, сократить до минимума потребление сахара (не три куска, а один на стакан чая!) и т. д. Мастерство педагога как раз и проявится в разъяснении того, что именно в таких самоотречениях проявляются воля, сила духа, власть духа над душой и телом.

Возвышенное проходит через микромир, великое – через малое, святое – через повседневное.

7. Свет сознания и мощь свободы

Среди множества определений человека, данных Вышеславцевым, выберем главные. Человек есть живая энергия, есть лично-бессознательное, покоящееся на коллективно-бессознательном, есть сознание, сознательная душа, руководящаяся «интересами», расчетами удовольствия или неудовольствия; есть духовная свободная личность – строитель и носитель культуры. И далее, возможно, самое

главное: человек – микрокосмос, «малый бог», связанный с Великим Богом. Он богоподобен, и его богоподобие заключено в СВОБОДЕ. Духовная личность, отмечает философ, есть свет сознания и мощь свободы, потому что «свет» и «свобода» это и есть сам человек: это мой свет, моя свобода, это я сам! Понять, что такое я сам, – значит понять свое богоподобие.

В этой последней максиме заключена суть этики Вышеславцева.

А что значит понять свое богоподобие? Это значит определить природу своего света (тусклого или сумеречного, лучезарного или ликующего!), это значит понять сущность своей свободы – творческой и богоподобной или приземленно-примитивной, произвольной и неразвитой.

Подобно Бердяеву Вышеславцев различает две свободы: положительную и отрицательную, свободу как корень сатанинского зла и свободу как богоподобие. И в отрицательной свободе он видит две формы зла: бессознательную (не ведаю, что творю, не то делаю, что хочу, стремлюсь к добру, а получается зло) и сознательную, когда человеком овладевает злой дух: не хочу никому служить, Богу тоже. Это уже не люди – «бесы» или одержимые бесом.

Читая Вышеславцева, я постоянно как бы переносился в жизнь школы, воспитание, общение с детьми. Как же часто дети сопротивляются добрым призывам наставников! Больше того, есть такая категория детей, которая везде, во всех странах постоянно пребывает в противоборстве. И Вышеславцев формулирует *закон иррационального противоборства,* который присутствует в людях в форме противления плоти и в другой форме зла – противления духа. Дьявольский дух противления приказывает личности: все позволено! Делайте, что хотите, и тогда будете как боги!

…Я общаюсь с детьми, жизнь которых искорежена запретами и произволом, своеволием и дурными привычками. Я спускаюсь в их иррациональные бездны и на этом уровне начинаю *искушать.* Я обращаюсь к детской СВОБОДЕ: в ней «рычаг СПАСЕНИЯ». Так назвал подобное явление Вышеславцев. К свободе можно обратиться, настаивает философ, только с призывом, только с любовным зовом.

И еще одно откровение: призыв есть встреча двух свобод – божеской и человеческой. Если в недрах иррациональных бездн моя воля обрела детскую божественность, если мое Нравственно-Высшее соединилось с детской отзывчивостью (я услышал!), только тогда побеждается дух противоречия, сатанинский дух абсолютного противления: не законом, не приказом, не угрозою, не хитростью, не бунтом раба, не свободою произвола. Только

в этом случае рождается то необходимое единение, которое можно назвать воспитанием БЛАГОДАТИ, или, по Вышеславцеву, этикой благодати.

8. Свобода произвола и свобода творчества

Эти два вида свобод взаимодействуют. Мне так показалось, что истинной свободы творчества не может быть без произвола. Свобода есть прежде всего произвольность выбора. Это несублимированная свобода. Это порыв, бунт против ценностей, несогласие с чем-либо, аффект, эмоциональный всплеск – то, без чего не бывает творчества. Сущность духовной творческой личности состоит в способности человека повернуть руль своих настроений, своих энергий в сторону ценностей идеального долженствования. Переход от произвола к свободе творчества есть сублимация свободы.

> Сама по себе человеческая энергия может быть «произвольной», первично-эмоциональной, как бы лишенной ценностной нагрузки. И эта же энергия может быть сублимирована, то есть переключена на творчество, на добро, на высшие ценности – любовь, красоту, справедливость, сострадание.

И новое для меня открытие: произвол есть необходимый момент свободы! Сама по себе человеческая энергия может быть «произвольной», первично-эмоциональной, как бы лишенной ценностной нагрузки. И эта же энергия может быть сублимирована, то есть переключена на творчество, на добро, на высшие ценности – любовь, красоту, справедливость, сострадание. И вот здесь Вышеславцев снова подводит нас к оригинальным мыслям: произвольная энергетика на первом своем этапе, то есть в момент ее зарождения, может быть и неуправляемой, тогда как эта же энергетика на ценностном уровне всегда поддается коррекции, то есть с помощью нашей воли эта энергия может быть направлена в нужное нам идеальное русло. И когда свобода приобретает ценностный ориентир, она может стать свободой добра или свободой воли. Все эти идеи имеют прямое отношение к воспитательной практике. И здесь я вижу два главных решения. Если произвол – неотъемлемая часть творчества, то подлинно талантливое рождается там, где бурлит энергия. Эта энергия, как я уже говорил ранее, может выйти или выродиться в агрессивность или стать источником развития детской талантливости.

Задача педагога состоит в том, чтобы, опустившись в детские иррациональные глубины, перевести детскую энергию в творческое русло позитивных ценностных ориентаций. Второе решение, самое сложное, – подвести личность к новым дерзаниям, к новым произвольным всплескам, к новым потребностям сублимировать свою волю, свою произвольную свободу. Опыт показывает то, что эти переводы личности педагога и личности ребенка доставляют несказанные удовольствия. И именно эти удовольствия, точнее, связь удовольствий с волевыми усилиями, составляют квинтэссенцию педагогического мастерства.

Часть II
Святая любовь к Родине, семье и подвижничеству

Глава 1
Основные сферы любви

Мне никто не возражал, когда я называл основные сферы Любви: к Отечеству, родному краю и семье, к супружеству, к семье и воспитанию детей, к своим достоинствам и потенциальным возможностям. Родина, семья и подвижничество нерасторжимы.

Грандиозные исторические испытания поставили Россию перед необходимостью ответить на глобальные судьбоносные вопросы: каким видится будущее нашей Родины, какие идеалы и духовные ценности приведут к духовному согласию народы многонациональной великой державы, как на основах социальной справедливости строить правовое демократическое государство, как будем растить детей – будущих просвещенных, лояльных граждан страны, любящих свою семью, свое профессиональное дело, свою Родину, свои потенциальные возможности и достоинства.

Эти вопросы жестко обозначают альтернативу: либо мессианская роль России, либо агония и смерть. И эта альтернатива – не художественный образ, а жестокая реальность, выношенная историческим прошлым; реальность, с которой сталкивается каждый гражданин страны, ибо гражданственность и патриотизм рождаются, формируются и крепнут на стыке двух величин – глубоко интимно-личностной и государственно-правовой, обеспечивающей свободное неотчуждаемое развитие личности. Эти две величины определяют психологические процессы развития патриотических чувств, взаимодействие сознания и подсознания, рациональных и иррациональных факторов жизнедеятельности человека.

Именно поэтому развитие чувства любви к Родине неотделимо от духовно-правового становления личности, в котором органично слиты Духовность и Право, Достоинство и Честь личности, эмоции права и правовые отношения, выражение необходимости соблюдать и выполнять свой гражданский долг в правовом демократическом государстве.

Патриотизм является священным чувством Любви к Родине и актом духовного самоопределения личности. Он зарождается и развивается в семье, в глубинах родства человека со своим народом, с родным краем, с разносторонними традициями, чаяниями и культурой народа, с верой в его исключительность и способность обогащаться духовным потенциалом других

народов, развивать свою самобытность на основе приоритетных духовных ценностей – *любви, свободы, социальной справедливости и духовно-творческого правосознания.*

> Патриотизм, как отмечают многие выдающиеся мыслители отечественной культуры, не воспитывается, а самосозидается.

Патриотизм, как отмечают многие выдающиеся мыслители отечественной культуры, *не воспитывается, а самосозидается.* «Патриотическое чувство должно быть пережито каждым из людей *самостоятельно* и *самобытно.* Никто не может указать человеку его родину – ни воспитатели, ни друзья, ни общественное мнение, ни государственная власть… Патриотизм есть состояние духовное, и поэтому он может возникнуть в порядке *автономии* – в личном, но подлинном духовном опыте. Всякое идущее извне предписание может только помешать этому опыту или привести к злосчастной симуляции. Нельзя любить по принуждению или по чужой указке: любовь может возникнуть только «сама», в «легкой и естественной предметной радости, побеждающей и умиляющей душу».

Именно о развитии такого *самосозидающего патриотизма* призвано в первую очередь заботиться правовое демократическое государство, утверждающее такую социальную справедливость, когда исключаются грабежи и коррупция, ложь и насилие; когда присвоенные отдельными лицами несметные богатства добровольно и немедленно возвращаются народу. В этих благородных инициативах отечественных олигархов и предпринимателей, чиновников и банковских магнатов, сумевших на своих счетах сберечь народное достояние, и проявится великий почин духовного обновления России.

Этот почин непременно приведет к рождению правовых форм духовного согласия между людьми, к обогащению российского праведничества новым духовным содержанием, к возникновению одухотворенной государственности, противостоящей тоталитаризму.

Глава 2
Идеалы и пути к ним

Снова проблема: могут ли быть определены такие идеалы и ценности, под которыми готовы будут подписаться все граждане страны, представители разных национальностей, конфессий, культур?

В течение последнего десятилетия нами разработано и опубликовано в десятках книг содержание приоритетных духовных ценностей любви, свободы, социальной справедливости и созидательной деятельности, одобренных представителями Православия, Католицизма, Ислама, Буддизма, а также представителями разных стран и регионов нашей страны. Именно на этих ценностях должны строиться и правовое демократическое государство, и гражданско-патриотическое воспитание.

Вывод: если идеалом страны является *правовое демократическое государство,* то способ приближения к нему лежит через *правовое воспитание* с такой педагогической целью – *лояльный и просвещенный гражданин,* беззаветно любящий свою родину, свою семью, свое профессиональное дело.

На перекрестьях духовности и права, реализуемых в активной творческой деятельности, соединенной с развитыми формами человеческого наслаждения, рождаются мощные энергетические поля, формирующие в глубинах человеческого Я высокие чувства любви к народу и его культуре, к традициям, надеждам, идеалам и чаяниям.

Цель воспитания отвечает на вопросы: каким должно быть, в том числе, и гражданско-патриотическое становление человека; какими правами, свободами и какой любовью должны быть выражены честь и достоинства каждой отдельной личности; какова связь духовности и права, любви и свободы – высших нравственных ценностей человека; каков путь к идеалу?

Иными словами, цель воспитания – *духовно-правовая личность,* свято выполняющая свои разносторонние обязанности, соблюдающая свои права на самореализацию, на утверждение духовно-правовых ценностей в своей душе, в семье, в близлежащем общении, в обществе, в государстве.

Наш опыт свидетельствует, что изложенные нами цели воспитания выступают как социально-педагогический идеал, внутренне принимаемый семьей, государством, педагогами, личностью воспитуемого. Эта доверительность к идеалу является также важнейшим условием эффективности гражданско-

патриотического воспитания.

Заметим сразу: ни в одном словаре нет определения духовности, а в юридических науках право трактуется как бездуховная правовая норма. Между тем право и духовность в гражданско-патриотическом воспитании неразрывны. Духовность есть сила проявления нравственно-волевых, интеллектуально-эстетических и физических данных личности, выраженных и выражаемых в творческих продуктах человеческой деятельности, в общении, в хозяйственной и политической жизни общества на основе высших общечеловеческих ценностей, доминантными среди которых являются Любовь и Свобода. С точки зрения религии Любовь и Свобода есть Бог (см. Евангелие от апостолов Павла и Иоанна). В светской культуре всех времен и народов эти ценности выступают как приоритетные.

Право представляет собой силу закона, санкционированную государством. Стремление к предельно возможному совпадению права и духовности – это и есть стремление к *Идеалу*.

Слияние двух сил – права и духовности – образует ту мощь, благодаря которой крепнут и личность, и государство, и семья, и разностороннее человеческое общение.

Слияние двух сил – права и духовности – образует ту мощь, благодаря которой крепнут и личность, и государство, и семья, и разностороннее человеческое общение.

Разрабатывая проблемы новой духовности, отечественные мыслители отмечали, что НОВАЯ ДУХОВНОСТЬ есть РЕЛИГИЯ ЛЮБВИ И СВОБОДЫ, которые лишены гордости и вероломства и выражают смиренномудрие и долготерпение, стремление к добру и красоте, к истине и справедливости.

И эта религия только тогда способна стать «материальной силой», когда будет поддерживаться правом, государством. Точнее, при государственной поддержке духовность получает больше свобод и возможностей для своего развития и обогащения. В тоталитарных системах духовность противостоит государству, уходит в глухое подполье, ведет с темными силами страны борьбу, обрекая своих защитников и пророков на мученичество, пытки и даже смерть.

Разумеется, государственным идеалом является максимальное единение права и духовности как основы патриотического воспитания. Вне государства «родина безжизненна и аморфна» (И. Ильин), ибо государство призвано на основах духовности сплачивать свой народ, с помощью справедливых законов оберегать, обогащать и развивать духовный

и социально-экономический потенциал Отечества.

Глава 3
Родина, государство и политический режим

Родина и государство – не одно и то же. Родина шире и глубже государства.

Родина и патриотизм – явления духовные, священные, исключающие принуждение, насильственность и силовые воздействия извне. Государство и гражданственность – явления правового порядка, выражающие силу ЗАКОНА, ВЛАСТИ, ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

Демократическое государство есть Родина, оформленная правом. В правовом демократическом государстве все, относящееся к священной Родине, становится духовным содержанием государства, где все властные структуры, все члены правительства, работники всех ведомств и служб призваны подавать образцы честности, подвижничества, самоотречения и гражданского мужества. Только при этом условии каждый гражданин может с гордостью сказать: «Мое государство», «Моя Родина», «Наше правительство». Такое государство является высшим авторитетом для каждого гражданина страны.

Здесь уместно различать категории «государство» и «политический режим». Первая дефиниция несет на себе историко-духовную нагрузку, выражает преемственность законов, правовых норм, деяний, умножающих патриотический потенциал Отечества. Политический режим – явление кратковременное, нередко характеризующее болезненно-социальную вспышку тоталитаризма и властолюбия временщиков, весьма далеких от истинного патриотизма, занятых лишь собственными карьерными интересами.

В несправедливо устроенном государстве, где властвует продажная элита, грабящая и насилующая свой народ, лгущая и циничная в своих притязаниях, патриотические чувства чаще всего соединены с отрицанием государства с его пороками и его порочными правителями. Именно о таком государстве и о таких правителях поведал великий Пушкин: «Самовластительный злодей! Тебя, твой трон я ненавижу, твою погибель, смерть детей с жестокой радостию вижу…» Такое бездуховное, порочное государство, злоупотребляющее своей властью, называется авторитарным государством, неизбежно утверждающим тоталитаризм.

> Родина и патриотизм – явления духовные, священные, исключающие принуждение, насильственность и силовые воздействия извне. Государство и гражданственность – явления правового порядка, выражающие силу ЗАКОНА, ВЛАСТИ, ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

В этой связи надо отметить – преимущественно у творческой русской интеллигенции – неоправданные переносы неприязни к тоталитарным режимам на Отечество. Как часто и сегодня мы слышим: «В этой стране жить нельзя… Бежать надо отсюда». И действительно, многие русские люди, отчаявшись, бежали и бегут за границу, пытаясь найти спасение в материальном благополучии или в другой вере. Об одном из таких беглецов поведал Бердяев в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма»: «В этом отношении характерна фигура Печерина[11], который писал в своем стихотворении:

> Как сладостно отчизну ненавидеть
> И жадно ждать ее уничтоженья.

Типические слова отчаяния, за которыми скрыта любовь к России. На Западе, будучи католическим монахом, В. С. Печерин тосковал по России и верил, что Россия несет с собой новый цикл мировой истории.

Нашему воспитаннику, студенту 3-го курса Европейского университета права Андрею Коробейникову, гениальному пятнадцатилетнему пианисту, лауреату десяти международных конкурсов, американцы предложили 36 тысяч долларов, лишь бы он учился в США. Коробейников, сын уборщицы, нищенствующий студент, отказался. Причем в этот период как раз крайне осложнилась его жизнь. Его несправедливо исключили из музыкально-педагогического института, он тяжело переносил отверженность и все же нашел в себе силы сказать: «Нет».

Истинный гражданин действительно любит родину без какого бы то ни было двойничества, любит независимо от того, какой политический режим складывается в его стране – тоталитарный или демократический, ибо Родина в его патриотических чувствах всегда противостоит бездуховности и тоталитаризму. Такой гражданин живет тревогами своей страны, болеет и «сораспинается» с ней, делает все возможное, чтобы помочь своей державе преодолеть то зло и пороки, которые поразили ее. Неприятие зла в своей стране не мешало великому Пушкину искренне призывать: «Мой друг, отчизне посвятим души

прекрасные порывы».

Слияние патриотизма и государственности осуществляется тогда, когда сопричастность людей с единым духовным образом жизни освящается любовью к Родине и к Государству. Священная любовь к Родине достигается только тогда, когда человек боготворит предмет своей любви, когда любовь к Отечеству разгорается с такой силой, которая ставит человека в необходимость любить свою страну больше самого себя. Именно при таком условии человек во имя блага отчизны готов жертвовать своей жизнью. Человек становится патриотом, когда духовная жизнь народа становится судьбой каждого отдельного гражданина, становится духовной составляющей родного государства.

> Культура есть развернутый во времени духовный мир человека, зафиксированный в произведениях искусства, науки, в человеческих деяниях, в способах хозяйствования, познания и преобразования действительности.

Основываясь на творческом наследии великих отечественных мыслителей – Бердяева, Ильина, Лосского, Вышеславцева, Булгакова и многих других (кстати заметим, проработавших все европейские и восточные философские системы), мы даем такое определение культуры: *культура есть развернутый во времени духовный мир человека, зафиксированный в произведениях искусства, науки, в человеческих деяниях, в способах хозяйствования, познания и преобразования действительности.* Да, действительно, культура может быть национальной по форме и духовно-творческой по содержанию. Развернутость во времени означает ее исторический путь; об этом свидетельствует культура Египта, античного мира, Возрождения, русского «бунташного века», знаменитого XIX столетия, Серебряного века, великого социального российского эксперимента, культура современных правовых ценностей страны. Культура неотделима от права, правосознания, государства и поиска оптимальных путей развития родины.

Истинная культура та, которая верит в исключительность своего духовного богатства, но не в ущерб другим культурам, обогащается за счет культурного и духовного потенциала других народов, верит в исключительную уникальность культур этих народов. Только в таком случае культура может стать основанием духовного согласия, условием преодоления экстремизма, национализма и шовинизма.

В отечественной культуре, представленной названными выше

мыслителями, главные ценности – ЛЮБОВЬ, СВОБОДА, КРАСОТА, ИСТИНА, СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. В своих целевых установках культура совпадает с духовностью. Здесь уместно сказать, что духовность с ее доминантными ценностями Любви и Свободы воплощается в культуре, является ее основным идейным содержанием, выразителем ИСТИНЫ, ДОБРА и КРАСОТЫ.

За семьдесят лет социалистического режима мы свыклись с тем, что такие ценности, как Любовь и Свобода, не имеют практического значения, не могут решаться *технологически.* То есть эти ценности рассматривались как *идеалистические,* в ругательном смысле этого понятия; они будто бы использовались по ту сторону кордона для обмана народных масс, и умный и дальновидный пролетариат их начисто отметает как вредоносные частицы «опиума для народа»…

Созидание духовно-творческих форм жизни требует особой *культуры мышления.* В содержание духовности нельзя вламываться подобно вероломному взломщику: здесь нужна тончайшая бережность, исключающая любые формы насилия или принуждения. Исключается и излишняя, торопливая горячность, способная причинить лишь вред процессу творческого самоопределения личности.

> В своих целевых установках культура совпадает с духовностью. Здесь уместно сказать, что духовность с ее доминантными ценностями Любви и Свободы воплощается в культуре, является ее основным идейным содержанием, выразителем ИСТИНЫ, ДОБРА и КРАСОТЫ.

Недопустимы и такие рекомендации, данные автором книги «Мир в новом измерении»: «Нужно снова и снова разъяснять и *насаждать* в человеческом сознании понятие истинной культуры».

Насаждать, навязывать, принуждать – эти действия исключают продуктивное освоение культуры. У процесса освоения культуры на основе Любви и Свободы своя, не знающая границ внутренняя творческая активность, нередко приобретающая над личностью, говоря словами Бетховена, «деспотическую власть». *«Но эта властность, как правило, соединена с развитыми формами человеческого наслаждения»* (К. Маркс). *Закон повторяемости неповторимых мгновений* порождает мощную энергетику личности, позволяющую легко и безнасильственно преодолевать любые трудности в человеческой деятельности. Удовольствие становится фактором

успешности трудовых человеческих усилий. Человек буквально, как сказал поэт, «и жить торопится, и чувствовать спешит». Духовность, соединенная с развитыми формами человеческого наслаждения, по своим особым внутренним законам творит истинную культуру. Здесь уместно заметить, что *развитые формы НАСЛАЖДЕНИЯ* противостоят безнравственности, пошлости, насилию, злобности, бездуховности. Развитость наслаждений – особый вид человеческой культуры, не игнорирующий такие свойства, как *быстрота и скорость действий,* стремительный порыв и вдохновение. Когда мы говорим о феномене *вспышки человеческой талантливости,* мы имеем в виду пробудившееся в иррациональных глубинах личности творческое наслаждение. Об этом писали Бердяев и Лосский, Ильин и Шестов, Мережковский и Зинаида Гиппиус.

Стремясь рассмотреть трансцендентные начала творчества, отечественные мыслители призывали преодолевать дискурсивное самосознание. Признавая ограниченность рассудка и слабосилие чистого рационализма, С. Н. Булгаков предлагал смело выходить за пределы человеческой ограниченности, обозначенной очевидными логическими пределами. Его девиз – *превзойди самого себя или смирись и признай ограниченность своей рассудочности.* Это же стремление к решению *сверхзадач* имел в виду и Н. А. Бердяев, когда говорил о том, что *без дерзновения нет и не может быть творчества.* В творчестве, как и в духовном самосозидании, мысль о том, что промедление смерти подобно, играет наиважнейшую роль. Благие творческие порывы погибают, если не реализуются немедленно.

И. А. Ильин пророчески предсказал, что в посткоммунистический период в России, строящей правовое демократическое государство, на первом месте окажется *проблема правового воспитания правовой личности,* способной реализовать духовное согласие. Он сумел обосновать единство права и духовности, демократии и правосознания, Любви и Свободы. К сожалению, ни правоведами, ни философами, ни педагогами его пророческие концепции пока что не востребованы. Обратимся к ним со всей ответственностью граждан державы с великой *мессианской* ролью в мире.

Глава 4
Педагогическое искусство, государственность и патриотизм

Педагогическое искусство как трансцендентная деятельность есть не только выход за пределы человеческого Я и взлет в божественную сферу духовности, но и погружение личности в бесконечные глубины своей души, именно те глубины, где зарождается и развивается патриотическое чувство.

Только опосредованно, через высшие духовные искусства государство может приблизиться к душам людей. Н. А. Бердяев справедливо утверждал «недопустимость власти государства над человеческими душами, над духовной жизнью, над человеческим творчеством… Душа человеческая стоит дороже, чем все царства мира. Человек выше государства… Государство не есть воплощение на земле абсолютной идеи, как думал Гегель… Государство всегда неадекватно, всегда греховно, и в нем всегда возможно торжество царства зверя». Чувство любви к родине есть сердцевина высшей духовности. Это глубинное чувство принадлежит личности, Богу, только не государству. «Государство, – писал Н. А. Бердяев, – имеет дело лишь с оболочкой человека, оно регулирует лишь внешние отношения людей… Духовно государству положены пределы на веки веков и признаны бесконечные права человеческой личности». Государство неизбежно становится авторитарным, то есть злоупотребляющим своей властью, если бесцеремонно вторгается в глубинный трансцендентный мир неотчуждаемых чувств личности.

Вероломное вторжение в интимно-творческий мир личности разрушает и мир патриотических чувств, и мир доброго, честного и предельно уважительного отношения к государству.

Государственность, в отличие от патриотизма, не может быть основана лишь на любви. Гарантия безопасности граждан, свобода и независимость требуют того, чтобы в основу государства была положена не только любовь, но и принуждение… Здесь вступает в действие *сила права* как *право силы.* Родина, Государство взаимосвязаны, но никогда не вытесняют друг друга, как никогда не происходит их полного слияния, отождествления. Родина как трансцендентное совершенство веками накапливает то вечное, что есть в данном социуме, культуре, духовности.

Педагогическое искусство также веками через творчество

великих педагогов приумножает потенциал искусства воспитывать и влиять на развитие человеческой души. Педагогическое искусство, как правило, преодолевает недостатки педагогической практики, регламентируемой государственными программами и методиками.

Главнейшим фактором педагогического искусства является мощная духовная энергия, воплощающаяся в средствах и методах общения педагога и учащихся, духовного наставника человеческих душ и граждан своей страны.

Справедливое государство и духовно развитое общество всегда поощряют различные виды искусств, ибо только искусство, культура, творчество и вероисповедание способны осуществить ту великую миссию, выполнение которой подвластно лишь трансцендентным началам человеческого духа. Вот почему расцвет искусств, в том числе и педагогических, во многом зависит от расцвета справедливого государства.

Даже очень талантливому педагогу или родителю требуются огромная воля, мудрость и раскрепощенное трансцендентное мышление, чтобы преодолеть в себе авторитарный настрой; чтобы не убить в себе высокие духовно-творческие порывы и истинную народность.

Когда я смотрел на своего сына, нередко думал: «Вот он пойдет в школу, а там уничтожат все то, что я с такой трепетностью старался в нем воспитать, старался выявить его дар, его трансцендентные способности». Для меня трансцендентность – синоним божественности, которая живет в каждом. И основная задача воспитателя, будь он педагог или родитель, состоит в том, чтобы силою своего мастерства и авторитета выявить и поддержать развитие трансцендентных начал. Но как часто в этом благородном деле мешала мне моя собственная авторитарность.

…Среди моих девятиклассников (я работал тогда в сельской школе: об этом опубликован мой роман-исследование «Соленга»), в общем-то низкорослых ребят, Ваня Золотых – самый крошечный. И эту крошечность подчеркивает вся его одежда, вся манера держаться.

Сидит он обособленно, на первой парте. Рубашечка на нем салатовенькая, в цветочек синий. Пуговицы на рубашечке застегнуты доверху, и оттого, что воротник мал, задираются его уголочки к самому подбородку. И пиджак – серенький, старенький – тоже мал, и рукава рубашечки торчат из-под них, и может быть, потому Ваня прячет свои руки, красные и широкие.

И весь Ваня Золотых – коренастый, плотный, в подшитых валеночках, старательный – в глаза мне глядит, и не пойму я,

что в этих глазах, чего больше – преданности или понимания.

Ваня говорит тихо, медленно, будто озираясь после каждого слова: то ли, верно ли он сказал? А я требую громкости, ибо громкость по сложившемуся школьному прейскуранту высоко котируется: означает уверенные знания, их прочность. Потому я и настаиваю, бестактно, работая на класс:

– Звук, громче!

А Ваня смотрит на меня своими чистыми, совсем салатовыми и тоже, как ни странно, в синюю крапинку глазами, чуть-чуть расширяет их, и его полные губы начинают двигаться еще медленнее…

– В обратную сторону, – еще пошлее и обиднее острю я, будто у Вани в кармане регулятор, который можно крутить в какую хочешь сторону. Дети знают, что означает это «в обратную сторону», в тон мне кивают головами, улыбаются: как же смешно говорит учитель. А Ваня топчется на месте в своих подшитых валеночках, и руки у него становятся еще краснее, и щеки покрываются алыми акварелями, и на них, на этих акварелях, как на волнушках, проступают отчетливее белые пушистые волосики. Он продолжает говорить о Болконском, вот упал князь, смертельно раненный, небо перед глазами, голубое, бесконечно синее, и по нему облака плывут. Ваня почти дословно цитирует Толстого. И я улавливаю: что-то от мучительности князя Андрея запало ему в душу, но я не могу смириться с тем, что Ваня рассказывает тихо. В данном случае это «тихо» все портит. Мне нужна пулеметная очередь, как у других, когда я был на уроках: та-та-та-та! Садись, «пять»! И этот пулеметный стандарт держит меня в цепких лапах, и я уже забываю о том, что в голосе Ванином были проникновенные нотки, и начинаю раскручивать в себе те инерционные разобщающие силы, которые должны, как мне кажется, взбодрить и класс, и Ваню. Я говорю о том, что надо тренировать голос, речь, что есть грудной резонатор и горловой (показываю, как надо орать, не срывая голоса), вклиниваю пример с Демосфеном, который камешками набивал рот и ораторствовал в таких трудных условиях, и говорю, что, конечно, я не рекомендую ребятам засовывать в рот кирпичи или чернильницы, но распорки из спичек можно поставить с двух сторон между зубами. И дети смеются: страсть как любят они разобщающие отступления. А Ваня стоит, не обижается, робко смотрит на меня, ему вроде бы и нравится, как я издеваюсь над ним, и глаза его становятся еще преданнее. И, может быть, от этого я отношусь к нему еще лучше, ставлю ему «четыре с плюсом», говорю, что у него была глубина, вспоминаю о проникновенности при чтении Толстого. Ваня сияет.

Он смотрит на меня влюбленными глазами, и когда я после уроков решаюсь специально поработать с ним, он удовлетворенно кивает головой.

– Вот почему-то уверенности у тебя нет, Золотых (я с детьми только по фамилии: так было принято в школе, называть по имени считалось фамильярностью, панибратством, заигрыванием перед учащимися, расценивалось как способ завоевания дешевого авторитета).

Ваня молчит. Опустил длинные золотистые ресницы. Тихо гладит правой рукой левую. Незыблемо спокоен, и это меня раздражает. Мои внутренние экстремистские силы протестуют против Ваниного покоя, и я говорю:

– Может быть, эта неуверенность от незнания, может быть, ты Болконского не представляешь себе? – А откуда Ване знать, каким был Болконский, Ваня никогда и в городе не был, и, кроме Соленги, ничего в жизни не видел. – Вот представь себе, что Болконский – это знакомый тебе человек, и ты любишь его за те доблести, которые в нем есть, и ты должен рассказать о нем. Как ты представляешь себе Болконского, на кого он похож?

Ваня распахивает свои беленькие реснички, они серебрятся и золотятся на солнышке, и салатовость зрачков заблестела робким повиновением.

– На вас похож князь Болконский, – говорит Ваня.

От неожиданности ответа я приседаю. Мое авторитарное чутье, конечно, удовлетворено, польщено, а моя экстремистская справедливость наотмашь лупит по Ваниным алым щекам, хлещет по его невинным ресничкам.

– Да ты что, Золотых! – взрываюсь я. А самому становится тошно, даже признаться себе не могу, потому что авторитарный крючок с брошенным мне живцом я заглотнул, напрочь заглотнул.

Ваня смотрит на меня, будто не слыша моего голоса, и твердит свое вот уже второй раз:

– На вас похож князь Болконский.

– Ну ладно, иди, Золотых, в следующий раз тебя обязательно спрошу.

Ваня не торопится уходить, он будто застыл на своем месте. Потом тихо собирает книжечки в рваненький коричневенький портфель, перевязывает его длинной веревочкой, чтобы еще через плечо его перекинуть, чтобы палки лыжные держать в руках: до дома шесть километров на лыжах бежать. Говорит мне «до свидания» и уходит.

1. Огосударствление школы, сплошная

коллективизация человеческих отношений соединились с народной нищетой

Нет более несчастных детей, чем дети в русских семьях. Впрочем, уже и грешно так говорить: я видел в глухих узбекских селах жуткие картины народного бедствия, голодных, грязных, немытых, в струпьях детей. Я узнал, как захлебывались кровью армянские и грузинские дети, дети молдаван и жителей Приднестровья… Если и будет моя душа что-то искать в этой жизни – так это просить милосердия ко всем обиженным и обездоленным детям нашим.

Лучшей частью своей души, покинутой за школьным порогом, я понимаю беззащитную цельность Ванечки, а моя школьная душа, точнее, мое школьное бездушие подсказывает единственный ритм настроения – раздражение. В этих двух столь разноплановых восприятиях я смогу убедиться буквально через несколько недель, когда окажусь с моим приятелем Иринеем на охоте. Собственно, охоты у нас никогда и не получалось, но видимость некоторая была. Эта видимость долго и обстоятельно разрабатывалась. С вечера я приходил к Иринею, и мы часами колдовали над весами, порохом, пыжами, гильзами, капсюлями. Готовили лыжи, одежду: все как положено. И в тот раз мы вышли ночью, шли по насту, легко и быстро. И на этот раз никаких тебе куропаток, никаких зайцев, лисиц. Зато интересно слушать рассказы Иринея, простые, краткие.

Мы лежим на старом сеновале: сруб без окон, без дверей.

– Не могу одного понять, – говорю я. – Такая природа, такой воздух, такие пастбища, почему же так не обжито все?

– Ты был когда-нибудь в северной деревне? – спрашивает Ириней.

– Ну?

– Вот сейчас подымемся и заглянем в деревню, тут километра три в сторону.

Деревня была разбросана по берегу речушки. Мы стояли на горе, а внизу несколько изб, и крутой дым шел из труб. Мы съехали с горки, и крайним домом была изба Вани Золотых.

Ваня засмущался, покраснел, стал приглашать в дом. В общем, внутри, хотя дом снаружи и казался преогромным, была всего одна огромная комната с русской печью, деревянные лавки, в углу старая икона, на стене под единой рамой штук двадцать фотографий. У печки, на полу, свернувшись клубочком, спал человек, подложив под голову рукав фуфайки. Человек был крохотный, худенький, лицо морщинистое, красно-черное, а руки тоже были красно-черные со свежими ссадинами на тыльной

части.

– Напився с вечера ишо, – крикнула Анастасия, мать Вани, – а ну просыпайся, Петька, гости!

– Эк, куды ему, – пропела тихим голосом старуха из угла; она сидела и распутывала нитки. Старуха была древней. Очень древней. И очень похожей на Ваню: такой же покой шел от ее лица, такая же неторопливость движений.

Пока мы сидели, грелись да перебрасывались по слову с бабкой, Ваня с матерью суетились у плиты. И когда обед был готов, проснулся и Петя. Он поднялся, осмотрелся, сбегал куда-то.

За обедом Петя рассказывал, как он рыбу ловил, какое сено нынче привез и что снова ему надо ехать по насту за сеном. И Ваня точно вслушивался в слова отца, и глаза его – в беззащитном обнажении, застигнутые словно врасплох, признающие свою вину, свой стыд (какой – неведомо, бедность всегда стыдится самой себя, бедность и совестливость почему-то всегда в одной упряжке ходят, и только сытость не знает раскаяния, вины). Ваня сидит в напряженной красноте, точно в жар его бросило, точно стынет этот жар на виду у всех, переходя в озноб и снова в жар, и глаза несуетливые будто говорят: «Вот так мы и живем… Я вон на той лавке сплю на матрасе иногда, а иногда и без матраса, а простыней у нас никогда не было, а едим мы хорошо: всегда хлеб свежий, и треска, и картошка с грибами: груздь и рыжик в основном, а уроки я делаю тоже за этим столом, и сестра за этим столом делает уроки, и меньшой брат Вася, и я им помогаю делать уроки, и бабушке нравится, когда я помогаю им, а отец всегда говорит одно и то же: «Учись, Ванька, все равно дураком помрешь…» Нет, сейчас отец этого не скажет, присматривается, не отошел еще после вчерашнего…»

Я изредка бросаю взгляд на Петю: он силится не икнуть, что-то жестом пытается выразить: и как траву он косил, и как дров навез, и как хариуса поймал, – и руки его отмеривают, какой был хариус и какой рыбный пирог получился. А Ваня смотрит на меня, будто просит: «Не судите моего отца, пожалейте моего отца, и бабушку пожалейте, и мамку пожалейте…»

Я невольно сравниваю те времена и нынешние. Тогда, в начале пятидесятых, не встретить было в селах ребят, которые не учились бы в школе. За невыполнение всеобуча учителя карались так же сурово, как за самые тяжкие нарушения трудовой дисциплины. Сегодня никого не интересует то, что тысячи малолеток и юношей нигде не работают и не учатся, приобщаются к пьянству и преступлениям. Я мог бы привести

вопиющие факты по Новгородской и Вологодской областям, по Уралу и Сибири, Алтаю и Дальнему Востоку. Сколько полуголодных детей промышляют по чужим чердакам и подвалам, ларькам и складам, свалкам и рынкам?! Сколько подростков употребляют суррогаты «спиртного», вплоть до сапожной мази! Сколько девочек оказалось на панели! Сколько детей сжигают чужие дачи, томятся в следственных изоляторах, отбывают сроки наказаний. Сколько детей без крова и без надежд на скорое улучшение своей жизни. Вселенский детский плач, глухой и горький, стоит над страной: «Не судите нас! Пожалейте нас!»

…Сорок лет спустя я повстречаю Ваню Золотых и всех, с кого я писал обобщенный портрет моего героя. Ваня не пьет – не на что. Не курит: поражены легкие, был на химическом производстве. Двое сыновей помогают отцу возделать кусок земли в лесу. Вся техника – лопата да мотыга. Надо снять дерн, вскопать, вырубить коренья, унавозить – и на эти шесть-семь соток уходят все силы.

– Жрать-то нечего будет, если картошку не вырастим. Вон все голодом пугают по телевизору. Одно утешение: не одни мы бедствуем – народ весь…

Я захожу в дом и вижу на стене картинки, нарисованные гуашью. Среди них пейзажи, автопортрет отца. Вижу на столе несколько книжек по живописи.

– И сам рисую маненько, и детишек учу.

Я невольно вспоминаю наши занятия с ребятами, и теплая волна подкатывается к душе.

– И все-таки от воспитания нам никуда не уйти, – говорю я.

– Куда ж тут уйдешь, – говорит Ваня. – Воспитание – это жизнь.

Спрашиваю:

– А как живут учителя?

– Плохо, – машет он рукой. – Очень плохо.

Беседую с учителями.

– Хорошие книги сегодня нам недоступны, – жалуются они. – А уж альбом репродукций – это просто недосягаемо…

2. Душой культуры является искусство

Созданием полнокровных образов искусство формирует человеческую душу, становится способом общения, способом духовного развития.

Я и сегодня ощущаю неразбуженность наших детей. Неразбуженность или мертвая обломовская спячка – результат все

той же авторитарщины. Не так давно меня познакомили с социологическими исследованиями, проведенными в некоторых областях России. Выводы страшные: «Большинство подростков книг не читают, искусством не интересуются, зато пьют брагу и самогон и напиваются до полусмерти».

Тогда, в Соленге, я столкнулся с детской неразбуженностью. Я злился на самого себя, поскольку мои усилия пробудить у детей потребность в искусстве оказывались тщетными. И все-таки я не сдавался. Я будто орал, обращаясь, наверное, к самому себе: «Я разбужу вас! Я заставлю вас дрожать от счастья и плакать от встречи с той чистотой, какую я вам покажу».

Мне нужно было на каком-то материале развернуть свои заветные мысли. И я достаю свой крохотный запас духовной наличности: ворох открыток и репродукций живописных, вырезок из самых старых, еще дореволюционных журналов. Эти маленькие реликвии мне особенно дороги, они отдают детством. «Картинки» я начал собирать, когда мне было не больше девяти лет. И никто вокруг не собирал. Правда, у отчима были старые журналы и стопка перевязанных тесьмой открыток, на которых были изображены самые разные фантастические сюжеты: боги, нимфы, ангелы, воины. На плотной бумаге, почти картоне, застыла лаковая глянцевитость, потрескавшаяся на уголках, и каемочка золотая вокруг, в некоторых местах стершаяся, и запах от этих открыток шел такой же теплый и вязкий, какой бывает от старых, истрепанных, читанных-перечитанных книг, которые я тогда читал по ночам и которые обладали какой-то своей таинственностью, потому что были очень старыми и мудрыми.

Эти открытки я никому не показывал: одни дети смеялись, когда видели на них обнаженные фигуры, а другие говорили: «Это ерунда – религия». И мама мне сказала, чтобы я никому эти картинки не показывал, часто она отбирала открытки и прятала. Но я их снова находил и складывал в картонную коробку.

Позднее, когда я уже был студентом, я установил, что на этих открытках была запечатлена высокая классика. «Да это же Рафаэль! А это Боттичелли! А это Леонардо», – говорил мне Маркелыч, рассматривая мои реликвии. Я шел в библиотеку и пытался что-нибудь узнать об этих художниках. Есть особая связь между запавшим в детскую душу, в развивающееся самосознание ребенка, и новым узнаванием, когда ты взрослым стал.

3. Бедность, как правило, нравственна, потому что, страдая, рвется к возвышенному

Я никогда не приму идею элитарных школ, потому что я за народные школы. Когда я проводил занятия в одной частной школе, швейцарские учителя, присутствовавшие на уроке, спросили, как я отношусь к элитарным школам. Я ответил: «Я учился в бедной школе, работал в школах для обездоленных и умру, не предав идею народности образования».

Когда я увидел, что в больших, настоящих книгах с солидными переплетами были те же изображения, что и на моих картинках, только более яркие, бережно покрытые папиросной бумагой, – легкий свертывающийся шорох вдруг приоткрывал то, что впервые было подарено в далеком детстве, – я вспоминал слова отчима, который говорил моей матери: «Нет, оставь его. Есть что-то в нем…»

Это «есть что-то в нем» я запомнил, и «оно» вертелось во мне, жило своей жизнью, придавало мне силы, а главное, доставляло необъяснимую радость. И когда я в детстве болел и неделями не выходил на улицу, и доктора уже сказали маме: «Все», – я просил мои картиночки, и мама со слезами на глазах (я так и не понимал, почему она плачет) доставала картонную коробочку, и я раскладывал свои картиночки. Каким образом я их сортировал, не помню, но сортировал постоянно, часами рассматривал таинственные изображения: летающая женщина в облаках, точнее, плавно ступающая по облакам, а вот и другая женщина, с мечом и отрезанной мужской головой, – на одной открытке такая женщина наступила ногой на отрезанную мужскую голову, а на другой спокойно идет с мечом, а сзади идет другая женщина с корзиной, из которой видна мужская голова воина, и совсем разные лики Христа, прибитого большими гвоздями к деревянному кресту, и вокруг него плачущие лица, и кровь льется струйками там, где гвозди, и ноги, вытянутые и согнутые в голенях. А я не могу понять, как это в живые ноги можно забивать гвозди, и как это, должно быть, невыносимо больно, и почему потом надо так бережно снимать с креста, оплакивать, обертывать в такие чистые, белые покрывала, в которых мертвое тело тоже будто летает, как та женщина в облаках. Руки, поддерживающие тело, с необычными удлиненными пальцами, с тонкой нежной кожей, и складки одежды, густой красноты материи, голубизны и желтизны неземной, и розоватость с белизной, и глаза страдающие – все это как будто и не имело никакого отношения к реальной жизни, ибо ни таких складок, ни таких рук, ни таких глаз я в жизни не видел. Потому и влекли эти картинки, и запомнилось то, что соединилось с прочитанным – и с пеплом Клааса, и с Тарасом Бульбой, сожженным за правду, за веру, и с рыцарскими

доспехами Дон Кихота, которого мне всегда было жалко (и не понимал я, что в нем смешного), и с тайной инквизицией, мучающей, допрашивающей, и с другими событиями сказочных легенд, которые я читал, помнил, а теперь все забыл.

Много позднее я стал различать этот сложный живописный язык эпох. И мои картиночки обрели иной смысл. Имена художников звучали таинственными звуками, их картины увидел я в прекрасных репродукциях и в подлинниках. Но все равно то раннее мое видение сохранилось, осело во мне. Оно оставалось основой, на которую наслаивалось новое представление…

Я пишу эти строки, чтобы еще и еще раз подчеркнуть: у горькой бедности есть свои духовные преимущества. В семье должны знать о них – и пусть идея реванша, мечта о красивой и нормальной жизни будет для семьи и ребенка путеводной звездой!

Глава 5
Гармоническое развитие средствами труда и искусства

1. Родители не должны верить тому, что только в элитарных школах должны преподаваться основы искусства и культуры

Убежден, что в сельских, экологически чистых условиях, среди прекрасной природы больше возможностей для истинно эстетического развития личности.

Тогда, готовясь к встрече с моими соленгинскими детьми, я ворошил в памяти и ранние ощущения, и те, которые пришли потом. Я попробовал вложить свои открыточки в привезенный директором эпидиаскоп – и ахнул… На стене, в темной классной комнате вдруг вспыхнул свет Рембрандта, кроваво-глубинный, в отблесках которого мерцали озаренные, сияющие лица, и пейзажи Васильева, так схожие своей живой влажностью со здешними соленгинскими, и репинский крестный ход с раскаленной пыльной дорогой и икононошением застыл на этой стене, и, конечно же, Боттичелли, и десятки портретов Франса Гальса, где запечатлен человеческий смех, от робкой улыбки до клокочущего хохота, и Святая Инесса кисти Хуана де Риберы, застывшая в своей удивительной чистоте, и страшные гориллоподобные ослиные физиономии Франсиско Гойи, а потом уже покажу Врубеля, которого я так любил, и Серова, и Андерса Цорна, и Борисова-Мусатова… И планы – мгновенно, как всегда, – в этом моя слабость – фантастические: непременно ребятам надо дать всю истории живописи, всю историю искусств.

В первом обзорном рассказе покажу им «Примаверу» Боттичелли и венециановскую «На пашне», и тропининскую «Кружевницу», и брюлловскую «Всадницу», и нестеровского отрока Варфоломея, и серовскую «Девочку с персиками», и женские групповые портреты Борисова-Мусатова.

Я пойду от общего объединяющего начала в искусстве, а потому Боттичелли и Борисов-Мусатов будут мною объединены утонченностью линий, где неправильность пропорций создает ту реалистическую правильность совершенства (тонкая нога Флоры – сравните ее с Флорой Рембрандта и Флорой Рубенса), где вытянутость фигур, кистей рук будто создает слитность грезы и действительности, декоративную монументальность с интимно-

лирическим мотивом.

…Сегодня, оглядываясь назад, вспоминаю, сколько раз повторял опыт приобщения детей к искусству, сочинительству, творчеству. Десятками опытов и экспериментов я доказывал, что неспособных к художественному творчеству детей нет, а успех эстетического воспитания во многом зависит от того, в какой мере семья подключается к этой сложной работе. Об этом я расскажу в специальных главах книги, а сейчас постараемся, определив, что такое гармоническое воспитание, увидеть, что дает оно детям, в какой мере оно связано с человеческим счастьем.

2. Гармоническое развитие – это когда хотя бы в одной способности не утрачивается связь с другими способностями

Ребенок интуитивно чувствует красоту природы, и он не может не почувствовать красоту культуры, развернутую в творениях великих художников. Без этой красоты не может быть ни полноценного семьянина, ни гражданина, ни воспитателя!

Ребенок интуитивно чувствует красоту природы, и он не может не почувствовать красоту культуры, развернутую в творениях великих художников.

Я уже вижу Ваню Золотых с распахнутыми салатовыми глазами, замершего от чудной боттичеллиевской мелодии, и Аллу Дочерняеву, с лица которой сошли вдруг скептические тени, и Зину Шугаеву, всю сжатую в комочек: как же вдруг такое показывает учитель ей, секретарю комсомольской организации; и Ромуськова вижу, красного как рак, ошарашенного обнаженностью чистоты, и Присмотрова вижу, вдруг проснувшегося, оживленного – а то вечно подремывает, откинув голову назад и вытянув через вторую парту длинные ноги в коричневых валенках.

А мои открыточки на стене еще лучше самых изысканных репродукций: что они поистерлись, даже интереснее, точно древность пятисотлетней древности отпечаталась на них, и воздушность необыкновенная проглянула, и даже те трещинки на бумаге так кстати, и стершиеся уголочки, и разлом посреди трех граций так уместен. От темноты в классной комнате и оттого, что воспроизвелся мой мир здесь, на стене, и я в этом мире распорядитель, и мои открыточки заговорили в этом морозном тихом лесном уголке (за окном метель, швыряет ветер

синие кружева в стекло, хрустит снег под ногами прохожих, доносится скрипящий шепот покачивающихся сосен), – что-то возвышенно-нежное перекатывается от меня к детям, к их чистым лицам, и от этого и у них, и у меня на душе становится легче и светлее. Как много можно рассказать, когда есть покой, когда есть живая темнота, составленная из жадно глядящих глаз. А потому и слова, и ассоциации, и подтекст в сказанном – многомерны, ибо ты говоришь не вообще, не только о том, что сказал Вазари или Синьорелли, Данте или Борисов-Мусатов, – а эти имена выскакивают сами по себе, правда, с оговорками: может, я не точен, может, кто-нибудь из вас уточнит потом для себя, только я так вижу, так чувствую, и вы уж, миленькие, извините меня, и ты, Ванечка Золотых, извини, и ты, Аллочка Дочерняева, и ты, весь красненький Ромуськов, извини. И я говорю, разумеется, совсем не о Боттичелли, а о том, что видел в жизни, о своей мечте, о своих надеждах говорю, о своем понимании окружающего. И в текст моего рассказа вкрапливается невольно жизнь, невольно потому, что я сам и есть жизнь. И сердце подсказывает, что здесь, в этой прекрасной тишине, так же тихо, нежно и прекрасно, как там, в лесу, где растут крохотные волнушечки, где в первозданности застыл и живет неостанавливающийся вечный покой, где такое же совершенство всегда, как и у продуманного расчетливого Боттичелли, – вот его геометрия фигур, где все так неоднозначно связано, а потому и завершенно, где каждая фигура, каждый изгиб таинственно совершенен. Всему злому противостоит вот это восхитительное сплетение нежнейших рук, которые, прикасаясь, не прикасаются друг к дружке, это не прикосновение, это как дуновение теплого ветерка.

Я говорю о трех грациях – Любви, Целомудрии, Наслаждении.

3. Постижение смысла Любви, Целомудрия и Наслаждения есть главная, никем не раскрытая еще тайна становления высоконравственной личности

Если эти три начала захватывают личность, человек способен обрести и свою подлинную свободу, и свое подлинное творческое «я», и силу для преодоления трудностей на своем жизненном пути. Смысл семейного воспитания – заронить в детские души потребность истинного счастья.

…А рядом, рассказываю я детям, юноша – Меркурий. И, по всей вероятности, грации влюблены в этого восхитительного юношу, но что поделаешь, он отвернулся, и это сблизило девушек. Понимаете, не рассорились они друг с другом,

а, напротив, соединились в своей отторгнутости, которая так близка к тихому стону, к смирению. Меркурию, быть может, нужна другая мечта, другое совершенство, а может, ему пока просто нет дела до этих изысканных существ. Посмотрите, он еще мальчик: и не поймешь, то ли он вверх смотрит, задумавшись, то ли он плоды деревьев рассматривает. И он подобен грациям, и его лицо спокойно, он полон непорочности, целомудрия и внутреннего света, свойственного античным героям.

Смысл семейного воспитания – заронить в детские души потребность истинного счастья.

Рассказывая о Меркурии, подчеркиваю, что у каждого должен быть этот простой свет, не приглушаемый телесным раздроблением, и что он есть – в Ване Золотых есть, и в Анечке, и у Аллы Дочерняевой, и открывается этот свет в юности, и нельзя его обращать в разменную монету, снижать его достоинство, обесценивать.

Я умышленно делаю упор на одухотворенность Меркурия, потому что в моем классе есть свои Меркурии и грации, и они страдают так же, как и боттичеллиевские, но, в отличие от последних, их раздирает вражда. И мой юный Меркурий, Коля Лекарев, следит за моей речью, в темноте мы видим друг друга, и я беспощаден в своем анализе, и он будто просит меня: «Довольно о Меркурии», – а я не останавливаюсь и совершаю педагогическую ошибку. Потом я снова говорю о Мусатове и Боттичелли, о родстве их линий. Рядом на стене два фрагмента – мусатовский «Водоем», две женские фигуры в бледно-сиреневом, такая же легкость одежд, как и у Боттичелли, такая же склоненность головок, такой же болезненно-робкий поворот тела, такая же сосредоточенность на своей одухотворенности, такое же свечение изнутри – нет контрастных зон света и тени, как у Рембрандта, Рубенса, Врубеля. И линия не замыкает контур, она существует лишь условно, слита с этим вечным миром тишины, красоты природы, ее летящий бег создает выразительность и экспрессию, материализует внутренний свет, придает универсальный смысл человеческой красоте, наполненной прежде всего нравственным содержанием, духовным порывом.

4. Детей надо учить мужеству и долготерпению

Духовное наслаждение свободой и любовью может прийти лишь к тому, кто умеет ждать. Ждать и трудиться, в поте лица

своего сызмальства добывая и хлеб насущный, и духовную пищу, и все то, что приносит радость другим.

> Духовное наслаждение свободой и любовью может прийти лишь к тому, кто умеет ждать. Ждать и трудиться, в поте лица своего сызмальства добывая и хлеб насущный, и духовную пищу, и все то, что приносит радость другим.

…Я обращаю внимание на то, что оба столь далеких друг от друга и столь близких друг другу художника объединены внутренним собственным трагизмом, который позволил им приподняться в этом мире до глубины понимания возвышенного и совершенного. Оба были в детстве слабы здоровьем, оба некрасивы, оба замыкались в себе. А Борисов-Мусатов был горбуном, это значит – насмешки окружающих, и косые взгляды девочек, и тайное страдание от ощущения собственной неполноценности. И тогда сосредоточенность на себе, фантазирую я, приводит к выдвижению сверхзадачи: стать с помощью силы, таланта, упорства в труде вровень с другими, выше. Я говорю о маленьком росте Наполеона, Суворова, Пушкина, потому что в моем классе есть Ваня Золотых, который страдает от своего малого роста: его и в игры не берут, и девчонки над ним посмеиваются, и сам он в сторонке держится. И я говорю, что этот самый рост – ерунда, нелепость, что это нечто второстепенное, а вот сила духа, нравственная чистота и умение выдвинуть сверхзадачу, взять на себя груз чуть-чуть выше того, какой можешь поднять, – в этом основа человека. И я говорю, что стоит только увлечься человеку сверхзадачей, как она меняет весь его облик: и глаза становятся другими, и движения уверенными, и достоинства прибавляется, и исчезает щемящее ощущение одиночества, ибо ты уже не один, а рядом с тобой второе твое, тайное «я», которое тебя постоянно поддерживает, дает силы, возвышает тебя в собственных глазах. И не случайно в народе говорят: мал золотник, да дорог. И Ваня Золотых, и Зоя Краева, пигалицей ее зовут, чуть-чуть расправляют плечики: они благодарны мне за мои добрые рассказы о таком далеком для них Боттичелли, об этом горбуне Мусатове. И протестуют мои три грации – Алла Дочерняева, Оля Самойлова и Зина Шугаева. И юный Меркурий – Коля Лекарев и другой Меркурий – Саша Коробов тоже протестуют. И их протест скрыт: не к чему придраться. Я через некоторое время зажгу свет, и Оля Самойлова, точно в наготе ее застану, опустит глаза, а через некоторое время вскинет ресницы – скажет будто: «Конечно, вы избрали изысканный путь расправы со мной. Я знаю, что вы

имели в виду, когда говорили о картинах. Можно подумать, я виновата в том, что красива. Пусть и другие будут себе красивыми на здоровье. И не виновата я в том, что все они, эти ваши Меркурии, липнут ко мне, очень они мне нужны. И не виновата я в том, что у меня грудь такая пышная, и что губы вишневые, и глаза большие, и руки красивые, и косы красивые. И вообще, я что хочу, то и буду делать. Здесь мне нравится Коробов, и я никому не отдам его. А еще мне нравится ваш приятель, Вадим Жалов. Разница в годах небольшая. И мама знает, что он мне нравится…»

И не принимает моей философии Оля Самойлова, потому что у нее уже все размечено в жизни, и я буду проходить завтра синим вечером по лесу и увижу ее длинные руки в белом свитере на спине у Вадима Жалова, и приподнятые каблучки замечу, и долго ли они будут так стоять, я не знаю, мне стыдно будет, я уйду, чертыхаясь, а завтра скажу Вадиму:

– Мало тебе женщин в поселке?

А он мне ответит:

– Тут совсем другое.

– Но она же моя ученица.

– А я не возражаю, учи ее на здоровье. Хорошо учи!

И я остаюсь весь в дураках с этой моей Грацией, с Целомудрием и со всем набором проповедуемых мной Духовных ценностей. И Оля сейчас, при свете, об этом мне будто и говорит: «Ты делай свое. Рассказывай, это все интересно, только ко мне никакого отношения это не имеет».

И Алла Дочерняева фыркнет, вскинет плечом, дунет уголком своих красивых Джокондовых губ на прядь волос и пройдет мимо меня.

И два Меркурия – Коля и Саша – на глазах у меня будут кокетничать со всеми грациями сразу, и соперничать между собой будут, и лихостью своей любоваться будут – этак сиганут через парты, а потом рукой до потолка достанут, а потом один другого подхватит, взвалит на плечо – сил невпроворот, – вот вам и вся педагогическая «примавера». И только Ваня Золотых, как совсем чистенький подберезовичек, будет видеть все, и не скроешься от его беззащитной салатовости глаз, робко подойдет ко мне, покраснеет и станет невпопад лепетать, называя Меркурия Меркуловым, точно он гоголевский герой или рабочий из деревоотделочного цеха:

– А почему у Меркулова тапочки с дырками?

– Какие тапочки? – всполошусь я.

– А у него вроде бы как носки или сапоги, только без подметок, и все пальцы видны. А все остальные босиком…

«Неужели, – думаю я, – он все время рассматривал, кто во что обут?» А я действительно не замечал до этого, что все босые, а Меркурий в дырявых сапогах. И в самом деле, я смотрю на репродукции и вижу, что Меркурий в обуви, и говорю Ване Золотых, что это обувь была такая и что он не босой совсем, что есть и подметка под ступней, но ее не видно.

– В том-то и дело, – говорит Ваня. – Нет подметок. Я долго смотрел.

Я снова пытаюсь увидеть низ обуви, и не вижу, и в конце концов говорю Ване:

– Да разве в этом дело!

Ваня глядит на меня, а я на него, и он при своем «Нет подметок», и глаз своих не сводит с меня.

5. В приземленности детского восприятия, в неприхотливом здравом смысле ребенка таится истинная народность, которую нужно оберегать и всячески развертывать

А потом я долго и мучительно думал, и мне казалось, что я подхожу к своим педагогическим открытиям. Тапочки Меркурия долго не выходили у меня из головы. И то, как отвратительно повел я себя в разговоре с Ваней Золотых. Мне бы тогда, пусть даже в этом случае с «Примаверой», восхититься наблюдательностью Вани, приостановить движение моего самолюбования, унять фонтан превосходства и сказать:

«Ах, как здорово! Я десять лет смотрю на эту репродукцию и ни разу не замечал, что только Меркурий одет в сандалии, а Ваня заметил, до чего глаз точный у Вани».

И насторожились бы глаза у других ребят (всерьез ли говорит учитель или издевается?), приподнялись бы ушки, как у кроликов, и стал бы каждый выискивать то, чего нет или едва заметно в картине:

«А что за узор на одежде Меркурия? Это языки пламени? Это цветы?»

«А это одежда? Это тога!»

«А язычки пламени опущены почему-то вниз».

«Да, точно перевернуты! Это тоже что-то значит?»

«Конечно, значит…» (Идет новое пояснение.)

«А сплетенные руки граций напоминают цветок…»

«А Брюсов вот пишет, обращаясь к Боттичелли: “Руки в знаке креста подняты”».

«А что значит вот этот вопрос поэта: “Возложил Сандро Боттичелли картины свои на костер?”»

«А это обращение к нему: «Ты ль решил, чтоб слезой черно-палевой /Оплывала Венер нагота, /А народ, продолжая опаливать /Соблазн сатаны, хохотал?» Что же, Боттичелли был безразличен к кострам инквизиции?»

«А почему к нему не было претензий ни со стороны Савонаролы, ни со стороны его противников? Что же, и инквизиция была им довольна?»

«А что, красота и дым костров совместимы?»

…Конечно же, я рассказывал и о кострах, и о Брюсове, и об исканиях русской интеллигенции, и о палачестве Ренессанса, и о возрождении идеалов Красоты. Но в моем рассказе не было той основы, которая бы скрепила мое настроение с детской ясностью. И я убежден теперь, что вопрос Вани Золотых о тапочках был самым великим достижением моим, которое я опрокинул своей пренебрежительной самовлюбленностью.

…Всматриваясь в сегодняшнюю жизнь подростков, невольно отмечаешь и такую особенность: острый интерес молодежи к искусству, к политике, к глобальным вопросам бытия. Я вовсе не противоречу себе. Детей, выбившихся из нормальной колеи, не более четырех процентов. Это тоже очень много. Но каковы дети из оставшихся девяноста шести процентов? Могу с уверенностью сказать, что тридцать процентов из них – дети не просто одаренные и трудолюбивые, но это и личности, хорошо представляющие то, как они будут жить дальше, как будут воспитывать своих детей, как будут строить свои семьи. Чего недостает сегодня этим детям? Трудовой закалки, способности длительное время выполнять ту однообразную нетворческую работу, которая вырабатывает и характер, и практическую цепкость, и целеустремленность. Каков самый серьезный их недостаток? Лень, ведущая к иждивенчеству, к излишней мечтательности, к утрате своих дарований, способностей.

Каковы оставшиеся шестьдесят шесть процентов? Это дети, главный порок которых составляет так называемая конформность. Делают все, что скажут папа и мама, учитель и товарищи. Верят газетам и книгам. Безропотно подчиняются любым внешним требованиям. Надеются, что в жизни все образуется само собой, поэтому не надо суетиться, усердствовать. Надо брать от жизни все, что можно взять.

Основной их порок – лень, возведенная в квадрат. От нее вялость и апатия, безразличие к духовным ценностям. Что делать родителям с этими детьми? Признать надо с совместного решения: так жить больше нельзя. И искать вместе резервы: сокращать сон, вводить разнообразный труд, разрабатывать с ребенком кратковременные и долгосрочные программы.

Конечно же, я условно называю совместную разумную деятельность «программой». Так вот, разрабатывая направления совместных поисков, надо быть мягким и доверчивым, уважительным и любящим, ибо с помощью авторитарных приемов (насилие, приказ и пр.) можно лишь сломать личность и потерять навсегда свое чадо.

Глава 6
Индивидуальная работа

1. В подростковом возрасте потребность Любви и Свободы обостряется

Это обострение порождает стыдливость и обидчивость, которые могут стать серьезной преградой для воссоздания в каждом подростке большой культуры и большой веры в свою самобытность и неповторимость.

Любое искреннее движение детской души – это уже гениальное побуждение. Это робкое побуждение души моего ученика Вани Золотых выразило не просто первую потребность узнавания, но и соединило робкую детскую душу с душой большого художника. Этот крохотный вопросик, как клапан, приоткрывал мир человека, мир его ценностей, он будто расчищал место для новых ценностей. Это принципиально важно: в этом суть педагогики, суть вопроса, от чего идти: от первичных потребностей, доступно постижимых и осязаемо-живых, или от абстракций, отвлеченных и загадочных, до полного мрака и неведения? Потребность и должна привести к тому великому, мучительному поиску познания, без которого не может быть души человеческой. И путь здесь один – не приобщение к культуре, а воссоздание культуры в каждом человечке, в каждой индивидуальности через мир первичных потребностей, через иерархию доступно постижимых ценностей, в основании которой должны быть, образно говоря, тапочки Меркурия!

Позднее я прочту у Крупской о симбирском инспекторе Ульянове, который, увидев детское сочинение, оцененное самым низким баллом, переправил оценку на самую высокую. В этом сочинении ребенок писал о самом для себя интересном, что инспектор (Ульянов) такой большой, а не может говорить «р»: вместо «гривенник» говорит «г'ивенник». Этот «г'ивенник» – те же тапочки Меркурия, та же непосредственность, та же великая простота, которая лежит в основании и нравственного чувства. Тогда, в мой первый солентинский год, я этого не понимал. И другое – может быть, поважнее этой самой чисто методической тонкости.

Любое искреннее движение детской души – это уже гениальное побуждение.

Первое время я упивался своими открытиями. Мне казалось, что я нашел способ тончайшего прикосновения к детским душам. Мне казалось, если я вхожу в духовный мир ребенка через искусство, если внутренне принимают меня, то и результат моего влияния неизбежно становится положительным.

И только много позднее мне вспомнились иезуиты. Те самые профессиональные иезуиты, которые что угодно превращали в средства: людей, искусство, ценности. В одно какое-то мгновение мне показались чудовищными те интонации, в которых была подана мною нежная вибрация чувств Меркурия и трех граций. Неожиданно я поставил себя на место моих «Меркуриев» и «граций».

2. В подростковом возрасте чувственная любовь и то, что именуется ранней сексуальностью, должны соединиться с духовными началами

Здесь необходима педагогика отцовства и материнства, педагогика безнасильственного раскрепощения физических и духовных сил подростка. В триаде «душа, тело, дух» первенство принадлежит Духу. Высокий Дух – это и есть высокая Любовь и высокая Свобода.

Вспомнилась мне моя собственная мучительная страсть, когда я бывал в семье моей дальней родственницы Серафимы Павловны. Характер моих отношений с двумя ее дочерьми Катей и Розой был для меня странным. В своих чувствах к ним я не мог разобраться. Неясным было и их отношение ко мне. Совершенно сбивало с толку одно обстоятельство.

Катя меня не любила, это уж точно. Но она места не находила, когда я отдавал предпочтение старшей сестре. Даже когда я рассказывал сказки крохотной Маринке, Катя неистовствовала.

Роза была добрее своей сестры, но всякий раз, как я оставался наедине с Катей, бросала в мой адрес шпильки, которые, казалось, должны были о чем-то напомнить мне…

Катю я любил больше. Точнее, Катю я любил совсем по-другому, скорее по-настоящему. А Роза будила во мне стремительно-упругие силы, которые пьянили мое тело, оставляя в покое душу. Может, такое получалось потому, что однажды я увидел Розу обнаженной. И не то чтобы обнаженной. То, что я увидел, меня настолько ошеломило, что мои представления о женских тайнах перевернулись вверх дном. Я вошел в летнюю кухоньку. Роза мыла голову над тазом. Дверь от печки была раскрыта, и красные угли пылали теплом. Роза стояла чуть боком

ко мне и протягивала за чем-то руку. Свет от окна ласкал ее грудь, – будто стекавшую в блестящую пену. Я стоял, пораженный этим чудом, а Роза все тянула руку, очевидно чего-то ожидая, и глаза ее были крепко зажмурены. А я не мог сдвинуться с места, пока не показалась моя мама, – она отшвырнула меня в сторону, в коридор отшвырнула, чтоб духу моего здесь не было…

> Необходима педагогика отцовства и материнства, педагогика безнасильственного раскрепощения физических и духовных сил подростка. В триаде «душа, тело, дух» первенство принадлежит Духу.

А С. П., я это видел, меня оправдывала. Всякий раз она меня приподымала в глазах дочерей, подбадривала. И каждый раз, когда Катя и Роза позволяли по отношению ко мне резкость, взвинчивалась, и обеим девочкам доставалось.

Потом только, много лет спустя, я понял, что у Серафимы Павловны в те мгновения доброта зажигалась вселенским материнством. В те минуты она любила меня больше своих дочерей. Она своим девочкам давала урок любви. Пыталась передать им тот зажженный свет. А еще точнее, в те мгновения она высшую справедливость утверждала и потому была на самой вершине нравственных чувств – на стороне слабого.

Я в ситуации с Меркуриями не различал сильных и слабых. Точнее, я поверхностно различал слабых: мал ростом – значит, слаб. А это не всегда так.

Тогда, в моей юности, со стороны я казался совсем счастливым: все при мне было. Слишком в избытке было всего. И все же С. П. учуяла мою беду. Оказалась способной проявить большое чувство. Я же в своих педагогических затеях для вселенского отцовства не был готов. Я играл с детьми в одну игру. Не мог я приподняться над их болью и радостью. Потому не различал эти противоположности. Рожденная наспех, моя педагогика была внешне привлекательной, но она не могла быть праведной. Ей недоставало мудрости. Отцовства и материнства недоставало.

Сегодня страну завалили отвратительной литературой о так называемом сексе, о технологиях совокупления, премудростях обольщения и даже способах проституции. Я недавно прочитал чуть ли не в юношеском издании рассказ одной девочки, которая пишет, что она (цитирую) «трахается с двенадцати лет». Уберечь детей от всей этой мерзости невозможно, а сказать, что в этой пошлости заинтересованы торгаши и проходимцы, надо непременно. Надо занять бескомпромиссную позицию в разъяснении детям того, что есть порок и что есть святость.

Дети отлично различают нравственное и безнравственное.

3. Особую, живую, нравственную, недосягаемую и щемящую красоту в детском общении выражают девочки

Авторитарность испоганила и юные прекрасные души. Исчезает «чистейшей прелести чистейший образец». А не должен исчезнуть, иначе погибнет род людской.

…Была осень, и мы рвали лен.

Еще три месяца назад этот кусок земли в черном лесу ошеломил меня сверкающей голубизной: дух захватило. Казалось, всю нежность, какая есть в мире, вобрала в себя эта небесная синь.

А теперь всего этого и в помине не было. Лен – в морозной стылости выпрямившиеся соломинки – сухо рдел охряной жесткостью. И моросил не то дождь, не то крупа путано швырялась со всех сторон.

Мне показывают, как лучше рвать лен.

Я впервые замечаю, как упруго ловка Аня Клейменова: такая ладная стремительность скользящих рук. Совсем узкая розовая кисть. Щеки горят. Губы горят, хотя и сомкнуты, впрочем, то и дело вздрагивают тонкой улыбкой, точно стряхивают чужие взгляды: «Мне нравится, когда любуются мной, но зачем же так откровенно».

И не устает. Не останавливается, чтобы расправить тонкие плечики. А снопики растут крохотными гномиками, головками друг к дружке прислонились: шепчутся. Аня чуть-чуть бровью в нашу сторону: она все слышит, со всем согласна, только ей некогда сейчас. Она лен рвет. Как рвали лен бабушки и прабабушки. Вот так же крепко, в одно мгновение, скручивали снопик – и эта вековая ловкость будто генетически отлилась в ее утонченной гибкости, в ритме одухотворенности.

Нет, ничто в этом мире не исчезает бесследно. Что-то от того совершенства голубизны, когда лен цвел, присутствует и радует душу. Потому, быть может, и треугольнички на лице директора Парфенова чуть-чуть подсветились, проглянула ало-костровая пепельность в его серой однотонности. Ко мне и к Анечке подбежал он совсем юный, в черном плаще, раскрапленном морозными точками. Глаз не сводит с Анечкиной виртуозности. Еще светлее делается его положительная душа. Просит он Аню, чтобы всем она показала, как надо рвать лен. Но Аня (я так и знал) уклоняется от «показа», не приспособлена она к такому, ни теперь, ни потом не будет приспособлена.

Молчит Аня Клейменова, не слушает директора, – это сейчас позволительно: она лен рвет.

И Ваня Золотых рвет лен, так же, как и Аня, быстро и радостно, точно играя, только изящество у него не то, изгиб фигуры не тот. Ваня как-то кругло перекатывается колобком: и коленки круглые, и спина круглая, и пиджачок его все тот же серенький, торчит из-под фуфаечки, и сапоги резиновые шлепают, и на них налипло грязи, и листья налипли, и кусочки веток пристали. А у Ани сапожки чистенькие, ни листочка на них, и ногу облегли крепко, и узкие плечи платком перетянуты, и для удобства, а может быть, и для кокетства, платок крест-накрест длинную спину перехватил, и густая прядь русых волос на белом чеканном лбу.

Возле Ани почему-то никого нет, вот уже час, а то и два никого нет, будто очерчен ею круг подле себя, круг неприступности, и она одна в этом круге, точно балерина в световом луче, только этот луч никому не виден. Я ощущаю цвет этого ослепительного сияния: розового, палевого, серебристого, точно гигантская волнушечка, а посредине скорее Дюймовочка, чем Золушка, – челночное мелькание нежных сплетений, тонкая линия изгиба ее тела, розовая душистость щеки.

Аня молчит и не смотрит в мою сторону, хотя я и спрашиваю, как надо этот чертов лен рвать, как вязать надо, и Аня больше не отвечает (это дозволено сейчас), и мне хорошо, что она не отвечает, а только тихо про себя смеется, и звук тонет в ее глубине, но я улавливаю эту радостную приглушенность и не слышу совсем других звуков.

4. Нельзя соединять духовно-творческую природную девичью красоту с бездушной коллективизацией!

Солнце вдруг пригрело, и пышность лесного приюта всколыхнулась, сверкнув багряным одиноким листом, пришпиленным к красной ветке, и россыпи брусничных бус оживились на обочине, куда вдруг швырнула Аня свою фуфайку, и платок сбросила, а я боюсь взглянуть на нее теперь и рву лен. Перевязываю и складываю, и юных Меркуриев не замечаю, и не слышу, как говорит мне, улыбаясь, Парфенов:

– Получается?

И не вижу, как завуч Фаик водит языком за губами, глядя на Аню. Я молчу, не обращаю внимания на Парфенова и хочу, чтобы Фаик убрался как можно быстрее или свой гнусный язык проглотил, обезьяна толстая. И толкнул бы его нечаянно боком,

будто в ошибке, но он все понимает, всегда все понимает Фаик, отходит от меня, брезгливо косясь и скептически рассекая мою сокровенную тишину, в которой Аня рвет лен.

Аню я не замечал целый год. Моим вниманием завладели другие грации.

Я осознал потом: ее можно было приметить, лишь сосредоточившись. Надо было приблизиться к ее тишине, чтобы нужный отзвук получился. Это я потом осознал, когда впервые увидел ее в другой обстановке…

Как важно формировать в девочках тончайшую грациозность, возвышенность, чувство и умение быть бескомпромиссными в вопросах нравственности.

Глава 7
Чудо духовного обновления

1. Чудо обновления семьи свершится, когда истинная свобода приобщит взрослых и детей к матери-природе, к великим тайнам народной культуры, сбереженной в укромных и неприметных далях нашего отечества

Однажды с Иринеем мы забрели бог знает куда: подвезли нас на агашке, да по лежневке мы пробежали километров пять, да по тропе километров шесть прошли. Забрели в такую болотину – чуть ступнешь в сторону, так нога и хлюпнет в торфяной жижице. Устали очень.

– Сейчас увидишь, – сказал тогда Ириней.

– Что увижу?

– Чудо увидишь.

И я жду чуда, потому что всегда верю Иринею.

Был вечер. Длинный лесной коридор с черной тропинкой вдруг оборвался, и багровый пламень в последней мятежности вечернего жара блеснул красными стволами сосен и стекающим глянцем примирительно заиграл в половине окна. Как куском зеркала ослепил глаза, полоснул вечерним огнем, точно за окном кто факел зажег. И теплота, смешанная с запахом перегретого навоза, ржи, раскаленной древесины, обдала душу, будто вступили в другую землю, обжитую и приветливую.

И оттого, что так весело умирал день, и от пахнувшего тепла, смешанного с таким знакомым запахом парного молока, и от только что скошенной травы, и от ухоженной крепости колодца, погребов, двора, и от лошади (спокойно водит карим глазом), и от коровы с дощечкой на рогах, бодливой, должно быть, с сумасшедшим иссиня-мазутным глазным яблоком, – от всего этого усилилось ожидание: еще что-то должно быть.

– Что же это? – невольно вырвалось у меня.

– Сейчас расскажу, – сказал Ириней, будто улыбаясь про себя. – История больно смешная. На этом участочке твой Клейменов живет с детворой. До войны он сидел здесь недалеко. А в сорок втором взяли Матвея на фронт. Приехал он после войны сам по доброй воле и начальнику говорит: «Помогите снова к вам определиться, а то места себе не нахожу». Ему говорят: «С ума сошел! Кто же это сам по доброй воле сюда идет?» – «Не могу я в других местах жить. Не сплю по ночам, криком весь исхожу,

холодным потом обливаюсь. У вас раньше спокойно и сладко спал и никакого страху не испытывал».

Удивился, конечно, начальник, помнил Матвея Клейменова, мастера на все руки: жаль было и тогда его отпускать.

«Понимаешь, какое тут дело. Не положено посторонним проживать», – объясняет начальник. «Ну какой же я посторонний?» – спрашивает Матвей.

«Ну ладно, – сжалился начальник. – Можно что-нибудь и придумать. Возьмем тебя вроде бы как на службу. Не в штат, конечно, а вроде бы как по общественной линии. Дадим земли кусок, построишься и будешь вроде бы как при нас числиться. А мы будем к тебе наведываться: рыбешки половить, поохотиться, а может, так, погостить кому вздумается. Будешь, одним словом, вроде как егерем. Начальству о тебе доложим, чтоб по законности все было».

Некуда деваться было Матвею: согласился. Женился на местной, да умерла жена от аппендицита, не довез Матвей до больницы хозяйку свою. И живет теперь с четырьмя дочками, Нюрка – старшая.

– И не боится?

– Его звери во всей округе боятся.

Я думал, что снова обман будет, как с дедом Николаем: ждал великана, а увидел грибочек крепенький. Но здесь было, как говорится, все один к одному. Вышел во двор гигант, который, как и положено настоящему гиганту, в робость весь ушел, потому что стыдился своего гигантства. Борода волнилась, точно он ее после завивки на праздник выставил, свободно так раскинулась на широкой груди. Борода с проседью, желтоватая ближе к губам, – должно быть, от табака. Губы такие же сочные и чуткие, я это приметил, как у дочери. И ноздри тонкие, не растопыренные. И огромные глаза голубые, не выцветшие, а совсем сохранившиеся, поскольку Матвей в рот хмельного не брал. Одет гигант был в старую гимнастерку защитного цвета, на ногах полуботинки с обрезанными хлястиками. Одно явное несовпадение было налицо. Осмеянный Иринеем Матвей, представленный этаким полудурочным чудаком, никак не вязался с тем Матвеем, который встретил нас. Умные, цепкие глаза Матвея, его роскошно большая голова правильной формы никак не выдавали какого-нибудь намека на возможность чудачества. Напротив, стоял перед нами не просто гигант, который сильнее и больше нас, стоял человек, который хорошо понимал мизерность наших желаний, суетность наших стремлений. Только потом я осознал, что Матвей был мучительной загадкой для тамошних старожилов: с чего бы это его потянуло в лес,

подальше от живого вольного человека?

2. «Молчи, скрывайся и таи…»

Современная семья отличается тем, что свою любовь, волю и красоту вынуждена прятать от окружающих, да и побаивается назвать свои добрые свойства достоинствами: столько раз выкорчевывали из семьи любовь – и к Богу, и к самим себе, и к дому своему, и к детям своим.

Матвей, как я понял потом, иной раз дурачил окружающих, храня свою тайность и глубоко пряча ее. Нет, нет, нисколько не было у Матвея каких бы то ни было темных оснований, чтобы вольность свою закабалить и защититься тем самым: Матвей был чист перед государством и перед совестью своей. И единственная его тайна состояла в том, что он горячо и страстно верил в Бога. И на жизнь свою в честном уединении смотрел как на праздник, подаренный ему Господом.

Добротный покой шел от Матвея, как шел он от ухоженного и добротно поставленного двора.

Моя рука утонула в теплой гладкости его руки, точно на мгновение замуровалась в тепле.

Пожал руку и Иринею и с места в карьер стал о чем-то спешно рассказывать. Потом в сарай его потащил, Иринея, что-то помочь приподнять, придержать, пристроить. И пока они возились, я сидел на лавке и смотрел вокруг. Аня с ведром в огород кинулась, ей отец из сарая успел крикнуть: «Нюрка, гляди, с краю копай!»

Аня, я видел, копала с сестричкой картошку: бум-бум в пустое ведро первые картошины, потом бегом сестричка с полным ведром, вся перекосилась, давай помогу, нет, увернулась от меня, побежала перекособоченная, с ведром, а, поди, ей и шести лет нет. Аня уже с овцами чего-то выделывает, и снова из сарая команда отца: «Нюрка, не пугай их!» – чего уж там не пугай, не понять мне, куда их, овец, гнать, для чего гнать, только половину овец в один отсек, а вторую половину в другой. Потом Аня в такой же быстроте с ведром пустым цинковым – к корове, и снова шестилетка за ней, и оттуда уже о пузатое ведро – дзинь, дзинь, побежало молочко. И снова шестилетка с ведром перекособоченная, а Аня снова к овцам с ведром, и оттуда дзинь, дзинь – потоньше звук, – оказывается, тех, какие дойные овцы, держать надо отдельно, а потом снова Аня, уже с кастрюлей – бултых в нее из ведра, а потом из мешка, а потом из другого ведра, и шестилетка тащит мешалку, и снова из сарая: «Нюрка, гляди, не ошпарь».

Я вошел в сарай. Тут приспособлены были два круглых камня: мельница. Ее-то и чинили Матвей с Иринеем. И когда починили, снова Матвей позвал: «Нюрка, неси зерно…»

Мы зашли в комнату. Зажег керосиновую лампу Матвей. В комнате совсем было не так, как у моего деда Николая. Здесь все пахло устроенным жильем. Руками хотелось потрогать стены, такими полированными и гладкими они казались, и мох между бревнами таким теплым и уютным казался. И занавески на окнах кремовые, с вышивками – алые маки, и зеркало круглое на стене, и часы, не ходики, а большие – из дерева, с большим металлическим маятником, и стол крепкий тесаный, скамейки крепкие, гладкие, несколько стульев у окон, и две кровати, заправленные белым, с горой подушек, воздушных и чистых, тумбочки две, на одной приемничек стоит, батарейный, разумеется, а на другой книги в два ряда сложены, и еще книги на полочках, и на печи книги, и на полу, где шестилетка, должно быть, играла, – книжечки.

Мне очень хотелось, чтобы пришла Аня, а ее все не было. А Матвей рассказывал о том, какие международные события происходят, а потом спросил, не знаю ли я, с какой стати заем в два миллиарда долларов Америка пообещала Месопотамии, а может, какой другой стране. Я ответил, что не знаю, а потом у меня Матвей спросил, не знаю ли я, какое оружие испытывали недавно в Гренландии, я и этого не знал, потом Матвей спросил, какой диаметр у трубопровода, который ведут из страны С. в страну П., я и этого не знал, а потом Матвей спросил уже не столько у меня, сколько у Иринея, как замерить стог хлеба, если известны две стороны, и как узнать, сколько зерна будет в этом стогу. Ириней этого тоже не знал. Тогда Матвей, наверное, разочаровавшись, а может быть, и обрадовавшись, сначала объяснил, какое оружие испытано недавно в Гренландии, потом рассказал о диаметре газопровода, потом Иринею растолковал, как замерить стог сена, а потом включил приемник и предложил слушать последние известия.

Наконец пришла Аня.

3. Народность нуждается в поддержке

Сотни и тысячи современных прохиндеев кинулись в разные «возрождения» и «обновления», кинулись к отечественным гробам, но ни один из них никогда бы и ни в чем не поддержал семью Матвея или семьи, подобные Матвеевой. Народность нуждается в реальной поддержке семей, готовых в поте лица добывать хлеб насущный, своим трудом обогащать себя и свою

страну.

Казалось бы, некстати я врезался с таким обобщением в рассказ о семье Матвея Клейменова. Я написал роман «Паразитарий», в котором рассмотрел разрушительные формы бытия, когда целые группы, кланы и социальные общности объединяются и ведут активную борьбу по уничтожению тех, кто способен кормить страну. Невероятная абсурдность паразитарной системы состоит в том, что каждый кровососущий уничтожает жертву, способную обогатить кровопийцу. В своем романе «Групповые люди» я сделал попытку проследить групповую и клановую психологию тех, кто властвует, и тех, кто, будучи жертвами, тяготеет к клановой психологии. Это тяжкая затяжная болезнь. За сорок лет работы в педагогике я семь раз изгонялся из школьно-педагогической системы, и изгонялся именно тогда, когда был очевиден положительный результат в моей деятельности. Я стал сравнивать свою судьбу с судьбами многих ищущих людей в различных областях жизни и труда – в технике, искусстве, фермерстве, торговле, кино, литературе, музыке, цветоводстве, в различных ремеслах и прочем. И что же? Везде и всюду одна и та же закономерность: уничтожить инициативное, творческое, работоспособное. Авторитарист советского происхождения паразитарен до мозга костей, в отличие от тех авторитаристов, которые формировались в западных системах. Западный авторитарист паразитарного типа нередко сам становится «жертвой-хозяином», питая своими соками многие отрасли жизни. И в этом существенное превосходство западных паразитариев над нашими, родными, отечественными. Причем самое любопытное, система жизни у нас складывалась всегда так, что творческий человек, дорвавшись до власти, неизбежно становился и авторитаристом, и паразитарием самого худшего образца. С поспешностью угорелой кошки он приступал к своим якобы реформам, суть которых сводилась к двум вещам: первое – утвердить себя самым грубым или коварно-хитрым способом в роли реформатора (неважно чего, лишь бы «процесс шел») и второе – награбить, сколько возможно, чтобы при этом соблюсти законность, а точнее, подтащить к себе законность таким образом, чтобы она навечно оправдала все наворованное!

Самое страшное для воспитательной практики семьи состоит в том, что дети, в особенности юноши и девушки, с ранних лет как бы сживаются с непреложным законом: честным путем ничего в жизни не достичь. Мой сын, должно быть, со своими приятелями обсуждал эти проблемы и даже в качестве примера приводил мою жизнь, дескать, своими силами и без подлостей

отец достиг каких-то высот. А каких, собственно, высот? Какая это высота, если я не в состоянии обеспечить элементарной едой себя и свою семью, то есть мне надо все время как-то изворачиваться, чтобы свести концы с концами. Правда, у меня есть имя, как кажется мне, не запятнанное. А это, говорят, тоже очень дорого стоит.

Как бы то ни было, а дети и по сей день задают мне один и тот же вопрос: как жить? Можно ли сделать карьеру, не совершив подлости? Можно ли приобрести состояние абсолютно честным путем?

Как бы то ни было, а дети и по сей день задают мне один и тот же вопрос: как жить? Можно ли сделать карьеру, не совершив подлости? Можно ли приобрести состояние абсолютно честным путем?

У меня, как правило, один ответ – со ссылкой на Достоевского, который говорил, что выгоднее всего быть честным человеком.

Матвей Клейменов, как и Достоевский, придерживался именно такой точки зрения. И этому учил своих детей. Я на него тоже ссылаюсь, когда речь заходит о «возрождении» или о современных прохиндеях.

4. Не погасить бы Божественный свет…

Всякий раз, когда любуюсь очарованием наших девочек, невольно задаюсь вопросом: неужто этот Божественный свет угаснет? неужто на смену очарованию и светлой ауре придет лик измученной, выпотрошенной, сварливой женщины?!

Она вошла в белом ситцевом платье, тоненькая, на груди ситец совсем ниткой стертой светится. Косынка повязана вровень с бровями. Лицо в белой мучной припорошенности. Глаза и без того ласковые, а тут случай особый, гости редкие, потому и в глазах, и в руках столько радостной переполненности, столько достоинства, и я боюсь, как бы этот гигант, сидящий в суровости у приемника, не вошел в свою привычную бестактность и не крикнул, как на улице: «Нюрка, неси то, убери это» (совсем не вязалась эта придирчиво-мелочная манера покрикивать с массивностью Матвея, с его покоем, с его бородой мыслителя, наконец). Нет, не стал он покрикивать, а так спокойно таз придержал, помол проверил двумя пальцами, понравилось; Зинку, шестилетку, рукой обнял; нет, иная здесь, в хате, раскладка отношений. Это там, во дворе, беготня-суетня, там все

колесом да ходуном, а здесь, в комнате, отдых, здесь Аня больше хозяйка, чем он, Матвей, поэтому Аня будто приказывает: а ну отодвинься, батя, а ну убери руки, я скатерть постелю, так, а теперь хлеб нарежь, принеси сыру-то, отец, подай, Зин, кувшин с молоком… Хозяйка!

И на белой скатерти кувшин с холодным молоком – прямо-таки как в живописном натюрморте. И сыр – это сам Матвей приспособился «варить» сыр из овечьего молока, какой-то желудочек ягненка вместо дрожжей бросает в молоко, отчего оно густеет, – и вкус брынзы настоящей. И горшок с кашей из крупы собственной на столе, и рыба вяленая, самим Матвеем приготовленная, и овощ свой, и консервы свои – оказывается, если мясо залить жиром, оно может годами стоять – не испортится. Мы слушаем Матвея, будто в чужой стране находимся: а как это, а как то?

5. Семья – спасительный остров

Современная педагогика и не пыталась заглянуть в истинные тревоги семьи, а между тем семья и только семья способна избавить всех нас от нищеты, голода, войн и страданий! Наши семьи – это те волшебные острова, которые могут нас спасти от многочисленных архипелагов лжи, насилия, банкротства и политического прохиндейства.

– Земля наша прокормить может столько народу, что даже представить трудно, – объясняет нам Матвей. И подробностями экономическими сыплет Матвей, и расчеты готов нам представить, и уж за карандашом тянется: дорвался до возможности выложиться до конца. Потом мы спим. А утром бегом-бегом собрались: машина должна подойти к лежневке, а до той лежневки целых десять километров. Мы уходим молча. Нас никто не провожает, не принято почему-то здесь провожать: побывал в гостях, ну и бог с тобой.

Не успели мы за ограду выйти, как нас догнала Анечка.

– Возьмите. – И глаза ее смотрят прямо, а кончики губ чуть вздрагивают.

– Что это?

Аня молчит.

Я разворачиваю сверток: там лежит наш хлеб, луковица и кусок сахару. Мне становится стыдно. Ириней молча берет сверток и запихивает в рюкзак:

– Мало ли чего…

Наши семьи – это те волшебные острова, которые

могут нас спасти от многочисленных архипелагов лжи, насилия, банкротства и политического прохиндейства.

Анечка убегает, придерживая подол белого ситца. Я смотрю ей вслед, у самой ограды она мельком оборачивается, совсем мельком, так что вряд ли можно понять, обернулась она или нет, а потом исчезает. Я почему-то подавленно плетусь за Иринеем, который уже набрал скорость и почти бежит по темному лесному коридору.

А мне не хочется бежать, потому что когда идешь быстрым шагом, то думаешь не о чем-то важном, а только о том, куда бы лучше ступню поставить да удобнее рюкзак пристроить. А мне сейчас хочется думать.

Об Анечке думать.

Господи, как она слушала о моем Боттичелли! Как светились ее глаза! Видел ли я раньше такие глаза? Такой свет в глазах? Будто и сияния нет, а светло вокруг становится, свет тот невидимый сразу глубоко в душу проникает, отчего ты потихоньку перестаешь принадлежать себе. Нет же, не придумал я это: все учителя и сам Парфенов не перестают восхищаться Анечкой. А отвечает как! А где найдешь такую милую и светлую добросовестность, покорность такую? И как далека моя прежняя щемящая боль, мои окраинные состояния.

6. Идеалы истинные и мнимые

Конечно же, есть еще и псевдонародность, квазикультура и мнимые идеалы. Современная педагогика почти вся построена на этом псевдонаучном материале, а потому не может быть народной, не может быть нравственной.

Анализируя именно жизненные явления, связанные с детьми, присматриваясь к тому, как живет семья и как растут в ней дети, я часто ругаю себя: «Господи, как же я мог применять к живой жизни, к живому процессу развития личности весь тот бредовый круг понятий, якобы научных. Как же убого и отвратительно звучат применительно к тому же Ване Золотых или к Анечке Клейменовой все эти «коллективизм», «общественная активность», «формирование навыков культурного поведения» и прочее.

Я снова и снова обращаюсь к наследию Константина Ушинского и поражаюсь простоте и ясности его педагогических взглядов. «Что является самым главным средством народного воспитания?» – спрашивает великий педагог. И отвечает: «Труд и нравственные начала». И поясняет: «…всякая человеческая душа

требует деятельности, и смотря по роду этой деятельности, которую дает ей воспитатель и окружавшая среда и которую она сама для себя отыщет, – такое направление и примет ее развитие. От недостаточной оценки этой основной психологической истины происходят главные ошибки и еще чаще упущения и в педагогической теории, и в педагогической практике». Воспитывает ребенка та деятельность, которая доставляет ему радость, которая оказывает положительное нравственное влияние на него, которая гармонично развивает умственные и физические способности.

И система средств, и все воспитательные воздействия, и организация всей воспитывающей среды должны быть так построены, чтобы побуждали ребенка к самовоспитанию, к самостоятельному стремлению трудиться, совершенствоваться.

Как педагог-демократ и гуманист, Ушинский рассматривал воспитательную деятельность в неразрывной связи со свободой, самостоятельностью и инициативой ребенка.

Одним из важнейших средств воспитания, или, как замечал Ушинский, «могущественнейшим органом воспитания», является учение. И опять-таки, подчеркивая важность образования, Ушинский замечает, что главное достоинство преподавателя заключается в том, чтобы «он умел воспитывать учеников своим предметом».

Воспитывает ребенка та деятельность, которая доставляет ему радость, которая оказывает положительное нравственное влияние на него, которая гармонично развивает умственные и физические способности.

И снова, и снова предостерегает великий педагог от возможных ошибок – сужения учения рамками параграфов «от сих до сих», вдалбливания готовых истин, зазубривания, муштры. Учение как воспитательное средство в том случае достигает цели, если связано с развитием познавательных способностей ребенка, если учит самостоятельно мыслить и пытливо всматриваться в окружающий мир.

Считая умственные занятия детей очень серьезным трудом, Ушинский рассматривает учебно-познавательную деятельность ребенка в тесной связи с нравственным воспитанием, с пробуждением жажды творить добро, с воспитанием чувств широких эстетических вкусов, с той прекрасной радостью, какую может и должен испытывать каждый от свободного творческого труда.

Вот мы и подошли к одному из ведущих воспитательных

принципов в системе Ушинского: свободная инициативная деятельность ребенка, помноженная на любовь к труду и к людям.

7. Свободный труд свободного человека – это, по Ушинскому, – и цель, и средство, и результат воспитания

Любовь к труду – это самое большое наследство, которое могут дать родители детям.

Даже самый отдых растущего человека должен проводиться с пользой. После умственного труда можно физически поработать. Это полезно, приятно, необходимо, так как физический труд может стать величайшим подспорьем учению.

С одобрением Ушинский относится к тем зарубежным школам, где ввели столярные и токарные работы, привлекают детей к широкому самообслуживанию, к ведению хозяйства, к обработке сада и огородных культур.

Одна из лучших его работ – «Труд в его психическом и воспитательном значении» – подлинный гимн труду.

Любовь к труду – это самое большое наследство, которое могут дать родители детям.

Труд в понимании Ушинского – источник всех человеческих радостей, счастья, в нем сосредоточена животворящая духовная сила, которая пробуждает человеческое достоинство. И эту духовную силу, рожденную трудом, нельзя купить за все золото Калифорнии. Она дается тому, кто лично трудится.

С каким презрением, с каким отвращением пишет Ушинский о человеке, который, получив горсть презренного металла, перестал трудиться. «Видите ли этого расплывшегося негодяя? Его сальное и бессмысленное лицо, маленькие заплывшие глазки, исполненные хитрости, наглости и вместе с тем низкого раболепства… Это тот же самый крестьянин: он похирел и в то же время поглупел, сделался жаден и жесток… Он весь предался тому сорочьему инстинкту, который медицина должна причислить к самому неизлечимому роду сумасшествия…»

Читая произведения Ушинского, невольно формулируешь для себя выводы.

Если наш ребенок или воспитанник трудится не в той мере, в какой ему позволяют силы и здоровье, значит, ждать хороших результатов бесполезно.

Если среда, окружающая ребенка, не располагает к труду,

если в семье или в классе царит атмосфера безделья, пустых и никчемных разговоров, значит, она непременно отрицательно скажется на воспитании.

Если ребенок ежедневно с радостью покидает классную комнату и каждый день торопится на бал или детский праздник, то вряд ли из этого ребенка вырастет дельный человек.

Если ребенок предпочитает весь день работать только физически, лишь бы несколько минут не отдать умственным занятиям, значит, что-то в воспитательной методе надо менять.

Если ребенок готов целый день просидеть над книжкой или механически вызубрить целые страницы, лишь бы избежать самостоятельного думания, значит, его познавательные способности уже приглушены чем-то…

Причины всех этих недостатков и пороков воспитания могут быть разные: влияние среды и дурной пример старших, скованность сил ребенка, появившаяся, возможно, от страха перед наказанием, а возможно, от укоренившейся скверной привычки, от образования отрицательных качеств и т. д.

Чтобы избежать просчетов в воспитании, необходимо как можно раньше приобщать детей к труду, к самостоятельной деятельности, к самостоятельному мышлению. Все, что может ребенок сделать сам, все, что ему посильно, он должен делать. И правилом здесь могут быть, советует Ушинский, прекрасные слова шиллеровского Телля, ответившего на просьбы сына поправить ему испорченный лук: «Я? Нет! Лучшая помощь – сделай сам».

Дети любят трудиться. Даже играя, они приобщаются к труду. Они вносят в игры и серьезные занятия. А иногда работающий ребенок так увлекается игрой, что не отличает игры от серьезных дел, получая величайшее наслаждение, скажем, от копания грядок, плетения корзинок, шитья кукол.

Если ребенок готов целый день просидеть над книжкой или механически вызубрить целые страницы, лишь бы избежать самостоятельного думания, значит, его познавательные способности уже приглушены чем-то…

И вот эту-то игру-труд и должен использовать родитель и воспитатель как средство развития активности детей, как средство приобщения детей к свободной инициативной деятельности.

В игре формируются все стороны детской души, писал Ушинский, ум ребенка, «его сердце и его воля, и если говорят, что детские игры предсказывают будущий характер и будущую

судьбу ребенка, то это верно в двояком смысле: не только в игре высказываются наклонности ребенка и относительная сила его души, но сама игра имеет большое влияние на развитие детских способностей и наклонностей, а следовательно, и на его будущую судьбу».

* * *

Знакомясь с педагогическим наследием К. Д. Ушинского, поражаешься не только энциклопедичности его мышления и воззрений, но и той глубине предвидения, той совершенно блестящей интуиции, которые позволили ему уже в те времена обозначить основные контуры теории воспитания.

Организация труда ведет ко многому: воспитывает доброе отношение друг к другу, дети становятся веселыми, спокойными, общительными, самостоятельными.

А такие качества, как трудолюбие и чувство ответственности, воспитываются у них на конкретных делах, на посильном выполнении простейших обязанностей, начиная от смазки дверных петель и замков и кончая административными функциями руководителя воспитательного учреждения.

Дети привыкают к порядку, «к точному выполнению тех маленьких обязанностей, от выполнения или невыполнения которых зависит очень много – наше счастье и даже та польза, которую человек сможет принести обществу…».

По сути дела, Ушинский говорит о детской самодеятельности, о самом главном ее условии – педагогическом руководстве.

Такой порядок жизни, при котором учащиеся сами активно включались бы в организацию своей жизни, завести, по его мнению, чрезвычайно трудно. Здесь важна не только внешняя организация, нужна еще и мудрость воспитателей, способных «руководить этой машиной без свирепой строгости, но и без слабости – с шуточкой, ласково и строго…».

К сожалению, мысли о влиянии сотрудничества детей на развитие личности, как и многие другие, не получили у великого педагога дальнейшего развития. На сорок седьмом году оборвалась его жизнь.

Многие замыслы остались незавершенными.

Часть III
Педагогика Любви и Свободы – педагогика будущего

Глава 1
Духовно-правовая идеология – основа эффективного воспитания

1. Без идеала нет ни воспитания, ни жизни

У человечества нет ничего выше и нравственнее христианского учения о Любви и Свободе. Вот почему здесь нет и не может быть приемлемых альтернатив.

В 1991 году я руководил секцией на Всероссийском совещании по вопросам семьи, материнства и детства. Совещание было организовано Комитетом по делам семьи и демографической политике при правительстве Удмуртской республики, и оно проходило в Ульяновске, в здании бывшего Ленинского мемориала. В ходе совещания прошла дискуссия, на которой мне снова был брошен упрек: «Зачем противопоставлять две культуры – бердяевскую и макаренковскую?» Я отвечал: «Культура, освещенная Божьим Светом, одна. У нее нет приемлемых альтернатив, ей противостоит множество антикультур. Идеология советского воспитания (синоним коллективистского), которая утверждалась Луначарским, Крупской, Макаренко и современными певцами марксизма в педагогике, хотим мы этого или не хотим, – ложь. Истинная культура полифонична, она вбирает в себя множество гуманистических культур – христианскую, буддийскую, иудаистскую, языческо-эллинскую, новейшие культуры, основанные на современных религиозных философских и человековедческих максимах. Конечно же, мои симпатии на стороне Бердяева, Владимира Соловьева и Достоевского, чьи имена и учения растоптаны теми же луначарскими, крупскими и макаренко. Бердяев, как и Соловьев, дорог мне идеей всеединства, оптимистической верой в мессианскую роль нашей страны, нашего великодушия. Вслед за Бердяевым готов повторять, что судьба России и в том, чтобы, пройдя через кровавые муки большевизма, через грабительские лабиринты сегодняшней демократии, через экологические катастрофы, за которыми последует либо всеобщий апокалипсис, либо подлинное социально-экономическое и духовное возрождение, осуществить мессианскую роль.

Родителю, воспитанному на идеях коллективизма, небезынтересно будет узнать, почему столь замечательный

и прозорливый человек, как Бердяев, напрочь отрицал коллективизм. Ведь существует и такая точка зрения, которой придерживались и придерживаются сейчас многие замечательные педагоги и философы: «Истинный коллективизм берет на вооружение все полезное, что выработано человечеством» (по Марксу и Ленину). Есть подлинный коллективизм и есть его суррогаты, как учили те же основоположники. Подлинный коллективизм, подчеркивал великий украинский педагог В. А. Сухомлинский, защищает доброту, сочувствие, сострадание, красоту и все то лучшее, что есть на земле, в том числе и благородную ненависть к врагам коллективизма, коммунизма, коммунистической партии. Нередко встречаются и такие утверждения: «Есть ложный и истинный фашизм или национал-социализм. Истинный фашизм справедлив, благороден, стоит за расцвет национальных культур и яростно борется со всеми, кто против нации, против счастья человека!»

> Слова – это энергия и направленность воли. От того, какими словами напичкан человек, зависит то, как он ведет себя. Слова – это мировоззрение, которое движет народами.

Конечно, к подобным суждениям можно было бы отнестись со спокойной иронией, если бы наши дети и наши родители не втягивались с такой отчаянной силой в сферу человеконенавистничества, если бы не лилась повсюду кровь, если бы не надвигались с помощью этих будто бы пустых словопрений новые беды и катастрофы.

Слова стали так же сильно ранить и уничтожать, как пули и ядерное оружие. Слова – это энергия и направленность воли. От того, какими словами напичкан человек, зависит то, как он ведет себя. Слова – это мировоззрение, которое движет народами. Не прошло и десяти лет, как убийства, грабежи и хищения стали обычным делом: почти никто не реагирует на смерть, потому что она повсюду. Там пятьдесят шахтеров засыпало породой, там сто горожан погибло от артобстрела, в других местах люди гибнут от холода, гонений и нищеты. Примета времени – растущая злобность людей. Я сравнивал умонастроения взрослых и детей, и выводы были на редкость утешительными: злобой охвачены взрослые, но не дети. У детей меньше ненависти, зависти, неправды. Дети переполнены жаждой Веры. Кое-кто говорит скептически: «Это мода!» Но это не мода. Это потребность нового или, точнее, обновленного и праведного мировоззрения. Это область надежд. В известном смысле нам сегодня надо учиться у детей. И есть чему учиться. Учиться великой

потребности жить чисто, нравственно, по законам истинной Любви и Свободы.

> Кое-кто говорит скептически: «Это мода!» Но это не мода. Это потребность нового или, точнее, обновленного и праведного мировоззрения. Это область надежд. В известном смысле нам сегодня надо учиться у детей.

Никто так замечательно меня не слушал, как дети, когда я им рассказывал о Бердяеве. Его слова доходили до их сердец. И как ни странно, это были слова о коллективе. Приведу эти высказывания великого русского мыслителя, которые больше всего захватывали детей.

• Коллективизм обнаруживается всегда, когда в общении и соединении людей утверждается авторитарность. Коллективизм не может быть не авторитарным, он не может допустить свободы в общении.

• Когда падают старые авторитеты, когда не верят больше в суверенитет монархий или демократий, то создается авторитет и суверенность коллектива, но это всегда означает внутреннюю неосвобожденность человека.

• Коллективизм не знает ближнего, он есть соединение дальних.

• Оригинальность современного коллективизма заключается лишь в том, что он хочет произвести универсальную всеобщую совесть, мнение, мышление и оценки людей.

• Коллективизм всегда утверждается через насилие над личностью.

• Коллективизм означает отчужденное сознание.

• Коллективизм выражает исторические авторитарные формы, начиная с теократии и абсолютных монархий до якобинской демократии, тоталитарного коммунизма и фашизма в открытых и прикрытых формах.

• Коллектив есть дас Ман, фантом, иллюзия, псевдореальность.

Это я выписал из бердяевской «Судьбы России». Меня поразил вывод философа: как только появляется авторитарность, насилие, ложь, так возникает коллективизм, немедленно усиливается отчуждение сознания, появляются злоба и ненависть. Кто знает, возможно, мы сегодня творим самые что ни на есть коллективистские отношения…

2. Соборность

Соборность есть выражение Свободы и Любви. Соборность не есть какой-либо авторитет, а есть пребывание в свободном общении и любви. Педагогика Любви и Свободы проверяется Соборностью, чистотой помыслов и Святостью Духа.

Мы живем в трагическое, но и прекрасное время. Время очищений и нарождения новых иллюзий, новых ниспровержений и уничтожений. Заранее оговорюсь, я не намерен ниспровергать Сухомлинского – первую ласточку педагогики Любви и Свободы в нашем жестоком тоталитарном режиме. И все-таки я ставлю вопрос ребром: «Ну а как же быть с творчеством Сухомлинского, который воспел мудрую власть коллектива, считая себя учеником и продолжателем дела Макаренко?» Примечательно, что именно в Марбурге, где многие годы работает исследовательская группа, изучающая наследие А. С. Макаренко, создана в 1991 году Ассоциация педагогов, поклоняющихся творчеству и имени павлышского учителя. На марбургском симпозиуме, посвященном творчеству Сухомлинского, я сделал доклад под названием «Педагогика Любви и Свободы». Снова сошлюсь на Бердяева, который говорил, что любая значительная духовная работа начинается с покаяния, с чего я и начал свое выступление. Сейчас уже никому не интересно, что я при всех режимах был в оппозиции и выступал против авторитаризма в разных его проявлениях. Сейчас надо честно, искренне признать – каждый из советских педагогов, не исключая В. А. Сухомлинского, в силу тоталитарных обстоятельств проповедовал псевдонаучные идеи коллективистского (коммунистического) толка: марксистско-ленинская теория – самая научная, поскольку вобрала в себя лучшее, что было в культурно-исторической практике, а истинный коллективизм (в противовес казарменному) – всегда добро. Защищая Сухомлинского от неомакаренковцев, главным образом его идею гуманизма, где на первом месте такие общечеловеческие ценности, как доброта, совесть, сострадание, милосердие, мы фактически пользовались методом «лжи во спасение». Мы доказывали, что Сухомлинский никогда не ошибался в изложении марксистско-ленинских идей о воспитании (слава Богу, что ошибался, иначе бы не было столь замечательного педагога), что он ничего общего не имел с христианством (опять же мы должны благодарить рок за то, что он повернул павлышского учителя к общечеловеческим христианским ценностям), что будто бы Сухомлинский никогда не шел вразрез с макаренковской теорией коллектива (еще раз слава Богу за то, что Сухомлинский не слепо следовал своему учителю!).

И если Макаренко был выдающимся выразителем своей эпохи

(сталинской, гулаговской, энкавэдэшной: он и служил в ГПУ, и идеалом личности для него был чекист, об этом он напишет в 1937 году, чекист, противостоящий слюнтяйской интеллигенции, ратовавшей за чуткость к человеку, за любовь и гармонию!), то Сухомлинский, как никто другой, навсегда останется для нас певцом хрущевской оттепели. Сухомлинский – ранняя, но мужественная весна нашего возрождения! Для него, в отличие от Макаренко, слова «любовь», «чуткость», «доброта», «личность» станут ключевыми. Ему трудно было противостоять Монблану сталинистских циркуляров, армии неосталинистов и марксистско-ленинскому мировоззрению. Впрочем, к последнему противостоянию он и не мог стремиться. Больше того, за марксизм-ленинизм он, не задумываясь бы, отдал себя до последней капли крови… В печати высказывалась такая верная мысль: «Переосмыслить сегодня надо не одно наследие Макаренко; переоценке подлежит все, что укрепилось в нашей жизни, в нашем сознании, – как незыблемые истины, как символы веры, как… таблица умножения». Добавлю: переосмыслить и отбросить надо все, что мешает освоению общечеловеческой культуры, что стоит на пути к развитию и обогащению общечеловеческих ценностей, которые могут и должны стать единственной методологией такого сложного и прекрасного дела, каким является воспитание молодого поколения.

– Переосмыслить и Сухомлинского?! – однажды сказали мне. – Да вы понимаете, на что вы подымаете руку? Да как вы смеете!

Я отвечал:

– Сухомлинский свят в своей чистоте: он искренне, как истинный рыцарь, защищал ложь, не ведая, что это ложь!

– Сухомлинского травили всю жизнь. Его хотели сжить! Он писал, захлебываясь кровью. Его обвиняли в антиколлективизме!

Все это верно. В 1991 году на страницах «Учительской газеты» выступил в защиту Макаренко давний враг Сухомлинского, доктор педагогических наук В. Кумарин. В одной из редакций мне сказали: «Хотите почитать донос на Сухомлинского, написанный Кумариным?» Я прочитал. «Донос» назывался так: «Что проповедует В. А. Сухомлинский» и адресован был лично президенту АПН СССР. Подписан был этот документ двумя датами: 17 апреля 1970 года, когда Сухомлинский еще был жив, и вторая дата поставлена была Кумариным 18 ноября 1973 года, когда Отдел школ ЦК КПСС развернул бешеную кампанию против Сухомлинского. Замечу также, что именно в эти годы я много раз выступал в защиту

Сухомлинского, а также подготовил главу о творчестве В. А. Сухомлинского в своей докторской диссертации…

Так в чем же обвиняет В. А. Сухомлинского В. Кумарин? Да и не только Кумарин, а все тогдашнее руководство Академии педагогических наук и Министерства образования СССР.

В. Кумарин обвиняет В. А. Сухомлинского в недооценке принципов подчинения коллективу и государству, в требовании свободы личности и расширении ее прав, в попытке деколлективизации советского воспитания, в немарксистской трактовке свободы личности.

Любопытно сегодня взглянуть на доводы В. Кумарина (цитирую дословно):

– «Демократизм, несовместимый с «безоговорочным подчинением», – таков идеал В. А. Сухомлинского. Спрашивается, а как же с выполнением воинского приказа? Ведь мы готовим в школе и будущего солдата. А уважение государственных законов? Их ведь, как и приказ, тоже надо выполнять безоговорочно, хотя бы «гражданин» и не был с ними согласен. Но у В. С. Сухомлинского культивирование «свобода личности» заслоняет все остальные воспитательные задачи. О воспитании гражданина, выполняющего законы, бойца, выполняющего приказы, он не заботится.

– В. И. Ленин пишет: «Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему закрепощением… превращением людей в колесики и винтики»…

– В педагогике взгляды В. И. Ленина конкретизировал выдающийся теоретик коммунистического воспитания А. С. Макаренко: «Общие цели являются для меня не только главными, доминирующими, но и связанными с моими личными интересами. Очевидно, детский коллектив только так может быть построен. Если он построен не так, я утверждаю – это не советское воспитание».

– Проводимый В. А. Сухомлинским пересмотр коренных положений советской педагогики, в том числе основных принципов теории коллектива, давно заметили и с удовольствием муссируют буржуазные советологи. 1966 году в городе Флото на Везере (ФРГ) состоялся первый международный симпозиум, посвященный педагогике А. С. Макаренко. Выступая на этом симпозиуме, западногерманский (г. Мюнстер) профессор Изабелла Рюттенауэр говорила: «Толкование отношения между сознанием и поведением претерпевает коренные изменения в работе Василия Сухомлинского «О воспитании

коммунистического человека». «Изменения, происшедшие в трудовом коллективе, – пишет В. А. Сухомлинский, – заставляют нас думать о новых задачах, которые ставит жизнь перед школой. Коллективизм является важным принципом в воспитании подрастающего поколения. Однако отдельные положения, из которых мы исходили до настоящего времени в деле воспитания детского коллектива, больше не отражают существа новых коммунистических отношений между людьми и вступали в противоречия с жизнью. Мы имеем в виду прежде всего организационную сторону воспитания коллектива. Формирование коллективного сознания и укрепление коллективных отношений рассматривались главным образом в аспекте подчинения личности коллективу, т. е. его руководящим органам. В настоящее время основным принципом жизни в коллективе должны быть не зависимость и подчинение, не управление и руководство, а идейное единство, основанное на коммунистической деятельности».

Под коллективом, который характеризуется зависимостью и подчинением, подразумевается, несомненно, воспитанный коллектив Макаренко…

Немарксистская трактовка принципа свободы личности приводит В. А. Сухомлинского к глубокому искажению целей коммунистического воспитания. Воспитательным идеалам партии, четко определенным в документах съездов и выступлениях партийных деятелей, В. А. Сухомлинский противопоставляет экзистенциалистский идеал личности, целиком поглощенной собственным «наличным бытием». В книге «Нравственный идеал молодого поколения» В. А. Сухомлинский пишет: «При правильном воспитании стремление к духовной независимости и самостоятельности надо поощрять, развивать, потому что в ней проявляется здоровое стремление к высоконравственной личной жизни. Совершенно недопустимо и вредно втискивать в рамки режимных требований, ограничений все то, что должно быть исключительно делом морали и определяться прежде всего совестью воспитанников».

Экзистенциалисты рассуждают так же. Подчинение личности требованиям общества они рассматривают как «несобственное» существование. «Как нечто социальное, – говорит Хайдеггер, – я не являюсь самим собой».

Проповедуя идеал устремленности в мир собственного Я, свободного от социальных зависимостей и связей, В. А. Сухомлинский риторически спрашивает: «Я не один год думал, в чем же выражается наиболее ярко результат воспитания? Когда я имею моральное право сказать: мои усилия принесли

плоды? Жизнь убедила: первый наиболее ощутимый результат воспитания выражается в том, что человек стал думать о самом себе. Задумался над вопросом: что во мне хорошего и что плохого? Самые изощренные методы и приемы воспитания останутся пустыми, если они не приведут к тому, чтобы человек посмотрел на самого себя, задумался над собственной судьбой».

Нравственному кодексу строителя коммунизма, являющемуся, как известно, программой личности советского человека, В. А. Сухомлинский противопоставляет внеклассовое и внепартийное требование воспитания «человечности». «Основное в человеке коммунистического общества, – пишет В. А. Сухомлинский, – это человечность». Но марксизм-ленинизм никогда не рассматривал революционный гуманизм как абстрактную человечность. В марксистском понимании гуманизм всегда имеет классовую, коммунистическую направленность.

Вот, собственно говоря, основные обвинения в адрес В. А. Сухомлинского. И здесь важно отметить два момента.

В. А. Сухомлинский, защищаясь, опровергал обвинения, доказывая, что он не искажает В. И. Ленина и А. С. Макаренко, а, напротив, делает все возможное, чтобы утверждать основные идеи основоположников в повседневной жизни, в теории и практике воспитания.

И второе. Все защитники В. А. Сухомлинского тоже неистово и горячо доказывали, что он развивает основоположников, а учение о коллективе считает святая святых воспитания. Только, по его мнению, коллектив должен состоять из личностей, убежденных коммунистов, готовых для утверждения социалистического строя даже пожертвовать своей жизнью.

Итак, боролись две стороны: никакие не левые и правые, а два официоза (педагогическая власть и государственная пресса), а кто-то третий глядел на эту возню со стороны, точнее, сверху. И этим третьим был Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС, которому эта возня была на руку, так как свидетельствовала о видимости духовной борьбы и, в конечном итоге, утверждала коммунистические идеалы! Поэтому Отдел пропаганды поддерживал обе стороны: не вступал в борьбу с педагогической властью и не очень-то торопился одергивать государственных журналистов.

Есть здесь и третий момент, касающийся сегодняшнего дня. Грустно и тоскливо сегодня в педагогике. Идет лихорадочная борьба за власть, за кресла, за амбиции, за «кормушки», за все, что угодно, только не за педагогические истины и идеалы. Ведь что получилось? В стране вроде бы сменился режим. Говорю

«вроде бы», потому что на самом деле ничего не изменилось. Если раньше был государственный капитализм, то сегодня его можно назвать частно-государственным – от этого мало что меняется. А в педагогике как жили, так и живут все те же марксистско-ленинские принципы, все те же коллективистские теории. Все ратуют за коллектив и в то же время за общечеловеческие ценности, за свободу и защищенность человека…

3. Покаяние и самоукорение – суть нравственные основания педагогики Любви и Свободы

Первую покаянную статью я опубликовал лет тридцать назад, и ее редактировал Симон Соловейчик, возможно, самый крупный педагогический публицист. В этой статье я впервые выступил и против фанфарных макаренковских маршей, и против нивелировки личности, и против казарменного коллективизма. Я критиковал себя, и потому все были довольны. Я понял, что этот толстовский принцип самообнажения крайне надежен, и потому стал писать романы с критическим анализом собственной макаренковщины, собственной неглубины, бесчеловечности и авторитарности. Сегодня сторонники Сухомлинского (далеко не все) предлагают даже почистить учение павлышского учителя: дескать, можно безболезненно убрать из его книг все, что касается коммунизма, – и будет то, что надо. Во-первых, историю нельзя «чистить», во-вторых, Сухомлинский беззаветно верил в коммунизм. Он истово учил молодых людей: «Гордись тем, что ты гражданин первой в мире социалистической страны. Ты сын земли, на которой родился вождь и учитель трудящихся всего мира Владимир Ильич Ленин – создатель Коммунистической партии, основатель нашего советского государства, великий мыслитель, самый гуманный в мире человек… Высокое звание коммуниста-ленинца – идеал нашей морали, нашего поведения, нашего труда во имя счастья, величия и независимости нашей Советской Родины». Что самое высшее для Сухомлинского? Коммунистические святыни, которые в душе каждого учителя, пионера и комсомольца, отца и матери. Культ матери и культ доброты непременно соединен с коммунистическими святынями, добытыми великой кровью, борьбой и дорогой ценой! Дурман и чертополох (это о неугодных) надо вырвать из коммунистических цветников и выбросить их, уничтожить!.. Какой отчаянный, злобствующий маоцзедунизм, ленинизм, пиночетизм… Отсюда и яростно-оголтелые советы: «Зорко и мудро следите за тем, чтобы дети наши, подростки,

юноши глубоко верили в наши идеалы, чтобы эту веру нельзя было поколебать, говоря словами Маркса, не разорвав их собственных сердец» (Как воспитать настоящего человека. Киев, 1975. С. 83). Пламенный пафос павлышского учителя был замешен на глухой ненависти. Что можно сказать о таком его завете: «Пусть в твоей душе живет вечная ненависть к врагу» (С. 25). Или: «Есть только две формы жизни: гниение и гонение». Гонение – это борьба за коммунизм, а гниение – это все, что против коммунизма. Строго по Ленину: нравственно то, что служит делу коммунизма! Свойственное нашей стране активное и безоглядное идолотворчество, бешеная истерия, направленная на то, чтобы во что бы то ни стало защищать и возводить в культ любое невежество и затем выдавать его за вершину гениальности, открытия – и какой же в этом позор! – и сколько вреда нанесла такая бездумность науке, духовному делу, каким является педагогика. В брежневскую эпоху защитники новаторов говорили друг другу: «Нельзя называть ошибки новаторов… Враги ухватятся, и это повредит демократии и прочее…» Именно в силу такого негласного сговора и получилось, что, скажем, такие педагоги, как Щетинин, любовались на страницах своих изданий собственной агрессивностью, разумеется, агрессивностью во имя справедливости и гуманизма: новатор есть новатор, ему все дозволено. И как психологически тонок его авторитаризм! Вот он увидел ученика Сеничкина, быстро подошел к нему, сжал его плечо, резко повернулся к классу, закричал, обвинил детей в безразличии, а в голове уже «пошел процесс»: «Коротким – снизу» – как молния ударила в мозгу. Все остальное было сделано автоматически… и Сеничкин негромко, но внятно сказал учителю: «Вот теперь понятно, батя…» *(Щетинин.* Объять необъятное. М., 1986. С. 40).

Конечно же, автор пишет о своем срыве на добротной покаянной ноте: «выдающийся педагог» понимает разницу между подлинно педагогическим и казарменно-гулаговским вариантом общения. Высказывая критические замечания в адрес Щетинина, я убежден и в том, что Михаил Петрович Щетинин, разрабатывая основы новой школы гармонического развития, принесет немало пользы педагогическому делу. Принесет непременно, если сделает в том числе и самоукорение одним из главных средств своего духовного развития.

4. Тоталитаризм любит свободу для себя

Паразитарная тоталитарность принуждала любить

диктаторский режим и продажную культуру – и все это называла патриотизмом. Истинная свобода есть духовность человека, побуждающая обогащать свободу и любовь для ближних.

В своем романе «Паразитарий» я исследовал отношения в семье, государстве, культуре. Паразитаризм – это не только умение найти того, из кого можно выбирать жизненные соки. Это и способность найти «хозяина», инициативного, творческого, который бы отдавал всю свою силу тем, на кого он работает. Паразитаризм настаивает, чтобы жертва любила кровопийцу, боготворила его.

Первыми читателями моего романа были дети. С ними я разрабатывал «Сорок заповедей Свободы и Любви», создавал живую видеопедагогику. Лейтмотивом занятий была мысль Платона: «В душе каждого отдельного человека проходят те же процессы, что и в государстве». Главный метод поисков – синтез наук, культур и искусств. Временные рамки романа – от наших дней до первого века нашей эры (58–66 годы), когда апостол Павел уже томился в подвалах прокуратора Феликса, а Нерон совершал зловещие оргии, и свет живых, из людей, костров в его садах уже высветил на многие столетия способы утверждения тоталитарности. Мы сравнивали режимы. Чему научилось человечество за последние две тысячи лет? Убийствам, подлогам, шантажам, предательствам, спокойному созерцанию того, как мир движется к катастрофам. Что было тогда на заре человечества? Острейшая борьба за власть, надувательство народа, распад империи и торжество вонючих рыночных отношений, конфискация имущества и дележ награбленного. Возвращались на родину беглецы-писатели и их произведения, широко публиковались списки лиц, замешанных в кровопролитиях, уничтожались полицейские досье, правда, историки замечали по этому поводу, что сжигалось всякое хламье, а подлинные документы – доносы – хранились. Эпидемии убийств то и дело прокатывались по империи. Евреи резали сирийцев и греков, парфяне жгли селения армян, а римские легионеры убивали иудеев. Историки свидетельствуют: еврейские кварталы в Александрии были завалены трупами, число убитых доходило до пятидесяти тысяч. Эрнест Ренан пишет: «Ничто не может сравниться с еврейской злобой, однако иудаизм извлек из своего лона идеал добра, жертвы, любви».

> Что такое вселенский паразитарий? Это не только наша отечественная сонливость и беспечность, когда наперед съедаются все жизненные ресурсы, это не только уничтожение партнеров на мировом рынке

«гуманитарной» лжи, это планомерная жестокая подготовка кровопролитных войн, это бездумные шаги к гибели мира.

Тогда, как и теперь, национальная рознь, антисемитизм и разобщенность приближали мир к всеобщей смерти: так, по крайней мере, считали пророки и философы. Тогда, как и теперь, пророки и мыслители призывали к покаянию, к чрезвычайным мерам по спасению рода людского, звали к истинной свободе и к истинной любви.

Что такое вселенский паразитарий? Это не только наша отечественная сонливость и беспечность, когда наперед съедаются все жизненные ресурсы, это не только уничтожение партнеров на мировом рынке «гуманитарной» лжи, это планомерная жестокая подготовка кровопролитных войн, это бездумные шаги к гибели мира. Согласен с предсказаниями: «Или гибель человечества, или гибель старой цивилизации и рождение новой».

Педагогика Свободы и Любви – это, может быть, главный путь к спасению.

5. Свобода и любовь противоречивы

Да, Свобода и Любовь находятся в постоянном движении, очищении и обновлении. Необходимо великое терпение, чтобы торопливостью не навредить жизнедеятельности этих феноменов.

У каждой эпохи есть свои ключевые слова. Рядом с «любовью» в знаменитых посланиях апостола Павла стоит греческое «макрофумейн», что означает – ДОЛГОТЕРПЕНИЕ. «Долготерпение», как замечают и русские, и европейские толкователи Нового Завета, применяется не к обстоятельствам, а к несправедливо обиженным, которые могли бы легко отомстить за обиды, но не делают этого.

Мы все несправедливо обижены. Приговорены. Откуда брать силы, чтобы вынести предстоящие беды, грядущий голод и нужду? Эти вопросы нависли над учителями и детьми дамокловым мечом, потому, наверное, почти 99 процентов опрошенных жаждут верить в Бога, ищут спасение в вере, потому и приняты были ими выбранные из общечеловеческих кладезей сорок заповедей Любви и Свободы.

Среди двадцати заповедей любви есть и такая: «Любовь милосердствует». Задаю вопрос: «Многие, если бы пришлось решать дело уголовника, встали бы на сторону правителей, а не на сторону Христа. А вы?»

Я был поражен, когда шестиклассник из Зеленограда написал: «Мы живем в раздраженном обществе, учимся в раздраженной школе, воспитываемся раздраженными родителями – откуда взяться долготерпению?»

Последовали контрвопросы: «А что сделал уголовник?» Говорю: «Сжег вашу дачу, или убил товарища, или ограбил ваш дом…» Ответы категорические: «Казнить!» – «А кто бы привел приговор в исполнение?» Желающих убивать больше половины. Вспомнилось, на вопрос: «Нужна ли смертная казнь?» – все опрошенные американские дети ответили: «Нет», девяносто процентов наших ребят были за казнь.

Я был поражен, когда шестиклассник из Зеленограда написал: «Мы живем в раздраженном обществе, учимся в раздраженной школе, воспитываемся раздраженными родителями – откуда взяться долготерпению?»

Мы в обидах с ног до головы, и мстительного огня нам не занимать. Я лично не могу преодолеть дичайшее свое заблуждение: со мною всю жизнь поступают несправедливо! Точно так же рассуждают и мои мнимые недруги! Мстительная зависть размножается с неистовой силой: потенциал мировой ненависти, должно быть, достиг предела. Надеяться можно только на чудо. Как рухнул наш родной тоталитаризм, так однажды нежданно придет в наши сердца и любовь. Если этого не случится, погибнем все!

6. В наших детях зреет вера и острейшая потребность Свободы и Любви

Эту педагогику я бы назвал ПЕДАГОГИКОЙ СВЕТА. Категория Света, развернутая во многих философских учениях от Платона до Лосева, к сожалению, не нашла своего развития в современном психолого-педагогическом знании. Речь идет о духовном Свете, о духовном зрении, об озарении, о катарсисе, об искренней любви в человеческих глазах, в человеческих деяниях, которая всегда видна и ощутима, эмпирически узнаваема: она светится, и не нужны специальные методики, чтобы этот Свет замерить! Этому Свету противостоят злобность, ненависть и весь арсенал бесовских самовыражений – от гордыни до черной тоски и мрачной печали. Я однажды давал урок для старшеклассников в 49-й московской школе. Все шло сначала вроде бы правильно, но не было Света. И вдруг этот Свет появился, и лица учителей, детей, иноземных гостей, учителей из Швейцарии, озарились чудным светом смиренномудрия, самоукорения, щедрости.

Мой урок для швейцарских учителей был связан с анализом некоторых сторон творчества Макса Фриша, замечательного современного швейцарского писателя, и Льва Толстого, которого Фриш очень любил и всю жизнь изучал.

Конечно же, Фриш был взят не случайно.

> Толстой был против насилия и контрнасилия, а вы? Объясняете ли вы богатство или бедность Божьей волей? Может ли ненависть породить надежду? Когда вы останавливаетесь на улице, чтобы подать нищему, почему вы делаете это так торопливо? Что вас раздражает в похоронах? Почему умирающие не плачут? Вы не боитесь смерти потому, что вы материалист, или потому, что вы не материалист?

Фриш близок мне особенно тем, что, как никто другой из западных писателей, проник в глубинные тайны русской души. В те тайны, о которых я собирался поведать старшеклассникам.

Анализируя связь обучения с воспитанием, я сделал вывод: наше воспитание вербальное, а «их» – деятельностное. И это несмотря на то, что все наши теории сводятся фактически к одному тезису: «личность формируется в труде, в деятельности». Когда я в присутствии тех же швейцарцев задал вопрос известному педагогу Никитину, какой самый главный порок наших граждан, он ответил: «Лень и глупость». Любопытно: наша литература не дала таких героев, как Мартин Иден и Фрэнк Каупервуд. Наши Рудины, Безуховы, Мышкины если что-то и делают, убивают или устраивают революции, то тоже с единственной целью: заглянуть в тайники собственной души, в души подобных себе и на этой артезианской глубине насладиться опять же разговорами о проклятых проблемах бытия.

Из сочинений Фриша я выбрал сто вопросов и разбил их на десять рубрик: о бедности, богатстве, смерти, надежде, дружбе, любви, юморе, реформах, о Боге, о смерти. Каждый ученик мог «вытащить билет» из любой рубрики. Каково же было мое удивление, когда выбор пал исключительно на проблемы смерти, Бога и надежды. И вот тут-то и пришло озарение: полился новый нравственный свет, появились в ребячьих ответах не просто глубина и раздумья – родилось откровение, которое всколыхнуло педагогов, увидевших своих детей такими, какими они их не знали; об этом они будут потом долго размышлять. Что всколыхнуло ребят? Игровой момент или содержание вопросов (Толстой был против насилия и контрнасилия, а вы? Объясняете ли вы богатство или бедность Божьей волей? Может ли ненависть породить надежду? Когда вы

останавливаетесь на улице, чтобы подать нищему, почему вы делаете это так торопливо? Что вас раздражает в похоронах? Почему умирающие не плачут? Вы не боитесь смерти потому, что вы материалист, или потому, что вы не материалист?). *Общая атмосфера доброй дискуссии или вспышка света в тайниках души – это загадка!*

7. Самое трудное в педагогике Любви и Свободы – научиться любить врагов своих

– Вас несправедливо обидели, и вы легко могли бы отомстить за обиду. Как бы вы поступили? – такой вопрос я задавал детям, поясняя, что эту нравственную задачу сформулировал знаменитый толкователь Библии Уильям Бартли. Разумеется, истинный христианин, придерживаясь Завета – любовь долго терпит, – не стал бы мстить врагам своим.

Я сказал детям, что, как правило, хочу, чтобы мои враги по крайней мере испытали ту боль, какую они причинили мне. Понимаю, что это нехорошо с моей стороны, но изменить мое нутро мне трудно…

Детям нравятся и понятны мои рассуждения, и они, будучи максималистами, готовы утверждать, что они никогда не мстили бы врагам своим.

Один известный журналист, побывавший на моих занятиях, сказал:

– А насколько прочны эти убеждения детей? Да и являются ли они убеждениями?

Возможно, и не являются. Возможно, желаемое выдается за действительное. Ну и что? Если в обществе начинает вращаться новая, ранее неизвестная система идей, то рано или поздно появится то необходимое меньшинство, которое, став *Солью Земли,* осветит эти новые и вместе с тем старые как мир идеи, и на их Свет слетятся и творческие личности, и бессильные, и равнодушные.

> Сегодня новая педагогика, педагогика Любви и Света, – лишь крохотный росток. Но я уверен, не пройдет и полувека, как она захватит не только школы, не только отдельные страны, но и все человечество!

Сегодня новая педагогика, педагогика Любви и Света, – лишь крохотный росток. Но я уверен, не пройдет и полувека, как она захватит не только школы, не только отдельные страны, но и все

человечество!

8. Научить детей любить самих себя, свои потенциальные возможности – значит сделать первый шаг на пути истинного воспитания

Нравственное сознание наших молодых людей характеризуется и такими типичными ответами. На вопрос: «Любишь ли ты себя?» – из ста опрошенных девяноста два ответили отрицательно. На вопрос: «Способен ли ты полюбить того, кто ненавидит тебя?» – все ответили: «Нет». Большинство, как учащихся, так и учителей, ставят знак равенства между эгоизмом и любовью к себе.

Между тем никакого воспитания не получится, если не воспитывать у человека любви к своим потенциальным возможностям, к своему дарованию (а оно у каждого есть!), к самому себе! Можно сослаться и на авторитеты. Толстой: «Истинная любовь только та, когда в человеке любишь того же Бога, какой в тебе». Свое программное стихотворение «Люблю я себя, как Бога» замечательная русская поэтесса Зинаида Гиппиус объясняла так: «Истинная священная свобода начинается с любви к себе – через усилие воскресить в себе божественный образ».

На своих уроках я говорил детям: «Бог в нас, следовательно, любя Бога, мы любим самих себя». Альтернативой такой установки является сатанинская позиция, утверждающая ненависть и к себе, и к другим. Если и были успехи в моих многолетних педагогических экспериментах, то они всегда зависели от того, насколько я мог убедить и детей и взрослых в том, что они необыкновенно, уникально талантливы. Иногда возникало их тайное сопротивление, а чаще всего вспыхивали в глазах дерзкие искры радостного озарения. Этот свет точно приподымал личность в ее собственном представлении, человек будто бы прорывал свою устаревшую оболочку, – появлялось то, что Бердяев называл трансцендентным началом.

Если и были успехи в моих многолетних педагогических экспериментах, то они всегда зависели от того, насколько я мог убедить и детей и взрослых в том, что они необыкновенно, уникально талантливы.

В своих романах («Соленга», «Печора», «Новый Свет» и др.) я пытался проследить, при каких условиях возникает эта соборная просветленность. Я установил, что одним из путей к любви и творчеству является самоукорение, когда педагог рассказывает

о своих ошибках, когда он винит себя, а не других, когда в результате самоукора из глубин его сердца выходит очищающий душу Свет – Свет освобождения от нравственных пороков, Свет любви.

9. Мы ориентировались на бедность, гордились бедностью и учили ненавидеть богатство. Педагогика Любви и Свободы ведет к богатству и изобилию

Я рассказывал детям о том, как однажды снимал дачу в Фирсановке, замечательную… четверть дачи. Дачу, в которой летом 1974 года жил Солженицын. Эту дачу сожгли, как сожгли еще двадцать дач в этом поселке.

Зоологическая ненависть к богатству (к предпринимателям, кооператорам, к тем, кто успешно создает капитал) воспитывается и школой, и семьей, и улицей. И дети вторили взрослым: «У них все – и квартиры, и дачи, и валюта, а у нас ничего!»

Злобность прочно сидит и во мне, и в моих коллегах, которые тоже разводят в ужасе руками: «Эти сволочи… Они же грабят нас…» Иногда прихожу в ужас: неужто и я с этими злобствующими?.. Между тем существует непреложная истина: чтобы создать богатство, надо его любить, а не ненавидеть, не подозревать людей в бесчестии, не клеймить! Интересны в этой связи суждения замечательного русского мыслителя С. Л. Франка: «Русская интеллигенция не любит богатства… Интеллигенция любит только справедливое распределение, но не самое богатство: скорее она даже ненавидит и боится его. В ее душе любовь к бедным обращается в любовь к *бедности.* Она мечтает накормить всех бедных, но ее глубочайший неосознанный метафизический инстинкт противится насаждению в мире действительного богатства»[12]. Конечно же, педагогика будущего поставит на первое место проблемы справедливого устройства мира, проблемы добра и социальной защищенности человека. Но эти, я бы сказал, социалистические идеи (не надо бояться истинного в социализме) будут утверждаться с позиций любви к богатству. С позиций любви к ближнему!

Глава 2
Линия смерти и линия жизни

1. Тайные надежды

Все, кто изучал судьбы жриц любви, приходили к однозначному выводу: каждая из «падших женщин» – глубоко несчастный человек. Судьбы жриц любви *трагичны,* ибо каждая из них сознает, что она идет по линии смерти. Одна из моих картин, посвященная трагизму жизни «ночных бабочек», называется «Тоска по материнству». Тайная надежда каждой – накопить немножко средств и начать новую, честную, нормальную человеческую жизнь.

И каждая решает про себя: есть две линии в жизни женщины – линия жизни и линия смерти. Любовь и Свобода, противостоящие бездуховности, вседозволенности и произволу, борьба за чистую и святую любовь к себе, к людям, к будущей своей семье и к будущим своим детям – это истинный путь жизни, способный доставить каждой женщине великое человеческое наслаждение.

Я мучительно долго размышлял над судьбой Марии Магдалины, когда разрабатывал живописные сюжеты Великой грешницы и Спасителя. Один вопрос неотступно преследовал меня: «Почему Христос избрал для своей духовной любви Марию Магдалину?» И другие вопросы: «Почему после Воскресения он явился не к Матери, не к единомышленникам своим, а именно к Марии Магдалине?», «Почему у Распятия рядом с Богоматерью стояла Грешница?» Христос излечил свою духовную возлюбленную. И Богоматерь простила Грешницу. И святые апостолы поклонились ей. Со слезами на глазах читаю «Библейскую энциклопедию»[13], где Мария Магдалина названа РАВНОАПОСТОЛЬСКОЙ. «Она пришла, чтобы помазать тело своего возлюбленного Учителя принесенными ею ароматами. Она стояла у гроба и плакала. Пламенная любовь ее к Господу удостоилась величайшей награды: Мария Магдалина была первою, которой явился воскресший Спаситель по Своем воскресении, и она же первою удостоилась услышать отрадное повеление Господа идти к ученикам и сказать им, что Он воскрес из мертвых… И он сказал: «Жена! что ты плачешь?»… Святая Церковь совершает память ее 22 июля».

Миллионы девочек-подростков, школьниц, девушек, в том числе и студенток вузов, молодых женщин, сегодня оказались

в бездне сатанинства и идут по линии смерти. Десятки, а может быть, и сотни миллионов молодых женщин идут по линии смерти, когда предают свою Божественную Свободу. Они будто бы и не жрицы любви, не всегда получают чистоганом за мнимые наслаждения и поруганную честь, но практически, предавая свое духовное предназначение женщины, они уничтожают и себя, и окружающий мир, и свое Отечество. Этот духовный распад и есть АПОКАЛИПСИС НОВОГО ВРЕМЕНИ!

Десятки газет испещрены крохотными объявлениями: «Машенька, 18 лет. Могу дать все, о чем вы мечтали. Звоните…», «С тобой не буду стесняться. Жду только тебя. Оксана» и т. д. Проституция не только легализована в стране, она еще и поощряется средствами массовой информации, органами правопорядка: у порнобизнеса – сложнейшая система самозащиты, жестко отработаны механизмы развращения, все поставлено на коммерческую основу.

Создается впечатление, что этот духовный распад кому-то очень даже нужен. Исследователь проблем безопасности России генерал армии Г. Н. Рукосуев привел в связи с этим высказывание древнекитайского философа и военного деятеля Сунь Цзы (VI век до н. э.): «Разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника… Подрывайте престиж руководства противника и выставляйте в нужный момент на позор общественности. Используйте в этих целях сотрудничество с самыми подлыми и гнусными людьми. Посылайте женщин легкого поведения с тем, чтобы дополнить дело разложения». Г. Н. Рукосуев называет три вида манипулирования людьми как способы социального управления: практикуются и особенно эффективны три вида воздействия – межличностный, групповой и массовый. Суть всех трех видов воздействия примитивна и проста – поставить жертву в такие условия, чтобы она действовала в интересах манипулятора. Для достижения этих целей используются самые различные уловки и приемы. При этом манипуляторы предпочитают не прибегать к силовым нажимам и принуждению. Мы обратились в самые различные инстанции Министерства внутренних дел с просьбой ответить на вопрос: занимались ли правоохранительные органы хотя бы одним случаем порнобизнеса? Ответ был отрицательный: «Нет. У нас демократия, и проституция, хотя она и не легализована, не преследуется…» Нам стало известно, что в Госдуме подготовлен к рассмотрению проект о легализации проституции в стране. К сожалению, в нашем славном государстве нередко побеждает не линия жизни, а линия смерти.

2. Общечеловеческие ценности против кризиса семьи и духовного обнищания молодых людей

Даже тогда, когда мы все были поражены ложью социалистических утопий, когда миллионы людей искали свое счастье в самоотверженности, когда кучки профессиональных грабителей управляли всем ходом жизни, – так вот и тогда жила потребность в истинной Любви.

> Поскольку Любовь не есть частность, не есть свойство чего-то, а есть целостная завершенность Бытия, она захватывала и личность, и общество, и весь мир. Любовь по своей природе и личностна, и социальна. Она всегда на пересечениях культуры и народности, интимной жизни и глубинно-личностных потрясений.

Поскольку Любовь не есть частность, не есть свойство чего-то, а есть *целостная завершенность Бытия,* она захватывала и личность, и общество, и весь мир. Любовь по своей природе и личностна, и социальна. Она всегда на пересечениях культуры и народности, интимной жизни и глубинно-личностных потрясений. Сегодня в разгуле войн и национальных распрей, голода и разрухи развивается испепеляющий огонь псевдолюбви, псевдосвободы. Поразительно, что книжные лавки завалены миллионами экземпляров книг по двум направлениям: книги о сексе и книги о Боге. О псевдолюбви и об истинной Любви. Даже семейные и юношеские издания наполнены торгашеской «исповедальностью»: вульвы, вагины, клиторы, прелести «голубых», лесбиянство, способы завлечений, – все это вывалилось на головы родителей, детей, молодых людей. Все это вытесняет истинную Любовь. Я не против того, чтобы знакомить молодых людей с проблемами сексологии и даже с технологией секса. Но какая может быть «технология» без духовных начал? Технология бездуховного секса – это убийство того счастья, какого ждет человек от чувственной любви. Больше того, сексуальная извращенность или отчужденный секс есть нравственная гибель личности. Я обратил внимание: извращения, раннее сексуальное общение, разврат, разные виды ложной любви и даже преступления, связанные с «любовью», – все это удел бедных и несчастных людей. Одна девочка из богатой семьи рассуждала среди подруг: «Эта низкопробная литература о сексе – для быдла». Девочки и мальчики из богатых семей предпочитают читать серьезную литературу о сексе от З. Фрейда до И. Кона. Они предпочитают смотреть духовно-сексуальные

или сексуально-исторические фильмы… Не берусь судить о пользе названной литературы, могу лишь наверняка утверждать, что несчастья сексуально развращенных подростков трагичны, что бедность, помноженная на сексуальный произвол, оборачивается бедой, что молодые люди, не познавшие единства духовного и чувственного, в любви не просто обкрадывают себя, но становятся ущербными и несчастными. Родителям хочется посоветовать: берегите своих детей от рыночного секса, от сексуального произвола!

3. Не верьте тем, кто проповедует вседозволенность! Не верьте тем, кто «свободу любви» пытается обосновать жизненным укладом диких племен или южных народов

Нередко в печати можно встретить утверждения, будто посягательства на проституцию и разврат есть ущемление демократии. Находят еще и более тонкие связи, пытаясь научно обосновать необходимость сексуального произвола. Вот где, мол, истинная свобода – в обнаженности, в открытости эротизма, в дичайшей разнузданности прихотей, в капризах сексуальных движений.

В литературе часто ссылаются на опыт Индии, на жизнь дальних островов, на пламенные любовные игры Юга и прочее, предлагая европейцам следовать якобы совершенным способам любви, супружества, деторождения.

Так, в книгах по сексу часто упоминается опыт каких-то индийских племен, именуемых «мурья». Рассказывают о системах воспитания в этих племенах, где мальчики и девочки с самого нежного возраста обучаются искусству любви, живут в общих спальнях и могут вступать в сексуальные контакты друг с другом даже на уроках. В перерывах между занятиями юные мурья могут украшать свой пансион откровенными рисунками, примерно такими, какие встречаются в отечественных туалетах для мужчин или какие в Европе бывают только в исправительных колониях. Дисциплина в этих пансионах очень строгая: никто не может претендовать на любовь к одной, скажем, девочке, никто не может сказать, что такая-то особа «его». Если кто-то проведет более трех ночей с одной девочкой, то его строго наказывают.

Авторы описания этих нравов заверяют, что это принципиально новая сексуальная мораль, которая непременно должна овладеть сердцами всех людей на этой планете. Авторы формулируют законы эротизма как высоконравственные законы. На первом месте стоит закон необычности или новизны

ощущений. Этот закон требует наслаждаться искусно в постоянно обновляющихся объятиях. Приветствуется совокупление в людных местах.

Второй закон – закон асимметрии, который требует, чтобы в сексуальных контактах было нечетное количество персон: третий никогда не лишний, а если его нет, надо думать о нем. Авторы поучают: «Эротизм не интересуется позами. Он рождает ситуации. Единственно важные позы, которые проносятся в ваших мыслях. Пусть в любви участвует и голова! Заполните мозг таким количеством органов, таким числом переживаний, каких не наберется у всех мужчин мира вместе взятых. Пусть каждое ваше объятие предвещает другое, пусть берущий вас мужчина будет и тот, кого вы сейчас держите за руку, и тот, с кем когда-то читали Гомера».

Третий закон, «закон количества», описывается так: «Эротизм нуждается в количестве. Нет большего удовольствия для женщин, чем вести счет любовникам: ребенком – по пальцам, в колледже – по количеству занятий и лекций, в замужестве – в тайной записной книжке. И отмечать там особым значком день, когда к списку прибавляется новое имя: «Смотри-ка, почти месяц после предыдущего». Или с притворными угрызениями совести: «Какой ужас – за неделю только двое!» Или радостно, бесстыдно: «Ура! В эту неделю – ежедневно!» И, прижавшись к самой близкой подружке, прошептать ей на ухо: «У тебя дошло до сотни?» – «Еще нет, а у тебя?» – «Да, гораздо больше». О, радость! Эти сотни, тысячи тел, которые смогло вместить одно ваше тело! И вы сожалеете только о тех, кого вам не пришлось узнать. Вспомните определение эротизма – наслаждение эксцессом.

Но «закон количества» требует, как необходимое следствие, другого, против которого вы возражать не будете: надо остерегаться пресыщения. Ведь так легко понять, почему для наслаждения необходимо множество любовников или любовниц, – из страха, чтобы ваши чувства не угомонились, никогда не отдавайтесь мужчине, не будучи уверены, что наготове уже находится другой…

Надо ли комментировать юношам и девушкам подобную идеологию? Надо. Если девушка или юноша не намерены создавать свою семью, если не рассчитывают на рождение в своей душе большой, истинно человеческой любви, тогда они могут пойти по пути предлагаемого эротизма. Но и этот эротизм горек: не каждому дано успешно заниматься индивидуальной деятельностью, именуемой проституцией, не каждый способен вынести предательскую роль в общении с близким, не каждый и не каждая могут быть негодяями. Я сурово говорю? Нет.

Я говорю с позиций общечеловеческой культуры. С позиций христианства, с позиции педагогики Любви и Свободы.

4. Семейное воспитание должно с ранних лет готовить детей к семейной жизни

Игры в «дочки-матери», «Наш дом», «Наши родители» и так далее – это первая детская школа семейной педагогики. Подрастая, дети участвуют в выполнении родительских функций: это и домашний труд, и забота о младших, и любая помощь родителям, и непременно – заработанные детьми деньги. С какого возраста дети должны включаться в добывание средств, решит каждый родитель по-своему. Важно, чтобы в труде росла и крепла личность будущего отца и будущей матери новой семьи. Дети природой и культурой как бы приуготовлены к семейной жизни. Эта приуготовленность, возможно, самое лучшее, что есть в наших детях. С особенной силой формируются семейные начала и привязанности у девочек. Эти начала и привязанности приводят уже в девичестве к нравственному максимализму, к той человеческой нежности, которая особым образом соединяется в женщине с нравственным императивом, с всегдашней готовностью положить на карту все. До конца следовать избранному пути. Жить и надеяться, даже тогда, когда нет, казалось бы, надежды.

С особенной силой формируются семейные начала и привязанности у девочек. Эти начала и привязанности приводят уже в девичестве к нравственному максимализму, к той человеческой нежности, которая особым образом соединяется в женщине с нравственным императивом, с всегдашней готовностью положить на карту все. До конца следовать избранному пути.

Кто знает, может быть, от воспитания, может быть, от педагогической моей деятельности, а может быть, и от девятнадцатого века русской литературы, – только всегда, особенно в школьной практике, я был свидетелем той девичьей нравственной радикальности, которая жила в моих ученицах, – и эта радикальность была связана с готовностью пожертвовать собой, и эта радикальность всегда была чуточку затаена, чуточку спрятана, она редко произносилась вслух. Вспоминаю невольно слова Достоевского из дневника: «Женщины еще послужат нашему отечеству в трудную минуту!!!» – это после встречи с декабристами в Тобольске. А женщины у Толстого и Тургенева?

Веками формировалось в народе светлое, матерински любящее беззаветное женское чувство. И яркость этого чувства запечатлена в максимах, изложенных В. А. Сухомлинским:

«Девушка! Будь мудрой и требовательной в любви. Любовь – горячее чувство, но властвовать над сердцем должен ум. Для девушки это особенно важно. Ты – будущая мать. Природой и обществом на тебя возложена особая ответственность. Ты женщина, а настоящая женственность – это сочетание нежности и строгости, ласки и несгибаемости. Твоя мудрость, сдержанность, требовательность – могучие воспитатели юношества. Мудрость женщины воспитывает честность мужчины. Любовь и легкомыслие несовместимы».

И требования к будущему мужу и отцу:

«Будущий муж и отец, знайте, что важнейшей школой воспитания вашей духовной культуры в браке является ваше отношение к женщине – жене, матери своих детей, своей матери.

Отношение к женщине – тончайшая мера побуждения совести. Умей любить мать своих детей, умей дорожить ее здоровьем, красотой, честью. Умей защищать и оберегать ее от болезни, изнурения, несправедливости. Честь твоей жены и матери твоих детей – это честь твоего рода. Хам в отношении к женщине – хам во всех отношениях. Уважать женщину – значит уважать жизнь».

И требования к супружеской жизни:

«В браке ни на минуту не прекращается взаимное воспитание и самовоспитание. Одна из граней счастья в браке в том и заключается, что муж и жена становятся духовно богаче, духовное совершенствование доставляет большую радость и обеспечивает полноту жизни».

Крайне важно, что в семейной педагогике В. А. Сухомлинского проблема любви решается в неразрывной связи с культурой общения и эмоционально-эстетическим развитием личности.

5. Процесс маскулинизации женщин и феминизации мужчин

В мире установлено: прогрессируют процессы маскулинизации женщин и феминизации мужчин. Женщины становятся сильнее, предприимчивее, выносливее, что сказывается во многом: в организации семейной жизни, в участии в общественных и государственных делах. Мужчины, как выразился профессор А. Разумный, становятся экономическими и даже сексуальными импотентами. Нередко

психологи и психотерапевты приводят такие примеры: «Я работаю и прилично зарабатываю, муж сидит дома, убирает квартиру, готовит обед, помогает детям делать уроки, мне нравится такое разделение труда. Мужу тоже…» Психологи отвечают в разных странах примерно одинаково: «Напрасно вы радуетесь. Это ненормальное явление. Первая и главная задача мужчины – обеспечить семью материально, создать условия для отдыха, освоения культуры и воспитания детей. Если женщина стремится к карьере, работе, творчеству, что характерно для современных женщин, то мужчина должен помочь ей в этом, никак не подменяя ее и не взваливая на ее плечи все мужские обязанности…»

Процессы феминизации мужчины очевидно обусловлены какими-то глубинными изменениями, которые произошли в мире. Мужчинам недостает физической твердости как способности проявлять в жизни прежде всего физическую силу и мужественность.

Многие мужчины во всем мире перестали выполнять функции добытчиков и не обладают силой подчинять себе женщину и детей. Это их злит и раздражает. За неимением способов утверждать свою мужскую гендерную принадлежность многие мужчины прибегают к так называемой компульсивной мужественности, которая включает в себя эмоциональную и физическую жесткость, подчинение женщин силой и поведение, связанное с насилием и риском.

Психолог Берн называет компульсивную мужественность компенсаторской, задача которой – компенсация чувства несостоятельности в профессиональной и экономической сферах.

Многие мужчины во всем мире перестали выполнять функции добытчиков и не обладают силой подчинять себе женщину и детей. Это их злит и раздражает. За неимением способов утверждать свою мужскую гендерную принадлежность многие мужчины прибегают к так называемой компульсивной мужественности, которая включает в себя эмоциональную и физическую жесткость, подчинение женщин силой и поведение, связанное с насилием и риском.

– Как вы относитесь к такого рода компульсивной мужественности? – спрашивал я у ребят.

– Как можно относиться? – ответил Ваня. – Мой отец тоже нигде не работает. Все за него делает мамка. Противно.

– У нас в семье та же история, – ответил Коля Лекарев.

– Но вы-то не пойдете по стопам отцов? – улыбаясь, спросил

осторожно я.

– Для этого мы и боксом занимаемся, чтобы быть сильными во всех отношениях.

– А вот как сделать, чтобы тяжелый труд стал радостным? – спросил Ваня. – Для меня это самый главный вопрос.

– Надо, чтобы была настоящая цель в жизни. Надо, чтобы вы душой почувствовали и приняли в сердце высший смысл своего предназначения. Когда вы это почувствуете, появится радость. Появится счастье, которое приходит тогда, когда человек потихоньку или быстро достигает намеченных целей. У американских психологов есть такой термин «НОРМА УСПЕШНОСТИ», утверждающая, что социальная ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешностью на работе. Можно с этим не соглашаться, но проблема успешности, или статуса мужчины, крайне важна.

Сейчас во всем мире говорят о том, что мужские гендерные роли переживают глубокий кризис, и задача современного воспитания состоит в том, чтобы всесторонне повысить силу и мужественность мужчин…

– Теперь я понял, для чего нам нужен бокс, – рассмеялся Ваня.

6. Энергия красоты Венеры и Марса (из записок В. П. Попова)

В образе Венеры и Марса человечество запечатлело дивную красоту мужчины и женщины.

Вспоминаю такой разговор с Викторией.

– Когда я заканчивала школу, – рассказывала она, – мне попался альбом Боттичелли, и меня поразил портрет Венеры. Захватило сходство с самыми тайными девичьими желаниями, стремлением узнать: как «это» все происходит, как соединяются мужчина и женщина. Я бы эту картину Боттичелли назвала так: «Эротические начала женщины». Венера – это и образ Любви, и образ Красоты. В мужчине никогда на первом плане не выступали эти два святых достоинства.

Я, кстати, была восхищена тем, что ты угадал и пророчески, я бы сказала, выразил основную мысль, касающуюся спасения мира, – это твоя картина «Женщины и дети спасут мир». Не красота, а женщины с детьми, порожденными ими, как олицетворение Красоты. Ты даже представить себе не можешь, какое мучительное любовное томление охватывает юную женщину, когда она остается наедине со своими грезами или рассматривает картину, подобную картине Сандро

Боттичелли. Мне так хотелось обрести любимого человека, соединиться с ним духом и телом, но я знала, что никогда этого не сделаю, если не будет у меня настоящей любви, если меня не полюбят так, как я полюблю.

Недавно я прочла размышления Карла Юнга о бракосочетании Венеры и Марса. Не мужчина, а женщина, Венера, является носительницей огня любви. Она зажигает Марса своей страстью, своим проникновенным чувством, своим стремлением зачать от Марса ребенка, который стал бы обладателем именно марсовских отцовских качеств. То есть она любит не просто Марса как мужчину, а продолжение его в самой себе, способной воспроизвести подобие любимого человека. При этом она готова допустить Марса на свое священное брачное ложе только в том случае, если он обретет божественную святость. Эта святость уже стала достоянием прекрасной Венеры, и она готова соединиться только с тем, кто уравняется с нею в этом великом достоинстве.

Карл Юнг как бы дает советы всем любящим и стремящимся вступить в брак. Первое: не допускать ссор и раздоров. Второе: Венера должна войти в самое нутро мужа, чтобы всегда быть готовой успокоить огненный дух Марса. И третье: она должна правильно понимать и использовать свою «жемчужину и водный дух», чтобы гневный Марс добровольно смешался в любви и нежности с любовным огнем Венеры. Только в этом случае возможно магическое соединение «огня и воды», способное привести к счастливому деторождению – истинному плоду истинной любви. И вот здесь-то как раз любящих поджидают неожиданные противоречия.

Душа мужчины, по природе своей агрессивная и наступательная, стремится к обладанию: она торопливо жаждет взять все от женщины, достичь ее самых последних глубин, взять, чтобы тут же отдать все то, что принадлежит только ему.

А душа женщины, стремящаяся все же сохранить, во что бы то ни стало, свою обособленность, обдает мужчину жаром своей огненной любви, как бы протестуя и тоже стремясь выбрать из мощных глубин все то ценное, что принадлежит несправедливо мужчине и что по праву должно принадлежать ей. Так эти противоположности, выражая трансцендентные начала, сливаются и таким образом разрешают противоречия.

Комплекс Венеры – это святое стремление к мужчине, это страстное желание его обожествления.

– А комплекс мужчины? – спросил я.

– А вот этого я не знаю. Дело в том, что в эротическом единении мужчину как бы оставляют его главные достоинства:

интеллект, энергия воображения и сила духовно-творческого начала. Он обращается в… не могу произнести это отвратительное слово…

– В самца, – подсказал я.

Виктория смутилась и опустила глаза.

– Ты знаешь, почему я тебя полюбила? – вдруг спросила она. – Потому что у тебя не было этих начал. Каким образом так разнопланово жили твоя плоть и твой дух, мне неведомо. Но это было так.

– Дух и плоть у всех всегда живут разнопланово. Человек, если можно так выразиться, движим двумя энергиями: энергией биологических и духовных начал. Здесь животная, недуховная часть души бессознательно формирует потребности и мотивы поведения, желания, страсти и руководство интересами. И второй вид энергии, порождаемой духовным сознанием, человеческим разумом, где властвуют высшие ценности Любви, Свободы, Красоты, Добра, Истины, к которым стремится человек. Эта энергия творит культуру, образование, общие коллективные нормы жизни, формы борьбы за выживание. Этот вид энергии определяет как негативные, так и позитивные направленности жизнедеятельности человека и векторы его духовного развития. В человеческой душе постоянно идет борьба этих двух энергий, где всегда соседствуют эгоцентрические и духовно-праведные трансцендентные начала, и эти начала определяют содержание комплексов Венеры и Марса в том числе.

Человек, если можно так выразиться, движим двумя энергиями: энергией биологических и духовных начал. Здесь животная, недуховная часть души бессознательно формирует потребности и мотивы поведения, желания, страсти и руководство интересами. И второй вид энергии, порождаемой духовным сознанием, человеческим разумом, где властвуют высшие ценности Любви, Свободы, Красоты, Добра, Истины, к которым стремится человек. Эта энергия творит культуру, образование, общие коллективные нормы жизни, формы борьбы за выживание.

– Очевидно, есть еще и третий вид энергии, – сказала Виктория. – Это сила иррационального движения духа. Тот же Вышеславцев абсолютно точно заметил, что разум и сознание не есть самое высшее в человеке. Самым высшим является иррациональная сущность человека. Причем эта мысль, основываясь на соотношении 5 % реализованного духа и разума и 95 % всего потенциального богатства личности, пребывающего

в иррациональных ее глубинах, подтверждается здравым смыслом, орущим на всех перекрестках об огромных возможностях человека. Мы постоянно говорим о том, что эти возможности безграничны, что образование, культура, воспитание, индивидуальное самосозидание в силу разных обстоятельств не реализуются. Но весь пафос всех существующих идеологий, мировоззрений и философий о назначении человека, его жизни и деятельности состоит в утверждении этих вселенских возможностей. Казалось бы, простенькая идея – «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» – показывает и утверждает мощь иррациональных глубин человеческого бытия. И тем не менее эта иррациональная сторона не только не признается современными философией и психологией, идеологией и обыденным сознанием, но и всячески клеймится, – дескать, это чистая мистика, непознаваемость, химера.

> Итак, человек в своих возможностях неисчерпаем, как Вселенная. И это признает каждый мало-мальски грамотный и оптимистически настроенный ученый.

Человек, как могучий Марс, глядит в печальные очи жаждущей истины своей Венеры, а в ее глазах страх и ужас, так как ее душа наполнена как раз теми отвратительными химерными ограничениями, которые созданы коллективно-бессознательными началами лжекультуры, лжечеловечества!

Итак, человек в своих возможностях неисчерпаем, как Вселенная. И это признает каждый мало-мальски грамотный и оптимистически настроенный ученый.

Человек космичен именно потому, что в нем кладези бесконечного множества духовных и физических богатств, которыми по разным причинам он не может распорядиться.

И самое поразительное то, что эта иррациональность держится на Любви и Свободе, беспредельных по своей сути, несущих в себе высшую духовность земного и космического разума, духа, творчества.

Венера и Марс богоподобны, но и от них скрыт до конца не познанный иррациональный смысл бытия, ибо и сама божественность, иррациональная в своей основе, бесконечна и вариативна в своем загадочном развитии.

– Три вида энергии – биологическая, духовная и иррационально-космическая – это наше с тобой открытие! – захлопала в ладоши Виктория. – Три вида энергии, которые должны приоткрыть нам тайну Любви Венеры, Духовность и силу духа Марса, определяющих смысл и назначение человеческого бытия. Вот во имя чего мы должны работать, жить и надеяться.

И ни в коем случае не надо бояться придуманных людьми слов, ограничений, параграфов, авторитарных заклинаний типа: «Сюда не лезь – это иррациональность! Отсюда отойди – здесь мистика! Это не трогай – опасно для жизни!».

– Эти три вида энергии и есть методологическая основа нового воспитания, нового самосозидания человеческого Я. И поверь мне, нас поддержат дети, ибо их души рвутся именно к такой возвышенной триаде. Педагоги отшатнутся от нас, а ученые от педагогики будут клеймить и проклинать нас, наклеивая на наши спины и рожи разные ярлыки: мистики, оккультисты и даже – безбожники!

И я рассказывал Виктории о своих многолетних опытах соединения на практике этих трех энергий.

– Когда я учительствовал в сельской глуши Архангельской области, я был поражен скованной мощной силой юных северян. В школе они казались неуклюжими увальнями, железобетон в мозгах, полная нераскрытость и приторможенность всего того, что мы называем потенциальными возможностями. А в лесу, на охоте, скажем, они преображались: их тела становились гибкими и ловкими, их сила бесконечной, а ум и выдумка ошеломительными. Я понял: я должен для них стать такой же могучей, безнасильственной мощью, как лес, река, небо, живительный воздух. И я вместе с ними набросал некоторое содержание нашей новой, тайной жизни, где определенно были три вида развития, или, как мы с тобой сейчас говорим, три вида энергии: биологической, духовной и иррационально-космической.

> Мы сделали попытку взять на вооружение все то, что может помочь преодолеть нашу ограниченность. «Пробиться к небу, которое не только там где-то вверху, но и в нас самих» – вот что стало нашей целью и целью каждого.

По первому виду были начертаны спортивные занятия: бокс, борьба, бег, спортивные и народные игры, обмывания, растирания и даже массаж.

По второму и третьему видам – индивидуальные программы «по НЕВОЗМОЖНОМУ». Здесь были сверхзадачи, сверхусилия, сверхдерзания. Мы сделали попытку взять на вооружение все то, что может помочь преодолеть нашу ограниченность. «Пробиться к небу, которое не только там где-то вверху, но и в нас самих» – вот что стало нашей целью и целью каждого. Сегодня, читая наших отечественных мыслителей и отвергая всю оккультистскую направленность восточной и западной культур, я вижу, как совпадает моя практическая работа с детьми с теми

дальновидными философскими суждениями наших отечественных мыслителей о бесконечных возможностях человека, его тела, духа и разума. Мне запомнилась такая мысль: «Мы подобны детям, которые играют на берегу камешками, в то время когда перед ними бушует океан непознанных и неразгаданных истин». Человек бесконечно удален от так необходимых для его жизни различных форм дерзания, попыток познать огромные возможности своего тела, духа, разума.

– Вот это и должно стать нашей программой деятельности. И мы выиграем, – сказала, тайно улыбаясь, Виктория, – если немножко схитрим.

– Как это?

– Все дело в словах. Если мы будем говорить о расширении человеческих возможностей в области тела, разума и духовного бытия детей, нас поймут и будут приветствовать все, что мы будем делать в этих трех областях. Но если мы станем даже не говорить, а намекать, что все то, что мы делаем, в какой-то мере является иррациональным содержанием наших программ, нас заклеймят, обзовут мистиками, лжеучеными и шарлатанами.

– Такого рода маленькие хитрости допустимы, – согласился я.

– Это даже не хитрость, – стала разъяснять Виктория. – Это вопросы тактики. Мы будем показывать технологии отдельных видов занятий, результаты детских и педагогических достижений, но обнародование обобщений и окончательных выводов оставим на потом, когда хоть на 70–80 % будет завершена наша работа.

– И когда это будет? – спросил я.

– Не раньше чем через десять лет, – серьезно сказала Виктория. – И давай договоримся: об этом нашем замысле никому ни слова.

– Даже Марсу и Венере, если они снизойдут к нам на нашу грешную землю, – пошутил я.

Она восприняла мою шутку как-то по-своему, точно в ее иррациональных глубинах образовалась брешь и оттуда хлынуло живое чудо бытия.

– Твоя реплика напомнила мне снова боттичеллевскую Венеру. Прости меня за нескромность, но в ней я увидела разгадку моего иррационального Я. Она не от мира сего и не станет играть в камешки на морском берегу, она идет, чтобы разгадывать тайны мирового значения. И я на меньшее не согласна. Дерзать так дерзать! Иначе у нас ничего не получится. Мы имеем дело с чудовищно безграмотным миром ученых и тех, кто решает – «пущать или не пущать». Смотри, как в штыки приняли даже не наши противники, а наши друзья

саму идею трансцендентности. Дескать, сложно, ненаучно, отдает кантианством, выговорить невозможно. Эти деятели научились выговаривать все: и «интернационализацию», и «индустриализацию», и «интериоризацию» и даже «одномандатный», а тут, видите ли, сложно и не по-русски. Да не эта внешняя сложность их пугает, а существо космизма, существо безграничных возможностей, зачем?! Зачем небо, когда есть земля, навоз в ней, благодаря которому все хорошо растет…

«ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТЬ – основная идея философии», – говорит Б. П. Вышеславцев[14]. Но эти наши милые оппоненты не читают ни Вышеславцева, ни Бердяева, ни Лосского, которые говорили примерно то же. Более того, С. Н. Булгакову, как ты знаешь, принадлежит определение: «ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТЬ – ЭТО БОГ, ДУХОВНО-ВЫСШЕЕ». Только через эти духовно-высшие начала мы можем приблизиться к пониманию трех видов энергии человеческого бытия.

– Я слышу речи не женщины, а мужа, – сказал я.

– Если моему Марсу это пришлось по душе, его Венера будет счастлива. – И в ее глазах запылал тот знакомый огонь, который всегда заставлял нас мгновенно собирать вещи и мчаться в отведенные нам номера…

Часть IV
Игра, творчество, жизнь

Глава 1
Формула В. Н. Терского

1. Игра в системе отношений

Без игры нет ни детской жизни, ни развития детского коллектива. Игра, если она правильно педагогически сконструирована и организована, больше, чем какая-либо другая деятельность, позволяет всесторонне и во всей полноте развивать самодеятельность детей применительно к их возрастным особенностям. Неслучайно такой большой мастер воспитания, как Виктор Николаевич Терский, выдвинул формулу: «игра – творчество – жизнь».

Игра может быть в руках тем инструментом, с помощью которого осуществляется переход от простейшего детского желания удовольствия к серьезным и трудным социальным функциям, которые призван осуществлять гражданин общества. Этот переход осуществляется путем постепенного усложнения социального и нравственного содержания игр, их организационного оформления путем их сочетания с другими видами деятельности, которые параллельно также усложняются.

Игра и труд нерасторжимы. Я много лет работал в школе-интернате, где большинство детей были с приводами, то есть успели совершить какие-то преступления. И когда я увидел, что ребенок, увлеченный игрой, способен легко выполнять самые трудные дела, я воспользовался этим открытием и стал с детьми разрабатывать долговременные игры, насыщенные трудом, занятиями искусством, творчеством.

У нас было 180 гектаров земли, огромное подсобное хозяйство, цветники, птицеферма, студии, кружки, секции. И весь этот объем трудовых дел был втиснут нами в игру. И дети боролись за то, чтобы заполучить наиболее трудное задание: разгрузить вагон кирпича, строить мастерские, собрать урожай капусты, провести конкурс, организовать выставку картин и т. д. Я, разумеется, и тогда видел не только положительные, но и негативные стороны слияния игры и труда, но рассуждал примерно так: да, ребенок выполняет трудовые задания не в силу долга, а в силу требований игровой ситуации. Главное, что ученик сам идет к приобретению практического опыта, трудовых навыков, сам тянется к познанию окружающего мира. Например, по условиям игры требовалось написать несколько картин, сочинить стихи. Этому предшествовала специальная

подготовка: ребят собирали и учили технике рисунка и стихосложения. Я исходил из того, что каждый ребенок, независимо от того, имеет ли он склонности к поэзии или к живописи, должен самостоятельно разбираться в том или ином виде искусства. Для этого каждому будет полезно попробовать свои силы. Ведь только попробовать, не больше! Никто никого не заставлял, а между тем все сидели и писали стихи, работали над рисунком. И так в течение четырех лет.

> Игра может быть в руках тем инструментом, с помощью которого осуществляется переход от простейшего детского желания удовольствия к серьезным и трудным социальным функциям, которые призван осуществлять гражданин общества.

Для меня великой радостью были приезды родителей наших детей, которые искренне радовались тем переменам, которые произошли в их детях.

Глава 2
Тонкое мастерство игровых действий

Представьте себе развитие такой ситуации. Вы говорите: «Отгадай, что у меня в руке» или: «А вот я знаю удивительно интересную задачку…» В ход пущен один из сильнейших педагогических приемов – игровой элемент. С этой минуты ребенок ваш. По его представлениям, он наконец-то встретил нормального взрослого, который не задает ему дурацких вопросов: «А как ты закончил четверть?», не делает своих скучнейших заключений: «Надо подтянуться…»

Что происходит в ситуации, когда вы предлагаете ребенку отгадать, что у вас в руке? Во-первых, происходит своего рода уравнивание – стираются, так сказать, возрастные границы. И здесь нет никакого панибратства, никакого ущемления достоинства взрослого: просто вы выполняете элементарное требование – говорите с ребенком на его языке. Во-вторых, общению задается такой характер, который мгновенно снимает напряженность и натянутость. И в-третьих, действие, окрашенное игровым элементом, устанавливает прочную связь, на основе которой могут запросто и успешно развиваться всякие другие неигровые действия. Вы говорите: «А вот ты не отгадал, а я отгадаю все, что угодно…» Ребенок колеблется. «Ну попробуй». Вы касаетесь его руки: не бойся. Контакт усиливается. И ребенок соглашается. Он радостно смеется, если вы не отгадаете. Он с вами. Вы его очень обидите, если на этом оборвете взаимодействие с ним. И рад он будет даже тому, если вы попросите его о чем-нибудь серьезном. Он постарается выполнить. Но если вы вообще никогда не возвратитесь к игре, он вас возненавидит, ибо поймет, что игра нужна была просто для того, чтобы «приручить» его.

Игровое действие всегда является составной частью игрового взаимодействия с ребенком или с коллективом ребят. Его основная цель в конечном счете – вызвать определенное отношение к требованиям воспитателя, к различным ценностям, к самому себе и к окружающим людям.

Глава 3
Вместе с родителями

Я использовал игру и как средство приобщения родителей к педагогическому творчеству. Родители на моих глазах преображались, когда я их приглашал на свои игровые занятия с детьми. Они включались в мои игры, увлекаясь живописью, музыкой, хореографией, историей искусств. В этом многообразии интересов рождалась личностная неповторимость и детей, и родителей, которые в процессе занятий формировали свою индивидуальность, развивали себя. А начиналось все так: я, обращаясь к детям, к их мамам и папам, рассказывал придуманную мною вместе с детьми сказку: «В некотором царстве, в некотором государстве, где цены были очень высокие, жила-была простая волшебная кисточка…» И каждый ребенок ощущает ее волшебство, трогая колонковое острие ладонью, щекой, губами. А потом наблюдает, как принцесса-кисть отправляется в загадочные владения, которые зовутся *палитрой.* Вместе сочиняем тут же про каждую красочку: «Я кадмий, кадмий желтый, я солнца светлый луч…» Мой поэтический всплеск обращается к Набокову: «…синее синего синей, почти не уступая в сини воспоминанию о ней!» Это магическая формула поэта. Я сто раз повторяю ее с детьми, они понимают, чувствуют. Это ключ к Высшему.

Цвет нельзя рассказать. Цвет можно только воспламенить в душе. Помочь представить. Но это не каждому дано. А лишь тем, в ком есть дар гуманитарной культуры. Эйдетизм – образная память, сохраняющая в себе яркие цветовые образы. Эйдетические упражнения – распахнутое окно в озонную гуманитарность.

– Дети, закройте глазки. Представьте себе цвет небесной тишины: ультрамарин, кобальт синий, розовый, целериум. А рядом кадмий, киноварь, краплак…

Лжегуманитарность, как и бездумная технология, игнорирует созерцательно-интеллектуальный эйдетизм. Между тем любая гуманитарность, как и любой истинный талант, начинается с прелести созерцания, с таинственного волнения.

Этого волнения ничем не заменить. Одухотворенная технология ищет тропинки к детским сердцам, к ликующим эстетическим родничкам. Попробуйте поднести тюбик к свету, настройте детей на ожидание чуда: сейчас, извиваясь, выскочит волшебная нить берлинской лазури или сверкающего изумруда. Странно устроены не только детские глазки, но и глаза взрослых.

Не всякий способен ощутить красоту цвета. Не каждого будоражит цветовое пятно. Ликующему созерцанию надо не просто учить, может быть, даже учить невозможно, ребенка необходимо эмоционально приближать к красоте.

> Я использовал игру и как средство приобщения родителей к педагогическому творчеству. Родители на моих глазах преображались, когда я их приглашал на свои игровые занятия с детьми.

Это хорошо понимают родители, лишенные в своем детстве такого чудесного приобщения к миру прекрасного. Они говорят об этом. И к радости детей, будто становятся детьми, приводя в восторг своих милых чадушек.

И больше всего я поражался тому, что дети 10–12 лет быстрее и свободнее осваивали самые сложные проблемы из мира искусств. Я обращаюсь к детским ручкам и говорю о том, что рука мыслит так же, как наш мозг, как наша головка! И дети верят мне. И в этом сказывается своего рода педагогический космизм, рождающий веру, энергию и великую силу красоты.

Глава 4
Планетарный дух технологии

Детская ладошка – это гармония природной красоты: чего стоят прозрачные пальчики! Кисточка – продолжение руки, она должна быть так же любима, как собственные пальчики.

Мы рисуем солнце, и нас волнует ритм языка, ищем вместе чистоту тона, блика, колорита.

Вот строка А. С. Пушкина: «Морозной пылью серебрится его бобровый воротник». Особое чутье света, полутонов. Литература как гуманитарное образование не может быть бесцветной.

Размышляем с ребятами над иллюстрацией к Набокову – огромная кадмиево-желтая бабочка на голубом фоне бескрайних просторов. А как поэт радовался краскам:

Березы, флигельный балкончик,
все в пятнах солнца.
Обмакну
и заверну погуще кончик
в оранжевую желтизну…
Какие краски засверкали,
какая радость расцвела!

Краски и цвет – не только душа гуманитарного образования. Это своеобразное мировоззрение, полнота мироощущений. В восточной школе, рассказывает «магическая дама» Блаватская, для обозначения Семи Иерархий творческих Сил существовало «колесо» семи цветов, которые назывались Ангелами, Строителями, Планетарными духами и т. п. Гуманитарное образование без этой космогонической гармонии ничто.

Как научить ребенка различать прекрасное в каждом свойстве планетарного духа? Как через технологические решения приходить к одухотворению повседневности?!

Мы проигрываем циклы восторженных ситуаций с семицветием планетарных сил. Добиваемся, чтобы сердце трепетало от ожидания столкновения с цветовым ангелом. Иной раз я просто кричу: «Смотрите же, как таинственно красиво!» А потом двадцать раз повторяю: «Божественная голубизна!»

Мой творческий замысел распознается и поддерживается родителями. Они нутром своим материнским чувствуют духовное преображение своих деток.

Они радуются *быстроте и стремительности детских*

преображений. А я говорю о том, что *скорость,* как утверждали отечественные художники и мыслители, это основа творчества, это наш великий разум, наше чувство прекрасного! Я говорю о том, что на следующем занятии будет особым образом использована для творчества каждая минута! Каждая секунда! Мне верят и дети, и их родители. Они с нетерпением ждут следующего занятия.

Глава 5
Один час, расписанный по минутам

А. 10 часов 27 минут – создание атмосферы творчества.

Я в роли волшебника. Дети называют меня Колдуном. Я показываю свои картины: «Нищие», «Россия с протянутой рукой», «Распятие», «Казнь св. Себастьяна». Уверяю, что каждый из них может лучше нарисовать. Но сначала упражнения: «Кто быстрее найдет свои любимые цвета?»

– Можно нарисовать «Танец красок»? – это Сережа.

– А я хочу нарисовать «Бой красок»! – это Андрей.

– А я – «Краски смеются».

– А я – «Краски и звезды»…

Говорю о главных требованиях: верх светлее низа, повсюду воздух – в мире нет пустых мест, с предельной любовью отнеситесь к кисточке, бумаге, воде, краскам…

Даю каждому по крохотному листочку ватмана, примерно в пол-ладони. Важно, чтобы ребенок овладел малым размером, малышу легче с ним справиться.

Листочек следует наклеить по уголкам к картону. Я даю каждому палитру из картона с наклеенным кусочком белой бумаги, две кисточки, две баночки с водой. Ставлю перед ребятами по три баночки с «воздухом» – синим, оранжевым и сиреневым. Вся эта техническая работа должна быть выполнена быстро: нельзя томить долгим ожиданием. Во время всей этой технической работы в каждом сантиметре пространства, окружающего детей, должно присутствовать несмолкающее восхищение: «Смотрите, какой воздух! А какое чудо этот кадмий оранжевый! Запомнили? Кадмий оранжевый. Давайте хором: «Кадмий оранжевый!» А этот кобальт синий».

– Андрей, какая это краска?

– Кадмий оранжевый!

– Нет, это кобальт синий! – это Сережа.

– А теперь пошли! Поехали! Где наши волшебные кисточки?! Каким должен быть верх картины? Почему? Правильно, Сережа. Небо всегда вверху, оно всегда светлее земли… А воздух?! Воздух, пропади все пропадом! Совсем забыли! Кому воздух?

– Мне воздух!

– Мне голубой!

– А мне кадмий оранжевый!

Через десять минут картинки готовы.

– Кто сделал работу, может попробовать еще один вариант.

– А кто желает, может сыграть свою картину на фортепиано, – это учительница музыки Елена Ивановна подошла.

Нарисовали все. Затем сочиняли музыку.

Б. 10 часов 35 минут – энергия, энергия и еще раз энергия.

Нужна ли страстность?! Мне понятны формулы Ушинского и Дистервега: «Только личность воспитывает личность! Только энергия учителя способна разбудить детские силы!» Я проявляю свою энергию, чтобы показать детям силу человеческой увлеченности. Я, как метеор, лечу от одной детской работы к другой, реагируя на каждую: «Прекрасно! Какое великолепное небо! Как тебе это удалось?» – И еще советую изредка: «А попробуй-ка красный цвет!» Или: «А вот здесь хорошо бы еще раз прописать…» Я подаю детям размешанные краски, подаю воду, мою кисти, учу рисовать воздух, одним словом, я их слуга, я их наставник, я их друг. Я чувствую, что моя энергия захватывает детей, – и это то, что надо! Но рядом с детьми взрослые – родители и педагоги. А как они реагируют на эти методы?

Мне понятны формулы Ушинского и Дистервега: «Только личность воспитывает личность! Только энергия учителя способна разбудить детские силы!» Я проявляю свою энергию, чтобы показать детям силу человеческой увлеченности.

В. 10 часов 50 минут. Ураган талантливости не может не захватить.

Родители помогают мне вести занятие, детям нравится их участие. Вот как рассказывает о своем участии в семинаре-тренинге одна из родительниц, Людмила Николаевна Соболева:

– Я перешла на работу «лаборанта»: подавала кисти, бумагу, раскладывала краски на палитру. А Юрий Петрович в это время выплескивал свою энергию на ребятишек. «Чтобы все было заполнено, все заполнено!» – раздавалось вокруг, потому что он не стоял на месте, а был в одно и то же время рядом со мной, сзади меня и где-то совсем в другом конце. «Воздух тоже можно нарисовать. Рисуйте воздух». И дети старательно обмакивали кисточки в краски, интуитивно понимая, чего от них хотят, и рисовали небо, землю. «А теперь деревья, деревья». Я быстренько раздавала всем зеленую краску для деревьев. В ход пошли тоненькие кисточки. Я остановилась возле Сережи Петрова. Земля, небо, солнце – все уже было «на месте». И вот тоненькая кисточка в руке с черной краской занесена над листом, ребенок решается, но никак не опускается рука.

Г. 11 часов 27 минут. Можно ли вмешиваться в детский рисунок?

Мне сразу хочется ответить: «Нежелательно». Но здесь речь идет о детях, которые впервые сталкиваются с красками, с палитрой, – детское сознание еще не в состоянии объять всю технологию. Создаются психологические барьеры, которые ребенок не может сам преодолеть. На помощь обязательно должен прийти воспитатель. Я видел такие заминки у детей. Сидит и не знает, как начать, как решиться на первое движение, и кисточку как-то неловко держит. В подобных случаях надо тихонько коснуться детской ручонки, сказать, что кисть удобнее держать вот так, а водичку лучше стряхивать, чтобы не было большого озера на бумаге, теперь за краску – и вперед…

Людмила Николаевна продолжает наблюдать: «Сережа направляет руку в один конец листа, затем в другой, но никак не решается нарисовать дерево. Не могу понять, что его останавливает. И вот когда он вдруг начинает рисовать дерево с самого краешка листа, где случайно оставлена белая полоса, я догадываюсь: белой бумаги больше не осталось – дерево рисовать негде. Я беру кисточку и начинаю рисовать дерево прямо посередине листа на траве, и оно «растет» до неба. Сначала это его изумляет, но потом, осмелев, он начинает радостно рисовать».

> Если ребенок не увидит красоты в малом, он не научится видеть прекрасное и в большом.
>
> Восприятие прекрасного должно постоянно подкрепляться деятельным участием ребенка в творении красоты.

Я был на седьмом небе, когда работы маленьких художников удавалось выставить в Кремле. Но самое великое наше достижение – то, что трехлетки создавали своеобразные шедевры, и в это поверили воспитатели, родители.

Если ребенок не увидит красоты в малом, он не научится видеть прекрасное и в большом.

Восприятие прекрасного должно постоянно подкрепляться деятельным участием ребенка в творении красоты.

При этом необходимо помнить следующее: если эстетическое не будет соединяться с нравственным, то такой разрыв неизбежно приведет к пустоте, экзальтированности и показушному эстетству.

1. Истинная духовная высокая любовь не может быть без страданий, без тайных ожиданий, без надежд

У Любви только один настоящий союзник – это та высокая культура, которая ближе всего к Богу, к ней и взывало теперь мое сердце. Эта божественность может стать великим союзником и семьи, и родителей, и детей. Меня восхитили педагогические откровения Владимира Петровича Попова, особенно те, в которых он касался и своей неразделенной любви, и той любви, которая так захватывала внимание художников и мыслителей мира.

– Однажды, – рассказывал он детям, – Рафаэль доверился своему другу: «В мире так мало изображений прелести женской, посему я прилепился к одному тайному образу, который навещает мою душу».

Тогда друг спросил: «Что значит «навещает душу», что значит это «прилепился»? Рафаэль бросился к другу со слезами на глазах и открыл тайну. В нем давно зрело святое чувство написать Мадонну. Он громко произносил ее имя по ночам и, произнося ее имя, прислушивался к своей душевной грусти. Неутомимый дух его трудился над образом Мадонны, а образ все еще был туманным. Иногда, в какие-то мгновения он видел очертания своего идеала, но все тут же исчезало. И вот однажды ночью художник увидел на своем холсте – там, где был неоконченный портрет Мадонны, сияние; образ казался совершенным, будто живым. Градом покатились слезы из очей изумленного Рафаэля: он нашел именно то, что искал всю жизнь. Он не мог припомнить потом, как заснул. Видение навеки врезалось в память и постоянно, как замечал Рафаэль, навещало его душу.

Я рассказывал детям, и они понимали меня. И я знал, что мой рассказ им необходим, ибо в нем сосредоточены ответы на мучительные, их собственные вопросы. Я вдруг понял, что попал в совершенно необходимый мне водоворот. Меня так закрутило в нем, что не стало хватать времени. Как-то само все шло ко мне, наслаивалось одно на другое, совершенно естественным образом подходило к детям. Прошлое смешивалось с настоящим. И у этого смешения было два адреса: я и они. Нам было удивительно интересно от столкновений с тайнами великих людей. Эти тайны нескончаемой вереницей сами шли к нам, раскрывались, утоляя душевный голод, звали к раскрытию новых тайн.

> Надо возвыситься до понимания трагических будней, в каких прячется иной раз великая память, хранящая и великую Любовь, и великую Свободу. Если мною что-то

и сделано в практической педагогике, так это то, что в детские души удалось заронить жажду подлинной Любви.

Именно в эти дни я прочел книги о Беатриче и Лауре, вдохновивших Данте и Петрарку. Рассказал о них детям. Рассказал, чтобы еще и еще раз поверить в то, что есть в мире высшая любовь, высшая чувственность, которая слита с идеальностью, не разграничивается на разные виды отношений к противоположному полу: телесное и духовное. И чем больше я рассказывал о Беатриче, тем больше думалось о Феодосье Морозовой и о протопопе Аввакуме. Кто знает, может быть, Морозова и есть Беатриче? Иначе откуда такие слова у протопопа: «Звезда утренняя, упование мое, надежда моя»? «Житие» и есть Дантов ад. Ад на русский манер. Не укомплектованный всеми аксессуарами западной роскоши: ни котлов добротных, ни чертей, ни героев мифических, ни античных поэтов. Ад упрощенно-суровый, подчеркнуто злобный: сырая яма, рогожки, насекомые, клещи, вырывающие язык, топор, отсекающий руку: «Гляди, протопоп, да возрадуется твоя смутнянская душа!» А протопоп глядит и тайно ото всех зрит очами свою утреннюю зарю, ступающую по облакам чистыми, омытыми утренней росой ногами, – святая Феодосья. Беден русский рай, горемычен русский рай – нет в нем ни чертогов, ни одежд, ни золота, ни драгоценностей, есть переливы морозного сияния, бездна за бездной из сплетений солнечной щемящей тоски, черные лавки, бревенчатые срубы, ягоды, грибочки и ослепительная серебристость льна – льна, слепящего белизной глаза, льна цвета свежей сметаны с едва заметным кремовым оттеночком, льна совсем кремового и льна цвета последних лучей уходящего солнца, и льна сиреневого, и льна брусничного, и льна ежевичного, и льна черничного. В этих одеждах из праздничного льна, из льна сумеречного, из льна погребального видит он свою Невесту, ее по-заморскому Беатричей зовут, а по-православному, кто знает, может, святой Анной, а может, святой Варварой, а может, и святой Феодосьей.

Потом сплошь стали попадаться мысли: чтобы понять себя в этом мире, надо постичь развитие историческое. Чтобы понять историческое, надо постичь сегодняшние беды и возвышения как живую историю. Надо возвыситься до понимания трагических будней, в каких прячется иной раз великая память, хранящая и великую Любовь, и великую Свободу. Если мною что-то и сделано в практической педагогике, так это то, что в детские души удалось заронить жажду подлинной Любви.

Часть V
Искусство любить детей

Глава 1
О детских самоубийствах и детских стрессах

1. Незащищенность ребенка

Каждый десятый старшеклассник проходит через рубеж: жить или не жить. Одна из главных причин детских самоубийств – незащищенность ребенка ни дома, ни в школе, ни в обществе! Общество, которое подводит своих детей к этим рубежам, аморально, и ему нет никаких оправданий.

О Сашке Пушнине рассказывали так. Шутник, весельчак, всегда что-нибудь переиначит: себя Пушкиным первый назвал, потому что отчество у него было Сергеевич! Даже учителя некоторые к доске вызывали: «А ну-ка, Александр Сергеевич». И Сашка никогда не обижался. Выскакивал решать задачку (обязательно при этом что-то падало, гремело). Щелкал мелом по доске (когда что-нибудь заковыристое было) так, что у всех мозги набекрень лезли. Сашка никогда в главном не ошибался; в левой руке тряпка: тут же стирал и писал заново. И математик Владимир Павлович (ехида, по мнению класса, каких свет не видывал) расцветал, но обязательно прибавлял:

– Такая умная голова и такому… – Учитель всматривался в лица своих питомцев и ждал. И когда кто-нибудь шепотом договаривал, математик пожимал плечами: – Ну зачем же так?! У Александра Сергеевича действительно – голова! Так соображать и так бездельничать, как Пушнин, – это надо уметь… Помню, был у меня приятель… – и следовал рассказ о загубленных способностях: либо спивался этот приятель, либо в черное дело угождал. Одним словом, все эти истории так и били рикошетом по Сашке. А придраться было нельзя.

И Сашка садился за парту. В упор глядел на математика, и тот не выдерживал:

– Опусти глаза! Кому говорю, опусти глаза!

А Сашка не опускал. Точно цепенел от своего собственного взгляда. И губы едва шевелились (никто не знал, что произносил он про себя), и плечи чуть-чуть вздрагивали. И тогда математик срывался:

– Вон! Вон из класса!

И Сашка позволял себе некоторую роскошь: спокойно, совсем спокойно, размеренным шагом, подчеркивая свое достоинство, покидал класс.

Такое случалось нечасто: математик в общем-то хорошо относился к Сашке и постоянно говорил об этом. Но об одном случае есть смысл рассказать. Владимир Павлович считал себя ярым поклонником Макаренко, ругал Сухомлинского за слюнтяйство и ни единого шага не предпринимал без соответствующей инструментовки своих действий. Одно из таких движений его «педагогической души» стало причиной острого конфликта.

Дело было так.

Владимир Павлович на уроке сделал Оле Прутиковой замечание:

– Не подсматривай.

– Я не подсматриваю, – ответила Прутикова.

– Оленька, ты не лезь в бутылочку, – ласково успокоил учитель. – Ты ведь в горлышко не пролезешь! – (Оля, самая полная девочка в классе, стыдилась своей полноты.) Девочка покраснела, а Владимир Павлович, наслаждаясь, продолжал: – Тебе не бутылочка нужна… Как, ребята, называли древние греки сосуд такой большой?

Вот в этом подключении ребят к нравственной экзекуции и заключалась суть его методики. Класс дружно кричал:

– Амфора…

– Совершенно верно. Тебе амфора нужна, Оленька. Вот найдем амфору, посадим тебя в нее и закупорим, так, ребята?

– Так! – кричали, смеясь, дети – все, кроме Сашки.

Смеялась и Оля: редко так ласково обращался к ней, слабенькой по математике, учитель. Одним словом, всем было хорошо. А Сашка вдруг как с цепи сорвался на Ольгу:

– Ты-то чего варежку разинула! Над ней издеваются, а она…

И на этот раз Владимир Павлович выяснять ничего не стал: выгнал Сашку с урока. И началось разбирательство. Длинное. С вызовом к директору. С приглашением матери. С обсуждением на комитете. И ребята, и Оля были на стороне Владимира Павловича. Оля доказывала, что ее оскорбил Сашка, а не Владимир Павлович. Даже друг Сашкин, Женя Соляров, после обсуждения заметил товарищу:

– Ты что, хочешь лучше всех быть?

Сказать, что класс не любил Сашку, нельзя. Сашка простаивал часами у касс, чтобы достать билеты на всех в театр или в кино. Сашка мог отдать часть своей макулатуры ребятам, тащить лишний рюкзак в походе. Ему, правда, не доверяли проводить всякие там КВН, но он всегда лез, суетился, помогал: чего-то рисовал, придумывал. Одним словом, был какой-то особой пружиной класса. Все в нем было противоречиво:

все работало вроде бы и на него, и одновременно против. Шутки нравились всем, но так как они были иной раз слишком злые, то кто-то затаивал обиду. Не могли некоторые простить ему и той легкости, с какой он шел по всем предметам: вечно он все знал, вечно чего-то выкапывал – и даже это оборачивалось против него. Отвечает, скажем, кто-нибудь по истории. Стоит у доски, с горем пополам вяжет свое ученическое лыко, так что спать всем хочется от скукоты. А учитель возьми и подними Сашку. И Сашка такие вещи открывал, что учитель заслушивался, а тот у доски стоял как пень – ужасно невыгодная для него позиция… А учитель еще и подбавит: «Вот так надо знать предмет!» – и влепит «пару» тому, кто у доски. И тот сверкнет ненавидящим взглядом в сторону Сашки… А класс в это время еще и зашумит:

– Екатерина Ивановна! Вы бы Пушнину пятерочку поставили бы?!

– Ну что вы, ребята, у него же нет систематических знаний. Ему и четверки достаточно. Так ведь, Пушнин?

– Мне все равно, – ответит Сашка. А в душе ему так обидно. Так нужна ему эта пятерка по любимому предмету!

Мишенью Сашкиных насмешек стало в последнее время повальное увлечение класса вещами: джинсами, кофтами, поясами, дисками. Когда Сашка начитался Лема, Брэдбери, Стругацких, он облек свои остроты в некий философский набор отрицаний. А когда на Сашку «находило», он забывался. Импровизируя, он вытаскивал из памяти то, что было схвачено и подсознанием услышано как бы невзначай. Входя в раж, он рассекречивал интимное, высвечивал низкое, обличал наотмашь.

– Нет, милые, – обращался он к девочкам, – ни одну из вас я замуж не возьму, потому что променяли вы духовные ценности на шмотье. Обмещанились, должен вам сказать. Загорностаились…

– Ладно, хватит тебе выступать, – говорили ребята. – Ты что-нибудь новенькое про Наполеона вякни.

2. Оберегайте детей от ложных стрессов!

Чем одареннее ребенок, чем больше развиты в нем воображение и склонность к фантазиям, чем тоньше его душа, тем опаснее для него различные эмоциональные потрясения. Оберегать детей от их собственных стрессов – это крайне важно.

«Было ли увлечение Сашки такими личностями, как Наполеон, Суворов, Цезарь, чисто историческим или имело еще и какую-то честолюбивую нравственную подоплеку, сейчас

трудно сказать. Но сам факт его необычного интереса был связан, возможно, с какой-то его собственной тайной. В тринадцать лет провести сравнительный анализ двух книг – Тарле и Манфреда, постоянно думать о личностных причинах успеха внешне ничем не выделявшегося бедного корсиканца (Сашка был самым маленьким в классе), вникать в тонкости отношений императора с кликой верноподданных – что бы это все значило? Может быть, таким образом Сашка утверждался в среде ребят, привязывал к себе своими рассказами… В Сашке жил антиквар, исследователь, фантазер. Он сам научился высекать счастливые искры из окаменелых книг. В нем клокотала потребность не только воспроизводить в своем уме, но и воссоздавать для других целые миры прошлого. В нем жил удивительный рассказчик, увлеченный, тонкий, непритязательный. Сашка нуждался в общении. Эта болезненная потребность поделиться с другими и на этой основе найти духовного сообщника определяла многое в его характере: щедрость, взаимовыручку, готовность рисковать для других. И хоть он к восьмому классу и был у всех притчей во языцех, чуть что: «А, это Пушнин! Да кто, кроме Пушнина!» – все же о нем говорили с оттенком уважения. Были у него свои заслуги перед школьным обществом. Имел он какие-то права на свой независимый нрав. Это иногда раздражало. Каждый считал своим долгом его воспитывать и переиначивать.

Однажды сама директриса пришла в класс и сказала при всех:

– Нет, мы из тебя сделаем человека! Сделаем, дорогой! – И обратилась к ученикам: – Вот при всех обязываю тебя, Пушнин, докладывать два раза в месяц на педсовете о своем поведении…

– А с какой стати? – рассмеялся Сашка.

– Ну, кто ему объяснит? Кто хуже всех ведет себя на уроках?

– Я, что ли? – разозлился Сашка. И так как Сашка не умел злиться, то это движение вышло у него крайне неловким, и класс рассмеялся. А директриса тут же нашлась:

– Не будем с тобой, Пушнин, в посмешищах ходить… Мы еще им покажем. Покажем ведь? – обратилась она к Сашке.

Но Сашка сник, точно дух из него весь вышел.

– И мать не станем больше вызывать. Незачем старую и больную женщину беспокоить, – продолжала директриса. – Пожалеем ее.

Именно при этих словах Сашка будто растерялся, смешно как-то повернулся, его худенькие плечики задергались, а из глаз покатились слезы… При виде такой картины дети вновь было рассмеялись. Но, поняв, что с Сашкой творится что-то неладное,

притихли. Директриса же продолжала:

– Ну вот, хоть ты мать свою жалеешь, а кто-то говорил, что у тебя вообще сердца нет, будто ты извергом растешь…

Трудно сказать, чем бы кончилась эта неприятная сцена, если бы неожиданно дверь не распахнулась и пожилая нянечка не позвала директрису срочно к телефону.

У Сашки была старенькая, заботливая, несколько странноватая мама. Кто-то Сашке брякнул однажды на улице: «Не мать она тебе». И запомнил Сашка. И почему-то стыдился матери. Может быть, потому, что мать его одевалась попроще других матерей. Как-то запала ему в душу картина: мать шла в школу. Поскользнулась, чуть было не упала. Уборщица успела подбежать, а ребята из класса расхохотались. И Сашка почувствовал, что ему надо бы помочь матери первым, да не смог почему-то, стыдом все тело сковало.

Каждый приход матери в школу, даже на родительское собрание, был для него пыткой.

Знал ли Сашка, как чувствовала себя его мать в школе? На последнем родительском собрании все почему-то считали долгом поучать эту пожилую, по всей вероятности добрую, женщину. И все наступали на нее, обвиняли в безответственности, говорили в общем-то правильные слова, намекали на то, что Сашка мешает их детям осваивать материал. А эта худенькая женщина сидела в уголочке, и непонятно было, то ли она беззвучно плакала, то ли тихо улыбалась. И никто из присутствующих не оборвал этот поток нравоучений, хотя в лицах отдельных родителей мелькали некоторые добрые искры сочувствия. Но в этой школе почему-то сложилось мнение у родителей: стоит только выступить против какой-нибудь несправедливости, и это тут же отзовется на отношении к ребенку. Потому помалкивали, хотя такого правила не было вовсе, ибо и директор, и учителя каждый раз призывали к самой острой критике и самокритике, конечно, безо всякой там демагогии и критиканства.

И Сашкина мама была необыкновенно благодарна, когда в темном коридоре, на самом выходе, ее остановила одна родительница и полушепотом сказала: «Если бы вы знали, как я завидую, что у вас такой прекрасный сын. Да-да. Ведь он же у вас талантливый, необыкновенно талантливый мальчик. Понимаете, он необычный. А необычному в школе трудно. Везде трудно».

И заплакала Сашкина мама, может быть, оттого, что ей горько стало слушать здесь, в коридоре, эти слова сочувствия, а может быть, в знак благодарности этой возвышенно-прекрасной женщине, которая вот не постеснялась, взяла ее под руку…

А мимо бегут и бегут другие родители. Бегут, точно ничего и не было: подумаешь, невидаль какая – собрание. И дома Сашкина мать не стала отчитывать сына. А, напротив, обняла его лохматую голову, как тогда, когда умер отец и оставил их сиротами. И Сашка душой ощутил тревожность материнского одиночества и спросил, высвобождаясь из объятий: «Ну чего там еще?» Мать тяжело вздохнула и ничего не ответила…. А через три дня, перед самым Новым годом, Сашка покончил с собой…

Что-нибудь произошло в эти три дня?

С точки зрения многих взрослых, ничего особенного. С точки зрения учащихся, они и сейчас не могут понять, как это случилось. С точки зрения Сашки? Но тут мы бессильны: он молчит и смотрит на нас, улыбаясь хитрыми подмигивающими глазами со множества фотографий.

Конечно, было и расследование. Сразу после участкового к старенькой Сашкиной матери пришли директор с учителями, и Сашкина мать смотрела на педагогов, точно виновата была перед ними, и, ни слова не сказав, дала им подписку, что не имеет никаких претензий к школе, и еще просила, чтобы ребята не приходили на похороны (пусть запомнят они своего товарища живым и веселым, каким он был в жизни) – и снова Сашкина мать точно улыбнулась, и только когда ушли педагоги, упала на диван и заголосила.

А в классе шли уроки, шла елочная предновогодняя суета: было весело, хотя осадок, конечно, оставался у учителей где-то подспудно. Говорят, и некоторые ученики из класса не пришли на праздник, потому что болела голова, а у двух девчонок даже поднялась температура.

3. «Суженное сознание»

Эффект «суженного сознания» – таким термином медики обозначили психологическое состояние здорового человека, которому все вдруг опостылело и который пришел к выводу: жить невозможно.

Такого рода неаргументированные решения приходят иногда в старшем подростковом и юношеском возрасте.

Почему суженное? Что это – неумение и неспособность охватить всю полноту причинно-следственных связей? Мир клином сошелся на трех-четырех неудачах, которые, как правило, имеют привычку этак дружно выстраиваться в ряд да еще и в одно и то же время?

Я спросил у психиатра:

– А что, дети, которые делают такую страшную попытку,

здоровы ли они?

– Здоровы, – ответил профессор. – Как правило, здоровы. Хотите поговорить с ними?

И я встретился с теми, кого удалось спасти. О, конечно, им теперь кажется все несусветной глупостью.

Одна девочка даже причину не могла привести: «Ну, повздорила с парнем…» Другая: «Да нет причин, если не считать, что родители выругали…»

Эффект, конечно, очень «суженный». И вместе с тем все это не так просто. То, что для нас кажется мелочью, в глазах ребенка предстает масштабно, глобально, непоправимо. По силе эмоций, по тревожности и глубине впечатлений, по чистоте и красоте волевых напряжений детская жизнь несравненно богаче жизни взрослых. Но ее колебания поэтому не только великолепны, но и опасны.

В чем опасность? Только в одном. И прежде всего в этом самом эффекте «суженного сознания», когда великолепие эмоций оборачивается губительным действием.

> То, что для нас кажется мелочью, в глазах ребенка предстает масштабно, глобально, непоправимо.

Может быть, и причина Сашкиной трагедии таилась в позитивных характеристиках: повышенное чувство собственного достоинства, абсолютная нетерпимость к различного рода принижениям, удивительно прекрасное и беспомощное донкихотство. Ведь тогда в истории с Олей Прутиковой он возненавидел девочку больше, чем Владимира Павловича, – за то, что она стремилась сама унизиться перед учителем, была прямо-таки счастлива, как казалось Сашке, что ее оскорбляют. Это ей он написал записку со словами Некрасова:

Люди холопского звания –
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказание,
Тем им милей господа.

А что же говорили о причинах педагоги?

– Нет-нет. Саше было хорошо в коллективе. Перед этим случаем, – говорила директор, – он участвовал в нескольких мероприятиях: ездили на экскурсии, помогали малышам готовить утренник, проводили конкурс.

– А не допускаете ли вы мысли, – спрашиваю я у директора, – что ребенок может жить в коллективе и испытывать постоянное

острое одиночество?

– Я, простите, не поняла вас.

И она действительно этого не понимает. Несколько ближе к истине некоторые девочки:

– Конечно, если бы в школе ему было хорошо, этого не случилось бы. Мы заметили некоторую его взволнованность, но мало ли что… Кто бы мог подумать?

Спрашиваю:

– А часто, если вы видите товарища взволнованным, спрашиваете: «Что с тобой? Может быть, тебе помочь?»

Пожимают плечами: как-то не принято.

А ведь коллективизм именно в этом и прежде всего в этом должен проявляться. Социальной нормой является более широкое действие: подойти к любому человеку, на лице которого отразилось страдание, взволнованность…

Каких-то особых конфликтов у Саши, по мнению взрослых и детей, не было. Разве что двойку ему влепили, можно сказать, ни за что (забыл учебник по географии и задание выполнил не на том формате бумаги) – так это с кем не бывает…

За четверть века работы с детьми я сталкивался с такого рода трагическими случаями – и чаще всего это были дети впечатлительные, яркие, болезненно воспринимающие любое самое незначительное оскорбление, а точнее, принижение их человеческого достоинства. В трагических ситуациях чаще всего оказываются хорошие ученики. Главная причина: незащищенность и духовное одиночество ребенка (я исключаю случаи неудачной любви, болезни), принижение его достоинства, разобщенность в той среде, в которой живет ребенок. Действие этих причин может быть растянуто во времени, а сигналом, когда «сознание суживается до безвыходности», может оказаться самое незначительное замечание. Например, реплика, ставшая для одной десятиклассницы роковой, была такая: «Жанна, ты, по-моему, распустилась…» Именно эти в другой ситуации безобидные слова были той каплей, которая привела к трагедии. Беседую со школьным врачом.

– На редкость здоровый мальчик. Я постоянно ему об этом говорила.

– А вы не могли ошибиться?

– Ну что вы, с такой фамилией, почти Пушкин.

– А может быть, у мальчика переутомление? Или психическое расстройство?

– Ну а кто из детей этого возраста не перегружен? Школа хорошая. Требования высокие – сами понимаете!

Замечу: статистика почти не подтверждает трагических

случаев в летнее каникулярное время.

Итак, обозначились предпосылки этого проклятого эффекта «суженного сознания»: перенапряжение, принижение достоинства, разобщенность.

4. Амбивалентность воспитания

Мы воспитываем не только на оптимистическом, но и на трагическом, на печальном. Но сколько же ума, такта, истинного гражданского чувства и народной мудрости нужно, чтобы прикасаться к таким явлениям, как смерть человеческая…

То ли глаз выхватывает именно то, что необходимо сердцу. То ли чистая случайность подстерегала меня именно в том месте, где я оказался. Застигла меня эта чистая случайность врасплох, напомнила, повела за собой, ткнула мою физиономию в ту единственную необходимость, которая именно сейчас нужна была мне, чтобы не заглохло во мне то, что так беспокоило в последние дни.

А беспокоило сильно, как-то нелепо заявляя о себе, делая меня виноватым в чем-то. Виноватым и перед моей совестью, и перед теми усталыми учителями Волгоградского района Москвы, которым я читал лекцию о гармоническом развитии детей и вдруг стал рассказывать о Сашке, о его трагической судьбе.

И вот после лекции в подавленном состоянии я вышел из здания школы с двумя учителями.

Напротив школы, на территории детского садика, на улице Скрябина я увидел странное сооружение. Это была совершенно необычная скульптура, напоминающая огромный ствол дерева, украшенная лепкой и увенчанная фигурой веселого мальчика. Я присмотрелся. На огромном постаменте были фигурки, лица и огромные буквы – весь алфавит.

Была метель, мне неловко было задерживать учителей, и все же я приостановился и спросил:

– Что это?

– Понимаете, произошел трагический случай: утонул мальчик. И отец в память о сыне построил этот фонтан.

– Отец? Он скульптор? – Я всматривался в памятник: в нем не было безвкусицы. В это затейливое сооружение было вложено человеческое чувство. И страдания не было, скорее великодушие застыло в одном прекрасном мгновении: весело скакали буквы, точно кричали: «Запомните нас», детские головки шаловливо играли щечками (очевидно, струи воды разбрасывали перед собой), и крепкий малыш на самом верху был полон спокойной

радости. Одним словом, ничто не напоминало о трагическом. И только зная о самом факте, можно было задуматься о случившемся.

– Отец его – завхоз этого садика, – пояснил учитель.

– И этот ребенок был воспитанником садика? – спросил я.

– Да.

Мне очень хотелось оставить провожатых и зайти к родителям, поговорить с ними. И в этом желании я ощутил нечто мелкое, праздно-любопытное. Я каким-то седьмым чувством понимал, что все, что есть вокруг: и эта метель, и этот памятник, и ровный, совершенно спокойный голос учителя (точно он рассказывал о чем-то банальном, ну, скажем, о новом полете на Луну) – все это было делом естественным, стало нормой для этих людей – жителей микрорайона. А вот мое намерение зайти в детский садик, поговорить с матерью и отцом погибшего мальчика показалось мне какой-то нелепой бестактностью, нарушением этой ровной и внутренне напряженной естественности. Я знал, что потом непременно вернусь к этим людям, непременно увижу играющих детей у этого прекрасного фонтана летом.

Я рассказал об увиденном опытному дошкольному методисту, человеку тонкому, образованному.

– Я понимаю вас, – мило улыбнулась Инна Ивановна. – Вас поразила эмоциональная сторона этого факта. Но программой дошкольного воспитания в достаточной мере предусмотрены мероприятия, которые должны обеспечивать (так и сказала: *обеспечивать)* эмоциональную сторону формирования личности. И перенасыщенность просто ни к чему. Да и вообще нельзя, чтобы жизнь наших детишек проходила под эгидой трагизма.

Я попытался было возразить, хотел сказать, что дети, возможно, и не знают, что здесь произошел трагический случай, что в память о мальчике сооружен этот фонтан.

– Это ведь живой укор всем, – уверенно сказала Инна Ивановна. – Как можно вынести такое? Это все равно что водить детей на кладбище. Нельзя смерть делать фактором воспитания.

– Простите, а разве детям мы не читаем о смерти Гавроша, о смерти Мальчиша-Кибальчиша?

– Книжная смерть – это совсем другое. Это необходимо. Да и разница здесь огромная. Там героическая смерть за большое дело, а здесь? Несчастный случай. Дети должны проходить школу чувств на другом материале.

– Но жизнь ведь не согласовывает с нами свой материал, – попытался я возразить.

– А на что мы – воспитатели, методисты? Наша задача отобрать материал, который непременно будет воспитывать ребенка в нужном нам направлении.

Все вроде бы правильно. И в этой правильности (отструганной и обтесанной: она как береза с обрубленными ветками – до жалости ущербна) своя беда, свой трагизм неполноценности, своя убогость мышления. Дело в том, что Инна Ивановна была действительно добрым и образованным человеком. Прекрасный методист, широкий кругозор, знание искусства, человеческой культуры. Но логика ее почему-то вызывала у меня протест.

Как-то я разговорился с другим человеком.

– А в чем вы сомневаетесь? – спросил меня Андрей Петрович, учитель литературы. – Вас же это тронуло, что-то оставило в вашем сердце.

И меня поразил сам факт отношения к детской жизни.

– Да, но необычно, – робко сказал я.

– Ну а почему, собственно, все должно быть запрограммировано, формализовано? Если, как вы говорите, этот памятник не безвкусица, то для меня он больше значит, чем Бахчисарай. Бахчисарай мы воспринимаем как памятник культуры, а этот – как память о живом ребенке. Наша духовная бедность иной раз сказывается и в том, что мы боимся печали. Мы бедны в своей скорби. Наши возможности порой настолько малы, что мы оказываемся несостоятельными должниками перед ушедшими от нас. Может быть, поэтому нас и устраивают трафареты.

– Ну а каково самим родителям, воспитателям?

– Мне кажется, что родители этим своим отношением обнаружили высокую человечность. Здесь, конечно, сказалась прекрасная духовная сила людей. Какое-то приобщение к возвышенному. Чтобы выполнить такую работу, надо немало сил – душевных, физических. Редкий человек на такое способен. Нет, здесь область истинно духовного.

Итак, два способа мышления, два отношения к критическому. Кстати, замечу, что об Инне Ивановне говорят: очень образованна и, знаете, без этих самых «интеллигентских загибов». А об Андрее Петровиче можно услышать и противоположное: «Прекрасный словесник, но, знаете, несколько эстет. «Евгения Онегина» ребятам подавал через блики лунного света, через белый снег… Нет, что-то в нем сдвинуто…»

Итак, два талантливых человека: один с очень здоровым нутром, а другой якобы с трещинкой…

Я не берусь присоединяться ни к первому, ни ко второму.

Больше того, мне в чем-то близка Инна Ивановна. Наверное, в своей ориентации на оптимизм. Я тоже склонен думать, что минорные интонации по своему удельному весу должны занимать меньшее место в сравнении с мажорными.

Но позиция педагога-словесника мне ближе: она точнее и глубже передает суть дела.

А теперь вернемся в Сашкину школу.

5. Еще о защищенности и незащищенности ребенка

Защищенность или незащищенность ребенка в классе – явление скрытое. Бывает так, что ребенок не защищен ни в семье, ни в школе, ни в кругу свободного общения среди сверстников – и тогда, как правило, приходит беда. Любить детей – значит гарантировать каждому обстановку защищенности: в школе, в семье, среди сверстников!

Пытаясь понять причины трагического случая, я невольно столкнулся с детским увлечением Сашки. Предметом его внимания была Люда Гурова. Нет-нет, не она была причиной гибели мальчика. Напротив, она, может быть, была единственным человеком, который постоянно смягчал удары, наносимые Сашке судьбой.

Она была и оставалась его хорошим товарищем. И в этом отношении Сашке повезло. Конечно, и в их отношениях были какие-то шероховатости, но это ведь дело обычное! Во всяком случае, Сашка всегда знал, что Люда на его стороне, что она не осуждала его, когда он, хлопнув дверью, вышел из класса, не осуждала, когда он нагрубил директору, потому что поступила директриса не совсем справедливо (хотя наедине как-то отчитала Сашку). Нет, тут было все «о'кей», как сказал бы Сашка, любивший это словечко.

О Люде сложилось в школе противоречивое мнение. Одни говорили, что она несносна, груба, дерзка, другие – что она заботлива и нежна. Ей многое прощалось, так как она прекрасно училась и завоевала себе мелкое ученическое право говорить то, что велит сердце, и заставлять при этом других (и взрослых, и детей) прислушиваться к своим суждениям. Даже когда взрослым не очень приходилась по душе иная резкость отличницы, никто не решался ее срезать, как можно было срезать, скажем, Сашку или какого-нибудь другого ученика. Нет, ей просто замечали: «Ты уж слишком, Люда!»

Люда никогда не устраивала шума из-за мелочи.

В ней как-то странно сочеталась мягкость с какой-то вольной незлобной мятежностью. Она часами могла играть с малышами,

точно испытывая острую потребность реализовать свою, очевидно рано пробудившуюся, материнскую энергию, свою, в самом хорошем смысле этого слова, человеческую сентиментальность. Был такой случай. В пионерскую комнату кто-то из девчонок швырнул малыша, швырнул и, изогнувшись, вытянув губы, раскрасневшись, закричал: «Ах ты, гаденыш, ты еще кусаться…» Малыш глотал воздух, точно в последний раз. Он слова от испуга и обиды не мог вымолвить. Только и слышалось: «А че… А че… А че…», что означало на его языке: «А чего она лезет…» Люда мгновенно отстранила старшеклассницу, обняла малыша. И что любопытно, этот малыш не отпрянул, как должно было произойти (не терпит мелюзга, когда их девчонки тискают!), а, наоборот, прилип к ее рукам и разразился очистительными слезами, и плакал, пока совсем не успокоился.

Мне говорила классная руководительница о сложности характера Люды: с одной стороны, знает жизнь, а с другой – настолько наивна, что поражаешься, как уживается эта наивность с такой кажущейся зрелостью. Она верит в то, что всех людей можно очень быстро переделать: достаточно рассказать им, что им невыгодно жить нечестно.

Употребление слова «невыгодно» в таком контексте меня прямо-таки поразило: и в этом сказался ее противоречивый характер, эта наклонность объединять совершенно идеальное с приземленно-практическим.

– Как же это сделать? – спрашивал я.

– Очень просто. Надо рассказывать всем. Надо, чтобы все в один день объяснили всем, что поступать бесчестно – невыгодно и бессмысленно.

Была в ней какая-то удивительная настырная сила правдоискательства. Каким образом появилась в ней эта подчас разрушительная энергия, каким образом она возникла в ней, мне и до сих пор непонятно.

Это она, Люда Гурова, попала в совершенно трагическую ситуацию. Это ее спасал Сашка со своей матерью, когда она в одном платьице убегала в зимний день от рассвирепевшего отца.

Это ей, Люде Гуровой, стало невмоготу жить, когда неожиданно пробудилась в отце дикая подозрительность и он стал чуть не каждый день пытать дочь: «Да с кем была, да когда была, да где была?!» И все – с оттенком сверляще-утонченной оскорбительности. Поначалу мать защищала дочь, а потом мало-помалу перешла на сторону отца. И когда родители объединились, Люда не выдержала, сорвалась и выпалила:

– А я уже беременна. И рожу. И уйду от вас.

И тогда отец ударил. И ударила мать. И вдвоем набросились на дочь…

Это она скажет потом родителям о своей ненависти к ним. Это она напишет заявление прокурору города, но не отправит в самую последнюю минуту, потому что жалко станет родных; бросится она со слезами на глазах к Сашкиной матери, выплачется и уйдет к себе домой: пообещали отец с матерью больше никогда ее не трогать. «Тронете – больше не увидите», – сказала им дочь…

6. Погоня за детской любовью и за детскими симпатиями – педагогический порок

Сашкину классную руководительницу звали Екатерина Ивановна. Ее он одновременно и жалел, и недолюбливал.

Жалел за то, что она больна была какой-то серьезной болезнью (ходили слухи, что неизлечимой), за то, что у нее ничего, кроме класса, не было: раньше всех приходила в школу и позже всех уходила. И еще жалел за что-то такое, чего сам понять не мог. Потому и крутился возле нее: то сумку домой отнесет, то в очереди простоит, то класс уберет по доброй воле своей.

Зная Сашкин строптивый характер, никто и подумать не мог обвинить его в подхалимаже.

А недолюбливал Сашка свою наставницу за ее настырную бестактность. Эта бестактность ею подавалась под видом такого тошнотворного благородства, что Сашка места себе не находил.

Екатерина Ивановна вела любимый Сашкин предмет – историю. Уже бывало, когда Сашка по полчаса дополнял так, что все рты раскрывали, а потом шумели: «Ну поставьте ему пятерочку», – Екатерина Ивановна стояла на своем.

– Дружба дружбой, но служба службой, – говорила она, подчеркивая свою справедливость, – не могу поставить «пять». Конечно, Саша знает материал, но знания у него отрывочные.

Все вроде было бы правильно, если бы не другие факты. Ибо кое-кому Екатерина Ивановна все же ставила пятерки и за слабые ответы, ставила просто так, для поддержки духа. Всем, кроме Сашки.

И еще он не любил в учительнице то, что она словно бы выжимала из ребят любовь к себе. То анкету придумает, то сочинение проведет на тему «Мой любимый предмет», или «Мой идеал учителя», или «Чем мне дороги учителя родной школы?».

Эти сочинения для Сашки были пыткой. Он знал,

что Екатерина Ивановна ждет благодарности, жаждет, чтобы все написали, что она самый лучший педагог, что ее главные черты: щедрость души, высокая идейность, доброта, требовательность.

Щуплый Сашка на этих сочинениях был сам не свой. Иногда дурачком прикидывался: «А чего писать?», «А у меня ручки нет». А иногда заводился так, что Екатерина Ивановна вынуждена была потом беседовать с ним наедине: «Я тебе все отдаю. А ты такой неблагодарный. Ну как ты мог?..»

Екатерина Ивановна была прямым антиподом Владимиру Павловичу. Если позиция Владимира Павловича основывалась на педагогике Макаренко, то воспитательное кредо Екатерины Ивановны зиждилось, как она говорила сама об этом, на гуманистической концепции Сухомлинского. «Я сердце отдаю детям, – говорила она, повторяя слова павлышского учителя, – а вы пришли в школу без цветов. Я вас люблю так, как, может быть, никто вас никогда любить не будет, а вы забыли своего учителя…»

В учительской, на родительских собраниях она твердила о необходимости чуткого и доброго отношения к детям с такими приторными интонациями, что слушающих слегка подташнивало: они не знали, куда прятать глаза, не знали, как остановить этот бестактный поток педагогических излияний.

Класс Екатерины Ивановны считался правофланговым: здесь всего было больше: и макулатуры, и мероприятий, и пятерок. Здесь было больше всего маршрутов, походов, соревнований, конкурсов. По всем классным мероприятиям здесь была тщательно составленная картотека, и в любое время можно было получить обстоятельную справку. На всю эту работу уходила бездна времени. До седьмого класса Сашка безропотно участвовал в ней, а в седьмом сказал:

– Зачем это все?

Тогда Екатерина Ивановна отчитала Сашку, а теперь что-то в душе у нее дрогнуло, что-то забилось, точно новая вина перед Сашкой открылась. Действительно, зачем эта вся показуха? За оголтелой суетой, за громкими словами, за шумихой и соревновательным ажиотажем терялось главное: *человек,* отношение к ребенку; духовные ценности уничтожались в беге, растаптывались в увлекательном безразличии.

И дело здесь не в обилии мероприятий, а в таком укладе школы, когда ложный пафос начинает доминировать в воспитательной практике и становится способом вытеснения подлинных духовных ценностей.

У смерти своя жестокая бескомпромиссность.

Она становится для окружающих тайным пластом их собственного самочувствия. И никакое стремление избавиться от этого пласта каким-то увлекательным способом не спасает человека. Сама природа мстит за неуважение к смерти. Смерть всегда рождает комплекс вины, от которого невозможно избавиться.

Что-то меняется местами, что-то теряется, где-то образуются провалы, и в конечном итоге серьезное превращается в фарс, в скуку, притупляя чувства, способность сострадать. Неслучайно Сухомлинский настаивал на том, чтобы воспитание осуществлялось не только на одном мажоре. Мир полон человеческого страдания, и с этим страданием так или иначе столкнутся наши дети.

И смерть человеческая, когда она рядом, не может пройти бесследно для окружающих. У смерти своя жестокая бескомпромиссность. Она становится для окружающих тайным пластом их собственного самочувствия. И никакое стремление избавиться от этого пласта каким-то увлекательным способом не спасает человека. Сама природа мстит за неуважение к смерти. Смерть всегда рождает комплекс вины, от которого невозможно избавиться. И, наверное, поэтому человечество создало обряды и обычаи для поминок ушедших, чтобы эти поминки, возможно, становились и собственным очищением ныне живущих поминающих.

Если человек не ощущает этой вины перед погибшим – нарушается нравственный закон ответственности за все живое на этой земле. Научить детей понимать все это – альфа и омега воспитания уважения к человеческой жизни. Вот почему, каким бы трагическим ни был случай, с которым столкнулись дети, задача сделать все возможное и для памяти погибшего, и для его родных и близких становится наиглавнейшей.

Когда Екатерина Ивановна через полтора месяца предложила ребятам пойти на кладбище, кто-то спросил:

– А зачем?

Она сбивчиво стала говорить о том, что надо отдать последний долг товарищу, о том, что человек должен помнить близких. Подростки слушали, молчали. И это молчание было непонятным, точно оно протестовало против всего того, что говорила учительница.

На кладбище пришли четыре девчонки, у всех остальных ребят были уважительные причины: уроки музыки, секции, кружки.

А еще была и такая сцена…

Комсорг Вера Синичкина пришла на стадион, где собралась мужская половина класса играть в футбол.

– Ребята, – обратилась Синичкина, – Екатерина Ивановна зовет всех: надо на кладбище ехать.

– А белые простыни приготовили? – бросил кто-то из ребят.

– Нам рано еще на кладбище, – сказал другой.

– Скажи, что мы позже подъедем, – сказал третий. – Вообще что-нибудь скажи ей…

> Если человек не ощущает этой вины перед погибшим – нарушается нравственный закон ответственности за все живое на этой земле. Научить детей понимать все это – альфа и омега воспитания уважения к человеческой жизни.

…Четыре девочки, учительница и Сашкина мать стояли молча на кладбище, в смятении, в тишине. И Екатерина Ивановна крепко сжимала руку Сашкиной матери и все время твердила: «Держитесь же, держитесь…» И Сашкина мать держалась как могла.

И здесь Екатерина Ивановна, это она потом поняла, вела себя не так, как надо. Она загоняла боль вовнутрь. Она не дала ни себе, ни детям выплакаться очистительными слезами, открыто и свободно излить свое горе на Сашкиной могиле, а может быть, сказать какие-то добрые слова о нем.

Потом, много дней спустя, Екатерина Ивановна признается с отчаянием и возмущением: «И мне, старой дуре, осталось жить-то сколько… Так зачем же я должна лгать себе, другим? Почему не могу признаться и сказать всем: да, мы тоже виноваты в его смерти». Скажет это у себя дома, а на следующий день, уже в школе, будто забудет о сказанном: захлестнет ее волна новых дел, забот, неувязок.

А после того памятного дня на кладбище пришла она в свой класс, и пристально заглядывала ребятам в глаза (виноватость искала!), и молчала, а вот заговорить о самом случае нравственного «ЧП» не смогла.

7. Сострадание, сочувствие, сопереживание – это то, без чего не может быть педагогики Любви и Свободы

На Сашкиной могиле еще нет ни памятника, ни ограды. Глиняный холмик чуть-чуть взялся подсохшей коркой. У торца холмика табличка с портретом. На ней свежей краской написано: «Саша Пушнин. 1964–1978 гг.» Сашка смеется с фотографии,

будто нет и не должно быть печали на этой весенней земле. А рядом, сливаясь с небесной синевой, ажурная зыбь оживших берез, кружевные наряды рябины, сирени. Крохотные листочки вибрируют, поблескивая нежной клейкостью.

Здесь, видя все это, я ощущаю тревогу за тех ребят, одноклассников Сашки, так быстро забывших его. Ведь они наверняка не смогут вырасти полноценными людьми. Впрочем, не совсем так. Все, видимо, намного сложнее. Их «забывчивость», будто запыленный хлам, прикрыла вдруг чистый родничок детской нравственности. И только духовно-нравственным прикосновением другой человеческой души можно снять вдруг выросшее холодное безразличие, нравственную инертность.

Если этого не сделать, то всякое наслоение на эту «забывчивость» будет неизбежно формировать эмоциональную глухоту, а может, и цинизм.

Я вспоминаю историю, когда один из школьников утонул. Ничего не бывает страшнее смерти ребенка. Вина, ответственность, страдание взрослых – невыносимо тяжело. Дело даже не в юридическом наказании, которого в данном случае не последовало. Педагог, столкнувшийся с таким случаем, оказывается травмированным на всю жизнь. Чувство вины неотступно преследует его. Но даже в такой трагической ситуации педагоги этой школы сделали все возможное. Учителя вместе с детьми трудились два дня, чтобы заработать на памятник, вместе провожали в последний путь своего друга, вместе плакали, вместе горевали: не было в школе в течение нескольких дней ни музыки, ни песен, ни веселых игр.

Все это нормы, предусмотренные нашей моралью. Преступить их – значит безжалостно убить нравственное начало.

Конечно, в той сложной трагической ситуации, когда все дышит несчастьем, горем, потрясением и когда рядом – ни в чем не повинные дети, беззаботные, счастливые, так склонные к «забывчивости», которых так трудно сдержать и которых надо сдерживать не просто словом-приказанием, а буквально прикосновением к детским душам обнаженной болью сердца, – в этой ситуации все необыкновенно трудно.

Требуется такая отдача человеческого участия, подлинности волнения, самого высокого движения, поступка, какие нельзя запрограммировать заранее. Как искреннее большое чувство рождает непременно хорошее доброе слово, так и высокое движение души, если оно на самом деле высокое, найдет способ выразить себя в подлинно гуманистическом поступке. Как прекрасный педагог-словесник доводит до сердца смысл героической смерти литературного героя, так и подлинный

воспитатель оказывается способным проявить свою настоящую человеческую духовность в тот момент, когда в детский коллектив или семью школьника пришло горе.

Здесь многое, очень многое зависит от ориентации учителя. Когда у Сухомлинского в рабочем плане школы я прочел о том, что кладбище может стать воспитателем ребенка, что несоблюдение траура является величайшим кощунством, для меня эти вечные, известные нравственные аксиомы были своеобразным открытием. Ибо я до этого всем своим педагогическим развитием был ориентирован на воспитание *мажором:* больше радости, больше игр, больше веселья, оптимизма.

Макаренковская установка «нечего с детьми всякую грусть разводить» прочно сидела в моем педагогическом сознании, и новую ориентацию я поначалу не мог принять. Идея «здоровой психологии» человека, идея ликующего коллектива, шествующего под фанфарные марши к ближней, средней и дальней перспективам, диктовала определенные правила теоретической и практической педагогике.

В этой системе «всеобщего ликования» почти не оставалось места для уважения к человеческому горю, страданию, одиночеству, а тем более – к смерти. Смерть была уделом особых, исключительных лиц. Герой должен был умирать непременно за большую социальную идею – умирать красиво, мужественно, чтобы такая смерть была в чем-то и привлекательной, чтобы она тянула в своей образцовости на положительный пример, чтобы она вдохновляла на подвиг, на новую смерть, на величественные свершения. Такая смерть, ориентированная на мажор, была делом дозволенным, и такую смерть приветствовала педагогика.

Всякая иная смерть на почве личных страданий была делом «не нашим», – пожалуй, актом индивидуалистическим, достойным осмеяния.

Мой знакомый педагог, узнав от меня о трагическом случае, встретился с товарищами Сашки, заговорил о нем.

– Дурак, – сказал один.

– С точки зрения теории вероятностей здесь все по закону, – начал разглагольствовать другой. – На десять тысяч человек один наверняка не выдерживает.

Психология этих ребят педагогу не показалась очень уж здоровой: от их оптимизма несло ущербностью. Ему хотелось сказать им, что так могут рассуждать только подонки. Но он сдержался. Они почувствовали его тревожность, засуетились. Стали о чем-то спрашивать. Он молчал.

Он видел, как «переигрывались» их установки под его

укоряющей пристальностью, как сползал с их лиц примитивный оптимизм.

– Конечно, жалко Сашку, – сказал первый.

– А вы знаете, – сказал второй, – у нас одна девочка сделала такой вывод: «Мы все виноваты в его смерти». Вы считаете, что она права?

– Без чувства вины не может быть ответственности, – ответил педагог, – как не может быть коллектива без сострадания.

Мой знакомый хотел было им рассказать еще о сострадании, хотел объяснить, почему сострадание выступает как антипод зла, почему оно является величайшим законом человеческого бытия, развития человеческой гармонии, но они перевели разговор на легкую музыку и на любимую тему о джинсах, о спорте, о технике…

8. Повышайте личностный статус ребенка!

Научить преодолевать в себе ложный стыд, повышать личностный статус каждого ребенка, его чувство собственного достоинства, утверждать подлинные духовные ценности личности – основа истинной любви к детям.

Сашка стыдился многого: и своей матери, и своей одежды, и своей внешности. Стыд ведь никогда не заклинивается на чем-то одном, в особенности – ложный.

Научить преодолевать в себе ложный стыд, повышать личностный статус каждого ребенка, его чувство собственного достоинства, утверждать подлинные духовные ценности личности – основа истинной любви к детям.

Кто знает, может быть, этот ложный стыд и сузил Сашкино сознание. Во всяком случае, в этом я убежден: ложный стыд в чем-то сделал мальчику жизнь невыносимой.

У него были явно завышенные притязания. Его духовной средой были великие люди: Наполеон, Суворов, Амундсен, Пржевальский. Его любимые книги – о безграничных возможностях человека. Художественное воображение и богатая фантазия создавали образы самые привлекательные. Все это вступало в противоречие с теми возможностями, которыми располагал Сашка. Он хотел быть либо первым, либо никаким. «Если я знаю, что я займу на олимпиаде второе, а не первое место, я туда не пойду», – говорил он.

Сашка ходил в старых, заплатанных брюках. Мать пыталась

купить ему новые, но Сашка не разрешал.

А однажды сказал:

– Мне нужно 120 рэ.

– Для чего? – спросила мать.

– Купить джинсы. Американские. «Вранглер».

– Ну где же взять такие деньги?

И все же мать достала деньги для Сашки, но было уже поздно. Те джинсы, которые должен был приобрести Сашка, были куплены другим.

А однажды мать застала сына за тем, что он штопал старый пуловер.

– Купил у товарища, – пояснил Сашка, – всего за пять рублей. У них собака разодрала этот пуловер…

Мать обняла сына:

– Отнеси ты ему эту вещь. Отдай, не позорь себя, сыночек…

И Сашка отдал, а мать достала вскоре такой, почти такой же свитер.

Сашка ходил в одной рубашке: синей в клеточку. Однажды девчонки ему сказали:

– Что, у тебя больше рубашек нет?

Сашка поначалу смутился, но, верный себе, нашелся и перевел разговор в шутку:

– А представьте себе, их сто штук, и все одного цвета. Точно так же у меня сто штанов, сто трусов и сто маек.

Вспомнил я Ушинского, который обрушился на благородных девиц, надушивших его шляпу. Обрушился, возмущенный их бестактностью. «Ведь вы же здесь специально изучаете нравственность, а не знаете того, что портить чужую вещь духами или другой дрянью неделикатно! Не каждый выносит пошлости. Наконец, почем вы знаете… может быть, я настолько беден, что не имею возможности купить другую шляпу… Да куда вам о бедности! Не правда ли… ведь это фи… совсем унизительно!» (Из воспоминания воспитанницы пансиона Водовозовой).

Мне понятны нравы благородных девиц, развращенных монастырским духом пансиона. Но откуда у наших девочек 14–15 лет такое перерождение, когда девчонка не в шутку, а всерьез заявляет: «Я полюбила его за то, что у него несколько фирменных джинсов». Или: «Он понравился мне, потому что таких дисков больше ни у кого нет». И этот вещевой ажиотаж нередко поощряется семьей.

Сашка ненавидел вещи, потому что они разобщали, разъединяли, сеяли вражду, обижали: всего этого он не сформулировал, но как-то по-своему почувствовал.

Потому и не любил школьные вечера, куда можно было

приходить не в форме. Потому и забирался в эти вечера на самую верхотуру, в кинобудку, и оттуда следил за всем происходящим: за девчонками в длинных, фантастически прекрасных платьях, в ярких брюках, за соперниками в кожаных куртках, истертых до самого современного лоска.

Ах, не понять всего этого учителям!.. Как быстро люди забывают свое детство, теряют остроту ощущений, горькую взволнованность совершенно несбыточных притязаний. Ложный стыд?! А может быть, не ложный? Может быть, вообще – не стыд? А нельзя ли сыграть в такую игру: отсутствие материального – это и есть духовное… А так ли это? Нет, конечно, не так. Ребенок создан для красивых вещей. Они ему нужны, чтобы приобщиться к другим. Ну что же делать, если вещи обладают способностью приобщать.

Разве невольно не проникаешься симпатией к человеку, если его одежда соответствует твоим вкусам, всего лишь твоим представлениям о стандарте, норме. Как хотите это назовите. Одежда – визитная карточка человека. Потом может быть другое. Но мало ли что потом…

– А я не могу с ним рядом стоять, – говорит девчонка. (И все из-за одежды: ей стыдно.)

Нечто подобное Сашка Пушнин слышал постоянно. Разве такое легко перенести, если нет жизненного опыта? И здесь дело не только в одежде. Есть еще и акценты. Вкусы. Разговоры. И все это подростками схватывается мгновенно. За два-три часа, по моим наблюдениям, пятьдесят-шестьдесят только что приехавших из разных городов подростков рассортировывали по «малым группам», которые, как правило, отражали общность образовательного, демографического и прочих уровней. Потом, конечно, кое-что переигрывалось. Но то потом. А первоначально расклады обозначались жестко избирательно. И неизвестно, как с лидерами, но с отвергнутыми зачастую решалось изначально.

> Для себя я определил одно незыблемое правило: непременно говорить с детьми о том, что их волнует. Снимать тяжесть. Повышать личностный статус. Укреплять чувство собственного достоинства.

У меня как педагога эти явления всегда вызывали вопрос: «Как быть?»

Для себя я определил одно незыблемое правило: непременно говорить с детьми о том, что их волнует. Снимать тяжесть. Повышать личностный статус. Укреплять чувство собственного достоинства. И запретов на разговоры быть не должно.

Я размышлял с детьми и о нужде, о том горе, какое может выпасть или уже выпало на семью человека. Иногда я говорил робко, иногда с иносказанием, иногда читал стихи на нужную тему.

Мне приходилось занимать и такую позицию. Скажем, читая Бернса, именно такие строчки, как «Кто честной бедности своей стыдится и все такое прочее, тот самый жалкий из людей, трусливый раб и прочее», я рассказывал о том, что духовная сила – ничем не заменимая ценность. Ах, как приятно мне было в среде детей возгордиться и своей бедностью, и шальной уверенностью в своей счастливой звезде, и забыть наедине с ними обо всех своих неудачах, о тайных слезах, обо всем, что могло бы как-то снизить уровень моего педагогического донкихотства… И как я бичевал при этом пороки, как ненавидел жирную сытость, с какой сатирической ненавистью я воспроизводил перед детьми картины с откормленными, лоснящимися в складках затылками – всякую отвратительную всячину… И как это моим милым подросткам нравилось. И тот, кто был беден (а у меня было много таких детей: работал в интернатах), как-то приподнимался в своих глазах. И потом старался быть чище, лучше.

Детям нужен духовный сотоварищ, духовный сообщник, духовный соучастник их жизни, их переживаний, их тревог!

9. Оптимизм педагогики Любви и Свободы – в том, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не оставлять ребенка в беде

Размышляя над короткой Сашкиной жизнью, над опасными треволнениями Люды Гуровой и над десятками судеб самых разных подростков, чья жизнь была на волоске от катастрофы, я неожиданно пришел к поразившим меня выводам.

Во-первых, по крайней мере во время своего этого исследования, я избавился начисто от комплекса вины перед теми детьми, о которых я так или иначе писал. Мне казалось, что на этой теме должен лежать запрет, да, обыкновенный человеческий запрет. Запрет из самых этических соображений: нельзя живым напоминать о смерти. Нельзя человеческую смерть, тем более смерть ребенка, «эксплуатировать» как средство раскрытия каких-то специальных проблем. Нельзя близким погибших напоминать о трагическом случае. Нельзя никого травмировать и прочее. Этих «нельзя» было предостаточно.

Но потом я узнал, что неизбежность детской смерти действительно сопутствует жизни детских коллективов. На каждую тысячу старшеклассников один находится под угрозой

использовать это свое трагическое право.

Один из врачей, специалист в области соматической психологии, заметил:

– Это закон. И здесь медицина бессильна. Вот сейчас три часа дня. И среди живых и здоровых подростков несколько ребят размышляют о смысле жизни и, возможно, о смерти. Десять приговоренных. Весь вопрос, кому из них повезет. Все дело случая…

Другой подтвердил, дав несколько иную аргументацию:

– Естественный отбор. Судьба. Выживаемость.

А третий стал говорить о синдроме «суженного сознания» – «ячейке», через которую проходит большинство. Причем эта ячейка является своеобразным рубежом жизни.

– Иногда ячейка зауживается настолько, – пояснил мой собеседник, – что становится для ребят роковой петлей…

Все эти объяснения меня как педагога не устраивали, потому что они не помогали устранить причины… Больше того, они подтверждали неизбежность детских самоубийств.

> Для ребенка возможность смерти – открытие. Как логический вывод оно созревает в подростковом или в юношеском возрасте. Как эмоциональное решение закрадывается в сердце ребенка в раннем детстве: семь-восемь лет. Мы, взрослые, тщательно, чуть ли не изо дня в день готовим ребенка к познанию смысла смерти.

Нет, не устраивала меня медицинская гипотеза смерти подростка. Я видел в этом явлении этико-педагогическую сторону.

Забегая вперед, сразу хочу сказать о выводе, к которому неизбежно должен был прийти, а именно: взросление неразрывно связано с раздумьями о двух полярных явлениях: смерти и возможности реализовать себя. Познание смысла жизни невозможно без проникновения в смысл смерти.

Для ребенка возможность смерти – открытие. Как логический вывод оно созревает в подростковом или в юношеском возрасте. Как эмоциональное решение закрадывается в сердце ребенка в раннем детстве: семь-восемь лет. Мы, взрослые, тщательно, чуть ли не изо дня в день готовим ребенка к познанию смысла смерти. Готовим, когда рассказываем сказки с убийством зверей, злодеев. Когда рассказываем героические истории. Когда показываем трагические картины. Когда включаем экран, полный трагических сюжетов. Когда показываем, как гибнет природа. Когда на глазах у детей умерщвляем животных, птиц, рыб. Когда уничтожаем вредных насекомых. Мы легкомысленно

безответственны в своем приобщении детей к трагическим явлениям жизни. Мы радуемся, когда после нашего рассказа («А он как даст, из того сразу и дух вон!») губы ребенка начинают вздрагивать, а из глаз начинают выкатываться крупные слезы. И не подозреваем, что в этот момент закладываем в подсознание детей своего рода программу, которая будет давать о себе знать до самых последних дней жизни человека.

В этот период ребенок осознает и *самоценность* своей жизни. Он начинает понимать, что он для родителей – самое дорогое существо, и чисто эмоционально готовит (многократно) самые тяжкие наказания для своих родителей: например, свою собственную смерть, которую он преподнесет им за незаслуженные обиды. Ах, как иногда дети любят рисовать в своем воображении картины собственных похорон! И это только воображение, потому что история педагогики не знает случаев, когда бы малыши отваживались на такой страшный акт возмездия.

> Предотвратима любая катастрофа! Как бы ни хотелось произносить те нужные сокровенные слова в банальном оформлении, необходимо говорить с подростками о ценности человеческой жизни, о смысле человеческой смерти, гибели, трагическом исходе, подвиге, кончине. Ибо удержать отчаявшегося подростка может только человеческий голос, идущий от человеческого сердца.

Второй период осознания себя через право на смерть проходит в подростковом возрасте. Здесь эмоциональное сливается с логическим, и тем опаснее становится этот момент жизни человека.

Не всегда подросток приходит к катастрофическим решениям из-за цепочки конфликтов. Иногда ребят поражает случайность возникновения их жизни. Сам факт, что родился именно он, а не кто-то другой (один из миллионов возможных), звучит величайшим открытием. Иногда в пятнадцать-шестнадцать лет подростку кажется, что он в этом мире все узнал, все испытал, что ничего интересного в жизни не будет, поэтому и жить бессмысленно. Часто подростки (в особенности девочки) жестко осознают возможную свою неустроенность в жизни; иногда, не видя перспектив, усваивают и развивают такой лейтмотив своего самосознания: «Лучше бы я не родилась. Зачем я должна мучиться, если я не смогу достигнуть того-то и того-то?»

Большинство людей взрослых, занимающихся умственным трудом, с которыми я говорил, подтвердили, что мысль

об окончании жизни приходила им в подростковом или юношеском возрасте. И почти все отметили, что этот период исканий самого себя даже через трагическое заканчивается к восемнадцати-двадцати годам. Таким образом, размышления подростков о смысле своего существования довольно часто затрагивают и вопросы своего права на смерть. Но беда не в этом. А в том, что таким ходом размышления человек как бы подготавливается к акту смерти. И когда создаются вдруг невыносимые условия и всплеск эмоциональной энергии захватывает ребенка, некоторые не выдерживают перенапряжения и делают свой последний, роковой шаг.

Нет, не правы профессор медицины и его коллеги. Предотвратима любая катастрофа! Как бы ни хотелось произносить те нужные сокровенные слова в банальном оформлении, необходимо говорить с подростками о ценности человеческой жизни, о смысле человеческой смерти, гибели, трагическом исходе, подвиге, кончине. Ибо удержать отчаявшегося подростка может только человеческий голос, идущий от человеческого сердца.

Как надо сказать подростку о том, что жизнь дарована именно ему великим волшебником – природой, что великий *грех* (не надо бояться этого слова) втаптывать в землю этот прекрасный дар.

Как важно поведать детям о том, что уходящая жизнь – всегда трагедия для других, особенно для самых близких.

Как важно добиться, чтобы дети пришли к пониманию, что высшее счастье – это просто быть, чувствовать, видеть, мыслить, делать, дерзать, терять и находить!

Как важно своевременно увидеть назревание катастрофы в глазах подростка, в его движениях, в его словах, как важно научить товарищей прислушиваться к биению пульса своих друзей, чтобы прийти на помощь, чтобы не оставить в беде.

Это как раз та педагогика, которая способна снять возможность появления эффекта «суженного сознания».

10. Нравственное чувство и нравственная вера – вот что способно объединить взрослых и детей

– Все у меня изменилось, – рассказывает Люда, – потому что я вступилась за Сашку. Я несколько раз говорила, что мы все: и ребята, и учителя – виноваты в его смерти. Ему уже деться было некуда, вот он и решился на такое. Вы даже не представляете, как это бывает, когда на одного сразу наваливаются и родители, и учителя, и класс… Раньше мне было легко учиться. Все ко мне

хорошо относились. А когда это случилось, все стало наоборот. Чуть опоздаю, ну буквально на тридцать секунд: «Марш к директору». Описка в контрольной – тройка. Вот, гляньте…

И Люда вытащила из сумки тетрадь по алгебре. Смотрю работу (после я покажу эту контрольную опытному методисту, который оценит ее пятеркой), читаю замечания в дневнике: грубила, плохо работала на пришкольном участке, опоздала, примите меры, Люда дерзит, мешает классу учиться… Вслушиваюсь в ее слова:

– И мои родители, конечно, верят не мне, а им, учителям. И тоже на меня: «Хулиганкой растешь». А тут еще и класс. Стали мне говорить, как тогда Сашке: «Тебе что – больше всех нужно? Чего ты лезешь и споришь с учителями? Из-за тебя одни собрания пошли и разбирательства». А вчера, когда Екатерина Ивановна пришла и сказала: «Вот снова наш класс плохо дежурил… Все из-за Гуровой», – то все ребята закричали: «Хватит нам с ней возиться, пусть уходит в другую школу». Я встала и ушла. Думала, хоть мои прежние подруги меня найдут, но никто не нашел. Вы даже не представляете, как мне обидно стало. Я, конечно, и на следующий день в школу не пошла. Поехала на Сашкину могилу. И здесь стало мне страшно. Так захотелось им всем отомстить! «За что же так все они против нас с Сашкой? – думаю. – Что мы им плохого сделали?» А самой так хочется исчезнуть… Нет, нет, не думайте, это я так просто. Я никогда не сделаю того, что сделал Сашка.

> У веры, если она истинна, если она основывается на бескомпромиссности нравственного закона, есть нечто особое. В отличие от слепой веры, вера истинная, основанная на убеждениях, обнажает совесть, придает свободе человеческой воли ту законченность формы, благодаря которой содержательная духовность обретает материальную силу.

Люда говорила все это спокойно, даже улыбаясь. Поправляла при этом волосы и даже чуть-чуть, как мне показалось поначалу, кокетничала. Моя мысль металась в догадках: «Что с ней? Что истинно в ее словах, а что нет?» И вдруг непонятность мгновенно исчезла, и я почувствовал горький стыд от своих диких предположений. Люда вдруг заплакала. Лицо ее стало красным. А потом вмиг слезы исчезли, и она снова сделала попытку улыбнуться.

– Ты понимаешь, какая штука, – стал я рассуждать, – я тебе в двух словах расскажу о своем отношении к людям. Оно во многом совпадает с твоим прежним отношением. Сейчас

у тебя несколько изменилось все. Но это временно. Так вот, все, на кого ты злилась, они не совсем такие, какими порой кажутся. В каждом сидит добро и зло. И добра, представь, больше, чем зла. Вот, знаешь, сразу после дождя бывают большие лужи. И вода стоит на месте. А стоит крохотный ручеек сделать, как вода тут же вся и выбежит. Так и с людьми. Иной раз одного слова, одного ручеечка достаточно, чтобы люди стали добрее, чтобы зло у них улетучилось.

Ох, как я верил тогда в свои слова, как я хотел, чтобы Люда тут же мгновенно приняла мою философию. Собственно, в тот момент это не было моей какой-то новой версией или средством убеждения, в этих словах бурлила моя собственная противоречивость, которая и была разбужена детской тревогой, прикосновением к человеческой сути.

Размышляя над педагогическими проблемами, я всегда убеждался в том, что этот искрящийся контакт, когда общение с ребенком заряжает тебя новой нравственной силой, является главным в воспитании. И я был несказанно счастлив, что эти контакты вдруг очистились и дали ту единственную нравственную искру, которая исключала какое бы то ни было недоверие или невозможность осуществления какого-то замысла.

У веры, если она истинна, если она основывается на бескомпромиссности нравственного закона, есть нечто особое. В отличие от слепой веры, вера истинная, основанная на убеждениях, обнажает совесть, придает свободе человеческой воли ту законченность формы, благодаря которой содержательная духовность обретает материальную силу.

И как важно и веру, и совестливые побуждения, и доверие, и свободу воли тут же материализовать в разумных педагогических действиях.

11. Не смотрите на ребенка сверху вниз

Говорить с детьми о самых главных вещах – о смысле жизни, о смерти, Любви, Свободе – и по самому высшему счету, без скидок на детскость, говорить как с равноправными гражданами, говорить так, как говорил бы ты с самим собой или с самым близким человеком, – вот что разрешает нравственное противоречие.

Назначение человека, смысл жизни, действование и самосовершенствование до последнего вздоха и, наконец, бессмертие – вот те пределы, в рамках которых должны быть объяснены подросткам их повседневные тревоги. Не касаться этих проблем – значит оставить детей в том состоянии нравственной

неразбуженности, в котором многие из них пребывают, уже став взрослыми людьми.

Разговор с Сашкиными одноклассниками я начал с каких-то оговорок и извинений.

– Я не сомневаюсь, что вы меня поймете, – сказал я, – хотя, возможно, кое-что может показаться вам оскорбляющим память вашего товарища. То, что я скажу, не принадлежит мне. Я просто объясню вам то, что сформулировало для себя человечество. Я хотел бы рассмотреть сам факт случившегося как бы в двух плоскостях. Первая – чисто теоретическая. – И тут, взяв томик Канта, я стал фактически комментировать его такие высказывания: «Лишение себя жизни есть преступление… Уничтожить в своем лице субъект нравственности – это то же, что искоренять в этом мире нравственность в самом ее существовании, потому что она в человеке, а ведь лицо есть цель сама по себе, стало быть, распоряжаться собой просто как средством для любой цели – значит унижать достоинства человечества в своем лице, которым и был введен человек для сохранения».

Я говорил о том, что человек является самоцелью, что его назначение – жить, действовать и сохранять себя (Спиноза), что назначение человека, его смысл жизни, счастье – в любви (Достоевский), что величайший закон человеческого бытия – благоговение перед всем живым (А. Швейцер). И наконец, подвел снова ребят к первоначальной мысли: «лишение себя жизни есть величайшее преступление».

– Но совсем по-иному, – продолжал я, – все это развивается в самой жизни.

И тут я стал говорить о тех противоречиях, которые вдруг человеку кажутся безвыходными, и об эффекте «суженного сознания», и о необратимости явления.

– Понимаете, когда я узнал о случившемся, первым делом обвинил себя… Я через некоторых ребят вашего класса знал о складывающихся не совсем нормальных отношениях в коллективе и не набрался смелости, чтобы вмешаться в ваши дела. Конечно, никто из нас не знал и не предполагал такого исхода, и все же этот факт что-то приоткрыл: не так мы живем, не так относимся друг к другу. Не думайте только, что я хочу вас подвести к некоему признанию собственной вины.

Хотя мы, взрослые, не сможем снять с себя вину. Мы долго говорили с Екатериной Ивановной (она тут же сидела со слезами на глазах), которая остро переживает свою вину, ей необыкновенно тяжело, и ей просто необходимо помочь.

Девочки на последней парте стали о чем-то переговариваться,

и я не удержался:

– Вы что-то хотите спросить?

И тогда одна из них приподнялась и сказала:

– Мы долго говорили и раньше об этом, и мы не снимаем с себя вины. Мы виноваты в Сашиной смерти. Мы видели, как он метался в последние дни.

– А потом он был самым справедливым и самым честным среди всех нас. А мы еще пытались его переделывать.

Ах, этот удивительный подростковый нравственный максимализм! Стоит ему чуть-чуть прорваться, едва обозначиться, как он становится тут же неуемным и может мгновенно сыграть двоякую роль: всколыхнуть добрые чувства, разбудить нравственное начало и может обуглить то доброе и светлое, что есть в детях.

Как важно избежать последнего! Как важно своевременно избавить детей от ненависти, самоуничтожения, озлобленности. То, что дети заговорили горячо и правдиво, задело самые лучшие мои и Екатерины Ивановны человеческие струны, оттого и пошло все дальше хорошо и ладно.

– Самое главное, ребята, что вы понимаете свою вину. И как мы выйдем из этого трагического случая – благородными и честными или мелко-ничтожно-трусливыми – в этом сейчас главный вопрос. Забыть товарища, вычеркнуть его из жизни своей – это такая же подлость, как предать живого. Поэтому если мы сделаем все, чтобы сохранить память о Саше, – это и будет наш человеческий долг. И пусть этот долг совершит каждый, кто чувствует потребность в его совершении.

Тут я рассказал о школьниках, которые на заработанные деньги поставили товарищу памятник, украсили могилу цветами, не забывали родителей погибшего мальчика.

– Однако, – продолжал я, – нельзя из этого факта делать очередное «мероприятие по подписке». Кто сможет, тот будет участвовать в этом, а кто по каким-либо причинам не сможет, не надо его заставлять… Я тут говорил с одним вашим родителем, он засомневался: «Откликнутся ли сами ребята на такое дело?»

Снова поднялись девочки и сказали, что напрасно сомневается этот родитель, что такая мысль уже была у класса.

– Хочу коснуться еще одной темы, – сказал я. – Эта тема может показаться вам несколько необычной. Но я верю в то, что она не покажется вам странной. Я хочу несколько слов сказать о ценности человеческой жизни, о бессмертии человека. Самое ценное на земле – человеческая жизнь, это понятно. И ценность ее, мне кажется, именно в бессмертии. Народы, семьи,

отдельные люди неизбежно гибли, агонизировали нравственно, если забывали свое прошлое. Бессмертие наших предков и в том, что они нам дали жизнь, что они сделали возможным сохранить наше существование. А наше бессмертие будет в том, что мы дадим другим это человеческое право, в том, что мы сохраним себя и в добрых поступках, и в добрых сердцах. И Саша бессмертен, потому что мы непременно сохраним его в нашем сердце и память о нем передадим нашим детям и внукам. Мы запомним его улыбку, все то хорошее, что было в этом удивительном мальчике. И снова я должен извиниться перед вами, что говорю как бы не своими словами. Перед тем как идти к вам, я прочел заключительную сцену из романа Достоевского «Братья Карамазовы», где дети вместе с Алешей встретились у могилы вашего ровесника. Что меня поразило в этом трагическом кусочке романа? Вся эта сцена написана Федором Михайловичем удивительно светло и, я бы сказал, жизнеутверждающе.

– Прочтите! – закричали ребята так дружно, что я сразу ощутил: сложный рубеж скорби, вины, сострадания оказался позади. У детей, у меня, у Екатерины Ивановны как будто наступило то радостное ощущение, без которого не может быть нравственного обновления.

– «Согласимся же здесь, – начал читать я спокойным голосом, – у Илюшина камушка, что никогда не будем забывать – во-первых, Илюшечку, а во-вторых, друг об друге. И что бы там ни случилось с нами потом в жизни, хотя бы мы и двадцать лет потом не встречались, все-таки будем помнить… его всю жизнь…» А вот теперь, – прервал я чтение, – Достоевский сформулирует главную мысль своей педагогической философии. Послушайте эти слова: «Знайте же, что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть… И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение…»

Была тишина в классе.

Лица были сосредоточенные. И – красивые. Будто ветер коснулся их, обжег одним, общим для всех переживанием.

* * *

Что бы я ни делал в последние месяцы: писал или читал лекции, общался с педагогами ли, с детьми, разбирался в новых педагогических казусах или читал книги, меня неотступно преследовала мысль о Саше, его учителях, сверстниках, матери. Трагический случай был для меня своего рода стетоскопом, с помощью которого я прислушивался к себе и к другим, к своим собственным отрицаниям и утверждениям.

Мысль неотступно вертелась вокруг двух, казалось бы, полярных явлений: близкого и далекого в воспитании, макро и микро, масштабно отдаленного и крохотного близлежащего…

Революция, войны, литературные герои, братские могилы, семьи павших, чьи адреса я вижу в школьных комнатах, – все это область масштабно-глобального, того далекого, которое воспитание делает, должно сделать близким, тревожно-приближенным для каждой человеческой души. Здесь школе на помощь приходят кино, литература, телевидение, встречи с очевидцами и участниками исторических событий.

> Трагизм близких людей – мам и пап, бабушек и дедушек, учителей и знакомых, товарищей – все это область близкого, отношение к которому формирует личность, помогает понять далекое.

Трагизм близких людей – мам и пап, бабушек и дедушек, учителей и знакомых, товарищей – все это область близкого, отношение к которому формирует личность, помогает понять далекое.

У близкого и далекого одна основа – нравственный идеал: Любовь и Свобода. Как между близким и далеким не должно быть пропасти, так и между Любовью и Свободой невозможно воздвигнуть стену. Любая попытка разъединить эти две области непременно оборачивается нравственной ущербностью.

Глава 2
Счастье вашего ребенка

1. Понятие счастья у всех разное

Когда, мы говорим о счастье своих детей, то неизбежно опираемся на традиции и представления, которые живут в нас, взрослых. Они естественно определяют собственные взгляды на счастье каждого из нас. Отсюда и разница в средствах и методах.

Одни, чтобы сделать ребенка счастливым, заботятся о его всестороннем развитии, тратят время и силы на поиски лучших учителей, чтобы занять сына или дочь музыкой, фигурным катанием, научить иностранному языку, увлечь искусством, приохотить к книгам… В одной семье рос мальчик – им можно было залюбоваться: вежлив, эрудирован, спортивен. А в девятом классе он неожиданно стал резким, нервным. Родители на цыпочках перед ним ходили, думали – пройдет, объясняли: возрастное. А через полтора года юноша глубоко обидел отца и мать. Значит, развитие его оказалось все-таки дисгармоничным.

Другие, чтобы сделать ребенка счастливым, пекутся о его самочувствии. Установки этих родителей: пусть играет сколько хочет, развивается согласно своим наклонностям, поступает, как ему вздумается. И в первые годы такой стиль воспитания необъяснимо притягателен: ребенок свободен, раскован, остер на слово, предприимчив. А через какое-то время вседозволенность порождает своенравие. Самостоятельность, не озаренная светом разумности, не подкрепленная потребностью совершать добрые поступки, выводит подростка на опасную грань потребительства. В нем разжигается страсть достижения любых целей любыми средствами. Без труда, без усилий, без напряжения. «Хочу» и «дай» – формулы его бытия.

Предвижу вопрос: так что же, и так плохо, и эдак нехорошо? Выходит, всестороннее развитие противоречит гармоничному воспитанию? Отнюдь. Но гармоничное воспитание должно вестись гармоничными же средствами.

Основа основ этих средств – бережный подход к растущему человеку, то есть умение взрослых «переключаться» на трепетность детского мировосприятия, приближаться к подлинности детской души. Что это значит? Заметьте, стоит вам только сказать малышу: «Вот видишь, ты ударил куклу, а она и заплакала», как ребенок сразу же «видит» слезинки

у резинового человечка, «слышит» всхлипывания игрушечного товарища. Такого рода восприятие – закон детской жизни.

Вот эту-то особенность родители всегда должны учитывать: делая замечания ребенку, предъявляя к нему требования, надо самому четко сознавать, к кому их предъявляешь.

Нередко родители говорят:

– Не слишком ли сложны педагогические требования для каждой мамы и каждого папы? Так воспитывать детей могут, вероятно, только особо одаренные профессионалы-педагоги?

2. Все родители обладают педагогической интуицией. Великое счастье – дать простор этому человеческому дарованию

Талант великой радости воспитания, приобщения к возвышенным минутам человеческого счастья в самом будничном труде скрыт в каждом. И развернуться может мгновенно – стоит только захотеть, задуматься. Попробуйте-ка проанализировать действия сверстника наших детей и их любимца Тома Сойера. В самую черную минуту отчаяния на него снизошло вдохновение! Вспомните, когда все его друзья шли купаться, а ему надо было красить бесконечно длинный и унылый забор, какая блестящая педагогическая идея пришла ему в голову!

Талант великой радости воспитания, приобщения к возвышенным минутам человеческого счастья в самом будничном труде скрыт в каждом. И развернуться может мгновенно – стоит только захотеть, задуматься.

– Что, брат, заставили работать? – насмешливо посочувствовал Тому его приятель Бен. Но Том подчеркнуто демонстрировал свое полнейшее безразличие ко всем мирским утехам и необыкновенную, упоенную страсть к порученному делу. Как художник, он водил кистью, отступал назад и любовался творением своих рук. И когда Бен, сначала пораженный, а затем томимый желанием приобщиться к искусству новоявленного мастера, стал клянчить, Том снизошел: как бы нехотя уступил Бену кисть и ведро с белилами в обмен на сочное яблоко.

Юный герой Марка Твена, конечно же, хитрил. Но ведь в его поступке просматривается, как сказал бы современный социолог, неосознанная, неоформленная догадка: чтобы приобщить к неинтересному, казалось бы безрадостному, труду, надо показать наслаждение, которое может доставить этот труд.

Наслаждение куда более заманчивое, чем простое пользование такими дарами жизни, как яблоко, солнце, река.

> Детство – особое психическое состояние. Оно – синоним творчества и энергии.

Детство – особое психическое состояние. Оно – синоним творчества и энергии. Если вы хотите, чтобы сын или дочь немедленно пошли за вами, перестройтесь таким образом, чтобы состояние самых лучших минут вашего собственного детства вспыхнуло вдруг и озарило вас и детей. Если вам удалось заинтересовать ребенка каким-либо полезным делом, думайте над тем, как поддержать радостное стремление ребенка работать, – самое ценное из человеческих стремлений.

Заметьте, Том Сойер не дремал, когда сидел на бочке, грызя яблоко и наблюдая за тем, как усердствует Бен. Его мысль неустанно работала: он расставлял сети для новых добровольцев. Мальчишки подходили то и дело, начинали с насмешек и – оставались белить забор. Работа превратилась для них в увлекательное занятие.

Воспитание неизбежно перестает быть действенным, если лишает удовольствия как наставников, так и питомцев. Мало того, общение с детьми должно быть радостным, даже веселым. И, разумеется, не должно сопровождаться затаенно-ироническими оттенками – дети их улавливают и распознают.

3. Счастье – нравственная обязанность человека

Если вы хотите, чтобы ваш ребенок вырос счастливым человеком, поставьте перед собой цель: пусть как можно больше будет в его детской жизни счастливых минут.

Однако все это не так просто. Практическая «философия жизни» порой опрокидывает теорию, оказывается сильнее научных доводов, опыта человеческой культуры. «Нам в детстве жилось нелегко, – рассуждают некоторые родители, – пусть наши дети не знают перенесенных нами трудностей. Пусть они растут счастливыми». Смысл этих суждений прост: как можно лучше кормить и одевать ребенка. Ни в чем ему не отказывать. И установка на *такое* счастье нередко оборачивается бедой и для взрослых, и для детей.

> Когда детские глаза светятся умом, любовью, щедростью, люди вокруг стараются делать все как можно лучше.

Наука о воспитании – это наука о том, как сделать человека счастливым.

– Научить? – слышу я голос своего оппонента. – Научить быть счастливым? Это вздор.

– Но почему же? – вступаю я в спор. – Если счастье – это переживание полноты жизни, постоянный подъем творческой энергии, связанный с раскрытием духовных и физических сил ребенка, то гармоничное воспитание гармоничными средствами может и должно научить человека, как стать счастливым.

– Значит, вы ограничиваете счастье только эмоциональной стороной? Разве счастье не является нравственной категорией?

– Оно имеет отношение к нравственности. Ведь жизненный подъем детской энергии является источником питания творческой среды.

– Как это понимать?

– Когда детские глаза светятся умом, любовью, щедростью, люди вокруг стараются делать все как можно лучше. Неслучайно многие педагоги называют счастье высшей нравственной обязанностью человека, подчеркивая, что оно разрешается на стыке двух величин: личности и общества.

– Значит, счастье – это и обязанность?

– Давайте подойдем к этому вопросу с другой стороны. Если ребенок выполняет наши требования со слезами на глазах, то, согласитесь, такое повиновение ведет к деформации личности. Противоположность счастья – горе, опустошенность, когда жизнь проходит без радостных всплесков души, когда неспособность к достижению целей, самоутверждению оборачивается незащищенностью, заниженностью притязаний, страхом раскрыть себя, скованностью. Вы считаете все это нормой, а счастье – отклонением?

– Я так совсем не считаю. Просто жизнь состоит из ряда обязанностей, которые человек должен выполнять независимо от своих душевных всплесков, от того, интересно ему это или нет.

– Но мы же говорим о воспитании, задача которого сделать все неинтересное интересным, увлекательным. Только охотное выполнение долга формирует подлинность убеждений, закаляет детский организм, скрепляет жизненными силами все стороны детской души, делает ребенка целенаправленным и энергоспособным.

– Разве не трудности закаляют человека? Больше того, необходимо, наверное, воспитывать способность переносить страдания?

– А почему трудности должны делать ребенка несчастным? Какие трудности? Умственные и физические занятия? Потеря

друга? Обиды и оскорбления?

– Хотя бы эти…

– Настоящее воспитание ставит своей целью научить достойному преодолению трудностей и преград. Что касается страданий, то их ведь специально организуют. Может быть, я не прав, но склонен занять такую позицию: все, что мешает человеческому счастью, должно быть по возможности преодолено в воспитании.

> Подлинный воспитатель – всегда философ. И как только перестает им быть, так оказывается во власти деятельного невежества. Ребенок живет, а не воспитывается.

– А не воспитаем ли мы в результате этаких оптимистов-бодрячков, которым будут чужды сострадание, сочувствие? Мне ближе все-таки позиция Сухомлинского и Корчака, которые не отделяли сочувствие от сострадания. Мне кажется, стоит только чуть-чуть допустить отклонение, как правильная счастливость выльется в этакий бравурный марш по головам. Ведь сострадание – это величайшая способность человека переживать чужое горе как свое собственное. Нельзя заглушать то, что принадлежит человеческой культуре…

Таковы две точки зрения. У читателя может сложиться мнение, будто спор чисто философский и к практическому воспитанию не имеет отношения. Это не так. Подлинный воспитатель – всегда философ. И как только перестает им быть, так оказывается во власти деятельного невежества. *Ребенок живет, а не воспитывается.* Чем ярче его жизнь, тем больше позитивных эмоций, тем полноценнее и здоровее воспитание. Детство является особым психическим состоянием, в котором чувства и разум слиты. Одну из примет этого состояния можно назвать эвристической наклонностью души: постоянные открытия, неуемная энергия. Взволнованная пытливость несется будто на крыльях, решения приходят мгновенно, увлечения и интересы накатываются, как волны в шторм. Удивительная концентрация энергии!

Итак, мы рассмотрели одну сторону детской гармонии: эмоционально-деятельностную, экспрессивно-творческую, увлеченно-самозабвенную. Развитие ее требует выполнения ряда правил: не избавлять ребенка от полезных занятий, а окружать ими; не втискивать в рамки, выкроенные по меркам наших представлений, а постоянно расширять диапазон собственно детских увлечений, *помнить – не нашу, а свою жизнь должен прожить ребенок.*

Не избавлять ребенка от полезных занятий, а окружать ими; не втискивать в рамки, выкроенные по меркам наших представлений, а постоянно расширять диапазон собственно детских увлечений, помнить – не нашу, а свою жизнь должен прожить ребенок.

Но есть еще вторая сторона человеческого «я» – это тонкость души, это та сфера личности, которая находится в самых глубинных пластах духовно-нравственных образований. Это и мера культуры ребенка, это уровень развитости человеческих потребностей, который в конечном счете определяет подлинность счастья. Как формировать эту изначально первородную сторону, как к ней прикасаться?

То, что нельзя в нее вламываться, брать на вооружение грубые средства, насилие – это понятно. А вот какие ключи надо подобрать, чтобы помочь ребенку самораскрыться и самоосуществиться – без чего о счастье не может быть и речи?

Зароните в душу ребенка хотя бы крохотную, но жгучую потребность в полезной деятельности – только в этом случае детское самосовершенствование может стать неодолимым желанием.

4. Гармонизация потребностей

Философы, психологи, педагоги и социологи согласны в том, что основание человеческого «я» составляют потребности, их сочетание, противоречивый синтез желаний, мотивов сопротивлений, удовольствий и неудовольствий, разочарований и надежд. Потребности, которые вырабатываются с нашей помощью самим ребенком, его усилиями, его собственным напряжением. Потребности, которые дорисовывают контур личности, прочерчивают главные линии человеческого поведения, определяют отношение ребенка к себе, к своим близким, к другим. Потребности, которые соединяют детскую активность с добрым отношением к людям, человеческую радость с трудом, самораскрытие с развитыми формами общения.

Если у ребенка потребность в деятельности вытеснила потребность в другом человеке – неизбежно появление самовлюбленности.

Если потребность в другом человеке, в других людях приглушила интерес к своей собственной неповторимости, к своему собственному «я» – происходит обезличивание человека, исчезает то ценное начало, которое ведет к развитию дарований и способностей.

Если интерес к самому себе и сила самоутверждения станут доминировать в поступках нашего питомца – это чревато зарождением самых разных и весьма неприятных свойств: эгоцентризма, неприспособленности к жизни, бездеятельной мечтательности и т. п.

И только в постоянном сочетании эти три потребности – в деятельности, в человеке, в самосовершенствовании – могут обогатить друг друга.

> Если у ребенка потребность в деятельности вытеснила потребность в другом человеке – неизбежно появление самовлюбленности.
>
> Если потребность в другом человеке, в других людях приглушила интерес к своей собственной неповторимости, к своему собственному «я» – происходит обезличивание человека, исчезает то ценное начало, которое ведет к развитию дарований и способностей.

Но не кроется ли тут одно непременное условие: счастливого ребенка может растить только счастливая семья?

Если так, то в какой же мере наше родительское счастье определяет счастье ребенка? Как научить детей понимать и трудные минуты в жизни своих родителей, бабушек и дедушек, окружающих? Как вызвать у ребят потребность вникать в чужую судьбу, в чужое горе? Как сделать, чтобы проявление сочувствия не было бы для ребят тягостной обязанностью?

Как-то мне пришлось беседовать с одной крайне огорченной мамой. Она жаловалась: я дала дочери все, что могла, отказывала себе во всем, а в ответ – черная неблагодарность. Почему? За что? Я ответил: да, это несправедливо. Ребенок не должен за счет ущемления близких удовлетворять свои потребности, это губительно скажется на его характере, на личности.

Мне нередко возражают: мол, все это хорошо говорить, а как практически поступать? Да так и поступать: просто и твердо. Когда я покупаю себе красивую вещь, то вижу мелькание завистливых искорок у своего сына. Но и замечаю вместе с тем: ему доставляет радость, что его отец имеет эту вещь. И в его мальчишечьей оценке – «фирменное» – звучит гордость. И она, эта гордость, «побивает», как выразилась одна моя ученица, вот эту завистливую искорку. Но я непременно при этом говорю, что мы постараемся и ему купить нечто «фирменное». И знаю – он будет ждать, когда что-то будет куплено маме (и он сам будет принимать участие в покупке), а потом уже ему. Такова логика здоровых семейных отношений.

Детская жестокость нередко является следствием избытка здоровой психики, которая не хочет соприкасаться с людской болью.

Конечно, детская бессердечность – это самое тяжкое горе. Истоки ее в том, что ребенок, находясь в своеобразном счастливом «небытии», просто не желает замечать ни горя, ни одиночества, ни других сложных переживаний взрослых. Детская жестокость нередко является следствием избытка здоровой психики, которая не хочет соприкасаться с людской болью. Но она, эта детская психика, будет по-настоящему здоровой, когда смягчится участием в чьей-то чужой судьбе. Но отнюдь не таким путем надо добиваться участия, каким пытаются заполучить его некоторые мамы: я тебе новую куртку – ты мне сердечную доброту.

– Значит, все-таки нельзя воспитывать только радостью, только на высоких, ликующих тонах? – слышу новый вопрос.

– Естественно, ограничиваться только радостью никак нельзя. Ведь, скажем, страдания никто специально не готовит. Но коль они имеют место в жизни, надо научить ребенка с достоинством выходить из трудных ситуаций, при этом не забывая о других. Подчеркиваю – *о других*.

Имею в виду воспитание такого свойства характера у ребенка, как доброта: ведь это и долг, и нередко отказ от собственных удовольствий. И не тот добр и щедр, у кого всего много и он какую-то часть отдает другим, а тот, кто готов отдать последнее. Но речь идет вовсе не о жертвоприношениях! Для ребенка становится величайшим открытием испытание себя настоящим благородством.

5. Не только обстоятельствами воспитывается человек, но и самим собой

Человека воспитывает вся жизнь, и от обстоятельств зависит многое. Но еще больше зависит от самого человека. Личность потому и личность, что несет в себе нравственные начала и независимо от условий проявляет себя достойно в любой среде.

В мире чувств ничего не происходит само собой: это не менее сложная и трудоемкая работа сердца, мозга, души, чем учение или любая другая работа. Поэтому я бы сказал: «Если вы научите ребенка любить – вы научите его всему!»

Но некоторые педагоги утверждают, что достаточно правильно организовать жизнь ребенка, главным образом трудовую, и тогда вообще все встанет на свои места в его характере.

Это не совсем так. В мире чувств ничего не происходит само собой: это не менее сложная и трудоемкая работа сердца, мозга, души, чем учение или любая другая работа. Поэтому я бы сказал: «Если вы научите ребенка любить – вы научите его всему!»

Такой вывод может оказаться неожиданным. Давайте проверим его. Скажем, если труд не опосредован отношением к человеку, то какова цена этому труду? В труде ребенок может познать всю полноту человеческого счастья, всю полноту своей любви к человеку – не имеет значения, к кому именно: к отцу или матери, бабушке или тете Даше, товарищу или близкому человеку, учительнице или целому коллективу школы. Ведь смысл человеческого существования и заключен в том, что человек, живя «для себя», живет и для других людей. Если человек только для себя (со своим трудом даже!), то зачем такой человек?

Я уже говорил, что в решении проблемы, как гармонично совместить в одном человеке силу духа, закаленность с душевной тонкостью, умением сопереживать, чуткостью и добротой, готовых рецептов нет. Но есть основной принцип – воспитание счастливого ребенка. Снова повторю вопрос: во имя чего труд, любой нравственно-гражданский поступок? Только во имя человека. Во имя семьи, товарищей, общества. Во имя полного раскрытия дарований и способностей каждого на благо всех.

Глава 3
Мастерство индивидуального развития

1. Целесообразно, чтобы ребенок сам творил свою систему отношений

Становление личности ребенка напоминает мне чем-то полет птицы в весеннюю пору: вроде бы знает, куда летит, и вроде бы – нет, то, набрав высоту, камнем падает вниз, то стремительно уносится под облака.

Глядишь на мальчонку, и вроде бы в его глазах появился тот радостный блеск открытия самого себя, без которого не может быть личности. Торопишься остановить мгновение, а глядь – ничего и нет!

Может быть, желаемое выдаем за действительное! Обманываем самих себя?

Но снова ждем. Следим с пристрастием. Так хочется ускорить все: чтобы и талант обнаружился, и способности, и здоровьем чтобы не был обделен.

Уверенные, что знаем своего ребенка, мы говорим ему много слов – красивых и правильных, строгих и добрых. Но как часто единственно необходимое слово оказывается придавленным нашим самолюбием, высокомерием, авторитарностью. Психология взрослого по отношению к ребенку строится на непременном стремлении воспитывать воспитывать, воспитывать. Поэтому и давим на воспитание, чтобы, признаемся, обеспечить какой-то относительный покой и себе. Мы принимаем в расчет занятия с детьми, как и сотни бытовых дел, начиная от стирки и кончая чисткой картошки. Напоминаем постоянно детям о своей загруженности.

Но у ребенка тоже забот немало. Если бы можно было на кинопленке зафиксировать, как планирует иной школьник свое время, мы, рассмотрев ее, посочувствовали бы тем драматическим коллизиям, в которые он попадает изо дня в день. Пять уроков, и к каждому готовиться надо. Потом, после уроков, кружок или занятие музыкой. К тому же надо быстро убежать из дома, чтобы на лыжах прыгнуть с самого большого трамплина, – и все это держать в тайне. Потом за каких-нибудь двадцать минут выучить уроки и – главное – чтобы мать не вздумала проверять. Отец – это хорошо. Ему скажешь: «Уже все выучил». А он в ответ: «Молодец. Теперь книжку почитай» – и сунет что-нибудь с мелким шрифтом. Говорит, пора уже

серьезную литературу читать. Конечно, не совсем удобно читать и одновременно смотреть телевизор, но если наловчиться, то можно в книжку и не глядеть. Главное, ее повыше держать, на уровне глаз, и периодически задавать отцу умные вопросы вроде: «А что такое «конвенция», “брахманы”?»

> Научной педагогикой и психологией доказано, что в формировании личности ребенка участвуют и сам ребенок, и обстоятельства, и воспитатели, а процесс становления личности происходит в различных сферах деятельности.

И вот что удивительно. Живут люди. Вроде бы знают друг друга, и все же у каждого свой мир. Свои маленькие и большие тайны. Что же это такое – мир человека, именуемый психологией личности?

С помощью линейки и циркуля можно, конечно, вычертить структуру личности. Но как далека она будет от живого маленького человека! Кроме того, структура передаст лишь статику основных черт личности. Разумеется, без плоти и крови, без тайн и надежды, без грустных интонаций и задорного смеха.

Значит ли это, что в психологической структуре личности ребенка нет устойчивых элементов? Конечно, не значит. Устойчива сама личность как нечто целостное. И суть этой целостности в том, что она сохраняется лишь в движении. Без движения, без действия нет характера, способностей, темперамента, самосознания и ценностных ориентаций личности.

Научной педагогикой и психологией доказано, что в формировании личности ребенка участвуют и сам ребенок, и обстоятельства, и воспитатели, а процесс становления личности происходит в различных сферах деятельности.

Всемогущая потребность растущего человека познать, освоить постоянно открывающийся перед ним мир часто приводит к самым неожиданным результатам. Его организм, чувства, психика не только безудержно тянутся к импонирующим жизненным явлениям, но и как бы сливаются с ними. Дети становятся неотъемлемой частью этого живого, необыкновенного, властного и яркого мира желаний, стремлений и притязаний. Возникают органические связи ребенка с окружающей действительностью, способствующие физическому и нравственному росту личности.

Что такое река, лес, товарищи, футбольное поле, просто хождение по улицам для ребенка? Это не нечто второстепенное. Это и жизнь, и цель, и источник огромных наслаждений, нравственных, эстетических, физических. Это целый мир

переживаний, столкновений характеров, воли. Это напряженный поиск самого себя, своего места в жизни, своего отношения к вещам, к природе, к обществу в целом.

Посмотрите вокруг глазами своего детства. Побывайте в тех местах, где вы жили ребенком. И вы почувствуете, как самые обыденные вещи станут одухотворенными даже не в силу своей красоты, а в силу того, что эти детали реального мира врезались в память вместе с вашими далекими переживаниями детства.

Вы обозреваете не просто зеркальную гладь реки, а отдельные ее уголки. Вот с этого обрывчика вы впервые прыгнули, прыгнули для того, чтобы вас не посчитали трусом. Этот обрывчик вам долго не давал покоя. Снился. Вы и сейчас смотрите на других малышей, которые петушатся, скачут на одной ноге, стараются перекричать друг друга, смотрите – и вас охватывает волнение, смешанное с грустью о безвозвратно ушедших в прошлое чудных годах детства.

2. Человек считает себя счастливым, когда у него есть возможность стремиться к наслаждению, к удовольствию, к удовлетворению своих потребностей

Очень часто ребенок, приходя домой, садится выполнять уроки во имя одной цели – поскорее забыть о них и убежать к сверстникам. Многие родители используют естественное стремление ребенка на «улицу», к товарищам как один из главных факторов, побуждающих детей к учению. «Выучишь уроки, а потом пойдешь гулять», – говорят они. Говорят, не сознавая, что, возможно, это гуляние и окажется главным воспитателем ребенка. Говорят, уверенные в том, что осуществляют воспитание. Думают о воспитании и забывают о той жизни детей, которая приносит им радость, к которой они стремятся и которая становится главным организующим условием развития детей, основой их воспитания.

Не случалось ли вам видеть восторженные или заплаканные ребячьи лица в тот самый момент, когда киносеанс неожиданно прерывался? Как органична в этот момент связь настроений, запечатленных на киноленте и на лицах детей. Их настолько увлекает мир, созданный на экране, что они забывают о самих себе. И все это оставляет определенный след в их душах, шлифует саму природу характера, личности ребенка.

Ребенок сам творит свое воспитание. Задача взрослых состоит в том, чтобы помочь ему в полную меру развить свои способности, и помощь эта состоит отнюдь не в благоговении

перед совершенством детской природы, а в создании воспитывающих условий, в умении разумно организовать жизнь ребенка, увлечь такими занятиями, которые полнее раскроют его природные данные.

Как по-разному подходят родители к воспитанию детей, мы покажем на конкретных примерах, в основе которых лежат наблюдения и обобщения автора.

Знакомя читателей с жизнью Вовки Зарубина и его сверстников, я хочу чуть-чуть приподнять тот занавес, за которым скрывается интимный мир ребенка, мир его чувств и влечений. Мне хочется еще раз показать, что с нашими детьми в каждую минуту может происходить нечто очень важное, способное стать определяющим в их развитии.

3. Ребенок постоянно находится во власти острейших противоречий. Помогите ему преодолеть преграды. Не отмахивайтесь от детских невзгод

…Вовка учит уроки. Изредка из кухни раздается голос матери: «Читай вслух». Сегодня Вовка получил по природоведению двойку – на улицу его не пустят. «Мхи и лишайники растут с северной стороны», – машинально твердит Вовка, глядя в окно. За окном – товарищи. Им нужен Вовка, иначе игра в футбол не состоится.

– Мам, ну я уже выучил все, я пойду погуляю? – тянет он.

– Никаких гулянок, запомни, ты сам себя наказал!

Вовка приоткрыл окно. «Выходи быстрее!» – кричат ребята. Душой он уже с ними. Да и перемахнуть через окошко одна секунда! Но мама! Как разведет потом: «Я для тебя все, а ты…» А ребята показывают новый мяч, ярко-желтый, блестящий. Приходит решение пойти и по-настоящему попросить мать, которая часто повторяет: «Ты лучше прямо всегда говори». «Вот если она меня поймет сейчас, – думает Вовка, – я все для нее сделаю!»

Мать посмотрела на сына: «Ну, что еще?» – «Мама, – сказал Вовка, – если ты разрешишь мне погулять, я никогда не буду получать…»

Больше Вовка ничего не успел сказать. «Ах ты негодник! Ты еще условия ставишь!» Мать замахнулась на сына полотенцем, и Вовка выбежал из кухни. Первым делом он швырнул на стол учебник. Теперь уйти без спросу он уже считал себя вправе. «Мхи и лишайники растут с северной стороны», – выпалил Вовка, спрыгивая с подоконника.

Однако обычного удовольствия от футбола он не получил.

Нервничал, спорил, дважды бросал игру. Под конец подрался с Лешкой. Уже совсем стемнело, а возвращаться домой не хотелось. Несколько раз он заглядывал из-за кустов к себе в окно. Соседка что-то показывала матери. Они обе смеялись. Этого он никак не ожидал. «Ребенка нет дома, а она хоть бы что, – подумал он с обидой, – не нужен я ей, ну и ладно». Потом слышал, как мать звала его, как ребята ей отвечали: «Да был он здесь». Вовка знал: теперь мать побегает, поволнуется. Он тихонько вышел со двора и побрел вдоль улицы. Пришел домой поздно.

Вот невзгоды одного дня Вовки Зарубина. Были, конечно, и радости. Он не только решил контрольную по арифметике, но и ловко передал решение задачи на соседнюю парту, где сидел Лешка. Ну а самой большой его удачей было то, что он заступился за Костю Боева. Костя самый маленький в классе. Ребята дразнят Костю «хромым» (он действительно хромает на одну ногу). Когда сегодня Витька Швагин стал дразнить Костю, Вовка пригрозил ему: «Получишь». – «От тебя?» – рассмеялся Витька. «От меня, – сказал Вовка. – Вот скажи еще раз». – «И скажу», – и раз десять прокричал нараспев: «Хромой!» Вот тогда Вовка и ударил его.

Костя принес сегодня в класс книжку «Легенда о Тиле». Дальше Вовка не запомнил. Рассказывал Костя о ней все перемены. И как интересно! «Ты сам читаешь книжки, – допытывался Вовка, – тебя никто не заставляет? Вслух читаешь?» Вовка никак не мог понять, как это можно самому взять и читать книжку, вместо того чтобы пойти гулять или, скажем, мастерить что-нибудь дома, если на улицу не пускают.

Сегодня он решил сам попробовать. И если бы не эта дурацкая история с двойкой по природоведению, он, наверное, много бы прочел.

4. Ребенок перед сном должен быть спокоен

У каждого ребенка целый мир тайн. Эти тайны с особой силой оживают перед сном. Не оставляйте ребенка в одиночестве, когда он охвачен тревожным состоянием. Забота о добром и спокойном сне – это забота о нормальном психическом развитии ребенка.

В комнате было темно. Свет от фонаря падал на кровать, где лежала лицом к стене мать. Мальчик прислушался. Хотелось спросить ее о чем-нибудь. Но боялся услышать в ответ: «Я с тобой не хочу разговаривать». Снова в голове замелькали события дня. После уроков они решили с Костей забежать на почту за марками,

но его задержала учительница. «Чем объяснить твое поведение?» – спросила она строго. Потом говорила, что он на уроках все время отвлекается, сидит за партой, развалясь, и всякое такое. Затем пришли старшеклассники – шефы. Учительница попросила их прямо при всех: «Поговорите с Зарубиным: ведет себя безобразно». А те как пристали: «Чем ты интересуешься? С кем дружишь? Что тебе непонятно?» Вовка молчал. И думал, что, вот если сейчас его отпустят, он еще догонит Костю и они вместе выберут самые интересные марки. Когда же, наконец, все кончилось и он помчался на почту, Костю там не застал. «Скорее бы уж стать взрослым», – мечтал Вовка.

В голову лезли самые неожиданные картины. Вот он большой, и у него дети, которым он все разрешает. «Как же это ты, братец? – обращается он к сыну, который получил двойку. – Ну, ничего, давай разберемся». Сын говорит ему: «Марки нужны, знаешь, какие в магазине новые марки?» – «Ну что ж, давай сходим за марками». Приходят в магазин, ему, отцу, все улыбаются, предлагают марки. Кто-то говорит: «Какой добрый отец». И сын шепчет отцу: «Ну, папа, я теперь буду стараться». Потом приснилось ему что-то очень страшное. Он заплакал во сне. Открыл глаза: мать склонилась над ним.

> У каждого ребенка целый мир тайн. Эти тайны с особой силой оживают перед сном. Не оставляйте ребенка в одиночестве, когда он охвачен тревожным состоянием. Забота о добром и спокойном сне – это забота о нормальном психическом развитии ребенка.

Мать склонилась над сыном. Понятны ее тревоги. Она воспитывает его одна, без отца. Отец умер, когда мальчику было два года. Кем станет сын? Каким человеком вырастет? Вспомнилось свое нелегкое детство в военную пору. Как ей хотелось учиться дальше, закончить вуз, несмотря ни на какие трудности. А вот сын, которому, казалось, предоставлены все возможности, учится из-под палки. Только одно на уме: гулять, гулять. Анну Ивановну никогда никто не заставлял учиться. Она перебирала в памяти знакомых, родственников. Многие из них уделяли куда меньше внимания воспитанию детей. Она, кажется, все отдает сыну, во многом себе отказывает, и вот результат. А что будет дальше? В чем она ошибается? Может быть, меньше обращать внимания на проказы сына? Ведь мальчишка…

Она вспомнила, как брат ее, который недолго гостил у них, заметил: «А знаешь, сестра, за утро ты раз десять сказала Вовке: “Быстрее, а то опоздаешь в школу”. – «Что же ты предлагаешь? –

спросила она брата. – Не опаздывать же ему в самом деле». – «Пусть лучше опоздает, чем привыкает к няньке. Пусть с вечера сам ставит себе будильник, сам встает, сам одевается, сам завтракает. Я согласен, что он может и опоздать. Но это сначала. А ты знаешь, как в школе встречают опоздавших? Весь класс кричит: «Соня!», учительница выговаривает. Не очень-то приятная процедура для опоздавшего. Сам не захочет. Твои заботы, бесконечные напоминания ничего, кроме вреда, не принесут. Будь требовательнее, иначе испортишь парня!»

Тогда Анна Ивановна поспорила с братом. «Слава богу, уехал, – бурчал Вовка, – нашелся мне еще один учитель». – «Не смей так говорить о нем», – пригрозила мать, хотя внутренне разделяла Вовкино настроение.

Слова брата, которого она всегда считала чересчур рассудочным, прозвучали для нее как черствое наставление. Она верила в то, что добро порождает только добро, а жестокость – только жестокость. Сегодня от нее не укрылся виноватый взгляд сына, его, как ей казалось, готовность попросить прощения. «Но тогда откуда у него стремление причинить мне боль?» – задавала она себе в который раз один и тот же вопрос. Может быть, причина в том, что у нее не всегда хватает терпения и выдержки?

Анна Ивановна задумывалась над тем, как воспитывают другие матери своих детей. На родительских собраниях учительница всегда ставила в пример Юру Винника. Его мать, Мария Алексеевна, даже рассказывала как-то о своем опыте на собрании. Она говорила известные вещи, и Анна Ивановна сама все это знала и делала, а сын рос все-таки не таким, каким бы ей хотелось. Единственно, чему позавидовала она, это спокойной уверенности Марии Алексеевны, ее знанию того, что ей нужно для достижения цели. Не в этом ли главное?

5. Вся суть раннего воспитания таится на перекрестьях игры и труда. От «безоблачного» детства к лени, праздности, потребительству – всего один шаг

О том, как воспитывала своего сына Мария Алексеевна, как развивала его интересы, как предъявляла требования, добиваясь их совпадения с желаниями ребенка, есть смысл рассказать. Приведем несколько моментов из жизни еще той поры, когда Юра не ходил в школу.

По вечерам Мария Алексеевна читала сыну книжки. Она наблюдала за ним и видела – Юра увлечен судьбой героев. Мать спросила как-то: «Ну, о чем я тебе читала? Расскажи».

У сына вырвалось: «Забыл». И это слово он повторял каждый раз, когда ему предлагали рассказать о прочитанном. «Неужели ничего не помнишь?» – настаивала мать. «Все забыл, – твердил Юра и тут же просил: – Ну, читай же дальше». Или: «Прочти еще раз».

Она задумывалась: «Память у мальчика неплохая. Сам научился читать, считает до двухсот. Когда ему было три-четыре года, знал наизусть всего «Мойдодыра», а сейчас не может выучить стихотворения в десять строк! Решила так: «Больше читать не буду. Ни строчки». И захлопнула «Мюнхгаузена» на самом интересном месте. Сын стал упрашивать. А Мария Алексеевна сказала: «Ты помнишь все. И пока не перескажешь хотя бы кусочек – читать не буду!»

Сын пристально смотрел на мать. Он словно говорил: «Ну хорошо, ты раскусила меня. Но мне неинтересно пересказывать, даже скучно. Ты сильнее меня и потому заставляешь».

Так показалось Марии Алексеевне, и она взглядом своим ответила: «Ничего не выйдет, дружок. Ты не разжалобишь меня своей грустной миной». А вслух сказала: «Пересказывать интереснее, чем читать». Сын согласился. Разумеется, предварительно поторговался: «Чтобы только всю до конца прочла книжку».

К удивлению матери, Юра вдруг сосредоточился и попросил: «Прочти еще раз вот отсюда и досюда». Мать прочла. А что такое повелитель? А что такое казначей? А что такое ярость? А что такое дочиста? – посыпались вопросы. Раньше такого не было. Мать стала объяснять.

Мария Алексеевна еще больше удивилась, когда Юра почти слово в слово пересказал прочитанный эпизод.

Мать повторила «опыт» дважды и убедилась, что мальчик может усвоить (с небольшими отклонениями) прозаический текст в сто с лишним слов. Да к тому же ребенку приходится размышлять, напрягаться, работать.

Все это так, все, наверное, правильно. Но вовсе не потому я так подробно рассказал об этом эпизоде. Сущность его значительно глубже, серьезнее. Вот это словечко «забыл» в какой-то мере отражает сложность развития дошкольника.

С одной стороны, малыш восприимчив, живет эмоционально, образами. Яркий, красочный мир его всецело поглощает, и ему неохота мыслить.

Разумеется, ребенок мыслит и без нашего вмешательства. Мы же говорим о роли воспитателя, который должен создать необходимые условия для более плодотворного развития ребенка.

Что может получиться, если этого не сделать? «Забыл» превратится в привычку не задумываться. Вырабатывается самое опасное – лень думать. Это состояние в условиях школы обычно характеризуют так: мальчик способный и, если бы захотел, был бы отличником.

Вторая ситуация.

Юра играет с детьми. Ему пора есть. Но он не бросит игру из-за еды. Он боится оторваться хоть на несколько минут от деятельности, которая доставляет ему огромное удовольствие. И сколько обиды, даже злости рождается у малыша, когда мать насильно уводит его в дом: «Я не буду есть! Я не люблю суп! Я больше никогда не буду играть!.. Я буду стоять в углу!..» В этих словах не только чувство обиды, но и сознание «фатальности», всесильности окружающих обстоятельств. Убежденный в несправедливости взрослых, ребенок возбуждает в себе мрачные чувства. «Вот возьму заболею и умру», – говорит он. Мать пытается успокоить: «Такой пирог на столе, а ты умирать собрался…»

А мальчик говорит серьезно, он уже видит себя в постели, окруженным испуганными родными. Все ему обещают: «Будешь играть, сколько захочешь, только выздоровей…» И что интересно: через каких-нибудь несколько минут жуткие образы безвременной его кончины вытеснены приятно щекочущими в носу запахами супа, пирогов и прочей снеди. «А умирать не стоит, – смеется мать, – лучше помыть руки и за стол». После обеда мальчик опять убегает к друзьям.

> Зачастую родители не замечают, каким тоном они говорят с детьми, как спрашивают о полученных отметках, вообще о школьных делах, как предъявляют требования, как радуются удачам или выражают свое огорчение.

Еще одна ситуация.

Юра уже долгое время занят игрой. Мать говорит: «Пойдем книжку почитаем». Сын увлечен и отвечает, что никаких книжек он не хочет. «Ты ведь не знаешь, какая книжка. Про тигров, бегемотов и четырех котов… Почитаем, а потом займемся одним интересным делом. Впрочем, если не хочешь…»

Сын догоняет мать: «Скажи, какое интересное дело? Ну скажи! Ты обманываешь?» – «Разве я когда-нибудь тебя обманывала?» И сын соглашается: сначала читают книжку, потом готовятся к приходу отца: у него сегодня день рождения, надо успеть испечь пирог, накрыть праздничный стол…

Зачастую родители не замечают, каким тоном они говорят

с детьми, как спрашивают о полученных отметках, вообще о школьных делах, как предъявляют требования, как радуются удачам или выражают свое огорчение. Все эти «как» и есть область педагогического искусства, стиля взаимоотношений родителей и ребенка. Следует различать форму и содержание этого стиля. По тону здесь может быть много оттенков, начиная от простовато-грубоватого до нежно-интимного. В одной семье обычны поцелуи и объятия, в другой «нежностей» стыдятся. В одной семье пользуются уменьшительно-ласкательными обращениями, в другой культивируют мужественную суровость, подчеркнутую строгость. В одной предпочитают деликатные выражения, условности, в другой называют вещи своими именами.

Все это разные формы отношений, содержанием которых может быть подлинный гуманизм, основанный на взаимоуважении и взаимопонимании.

Дети же обладают исключительной способностью распознавать за любой формой общения суть его содержания, то есть истинное отношение к себе.

Дети же обладают исключительной способностью распознавать за любой формой общения суть его содержания, то есть истинное отношение к себе.

Мы рассказали о том, как Мария Алексеевна, пользуясь разными приемами, игровыми методами, правильно сформулированными требованиями, приучала Юру к определенному порядку, воспитывала в нем способность понимать необходимость тех или иных занятий. Она сознательно переключала внимание и энергию мальчика на те виды деятельности, которые должны были прививать сыну полезные привычки, чувство долга. Она не строила иллюзий на тот счет, что воспитанность придет сама по себе, явится ответом на ее любовь к мальчику. А вот Анна Ивановна все позволяла Вовке и эту свою нетребовательность рассматривала как проявление доброты, которую впоследствии должен будет оценить сын.

6. Общение со сверстниками – важнейшее условие нормального развития ребенка

Юра Винник учится вместе с Вовкой в третьем «Б» классе. Отличник. Необыкновенно спокойный. Избегает шумных игр и шалостей. Всегда такой чистенький и причесанный. Ходит в музыкальную школу. Когда ребята протяжно-визгливо дразнят

его за спиной: «Сыночек», он вздрагивает, но никогда не оборачивается. Первым потянулся к Виннику Костя Боев. «Ты знаешь, сколько у него книг, – рассказывал он Вовке, – а картины какие, а радиодеталей сколько? Хочешь, пойдем к нему?» Вовка в ответ только плечами пожал. К Винникам они отправились в воскресенье: Костя, Лешка Миронов и Вовка. Застали они Юру за интересным занятием: он сооружал крепость с бойницами, подземным ходом, орудиями, телефоном. Крепость располагалась в саду – лучше места не придумать. Стали строить еще одну. Предстояло сражение. Вышел Юрин отец, Павел Федорович. Он попросил зачислить его ну хотя бы в саперы. Для ребят это было не совсем обычно. Еще больше ребята удивились, когда вышла Юрина мать. Мария Алексеевна сказала, что она будет ведать медпунктом, который разместится в комнате. Там же будет и «плен». И пообещала, что с пленными будут обращаться очень гуманно, даже выдадут ореховое варенье.

Подготовка к сражению была необыкновенно веселой, хотя и пришлось здорово потрудиться. Пот лил градом: копали новые траншеи, запасные позиции. Когда уже все было готово к бою, стали разрабатывать тактику и правила «войны». Как-то само собой получилось, что командовать стал Вовка. Он возмущался нерасторопностью своих солдат, бранил их за малодушие, то и дело кричал: «Быстрее! Огонь! Снаряды! В обход! За тылом смотри!» Ребята не обижались. Зато сколько было радости, когда удалось водрузить флаг на вражеской крепости!

Потом пили чай. А после Костя попросил показать картины. Юра вытащил огромный альбом с репродукциями. Медленно перелистывая его, он рассказывал о каждом художнике. Потом стали говорить о книгах. Книжки читали Костя и Юра. «Я тебе могу дать почитать кое-что», – предложил Вовке Юра. Вовка был несколько удивлен (никаких книг, кроме учебников, он не читал), но отказаться не решился.

Дома он, захлебываясь от восторга, рассказывал матери: «Ты знаешь, как у них интересно? Книги, картины! Мать какая замечательная…»

Когда ребята ушли, Мария Алексеевна словно невзначай заметила:

– Если бы я была мальчишкой, я бы непременно подружилась с Вовкой. Наверное, он хороший товарищ. На него можно положиться.

– Да, – поддержал Павел Федорович, – такого не проведешь. А как он учится, Юра?

– Не очень. Дина Дмитриевна говорит, что у него способности, но ленивый и плохо ведет себя. Смешит всех

у доски. Кривляется.

– Все-таки он мне понравился. Ловкий, энергичный, наверное, очень смелый. Ты обратил внимание, Юра, как он быстро догадался о вашем маневре обойти с тыла?

Мы часто бываем недовольны детьми. Думаем: «Откуда это у них?» Но если мы глубже заглянем в самих себя, то сможем увидеть причину проявления «нежелательных качеств» в нашем ребенке. «Яблоко от яблони недалеко падает» – эта пословица с фатальным оттенком. Но в ней мудрость народа. Наш характер, наша культура, наши убеждения, наш темперамент неизбежно оказывают влияние на ребенка.

7. Что передаем мы детям?

Мы хотим, чтобы дети переняли лучшие наши черты. И это естественно. Но дело в том, что характер ребенка складывается под влиянием всей его жизни. Ребенок впитывает в себя все, что он видит, с чем сталкивается. В процессе своей деятельности он перерабатывает полученные данные, что-то принимает, а что-то отбрасывает. При этом принято может быть и дурное, и хорошее.

Если наши достоинства и недостатки, черты нашего характера могут выступать в качестве воспитательных средств, то само собой разумеется, что значение всех своих особенностей и возможностей содействует более позитивному влиянию на ребенка.

Мы хотим, чтобы дети переняли лучшие наши черты. И это естественно. Но дело в том, что характер ребенка складывается под влиянием всей его жизни. Ребенок впитывает в себя все, что он видит, с чем сталкивается. В процессе своей деятельности он перерабатывает полученные данные, что-то принимает, а что-то отбрасывает. При этом принято может быть и дурное, и хорошее.

Мария Алексеевна отдает себе отчет в том, что может дать своему сыну она, а в чем лучше повлияет на развитие мальчика ее муж. Жизнь, которой живет Юра, насыщенна: учение, общее развитие, воспитание необходимых привычек, досуг на воздухе, комнатные игры. Мать сумела привить сыну любовь к живописи, музыке. Она привлекает мальчика к решению нравственных задач, учит его разбираться в людях. Отец Юры – радиолюбитель. Трудно сказать, станет ли Юра, занимаясь с отцом,

радиолюбителем, но то, что в процессе совместных занятий он получит определенные трудовые навыки, некоторые знания по физике, это уж точно. В квартире, где живет Юра, одна из комнат скорее напоминает мастерскую. У окна небольшой верстачок. Рядом стол с деталями, стеллажи для инструментов, поделок и моделей.

8. Сердцевиной гармонического развития является энергия. Страсть движет воспитанием. Увлеченность, бесстрашие, отвага – без этих качеств нет личности

В семье, казалось бы, созданы все условия для всестороннего развития мальчика. И тем не менее Мария Алексеевна чувствует, что в ее воспитательной практике есть существенный изъян. Он кроется в чрезмерном программировании всей жизни сына. Юра сам почти не выбирает поле действий. Его деятельность является преимущественно результатом точно созданных и рассчитанных ситуаций. То есть инициатива исходит не от самого ребенка, а от родителей. И хотя создается впечатление, что Юру интересует дело, выбранное матерью или отцом, подлинного интереса у него нет. Не исключена возможность, что когда-нибудь сын скажет родителям: «Вы за меня думали, вы рассчитали каждый мой шаг, каждое мое движение. Хватит! Я хочу хотя бы один раз в жизни поступить так, как именно мне хочется. Пусть я ошибусь, но это будет моя ошибка, которую я сам исправлю».

Трудно сказать, какая это будет ошибка. А вдруг она окажется роковой?

Да, Юра аккуратен, прилежен, внимателен на уроках и при подготовке домашних заданий, точно выполняет все требования взрослых. И только там, где нужны инициатива, решительность, а возможно, и риск, он беспомощен. Мария Алексеевна понимала, почему ученики дразнят его «маменькиным сынком». Она чувствовала в этом и свою вину.

Теперь, сравнивая сына с его товарищами, она обратила внимание на то, что Вовка более живой, из него прямо-таки рвется энергия. Она понимала, что Вовка менее воспитан, менее организован, чем ее сын. Вовка может сесть где угодно и как угодно, не заботясь о том, испачкает при этом брюки или нет. Он вмиг перелезет через любой забор, перепрыгнет через любую канаву.

Мария Алексеевна впервые задумалась над тем, что в воспитании сына надо что-то менять, нужно как-то расшевелить мальчика. Она понимала и другое: что внести эту

поправку в жизнь сына очень трудно и что для этой роли, наверное, самый подходящий человек – Вовка Зарубин, который стал теперь часто у них бывать. В том, что для самого Вовки общение с ее сыном будет тоже полезным, Мария Алексеевна не сомневалась. Впрочем, результаты уже сказались. Вовка начал читать книжки и однажды заговорил не о футболе, машинах или пистолетах, а о книгах и картинах.

Мария Алексеевна ясно понимала, что «внесение поправок» в развитие сына будет протекать не легко и не безобидно. В этом она скоро убедилась.

В одно из воскресений Юра пришел домой со слезами. За ним с виноватым видом плелся Вовка.

Ребята катались на лыжах. Вовка с Юрой оказались на самой высокой горке. Внизу трамплин. Вовка предложил спуститься, но Юра смотрел вниз со страхом. Съезжать наотрез отказался: высоко! Тогда Вовка стал уговаривать Юру. Юра колебался. И случилось так, что Вовка слегка подтолкнул товарища с горки, а затем съехал сам. Упали они вместе. Вовка смеялся, а Юра обиделся и поплелся к дому. Вовка бросил ему вдогонку: «Ну и катись!» А потом, подумав, решил сам пойти к матери Юрки. «Понимаете, – стал он убеждать ее, – там нисколечко не высоко и совсем не страшно, я ему говорил, а он никак. Ну я и… Вот пойдемте, посмотрим. Там такой маленький трамплинчик». – «А что, в самом деле, это мысль! Пойдем посмотрим». Юра удивленно взглянул на мать, ему никак не хотелось идти к той злополучной горке. «Я как раз собиралась в магазин. Пойдем, Юрок», – весело сказала мать, и сын неохотно согласился. Горка была недалеко. Вовка с криком: «Вот смотрите!» – разбежался и на этот раз красиво слетел с трамплина. Юра с завистью смотрел на товарища. «А ты попробуй, Юра, это же действительно не страшно», – сказала мать, а Вовка с криком: «Я еще не так могу!» – снова влезал на горку. «Иди, Юра! Не бойся!» – кричал Вовка, демонстрируя свое мастерство. Юра стоял на месте, не шевелясь. Мать сказала ребятам: «Ну, вы побудьте здесь, а я пойду».

На обратном пути Мария Алексеевна увидела сына съезжающим с горы. «Мама, – кричал он, – совсем не страшно!» И в голосе, и в движениях сына Мария Алексеевна уловила раскованность, а в лице живую радость.

Говорят, надо быть близким детям. Как достигается такая близость? Какова ее мера?

Близость – это прежде всего помощь ребенку в трудной ситуации, когда он находится в состоянии внутреннего конфликта.

Съехать с горки – пустяк. С точки зрения взрослого. Для ребенка же подобный поступок может оказаться решающим. Страх, который однажды победит, – способен пустить корни, сковать душу. Необходимо учить ребенка преодолевать страх.

Этим самым родители избавят своих детей от ненужных и тяжелых страданий, своевременно предотвратят появление таких черт, как мнительность, трусость. Совершенно естественно, что помочь может тот, у кого больше знаний, опыта. Взрослые, обладая этими серьезными преимуществами перед детьми, сами должны определить меру вмешательства.

9. Без авторитета нет воспитания. Авторитет родителей достигается высокой требовательностью и уважением к ребенку, к его интересам

Раньше мне казалось, что взрослый, занимающийся воспитанием, должен непременно быть только вместе с детьми, а не «над». Потом я пришел к выводу, что «вместе», во-первых, иллюзия. Даже те, кто утверждает, что близость с детьми достигнута, что расстояния никакого нет, обманывают самих себя. Во-вторых, «только вместе» невозможно, так как помимо общности у взрослых и детей есть, разумеется, различные сферы занятий, деятельности, которые находятся в разных плоскостях. Это «разъединение» закономерно и естественно. Больше того, дети должны это различие сфер хорошо понимать, это научит их считаться с жизнью своих родителей, с их интересами.

Позиция воспитателя по отношению к детям не может быть постоянной. В одних случаях он должен быть «вместе» с детьми, в других «над». И только одно можно утверждать с уверенностью: возведение в абсолют одной из этих позиций неизбежно ведет к отчуждению, к ненормальным отношениям. Абсолютизация позиции «вместе» приведет к тому, что родители для детей, как писал Макаренко, станут Гришками и Машками, приведет к панибратству, к развитию детского эгоизма. Возведение позиции «над» в абсолют – прямой путь к грубому насилию над личностью ребенка.

Позиция воспитателя по отношению к детям не может быть постоянной. В одних случаях он должен быть «вместе» с детьми, в других «над». И только одно можно утверждать с уверенностью: возведение в абсолют одной из этих позиций неизбежно ведет к отчуждению, к ненормальным отношениям.

Прилежание кажется Вовке недосягаемой вершиной. Посоветовавшись с Анной Ивановной, Мария Алексеевна однажды сказала Вовке: «Ты как-то говорил, что можешь все, если захочешь. И я верю в это: ты сильный человек. Подари мне одну тетрадь по арифметике без единой помарочки». – «У меня нет такой тетради», – сказал удивленный Вовка. «Я знаю, – улыбнулась Мария Алексеевна, – но через месяц у тебя могла бы быть такая тетрадь».

Вовка, конечно, не осознавал той власти, которую с некоторых пор приобрела над ним Юркина мать. В ее присутствии ему хотелось быть лучше, смелее, увереннее. И это ему удавалось: он мог выбрать самый спелый арбуз, он мог мигом открыть любую банку консервов, мог даже починить ботинок. И каждая его удача сопровождалась восклицаниями женщины: «Смотри, Юра, какой Вова ловкий и умелый!» С семьей Винников Вовка ездил на рыбалку с ночлегом и даже на два дня в деревню. Он замечал, что мать в последнее время, когда он начинал расхваливать Винников, уже всех подряд, мрачнела, и даже боялся, как бы однажды она не сказала: «Хватит о Винниках. Больше туда не пойдешь».

Одним словом, для Юркиной матери он сделал бы что угодно, не только тетрадку без помарок. Но сколько трудов доставила она ему! Сколько раз он переписывал! И вот однажды такая тетрадка без помарок была закончена. Мария Алексеевна взяла тетрадку и положила ее рядом с Юркиной. Конечно, тетрадь Юры была куда чище. Как ни старался Вовка, а углы все равно чуть-чуть отгибались, края потемнели, в некоторых местах были заметны отпечатки пальцев. Но Мария Алексеевна не обратила внимания на эти мелочи. Она сказала: «Действительно, Вова, ты сильный человек! Спасибо тебе большое».

Нельзя сказать, что у Вовки после этой тетрадки появились и прилежание, и аккуратность, но то, что наметилось какое-то совершенно новое отношение к занятиям, было очевидно. Это заметили и учителя.

Думая о своем сыне, Мария Алексеевна постепенно разобралась в допущенной ею ошибке – в чрезмерной изоляции его от окружающей среды. В отличие от Анны Ивановны, которая всегда боялась, как бы сын не сдружился с «плохими мальчишками», она постаралась сблизить Юру с Вовкой Зарубиным, который отнюдь не считался пай-мальчиком.

Иногда общение ребят, которые симпатизируют друг другу, обрывается родителями только лишь на том основании, что один из них плохо учится, так называемый «двоечник». Между тем

у некоторых мальчишек тяга к общению настолько велика, что она определяет собой все их поведение. Вовка Зарубин и часа не мог прожить без товарищей. В школу он мчался сломя голову, потому что ждал встречи с ребятами, из школы он уходил последним. Мать жалуется: «Нет у сына интересов серьезных. У него на уме только «товарищи» и «гулять».

Прекрасный интерес! Интерес к человеку! Наверное, было бы правильно идти от него к другим интересам. Да и мы уже заметили, что Вовкины приятели благотворно влияют на него: Костя приохотил к чтению, Юра вместе со своей матерью – к другим занятиям. В то же время дружба с Вовкой оказалась полезной и для Юры.

Искусство воспитания как раз и основывается на умении видеть и использовать для воздействия на ребенка все то многообразие отношений, которые формируют его как личность.

10. Важно развивать духовное зрение, свое видение глубинных нравственных свойств личности ребенка

Опытный воспитатель, будь он родитель или учитель, обладает способностью педагогического видения. Как часто мы слышим, да и сами говорим: «Я вижу по глазам», «Я прочел на его лице», «Я заметил в нем перемену».

Чем младше ребенок, тем отчетливее отражаются на его лице желания, тем легче считывать с его лица внутренние процессы, которые происходят в нем. По мере его развития взрослые постоянно настаивают на том, чтобы ребенок управлял своими эмоциями, подавлял желания, сдерживал себя. Некрасиво громко смеяться, кричать, хмурить лоб (а то морщины будут), говорят они, ты должен улыбаться – так приятней другим, мужественно переносить боль, холод, жару и т. д. Взрослея, ребенок и сам начинает понимать, присматриваясь к взрослым, практическое значение выдержки и умения управлять своим лицом, движениями.

Опытный воспитатель, будь он родитель или учитель, обладает способностью педагогического видения. Как часто мы слышим, да и сами говорим: «Я вижу по глазам», «Я прочел на его лице», «Я заметил в нем перемену».

Дети отлично знают, кого они смогут провести, а кого нет. «Этого не обманешь, – говорят они, – он как посмотрит, так деться некуда – сразу всю правду выложишь. А этому что

ни скажи – верит».

Таким образом, есть воспитатели, которые обладают зорким глазом, остротой видения, способностью подметить то, что скрыто от взора других, и есть такие, у которых эти качества отсутствуют. Совершенно естественно, что преимущество у тех, кто видит, кто тонко чувствует и точно определяет душевное состояние воспитуемого. Видение – это умение по мельчайшим внешним признакам (мимика, интонации, движения) определить внутреннее состояние ребенка, его опасения, надежды, желания. Это, я думаю, одно из важнейших условий педагогического мастерства.

Видение можно рассматривать в двух аспектах. Видеть в значении «читать». Это своего рода мгновенная обработка поступившей информации с привлечением опыта, аналогий, сравнений.

Второй аспект видения – это оценка. Когда ребенок сталкивается с нашим взглядом, он часто ощущает и наше отношение к нему. В тот момент, когда мы оцениваем его поведение, он, улавливая наш взгляд, тоже занят «считыванием» наших реакций. А они так различны. Это и недовольство, и досада, и радость, и поощрение, и запрет…

Выражение «глаза – зеркало души» в равной мере характеризует взгляд и взрослых, и детей. И если мы педагогическое видение рассматриваем как двусторонний процесс, то следует остановиться на этих двух сторонах: «мы – глазами детей» и «дети в нашем видении».

Искусство педагогического видения вырабатывается в результате длительного опыта, после тщательной самопроверки и анализа полученных данных. Этим искусством может овладеть каждый, кто сознательно поставит перед собой такую задачу.

Беда взрослых, поглощенных своими заботами, заключается в том, что на каком-то этапе они теряют возможность видеть. Работа, тревоги личной жизни часто не дают им возможности сосредоточиться, посмотреть на ребенка свежим взглядом, задуматься о нем.

Правильное педагогическое видение – решающее условие воспитания ребенка. Смотрите, что получается. Изо дня в день мать твердит сыну: «Этого ты не умеешь, ты еще маленький». Вовка где-то свыкся в глубине души с такой оценкой. Он и сам стал думать: «Чего мне стараться, все равно ничего из этого не получится». Анна Ивановна рассматривала непоседливость сына, его неуемную энергию как недостаток; Мария Алексеевна взглянула с другой стороны, и для нее этот недостаток обернулся достоинством. Однажды Вовка сидел у Винников – решали

задачи. Мария Алексеевна заметила сыну: «Смотри, как Вова быстро соображает». Вовка был поражен. Он соображает лучше Юрки Винника, первого ученика в классе! Если раньше он безропотно соглашался с тем, что предлагал Юра, то есть полностью полагался на его авторитет отличника, то после, казалось бы, случайно брошенной реплики Марии Алексеевны стал сначала возражать ему, а затем и предлагать свои варианты: «Ну, давай попробуем решать задачу другим способом. Смотри, и проще, и быстрее».

Впервые Вовка поверил в себя. «А я быстрее всех решаю задачи в классе», – как-то сказал он матери. «Не хвастай, этого быть не может. Лучше посмотри в свой дневник, – вздохнула мать. – Способности еще ничего не значат без усидчивости и трудолюбия». Чего-чего, а этого Вовке действительно недоставало. Собственно, он уже и примирился с мыслью, что будет всю жизнь страдать из-за своих недостатков. Он часто получал плохие отметки за то, что небрежно, грязно писал, за кляксы, чернильные отпечатки пальцев. А иногда ему было просто скучно напрягаться, следить за собой. Он завидовал Виннику, который всегда был готов выполнить любое задание учителя. Но когда смотрел, как Юра старательно выводит ровные цифры, видел его аккуратную прическу, свежий воротничок и чистые руки, то понимал, что стать таким он все равно не сможет.

И все-таки его тянуло в дом Винников.

11. Детское общение бурлит противоречиями – без этого нет развития. Умелое разрешение противоречий – основа творческого воспитания

Однако вскоре пришел, как показалось Вовке, конец его дружбе с этой семьей. И конечно, он, Вовка, сам во всем виноват. Случилось вот что. Вовка и его друзья летом частенько забирались на чердак старого, полуразвалившегося дома, который должны были снести. Ребята привели в порядок чердачное помещение: убрали мусор, сняли паутину, почистили и вымыли смотровые окна, даже побелили часть стен. Из досок сделали стол и две лавки. В углу были спрятаны продукты: сухари, сахар, лук, соль. Ребята приходили сюда в свободное время, здесь играли, а Костя рассказывал вычитанные из книжек истории. Отсюда они наблюдали за улицей. Однажды Вовка предложил переночевать на чердаке. Так как из дома никого наверняка не отпустили бы, был разработан идеальный план обмана родителей: Костя и Вовка сказали, что они переночуют

у Винников, а Юра хотя и долго не соглашался, но попросил родителей отпустить к Вовке Зарубину, у которого сегодня мать якобы работала в ночную смену. Вечером в магазине Мария Алексеевна встретила Анну Ивановну и удивилась: «Вы не на работе?» Обман раскрылся, и матери отправились к Боевым. Кости тоже дома не оказалось. Тогда родители заволновались, стали звонить в школу, в милицию, обратились к дружинникам. Мальчиков начали разыскивать.

Между тем ребята рассказывали друг другу сказки, ежились от холода, но испытывали величайшее наслаждение и от того, что им так ловко удалось провести взрослых, и от ощущения собственной свободы и самостоятельности. К полуночи ребята вконец замерзли, и Юра первым высказал мысль: «Не пойти ли нам домой?» В это время ребята как раз и услышали голоса, шаги, мелькнул свет фонариков. До них донеслось: «Они и днем здесь бывают». И чей-то женский голос: «На чердаке они». Снизу закричали: «А ну выходите!» По лестнице уже кто-то поднимался.

– Рассказывайте все по порядку, – строго потребовал участковый.

– Не имеете права задерживать, – решил произнести с достоинством Вовка, но прозвучало у него это довольно жалобно.

Дежурный по детской комнате милиции велел подождать, и мальчишек на несколько минут оставили в покое. Вовка успел предупредить: «Никому ни слова. Ничего с нами не сделают». Потом их долго расспрашивали, стыдили, отчитывали. Один из дружинников тут же написал в школу письмо, в котором просил принять меры. Костя Боев заревел в тот самый момент, когда на пороге показались родители – Анна Ивановна, Мария Алексеевна с мужем и отец Кости…

…Боев вел Костю, не произнося ни слова. Как только они вошли в дом, Костя истошно закричал: «Папочка, не бей, больше никогда не буду!» Отец снял пиджак, выхватил ремень, оттолкнул мать и тихо сказал сыну: «Иди сюда». Костя заплакал. «Не вой! Рассказывай все, как было», – снова приказал отец. Костя сбивчиво забормотал: «Мы пошли… договорились… залезли на чердак».

Отец видел, как сын хочет всячески вывернуться и избежать наказания. «Откуда это в нем?» – думал он. И решил, что сейчас одним махом выбьет из сына все, не достойное боевского рода.

Уже не было ни слез, ни крика. Слышны были одни сплошные захлебывающиеся звуки.

Ночью младший брат спросил: «Очень больно?» Костя снова заплакал и забормотал в подушку: «Я убью его, вот увидишь,

убью…»

Костя в такие минуты ненавидел отца.

Физическое воздействие – самый дурной способ воспитания. Оно травмирует детскую душу, убивает добрые чувства у взрослых, ведет к разобщенности, ненависти друг к другу.

Строгость, когда она безмерна, превращается в жестокость. Жестокость родителей, в свою очередь, как правило, порождает детскую жестокость и озлобленность. И если родители не способны быть разумно строгими, если требовательность переходит в насилие и оскорбление, то рано или поздно эта жестокость обернется против них самих.

…Павел Федорович злился: «Надо оградить Юру от дурных влияний. Вовка – хулиган, распущенный мальчишка, Юре он не пара».

Мария Алексеевна молчала, изредка вставляя одни и те же слова: «Ну перестань, поговорим дома». Дома Павел Федорович категорически заявил: «Чтобы его ноги здесь не было. И ты, – обратился он к сыну, – чтобы больше с ним не знался». Юра кивнул головой. Он был согласен с отцом, во всем виноват Вовка. И зачем мать навязала ему эту дружбу?

Уже в постели он думал о том, как все хорошо обошлось, его избавили от дурной компании. Он видел себя хорошим, умным, похожим на папу.

> Самое тяжкое преступление, какое может совершить родитель, – это предать ребенка. Надо верить всегда, чего бы это ни стоило, что бы ни случилось. Только такая вера способна воспитать родственную душу, человека, любящего своих родителей.

Одной Марии Алексеевне не нравился ни исход событий, ни лицо сына. Она до мельчайших подробностей восстанавливала в памяти себе его поведение, и оно вызывало у нее тревогу. «Так быстро отказаться от товарища, с которым ему было интересно и хорошо, – рассуждала она. – Так охотно принять на себя роль жертвы, уйти от ответственности и от вины. Все тот же ни в чем не повинный паинька, маменькин сыночек».

Мария Алексеевна высказала свои соображения мужу, но он только отмахнулся: «Оставь мальчика в покое».

По-разному смотрят родители на воспитание своих детей.

Павел Федорович совершенно точно знает, чего он хочет от сына. Отличник, золотая медаль, вуз, непременно аспирантура. Затея жены относительно «прививки» сыну энергии с помощью Вовки его вначале даже заинтересовала. Он был против «тепличного» воспитания. Хотел видеть сына общительным,

уверенным в себе, здоровым. Ему понравилась выдержка сына в милиции. Юра, по его мнению, держался с достоинством. Сразу видно – воспитанный мальчик. Отец вспомнил, как вежливо и, однако же, без подобострастия сын попрощался и с милиционером, и с дружинниками. То есть сын рос уверенным и самостоятельным мальчиком. Мужчиной. И что это выдумала жена? – он никак не мог понять. Точнее, не хотел понимать.

А что увидел в поступке сына Боев? «Меня в детстве пороли, – рассуждал он, – за это только спасибо родителям». Своим главным достоинством Боев считал то, что он «работящий, как никто». Опять же бережлив, чужого не возьмет и своего не отдаст. Так он понимал честность. Другим важным своим достоинством считал то, что он хороший семьянин: все в дом несет, лишнего себе не позволяет. Таким он хотел видеть и сына. И бил для того, чтобы не стал Костя ветрогоном и шалопаем. Бил за двойки, за лень бил, за грубость. А однажды отец сказал сыну: «Замечаю я – не туда мозги у тебя направлены. Умничаешь слишком. Читаешь много. А жизнь – штука не книжная, болтунов не терпит». А Костя читал по-прежнему много, и очень хотелось ему встретить человека, с которым можно было бы обо всем прочитанном поговорить. Пробовал писать стихи, очерки. Даже на конкурсе в школе премию получил.

Посмеивался сначала отец над увлечениями сына, а потом махнул на него рукой.

Самое тяжкое преступление, какое может совершить родитель, – это предать ребенка. Надо верить всегда, чего бы это ни стоило, что бы ни случилось. Только такая вера способна воспитать родственную душу, человека, любящего своих родителей.

* * *

Ту ночь Вовка запомнил надолго. Сон не шел. Он лежал с открытыми глазами, вслушивался в дыхание матери. От сердечных капель, которые размешал ей Вовка в стакане с водой, матери лучше не стало. Вызвали «Скорую помощь». Сделали укол. Мать уснула.

Когда она проснулась, Вовка сидел рядом. Он взял ее руку и стал быстро-быстро говорить: «Мамочка, я больше никогда не буду, вот увидишь! Хочешь, я сам признаюсь: я деньги у тебя из кошелька взял и еще весной брал два рубля… Никогда больше не буду, только выздоровей». Мать погладила сына… От этого прикосновения Вовка заплакал.

Стало жалко самого себя. И обидно, что он такой плохой и неблагодарный.

Анна Ивановна смотрела на сына и понимала, что происходит в его душе. Пусть что угодно говорят люди, он у нее хороший.

В такие минуты она очень хотела верить: ее сын вырастет настоящим человеком, добрым, честным, отзывчивым…

> Каждый день ребенок приобретает не только положительный, но и отрицательный нравственный опыт. Лицемерие, двоедушие, ложь, самовлюбленность, наслаждение своей подавленностью или одиночеством – с этим надо бороться каждый день и каждый час.

Каждый день ребенок приобретает не только положительный, но и отрицательный нравственный опыт. Лицемерие, двоедушие, ложь, самовлюбленность, наслаждение своей подавленностью или одиночеством – с этим надо бороться каждый день и каждый час.

Боев по-своему заботится о сыне, но его попытки проникнуть в душу Кости вызывают в мальчике протест. Это – грубое вторжение. Отца Кости не интересует душевное состояние сына. Главное для него – уличить, а затем сломить его, то есть перекроить мальчика в соответствии со своими взглядами.

Значит ли это, что активное вторжение в мир ребенка нежелательно? Нет, не значит.

Сила воздействия как раз и заключается в том, чтобы, видя в маленьком человеке личность, активно влиять на ее развитие, обязательно соблюдая при этом элементарные нормы этики.

Важно отметить и другое. В моменты наивысших эмоциональных напряжений, так называемых «взрывов», мы бываем особенно проницательны. Неожиданно перед нами открывается то, о чем мы раньше только догадывались.

Попробуйте проанализировать свое состояние в момент самой бурной вашей реакции. С одной стороны, в один миг вы вдруг увидели то, что раньше было скрыто от вас. Ваше видение настолько сконцентрировалось на этом, что все остальное поблекло. И тут же, рядом с глубиной проникновения – полная слепота. Если человек не в состоянии в период вспышки преодолеть эту слепоту, это «невидение» всего окружающего фона, который не менее важен, чем эта самая постигнутая вдруг истина, то он просто не в состоянии окажется не только правильно использовать полученную информацию, но и удержать ее, освоить разумом.

Кажется, все очень просто: надо соотнести внутреннее

состояние ребенка с внешними проявлениями его, то, что находится глубоко внутри, с тем, что на поверхности, в повадках, в манере держаться, говорить, смеяться. И вот тут-то подстерегает непредвиденное: нам казалось, что мы хорошо знаем ребенка, и вдруг в один миг мы открываем, что наше знание было ошибочным, что ребенок-то совсем иной.

Дети обладают удивительной способностью приспосабливаться к реакциям взрослых, каким-то особым чувством быстро постигать их вкусы и потребности и в угоду им подавать себя. Именно это свойство приспособления дает им возможность сохранить, как ни странно, самих себя, свое истинное «я». Костя Боев перед отцом паинька, весь внимание, готов выполнить любое его требование. Но таков ли он на самом деле? Сможет ли он когда-нибудь простить отцу унижение в нем, Косте, человека? Горькие обиды, причиненные в детстве, оставляют след на всю жизнь. И чем ближе человек, нанесший обиду, тем сильнее след, тем труднее ее забыть. Обиды калечат нравственно, рождают комплекс неполноценности, от которого избавиться очень трудно.

Мы не замечаем порой, как наряду с приобретением полезных привычек, наряду с положительным у ребенка одновременно постепенно накапливается и отрицательный нравственный опыт. Он приобретает умение «правдиво» лгать, «откровенно» лицемерить, «доверительно-нежно» вымогать. Из-за педагогической близорукости мы иногда не видим этого второго плана. А затем разводим руками: «Как же мы проморгали сына?»

Дети обладают удивительной способностью приспосабливаться к реакциям взрослых, каким-то особым чувством быстро постигать их вкусы и потребности и в угоду им подавать себя. Именно это свойство приспособления дает им возможность сохранить, как ни странно, самих себя, свое истинное «я».

Жестокость старшего Боева породила в сыне лицемерие, которое стало нормой поведения мальчика. Он заискивает и перед отцом, и перед товарищами. У мальчика далее выработалась жалобно-ласковая улыбка, за которой скрывается иной раз и злость, и ненависть.

На следующий день после той злополучной ночи отец разбудил Костю. Мальчик вскочил мгновенно, глянул на отца. Отец терпеть не мог, когда дети не смотрели ему прямо в глаза. Он всегда говорил в таких случаях: «Значит, совесть не чиста». И у Кости всегда наготове такое выражение, которое устраивало

отца – скромность, уважительность, правдивость. Прочитав все это в глазах мальчика, отец остался доволен, совершенно не подозревая того, что сын, защищаясь своими средствами, по сути дела, лгал. Возможно, слово «лгал» не совсем точно передает смысл взгляда Кости. Он всячески старался угодить отцу, ибо боялся его. А там, где страх руководит действиями ребенка, там неизбежно накопление отрицательного опыта.

По-иному складывались отношения в семье Зарубиных. Вовка рано почувствовал слабость матери и стал пользоваться этим. Мать старалась воздействовать на Вовку наставлениями, упреками, слезами. Она стремилась пробудить в сыне совесть, правдивость, честность. Поощряла его самостоятельность, радовалась той мужественности, которая, как ей казалось, начала проявляться в поведении сына. Понимала она и другое: мальчик может отбиться от рук, может попасть под плохое влияние. Конечно, она чувствовала: что-то в воспитании сына ею упущено. Но не могла понять что.

Она вспомнила, как сын завоевал себе право на самостоятельность. Сначала, когда был маленьким, если ему что-то запрещалось, кричал истошным голосом, падал на пол, бил ногами, визжал до тех пор, пока мать не сдавалась, не уступала. Малыша очень устраивало, когда мать говорила: «У него с нервами не все в порядке».

Но по мере того как Вовка подрастал, истеричность стала постепенно исчезать. Что же произошло? Вовка, мальчик самолюбивый, привыкший скорее командовать, чем повиноваться, там, на улице, быстро сообразил, что капризами и слезами в среде ребят авторитета на завоюешь. Его притязания были так жестоко однажды высмеяны ребятами, что он больше к средствам подобного рода не прибегал. Он понял: лидером становится тот, кто бесстрашен, кто готов в любую минуту доказать свою смелость. И он усвоил манеру независимости, в нем появился тот детский максимализм, который позволял ему утверждать: «Все, что захочу, то и сделаю». Эту манеру он перенес и на отношения с матерью. Не пустила его мать на улицу играть в футбол – выпрыгнул в окно, ей же хуже будет: пусть поволнуется.

Быстро усвоил Вовка и другое: настоящий вожак великодушен. Маленьких не обижают. Лежачих не бьют. Товарищи любили его за то, что он защищал слабых. Вовку просили: «Заступись». И он заступался. Но это была не только защита слабого. Скорее это было утверждение своей силы, расширение сферы своего влияния. Потом он научился «заступаться» чужими руками. Он говорил: «А ну, дай ему», а сам наблюдал. Если с «противником» поступали несправедливо,

он вмешивался и заступался уже за него.

Мать считает Вовку добрым по натуре. Не будем спорить. Но сколько за этой добротой расчетливого, ложно-великодушного, кичливого и высокомерного?

Во что разовьются эти качества, разумеется, во многом зависит от матери. У Анны Ивановны не хватало сил на такой решительный разговор с сыном: «Ну вот что, Вова, раз ты меня совсем не слушаешь, я тебя определю в интернат». Строгий разговор необходим, но не для того, чтобы запугать мальчишку, а для того, чтобы дать ему почувствовать, что он не один в этом мире, что такие же права, если не больше, на получение радостей и удовольствий имеют и другие, что с этим он должен считаться. Впрочем, что-то подобное Анна Ивановна произносила не раз. Но говорилось это так, что сын был уверен: просто-напросто очередная нотация. «Какие еще там интернаты, – скорее чувствовал, чем думал Вовка, – разве она проживет хотя бы день без меня?»

Вовка все больше убеждался в том, что мать теряет власть над ним. И мать понимала, что не в состоянии довести свои требования до логического завершения, то есть добиться, чтобы сын считался с нею.

12. В моральных вопросах родителю следует быть бескомпромиссным

Гибкость и мягкость в воспитании не исключают решительности и твердости. Справедливая, твердая нравственная позиция, бескомпромиссно отвергающая всякие отклонения морального порядка, – вот чего иной раз недостает родителям.

Я в своей педагогической практике часто сталкивался с родительской растерянностью. Мне часто приходилось общаться с так называемыми трудными детьми из неблагополучных семей. Должен сказать – я в это всегда верил, – что большинство ребят из этих семей обладали многими достоинствами – волей, предприимчивостью, самостоятельностью, смелостью. Однако часто эти положительные качества оборачивались злом: именно смелость и решительность, инициатива и самостоятельность нередко приводили подростков в детскую комнату милиции и даже в колонию, на скамью подсудимых. Динамические свойства души реализовывались в безнравственном поступке.

Мне приходилось общаться с преступниками-рецидивистами. Я интересовался их детством. Старался выявить ошибки в воспитании, допущенные, в частности, родителями. И всякий раз – это подтверждали и сами преступники – выяснялось,

что в детстве никто не проявил к ним разумной требовательности.

Свобода, которая есть безнаказанность и безответственность, – вот та крайность, которая приводит ребят к совершению аморальных поступков, рождает жестокость.

Не менее опасна и другая крайность, которой придерживается отец Кости Боева, – подавление свободы, унижение достоинства ребенка, жестокие наказания. Ребенок протестует против насилия. В нем накапливается, если можно так выразиться, потенциал неприязни. А рано или поздно это скажется. Проявится тогда, когда у повзрослевшего ребенка давнее желание отплатить за свои страдания и обиды, выместить их на другом, пусть даже самом близком человеке, станет уже неодолимым.

Интересная закономерность: наше педагогическое видение отстает от стремительного роста ребенка. Мы сегодня представляем его одним, а он уже ушел от «сегодняшнего» себя и стал иным. И если мы не сумеем изменить свое прежнее представление, неизбежен конфликт. Способность быстро фиксировать все изменения в детях – это одновременно и переориентировка в отношении к ним.

В психологии есть такое выражение – «внутренний взор». Если внешнее видение направлено на то, чтобы как можно больше зафиксировать наиболее значительного в становлении детей, во всей окружающей их обстановке, то «внутренний взор» позволяет увидеть самое существенное в развитии ребенка, увидеть его в тех ситуациях, которых еще не было, но которые вполне возможны.

Павел Федорович Винник исходит из такого убеждения: образованность – вот основное звено модели, в которую вписывается сама по себе нравственность. По его мнению, все очень просто: Юра умен, начитан, а все остальное приложится. Поэтому он не желает думать над тем, что подметила в сыне Мария Алексеевна.

А Марию Алексеевну обеспокоило то, что сын так быстро отказался от товарища, так быстро согласился с тем, что он во всей этой ночной истории нисколько не виноват, что его просто втянули в нее дурные, скверные мальчишки, с которыми не следовало водиться. «Как все это нехорошо, – думала Мария Алексеевна. – Так и беды не миновать: вырастет черствый человек, трус, жестокий в своей безответственности».

Последующие события еще больше ее встревожили. Через два дня после этой истории Юра пришел домой весь в грязи, с порванным портфелем, заплаканный. «Они… побили, –

всхлипывал он, рассказывая матери, – Вовка, и Костя, и Миронов еще…За то, что я честно, как говорил папа, рассказал все, как было…» – «Где рассказал?» – спросила мать. «Сначала у директора, потом в учительской…»

В свое время Мария Алексеевна любила говорить о том, что ребята никогда не бьют товарища зря. Что у ребят есть свои мальчишечьи законы, которые отвергают ябедничество, трусость. Она знала еще и то, что соблюдение этих законов и правил у ребят сопровождается порой жестокостью. И это, разумеется, страшно. Теперь же, когда ее сын оказался избитым, она заволновалась и, может быть, поэтому забыла о том, что говорила когда-то. Выяснив у сына подробности, она отправилась в школу.

Там ее успокаивали: мальчик у нее замечательный, виноваты во всем другие, это они втянули Юру, ей нужно запретить сыну дружить с ними. Но чем больше ее успокаивали, тем сильнее росла в ней тревога, тем больше она убеждалась в том, что эти «другие», к которым в школе собираются «принять меры», в чем-то лучше ее сына.

Каждый день приносил новые неприятности и все новые доказательства того, что тревога матери не напрасна. На тетради сына огромными печатными буквами было выведено слово «предатель», с ним не пожелали сидеть за одной партой. Но самое удручающее то, что Юра считал себя во всем правым и радовался, что Вовку и Костю накажут.

13. Не бойтесь исправления своих ошибок

Если вы совершили нравственную ошибку, не бойтесь ее исправить, даже если это будет грозить временным разрывом отношений с близкими или друзьями.

…Мать мучительно думала, как поступить, сопоставляла факты поведения сына с тем, чего она постоянно требовала от него.

Как быть? Кто прав? Да, она всегда настаивала на том, чтобы сын говорил правду, как бы тяжело ему ни было. С точки зрения этих ее требований все казалось нормальным. Сын выполнил их. Он один сказал правду, не боясь наказания. Мария Алексеевна часто говорила сыну и о ложной смелости, показной романтике. Ведь Юра, наверное, знал, как отнесутся к его поступку товарищи. И все-таки он пошел на то, чтобы сказать правду. Не побоялся осуждения друзей. И не стал скрывать от товарищей, что расскажет все. Может быть, это и есть та принципиальность, которую она хотела воспитать в сыне? Но, честно признавшись,

Юра обвинил во всем товарищей.

Она решила поговорить с сыном, но не знала, как и с чего начать… Все получилось как-то само собой.

Вечером мать, как обычно, читала вслух и вдруг отложила книгу: «А знаешь, сынок, я, кажется, поняла, что надо делать. Завтра я пойду к Вове и извинюсь перед ним за тебя».

Юра был поражен. «А чем же я виноват?» – обиженно спросил он. «Неужели ты не понимаешь: ты лучший ученик, ты обязан вести себя мужественно, а не сваливать свои ошибки на кого-то. И ребята по-своему правы. Даже в том, что отлупили тебя… Ты должен был и у директора, и у завуча, сказать: я тоже во всем виноват. И тебе было бы намного лучше, и ребятам».

Мать видела, как краска медленно заливает щеки сына. Она оставила его одного. Отца не было дома. Она стояла в кухне и прислушивалась к каждому шороху, который доносился до нее из комнаты. Ей было жалко сына… А немного спустя мальчик пришел к матери. Уткнулся головой в ее плечо и, всхлипывая, стал говорить: «Я завтра же всем им скажу: и директору, и ребятам…»

– Вот это ты молодец, что решил.

Мария Алексеевна пришла к верному выводу потому, что глубоко вникла в ситуацию, тщательно проанализировала все обстоятельства. Она сумела разглядеть за внешним поведением сына его душевное состояние: избежав наказания, он все же сознавал себя виноватым перед товарищами. Она сумела понять переживания своего ребенка, настроение его друзей. Это помогло ей повлиять на сына, подготовить его к принятию правильного решения.

Ведь хорошо известно: убедить человека в чем-либо легче всего его же собственными мыслями. Разумеется, для этого надо знать человека, уметь представить ход раздумий в различных ситуациях. Попробуйте нарисовать ребенку картину его возможного поведения в тех или иных случаях. Попробуйте вслух проанализировать его мысли и действия, желания и стремления так, чтобы он узнал себя в этом анализе. И если это узнавание произойдет, он непременно задумается над собственными поступками. А такие раздумья могут решающим образом определить его дальнейшее поведение.

Юра сделал так, как обещал. Ребята помирились, и их отношения – не сразу, но постепенно – наладились.

Глава 4
Искусство общения

1. Ваше живое общение с детьми, совместный труд – вот что может пробудить детскую увлеченность учебными занятиями

Большая часть детского времени занята школой – уроками и подготовкой к ним. Но разве ребенок воспитывается только в ходе учебных занятий? А сколько обвинений в адрес школы! Некоторые родители доходят до того, что вообще снимают с себя всякую ответственность за воспитание детей.

Несомненно, какое бы большое место ни занимала в жизни детей школа, главная ответственность за их воспитание все же лежит на родителях. Они лучше знают особенности своих ребят, имеют значительно больше возможностей влиять на них. Но не всегда педагогам и родителям удается найти единый подход к школьнику, выработать общие требования. Попробуем разобраться в этом.

Если учеба – это труд, то совершенно естественно, что я как педагог несу ответственность за этот труд и смотрю на ребенка прежде всего с точки зрения его отношения к этому труду. Так же как и в условиях производственной деятельности взрослых, оценку человеку дают прежде всего по его деловым качествам, а затем уже личностным. У родителей, знающих своих детей во всех проявлениях, несколько иное видение.

Педагог, который одновременно организует труд двадцати-тридцати учеников, просто не в состоянии охватить своим вниманием всю сумму индивидуальностей сразу. Естественно, что его основные усилия направлены на воспитание у детей сознательного и добросовестного отношения к учебе, ибо от этого зависит качество их знаний. Именно поэтому чаще всего и случается, что педагога интересует не просто душа ребенка, а, говоря словами Льва Толстого, «школьное состояние души».

Однако хорошим воспитателем, мастером становится тот педагог, который стремится преодолеть такую ограниченность взгляда на ученика. И помочь ему в этом могут родители.

Юра Винник не родился отличником. По своим способностям он даже уступает Вовке Зарубину. Но мать с первых дней учебы приучила сына к аккуратности, прилежанию, дисциплине, к четкому соблюдению режима. Поначалу Юра, как и Вовка Зарубин, рвался к детским играм, затеям, любил гулять и меры

в этом тоже не знал: энергии-то хоть отбавляй. И вот тогда мать вводит в жизнь мальчика новые занятия, требующие напряжения, затрат времени и сил. Два раза в неделю – уроки музыки, два раза в неделю – технический кружок, раз в неделю – рисование, лепка.

Ритм, налаживанием которого тщательно занималась мать, стал впоследствии нормой в жизни сына. Так же, как и у Вовки Зарубина, у Юры на первых порах не ладилось с письмом. Мать садилась рядом с ним, когда он готовил уроки, и добивалась, чтобы мальчик справлялся с этими трудностями. Вскоре и аккуратное письмо, и умение быть внимательным при выполнении письменных заданий вошли у Юры в привычку. А как часто можно наблюдать совсем иную картину: родители сурово отчитывают своего ребенка за плохие отметки вместо того, чтобы посидеть и позаниматься с ним, выяснить причину неуспеваемости, помочь наверстать упущенное.

Детям очень интересно заниматься со взрослыми. Когда рядом взрослый, это не просто надзор, это, прежде всего, живое общение, к которому так тянется ребенок. Но тут нужна своя мера. Мария Алексеевна заметила: ее сын начинает привыкать к тому, что она всегда сидит рядом во время приготовления уроков. Он уже просто говорил: «Мама, давай делать уроки». Мать вовремя поняла опасность этой привычки и постаралась отучить сына от нее. При этом она ни разу не сказала ему: «Нет, хватит, делай сам». Она прибегала к косвенному воздействию: отходила от сына по «неотложному делу», ссылаясь на занятость, нездоровье и т. п. Так постепенно Юра приучился к самостоятельному выполнению домашних заданий.

По-иному складывались учебные дела у Вовки Зарубина. С первых школьных лет мальчик привык: пока мать раз десять не скажет «садись за уроки», он и не подумает раскрыть учебник.

Как быть в таких случаях, когда у ребенка уже сложился отрицательный стереотип, когда вредные привычки стали прочными? Всякая ломка стереотипа может проходить болезненно, но может доставить и радостное переживание. Чаще всего удовлетворение ребенок испытывает тогда, когда необходимость изменить свое поведение им самим осознана и внутренне принята.

2. Держите себя в руках, воспитывайте в себе самообладание

Раздраженность, крик и угрозы – главнейшие враги педагогического искусства. Раздраженность – это наша злобность, наша неустроенность и наша болезнь. Только тот, кто победит ее,

способен воспитать хорошего человека и не потерять своего ребенка.

Специфика педагогической деятельности состоит в том, что воспитатель имеет дело с живым человеком, который, как мы уже говорили, и сам творит себя, и критически относится к окружающему миру, ко всем воздействиям и влияниям извне.

Каждый из нас может привести немало примеров семей, где родители хорошо воспитывают своих детей, казалось бы, не применяя при этом педагогических знаний. Не имея специальной научной подготовки, они обладают прекрасным педагогическим даром.

> Раздраженность, крик и угрозы – главнейшие враги педагогического искусства. Раздраженность – это наша злобность, наша неустроенность и наша болезнь. Только тот, кто победит ее, способен воспитать хорошего человека и не потерять своего ребенка.

Как и всякие другие способности, педагогические развиваются в процессе самой воспитательной деятельности, в творческом применении постоянно накапливаемого опыта на практике. И вот здесь знания основ педагогики могут во многом помочь родителям. Они научат анализировать свои действия, точно устанавливать их воспитательную направленность.

Многие воспитатели убеждены в том, что они должны, обязаны реагировать на каждое нарушение ребенком норм поведения, реагировать быстро, неотложно. Стоит упустить в малом, рассуждает такой воспитатель, как один дурной поступок повлечет за собой следующий. Казалось бы, ход мыслей правильный: незамедлительность реакции – благо. Но как часто эта поспешность оборачивается злом!

Если воспитатель, поддаваясь первому рефлекторному побуждению, прибегает к крику, наказанию, то может ли такая реакция, даже вполне искренняя, но порожденная непониманием психологии ребенка, нежеланием считаться с его состоянием, привести к положительным результатам?

Что получается на деле? Отец Кости Боева еще до того, как увидел сына в милиции, до того, как выяснились обстоятельства его проступка, уже решил наказать мальчишку. Он не считал нужным вникать в мотивы поведения сына. Костя для него еще не личность. С ним можно не считаться.

Практика подтверждает, что нервозная реакция – самое грубое средство воздействия, травмирующее ребенка, не дающее желаемого результата и потому вредное. К нему прибегают,

не зная других средств или не желая раздумывать над их выбором.

И Вовка, и Костя Боев в тот момент, когда они находились в милиции, отлично знали, как отреагируют родители на их затею с ночевкой на чердаке. А когда взрослые начинают «повторять» уже мысленно пережитую ребенком сцену, воспитательный эффект значительно снижается. Ребенок усваивает родительские штампы, и у него вырабатывается навык ответных штампов. Поговорите с пятиклассниками: спросите у них, как отреагируют родители на тот или иной их поступок, и большинство из них точь-в-точь воспроизведут вам их реакцию. И лишь два-три ученика не смогут предугадать возможный характер реакции.

> Привычка к окрику сильна и опасна. Попробовав несколько раз воздействовать криком, человек уже не может остановиться. Крик как бы дает разрядку напряжения, доставляет кажущееся облегчение, создает видимость воздействия, прикрывает бессилие.

Родители, чьи воспитательные задачи не зависят от настроения, серьезно задумываются над формой выражения своих чувств и мыслей. Юра Винник никогда не знает, как выразит мать свое отношение к его поведению, потому что оно, как правило, всегда облекается в новую, часто неожиданную форму. Мария Алексеевна это делает сознательно, так как уверена, что новизна в предъявлении требований помогает достигнуть лучшего их выполнения. Она говорит об этом так: «Мне большого труда стоило отучить себя от немедленной реакции на дурное поведение мальчика. Вижу, бывало, что сын поступает неправильно, и тут же во мне вспыхивает желание остановить, одернуть, прикрикнуть. Мне удалось приучить себя сдерживаться. Сдерживаться для того, чтобы лучше продумать свое отношение к мальчику, выбрать наиболее правильную форму требования».

Когда родители жалуются, что дети уже «совсем истрепали им нервы», можно с уверенностью сказать: в таких семьях крик стал нормой общения. А это изнуряет и взрослых, и детей.

Привычка к окрику сильна и опасна. Попробовав несколько раз воздействовать криком, человек уже не может остановиться. Крик как бы дает разрядку напряжения, доставляет кажущееся облегчение, создает видимость воздействия, прикрывает бессилие. И все дурное, что проявляется в крике – раздражительность, грубость, жестокость, – вызывает у детей отрицательную реакцию, обижает, ранит и мешает по-настоящему

понять, в чем же они в данном случае провинились.

3. Нельзя замыкаться только на требованиях к ребенку. Иногда полезно скрыть свою линию поведения

Не всегда нужно напрямую говорить с воспитанником. Бывают такие обстоятельства, когда просто необходимо избежать прямого, открытого разговора, который может чем-то задеть, обидеть ребенка. Тогда воспитателю лучше воспользоваться так называемым косвенным педагогическим действием.

Как часто мы слышим замечания родителей, скажем, за обеденным столом: «Не чавкай!», «Как ты ложку держишь!», «Не ёрзай!». Сколько этих запретов, досадных, надоевших! Все это прямые действия, негативные по форме. А ведь возможны и косвенные. Я слышал, как Мария Алексеевна рассказывала ребятам об одном своем знакомом, который удивительно хорошо – непринужденно, естественно, красиво – держался за столом. Она описывала именно те манеры знакомого человека, которых так не хватало ее сыну и его товарищам. И дети после этого разговора старались вести себя за едой иначе, хотя, казалось бы, прямых требований им никто и не предъявлял. Косвенное воздействие внешне несколько отдалено от объекта, но оно зачастую точно достигает цели: ребята ценят тактичность. Косвенное воздействие позволяет влиять, не задевая самолюбия ребенка, не подавляя и не раздражая его.

Косвенное воздействие не придумано педагогами. Оно вытекает из самой природы общения людей. Если у меня растет сын, то я знаю, что он в своем общении испытывает влияние всех тех, с кем сталкивается ежедневно. Естественно, что дети к каким-то влияниям безразличны, но есть люди, мнением которых они дорожат, порой даже больше, чем нашим, родительским. Я могу и лично непосредственно воздействовать на ребенка, а могу прибегнуть и к воздействию через этих «влиятельных лиц». Когда отец идет к учителю и говорит: «Вы знаете, мой сын… Попробуйте вы с ним поговорить…» – он прибегает к опосредованному воздействию. А разве не случалось нам в детстве слышать просьбу родителей наших товарищей и подруг: «Ты поговори с ним (или с ней), тебя-то он (или она) наверняка послушается». Опосредованность вовсе не обязательно свидетельство слабости или бессилия воспитателя. Это может быть показатель педагогической грамотности, позволяющей достигнуть цели более уместными, тактичными средствами. И что еще очень важно – косвенное воздействие помогает развивать

у детей инициативу и самостоятельность: ребенок, выслушав мнение, предложение, совет авторитетного для него человека, вроде бы сам принимает верное решение.

Читатель помнит, как трудны были для Анны Ивановны первые школьные годы Вовки, сколько огорчений доставлял он ей своими выходками, нерадивостью. Правда, мать успокаивала себя мыслью: со временем сын поймет и оценит ее отношение к нему. Утешало ее и то, что Вовка стал лучше учиться. С пятого класса он увлекся рисованием, записался в городскую детскую художественную студию. Очень много дала мальчику дружба с новым классным руководителем, который нашел подход к нему и даже открыл в нем немало достоинств. Владимир Петрович не раз говорил на собраниях: «Володя Зарубин хороший товарищ, любознательный и способный».

Надо сказать, что до пятого класса родительские собрания были пыткой для Анны Ивановны. Учительница, казалось ей, говорила только об одном: о Вовкиной неаккуратности, недисциплинированности, неуважении к старшим. Как же она была благодарна Марии Алексеевне, которая на одном из родительских собраний высказала свое мнение о Зарубине: по ее наблюдениям, он очень способный ученик и хороший товарищ. Но это выступление только рассердило учительницу. Она, правда с оговорками, твердила свое: «Вот я и так пробовала, и так. Я говорила с ним и по-хорошему. Но в нем сидит бес…» Где-то в глубине души Анна Ивановна не соглашалась. Ей хотелось возразить: «Да посмотрите вы на него внимательней! Разве все дело в том, что он грязно пишет? Вы говорите, что у него есть способности к математике, а в дневнике по этому предмету двойки да тройки. В чем же дело?» Но она сдерживалась, молчала.

Однажды Анна Ивановна, ничего хорошего не ожидая, открыла дверь своей квартиры новому классному руководителю. Каково же было ее удивление, когда Владимир Петрович сказал: «Я пришел вас порадовать. Если вы позволите, я буду говорить в присутствии вашего сына». Вовка насторожился. С новым классным руководителем с первых дней его появления у него произошел конфликт: Вовка надерзил ему. И теперь, увидев в своем доме Владимира Петровича, он, разумеется, немного испугался. Когда учитель начал расписывать Вовкины достоинства, тот только язвительно посмеивался, считал весь этот разговор педагогической хитростью и ожидал неизбежного перехода: «А теперь поговорим о недостатках…»

Но ждал Вовка напрасно. Он даже был раздосадован, когда учитель, попрощавшись, ушел, ни словом не намекнув

на происшедший в классе конфликт.

Мы воздействуем на ребенка с целью вызвать у него необходимую, с нашей точки зрения, реакцию. И эта ответная реакция содержит новую ценную информацию о развитии ребенка, помогает взрослым выбирать средства дальнейшего воспитательного воздействия, как прямого, так и косвенного. Знание природы обратных действий необходимо каждому воспитателю.

У детей как бы исподволь складываются представления о целях жизни, о характере общения, о нравственности, формируются наклонности и способности, развиваются, казалось бы, помимо воли родителей те или иные интересы. Этот собственный мир детского развития нельзя игнорировать, его надо уважать, всячески поощрять.

У детей как бы исподволь складываются представления о целях жизни, о характере общения, о нравственности, формируются наклонности и способности, развиваются, казалось бы, помимо воли родителей те или иные интересы. Этот собственный мир детского развития нельзя игнорировать, его надо уважать, всячески поощрять.

В вашем ребенке произошли какие-то изменения. Они явились результатом не только вашего влияния и воздействия окружающих. Он сам внес те или иные коррективы в свое развитие. Если этого не учитывать, воспитание неизбежно превращается в дрессировку, становится авторитарным по своей сути, а воспитанность может оказаться кажущейся, внешней, не соответствующей истинным склонностям и убеждениям ребенка.

Принято считать, что между нравственностью родителей и детей прямая связь. То есть если родители скупы или расточительны, злы или добры, искренни или лицемерны, то соответственно именно такие качества воспитываются и у детей. Но случается и наоборот. Ребенок вдруг становится антиподом своих родителей, у него развиваются прямо противоположные качества.

Это чаще всего наблюдается в тех семьях, где родители слишком рьяно берутся за воспитание у своего ребенка тех или иных черт, качеств, навыков, за него решая, кем ему быть, чем заниматься. И если стремление родителей противоречит наклонностям ребенка, не свойственно его натуре, то такая рьяность, как правило, приводит к обратным результатам, ребенок изо всех сил сопротивляется, более того, эти требования

родителей вызывают у него отвращение.

Так случилось с Костей Боевым. Мальчик не может возразить отцу прямо и открыто, но втайне для себя он уже решил, что отец ему – не пример. Он пересматривает и отвергает весь уклад семьи, все то, что не соответствует его представлениям об идеале, о смысле жизни. Пусть эти представления еще смутны, не сформулированы, но в них страстный протест против установок отца.

Детский протест не всегда упрямство. В нем нередко – стремление прокладывать свои пути, изменять жизнь к лучшему.

Вот ответы Кости на анкету. На вопросы «Что мешает иногда найти общий язык с родителями?» и «В чем я хочу быть похожим на своего отца, свою мать?» Костя ответил: «Я не хочу быть похожим на своего отца, который помешан на собственности. Для него заработки – основное в жизни. Он считает каждую копейку, презирает тех, кто легко тратит деньги. Я ненавижу деньги и считаю, что собственность мешает людям найти общий язык друг с другом». Нет, ни за что на свете он не будет жадным «хозяином», как хочет отец. Культ наживы в семье Боевых породил в Косте прямо противоположное желание.

В семье Винников совсем иная проблема. До седьмого класса жизнь Юры катилась, словно по рельсам. И мать даже побаивалась, как бы сын, покинув со временем эту накатанную колею, не оказался беспомощным. Но уже в седьмом классе Мария Алексеевна стала замечать, что сын готов не только сойти с намеченного ею пути, но даже проложить собственную дорогу. Он был все так же аккуратен, целеустремлен и последователен, но не слепо, как раньше, подчинялся матери, а делал лишь то, что ему казалось важным и полезным. К огорчению матери, он увлекся вместо классической музыки – эстрадной, вместо «серьезной» литературы упивался фантастикой, вместо тенниса занялся боксом. Теперь он выслушивал советы матери чуть-чуть снисходительно.

Казалось, все это должно было радовать Марию Алексеевну. Разве не к этому она стремилась, когда хотела, чтобы сын дружил с Вовкой Зарубиным? Но в процессе воспитания часто бывает, хотим мы этого или нет, что дети вносят свои поправки в наше педагогическое воздействие.

4. Важно поощрять стремление к независимости, к свободе. Конфликты, возникающие в ходе самоутверждения ребенка, естественны

С содроганием смотрела Мария Алексеевна на сына, который

молотил пустоту быстрыми и четкими ударами. У боксеров это называется «бой с тенью». На потном лице Юры застыла, как виделось матери, злая улыбка, словно он с наслаждением бил кого-то, радуясь каждому удару. Он стал даже ходить как-то иначе: плечи приподняты, голова втянута. Как-то мать заметила: «Юра, ты со своим боксом забросил все: и музыку, и радио, не делаешь ли ты ошибку?» Сын покачал головой: «Ты не знаешь, что для меня сейчас бокс…» Он так горячо говорил о своем увлечении! Особенно ее поразили слова: «Знаешь, мама, я хочу быть сильным и независимым. И бокс дает мне это. Надоело, что в классе каждый может меня толкнуть. Я больше не могу этого терпеть».

Мать попыталась разъяснить Юре, что силой люди вообще друг другу никогда ничего не доказывали, но сын только снисходительно улыбнулся в ответ.

Настоящая ссора разразилась в тот день, когда в дом явилась учительница музыки и стала жаловаться на Юру. Оказалось, что он пропускает занятия, сорвал концертную программу: вывихнул палец на боксе и не смог играть. Учительница говорила очень резко: «Музыка несовместима с таким варварским занятием, как бокс, где люди калечат себя и других. И пусть родители решают…»

Отец заверил учительницу, что в спортшколу Юра больше не пойдет. Учительница ушла, уверенная, что сделала доброе дело. После ее ухода отец обрушился на сына. Но Юра заявил, что не намерен бросать бокс, что скоро поедет на соревнования и что музыка ему порядочно осточертела за восемь лет. И вот тогда отец распахнул окно. Во двор полетели груши, перчатки, книжки о боксе.

Мария Алексеевна после ухода отца заметила сыну: «Я на твоем месте не стала бы доводить папу до такого состояния». Юра не слышал. Он выбежал во двор, собрал выброшенное и аккуратно положил все на прежние места. Тогда-то мать поняла, что сын не изменит своему увлечению ни за что.

У Юры была цель. Учился он хорошо, учителя его хвалили, знакомые родителей, соседи по дому превозносили его школьные успехи, его усидчивость, прилежание, начитанность. А вот в обществе ребят ему порой бывало трудно. Здесь первым считался тот, кто был сильным, ловким, смелым. Юра тяготился физической слабостью. Он наблюдал за ребятами из старших классов. Там тоже были отличники, и среди них особенно нравился ему Витя Жильчиков. Ровесники его уважали, с ним считались даже хулиганистые ребята. Этого парня, здорового, сильного и веселого, любили малыши, он всегда заступался

за них. Вот таким, как Жильчиков, и мечтал быть Юра Винник.

Как видим, увлечение Юры закономерно и естественно. А если это так, то вправе ли родители настаивать на своем?

Когда родители исходят только из своих собственных представлений о жизни – разлад между ними и детьми неизбежен. В таких семьях дети с нетерпением ждут своего взросления, чтобы выйти из-под повседневной родительской опеки и начать жить так, как хочется им.

Но увлечения в подростковом возрасте зачастую недолговечны и переменчивы, и опасения родителей напрасны. Если музыка приносила мальчику истинную радость, он непременно вернется к ней. А уж если она ему в тягость, то, возможно, стоит подумать, нужны ли ребенку эти занятия?

> Подростковый возраст – возраст пробы сил. И как важно не помешать ребенку испытать радость от первых самостоятельных шагов. Как важно помочь ему потягаться с жизнью, побороться с самим собой, применить весь свой багаж знаний, опыт, уменье!

Будьте терпеливы: не воспитывайте слишком рьяно. У каждого ребенка – своя линия развития, свое ощущение возможностей.

…О подростках написано очень много. Этот возраст считают трудным. Действительно, все, что накопилось в ребенке за короткую его жизнь, вдруг начинает давать о себе знать, бурно проявляясь в деятельности, в отношении к окружающему миру. Если в младшем школьном возрасте заботы, тревоги и устремления ребят, как правило, со всей очевидностью выражаются в их поведении, если в этом возрасте ребенок легко управляем и многое принимает на веру, то подростковый возраст с его усложнившимся внутренним миром проявляет необыкновенную категоричность и требовательность к окружающим, стремление к независимости, самостоятельности. Период бурь может продолжаться несколько лет и утихнет тогда, когда сила разума возьмет верх над эмоциями, то есть в юношеском возрасте. Считается, что юноши более спокойны, чем подростки. Однако это спокойствие скорее чисто внешнее. Юноша весь уходит в себя. Он внутренне неспокоен.

Подростковый возраст – возраст пробы сил. И как важно не помешать ребенку испытать радость от первых самостоятельных шагов. Как важно помочь ему потягаться с жизнью, побороться с самим собой, применить весь свой багаж знаний, опыт, уменье!

5. Искусство общения требует: избегайте неоправданных конфликтов с детьми

С подростком бывает трудно еще и потому, что наши представления не поспевают за его бурным развитием. Родители привыкли обращаться с ним как с ребенком, а он требует к себе совсем иного подхода, он вырос уже из тех детских одежек, которые, казалось, были ему впору еще совсем недавно.

В подростковом возрасте определяется и характер будущих отношений между взрослыми и детьми. Именно в этот период становится ясно, будут ли отношения детей и родителей дружескими или в них появится отчужденность, и тогда общение будет в тягость для обеих сторон.

Итак, подросток требует к себе особого подхода. Он настаивает на том, чтобы ему предоставили как можно больше самостоятельности. Он стремится утверждать себя везде, где только это возможно. Он отвоевывает себе кусочки самостоятельности сознательно или бессознательно, ему нужно, чтобы с его мнением считались, чтобы его внутренний мир признавали и относились к этому миру с должным уважением.

Его самолюбие становится необыкновенно уязвимым. Если еще год-два назад обиды забывались легко, то сейчас они глубоко западают в душу. Он готов любыми средствами защищать себя.

Все это объяснимо и естественно. И мы должны рассматривать особенности возраста как достоинства, а не как недостатки. Но что получается в жизни? Горячность подростка, его несдержанность порой оборачиваются тяжелыми последствиями. Мы уже говорили, что в подростковом возрасте сила эмоций часто преобладает над силой разума. Подросток не в состоянии еще спокойно и четко обосновать свои требования. Вихрь чувств захлестывает его. Он хочет сказать просто правду, а получается грубость, пытается настоять на своем – и выглядит бестактным упрямцем. Самый незначительный конфликт может привести к вспышке, взрыву. Все это порой доставляет страдание и взрослым, и детям.

Попробуйте в момент такого взрыва помолчать, а когда страсти утихнут, сказать: «Ну а теперь давай поговорим спокойно». А может быть, следует дать подростку возможность уединиться. И вы заметите, что ему становится стыдно за свою несдержанность, резкость, и он в дальнейшем будет задумываться над формой выражения своих мыслей и чувств.

Наши конфликты с подростком происходят в основном потому, что мы не принимаем всерьез его

особенности, которые от него не так уж и зависят и которые обусловлены его физическим и духовным ростом.

Но легко сказать «попробуйте», когда в голову лезут примерно такие мысли: «Если ему так все спускать, что же будет дальше? Нет, я непременно должен ему показать, что я старший и главный в доме…»

Наши конфликты с подростком происходят в основном потому, что мы не принимаем всерьез его особенности, которые от него не так уж и зависят и которые обусловлены его физическим и духовным ростом.

Поясню: речь идет о тех ненужных, неоправданных конфликтах, виновниками которых являются сами родители, не учитывающие возможных обратных реакций детей. И это отнюдь не значит, что родители не могут, не имеют права давать бой подросткам по кардинальным вопросам, касающимся нравственности, мировоззрения, убеждений. Но такое вмешательство ничего общего не имеет с мелочной опекой, дерганьем ребят по ничтожным поводам, насилием над их человеческим достоинством.

Почему, обращаясь к взрослому человеку, мы всегда думаем, в какой форме высказать ему требование или просьбу, чтобы не обидеть, чтобы наше обращение прозвучало уважительно. А вот с подростком это не обязательно, считают многие родители. Случается даже, что требования родителей, предъявленные к подростку в правильной форме, не приводят к желаемым результатам – ребенок весь ушел в себя, замкнулся. Думается, что не всегда и не от всякого подростка нужно добиваться немедленной реакции. В такой период ухода в себя в нем может происходить внутренняя борьба мотивов, иногда даже до конца не осознанная. И пока этот процесс не закончится, пока подросток не примет решение самостоятельно, позитивного обратного действия не возникнет.

В таких случаях отрицательная реакция подростка на действия родителей иной раз является средством его самозащиты. Он защищается от чужого вторжения в тот момент, когда переживает борьбу различных мотивов и эмоций. Ускорять этот процесс часто бывает нецелесообразно – человек сам до конца должен пережить свое отношение к окружающим. Но и оставлять подростка одного в этот период нельзя. В любой момент может потребоваться наше незамедлительное вмешательство и помощь.

Глава 5
Педагогическая интуиция и педагогический такт

1. Доверяйте своим предчувствиям: они способны подсказать вам правильные решения

Нередко наше предчувствие, наше педагогическое чутье помогает выбрать нужную меру воздействия, проявить педагогический такт.

Что же такое педагогическое чутье, интуиция? Можно ли им довериться? Какая связь между тактом и интуицией?

Как часто в голосе родителей слышатся тревожные нотки: «С моим сыном творится что-то неладное», «Он стал каким-то другим». Все эти положения основываются на реальных фактах и в той или иной мере связаны с интуицией. Под интуицией принято понимать такое непосредственное знание-чувство, которое может и не опираться на систему доказательств. Интуиция – всегда сплав логического и образного строя мышления, всегда сплав предчувствия, основанного на отдельных, часто разрозненных фактах, и мысли, которая уже родилась, но у нее еще нет достаточных аргументов.

В чистом виде интуиции не бывает. Какими бы мгновенными ни были интуитивные решения, они всегда предполагают предварительное накопление данных. Озарению, моментальному нахождению правильного педагогического воздействия предшествует напряженный поиск. Воспитатель в своих действиях всегда в какой-то мере опирается на чутье, то есть ему приходится, основываясь на каких-то сведениях, с помощью интуиции «достраивать» систему своих представлений. Поэтому очень важно, чтобы опорные данные были надежны и их должно быть как можно больше.

Скрепляя собственные предчувствия мыслью, сверяя их с педагогическими знаниями, воспитатель, казалось бы неожиданно для себя, находит живую интонацию обращения, свой стиль общения с детьми. Разумеется, выбор верной тональности воздействия определяется главным образом общей педагогической культурой воспитателя, хотя во многом зависит и от его личных качеств.

Во взаимоотношениях взрослых и детей на раздумье порой нет времени, нужны немедленные анализ

и действие. Это, однако, не означает, что на интуицию можно положиться всецело.

Интуиция в воспитании детей совершенно необходима потому, что запас личных впечатлений настолько быстро растет, что освоить получаемую информацию, привести ее в стройную систему мы порой просто не в состоянии. Во взаимоотношениях взрослых и детей на раздумье порой нет времени, нужны немедленные анализ и действие. Это, однако, не означает, что на интуицию можно положиться всецело.

2. Предчувствие редко обманывает матерей

Родительские тревоги бесконечны, они сыплются как снег на голову. Не прошло у Юры увлечение боксом, как появилось более страшное: он увлекся мотоциклом. Мария Алексеевна не раз тайком плакала, а когда сын уходил на тренировку, мрачные предчувствия не оставляли ее. Но она понимала – с Юрой спорить бесполезно. Страхи ее оправдались: Юра сломал ногу, надолго вышел из строя.

Снова зачастили к Винникам Костя Боев, Вовка Зарубин. Приходили и девочки. Делали уроки. Говорили о прочитанном. Спорили. Костя шумел, называя фантастику «мусором», а книжки, которые читал Вовка Зарубин, «халтурой». Костя приносил с собой томики стихов. А Юра признавал только научно-популярную литературу и фантастику. Книжки о перспективах развития науки, о жизни замечательных людей, фантастические романы об «автоматизированной» жизни особенно увлекали его.

Мария Алексеевна лишь изредка вмешивалась в эти разговоры, только отмечала про себя, как выросли ребята, как различны их интересы. Конечно, литературные вкусы Кости ей были гораздо ближе, чем увлечения собственного сына, но что поделаешь…

Из девочек чаще всего бывала Люда Стайкина. Однажды мать нечаянно подслушала их разговор. Люда говорила: «А хочешь, я руку себе сломаю?» Сын рассмеялся. «А ты боишься огня?» – Люда чиркнула спичкой. «Брось, – вяло протянул Юра, а потом закричал: – Ты что, с ума сошла?» – «А я думала, тебе меня не жалко…»

Через несколько дней после этого разговора мать, придя домой, столкнулась в дверях с Людой. Девочка опрометью выбежала, застегивая на ходу пальто. Мария Алексеевна спросила сына: «Что с нею?» Юра только махнул рукой: «А ну ее… Дура, как и все девчонки». Мария Алексеевна опешила. Ее возмутило

даже не грубое слово, а то выражение лица, с каким сын произнес эту фразу. Правда, она заметила, что Юра прячет глаза, словно чего-то стыдится. Хотела поговорить с ним сразу же, но не нашла подходящих слов. А Юра спустя несколько минут как ни в чем не бывало ласково заговорил с ней. Зная, что доставит матери удовольствие, в десятый раз заверил ее, что с боксом у него все покончено и теперь он всерьез займется музыкой.

Люда перестала приходить к ним. Мария Алексеевна как-то встретила девочку в магазине, но Люда, сделав вид, что не заметила ее, юркнула в сторону и исчезла. Мать рассказала об этом сыну. Юра рассмеялся. «А ты знаешь, мне грустно от твоего смеха», – сказала Мария Алексеевна и вышла из комнаты.

От факта к обобщению не прямая дорога. Нередко требуется и оглянуться, и призвать на помощь опыт, который, казалось бы, не имеет прямого отношения к данному факту. Да и факты по своей значимости бывают разными. Порой оказывается более важным не сам конкретный поступок, даже если он в какой-то части и противоречит нормам, а мотив, побудительная сила его, которую обнаружить бывает очень трудно, потому что она тщательно скрыта.

Вот факты, которые пыталась как-то связать в единое целое мать Юры Винника: развязный смех, грубое слово, неискренний взгляд.

– Какие же это факты? – удивился Павел Федорович, когда жена поделилась с ним своими мыслями. – Сплошная интуиция…

– Называй как хочешь, – ответила Мария Алексеевна, – но я чувствую, почти уверена: он плохо относится к девочкам.

3. Педагогический такт зависит от того, в какой мере ваши интуитивные предчувствия проверяются глубоким анализом

Как трудно у подростка с его бурно изменчивым настроением, с его непостоянством увлечений и привязанностей определить зачатки добра и зла. Здесь без серьезного анализа, без раздумий никак нельзя. Одних предположений недостаточно. Даже знание фактов – еще не все. Предстоит самое сложное: войти в мир переживаний ребенка, помочь ему разобраться в своих мнениях, желаниях, взглядах, вместе с ним найти единственно верную линию поведения. А для этого нужны такт, деликатность, чувство меры, которые помогут выбрать и верный тон общения, и нужные слова.

Да, пока у Марии Алексеевны одни только предположения.

Но настоящий воспитатель не имеет права ждать, когда все окончательно прояснится: неверные представления могут пустить глубокие корни.

В последнее время много говорится о том, что с детьми надо быть чутким и добрым, что нужно уметь поговорить с ними по душам, чтобы не обидеть их, не оскорбить. Это все правильно. Но как еще порой далеки наши рассуждения от конкретной жизни, в которой так много острых углов? Подлинный педагогический такт определяется не тем, что воспитатель просто добрый человек, а его гражданской заинтересованностью в судьбе ребенка.

Вот Костя Боев. Трудно ему дома. Но страдает он и от своего физического недостатка – хромоты. Дети в таких случаях нередко становятся раздражительными и ожесточенными. И здесь такт не только в том, чтобы утешить, а в том, чтобы избавить ребенка от тягостных раздумий, от ощущения своей неполноценности. Чаще всего в таких случаях откровенный разговор по душам, может быть, пока и не нужен. В этом был убежден Владимир Петрович. А вот разговор с отцом Кости был необходим. И начал он его так: «Костя очень впечатлительный, у него, несомненно, литературные способности, ему стоит готовиться и поступать на факультет журналистики. Но вот мальчик как будто чем-то обижен». Эти слова учителя задели Боева-отца. Он не стал ни о чем расспрашивать, пришел домой сердитый и тут же лег. Из головы не выходило: «чем-то обижен». Чем? Ведь живем-то не хуже других… В полуоткрытую дверь отец наблюдал за сыном. А сын сидел за столом и читал. Иногда вскакивал, невнятно разговаривал сам с собой, смеялся. В эти минуты лицо его разительно преображалось. Наутро отец спросил: «Что ты читал?» Костя ответил нехотя: «Да так, книжку». И не стал рассказывать о прочитанном. Отцу захотелось поговорить с сыном о будущем, но Костя ответил что-то неопределенное. Отец подбодрил: «А ты не робей! Журналистом стать – это неплохо. А то, может быть, еще и писателем будешь».

Костя видел, что теперь отец охотнее ходит на родительские собрания. Он больше не ругал его. Наоборот, хвалил. А однажды отец заметил: «Глядишь, и среди Боевых ученые появятся». Он стал даже проявлять повышенное внимание к занятиям сына, просматривал книги, которые тот читал, иногда спрашивал: «А может, нужна еще какая? Так ты скажи – дам денег».

Костя радовался этим переменам. И еще с большим рвением занимался в литературном кружке. В восьмом классе он начал выпускать с помощью Владимира Петровича классный рукописный журнал. Писал сценарии для школьных

представлений. А когда впервые в городской газете напечатали его небольшую заметку, отец вырезал ее и спрятал в бумажник.

Надо ли подробно объяснять суть проявленного педагогом такта, его умение задеть Костиного отца за живое и тем самым заставить его изменить свое отношение к мальчику? Важно здесь выделить один существенный момент. Учитель знал о переменах в доме Боевых. Он ощущал эти перемены в Костином поведении, видел их во всем его облике, в его школьных успехах и делах. Но он и словом не обмолвился Косте, что в чем-то помог ему. Вот высшая форма проявления педагогического такта – сделать доброе Дело как нечто само собой разумеющееся.

Однако к концу восьмого класса, почти перед самыми экзаменами, Костя вдруг захандрил. Посыпались двойки. К урокам он не прикасался. Приходил домой, раскрывал книжку и так, не прочитав ни строчки, мог сидеть часами. Смотрел в окно, следил за облаками. Но стоило ему услышать шаги отца или матери, как он брал в руки учебник и делал вид, что занимается. Точно так же он отсиживал и все уроки.

«Что с Костей Боевым случилось?» – заговорили в школе. С математикой у него всегда не особенно ладилось, а сейчас и с другими предметами беда. Кто-то из учителей оказался проницательным: «Видно, влюбился парень…» Пробовал заговорить с Костей Владимир Петрович. Мальчик отмалчивался, пожимал плечами, словно не понимая, о чем его спрашивают. Впрочем, он и сам не знал, что с ним происходит.

4. Бестактность, грубое вторжение в интимный мир детства – тягчайшее зло

Отец, узнав о двойках, набросился на сына так, будто его в чем-то обманули: «Я из тебя блажь выбью! Или кончай дурить, или отправлю тебя на работу. Пойдешь учеником к сапожнику!» Отец ждал слов, обещаний, но Костя спокойно сказал: «Отдавай куда хочешь».

Отец вскипел: «Ах ты неблагодарный! Я для него все, а он издевается над нами!» Костя едва заметно улыбнулся. Спокойствие мальчика привело отца в бешенство. Он схватил Костю за плечи и прямо в лицо процедил сквозь зубы: «Чего тебе недостает?» Сын смотрел на отца с откровенной усмешкой. «Ты не пяль на меня глаза, лучше в книгу гляди, вот сюда…» И он ткнул сына в раскрытый учебник.

На следующий день Костя после занятий сам отправился в сапожную мастерскую к знакомому дяде Мише и предложил свои услуги: «Хочу к вам учеником, возьмете, а?»

Сапожник неопределенно хмыкнул. Он ловко орудовал поочередно то шилом, то иглой. От него пахло клеем, кожей, резиной. Костя немного постоял у порога, а потом сел. Сел и спросил: «А вы довольны своей жизнью?» И, не дождавшись ответа, продолжал: «А я вот не понимаю, для чего люди живут. Бегают, шумят, суетятся… Вот я хотел бы сказать кому-нибудь правду. Так разве поймут?»

И Костя не заметил, как разоткровенничался: «Нам классный руководитель говорил, что есть такой факультет, где на журналистов учат. Да разве туда поступишь…»

«А отец хочет, чтобы ты учился?» – спросил дядя Миша. «Сейчас не знаю, а раньше очень хотел. А мне теперь все как-то надоело. В общем, я и сам не знаю, чего я хочу. Да и поздно уже. Я все предметы запустил, так что теперь крышка…»

Костя принялся было еще что-то рассказывать, но дядя Миша перебил его: «Эх ты, слабак!..» – «Это почему же?» – насторожился Костя. «Я остался без обеих ног, когда мне еще и двадцати не было. Раскис вроде тебя, даже попрошайничать начал. А меня вот в эту самую будку втащил Акимыч, ты его, наверно, здесь видел, он давно на пенсии, но заходит. Отогрел и усадил вот на это место. Стал обучать. Понимаешь, я летчиком хотел быть… Да что говорить…» Он неторопливо поправил фартук и принялся за второй башмак. Дескать, поговорили, и ладно.

5. Чем сильнее отчаяние, тем острее потребность в дружеском общении, в тактичной поддержке

В подростковом возрасте бывают у ребят иногда периоды своеобразных кризисов, когда многое пересматривается, когда ребенок по-взрослому, с новыми мерками подходит к жизни. Нередко в такие периоды он старается скрыть от других свои мысли и чувства. Будучи в удрученном состоянии, может смеяться, бравировать, прикрываясь маской лихачества, безразличия. Но если прислушаться, нетрудно заметить надлом, неуверенность, резкий спад в настроении. Иногда появляется мнительность, подросток начинает думать о себе невесть что. Не понимая, что с ним происходит, он боится выдать свое смятение и вместе с тем пытается найти какой-нибудь выход, избавиться от гнетущего чувства.

Взрослому человеку такие состояния понятны. В подобных случаях он обращается за помощью к близким людям, а в иных случаях и к врачу. Подросток же находится вдвойне в трудном положении. С одной стороны, у него еще нет навыка говорить о своих переживаниях, нет опыта интимного общения. А с другой

стороны, он не знает ни причин своего состояния, ни его характера. Раньше все решалось проще. Скажем, чтобы получить удовольствие (пойти гулять, в кино и т. д.), надо сначала выучить уроки. Или, чтобы чего-то добиться от матери, надо покапризничать, выпросить, настоять. Подросток же от такой примитивной схемы уже далек. Он достиг некоторой самостоятельности, но его запросы становятся все сложнее и многограннее, и он кидается из одной крайности в другую. А мы думаем, что он с нами рядом и что с ним ничего не происходит. Больше того, мы порой возмущаемся его безответственностью, твердим, что он уже большой! А он наши слова пропускает мимо ушей.

> В подростковом возрасте бывают у ребят иногда периоды своеобразных кризисов, когда многое пересматривается, когда ребенок по-взрослому, с новыми мерками подходит к жизни. Нередко в такие периоды он старается скрыть от других свои мысли и чувства. Будучи в удрученном состоянии, может смеяться, бравировать, прикрываясь маской лихачества, безразличия.

Что же происходит с Костей Боевым? А то, что бывает со всеми подростками. И девочка ему понравилась, и обидно, что она отвергла его дружбу. И хромоту он свою проклинал, и думал, что все из-за того, что он не такой, как все. Он казался самому себе необычайно несчастным. Завидовал товарищам, у которых, как ему думалось, все так легко получалось. И, разумеется, не знал, что им так же – но каждому по-своему – трудно, что они так же, как и он, скрывают свои тайны, бравируют, острят, ухаживают за девочками и с наигранным безразличием проглатывают горькие пилюли.

Ему сейчас не по себе оттого, что он оказался помимо своей воли неблагодарным, оттого, что он со всех сторон зажат заботой окружающих. Он идет в школу, наперед зная, что там будет. Одни и те же вопросительные знаки на лицах: «Ну, взялся за ум?» Ему не хочется возвращаться домой. Вот если бы от него отстали, думает он, сразу бы все пошло нормально.

В таких случаях действительно надо на какой-то период оставить подростка в покое. Для этого тоже нужен педагогический такт. Оставить, чтобы он сам принял решение, чтобы сам пришел со своим переживанием к взрослому.

Налицо парадокс: мы ждем, когда подросток раскроется, думаем, как вызвать его на откровенный разговор, а он ищет, с кем бы поговорить по душам. И выкладывает наболевшее

случайному знакомому. Новому человеку, который посмотрел на подростка свежим взглядом, быстрее удается схватить общее состояние собеседника. Кроме того, такое общение строится на добровольных началах, что придает разговору на трудную тему непринужденный характер. А если этот знакомый скверный человек? В этом отношении Косте Боеву повезло. Хоть он под конец и возмутился тем, что сапожник тоже начал его воспитывать, но дядя Миша вместе с тем помог парню глубже задуматься над своими тревогами.

С тех пор как Костя забросил занятия, нагрубил учителям и ребятам, которые пытались поговорить с ним, он всячески избегал встреч с Владимиром Петровичем. Ему было стыдно перед классным руководителем, который сделал для него так много хорошего. Не только давал книги, рассказывал ему о писателях, об их творчестве, заражал своей любовью к литературе, но самое главное – поверил в него, в его способности. Еще несколько месяцев назад Костя приходил к своему учителю с радостью, просиживал у него часами, беседовал на самые разные темы и уходил, полный надежд, желаний, мыслей. Все это казалось теперь бесконечно далеким.

> Налицо парадокс: мы ждем, когда подросток раскроется, думаем, как вызвать его на откровенный разговор, а он ищет, с кем бы поговорить по душам. И выкладывает наболевшее случайному знакомому. Новому человеку, который посмотрел на подростка свежим взглядом, быстрее удается схватить общее состояние собеседника.

Ну а проработки на собраниях Костю раздражали настолько, что он перессорился почти со всем классом.

И все же Костя испытывал острую потребность пойти к Владимиру Петровичу, показать ему свои новые стихи. Эти строки родились почти мгновенно и казались Косте очень и очень стоящими. Здесь были и свежие образы, и неожиданные рифмы, и какое-то новое восприятие. Косте не терпелось почитать их, но только человеку, который мог бы их по достоинству оценить. Неделю он ходил с тетрадкой, не решаясь обратиться к Владимиру Петровичу. А однажды, когда в классе никого не было, сунул тетрадь в портфель классному руководителю и стал с нетерпением ждать следующего дня.

Какова же была радость Кости, когда вечером к нему домой прибежал пятиклассник и сообщил, что Владимир Петрович ждет его. Костя мигом очутился в школе. Вошел в класс. Владимир Петрович встал из-за стола и поздравил мальчика

с удачей. Косте не терпелось поговорить с учителем, рассказать о своих новых замыслах. Но Владимир Петрович перебил его. «Ты веришь мне?» – «Да», – выдохнул Костя. «Ты можешь сделать то, о чем я тебя попрошу?» – продолжал учитель. «Да», – повторил Костя. «Так вот, ты сейчас пойдешь домой и сядешь за уроки. Вот тебе листочек, где выписаны все темы по всем предметам, которые ты запустил. До экзаменов осталось немного, а у тебя четыре двойки. Стихи хорошие, и ты напишешь еще лучше. Только об этом мы поговорим через две недели, когда подгонишь весь материал. Согласен?» Костя молчал. И тогда Владимир Петрович заговорил о том, о чем все время думал Костя. Учитель сказал, что если бы не эти стихи, которые действительно написаны талантливо, то он бы с Костей и разговаривать не стал. Что Костя не имеет права плохо учиться. Что он хочет видеть перед собой не тряпку и размазню, а настоящего мужчину, который может взять себя в руки. «Своими двойками, – сказал Владимир Петрович, – ты подводишь прежде всего себя. Но, может быть, тебе, Костя, на все наплевать?»

При последних словах учителя Костя резко поднял голову. «Нет, я докажу, – решительно произнес он. – Я сделаю все даже раньше, чем за две недели».

Не будем еще раз говорить о том, как важно вовремя поддержать подростка, вдохнуть в него уверенность и энергию. Продолжим наш разговор о такте, который в педагогической литературе часто трактуется односторонне – только как чуткость, мягкость, доброе слово и т. п. С этой точки зрения разговор Владимира Петровича с Костей Боевым был не безупречен. Более того, педагог употреблял резкие слова, настаивал, был категоричен. В его голосе не было ни интимных приглушенных интонаций, ни завораживающей обходительности, которую иные педагоги берут на вооружение при разговоре с трудными детьми, но далеко не всегда добиваются желаемых результатов.

Перед нами два прямых, можно сказать, лобовых разговора – отца с сыном и учителя с учеником. Оба исходят из благих побуждений, оба не стесняются в выражениях, оба требуют немедленного исправления двоек. И вместе с тем разговор отца с сыном бестактен, грубо авторитарен. Разговор же учителя проникнут подлинно педагогическим тактом, не исключающим в некоторых случаях и такого средства, как разумное принуждение.

Мы часто боимся называть вещи своими именами и тем самым вредим делу, грешим в трактовке сути явлений, отходим от истины. Да, принуждение имеет место в воспитательной

практике, если в это слово вложить непривычный смысл: побудить ребенка сделать то, что он сам хочет, но не решается сделать в силу внутренних противоречий, которые его раздирают.

В описанном случае педагогический такт проявился в умении вызвать у мальчика желание заниматься тем, что ему в данный момент было не по душе. Именно поэтому мы считаем, что отношение к Косте со стороны педагога было тактичным. Он поставил мальчика перед необходимостью учиться. Он бросил на чашу весов и свой авторитет, и средства, направленные на пробуждение самолюбия и достоинства. Заставляя Костю принять его условия, воспитатель исходил из интересов мальчика.

6. Постоянно думайте о защищенности ребенка!

Вряд ли сегодня нужно доказывать, что школа – это не только учеба, а и мир общения, мир тревог и переживаний, радостей и поражений.

Мы интересуемся чистотой письма и сообразительностью своих детей, спрашиваем, что и как сказала учительница, какую оценку поставила в журнал. А вот как отнеслись товарищи к ответу, к замечаниям учителя, как сам ребенок отреагировал на реплику друзей, как он чувствует себя в среде одноклассников – эти вопросы нередко обходим. Нам почему-то кажется, что особых нравственных проблем в общении младших школьников нет. Но это совсем не так.

Представление, будто ребятишки начальных классов податливое сырье, из которого можно делать все, что угодно, неверно. Чем младше школьник, тем непосредственнее и ярче его переживания, тем интенсивнее его тенденция к самоутверждению. И чем сильнее эта тенденция, тем значительнее кажутся ему его поражения, обиды. Подросток, готовя себе костюм на новогоднюю елку, может быть, где-то втайне и надеется на получение приза, но он вместе с тем уже подготовлен прошлым опытом, что приз, возможно, достанется кому-то другому. И не очень-то огорчается, если не будет отмечен похвалой взрослых.

Для первоклашки-шестилетки – все в новинку. Он выслушал слова учительницы, безусловного авторитета: «За лучший костюм – подарок». И эти слова он воспринимает как нечто, адресованное ему. Как естественное и закономерное он воспринял бы разве вариант, когда каждый получил за костюм подарок. Собственно, в хороших школах так и поступают – в классе 20–30 ребят и 20–30 призов.

7. Интересуйтесь тем, как ваш ребенок относится к слабым ученикам, как помогает им, какими методами завоевывает авторитет

Моральные качества детей проявляются в общении друг с другом, в любой деятельности. Дети иногда радуются неуспеху своих товарищей, откровенно высмеивают опоздавших или растерявшихся у классной доски. Они всецело на стороне учителя…

Но уже к шестому-седьмому классу ребята многое пересматривают, у них складываются иные моральные критерии. Возьмем, к примеру, отношение детей к отличнику.

Перед уроком кто-то из ребят выразил общее мнение: «Задачу на прошлом занятии толком не объяснили. Класс не справился. Так и скажем: не поняли, надо еще раз объяснить…»

Отличник выполнил задание не потому, что хотел выделиться, а потому, что ему было интересно. Но он немедленно может потерять свой авторитет, если станет утверждать, что задача пустяковая, что, мол, все дураки, что он ее решил в один миг, и т. д. А если он скажет учителю, что он не до конца уверен в своем решении, что в задаче много сложностей, – таким заявлением он может укрепить свой авторитет. Такое выступление отличника активно в двух моментах: во-первых, поддержал ребят, солидарен с ними, а во-вторых, еще раз зарекомендовал себя скромным, надежным товарищем, который глубоко чтит законы неформального общения.

Но все ли нам известно в общении наших детей? Как складываются их отношения? Можно ли управлять детским общением?

В школу приходят ребята из разных семей, с разным опытом, с разными наклонностями. Создается своеобразный ансамбль, в котором каждый старается исполнять свою партию. Но инструменты – разной силы, разного звучания. И если до игры никому нет дела, может случиться неожиданное: нежную скрипку заглушит барабан, рев трубы покроет все другие звуки.

Не требуется даже специального психологического исследования, чтобы ориентировочно установить иерархии мест, занимаемых ребятами в детском обществе. Тот, кто обращал внимание, как занимают дети места в кинозале, когда им дают непронумерованные билеты, наверняка подметил нечто типичное: самые сильные, так называемые лидеры, занимают места поудобней, получше. Средние – или вторые и третьи номера – садятся на вполне приличные места. А последние оказываются порой и без места.

8. Правильная организация образовательного процесса в школе – это создание необходимых условий для становления наклонностей каждого, это гарантия защищенности и свободы, развития ребенка

Как только дети начинают вместе заниматься каким-нибудь делом – будь то учеба, отдых или труд, – так сразу между ними складываются и определенные отношения, появляется как бы внутренний, еще никем официально не оформленный план их жизни, с целями, с правилами, с системой требований к себе и к другим, со своими понятиями чести, справедливости. Нередко мальчишечьи законы и представления о добре и зле расходятся с правилами морали взрослых. И, словно зная и чувствуя это, дети прячут свои законы от педагогов и от тех, кому, по их твердому убеждению, нельзя довериться.

В классе, как правило, бывает несколько ребят-лидеров. К каждому из них тянутся другие дети, связанные друг с другом различными совместными интересами, переживаниями, местожительством, участием в кружках, секциях. Так образуются малые группы. И в этом нет ничего криминального. Лидерство, как и группа, возникает потому, что дети с каждым днем растут, невероятно быстро увлекаются чем-нибудь, приобретая новый опыт, новые знания, новые качества.

В каждой малой группе дети связаны общими интересами, симпатиями, определенной зависимостью друг от друга. Действия групп и их вожаков могут носить весьма и весьма полезный, общественно значимый характер, а могут быть и крайне вредными, разлагающими, безнравственными. Те группы, в которых складываются отношения настоящей дружбы и взаимопомощи, мы назовем демократическими, или авторитетными. А группы с несправедливым устройством – авторитарными.

Там, где действует авторитарный вожак, непопулярным детям очень плохо. Их унижают, подавляют инициативу, заставляют совершать безнравственные поступки. В буфете им оставляют последнее место, в автобусе они стоят в неудобной позе, в играх постоянно на запасных ролях и т. д.

Одним словом, в детском «свободном» общении некоторым ребятам бывает так несвободно, что они с величайшим удовольствием готовы принять любую организацию извне, если она даст гарантию каждому проявить в полную меру свои способности. Это сокровенное ребячье желание и должно лечь

в основу детского общения.

Часть VI
Всестороннее и гармоническое

Глава 1
Труд умственный и труд физический

1. Проблемы взросления – это новые требования к самим себе. Это новые конфликты, новые, неведомые ранее притязания

Гармония семейных отношений не означает отсутствия проблем и бесконфликтности.

Напротив, чем ближе к идеалу, тем сложнее и тоньше мир возникающих противоречий. Гармония ведь всегда единство различного. Когда мы говорим о богатстве личности, мы неизбежно сталкиваемся и с богатством противоречий. Действительно, как совместить в одном человеке самые различные увлечения? Как предотвратить перерастание увлечения в страсть, способную заслонить ребенку многообразный мир человеческих интересов, порывов, исканий, общения? На какой основе одна возникшая потребность должна вести к образованию другой? Как сделать, чтобы разрешение одного противоречия неизбежно выводило подростка на оптимистические рубежи, побуждало к самовоспитанию?

А каков путь к гармонии всевозможных отношений, образующих личность? Каким образом отношение к самому себе (самосознание) влияет на отношение к другим: к близким, родным, товарищам, учителям, обществу?

На развилке педагогического эталона и отклонения от нормы возникают порой самые неожиданные вопросы. Да и сама по себе идеальная норма заключает самодвижение, обусловленное ростом ребенка. В этом непрерывном движении что-то отрицается, что-то изменяется. Такие отрицания могут проходить болезненно, сопровождаться своего рода кризисами, нравственными потрясениями, страданиями.

Конечно, знание тонкостей педагогического дела должно избавлять от неоправданных коллизий, точнее, придавать им ход разумного разрешения конфликтов.

Но и это не просто. Особенно, если имеешь дело с подростками старшего возраста, где в любом увлечении, в любом занятии могут неожиданно высветиться и характеры детей, и их мировоззрение, и такие сложные нравственные образования, как долг, совесть, понятие счастья. А острота переживаний в старшем возрасте приобретает иные, порой более скрытые формы и обнаруживается не столь очевидно,

как в младшем. Все это создает много проблем и вопросов, на которые ищут ответ родители.

Попытаемся услышать подростка, всмотреться в противоречивый мир его нравственного становления.

Попытаемся услышать подростка, всмотреться в противоречивый мир его нравственного становления. Думается, что в работе с подростками старшего возраста, в частности, у воспитателя, должно быть больше гибкости, больше педагогического искусства, чем в работе с детьми младшего возраста.

2. Взросление – это и болезнь, и выздоровление, это, когда все по краю, у самой бездны. Это и жизнь, и смерть – родители должны быть постоянно начеку!

Последние школьные годы.
Физическая и духовная акселерация.
Напряженный поиск себя.
Нетерпение. Все узнать. Определить.
Разочарования.
Первые свидания. Растерянность.
Неожиданные двойки.
Размышления. Споры.
Настольная лампа, 10, 11, 12 часов, второй час, третий час и будильник на семь утра!
Напряженная нервно-кривая линия роста современного подростка.
Ранний подростковый возраст – самый непонятный и самый сложный.

Если вашей дочери минуло двенадцать лет, знайте, что вы имеете дело не просто с ребенком, а с маленькой женщиной. Она не торопится еще заявить о себе, но она уже вобрала в себя все тонкости поведения женщины: легкую расчетливость, изящную слабость, некоторую коварность, общительность и умение (ни за что!) не выдать тайну. Необыкновенное единство (в чем-то, но далеко не во всем) с мамой: общие взгляды вкусы, привязанности. И некоторые расхождения с отцом. Некоторое пренебрежительное отношение к этому странному мужскому полу, неприспособленному, неуправляемому… И вместе с тем тяга и стремление не властвовать, а чисто по-женски привязать к себе этот противоположный пол, расположить. Пусть они

говорят свои глупости, пусть упиваются собой, пусть кичатся своей силой, ловкостью! Кстати, как досадно, что мужчины стали столь много времени уделять джинсам, рубашкам, прическам. И как мало стало настоящих людей, это бесконечно повторяет мама, которые смогли бы беззаветно любить, пойти во имя чего-то на лишения и жертвы. Это совсем не так, решает дочь. Как хочется, чтобы рядом был тот, кто тебя поймет, чтобы шел этот задиристый подросток рядом. Чтобы он вздыхал рядом. Чтобы можно было ему доверить самое сокровенное, в чем-то помочь, пожалеть.

Если вашей девочке минуло двенадцать лет и в ней ни разу не вспыхнуло (пусть крошечное) светлое, радостное чувство от встречи с другим человеком, – это такая же беда, как и плохие отметки в журнале.

Так называемое освоение социального опыта у девочек проходит преимущественно в русле их эмоционального развития. Именно поэтому класс, в котором учится ваша двенадцатилетняя дочь, кипит от выяснения отношений. Борьба за лидерство идет не только между звездами, но и в среде непопулярных. Кто кому как сказал, кто кого пригласил пройтись по коридору, кто первый заговорил и кто предал навсегда («пришла новенькая в класс – и подруга с ней, а не со мной, пошла в буфет!») – все это возводится в ранг событий первейшей важности.

Именно в эти годы зреет женственность. Филигранную утонченность приобретают интонации, в которых можно уловить самый разный подтекст (десятки оттенков понятны подружкам – и ни один не доступен взрослым). Все идет в ход – полуулыбки, полукивки, полунамеки. Четверть тона, три четверти тона в слове «нет» и еще больше в слове «да».

Ну а мальчишки в 12–13 лет? Они – мужчины? Вот уж нет! Их совсем по-иному занимает проблема человека в эти годы. Выяснение отношений? На это бесплодно-скучное, с их точки зрения, занятие нет смысла тратить время. И чего так мечутся девчонки, галдят, как сороки: этот так сказал, а тот эдак сказал! Ну и что – кто как сказал? Разве слова можно потрогать, запаять, завинтить?

Нет, у мальчишек свой ажиотаж. Предметный. Реальный. Весомый. Их влечет мир вещей, животных, камней, минералов, токов, полимеров, транзисторов. Все, чем можно измерить этот мир: разбить, разогнуть, расплавить – молоток, плоскогубцы, тиски, паяльник, огонь. Жизнь собак, змей, носорогов, лемуров. Визг и крик, шипение, лай, кудахтанье – все это формы познания мира одухотворенности живого…

И спорт: лыжи, футбол, хоккей, коньки, борьба.

И проба сил: «Я ему так дал!» «Если ты еще раз полезешь – схватишь…»

И ожидание: «Эх, скорее бы вырасти да на Луну слетать!» «Кончить бы восьмой класс и податься в экспедицию с геологами»…

И зароки: «Когда вырасту, ни за что на своих детей орать не буду!»

А как они относятся к «ажурным плетениям» своих юных однолеток-подруг? Чем-то привлекает их загадочность – чем? Понять, а тем более выразить словами – невозможно. Да, конечно, с девчонками здорово у костра, в походе, да и на перемене или на уроке хочется перебросится словом, хорошо бы в кино сходить!..

Но есть какая-то благоговейная нейтральная полоса, которую почему-то никто не решается переступить: здесь – мальчики, там – девочки, и вдруг резкая выходка, помчался сломя голову, толкнул, дернул. И возмущение девчонок: «Ненормальный!» И только кажущаяся разобщенность. Они неразлучны в мыслях, поступках. Они неразлучны и тогда, когда их разделяют стены и расстояния.

3. Заботьтесь о том, чтобы у ребенка были яркие и прекрасные мгновения – они-то и воспитывают. И если они связаны с собственным трудом, с раскованностью душевных сил – тогда им нет цены!

Эти мгновения творят Личность, Семьянина, Гражданина!

Взрослые знают только одно: по какому предмету спрашивали? Что поставили? Замечания были? (Не было.) И еще удар – покажи дневник! (Дневник – это камень на шее, это доносчик в собственном портфеле.)

А отец медленно читает замечания в дневнике: опоздал на второй урок, снова играл в футбол, явился на ботанику мокрый от пота, весь в грязи… И сидит мальчишка, как подсудимый. Он, гордость футбольной команды. Ах, какой он забил гол тогда, перед вторым уроком! Да за этот гол он бы согласился и на двадцать записей в дневнике. Он один пробился через защиту. И сам, с ходу, в угол! И ребята бросились обнимать. Да разве такое часто бывает? И понимает ли отец, что этот удар многое решил в его судьбе? В его отношениях с ребятами… Нет, другие заботы у мальчишек.

Но есть у девчонок и мальчишек нечто общее – это поэтическое состояние души, эта удивительная одухотворенность порывов. Если взрослый не постарается понять этой прекрасной

детской поэтичности, если не сделает своей союзницей, ни о каком нравственном влиянии говорить не придется.

В двенадцать лет всплески душевной раскованности преобладают преимущественно в игре. Надо вносить эту духовную взволнованность в сферу занятий, учебы, общественной деятельности.

После того как вам удалось сделать союзницей поэтическую приподнятость ребенка и вы разделили все его восторги по поводу собак, носорогов, полимеров, бизонов, черепах, транзисторов, пенальти, – вы *должны* найти момент и предложить ему свою помощь. Там и тогда, где и когда она необходима.

Например, если у ребенка тройка по какому-либо предмету, он на уроке не может чувствовать себя спокойно. Он лишается радости учения. Его урок делится на две части. Первую часть он скован страхом: как бы не спросили, а вторую – он отходит от страха, расковывается и поэтому, разумеется, не слушает. Ждет перерыва, ибо перемена – это для большинства настоящая жизнь! Десять минут удивительной свободы, счастья, света, полная грудь воздуха – весь мир в твоей власти.

4. Приохотить к умственному труду – дело непростое. Надо запастись терпением

На уроках запоминают учебный материал в основном те, кто хорошо учится. Остальные проводят время так просто. А ваш сын тычет карандашом в лопатку соседа и шепчет какую-то чепуху, и тот оборачивается, и учительница делает замечание. Делает второй раз, третий…

Не станем продолжать возможное развитие событий…

Выведите ребенка из этого ужасного серого безмолвия!

Как это сделать?

Вы недовольны учителем?

Позволю себе рассказать историю. Я в ней ничего не придумал. Очень любопытный встретился мне человек. Около двадцати дней я пролежал в больнице, и все это время мой сосед по палате, инженер Борис Иванович Зверев, штудировал школьные учебники: проходил программу седьмого класса по алгебре, геометрии, физике, химии.

– Понимаете, мой сын болел, потом в санатории был. Отстал. И вот сейчас приходится помогать. И я решил освоить предметы…

Мальчик приходил в больницу, и отец растолковывал ему теоремы. Когда сын не мог прийти, уставая или плохо чувствуя себя, приходила жена. Отец объяснял жене математические

задачки, в которых она не очень-то разбиралась, все успела позабыть, и жена должна была все это передать сыну.

– Разве может учительница знать все о каждом ребенке, – рассуждал отец, – когда у нее много учеников?

– А вы поговорите с ней, посоветуйтесь, – предложил я.

– Что это даст?

– Возможно, она станет внимательнее к мальчику. Это очень важно.

И я рассказал ему об одном психологическом опыте. Опыт сводился к тому, что психологи обманули учителя, сказав, что пять его отстающих учеников обладают выдающимися математическими способностями. Учитель стал по-иному относиться к этим детям, и через некоторое время они учились уже намного лучше.

Зверев согласился со мной, но заметил:

– Я думаю, что мы с ним скоро основательно подгоним математику, а потом, конечно, и за русский придется взяться…

И каждое утро Борис Иванович готовил уроки. Писал сыну объяснения задач, давал письменно советы, всячески помогал мальчику. Я не сомневался в том, что через некоторое время сын Зверева станет хорошо учиться.

Были ли увлечения у мальчика? Конечно. Часами он сидел с электрическими конструкторами, моторчиками, мастерил и кое-чего добился благодаря этому: по физике у него была твердая пятерка, здесь он все понимал. А вот по алгебре и геометрии, рассказывал отец, у него такая запущенность, что он не в силах самостоятельно разобраться в материале. И его мучит страх.

5. Избавьте ребенка от страха, от ложного стыда, от необходимости изворачиваться и лгать

Неслучайно психологи говорят об эмоции страха как угрожающей для нормального развития ребенка.

Если ребенок знает, что его встретят дома недовольным взглядом, упреком, вздохом, он чувствует себя скованно. Скованность нарастает по мере приближения к дому. Переступил порог. Движения точно при замедленной съемке: вешает пальто (так бы и прилип к стене и не отлипал бы!), медленно опускает руки, снимает ботинки. А спиной чувствует вопрос: «Что получил?» И ведь давно уже догадались, что ничего хорошего не получил, в глаза стыдно смотреть, потому и уткнулся носом в стену. Но все равно спрашивают… Неужели не понимают, что он ничего, кроме тройки, не может принести из школы? Откуда же взяться хорошим отметкам, если все так

беспросветно запущено?! Если те же густые потемки незнания и неумения осилить предмет как паралич сковали волю, способность соображать.

Попытайтесь войти в положение ребенка. Поставьте себя на его место. Представьте себе создавшуюся ситуацию.

– Иди к доске, Зверев, – говорит ему учитель, – решай задачу.

– Я не могу.

– Садись, два.

И стыдно ему двигаться по классу. Торчат огромные руки. Рост – 1 м 70 см. А задачку не смог решить. А пигалица Верка, на год младше, выскочила к доске и мелком по доске стук-стук и все решила. «Садись, пять». А он, Зверев, весь в испарине: хоть бы звонок скорее!

А домой приходит: «Что получил?» Мать кричит. И даже замахивается на сына. Отец вроде бы жалеет, но это еще хуже. У отца давление сразу подскакивает, как только сын двойку домой приносит. Вот какая история.

Неслучайно психологи говорят об эмоции страха как угрожающей для нормального развития ребенка.

И вдруг однажды атмосфера изменилась. «С этого дня со старым покончено, – заявил отец. – Начнем заниматься математикой с шестого класса. Ты только не стесняйся, говори, где и что тебе непонятно…» И пошли занятия. Ожил Зверев. И перестал замечать рост свой – на полголовы выше отца, – легкость в движениях появилась. Улыбка на лице. И никто не спрашивал больше, что получил, а только занимались: знали, что настанет день, когда мальчик придет домой и скажет: «По геометрии – четыре».

Так оно и было.

– Следует, однако, иметь в виду, что ваши занятия в дальнейшем могут пойти во вред, а не на пользу.

– Есть такая опасность. Я ее однажды почувствовал, – рассказывает Борис Иванович Зверев. – Сначала я просто решал задачки, а сын набело переписывал в тетрадку. И появилась у него привычка самому не думать. Я сижу, решаю, а он ждет. Э, думаю, не годится, а ну, возьми-ка, сам решай. Изменили мы с ним метод: он решает, а я ему только изредка подсказываю да объясняю, чего он не знает.

Правильно сделал Борис Иванович, что изменил метод работы с сыном. Только собственным усилием ребенок может прийти к подлинному знанию, к развитию своих умственных способностей, к повышению своего статуса в коллективе школы, семьи.

Если ваш ребенок пропустил занятие – был в поликлинике, проспал, занят был по хозяйству и т. д., – сделайте все, чтобы он выполнил заданное на дом. У вас может быть с ним такой разговор:

– Ты узнал задание?

– А никто не знает.

– Как это никто?

– Я у Юрки спрашивал, он забыл записать. А Петьки дома нет.

Постарайтесь сорвать этот тактический план. Заставьте узнать, что было задано, сядьте рядом. Пусть у ребенка сложится твердое мнение, что пропустить или не выучить урок, не сделать домашнее задание – это самый большой проступок, какой только может быть в его школьных делах.

Сейчас родители уже все больше стали понимать, что семья в такой же мере ответственна за развитие ребенка, как и школа. Что общность усилий как раз и состоит в том, чтобы в разных условиях, разными средствами создавать общую единую основу для саморазвития, самораскрытия возможностей детей.

Я чаще встречаю родителей, которые не просто интересуются педагогикой, как они интересуются, скажем, садом, охотой, спортом, но и стремятся к своеобразному педагогическому творчеству. Московский слесарь Петр Иванович Панов (незрячий от рождения) развил музыкальные способности своего шестилетнего сына Алеши (у него примерно три процента зрения) до такой степени, что музыкальный звук стал для малыша средством общения. Мальчик с увлечением исполняет сложные классические произведения, находит в музыке радость восприятия мира. Петра Ивановича интересовали методы воспитания. Все то лучшее, что было в его собственном детстве, он воспроизводит в своих отношениях с сыном. И всячески избегает повторения у ребенка тех отрицательных эмоций, от которых страдал в свое время он сам. Его требовательность к сыну очень высокая. Требовательность, в основании которой лежат терпение, чуткость, уважение к личности человека, к его достоинству.

6. Если вы хотите, чтобы ваши дети получили хорошее образование и развитие, не надо жалеть собственных усилий. Воспитанный и образованный ребенок – это самое великое ваше богатство

Вот ученик пришел домой и сказал, что он, ранее отставaвший, первым решил задачку в классе и учительница его похвалила, – знайте, что он на вершине своего счастья. Никакой

футбол, детективы, компьютеры не могут сравниться с этим прекрасным ощущением победы над собой. Помогите обрести эту радость.

Если ваш сын или дочь учится на одни пятерки и относится к своим отметкам с привычной удовлетворенностью и даже скукой – это опасно. Помогите найти более усложненные варианты знаний. Постарайтесь загрузить отличника в соответствии с его развитием.

Многие педагоги делают непростительную ошибку, когда к отличнику предъявляют такие же требования, как к слабому ученику. Тогда сильный ученик работает не в меру своих сил, не в меру своего развития. Родители должны следить за этим. Чем раньше школьник будет включен в процесс самообразования, тем успешнее станет его подготовка к жизни, дальнейшему учению. Постарайтесь найти для своего ребенка такие формы занятий, которые вели бы его к более высоким формам умственного напряжения. Это могут быть и кружки в школе, и кружки при институтах, различные формы заочных занятий и т. д.

7. Не всякая загруженность полезна. Занятия должны развивать духовно и физически

Если подросток будет сверх программы решать сложные задачи, или писать юмористические рассказы, или конструировать новый приемник – помогите ему достичь цели. Ибо каждая достигнутая цель – это и есть тот воспитательный результат, который формирует личность, ее духовную, физическую и нравственную суть.

Если подросток будет сверх программы решать сложные задачи, или писать юмористические рассказы, или конструировать новый приемник – помогите ему достичь цели.

Духовная жизнь семьи складывается, кроме всего прочего, и на основе обмена информацией. Желательно, чтобы эта информация, хотя бы частично, перекликалась с изучаемым программным материалом.

Если в школе проходят Пушкина, то неплохо в семье читать в этот период книги о Пушкине, письма поэта, воспоминания о нем, его произведения. Знания, полученные в процессе свободного общения, выполняют особо важную роль в общем развитии детей.

Если в школе проходят электричество, достаньте, хотя бы на это время, занимательные книги по этой теме, а также книги из серии «Жизнь замечательных людей», в которых рассказывается о первооткрывателях электрической энергии.

Если в школе изучается теория происхождения видов, то хорошо бы взяться за книги о Дарвине и других ученых-естествоиспытателях.

Помогите ребенку сориентироваться в чтении литературы. Надо, чтобы у сына или дочери была своя полка любимых книг. Этим вы достигнете очень многого. Пусть ребенок говорит: «Это мои любимые книги. Это мои любимые стихи, любимые пьесы».

Пусть ходит по магазинам, ищет и спрашивает нужную ему книгу. Пусть заглядывает в каталоги, запоминает издания, авторов. Собирание книг, возможно, одна из прекрасных человеческих страстей, которая украшает нашу жизнь.

Научите ребенка мастерить, помогите ему оборудовать рабочее место. Я видел разные типы «рабочих мест». Мальчишка увлекся химией – в доме установлен стеллаж, появляются специальная посуда, горелка, отводная трубка в окно, цинком обита стена…

Помогите ребенку сориентироваться в чтении литературы. Надо, чтобы у сына или дочери была своя полка любимых книг. Этим вы достигнете очень многого.

Подросток увлекся техническим творчеством: в квартире – шкаф, ящики с деталями, место для паяльника, маленькие тисочки, верстачок, приборы…

В семье Никитиных, где выросло шестеро детей, нашлось место для прекрасно оборудованной комплексной мастерской, для работ по электричеству, слесарному и столярному делу, резьбе по дереву и т. п. В этой мастерской все: и жесть, и краски, и лаки, и растворители, и дерево, и провода, и радиодетали, и точило, и прочее. Когда я был в этой мастерской с группой ребят, у них глаза разбегались: «Вот это дом!»

Почему подросток должен мастерить? Можно привести много примеров и доводов в пользу ручного труда: и физические усилия, и выработка трудовых навыков, умений.

Я не стану их перечислять. Коснусь только одного. Ручной труд чрезвычайно полезен, так как помогает глубже познавать современный мир техники, явлений природы.

То, что проходит через детские руки, дает обильный материал для самых широких обобщений. Работа рук не просто механические движения. Рука – это тоже разум! Это осмысление.

Это приятие целостности вещи, предмета. Никакие умозрительные представления, никакие книги не смогут заменить то, что ребенок может и должен сделать своими руками. Руки развивают мозг в такой же мере, в какой разум делает движение рук осмысленным. Ребенок познает мир прежде всего руками.

Чем раньше ребенок будет приобщен к труду, тем больше будет предпосылок для нравственного воспитания.

8. Труд и гармоническое развитие личности

Я как педагог не могу не восстать и против той лености, которая порой воспитывается у многих детей именно потому, что в силу созданных социальных условий у них нет необходимости с малых лет трудиться. При бездумном, беспечном отношении взрослых это зачастую приводит к иждивенчеству, инфантильности, неподготовленности к практической жизни.

Мы много рассуждаем о трудовом воспитании и недостаточно порой создаем реальных условий для включения детей в труд, и прежде всего – производительный.

Однажды я был на заседании художественного совета кинематографистов, где обсуждался педагогический сценарий. Речь шла о том, что сельские школьники выращивали растения, и коллектив школы получал от этого доход. Какое возмущение вызвало у присутствующих это слово – «доход»! Можно ли школьникам зарабатывать деньги? Не развратят ли деньги детский коллектив? Не воспитают ли корыстолюбие? Опыт лучших воспитательных учреждений (московский школьный завод «Чайка», ставропольские школьные полеводческие бригады, школа имени В. А. Сухомлинского и др.), напротив, свидетельствуют о целесообразности самого широкого развития производительного труда в школе.

Трудовое воспитание нельзя сводить только к приобретению трудовых навыков или тем более к одним разговорам о любви к труду. Если малыш умеет клеить коробочки и красить кубики, это еще не значит, что у него уже воспитана потребность в труде.

Пора нам, наконец, понять, что труд выполняет свою воспитательную функцию тогда, когда он заключает в себе и какой-то экономический смысл, является каким-то делом, а не просто физическим усилием. Больше того, если труд бесполезен, бессмыслен, он способен вызвать только отвращение.

9. Духовное благородство невозможно воспитать только постоянными назиданиями. Оно утверждается

в сотрудничестве с другими, в трудовом напряжении

В труде рождаются первые искры гражданского сознания. Начальные трудовые шаги могут быть очень простыми и будничными. Например, дети копают ямки для посадки молодых деревьев, сажают их, вносят в землю удобрения, поливают. И так каждый год – все несложно и однообразно.

Но это не отупляющая физическая работа. Это работа в полном понимании этого слова творческая: ребенок наблюдает, как дерево растет, видит реальные плоды своего труда, и в этом для него удовлетворение и радость. Увлеченность коллектива рождает у него желание проявить себя в общей работе.

Важно, чтобы одна деятельность обогащала другую, одна сформированная потребность становилась условием образования других потребностей, ведь гармоническое развитие предусматривает воспитание разносторонних интересов личности.

Глава 2
Как развивать в каждом чувство красоты

Видеть мир по-своему – разве это привилегия художников? Конечно, художники по-особенному видят природу, человеческие лица, интерьер. А ведь бывает и так, что мы видим мир глазами художника: «Смотрите! Море точь-в-точь как на картине Айвазовского» или: «А это улочка Утрилло!», «А вот весна саврасовская. Даже грачи те же».

Художники, создавая образцы видения мира, обогащают наше восприятие, как бы расширяя наш диапазон прекрасного.

Подсолнухи Ван Гога.

Ветка сакуры японских мастеров.

Ветка оливкового дерева Иванова.

Ветка сирени Кончаловского.

Все это не только разные формы и краски, но и разные мировоззрения, разная мера отношения к прекрасному.

Человек воспринимает реальную ветку сирени со всем ее ароматом, со сверканием бело-фиолетовых капель росы, с излучением того радостно-нежного опьянения, которое и чуть-чуть кружит голову, и вместе с тем освежает, потому что эта затуманенность сознания разрывается вдруг чистой пронзительной струей ароматной прохлады, которая как бы очищает мир человеческого восприятия.

Иногда человек не способен к такому восприятию, потому что чувство красоты в нем не развито: не соединяется оно с переживанием нравственным. Меня не искусство в данном случае занимает, а внутренний мир человека, богатство и бедность его духовной жизни. Меня волнует то, как человек относится к Жизни. Я не хочу, чтобы ребенок воспринимал этот мир в восторженно-розовых тонах. Но и опасно, когда многоцветная панорама действительности заволакивается для него серой, тусклой пеленой скучной обыденности.

Мне грустно, когда я сталкиваюсь с детским безразличием к прекрасному. Всегда убеждаешься в том, что эмоциональная глухота явилась следствием не только эстетической неразвитости, но и духовной бедности, черствости, общей апатии ребенка.

Меня волнует то, как человек относится к Жизни. Я не хочу, чтобы ребенок воспринимал этот мир в восторженно-розовых тонах. Но и опасно, когда многоцветная панорама действительности

заволакивается для него серой, тусклой пеленой скучной обыденности.

Внимательно наблюдая за детьми, можно заранее почти безошибочно предсказать, кто из них и как будет воспринимать прекрасное. Если лицо ребенка светится умом и пытливостью, если его трудолюбие сочетается со взлетами творческого воображения, такому ребенку будет свойственна некоторая восторженность. Не может такой ребенок не увидеть прекрасный закат, не обронить, пусть мимоходом: «Как здорово!» И наоборот. Если в глазах ребенка не живет мысль, если даже воспитанное трудолюбие не соединяется в нем с духовными всплесками сердца, для такого ребенка мир прекрасного будет ничего не значащим фоном.

Я много раз бывал в походах с детьми. По-разному воспринимали они природу. Духовно развитый школьник (трудолюбив, хорошо учится, добрый товарищ) впервые видит море: он взволнован. И подбирает сравнения. И философские какие-то аналогии приходят ему в голову. «Море – оно живет, оно – как много людей, как народ в праздничный день». И вечером он не может оторваться от мерцающего света, от таинственного сумрака, он поглощен ритмическим звучанием волн.

А вот восприятие другого мальчика (заметьте, я беру не самый крайний случай духовной бедности), в общем-то трудолюбивого, спокойного, уравновешенного, послушного, но духовно ограниченного, которого надо развивать, учить, вести к пониманию красоты. Он, впервые оказавшись у моря, уныло замечает: «Ну и что? Много воды, и все».

Вечером он не видит ни притягательного загадочного мерцания, ни скользящей лунной дорожки, утром не радуется восходу солнца над морем, не волнует его неуемная сила волн. «Ну и что, – говорит он. – Ничего особенного». А чаще вообще ничего не говорит, потому что не замечает.

Я убеждался: не пожалеешь времени на такого мальчишку, научишь его видеть прекрасное в окружающем мире, и весь его облик становится другим. Меняются глаза, в них появляется та пытливая приподнятость, которую ни с чем нельзя спутать, она основа познания: он и лучше соображать стал, и к ребятам добрее, и с родителями мягче, отзывчивее. И труд его окрашивается какой-то особенной духовностью. И воображение становится богаче, содержательнее.

1. Чувство красоты необходимо человеку, как зрение

и слух, как здоровье и умение разговаривать

Забегая несколько вперед, я позволю себе привести те предположения, которые в течение многих лет проверялись в моей практической работе.

Если ребенок не увидит красоты в малом, он не научится видеть прекрасное и в большом.

Если восприятие прекрасного не будет подкреплено деятельным участием ребенка в творении красоты, то такое эстетическое воспитание только приведет к излишней экзальтированности и инфантильной восторженности.

Если эстетическое не будет соединяться с нравственным, то такой разрыв неизбежно приведет к пустоте и бездумному эстетству.

Если вы хотите, чтобы ребенок не только питал отвращение к безнравственным явлениям, но и решительно выступал против безобразного в жизни, старайтесь развить в нем понимание подлинно прекрасного.

Если восприятие прекрасного не будет подкреплено деятельным участием ребенка в творении красоты, то такое эстетическое воспитание только приведет к излишней экзальтированности и инфантильной восторженности.

Вспоминаю такой случай. В школе произошел конфликт. Подрались два десятиклассника. Один, назовем его Женей Гушевым, принес в школу несколько пачек порнографических открыток. А другой, назовем его Сашей Макаровым, стал эти открытки рвать. История получила огласку, вызвали родителей.

Отец Жени удивился и не поверил. Ему показали объяснительную записку сына, в которой было написано: «Тогда он мне предложил перепродать шесть комплектов – за каждый по шесть рублей. Из 36 рублей я 16 должен был взять себе, что я и сделал…» Отец понимающе усмехнулся: «Заработать хотел, негодник!»

В объяснительной записке Саши были такие слова: «Я ненавижу все, что порочит человеческую красоту. Поэтому я и стал драться, когда увидел».

Отец Саши, прочитав объяснительную записку сына, сказал: «Я и не мыслил иного поступка с его стороны».

Две разные позиции. Два разных результата воспитания.

Не хотелось бы делать такой вывод: в семье Жени безразличие к миру прекрасного, утилитаризм и культ

практицизма, а в семье Саши – благоговение перед искусством. Наверное, все намного сложнее.

Но одно можно утверждать наверняка:

2. Если вы хотите приобщить ребенка к прекрасному, сами займитесь искусством

Одна мама мне сказала возмущенно:

– Вы что же проповедуете? Шарлатанство? Если каждый будет рисовать? Да вы знаете, что искусство – удел избранных? Я, например, ничего не могу.

– А хотите, я докажу вам обратное? Вы напишете великолепную картину и изумительный портрет. И, представьте себе, маслом. На холсте…

Мама расхохоталась. Ее рассмешили слова «масло», «холст», «портрет».

Но я принес ей кисти, холст и краски. Попросил хоть что-нибудь нарисовать карандашом. Она набросала две елочки, два облачка, волка с раскрытой пастью и зайчишку. Я надавил красок: они так великолепно блестели, что этот радужный блеск, наверное, что-то и задел в этой маме. Я ей сказал: «Выберите какие угодно тона и раскрасьте ваш рисунок. Знаете, Суриков однажды сказал: «Наконец-то я нарисовал «Боярыню Морозову», осталось только раскрасить». Так вот, вы тоже только раскрасьте. Как угодно. Хотите, небо сделайте красным, деревья голубыми! Что хотите, то и делайте!

– Что же, по-вашему, я такая дура, – сказала мама, – что небо красным разрисую? Небо будет у меня синим…

Через полчаса мама ликовала: у нее получился отличный пейзаж, на холсте и маслом. И я ей сказал:

– Великолепно! Но самое грустное, конечно, то, что вам никто не поверит, что это ваш рисунок…

Я играл, и она приняла игру. К ней в этот час вернулось детство, ей страшно захотелось еще что-нибудь нарисовать. И я предложил:

– Портрет. Чей портрет вы бы хотели нарисовать?

– Мужа, – сказала она.

И снова карандашный рисунок, а затем краски: черные роговые очки, ямочка на подбородке, черные густые волосы, красные щеки и голубые-голубые глаза…

Портрет ей понравился еще больше. Между рисунком и ее характером было много общего: такая же напористость, искренность, твердость линий и предельная насыщенность красок.

Ну, а самое главное – она начала рисовать с дочерью. И дело тут не в их умении, а в увлеченности, в отношении к искусству.

Какую ошибку можно допустить в приобщении ребенка к прекрасному и во что она может обойтись?

Давайте проанализируем результат воспитания в семье Макаровых.

Сам Макаров рассказал мне о себе так:

– Я рисовал, потому что у нас в семье все рисовали. Но у меня не получалось так, как у старших братьев, и надо мной смеялись. И я возненавидел рисование. Возненавидел так называемые «видики» (прилизанная гладь воды, зелененькая, одна в одну, травочка, кудрявые деревья). А у меня все получалось разорванно, лохмато, накручено и «нечисто», как говорил мне отец. И я забросил бы кисти навсегда, если бы однажды не увидел рисунки и картины французских импрессионистов, да и некоторых наших русских художников. Поверьте, я почувствовал себя словно обкраденным. У многих из них я увидел точно такую же неправильность форм и взлохмаченность, которая была в детских моих работах. Такая же яркость тонов, без переходов… И я стал лихорадочно писать. Изучал технику в процессе работы. Одним словом, все свободное время отдавал живописи.

Естественно, я хотел во что бы то ни стало приобщить и своего сына к искусству. Но вот парадокс: я сделал ту же ошибку, которую по отношению ко мне допустили мои родители и старшие братья.

Помню, как сейчас, этот злополучный вечер, когда мой маленький сын – Саше тогда было не более шести, – рисуя акварелью на бумаге, стал наносить один слой на другой (чего, как вы знаете, в акварели не рекомендуется делать), и я стал сердито говорить: «Да нельзя же так помногу краски! Бумага должна светиться».

Но и на десятый, и на двадцатый день Саша делал то же самое… Он будто нарочно размешивал акварельную краску, доливая и доливая в блюдечко водички, пока вся краска не растворялась… И я не выдерживал, срывался и кричал:

– Да нельзя же так! Ты все краски испортишь!..

Саша точно изводил меня. Он разливал по бумаге все это жидкое радужное месиво, а я стонал от досады. И финал был грустный. Больше Саша не взялся за кисточку. Как я его ни завлекал, к краскам он больше не прикоснулся. Впрочем, попробовал он однажды, года через три, нарисовать карася, такое домашнее задание по природоведению он получил. И я был поражен тем, что мой, трехлетней давности, урок засел в его

голове. Акварель была так чисто и изящно нанесена, что каждая чешуйка, каждая косточка – все светилось, как и должно светиться в акварельном рисунке.

Я – с каким опозданием! – похвалил рисунок. Подумал, что отныне Саша возьмется рисовать… Но не тут-то было. Саша за своего великолепного карася схватил тройку: оказывается, нарисовал рыбу на листе не того формата. Он расстроился и в том году больше к краскам не притрагивался.

– В чем же состоит ваша ошибка? – спросил я, чтобы получить подтверждение своим мыслям.

– А в том, что приобщение к прекрасному требует исключительной бережности.

– То есть мы в любом случае должны хвалить, поощрять?

– Именно так. Именно похвала поможет развернуться детским творческим силам…

– Но есть ведь и другие способы. Отец Паганини, издеваясь над ребенком, заставлял его играть на скрипке. А получился великий скрипач.

– Да, Паганини выжил, а сколько «Паганини», изуродованных родительскими окриками, запретами или, наоборот, принуждением, навсегда оказались погубленными?

– Ну, а если ребенок в первом своем рисунке изобразит совершенную чепуху. Тоже надо похвалить его?

– Пожалуй, тоже, – ответил нерешительно Макаров. – Впрочем, я именно об этом и хотел вам рассказать…

Прервем рассказ Макарова для того, чтобы подчеркнуть главную мысль: когда мы стремимся приохотить человека к чему-либо, мы на первых порах должны воздержаться от критических замечаний. Это всеобщий закон, распространяющийся на все виды деятельности, на развитие всех человеческих интересов без исключения.

А история действительно была поучительной.

– Дело было так, – продолжал Макаров. – Саша в последние полтора года стал присматриваться к моим работам. Иногда мы ходили с ним на выставки. Не могу сказать, чтобы он рвался в музеи, нет. Скорее я его водил. И он точно боялся отказать мне. Шел, пожалуй, нехотя, но шел. Смотрел, оценивал. Подолгу у картин не задерживался. И вот однажды я почувствовал, что он хочет сам что-то нарисовать. Я дал ему кисти, краски, картон. И он стал рисовать, запершись в своей комнате.

Был воскресный день, настроение было легкое, и через некоторое время я попросил Сашу, чтобы он показал мне свою картонку. Сын – ни в какую! Только я подхожу к двери, он кричит: «Ну, я прошу тебя! Ну, потерпи! Закончу – покажу…»

Я для себя твердо решил: что бы он ни сделал, я все равно похвалю, чтобы укрепился в нем интерес.

3. Нельзя развивать интерес к любой творческой деятельности в отрыве от нравственности

…И вот, как сейчас помню, Саша, торжествующий, вышел. Я сидел в кресле. Он поставил напротив меня свою картину. Затем побежал за настольной лампой. Включил ее, направив свет на картон.

То, что я увидел, привело меня в смятение. В горле что-то сдавило, я растерялся…

На картине был нарисован белый гроб, резной работы, с выступами, с крышкой, с мощным основанием – то есть такой гроб, который я, возможно, и не видел, но представлял, что именно таким должно быть это последнее убежище человека. А по краям восемь разноцветных то ли урн, то ли круглых подставок. Причем эти урны уменьшались по мере отдаления от переднего плана.

– Я сейчас, – рассказывал Макаров, – могу как-то оценить свое психологическое состояние: ощущение какой-то внутренней боли сменялось чувством беспомощности, ужасными, нелепыми предположениями…Хотелось спросить: «Зачем же так? Ведь у нас не так давно бабушка умерла. Это самое тяжелое горе, о котором, правда, никто из нас не напоминает, но оно не покидает нас, носится в воздухе…» Приходили и другие мысли: когда-то Саша вроде бы в шутку заладил, что ему надоело жить. «Может быть, и этот гроб, – думал я, – навеян страшными мыслями…»

И пока я размышлял, он, точно кожей чувствуя мое замешательство, спрашивал у меня: «Ну что? Ну как?»

И все-таки, верный своей установке, я сказал:

– Ты знаешь, удивительно прекрасно по цвету…

– Но я чувствую все же, – сказал он, – что тебе что-то не нравится.

– Не совсем оптимистично по сюжету, – процедил я, натужно улыбаясь, и добавил: – А ты попробуй сделать еще что-нибудь. По-моему, у тебя с цветом получилось что-то необыкновенное.

Саша отправился к себе в комнату и через полчаса принес портрет Джона Леннона. Портрет был необычен в выборе красок. Кажется, я такого сочетания никогда и не видел. Фон – густой чернильной фиолетовости, лицо – ярко-лимонно-желтое, однако не ядовито-желтое, а мягко и тепло-желтое с некоторой белизной, волосы – иссиня-черные, однако местами с коричневым отливом, и одежда – краплак с какой-то голубой тенью.

– Прекрасный портрет, – сказал я. – Кажется, ты сможешь сделать нечто совершенно необычное. Нет, портрет просто восхитительный…

Я говорил, а в голове у меня сидела мысль о картине с гробом. И он это понимал. И знал, что все мои похвалы портрету – попытка отвлечь его, замять историю с той картиной… И может быть, протестуя против этого, а может быть, по какой-то другой причине, только я отлично знал, что он начнет говорить о своей первой картине. Так оно и получилось. Он сказал:

– А ты знаешь, мне первая картина больше нравится. Ты знаешь, как я ее назвал? Я ее назвал «Жить, чтобы жить».

– Что же, очень по-философски… А какой ты смысл вкладываешь в это название?

– Мне трудно это сказать, – ответил он, – но жизнь действительно так прекрасна, что смерть лишь подчеркивает ее красоту и ее вечность…

И все-таки в тот вечер я не смог рассуждать о его картине. Я вспоминал его разговоры о сюрреализме. Саша стал меня расспрашивать об этом направлении. Из всех живописных течений я именно сюрреализм и не приемлю. Ненавижу за его бездушность. Я сказал ему об этом. Тогда через несколько дней он притащил альбом Сальвадора Дали, и мы стали рассматривать репродукции. Почему для меня неприемлемо его творчество? Я пояснил, насколько мог, свою точку зрения: все стерилизовано, химизировано, выжжено, все дышит смертью, концом света, ужасом: эти черепа, змеи; распятые с геометрической точностью, пригвожденные шипами фигуры… Саша согласился с моими оценками. Правда, спросил:

– Ну а техника у него сильная?..

– Безусловно, своеобразная, но скорее фотографическая, а не живописная. А главное: он недобрый, этот Дали.

– А разве нельзя его понять как художника, который изображает всю мерзость бездуховной жизни?

– Можно, конечно, и так понять, – сказал я. – Но даже в изображении уродливого в искусстве что-то должно дышать теплотой. Где-то должен быть хотя бы маленький просвет. Помнишь, например, у Брэдбери, в его романе «451° по Фаренгейту» – там все уничтожено машинной цивилизацией, но есть какой-то проблеск: одуванчик вырос на асфальте этого безумного города… Вот и в искусстве должны быть свои одуванчики… Может быть, я с такими взглядами устарел?

– Да нет, ты, пожалуй, прав, – сказал он. И я обрадовался, что он со мной согласился.

Прошел день, он снова заговорил о Дали, и я чувствовал,

что он хочет как-то перейти снова к своему рисунку.

– Я не возражаю против одуванчиков, – сказал он, – но почему должен быть такой стандарт? Разве талант Дали не имеет права на жизнь? А разве «Герника» Пикассо не такой же протест против жестокости мира?

4. Подростка легче всего убедить его же собственными мыслями

– Единственно, чего я не могу, – рассуждал Макаров, и я с ним соглашался, – это запретить моему ребенку мыслить так, как он хочет. Конечно, он мыслит понятиями и ассоциациями, которые черпает из разных источников. Ведь наслышался же он от кого-то о Дали. Чьими-то глазами посмотрел на этого художника. Чьи-то суждения засели в его голове. «А ты знаешь, – говорит он, – твои Моне, Ван Гоги, Серовы давным-давно устарели. Они так же традиционны в своем мышлении, как Репин, Рембрандт и Рафаэль. Новое искусство должно быть иным».

– Абстракционизм?

– Абстракционизм – это тоже старо, – ответил мой сын. – Нелепейшая бессмыслица. Искусство делают искусством три вещи: мысль, предмет и краски. Я не буду заниматься живописью, потому что никогда не смогу овладеть такой техникой изображения предмета, какой владеет тот же Сальвадор Дали.

Я не спорил.

– Ты почему молчишь? – спросил он.

Я ничего не ответил. Мне надо было обдумать все. Взвесить, подобрать аргументы. Увидеть тех моих закулисных противников, с которыми я должен был скрестить шпаги.

– Тебе не нравится ход моих рассуждений? – явно лез на рожон мой сын.

Я чувствовал, как он ершится, как он весь подобрался и ждал моих возражений, чтобы обрушиться на них. И я отступил. Отступил весьма доброжелательно, без какого-нибудь ехидства или провокации.

– Нет, пожалуй, мне нравится ход твоих рассуждений, – ответил я, заметив тут же, как он расслабился (атака отменялась, зазвучал сигнал отбоя).

А я думал над тем, что нарисованный гроб – это совсем не случайность, что это отраженный свет его сегодняшнего настроения. И вспомнил, как он рассказал о том, что один его друг нарисовал картину, где изображена часть лица и огромная слеза. А другой приятель изобразил два фантастических цветка с божьей коровкой, а рядом огромные колеса автомашины.

Я не стал распространяться, оставив за собой право когда-нибудь в подходящий момент ответить на поставленные им вопросы. А сейчас я все же рискнул кое-что ему объяснить, так сказать, снять верхний слой его заблуждений.

– Понимаешь, – сказал я, – все это не ново. Хотя и в сюрреализме есть немало интересного. Хочешь, я покажу тебе одну картину. И если ты пожелаешь, я сниму с нее копию и повешу у тебя над столом.

Я знал: то, что я ему покажу, непременно снимет напряжение, и он рассмеется, и это будет мое самое лучшее оружие против его новых взглядов на искусство. Я показал Саше картину Марселя Дюшана, на которой был нарисован огромный писсуар общественной уборной: все точь-в-точь, с дырочками, фаянс беленький… Фотографическая точность предмета отрицала хоть какую-нибудь общность с живописью, и Саша понял это.

– Тебе не нравится? – спросил я улыбаясь.

– Не очень…

– Однако ты готов во имя подобных «шедевров» снять со счета Ренуара и Рафаэля?

– Ты меня не так понял…

Вот это был тот ответ, который мне был нужен. Эта оправдательная, защитительная, оборонительная реакция была началом моей победы. История с гробом еще не закончилась. Но уже близился кульминационный момент. И я подходил к нему очень осторожно, точно подо мной была тоненькая корка таявшего льда.

– Впрочем, – заметил я, – мне не хотелось бы допустить нечестный прием. Я, конечно, выбрал для тебя не самое лучшее творение модерна. Вот я могу тебе показать картину, которая называется «Черви»: очень увлекательный сюжетец…

Саша рассмеялся. Но это был не тот открытый смех, который снимает напряжение и разрешает противоречие. Это был смех-прикрытие. За ним собственный, скрытый мир, и надо было думать и думать, чтобы вывести моего сына из плена превратных представлений.

5. Учите ребенка самостоятельно воспринимать искусство. «Стадность» и суррогаты коллективности недопустимы в эстетическом воспитании

Так уж мне повезло: достал два билета на американскую выставку «Сто шедевров» из музея «Метрополитен».

Когда мы обошли все залы и уже имели общее представление о выставке, я сказал ему: «А вот теперь выбери то, что тебе очень

понравилось. И мы еще раз подойдем к этим картинам…»

Прежде всего он повел меня к Эль Греко.

– Вот этот «Вид на Толедо» настолько современен, – сказал он, – что я мог бы увидеть такую вещь на выставке сегодняшних художников. А написана черт знает когда: 375 лет назад! А его автопортрет так понятен, – добавил он. – Мне кажется, что он думает о том же, о чем и я. Только он мудрее намного…

Потом мы подошли к Яну Вермееру, к «Даме с лютней». Саша стал рассуждать примерно так:

– Вот вроде бы те же краски, что у Коро. Но Коро мрачен, романтичен, а Вермеер – весь из света, тепла…

> Отношение к искусству характеризует духовный мир человека в целом. По тому, как человек судит об искусстве, можно судить и о его отношении к людям.

Затем мы оказались в зале французских импрессионистов. Саше понравились работы Клода Моне, Боннара, Сера, Ренуара.

Когда мы вышли из музея, Саша сказал:

– Все, что мы видели, – это *за* человека. А вот Дали мне непонятен. Я не пойму, что он отстаивает, чему поклоняется.

– А почему же тогда некоторым твоим товарищам нравится Дали? – спросил я.

– Мода, – ответил он. – Привлекают его фантазия и техника. Ну и еще настроение: правду пишет…

– Какую?

– А все равно когда-нибудь все полетит вверх тормашками. Вот он и пишет о конце света… О чем ты задумался? – спросил он.

– А знаешь, я представил себе лицо Эль Греко, который взглянул бы на Дали. Ведь в Средние века, как известно, господствовали жестокость и страх. И все-таки существовало вечное гуманистическое искусство. Вера не в смерть, а в жизнь. Вот мне в твоей картине понравилось название: «Жить, чтобы жить».

– А ты знаешь, – ответил мне Саша, – я приду домой и обязательно напишу два сюжета, они у меня родились сегодня на этой выставке.

Собственно, что произошло с сыном Макарова? Напомним еще раз, не в живописи здесь дело. А в том, каково отношение ребенка к жизни вообще. Каковы его взгляды. Как идет процесс становления человека. Конечно, духовный мир, так сказать, идеален, но он строится исключительно на деятельностной основе…

Отношение к искусству характеризует духовный мир человека в целом. По тому, как человек судит об искусстве, можно судить и о его отношении к людям. Именно поэтому очень важно, чтобы искусство оказалось в системе нравственных гуманистических представлений, в системе, защищающей гуманистические идеалы.

Конечно, чтобы приобщить ребенка к прекрасному, надо самому обладать хорошим вкусом. Но ведь собственный вкус ниоткуда не возьмется, если его не развивать. Макаров приносил в дом искусствоведческую литературу, репродукции. Нет такого ребенка, который остался бы равнодушен к ярким иллюстрациям. Особенно, если заинтересовать его и рассказом об изображенном. Не может ребенок остаться безразличным к такого рода просмотрам с пояснением. Начать лучше с жанровых, сюжетных картин, а позже можно перейти и к пейзажам. Ребенок должен привыкнуть к языку красок, к шероховатой поверхности мазков, к смелым бликам (вблизи ничего не поймешь, а отойдешь – так точь-в-точь), к разным изобразительным манерам. И этот процесс привыкания и есть начало формирования той основы, на которой складывается собственный вкус. Одних захватывает трагический Рембрандт, других – эпический Васнецов и т. д. Пусть у каждого будет свой любимый художник. Пусть их даже будет несколько. Полезно, если у детей будет своя коллекция репродукций.

Как можно чаще советуйтесь с детьми относительно интерьера комнаты, квартиры, обоев, картин, костюма.

Пусть ребенок присматривается и учится отличать красивое от безвкусного. Пусть сам делает попытки усовершенствовать что-либо вокруг себя: покрасить, переставить, обновить, подклеить, повесить новую репродукцию и т. д.

Если ребенок что-либо сделал своими руками, берегите эту поделку: она дороже хрустальной вазы. Если у вас есть возможность оформить детский рисунок в рамку, непременно повесьте его на стену. Когда накопится много детских поделок, сделайте для них полку или альбом.

Если среди работ сына или дочери появились, на ваш взгляд, очень интересные, доставьте ребенку радость – устройте небольшой домашний вернисаж. Не приглашайте много людей, пусть придут только близкие, и это маленькое мероприятие станет вашим семейным праздником.

Во многих журналах есть художественные вкладки с репродукциями. Даже если вы в течение месяца раза два поговорите о них дома, это скажется на развитии ребенка.

Искусство воспитывает, объединяет, духовно обогащает общение. Если ребенок прочел хорошую книжку, он непременно

расскажет о ней товарищу. Если посмотрел интересный фильм, поделится своими впечатлениями дома. Если воображение ребенка поразила та или иная картина, он передаст свой восторг другим.

В обществе других человек порой тоньше, и глубже, и с большим интересом чувствует красоту природы, красоту искусства. Один мой знакомый сказал откровенно: «Я природу не могу по-настоящему созерцать, если со мной рядом нет никого. Я испытываю острую потребность тут же поделиться». Вообще-то такая потребность, наверное, еще не свидетельствует о богатстве натуры человека. Но она естественна. Прекрасное несет в себе заряд социального, заряд жажды общения. Именно поэтому тесное общение родителей с детьми создает больше естественных предпосылок для развития эстетического воспитания.

6. Гармония – единство различного

Когда сравнивают условия трудового воспитания в городе и селе, предпочтение отдается селу. Когда же речь идет об эстетическом развитии, первое место, безусловно, отдается городу: там и специалисты, и музеи, и театры. Но так ли это бесспорно?

Сошлюсь на опыт.

Когда-то я участвовал в проведении известного эксперимента по эстетическому и трудовому воспитанию в селе Прелестном Донецкой области. В развитии эксперимента приняли участие самые разные люди: и ученые, и художники, и журналисты, и широкая общественность села, района, области, страны.

Особенность эксперимента в том, что художественное воспитание связывалось с нравственным, и прежде всего с трудовым. То есть речь шла об условиях становления гармонически и всесторонне развитой личности.

Основная идея нашего опыта казалась многим дерзкой, но она увлекала. Мы исходили вот из чего. Дети не делятся на бездарных и одаренных. Все дети талантливы, и каждый способен к творчеству. Мы стремились создавать такие условия, чтобы неизбежен был высокий воспитательный результат. Я подчеркиваю: неизбежен! Главная установка состояла в следующем: талантливость каждого раскроется, если пробудить в ребенке духовную потребность видеть и чувствовать прекрасное, если соединить труд с различными формами эстетического наслаждения. И одно из условий здесь – гарантия полной защищенности личности ребенка, которую я понимаю

и как свободу личности, и как атмосферу творчества, и как такую коллективность, которая ведет к развитым формам общения, к раскованности внутренних сил ребенка.

Ребенок в рисунке непременно проявляет свою индивидуальность. Он выбирает именно те сюжеты и краски, которые наиболее полно выражают его «я». И когда взрослый говорит ему: «Это не так», – у ребенка не только пропадает желание рисовать, но и вселяется роковая неуверенность, которая вырастает в установку: я не способен. И исчезает интерес к прекрасному.

Вот почему главным в своей работе Александр Иванович Шевченко, учитель рисования и участник нашего эксперимента, считает создание обстановки игры, фантазии, непринужденности, – чтобы раскрепостить ребенка, вызвать у него вдохновение.

Вот почему свои уроки А. И. Шевченко начинает не с карандаша, а с ярких акварельных красок. «Главное – пробудить в ребенке радость цвета, – говорит он, – радость ощущения красок и процесса творчества. А затем, увлекшись, ребенок станет заниматься и сложным – овладением техникой…»

Вот почему он начинает с того, что учит детей присматриваться к своему селу, вспоминать свои ощущения от прикосновения к первым зеленым побегам, от утренних солнечных лучей, прислушиваться к ночной тишине, видеть в каждом дереве живую душу. И радоваться, радоваться, радоваться. Даже разговор о «самом страшном» вызывает неподдельное веселье: страшно было в лесу? – взрыв смеха.

Главная направленность работы – ориентация на детскую радость, на детский смех, на детскую увлеченность. И щедрые поощрения, и стремительность, способная разбудить каждого на уроке. Да и урок-то начинается с порога: «А ну, кто нарисует весенний ветер?» – бросает Александр Иванович, входя в класс. К доске выбегают трое.

Стучат мелки по доске. На одном рисунке дома, и дым уносит ветром, а на другом – длинные ветки верб и тополей хлещут по разорванным облакам… Александр Иванович: «Все рисунки чудесные. Но что еще можно добавить? Какую деталь?»

И еще одно упражнение, которое я назвал бы тренировкой фантазии. Александр Иванович рисует на доске некую закорюку. Надо продолжить ее так, чтобы получился предмет. И из закорюки у одного получается вдруг автомашина, у другого – крокодил, у третьего – человек, а у четвертого – ботинок. И в классе хохот и нетерпение, и каждому хочется что-то добавить, что-то высказать… «Вот видите, как на многое может

навести одна только линия, один штришок, как по-разному видит каждый из вас», – заключает учитель.

«Какого цвета снег?» – продолжает Александр Иванович. И ответы: «Синий! Красный! Розовый, и блестит!» – «А посмотрите, какие крыши!» – говорит Александр Иванович так, будто ничего прекраснее этих крыш в мире нет.

И вот первые акварельные рисунки в руках учителя. В каждом он находит индивидуальное, неповторимое. И не скупится на похвалу…

Я привожу не случайный набор удачных решений, а то, что изо дня в день настойчиво повторяется в педагогическом процессе и создает то творческое поле детской энергии, которое ободряет каждого и заряжает уверенностью. Вот как об этом рассказывает Александр Иванович в своем дневнике:

«В комнату, где рисуют ребята, робко входит девочка с еще не распечатанной коробкой красок. Первый ее рисунок на листке – потеки черных, оранжевых и зеленых пятен и линий. А в глазах растерянность и робость: «Боюсь. Не умею». И вот здесь как раз и надо помочь этому хрупкому и нежному росточку поверить в себя, в свои возможности. Показываю рисунок детям: «Посмотрите, это же сказка! Из какой сказки, ребята?» В душу закрадывается холодок страха: «А вдруг не поймут! Как трудно тогда будет с этой девочкой». Но ребята почувствовали мою взволнованность, кричат: «Змей Горыныч летит над лесом!», «Большие деревья в лесу!» Здесь надо не отпугнуть ребенка, а придать ему уверенности в своих, пусть даже крохотных, способностях к рисованию, привить любовь к цвету, рисунку, дать почувствовать Радость творца. Только через радость творческого процесса ребенок придет к линии, к технике!»

В ходе эксперимента нам удалось доказать, что каждый, даже самый, казалось бы, слабенький и невосприимчивый, ребенок способен ощутить и творить прекрасное. Приходит такой ребенок, сидит, смотрит. Не торопит его Александр Иванович, но обязательно отметит: «А вы знаете, как Ваня здорово смотрит? Уметь видеть красивое – это уже много!» И мальчонка оживает, тянется испробовать силы и, действительно, через некоторое время прекрасно работает. Вот эта защищенность – бережное отношение учителя к каждому ребенку – и является условием раскрытия способстей каждого.

7. Соревновательность в творчестве – это необыкновенно увлекательно

…У Юры особенная манера, он любит рисовать тушью,

фломастером, и линия у него – прямо-таки «летящий бег пера». Бабушка поначалу останавливала: «Да не торопись, смотри, как другие медленно выводят рисунок…» Но Юра не слушает, говорит: «А Александр Иванович сказал, что у меня своя манера вырабатывается…»

И это действительно так: учесть индивидуальное своеобразие детей – как это важно!

И еще один эпизод. Дети рисовали осень. Вдруг четырех мальчишек осенила идея сделать пейзаж соком разноцветных листьев. Эх, как они заработали! Как они выискивали яркие листочки. И вдруг один из них понесся за черным цветом на болото, а за ним товарищи. А рядом со мной Наташа прямо-таки изнывает от любопытства: хочет подсмотреть, что же там такое невероятное у этих мальчишек, которые всегда что-нибудь да придумают. «Потерпи, – просит ее Александр Иванович, – у них же секрет!» И смеется. А у Наташи глаза горят – вся огонь! «Не могу терпеть», – говорит она и срывается с места. И через минуту мчится с болота и несет полную ладонь грязи. И со всего размаху эту грязь на лист бумаги, точно кричит: «Ну я сейчас сделаю такое, чего никогда ни у кого не было!» И ручонки ее работают с такой неистовой быстротой и с таким изяществом, что ее соседки рты раскрыли, а у Наташи на листке уже появились глаза из кусочков коры, красные пуговицы на рубашке, золотой пояс из листьев…

Вот это мгновение, когда вспыхивает детская страсть творчества, наверное, и есть то основное звено, из которого рождаются детское увлечение, радость поиска и открытия. Умение вызвать эти радостные мгновения куда больше значит, чем десятки методик формирования отдельных навыков. Ибо «голое формирование» без одухотворенного детского счастья – ничто.

Следующая линия связана в нашем эксперименте с преобразованием окружающих обстоятельств, с изменением интерьера села, квартир, рабочих мест отцов и матерей.

Вернисаж на полевом стане… Выставка под названием «Рисуют наши дети». Около ста детских работ посвящено труду отцов и матерей.

Я наблюдал, как расправлялись морщины на лице у тракториста Ивана Давыдовича Педана, к которому вдруг обратился его товарищ: «Посмотри, Иван, твой Сашка тебя нарисовал…» И смотрит Иван Давыдович на свой синий трактор, подымающий зябь, на бескрайние просторы вспаханного поля, на подпись под картинкой, аккуратно выведенную сыном: «Папа на работе», и лицо его смягчается улыбкой…

Мы составили с А. И. Шевченко план экспериментальной работы, программы уроков рисования, студии, музея, разработали тематику детских работ по рисованию, русскому и украинскому языку, истории, ТРУДУ. В перспективе эти занятия объединяют учителей-предметников, ибо осуществление комплексных программ (живопись, литература, история, труд) приведет к тому, что элементы эстетического видения станут частью мировоззрения, одним из действенных способов утверждения в детях духовных ценностей, формой приобщения к труду.

Вот пришла к Александру Ивановичу пятиклассница Галя Заборская, принесла свой лучший рисунок и сочинение. Галя месяц проработала в колхозе и поэтому нарисовала своего бригадира тетю Лену. Тетя Лена в ярком голубом с красными цветами платочке стоит на колхозном току среди только что обмолоченного хлеба. Колхозный амбар полыхает оранжевой крышей, синяя машина уходит в степь, и сама Галя в красном сарафане. Нежное, трогательное чувство к своему бригадиру девочка выразила и в сочинении. «Тетя Лена, – пишет она, – работает у нас бригадиром. (Заметьте это уверенное – «у нас».) Она очень хорошая, ласковая. Тетя Лена выбрала меня учетчиком. Я очень старалась, чтобы не подвести нашу хорошую тетю Лену. Ей сорок лет. Ее все уважают. Работает она хорошо. На лицо она красивая. Видно, что умная. Тетя Лена лучше всех!»

И то, что самодеятельное искусство детей вошло в трудовые будни крестьян, стало привычным для глаза, для сознания, является результатом многолетней кропотливой работы, пронизанной большой идеей подлинно гражданского и патриотического воспитания средствами труда и искусства. Не случайно председатель колхоза Константин Харитонович Лысак на протяжении многих лет следит за уроками А. И. Шевченко, за развитием студии; приходя к ребятам, он всегда интересуется: «Может, еще что-нибудь надо: краски, холсты, машину для выставки в соседнем селе?»

Вся эта работа помогла по-иному осознать многие теоретические положения педагогики, в частности понятие «коллектив». Вот за одним столом сидят и первоклассники, и старшие ребята, и учителя, и пожилые колхозники. У них общие интересы, общие дела. Шофер «Скорой помощи» Николай Карпенко написал картину «В кузнице», и она очень понравилась детям. А каждый новый пейзаж колхозного художника Николая Жижченко, который ведет с ребятами кружок рисования, – прямо-таки событие для всех. По вечерам ребята вместе со взрослыми много говорят об искусстве. На столе репродукции Серова, Врубеля, Ван Гога, Ренуара. Так духовные ценности объединяют

взрослых и детей.

Глава 3
Азбука гражданского воспитания

1. Не только восприимчивость и увлеченность характеризуют детство

Есть и другое – беспомощность, капризность, своеволие, недомыслие, хвастливость и то, что принято называть инфантилизмом. И если подросток задерживается в своем духовном развитии, то такие прекрасные свойства, как детскость и творческость (эти термины употребляют некоторые зарубежные психологи для характеристики не столько возрастных границ, сколько способности к открытию), неизбежно гаснут, перерождаются.

В этой связи вспоминается образ испанского идальго, сохранившего, как мне кажется, детскую неуемную энергию. Инфантилен ли Дон Кихот?

Для меня Дон Кихот – воплощение прекрасной детскости. Для него нет вопроса: сражаться или не сражаться? Он уверен: если есть зло, надо сражаться. Когда в человеке просыпается Дон Кихот, это вовсе не свидетельство его беспомощности или инфантилизма. Это скорее проявление неутраченной детскости, той безоглядной открытости, без которых не может быть утверждения высоких нравственных идеалов.

Считают, что от того, каким было детство, зависит вся дальнейшая судьба человека. Но это, конечно, не та прямая зависимость, следуя которой можно было бы утверждать, что, если детство было жестокое, то и человек будет жестоким.

Много веков европейцы бьются над тем, чтобы в детстве не заронилась и мысль о возможности вседозволенности, а японцы настаивают: до пяти-семи лет – абсолютная свобода и вседозволенность.

Детскость и повзрослость. Детскость и преждевременное старение. Преждевременная, скучная, унылая, расчетливая юная старость.

С парадоксом преждевременного взросления приходится встречаться, к сожалению, не так уж редко.

«Защитить товарища? Выступить против несправедливости? – рассуждает подросток. – Да я не такой дурак, чтобы лезть на рожон».

В этом парне сидит обывательская овзрослость, а проще говоря – растет расчетливый приспособленец.

Под разными небесами люди взрослеют по-разному, но во всех уголках земли взросление сводится к одному – к становлению человека. А пути этого становления каждый раз свои.

…Их бритые головы блестели, словно спелые дыни на солнце. Владельцам антипричесок было по пятнадцать лет. И сбрили они свои кудри отчасти в качестве вызова, а отчасти с намерением утвердить новый стиль.

> Есть и другое – беспомощность, капризность, своеволие, недомыслие, хвастливость и то, что принято называть инфантилизмом. И если подросток задерживается в своем духовном развитии, то такие прекрасные свойства, как детскость и творческость (эти термины употребляют некоторые зарубежные психологи для характеристики не столько возрастных границ, сколько способности к открытию), неизбежно гаснут, перерождаются.

О чем бы я ни говорил с этими ребятами, они упрямо твердили: «Нет справедливости на земле». И когда я настаивал на том, чтобы мне объяснили, в чем же несправедливость, они бодали воздух своими бритыми головами и отвечали: «Нас ругали, когда у нас были длинные волосы, теперь называют сумасшедшими за то, что нет волос!»

При этом их лица изображали крайнее страдание.

Разумеется, это не самое важное – какая длина волос у подростка. Я склонен «признать» и бритую голову, если бы… На этом «если бы» и остановлюсь.

В международной артековской семье я познакомился с ребятами из Франции, США, Австралии, Японии, Германии и других стран, которые отдыхали и работали вместе с нашими ребятами. У всех были разные прически – у наших ребят и гостей – от короткого «бокса» американца Марка Макфорта до удлиненной шевелюры Сережи Алексеева из Новосибирска. Но было и много общего у этих представителей прогрессивных молодежных организаций. Они мыслили в одном ключе.

– Самое главное – такой коллектив, где бы каждый мог проявить свою ответственность за себя и за судьбу товарища, – говорил Сережа. После мне его вожатый расскажет о том, как однажды Сережа бесстрашно бросился защищать его от нападения хулигана.

– Главные ценности века, – рассуждал юный француз Жиль Кале (ему очень идут вьющиеся длинные волосы), – дружба, жизнь в группе, ответственность за свою судьбу и за судьбу

общества.

– Нам с хиппи не по пути, – заявил американец Марк Макфорт. – Наркотики ведут к безответственности. А это выгодно некоторым.

В них, в этих троих таких типичных ребятах сочетались и детскость – все любили играть, спорить, забираться на крутые склоны гор, участвовать в бесчисленных конкурсах, – и гражданственность: видели бы, как американские ребята пели песню «Я бросаю винтовку – я не хочу воевать!», слышали бы, с каким воодушевлением они рассказывали о празднике «Салют, победа!» в Севастополе, когда опускали в море венки в память о погибших!

2. Это неправда, что детям, подросткам свойственна лишь беззаботность. Они искренне переживают, волнуются, страдают

Без этого и не может быть становления человека. Слезы, даже если они очень горькие, очищают душу: важно только не сломаться, не озлобиться. Важно, чтобы решительная угроза всему свету – «Ничего, я вам еще покажу, кто я такой!» – не переросла в озлобленность. Важно, чтобы взрослые научили главному – уметь человечностью и мудростью контролировать свою запальчивость…

Беседуя и споря с учителями и ребятами 79-й рижской средней школы, мы пришли к интересным выводам и, как говорили, шутя открыли две формулы человеческого счастья. Одна – «само» (так мы ее назвали; впрочем, такой термин бытует в европейской психологии) означает самореализацию духовных и физических сил личности, самовыявление, самоактуализацию, самосознание, самовоспитание, самодеятельность. Проблема развертывания совокупности способностей личности есть наиглавнейшая. И в этом «саморазвертывании» выражаются и подлинная свобода, и вкусы, и пристрастия человека – к музыке, живописи, книгам и увлеченность трудом, наукой, спортом. Но никакого подлинного раскрытия таланта и самоактуализации личности не может быть без второй формулы – «со»: сопричастности, сотрудничества, сочувствия, сострадания, соучастия, солидарности.

Под разными небесами ребята взрослеют по-разному, и каждый решает для себя вопрос: «Неужели я взрослый?» Родители должны быть готовы к тому, чтобы подтвердить: «Да, ты взрослый – это сказывается и в неразрывной связи слова и дела, и в добром отношении друг к другу, и в глубоком понимании

своих родителей, учителей, и в твоем отношении к судьбам мира».

3. Повышайте персональную значимость ребенка – в этом и проявится защищенность его личности

Вы знаете, что творится с вашими детьми, которые на подходе к шестнадцати?

Вы знаете их тайные переживания, которые так же неожиданно вспыхивают, как и бесследно исчезают?

Вы не чувствуете угрызений совести, когда изо дня в день ставите в укор своему сыну: «Ты ленив! Пора поумнеть! Встряхнись!»

> Педагогический идеал требует, чтобы принцип бережного отношения к ребенку соблюдался всегда, в большом и малом. В воспитании лучше, как говорится, недогнуть, чем перегнуть. Лучше лишний раз поощрить, чем наказать.

Вы уверены в своей правоте, когда утверждаете: «Мой ребенок никогда так не поступит»?

В жизни любого подростка существуют такие критические минуты, от которых многое зависит в его жизни. В одних случаях эти критические моменты служат основанием и условием для дальнейшего роста человека, а в других случаях ведут к накоплению безнравственного опыта.

Сила педагогического искусства как раз и состоит в том, чтобы даже отрицательные моменты использовать для поучительных выводов, служащих в конечном счете целям воспитания и развития личности ребенка.

Педагогический идеал требует, чтобы принцип бережного отношения к ребенку соблюдался всегда, в большом и малом. В воспитании лучше, как говорится, недогнуть, чем перегнуть. Лучше лишний раз поощрить, чем наказать.

Для родителей свой ребенок – самый лучший, самый дорогой. Каким бы он ни был. И в этих несколько завышенных оценках заложен самой природой великий смысл. Такого рода оценки создают обстановку защищенности ребенка в своей семье. Я не призываю к родительскому всепрощению. Я имею в виду готовность родителей понять и разделить горе своих детей. Так, как мать может верить в духовные и физические возможности своего ребенка, никто не верит. Эта вера – надежда. Вера – бесконечная любовь. Вера – самоотверженное участие. Вера –

защита.

Незыблемость педагогического идеала основывается на бескомпромиссности нравственных установок, культивируемых в воспитании.

> Я не призываю к родительскому всепрощению. Я имею в виду готовность родителей понять и разделить горе своих детей. Так, как мать может верить в духовные и физические возможности своего ребенка, никто не верит.

Ребенок не может совершить аморальный поступок, если изо дня в день всем укладом жизни ему внушаются нравственные нормы: «Лучше отдать свое, чем взять чужое! Нет большей радости, чем сделать доброе дело для другого!»

Привести в соответствие нравственные нормы с педагогическим идеалом – значит правильно определить гармонию между целью и средством воспитания. Нельзя внушать, вдалбливать ребенку: «Будь добрым» – и при этом унижать его. Дисгармония цели и средства неизбежно приведет к отрицательному результату. Чтобы определить меру оптимальных, то есть гармонических, решений, надо знать те крайности, которыми грешат многие родители.

4. Не идеализируйте своих детей – это опасно и вредно!

Идеализация заслоняет реальную картину. Вместо действительных представлений в голове родителей иногда складывается такой «голубой образ» своего ребенка, что даже самим детям делается смешно от удивительной наивности своих пап и мам.

– Ах, мой ребенок, – говорит мама о своей пятнадцатилетней дочке, – не позволит руку поднять на человека. Вы знаете, как она любит кошек и собак? Ни одной передачи о животных не пропустит…

– Ах, наша девочка, – говорит другая мама, – да она, даже когда предложишь ей выпить в праздник, откажется. Как случилось, что она так много выпила?..

Эти мамы выступали в зале суда. Их дочки были привлечены к суду за хулиганский поступок: они жестоко избили подругу, будучи в нетрезвом состоянии.

Идеализация возникает от механического перенесения одних черточек или поступков вашего ребенка на весь остальной

существенный мир его отношений.

Отношение к собакам, кошкам, птицам совсем другое, чем отношение к человеку. Если ребенок любит животных и не мучает их – это еще не значит, что он обязательно будет добр к людям.

Если ваш ребенок любит зверушек – это прекрасно.

Но если он на первое место ставит внимание к своему щенку или котенку, а на второе – заботу о бабушке или о товарище, то над этим надо серьезно подумать.

Проблема «позволительности» в воспитании девочек имеет другую окраску, чем при воспитании мальчиков.

Скажем, так уж издавна сложилось: когда дерутся мальчишки – это плохо, но при этом делается какая-то скидка: дескать, кто не дрался! На то, мол, они и мальчишки.

Но если дерутся девочки, это всегда и всех тревожит. А в последние годы драки среди школьниц настолько участились, что стали предметом многих педагогических статей.

Оля Кравцова, так звали девочку, которую привлекли к суду за избиение подруги, так рассказала о происшедшем: «Мы научились отстаивать свои права не хуже мальчишек. У каждой из нас мускулы, сильные ноги… Мы и мальчишек поколачиваем».

5. Воспитание девочки – это воспитание будущей жены, матери, хранительницы семейного очага

Попробуем коснуться тех социальных причин, которые связаны с проблемой «позволительность – вседозволенность» в воспитании девочек.

Социальная тенденция эмансипации женщины не миновала и школу. Девочки получают и равное образование, и почти одинаковое воспитание: одни и те же общественные дела, один и тот же опыт трудового, физического и духовного становления.

И вполне объясним тот факт, что многие девочки стали самоутверждаться мальчишечьими способами. Телевидение, кино, книги, радио изо дня в день вырисовывают черты облика девочки второй половины двадцатого века: этакий мальчишка-подросток, который живет в мире техники, спорта, труда. И одежда мальчишечья: брюки, куртка. И стрижка, как у парня. И манеры свободные, резкие. И сила. И в ситуациях, самых острейших, не теряет самообладания. И готовность к риску! И бесстрашие! И зубы стиснуты! И губы в ниточку! И подбородок – сплошная воля!

> Ребенок слабо контролирует свои действия. Чем он меньше, тем аморальнее может выразить свои чувства: ударить взрослого, плюнуть в товарища, толкнуть – и рассмеяться, если удар оказался удачным, выкрикнуть бранное слово, значение которого он едва понимает, и т. д. Но по этим отдельным выходкам нельзя судить о нравственности ребенка в целом.

Девочкам стало дозволено делать то, что нередко их огрубляет, убивает их нежность, ту прекрасную «слабость пола», в которой нередко сказывается истинная сила девушки, женщины.

У меня и в мыслях нет сказать что-нибудь против эмансипации. Но несомненно, что воспитание в школе должно быть одновременно и «совместным» и «раздельным». Очевидно, некоторые мероприятия в школах надо проводить только с девочками. Иной должна быть и физическая нагрузка в труде, в походах. Не нужно, конечно, возвращаться к культу женской слабости XIX века. Но воспитывать женственность, как особое, незаменимое и прекрасное свойство, необходимо. И это воспитание должно идти параллельно с воспитанием рыцарского отношения мальчиков к девочкам. У мальчиков и у девочек должны быть разные способы самоутверждения в детской среде.

Детство несет в себе много такого, что противоречит нормам морали взрослых. Ребенок слабо контролирует свои действия. Чем он меньше, тем аморальнее может выразить свои чувства: ударить взрослого, плюнуть в товарища, толкнуть – и рассмеяться, если удар оказался удачным, выкрикнуть бранное слово, значение которого он едва понимает, и т. д. Но по этим отдельным выходкам нельзя судить о нравственности ребенка в целом. В поступках озорного мальчишки есть некоторый элемент привлекательности, той дозволенности, которая адекватна самой природе детства.

6. Ребенок проходит многие ступени своей социализации через разрешение противоречий в среде своих сверстников

Очевидно, что миновать эти ступени и соответствующие им способы реагирования на окружающий мир невозможно.

Я вовсе не хочу подвести читателя к мысли, что драка в детской среде закономерное явление. Я считаю, что воспитание должно быть так поставлено, чтобы исключались драки и в среде мальчиков, и тем более в среде девочек. Некоторым родителям кажется, что если их ребенок – девочка – умеет постоять за себя

(с кулаками!), то таким образом воспитывается жизнедеятельная личность. Один папа прислал в «Литературную газету» письмо, где он откровенно призывал к тому, чтобы воспитывать в детях «бойцовские качества». «Я рад, – писал он, – когда моя тринадцатилетняя дочь приходит из школы вся в синяках и ссадинах, но гордая и непобежденная, так воспитывается сильный характер».

Читатели газеты в своем большинстве ответили ему: так воспитывается жестокость! Так воспитывается не сила, а бессилие.

Ибо единственная нравственная сила человека состоит в творении доброты, в утверждении норм нравственности нравственными средствами, исключающими любую аморальность. Сила женской духовности совершенно особенная. Уже в девочке-подростке формируется такая природная красота, которая проявляется в движениях, поступках, во взгляде, в удивительно привлекательной мягкости и вместе с тем настойчивости, в какой-то совершенной цельности. Если у нее порыв чувств, то он настолько беззаветен, что трудно не откликнуться на него таким же чувством. Если она страдает, то так мужественно, что хочется возвыситься до такой же способности переносить горе. Если она добросовестна, то невольно задумываешься: откуда же у нее такое адское терпение? Если она смеется, то светлеет все вокруг.

> Когда мы говорим об идеале девочки-подростка, мы не исключаем из ее облика и спортивность, и физическую закаленность. Эти качества не только не помеха Духовному совершенству, но и физическая основа Цельности.

Она облагораживает детское общение своей внутренней силой, которую отлично чувствуют мальчишки и подсознательно ценят очень высоко. Берегут эту силу. Берегут как высшую ценность.

Если девочка трудится, то ни в чем не уступает сильному полу: и работает, как правило, с радостью, и любит любое дело, а не только то, которое по душе. Вот, казалось бы, несложная задача: убрать в комнате, что-то приготовить на завтрак в турпоходе, – а девочка непременно внесет в это занятие свое, присущее только ей умение.

Представления о том, что идеал женственности был в прошлом лишен трудового, деятельного или даже спортивного содержания, неверны. Даже дворянское воспитание в России ставило одну из первых и главных задач – физическое развитие

девочек. Широко культивировался с малых лет конный спорт, санки, коньки, а систематические упражнения в танцах не уступали по нагрузкам спортивным занятиям по гимнастике. Если учесть и тот факт, что эти занятия чередовались с прогулками на воздухе, пребыванием летом и зимой в деревне, систематическим сидением за пяльцами или музыкальными инструментами, то нетрудно воспроизвести и некоторую картину единства духовной и физической подготовленности. Собственно, об этой физической закалке свидетельствуют и такие факты: русские декабристки не хуже своих мужей переносили те лишения, которые выпали на их долю. Они не жаловались на судьбу, когда им пришлось перейти на крестьянский образ жизни, носить воду, топить печь, вести хозяйство.

Если внимательно всмотреться в лица современных девочек-подростков (особенно когда они захвачены трудом, учением, игрой), то в их самоотверженности, благородстве, чуткости и необыкновенной доброте улавливаешь черты того идеала женственности, который складывался у нас веками.

Когда мы говорим об идеале девочки-подростка, мы не исключаем из ее облика и спортивность, и физическую закаленность. Эти качества не только не помеха Духовному совершенству, но и физическая основа Цельности. Подлинная женская красота – это красота, соединяющая в себе три начала: здоровье и Жизнелюбие будущей матери, деятельно-духовную силу будущей хранительницы семейного очага и любящей жены.

7. Экология и гражданственность

За тридцать лет общения с учителем Александром Ивановичем Шевченко я никогда не ощущал в нем спокойствия, когда дело касалось экологии села или попрания духовных ценностей народа. Приведу наш последний разговор, который случился осенью 1989 года.

Александр Иванович буйствовал:

– Село гибнет. Речку и ставки загрязнили, школа развалена, клуб вот-вот рухнет совсем, больницу закрыли, вода отравлена химией, люди бегут из села. Я буду бороться, пока хватит сил, – негодовал он, когда я пытался успокоить его в тот мой приезд.

– Давай спокойно разберемся…

– Нельзя здесь спокойно. Ты говоришь об экологическом воспитании, о Рерихе, Вернадском, здоровой семье! Красивые слова! А у нас уже ромашек в поле нет, чабреца нет, исчезли такие растения, как волчье лыко, паслены, волчий глаз. Больше нет диких кабанов и курочек, черепах и белых аистов, ящериц

и змей, ястребов и кобчиков. В селе лягушек нэма! Пиявок нэма! Наши дети и мы пьем отравленную воду, едим отравленные продукты! Я смотрю на детей, когда они рисуют в студии, и каждый день жду: а вдруг с кем-нибудь что-нибудь случится. Надо бить тревогу! Подключать родителей!

– Давай подключать.

– Без надобности уничтожили вековые деревья, – продолжает он. – У школы стоял вяз, которому было лет двести. Спилили. У речки стояли пять дубов, которым по двести пятьдесят лет. Так придумали: у самых кореньев этих дубов выкопали яму – дубы гибнут. Руководители донецкой железной дороги, повинные в этом, обещали установить для стоков металлический бак (это спасло бы деревья). Но обещания остались лишь на словах… Мы с детьми писали во все концы, чтобы запретили охоту в наших местах. Запретили, и сразу появились у нас и болотные курочки, и уточки, и лебеди, и зайчики. А в этом году снова стали палить из ружей. Да еще на Ленина ссылаются, он, дескать, тоже охотником был…

– Действительно дикари…

– Нет. Дикари любили природу. «Прости меня, дерево, что я вынужден срубить тебя для крайних моих нужд!» – говорили они. А теперь?..

Я не смог успокоить Александра Ивановича и когда мы все эти экологические беды зафиксировали в плане работы района, и когда избрали специальный совет опытно-экспериментальной педагогической работы в селе Прелестном.

Александр Иванович вроде бы и радовался: может быть, действительно перестроится жизнь. А потом лицо его темнело, глаза по-аввакумовски блестели, и он снова начинал возмущаться:

– Я не верю им!

Это «им» было некой отчужденной, но существующей бюрократической силой. В это «им» входило множество разных лиц: и местные расхитители, и районные руководители-бездельники, и чванливые дидакты от педагогики, нашедшие приют в отделе народного образования, и пустословы из области… Я чувствовал, что к этим «им» он не прочь и меня приписать: «Живешь ты там, в Москве, плевать тебе на наши сельские беды…»

Он косит на меня странным отрешенным взглядом: ей-ей, раньше ничего подобного с ним не было. Может быть, дают о себе знать две военные контузии, думаю я, или две тяжелые недавние операции?

– Та не гляди на меня с таким подозрением, будто я

сумасшедший, – говорит он.

– И все-таки не совсем ты прав, – перебиваю его. Мне непременно хочется, чтобы исчезла его злость, чтобы опять блеснула его всегдашняя радость, ибо без нее нет самого Сашка – хоть в жизни, хоть в романе. – На тебя сейчас страшно смотреть. Злость – это палка о двух концах. Сделано же все-таки что-то у нас, черт побери. Построена двухэтажная студия, создан в селе музей детского творчества. А что пишет тебе губернатор штата Висконсин?

Сашко улыбается:

– Пишет, что выставку организовали в Капитолии. Понравились им рисунки нашей детворы. Ученые и педагоги, конгрессмены и банкиры восторгаются, пишет губернатор. А вот письмо от Энн Столл, она главный организатор выставки, педагог. Она пишет, что сотни тысяч американцев посмотрели работы юных прелестнян. Просит передать нашим детям, что их рисунки помогают американцам понять, как мы живем, о чем думаем и мечтаем. Это здорово. Но при чем здесь это?! – снова заводится он: никак не хочет быть покладистым и управляемым моим героем… – Мы всегда с тобой считали, что воспитание должно жить тревогами своего народа, иначе оно будет ненужным, вредным… Ты и сам пишешь, что, если воспитание оторвано от прошлых и нынешних бед наших, оно становится антинародным…

Это направление изъято из современной теоретической педагогики. Даже из новаторской. Все воспитание иной раз пытаются свести к этакой разудалой системе манипулирования детьми, педагогами, ценностями. Это, дескать, и есть новаторство. Спорю и настаиваю: оно некрикливо, нетерпимо ко лжи, к шумной браваде, оно – народно. А это значит: совестливое, искреннее, просветленное.

Я гляжу на Александра Ивановича. (Он в этом году отпустил бороду; о нем в селе говорят: «У нас теперь свой Карл Маркс».) Ощущение, будто меня обокрали: от прежней его доброты ничего не осталось.

Мимо проходит его односельчанин Кондратий: всегда улыбка на лице. Деликатен. Я говорю: «Учись у народа. Этот Кондратий – сама доброта. Верующий?»

– Бандюга! Пополам перережет и не дрогнет. И дети у него такие же жестокие, и внуки… А на лице улыбка, как солнце…

– Ты считаешь, что жестокость по наследству передается?

– Убежден. Революция, между прочим, выпустила на волю и энергию зла. И дети должны знать об этом, – говорит Александр Иванович. – Они должны искать с нами утраченные ценности.

…Мы размышляем: вернуть в школу утраченные ценности без семьи, без самого народа невозможно. И потребность такого возврата сидит в людских душах. В этом мы уже убедились, когда создавали музей народного быта. Можно сказать, что создан этот прекрасный музей на средства селян. Их силами. Они несут в музей то, что особенно дорого им: свадебные наряды бабушек и дедушек, расшитые рушники прошлого века, покрывала, необыкновенной красоты скрыни (сундуки), прялки и ковры, посуду и различные украшения. Возникла мысль создать живой музей – построить настоящую хату, воссоздать интерьер двора и дома, чтобы в этой хате можно было с детьми прожить, скажем, один день жизнью своих предков. Но где взять хату?! И вот нашлась одна женщина – Беличенко Раиса. Подарила свою избу школе. Александр Иванович рассказывал мне:

– Пришла эта Раиса и сказала: «Возьмите мою хату бесплатно. Тильки людям скажить, шо я вам ее продала, а то скажуть, яка дура, шо бесплатно взяла и отдала…» Я смеюсь и спрашиваю у нее: «А за сколько, сказать, купили у тебя хату?» А она совсем серьезно: «За триста или четыреста». А я снова рассмеялся и говорю: «Не пойдет. Скажу – за девятьсот, чтобы уси думалы, яка ты умна жинка…»

Я слушаю, как Александр Иванович рассказывает многочисленным экскурсантам, которые приезжают в Прелестное из разных мест Донбасса, Украины, других республик:

– Мы исходим из того, что ребенок в рисунке изображает то, что пережил, что тронуло его душу. Когда детям иногда говоришь, как жили наши предки, они начинают думать, вспоминать рассказы своих близких, и на этой основе может родиться сюжет будущего рисунка. Иногда, чтобы представить прошлое, надо связать сюжет рисунка с теми живыми образами, которые ребенок встречает в жизни. Вот, к примеру, работа «Косцы». Я спросил у девочки: «Что тебя взволновало в эти дни?» Она подумала и сказала: «Мой папа с дядей косили траву для кроликов, и вдруг из травы выпорхнула птичка. Посмотрели, а там гнездышко, яички. Папа с дядей позвали нас и говорят: «Мы оставим этот кусочек травы с гнездышком, не будем здесь косить, а вы тоже не трогайте руками, будете трогать – птичка улетит из этого места, бросит свое гнездо». Нам было так интересно. Такое теплое гнездышко, выстлано перышками хорошими, яички аккуратно лежат, я почувствовала тепло этого гнездышка, почувствовала, как мама-птичка заботливо высиживает птенцов, и мне жаль стало эту птичку. Я представила, что ее могли скосить острые косы, и чуть не заплакала». Мне кажется, ей удалось выразить свои чувства к добрым косцам

и к тому гнездышку. А главное, она передала движение – так и слышится гон этих кос, звук слышится – вжить-вжить, а птичка сидит и настороженно прислушивается, рядом косы острые, но ей жаль гнездо покидать…

– А вот этот любопытный двойной портрет?

– Да это Саша Калабин нарисовал. Он в седьмом классе учится. Тоже рисует с детского сада. В нашем селе живут его дедушка и бабушка, отдельно от Саши, но он к ним часто ходит. Я как-то сказал ему: «Мы собираем в музей старые вещи, пойди к дедушке и узнай: может, у них есть какие-нибудь ненужные вещи?» Дед с бабой нашли кое-что и стали внуку рассказывать, как они жили раньше: работали сохой, молотили катком, ночью темно было, ни одного фонаря. Сейчас папа у Саши работает комбайнером, старший брат – трактористом. Вот дедушка и говорит: «А у нас какой инвентарь был – вилы, грабли, коса, лошаденка, тяжело нам было». И Саша очень хорошо рассказывал о дедушке и бабушке, и я тогда ему предложил: «А ты нарисуй дедушку и бабушку». И он нарисовал: обожженные солнцем лица, натруженные руки, достоинство и любовь в общении друг с другом.

Тема Родины (родной дом, лес, река, поля, родное небо и народ) – основная в творчестве детей. В нескольких залах музея выставлены детские работы. Фактически это картины. Один посетитель сказал: «У меня здесь такое ощущение, какое было, когда я попал на выставку работ Рериха». Действительно, столько света, любви, радости. Я думаю: никто никогда не писал о том, сколько времени может прожить детский рисунок. Большинство детских картин в рамах и висят уже по нескольку лет. Я встретился с Наташей Скорой: она работает теперь художницей в Краснодаре. Мы рассматривали и ее работы, которые были написаны, когда она была в шестом классе.

Я убежден в том, что учить искусству может только тот, кто сам творит искусство…

…Мы сидим за мольбертами. Я дописываю пейзажи Святогорского монастыря, а Александр Иванович колдует над холстом с изображением ветряной мельницы.

Мельница – особая статья в его мировоззрении. Это и Дон Кихот, и мир фантазий, и реальный замысел выстроить в селе, в музее под открытым небом, ветряной гигант.

– Четыре ветряка було в селе, – говорит Александр Иванович. – Ну кому они мешали? Уничтожили, как и церкву. А мельница – это же кормилица. Она как клуб: собирались, обменивались новостями. А красота! Архитектура какая! Кое-кто раньше смеялся: «Загиб у Шевченко: мельница!» А сегодня уже

перевозим добытый в другой области ветряк. И селяне готовы строить мельницу-музей… Что-то сдвинулось в селе.

А вот и новые приметы: возникли при музее детский и взрослый фольклорные ансамбли, появилась мысль написать историю села, готовы в этом добром деле помочь Славянский пединститут и Донецкий университет…

«Господину Шевченко Александру, – читаю письмо из США. – Уважаемый господин Шевченко, в Мэдисоне мы вновь устраиваем выставки детских рисунков из села Прелестного. Вам, вероятно, будет приятно узнать, что присланные Вами рисунки положены на картон и красиво оформлены. Они уже выставлялись в ряде важных мест в нашем городе. Мы старались их показать там, где их могло увидеть наибольшее количество людей. Вот перечень этих мест:

1) университетская больница (самая большая в штате Висконсин);

2) главное выставочное помещение городской библиотеки Мэдисона;

3) приемная Главной инспекции школ штата Висконсин;

4) центральная ротонда (огромное красивое служебное помещение губернатора штата).

Теперь мы стараемся устроить выставки в других крупных городах штата…» За неделю моего летнего пребывания в Прелестном студию-музей посетило около ста человек. У Александра Ивановича особый дар притягивать к себе людей. Он рад каждому гостю, потому и повесил на здании студии-музея объявление, в котором сказано, что музей можно посетить в любой день и в любое время и что живет он рядом – третий дом от угла.

Глава 4
О детской любви

Заметим, что на протяжении многих лет наблюдались две различные тенденции в отношении к детской любви. Сторонники одной активно защищали детскую любовь, призывали относиться к ней чутко и бережно.

Появились книги и фильмы о первой любви; их общая направленность – большое и светлое чувство одухотворяет, делает детей счастливыми.

И другая тенденция – детям влюбляться ни к чему, даже вредно. Доводы: рано еще, учиться им надо, а не о любви думать. Если все «повлюбляются», то что же тогда будет? И методы – осуждение, высмеивание, запреты.

Но вот что любопытно.

Защитники детской любви в конечном итоге, когда дело касалось их собственных детей, замечали: «Нет, я против того, чтобы мой ребенок влюбился…»

Доводы? Они несколько сбивчивы, стыдливы, с оговорками. Приведу разговор с одной мамой.

– Вы против, чтобы ваша девочка нравилась другим?

– Ну что вы! Разве найдется такая мама, которая была бы против того, чтобы ее дочь нравилась окружающим? Мне, например, очень приятно, когда знакомые восхищаются моей дочкой (девочке тринадцать лет), говорят, что она красивая…

– В том числе и мужчины? Они обращают внимание на какие-то особенные черты или вообще мимоходом говорят: «Какая симпатичная…»?

– Нет, иногда замечают и красоту глаз, и цвет, и пышность волос, гибкость и силу тела… Разве в этом есть что-нибудь дурное?..

– Конечно, нет ничего дурного… А девочке эти комплименты приятны?

– Очень! Моя дочка, когда мы отдыхали летом, все меня на танцы тащила. Ее не сами танцы интересовали, а то, сколько раз ее пригласят танцевать. И когда она убедилась, что пользуется успехом, то успокоилась и больше на танцы не ходила.

– Значит, девочке не безразлично отношение к ней со стороны противоположного пола?

– Не только не безразлично… Девочка, по-моему, постоянно должна ощущать, что с ней приятно общаться другим. Но она

ни в коем случае не должна даже в самых малостях пробуждать чувства, знать которые ей еще рано.

1. Остановить природу невозможно. Задача состоит в том, чтобы помочь ребенку сберечь и развить то лучшее, что есть в нем

– Что же вас пугает и настораживает?

– Меня ничего не пугает. Я просто не хочу, чтобы ребенок мой раньше времени влюбился. Что бы мы ни говорили, а сильные чувства всегда отвлекают от дела, от учебы. Любовь может преждевременно заслонить девочке весь мир.

– И вы не хотите, чтобы ваша девочка испытала радостное светлое чувство детской любви?

> У детской любви своя жизнь. Эта жизнь столь прекрасна и столь ошеломительно опасна, что ее переливы и противоречия нередко во многом определяют развитие Человека в человеке. Это понимают дети. Это понимало Человечество. Это нередко не желают понимать педагоги и родители.

– Детской? Хочу. Она у меня, кстати, постоянно находится в состоянии некоторой влюбленности. То в учителя физики влюбилась, только о нем и говорит. А как говорит: с благоговением, счастье в глазах! То в парня из соседней школы – только и трещит о нем: «Ах, как он играет на гитаре! Ах, как он держится!» А неделю тому назад ее в кино пригласил одноклассник, и она решила, что он влюбился, потому что после этого парень стал дарить какие-то ручки, писать записки. И когда такого внимания через три дня не стало, моя Катька у меня спрашивает: «Что же он даже не звонит?» Я ей объяснила, что он, наверное, занят, что он правильно делает, значит, серьезный. Катька успокоилась.

– Вы рассказываете об этом, как о вполне естественном и допустимом.

– Разумеется! Не в монастыре же она, а в нормальной школе учится!

– Тогда давайте уточним, что же вас в первую очередь смущает в ее отношениях?

– В первую очередь? – Мама задумалась. Но я чувствовал, она хорошо знает, что ее смущает в первую очередь, но сказать об этом не решается, и не потому, что стыдится, а скорее потому, что боится неточно выразиться. – Понимаете, что бы я ни сказала,

все будет не так истолковано: уж больно тонкая тема… Вот что меня в первую очередь смущает: я не хочу, чтобы моя дочь сосредоточилась на ком-нибудь одном.

– Ну а сам факт, что она сегодня думает об одном, а завтра о другом, не смущает вас?

– Понимаете, я хочу, чтобы моя девочка развивалась соответственно своему возрасту.

У детской любви своя жизнь. Эта жизнь столь прекрасна и столь ошеломительно опасна, что ее переливы и противоречия нередко во многом определяют развитие Человека в человеке. Это понимают дети. Это понимало Человечество. Это нередко не желают понимать педагоги и родители.

> Я склонен определить детскую влюбленность как эмоциональное состояние, которое не несет в себе осознанного сексуального мотива. Выражение этой влюбленности – взгляд, слово, смех, разговоры, записка, письмо, совместное посещение кино, театра, катка. Это и готовность помочь и прийти в трудную минуту на помощь, это и умение выслушать, понять настроение другого.

Выслушав маму, попробуем сделать выводы. Отметим главное: поведение ребенка действительно должно соответствовать его возрасту. Когда мы говорим о чистой детской влюбленности, мы имеем в виду детское чувство, детское увлечение, детскую потребность испытывать счастье от сознания определенной духовно-чувственной общности с другим человеком противоположного пола. Я склонен определить детскую влюбленность как эмоциональное состояние, которое не несет в себе осознанного сексуального мотива. Выражение этой влюбленности – взгляд, слово, смех, разговоры, записка, письмо, совместное посещение кино, театра, катка. Это и готовность помочь и прийти в трудную минуту на помощь, это и умение выслушать, понять настроение другого.

Такого рода общение полезно, хотя и не надо его стимулировать какими-то специальными мерами. Это общение должно возникать само по себе.

А если не возникает?

Вот еще один разговор с другой мамой.

– Просто не знаю, что делать с девочкой. Так страдает, так мучается. Все вечера так и простоит у стеночки: никто не пригласит на танец. Вроде бы и одевается не хуже других, и на лицо не урод…

– А что это вас так пугает? Отличная девочка, хорошо учится.

– Все верно. Но вот замечаю, что в ней накапливается какая-то злость. Почти не смеется. Скованная. Всего боится…

– И вы думаете, это оттого, что она не нравится мальчишкам?

– Только мне, матери, видно страдание моей девочки. А я сердцем чую, что эти переживания опасны для нее…

Итак, общения не возникает. И в данном случае (мама об этом не задумывалась) именно семья была причиной того, что девочка оказалась непопулярной в классе. А объяснялось все очень просто. Дочке покупали дорогую, но не модную одежду. И выглядела она в этой одежде несовременно и чувствовала себя скованно. Родители этого не замечали, а девочка боялась заявить о себе.

Должна ли мать думать о том, чтобы ее дочка хорошо выглядела? Чтобы одежда была удобной и современной? Чтобы девочка в первую очередь сама себе нравилась? Непременно. Одна из задач полового воспитания девочки как раз и состоит в том, чтобы научить ее следить за собой, за своей одеждой, за ее чистотой (и цветовой гаммой), прививать ей хороший вкус, женственные манеры.

Должна ли мать думать и заботиться о том, чтобы ее дочка нравилась не только девочкам, но и мальчикам? Обязательно. Должна ли мать опасаться взрослой любви своей дочки-школьницы? Непременно. Необдуманное перенесение «взрослых моделей» в чувственную сферу жизни детей попросту опасно.

Здесь надо постараться понять трудности детских лет. У подростка жизнь намного сложнее, чем у взрослого. У него самый большой рабочий день: до 14 часов! Другая трудность связана с собственным ростом. Ребенку приходится постоянно осваивать свое новое тело, улавливать новые желания, которых раньше не было и которые гулко заявляют о себе. Рост изнутри, преобразования мозга, сердца, нервной системы – к этому нельзя привыкнуть, ведь ничего не повторяется, все только один раз. Новая энергия скапливается в душе ребенка, и она требует выхода. Если не дать ей выйти – непременно случится беда. Бесконечные подавления желаний и потребностей всегда приводят к внутренним конфликтам.

Одним из самых трудных вопросов детской жизни является проблема эмоционального развития ребенка. Я намерен коснуться некоторых сторон воспитания чувств.

Все дети без исключения проходят через сложный процесс сексуального созревания, через внутренний сексуальный взрыв. И конечно, есть дети с высокой чувственностью, дети, у которых сексуальная энергия нуждается в постоянном переключении. Для этого надо, чтобы эмоциональная жизнь подростка была

наполнена позитивными эмоциями.

> Все дети без исключения проходят через сложный процесс сексуального созревания, через внутренний сексуальный взрыв. И конечно, есть дети с высокой чувственностью, дети, у которых сексуальная энергия нуждается в постоянном переключении. Для этого надо, чтобы эмоциональная жизнь подростка была наполнена позитивными эмоциями.

Надо не просто ориентировать его на деятельность, а на такую деятельность, которая доставила бы ему максимум радости, если хотите, и некоторой экзальтации. Это и посещение театра, музея, зоопарка. Это и загородные прогулки, и игры на воздухе, и работа в поле, на приусадебном участке или на даче. Это и занятия в спортивных секциях. Это и чтение захватывающих книжек, и просмотр телепередач.

2. Всестороннее развитие без детской любви – ничто. Гармония с самим собой немыслима без гармонических отношений с другими

Объектом пристального внимания родителей должно быть общение подростка. В этот трудный для него период вы должны задать себе такие вопросы: с кем дружит ваша дочь или сын? Почему не дружит? Почему поссорился с товарищем? Нельзя ли их как-то помирить? Как это лучше сделать? Как поговорить с сыном, дочерью на эту тему? А что, если пригласить в гости племянницу, подругу с дочерью – она славная девочка. Может быть, съездить с сыном к ним? Может быть, предложить сыну купить цветы? Если вы хоть что-нибудь можете сделать для вашего ребенка в этот сложный период – вы ему очень поможете: здесь каждая крупица пойдет на пользу. Для подростка порой достаточно одной встречи с девочкой, чтобы месяцами жить наполненной эмоциональной жизнью.

> Ребенок больше, чем взрослый, нуждается в одухотворенной взаимной симпатии. Детская влюбленность – это то прекрасное чудо человеческой жизни, которое может оказать влияние на всю судьбу человека.

Девочка, которой понравился встретившийся ей мальчик (и при этом возникла некоторая взаимность), живет долгое время

в состоянии высокого душевного подъема: ей всякое дело дается легко, и учится она охотнее. И вся жизнь приобретает новый смысл. Ребенок больше, чем взрослый, нуждается в одухотворенной взаимной симпатии. Детская влюбленность – это то прекрасное чудо человеческой жизни, которое может оказать влияние на всю судьбу человека. Ребенок без романтической влюбленности чахнет, как чахнет взрослый человек без надежды, без веры, без радости, без счастья.

С детьми надо разговаривать об их чувствах к другим людям. Но разговаривать тактично, не выспрашивая настойчиво, не выпытывая, а умело добиваясь их искренности и доверия.

3. Две главные добродетели должна культивировать педагогика: трудолюбие и любовь к человеку

Крайне опасна и недопустима здесь тенденция некоторого абстрактного упрощения. Не вообще любовь к человеку, а к конкретным Ване, Пете, Лене, Кате, тете Даше, дяде Коле. И не просто благоговение перед этими людьми, а деятельное участие в их жизни. Чем конкретнее будет чувство ребенка – помог задачку решить или растопить печь, вытащил занозу, принес нужную вещь, отказал себе в чем-то, уделил внимание близкому человеку, – именно такое конкретное проявление чувств определяет правильное эмоциональное развитие ребенка.

Было бы ошибкой и такое упрощение. Ребенок может любить другого человека всем сердцем: жить помыслами о нем, хранить его тайны, ориентироваться на него в своем поведении, – но ни в чем не выражать своего отношения. Не надо видеть в этом ничего странного, ненормального. Молчаливая ориентация на любимого человека есть своеобразное выражение той конкретности, о которой я говорил. За ней стоит готовность сделать что угодно ради этого человека.

Однако здесь хочется предостеречь родителей. Опасно, если чувство захватит подростка настолько, что он не в состоянии работать и думать о чем-либо другом. Если любовь к человеку затормозила развитие такой важной добродетели, как трудолюбие (имеется в виду любая деятельность – учебная, хозяйственная, организаторская, конструкторская, художественная), то такая любовь неизбежно обречена на перерождение.

Если любовь девочки к мальчику (или наоборот) только расслабляет, только уводит от действительности, то она неизбежно творит зло. И это вовсе не догмат примитивного мышления: любить – значит лучше работать, это единственное

педагогическое кредо, которое может и должно уберечь детскую любовь, дать ей право на законную жизнь.

И еще один существенный момент – важно знать, как любит подросток: умом или сердцем. Детское сознание неопытно, поэтому крайне важно научить ребенка анализировать свое чувство.

Конечно, утверждение «чувство анализом можно убить» вполне правомерно. Но оно лишено педагогического содержания: ведь ребенка надо учить всему. Поэтому, если мать или отец спрашивают: а что тебе в ней или в нем нравится? А что ты больше всего ценишь в нем? А как бы он поступил в такой ситуации? А не смогла бы ты ему помочь? А почему он тебе не помог? – все эти вопросы крайне нужны ребенку. Не верьте, когда он уходит от подобных вопросов. Конечно, эта тема настолько деликатна, что говорить о ней можно лишь в том случае, когда уже сложились самые доверительные отношения. Но даже в этом случае надо быть очень осторожным. Ребенок всегда испытывает некоторую неловкость от подобных разговоров. И это чувство стыдливости ни в коей мере нельзя заглушать. И все-таки, учитывая все эти деликатные нюансы, надо изредка возвращаться к этой трудной теме. Подростку всегда может понадобиться совет старшего.

Девочке назначили первое свидание. Это огромное событие в ее жизни: оно может стать стимулом нравственного обновления и может заронить тревожную неуверенность, породить глубокую обиду. Родители обязаны помочь дочери испытать всю полноту счастья и научить ее отличать первое свидание от обычного приглашения. Девочка в данном случае должна быть подготовленной к разному развитию отношений. Поэтому деликатное выяснение подробностей (А как он пригласил? А кто он? А как ты к нему относишься? А что он тебе потом сказал?) поможет матери, например, достичь две цели: установить с дочерью более прочный контакт и дать ей своевременно правильный совет.

4. Страдание так же необходимо для становления личности, как и радость

И вдруг, по непонятным причинам, свидание не состоялось. Девочка в слезах пришла домой: сорок минут стояла под часами… Вот здесь-то надо быть вместе с ней. Если вы на работе, скажите дочери, чтобы она непременно вас подождала, что вы вместе это обсудите и т. д. И когда вы увидитесь, спокойно выясните все обстоятельства несостоявшейся встречи, расскажите

аналогичные истории, попутно заметьте, что очень часто происходит некоторая путаница со временем и местом свидания. Помогите девочке с достоинством выйти из подобной ситуации.

Знайте, что все основные беды и несчастья так или иначе связаны с «личной неустроенностью» ребенка.

Он достоин изучения, этот прекрасный мир детских чувств. Этот скрытый, клокочущий вулкан переживаний. Мир детских чувств педагогика порой обходит, полагаясь на художественную литературу, на кино… Родительский опыт не придает детским чувствам особенного значения: дескать, все прошли через это, все так естественно, и незачем здесь голову ломать…

5. Невмешательство – один из самых разумных приемов сближения с детьми

Надо признать, что в такой позиции есть много рационального: невмешательство родителей в личную сферу жизни подростка создает для него обстановку доверия и деликатности, которые защищают его сокровенные чувства. Но педагогическая цель как раз и состоит в том, чтобы, тактично найдя доступ к скрытым уголкам души ребенка, вторгаясь в них, защитить его от неоправданных потерь, неудач, ободрить, избавить от мучительных переживаний, объяснить непонятное… Если по каким-либо соображениям он не желает разговаривать на эту тему, не надо настаивать, выспрашивать. Ребенок должен знать, что его личная жизнь является его собственностью, что он на эту жизнь имеет свое естественное право, и открыть ее тайны он может только сам и только самому близкому человеку. Вообще-то степенью близости в подобных ситуациях и определяется поведение родителей. Разумеется, если в это время по каким-то причинам отношения стали холодными, то никакого интимного разговора с подростком не получится. Поэтому крайне важно, как бы ни конфликтовали взрослые и дети, непременно беречь ту доверительность, которая сложилась однажды. Ребенок должен знать: «У меня самой есть нечто такое, что дороже всего…» И родитель должен изредка напоминать ему об этой сокровенной стороне отношений: «Мы можем как угодно спорить и даже обижаться друг на друга, но нас объединяет не просто кровное родство, а такая духовная связь, которая обязывает и попросить помощи, и протянуть руку, когда это понадобится…»

Ребенок должен знать, что его личная жизнь является его собственностью, что он на эту жизнь имеет

свое естественное право, и открыть ее тайны он может только сам и только самому близкому человеку.

Одним словом, надо приблизить к себе ребенка, только так можно влиять на развитие его духовного мира. Тактика «вторжения», о которой я говорю, не противоречит общей установке на невмешательство в личную жизнь ребенка: суверенность прав личности всегда должна быть на первом месте.

Я не разделяю точку зрения тех педагогов, которые с позиций невмешательства рассуждают так: организуйте правильно всю жизнь ребенка (главным образом трудовую), и все станет на свои места. Это не совсем так. В мире чувств ничего не происходит само собой: это не менее сложная и трудоемкая работа сердца и ума, чем учение или любая другая работа.

6. Если вы научите ребенка любить, вы научите его всему!

Такая формула может показаться неожиданной. Но я готов привести некоторые доказательства. Любовь к человеку тогда будет полной и настоящей, когда она приносит радость любящим. Когда становится условием развития творческой активности каждого, фактором саморазвития, мобилизации духовных и физических сил. Если этого самораскрытия нет, если чувство оглупляет, убивает лучшее, что есть в человеке, значит, произошла нелепая ошибка и надо непременно ее исправить…

Может показаться, что я слишком рационалистично подхожу к столь тонкому и щекотливому вопросу, но иного подхода, по моему убеждению, быть не может.

Давайте вместе разберемся. Какова цель? Ребенок должен приобрести опыт проявления своих лучших человеческих чувств. Гармоническое развитие требует того, чтобы ребенком был накоплен опыт эмоциональной культуры. Без светлых, добрых чувств к другому человеку не может быть ни хорошего труженика, ни семьянина, ни руководителя, ни гражданина своей страны.

Итак, с целью все ясно и правомерно. Детский опыт любви не противоречит нашим воспитательным задачам, способен даже содействовать им.

Ну а средства?

Ребенок должен приобрести опыт проявления своих лучших человеческих чувств. Гармоническое развитие требует того, чтобы ребенком был накоплен опыт эмоциональной культуры.

Вот со средствами несколько сложнее. Что же, специально заниматься организацией столь интимных процессов? Нет, специально не надо! Но помочь ребенку разобраться в движениях его души надо непременно. А эти движения души для опытного, внимательного глаза всегда на поверхности.

Если ваш сын, дочь не находят себе места, стали либо чересчур нервными, либо сонно-апатичными, знайте, что в них пробудились те чувства, в которых надо помочь разобраться.

Если подросток вдруг стал ярым негативистом, стал низвергать авторитеты, знайте, что он где-то и в чем-то потерпел неудачу и ему грозит личная неустроенность.

Если ребенок не слышит ваших советов или обращений, если он вообще никого и ничего не слышит, знайте, что к нему пришло то большое, сильное чувство, которое может стать и подлинным счастьем, и большой бедой.

Детское чувство более ранимо, менее защищено, чем чувство взрослого. Ребенок вдруг попадает в неизведанный бурлящий водоворот стремительных переживаний, страстей, притязаний. Впервые вспыхивает ревность, обида и та томительная сладость ожидания, и та готовность отдать все, сделать все, достичь всего, и вдруг страшная непоправимая отвергнутость! Все впервые! И так глубоко и сильно, как ни у кого на свете!..

Здесь нет ничего опаснее, чем чья-то спешка, неуместная шутка, снисходительное поучение. И нет ничего дороже, чем понимание, готовность терпеливо слушать и дать, не навязывая, добрый совет.

Нужны мера и такт. А мера может быть только одна – учить культуре чувств. Учить доброте любви. Учить беречь и хранить этот бесценный дар.

Даже физическая красота может служить коллективизму или разрушать его.

Мысль, что красивых девочек надо воспитывать как-то по-особенному, я встречал у многих педагогов. Каждый, кто соприкасается с детьми, знает, сколько преимуществ у красивого ребенка. Он почти не знает трагедии отвергнутости. Он всегда имеет возможность выбрать друга, товарища, компанию. Красивая девочка в коллективе может объединить (если она умна и добра) целые толпы ребят.

Если ребенок не слышит ваших советов или обращений, если он вообще никого и ничего не слышит, знайте, что к нему пришло то большое, сильное чувство, которое может стать и подлинным счастьем, и большой бедой.

Детское чувство более ранимо, менее защищено, чем чувство взрослого.

Такая же девочка, если умна, но не очень добра, при определенных обстоятельствах может внести в коллектив такой заряд разрушительной силы, что неопытному педагогу чрезвычайно трудно справиться с ее влиянием, тем более что оно никогда не бывает на поверхности. Здесь-то и важны дискуссии, обсуждения, просто разговоры о чувствах, о привязанностях, о вкусах и ценностях.

Мы уже говорили о том, что деятельность, и только деятельность, формирует личность. Но пусть в понятие «деятельность» входит и то интимное общение, которое направлено и на освоение нравственных норм, и на постижение высоких нравственных идеалов в труде, любви, учении, в занятиях искусством, наукой, спортом.

7. Каждый школьник – это сложнейший мир проблем и задач. Забота о своевременном решении этих проблем и задач составляет основу строительства новой школы

Когда-то, в первом издании «Семейной педагогики», я написал такую фразу: «Если вашей дочери минуло двенадцать лет, знайте, что вы имеете дело не просто с ребенком, а с маленькой женщиной». Дальше шло пояснение этого тезиса, не вызвавшего ни у кого на многочисленных обсуждениях книжки возражения или сомнения типа: «Что это за преувеличения?» Родители знают: дети в этой усложняющейся жизни становятся раньше взрослыми. Они в чем-то умнее нас, прежних. Их детство другое, чем наше. Когда сталкиваешься со старшеклассниками, иной раз поражаешься этому удивительному соединению в них детскости и овзрослености. На перекрестьях этих двух свойств как раз и создаются беды, точнее, рождаются противоречия, способные обернуться бедами.

Я много занимался анализом такого рода противоречий. Меня, в частности, интересовало и то, как классическая литература, гуманитарное знание соединяются в одном человеке с безнравственным мышлением, а также все чаще сталкиваюсь с тем, что безнравственные поступки совершаются не только теми, кто плохо учится, ничего не читает, не ходит в театр и в музеи. Напротив, немало отклонений случается и с теми, кто эрудирован, в чьем сознании соединилось пристрастно отобранное из классики подтверждение того, что именно

безнравственное, а не нравственное поведение – норма. Я поражаюсь, с какой иезуитской способностью выискивают они аргументы для обоснования своей неправедной позиции, тех ложных установок, которые берутся молодыми людьми на вооружение, становятся предметом споров.

Вот какая история произошла с Сашенькой С. – так ее все звали. Сашенька совершила преступление и оказалась на скамье подсудимых. У девочки был удивительный учитель, экспериментирующий, знающий. С ним-то и произошел у меня этот сложный разговор, который я приведу ниже.

– Помню, дал я сочинение в девятом классе – «Женские образы в романах Толстого», – начал свой рассказ Иван Владимирович Петров. – Меня совершенно поразило тогда сочинение Сашеньки. Она написала об Анне Карениной и Наташе Ростовой. Она развела обеих женщин по их достоинствам и недостаткам. Восхитилась силою Анны, оказавшейся способной на безудержное чувство. Меня поразили тогда подобранные ею слова для характеристики любви Анны и Вронского. Толстой одинаковыми словами описывает животную преданность Вронскому двух любимых существ – лошади Фру-Фру и Анны – их вечно женственные прелести, аристократизм тела, породу, кровь, энергическое выражение, блестящие и веселые глаза, понимание без слов. Сашенька выстроила свою Анну – хищную, порывистую, жадную, бесстрашную. Конечно, она начиталась дореволюционной литературы, но отбор был сделан ею целенаправленно. Она наслаждалась тем, что обнаруживала в себе сходство с Анной. Она наслаждалась тем, что ее человеческая неясность, женственность как бы соединяются с чем-то хищным, что, по ее мнению, было присуще аристократизму Анны. В ней она подметила, вычленила избыток животной жизни, тот избыток, который Вронский чувствовал в себе, в звере. И в Анне чувствовал, когда сам переступал самые последние пределы своей нежности к ней.

– Я что-то вас не пойму, – перебил я Ивана Владимировича. – Вы считаете, что в Анне живет что-то звериное?

– Я десятки раз читал «Анну Каренину» и никогда не замечал столь обнаженно жестокой характеристики бесовских страстей в самой Анне. Сашенька не только отыскала в Анне хищно-грозовые, если можно так сказать, порывы. Она еще и стала подражать созданному образу Анны. В ней стала развиваться особого рода вседозволенность. Она уничтожила в себе все какие бы то ни было ограничения. Нравственный каприз, прикрытый философией свободы, стал ее знаменем. Конечно, это громко сказано, но это так.

– И вы говорили ей об этом?

– Что вы! Во-первых, я не мог ей сказать об этом, потому что тогда я всего этого еще не сформулировал. Я лишь смутно догадывался о том, что с нею происходит. А во-вторых, я тогда не знал, что она не просто черпала из книжек информацию, а выстраивала свой образ как картину мира, как модель поведения, как идеал.

Я слушал Ивана Владимировича, и мне было интересно, куда же он клонит? Неожиданно он представился мне этаким молодым Карениным, изучившим все догматы морали, поучающим всех.

– Вы считаете, что в Сашеньке обнаружились садистские чувства, когда она описывала Анну? – спросил я.

– Сашенька выбирала для анализа то, что задевало ее воображение. Я отдавал себе отчет, что многое из того, о чем она писала, было подсказано ей критикой, тем не менее она выбрала именно тот жестокий ряд нравственных проявлений, который был мне чужд и страшен. Она выписала те места, где Вронский ощущал в себе убийцу Анны, Анна видела это жестокое любовно-страстное влечение Вронского. Там есть такие слова: «Он же чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни… Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою страшною ценой стыда. Стыд пред духовною наготою своей давил ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужас убийцы пред телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством.

И с озлоблением, как будто со страстью, бросается убийца на это тело, и тащит, и режет его; так и он покрывал поцелуями ее лицо и плечи».

Я слушал, как он почти наизусть читал Толстого. Я не помнил эти места с таким нагромождением жутких картин.

– Меня удивило, – продолжал Петров, – что в Сашеньке сидела, я это понял, жуткая потребность разобраться в этом страстно-грозовом начале, какое она подметила в Анне. Она в своем сочинении описывала, как убивал Вронский свою прекрасную лошадь, чуя свою вину, постыдную и непростительную, когда он прочел говорящий взгляд любимого зверя. И именно подобные чувства ощущает Вронский, когда видит тело Анны на столе казармы, тело, бесстыдно растянутое посреди чужих окровавленных тел, тело еще прекрасное и полное жизни, такое же точеное все – и грудь, и ноги, и бедра, и красивая голова, уцелевшая и закинутая назад со своими тяжелыми косами, вьющимися волосами на висках, и полуоткрытый

румяный рот, и застывшее странное жалкое выражение в губах, и ужасное в остановившихся незакрытых глазах.

– Я вас не пойму, – перебил я Петрова. – К чему вы ведете?

– Я ни к чему не веду. Я просто установил для себя, что в Саше вызревало это звериное начало, и она всячески искала обоснование ему. Потому и привлек ее Шамрай. Ей нужен был человек, который смог бы помочь переступить нравственный закон.

– Думаю, что вы ошибаетесь. Она так страстно мечтала о материнстве, так хотела покоя…

– Саша – о материнстве? Я опять вспоминаю ее сочинение, где она сравнивала Наташу Ростову с Анной. Она писала: чем так жить, как жила потом Наташа – помните, опустилась, не причесывалась, стала неряшливой, утратила очаровательную прелесть и гордилась тем, что сама стирает пеленки, запачканные не зеленым, а желтым, – так вот Сашенька писала: чем так жить, лучше под поезд.

– И что же вы?

– А я что? Конечно, я стал рассказывать о том, что Наташа-девушка и Наташа-мать – это по-разному прекрасные люди, что есть в Наташе-матери та высота, которая и составляет подлинную духовность… Но я вспоминаю теперь, что, когда я это все говорил, слова мои не доходили до Саши, как, впрочем, и до остальных ребят…

– А почему?

– Вот это для меня загадка. Я не мог доказать детям, что Вронский или Нехлюдов являются, говоря словами Достоевского, сладострастными пауками в человеческом образе. А вы знаете, почему я не смог им это доказать? – спросил он меня с вызовом.

– Почему?

– Да потому, что против меня сам Толстой со своим талантом. Чтобы дети научились воспринимать гениальные произведения Толстого, необходима совершенно иная этическая подготовка, нужен опыт нравственной жизни, нравственных исканий.

Я слушал Петрова, он меня уже не раздражал, просто я ощущал в нем схоластику мнимой эрудиции: заучил цитаты, знает, что такое хорошо, а что такое плохо, а истинная нравственность не нуждается в заучивании, она опирается на человеческую культуру общения. А с чем соединилось художественное восприятие Сашеньки, с каким ее нравственным опытом оно сплавилось – этого новоявленный Песталоцци знать не желает. Петров чисто литературоведчески, может быть,

и затрагивал глубинные стороны формирования женского «я» – это было интересно. Но он не знал той жизни Сашеньки, которая открылась мне.

Мне Сашенька уже в следственном изоляторе рассказала о себе жуткую историю. Был отец, художник-прикладник, мастер по металлу, литью, антиквар, человек сладострастный, запойный, садист, истязавший жену, мать Сашеньки. У Сашеньки была сестра, старше ее на шесть лет. Мать уходила на работу, а девочки оставались с отцом. Однажды Сашенька увидела, как шестнадцатилетняя сестра разделась и легла в постель к отцу. Саше было тогда десять лет. Отец позвал девочку к себе, схватил и положил рядом…

– И ты лежала рядом с ними? – спросил я у Саши.

– Ну да, – тихо сказала она, вяло улыбаясь.

– И ты просто так лежала?

– Да. Отец приказал мне молчать. И целовал меня больно.

– А сестра не плакала?

– Нет. Я помню, у нее было совсем сумасшедшее выражение лица. Я ее такой никогда не видела.

– А теперь где сестра?

– Мать сумела отправить ее на Дальний Восток. Отец злился.

– И ты говоришь, что мать знала, что отец сожительствует с твоей сестрой?

– Конечно, знала. Она по-своему любила отца, но боялась его. К тому же он приносил в дом хорошие деньги.

– Ты встречаешься с сестрой?

– Нет. Она замужем, и у нее хорошая семья.

– А что стало с отцом? – спросил я.

– Был суд, и отцу дали десять лет. Я пожаловалась и все рассказала про отца.

– Отец сидит?

– Что вы! Он вернулся через пять лет. Мы разменялись, мне дали комнату.

– Ты ненавидишь отца?

– Мне его жалко.

Теперь я думал о том, что рассказал мне Петров. Значит, был опыт, жуткий, звериный. И была литература, сообщающая об опыте других людей. И появлялась в девочке своя собственная зрелость. Разгоралась и пламенела, обжигая изнутри и извне девичью чувственность. Сашенька росла и ощущала в себе избыток и страстной силы любви, какая, как ей казалось, была в Наташе Ростовой, кинувшейся в объятия красавца Анатоля, которая была в Анне, преступившей все запреты со своим возлюбленным. И одной из причин того, что она оказалась

преступницей, была ее любовь к рецидивисту Шамраю, который бежал из колонии, жил нелегально. Эта любовь будто соединилась с тем мерзким чувством, которое зародилось у нее, когда она прикоснулась к порочной страсти отца. Она поняла, что не в силах избавиться от того, что видела в детстве. Ее преследовала потребность разобраться в том, что жило в ней, не давало покоя. Потому она и металась в своих чувствах. Я подумал: Сашу можно защитить от наказания, от компании, которая пристрастила ее к праздной жизни, к наркотикам, но кто защитит ее от самой себя?

> Учиться преодолевать свой собственный схематизм мышления, учиться проникать в сложный мир наших питомцев, учиться бережно и своевременно излечивать больные детские души – без этого не может быть ни полноценного воспитания, ни новой школы.

Я подумал о другом. Занимаясь с детьми, обучая их и воспитывая, мы не решаем их главных задач и проблем. Не решаем, потому что часто не знаем об их существовании. Не решаем, потому что занижаем уровень их развития. Не решаем, потому что не знаем, как решать.

Учиться преодолевать свой собственный схематизм мышления, учиться проникать в сложный мир наших питомцев, учиться бережно и своевременно излечивать больные детские души – без этого не может быть ни полноценного воспитания, ни новой школы.

И самое главное. К гармоническому становлению приуготовлены и те, кто испытал на себе тяжесть порока, низость падения. Вся сложность избавления человеческой души от «свинцовых мерзостей» прошлого состоит в том, что человек не в силах преодолеть рубеж между пороком, который им осознается, и гармонией, о которой он не ведает и которая, как погашенная мечта, живет в нем. Этот рубеж – бездна. Нужны педагогическая отвага, щедрость, мастерство, гражданское мужество, чтобы помочь человеку обрести гармонию в себе самом. Помочь избавиться от страха, от стыда, от неверия. И для этого необходимо не просто мастерство, не просто внимание. Гармония есть явление нравственное и достигается творческой силой души человеческой. Достигается готовностью защищать обновляющуюся душу и обновляющийся мир, чего бы это воспитателю ни стоило: позора, унижения или даже смерти.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть крайнюю опасность, которая кроется в попытках некоторых теоретиков снять с повестки дня педагогики идею всестороннего и гармонического

развития личности на том основании, что у нас нет достаточных возможностей для реализации таких великих педагогических задач. Да, возможностей недостаточно! Но это вовсе не означает, что можно воспитывать без великих идеалов. Без идеала нет ни реальной действительности, ни движения к правде и справедливости, ни педагогического мастерства. Сегодня многие учителя утверждают: как нет альтернативы демократизации общества, так нет приемлемой альтернативы всестороннему и гармоническому развитию демократической личности как цели воспитания. Другой вопрос, что путь к идеалу длителен, сложен и требует поэтапных действий с учетом реальных возможностей.

Глава 5
Самосознание личности

До сих пор мы говорили о двух сферах отношений: отношении ребенка к предметному миру (учение, труд, искусство) и отношении ко всему живому, и прежде всего к человеку.

Но есть еще и третья сфера, которая не всегда учитывается в воспитании, – это отношение растущего человека к самому себе, самосознание личности.

С чего начинается самосознание? Где его границы? В каких сцеплениях оно выступает? Как развивать это уникальное человеческое «само», которое разветвляется в такие сложные образования, как самодисциплина, самостоятельность, самопроявление, самолюбие, самооценка, самоконтроль, саморазвитие, самовоспитание, самосовершенствование?

> А в тринадцать-пятнадцать лет границы собственного тела для ребенка становятся не менее важными, чем тысячи других проблем. Мы, взрослые, беспокоимся, заботимся, думаем, как помочь своему дитяти в развитии, учении и прочее, а его волнует совсем другое – собственный рост, вес, цвет лица.

Психологи отмечают, что самосознание развивается постепенно и, по всей вероятности, начинается с определения границ собственного тела. Затем ребенок начинает сознавать себя в системе различных социальных зависимостей, прав и обязанностей, норм и требований… А в тринадцать-пятнадцать лет границы собственного тела для ребенка становятся не менее важными, чем тысячи других проблем. Мы, взрослые, беспокоимся, заботимся, думаем, как помочь своему дитяти в развитии, учении и прочее, а его волнует совсем другое – собственный рост, вес, цвет лица.

Нет такого ребенка, который был бы безразличен к собственной внешности. И эта самооценка, как ни странно, определяет очень многое в самочувствии ребенка, а следовательно, и в общем интеллектуальном и духовном его развитии.

Попробуем вычленить некоторые наиболее типичные стороны развития самосознания подростка и подумаем, как надо поступать в каждом отдельном случае.

1. Проблема роста

Семиклассница страдает от того, что рост ее 171 см. В классе она выше всех. Выходит к доске, сгорбившись. Сутулится. Каждый выход – страдание.

Поэтому и не выходит иногда. Пусть лучше двойка. В сознании засели и реплика сверстника: «Эй, каланча!», и замечание учителя: «Что это ты так гнешься?», и ласковая просьба матери: «Да не сутулься же ты, расправь плечи, смотри, какая у тебя фигура хорошая…»

А тут еще мальчишка понравился. А он на полголовы ниже! А туфли мама покупает, как назло, на высоком каблуке, хотя сейчас все носят на низком. Мама убеждает, что высокий каблук делает женщину изящнее, стройнее. И папа развивает теорию о каком-то классически совершенном теле, в котором ноги чуть ли не в три раза длиннее туловища и растут прямо из плеч… И все эти разговоры девочку раздражают, ранят. И никто ее не понимает. И никто не знает, какими горькими слезами она обливается по ночам.

И конфликты острые.

Дочь: Я пойду к сапожнику, пусть срежет каблук…

Мать: Ты с ума сошла: портить новые туфли…

Дочь: А в таких туфлях я не пойду в школу!

Мать: Не валяй дурака. Сейчас же одевайся и марш!

Дочь: Сказала не пойду – и все!

Мать: Как ты со мной разговариваешь?

Дочь: А как с тобой разговаривать, если ты меня не понимаешь?

Заметим, что в каждом таком случае в самосознании подростка развиваются как бы два пласта. Один, тот, который на поверхности, известен по крайней мере близким людям. Да, мама знает, что ребенок тяготится своим ростом, и пытается как-то смягчить остроту переживаний: дескать, чего волноваться, пустяки, ничего особенного. Но мать не знает другого пласта развития самосознания девочки, связанного с ее самооценкой. Она не знает тех тайных детских опасений и ожиданий, когда воображение ребенка раздувает свою беду до космических размеров. И эта беда становится, если хотите, в чем-то своего рода регулятором поведения, предметом постоянных раздумий, сравнений, аналогий, переживаний. Девочка часами занимается подсчетами: если я буду прибавлять даже по два сантиметра в год (а до сих пор по четыре!), то за девять лет мой рост увеличится на 18 см – а это будет почти сто девяносто. А если по три сантиметра, то это будет больше двух метров… И еще девочка

думает: «А может, есть такие таблетки, которые уменьшают рост?» Пыталась она об этом сказать маме, но мама на это даже не обратила внимания… «А завтра снова в классе будут смеяться. И классный вечер будет, и никто не пригласит на танец. И зачем мне все эти пятерки нужны, если все так скверно складывается, если жить с таким ростом невозможно…»

И часами перед зеркалом в ванной: «Ах, эти ужасные длинные руки, чуть не до колен! Ну разве у нормального человека бывают такие руки? Ну, с руками дело обстоит проще. Если их сгибать в локте, то они не кажутся такими длинными… И шея (мальчишки назвали жирафой!) длиннющая такая, но с шеей можно что-то придумать: если воротник поднять, то длина скрадывается. А вот ноги – их никуда не спрячешь… Как стыдно, когда мальчишки рядом с нею стараются приподыматься, вытягиваются, бедненькие, и на тротуаре занимают место там, где повыше, и стараются сразу сесть, чтобы не было заметно, что она выше».

Всего этого мама не знает.

2. Ребенок мыслит образами. Его самосознание предметно и образно. Он видит себя в среде других таким, каким сложился его «Я-образ»

И если этот образ наделен отрицательными чертами, то и видение себя, дополненное преувеличенными деталями, весьма и весьма непривлекательно. Это самосозерцание доставляет ребенку страдание. Поэтому здесь не о капризе идет речь, а о глубоких процессах, связанных с самовосприятием. И конечно, суть не «в границах человеческого тела», в представления ребенка о себе вплетается, как правило, социальный контекст. Ребенок видит себя таким, каким его, как ему кажется, воспринимают другие. Ведь откуда у девочки сложилось мнение, что ее фигура уродлива? В детской среде культивируется свой стандарт. Все, что выходит за пределы этой нормы, как правило, подлежит осмеянию. Чуть выше рост – «Каланча», чуть полнее – «Жирный» или «Жир». И мальчишки, которым раздают прозвища направо и налево, откликаются на новые «имена» и даже сами порой подшучивают над собой – есть такой способ «смазать ситуацию»: каждый придумывает свой способ, потому что, стоит показать, что ты обиделся, будут дразнить еще больше. «Я – самый жирный, самый толстый! Я – Жир, и Масло, и Мясокомбинат!» Вот так все выложит о себе и выбьет на какое-то время почву из-под ног. Но каждый раз, когда слышит громкое «Эй, Жир!» или «Эй, Комбинат!»,

вздрагивает. Девчонки смеются, и даже учительница однажды улыбнулась, но ученикам сделала замечание: «Нельзя так!»

А ребята наперебой: «А он у нас не обижается! Правда, Жир, не обижаешься?» И мальчишка смеется: «Да чего там обижаться…» А на душе так горько, что взял бы да и утопился, если бы, конечно, не надежда!

Надежда: где-то вдали маячит иной «Я-образ». Тот же мальчишка, но совсем другой: стройный, сильный…

Надежда – вот та ниточка, которая должна стать отправным моментом в воспитании, а точнее, в самовоспитании.

Конечно, обстановку защищенности надо создать дома. Конечно, нужно стать союзником ребенка. «Тебе каблуки надо уменьшить? Что же, попробуем! Давай посмотрим, что это нам даст. Ага, целых три сантиметра. Прекрасно».

Неужели каблук дороже духовной близости с ребенком? Конечно, возня, хлопоты. Но как иначе приблизиться к надежде? И как прекрасен момент детской окрыленности, когда девчонка мчится к сапожнику спиливать эти ужасные сантиметры, когда перед ее глазами рисуется иной, более привлекательный «Я-образ».

А вот и снова туфли. Трех сантиметров как не бывало.

Мать: Ну, ты здорово придумала. Теперь совсем другое дело!

Дочь: А что, хорошо получилось!

Мать: Отлично! А как ты себя чувствуешь в них?

Дочь: Очень удобно!

Если такая сцена повторится с отцом, бабушкой, дедушкой, то это только на пользу: процесс закрепления нового «Я-образа» длителен. Девочка должна поверить, что никакой трагедии с ее ростом нет и быть не может. Больше того, в таком росте есть свои достоинства. Надо о них рассказать и помочь найти им применение. Заниматься волейболом или баскетболом при таком росте – одно удовольствие. Открываются новые ожидания. Высокая девочка, попадая в среду сверстниц такого же роста, начинает чувствовать себя совершенно по-другому. И по-иному начинает себя воспринимать. По-иному выстраиваются детали нового «Я-образа». В четырнадцать-пятнадцать лет зеркало, особенно для девочки, может значить куда больше, чем интересная книга: идет «считывание» себя. Если раньше контур «Я-образа» складывался в общих чертах: руки, ноги, голова, то теперь тщательно прорисовываются детали: глаза, уши, рот, цвет лица, волосы, ресницы, поворот головы, улыбка, полуулыбка, едва заметное движение губ, чуть прищуренные глаза, – и каждый раз новое лицо, новый характер. Как интересно! И в этих поисках себя проходят часы, недели, месяцы. Что-то

меняется, что-то перестраивается. Торчат уши – надо подлиннее волосы отрастить. Тоненькие губы – не надо вытягивать их в ниточку. Постоянная улыбка на лице – надо чутьчуть хмуриться (только и слышишь: «Ты чего улыбаешься?» Надоело отвечать: «Да у меня лицо такое»).

И здесь свои страдания. Свои ориентации на стандарты. Я встречал удивительно симпатичных девчонок и мальчишек, которые были убеждены в своей некрасивости только потому, что не укладывались в некий стандарт. А откуда берутся стандарты?.. Кино, телевизор, открытки.

А еще? Старшеклассники, освоившие стандарты. Мода на улыбки, на повороты головы, на прически, походку, манеры…

И если подростком усваиваются только внешние стороны современной красоты, то нравственные просчеты неизбежны.

> Мальчишке надо рассказывать об эталонах истинно мужской гармонии. Пусть он поймет, что мужчина всегда прекрасен, если его лицо светится умом, силой, добротой. Пусть эта мысль будет подростку новым ключом к творению самого себя.

Отец заметил сыну, показывая на работающего человека:

– Удивительно прекрасное лицо. Волевое и одухотворенное…

А черты лица неправильные были у этого человека – и ростом человек не вышел.

– Что же в нем красивого? – удивляется сын.

– Неужели ты не чувствуешь всего великолепия его движений? А этот пристальный взор, а эта просветленность во взгляде! А эта сила! Настоящая мужская красота!

Мальчишке надо рассказывать об эталонах истинно мужской гармонии. Пусть он поймет, что мужчина всегда прекрасен, если его лицо светится умом, силой, добротой. Пусть эта мысль будет подростку новым ключом к творению самого себя.

3. Постарайтесь понять, с каким чувством относится к себе ваш ребенок

У социальных психологов я встретил однажды примерно такую мысль: «В большинстве случаев Я-концепция (основная мысль о себе) связана с чувством. Человек может уважать или презирать самого себя. И он относится к себе так же, как он готов действовать по отношению к другим, кого он презирает или уважает».

Представим, как подросток с его непосредственным чувством

относится к тем, кого он не уважает. Наверное, ни одно требование этого человека не будет выполнено ребенком охотно. Большинство советов или поручений такого взрослого будет игнорироваться, больше того – высмеиваться. Даже если этот человек говорит дельные и стоящие вещи, все равно к его словам отношение отрицательное.

И наоборот, если ребенок относится к человеку с уважением, его требования, просьбы будут, как правило, безусловно выполнены.

Теперь представим себе вариант, когда ребенок презирает самого себя: не любит свою внешность, удручен своими качествами вообще, тяготится собой. Такого рода рефлексирующий негативизм – явление довольно частое. И этот негативизм, если хотите, рождается на грани позитивного качества – неудовлетворенности собой.

Подросток и даже юноша часто не в состоянии разобраться в своих мыслях и чувствах. А между тем самооценки личности как раз и складываются на основе суждений и замечаний, адресованных ребенку другими.

Вопрос «А какой я?» подростку трудно задать другим: мешает стыдливость, боязнь осмеяния. Да и взрослые почему-то остерегаются говорить детям об их достоинствах, все больше на недостатки напирают: «У тебя то не так… И это не как у людей», и прочее. На основе таких отрицательных заключений складывается негативная модель личности, которую нередко и начинает презирать сам ребенок. Но презрение не замыкается на самом себе, оно, будучи активным чувством, так или иначе оборачивается против тех, с кем сталкивается ребенок в жизни. Не любя, презирая себя, он начинает презирать и других, в том числе и близких. Так негативное самосознание ведет к образованию негативных нравственных качеств, которые начинают проявляться в отношении к окружающим.

Почему же мы боимся сказать ребенку о его достоинствах? Остерегаемся зазнайства и детской самоуспокоенности? Возможно. Но, может быть, тогда надо найти компромиссное решение: говорить о борьбе различных сил в самом ребенке.

Сложность разговора в данном случае состоит в том, чтобы не стать на такой путь: «Вот ты ругаешь других, а сам-то ты какой? Имеешь ли моральное право критиковать других?» Занять такую линию, конечно, можно, но вряд ли она будет продуктивной, ибо при такой позиции можно убить то ценное, что появилось в подростке: максимализм, ориентированный на нравственное обновление. В детском максимализме – всегда два начала, две доминанты. Одна сливается с такими

позитивными свойствами, как жизненная энергия, критицизм, обостренное восприятие жизни и самого себя, ориентация на крайние меры и требования по отношению к себе и другим. Вторая в своем негативизме способна свести на нет все то ценное, что есть в первой. И здесь не о равновесии должна идти речь, а об абсолютном главенстве первой доминанты. То есть задача воспитателя как раз и будет состоять в том, чтобы развить в полную меру первое начало, чтобы то завышенное требование к другим и к самому себе упрочилось и оказалось реально выполнимым для ребенка. Поэтому в данном случае воспитатель не имеет права рисковать. Выбор только один: дать возможность проявиться тому сильному эмоциональному состоянию души, которое может привести к решению основных проблем нравственного воспитания подростков.

> В детском максимализме – всегда два начала, две доминанты. Одна сливается с такими позитивными свойствами, как жизненная энергия, критицизм, обостренное восприятие жизни и самого себя, ориентация на крайние меры и требования по отношению к себе и другим. Вторая в своем негативизме способна свести на нет все то ценное, что есть в первой.

Здесь возможна такая беседа:

– Вообще ты предъявляешь к другим высокие требования – и это хорошо. Но, наверное, это не просто… Тебе, должно быть, трудно? Мне кажется, что ты в себе не любишь многое и это твое отношение способно приглушить достоинства, которые у тебя есть: объективность, разумность и, наконец, твои способности. С чем ты придешь к идеалу своему, если уничтожишь в себе самое лучшее?

И дальше в разговоре обязательно должны быть затронуты вопросы безграничных возможностей человека, вопросы самодисциплины и самоорганизации, пути приближения человека к идеалу.

4. Подумайте, в чем вас может обвинить ребенок, когда станет взрослым

Высокий уровень самосознания предполагает высокий уровень, если можно так сказать, самореализации. Очень часто мы встречаемся с таким вариантом, когда ребенок все понимает, или, точнее, о многом имеет правильные представления,

а реализовать эту познанную правильность не в состоянии по ряду причин. Основная – отсутствие привычки к систематическому труду.

Возникает проблема, как заставить ребенка постоянно трудиться, постоянно работать над собой.

…Подросток две недели почти ничего не делает. Придет из школы и буквально мается: то за одно возьмется, то за другое – все, кроме занятий. И предлоги находятся разные, и увертки самые правдоподобные: и голова болит, и устал, и ничего не задавали. И наконец, самое главное оправдание: «Я же не получаю двоек!»

> Ребенок должен знать, что есть такие законы жизни, которые надо выполнять безоговорочно. Этим законом является систематический ежедневный труд.

Бывают у школьника действительно такие состояния, когда он устает, когда некоторая перегрузка занятиями вдруг оборачивается неспособностью заниматься, которая имеет тенденцию перерастать в лень. А это самое страшное. Лень, помноженная на привычку, становится бедой ребенка на всю жизнь. И рано или поздно ребенок, столкнувшись с другими, трудолюбивыми, детьми, обвинит вас, родителей, в вашем нетребовательном воспитании. И об этом надо сказать ему сейчас. Сказать без оговорок: «Я не хочу, чтобы потом ты обвинял нас. Я не хочу, чтобы ты страдал от собственной лени. Поэтому вставай и работай».

И надо непременно настоять на своем. Ребенок должен знать, что есть такие законы жизни, которые надо выполнять безоговорочно. Этим законом является систематический ежедневный труд. Труд, как еда, как сон, необходим человеку, чтобы жить в этом мире, чтобы реализовать свои человеческие возможности. Труд, соединенный с нравственностью, различными формами самодеятельности и человеческого наслаждения, является основой всестороннего и гармонического развития личности…

5. К гармонии – через противоречия

В одном из выступлений писатель Федор Абрамов возмущался нетрудовым воспитанием детей в пионерских лагерях. А мне вспомнился мой педагогический опыт…

Я работал в школе-интернате. У нас было 180 гектаров земли, были хозрасчетные мастерские, фермы. А летом мы уходили

в походы. Для чего? Чтобы научиться разрешать сложнейшие жизненные противоречия. Чтобы уметь ориентироваться в любой обстановке. Чтобы узнать цену всему тому, чему мы научились у себя дома, в нашей школе.

Я и сейчас иногда встречаюсь со своими воспитанниками. Они работают на разных должностях. Есть и руководители производства, и военные, и рядовые инженеры, и учителя, и рабочие. Что их объединяет? Оптимизм. Умение многое делать своими руками. Навыки организаторской работы. И еще: они любят искусство, потому что у нас в школе каждый пробовал писать стихи и сказки, рисовал, занимался в различных художественных кружках и студиях.

Но самое главное их достоинство в том, что они сами встали на ноги и этому учат своих детей.

Расскажу об одном походе, где мои воспитанники столкнулись с иным воспитанием, со сложным миром «взрослых» противоречий.

В пути нам повстречалась семья Жигулиных: Варвара Петровна, завуч одной из школ, ее муж Владислав Андреевич и их сын, семиклассник Степа. Варвара Петровна, наблюдая за нашими детьми, тут же решила использовать ситуацию для воспитания своего сына.

– Степа! – сказала мама-завуч. – Ты только понаблюдай, какие воспитанные дети. Ты послушай, что каждый из них умеет делать. Коля, расскажи, пожалуйста, что ты умеешь делать. Видишь, Степа, он умеет шить брюки и рубашки, тапочки и одеяла, писать картины маслом, играть с листа на баяне, он сверлит на станках, шлифует, долбит, токарит…

– Такого слова нет, – поправил Коля. – Надо говорить «токарничает».

– Ты слышишь, Степа? Подумать только, этот Коля еще может проплыть пять километров и пробежать не останавливаясь десять верст, простоять на голове шесть минут, сделать тридцать приседаний и подтянуться на турнике двадцать шесть раз…

– А может быть, он врет? – сказал Степа, разглядывая Колю Почечкина.

– «Может быть, может быть», – рассмеялся Коля. – Давай поспорим. Что у тебя есть? У меня, например, есть заработанные мною лично мои собственные сто шесть рублей. Могу на них купить мороженого, сколько захочу, а могу тебе проспорить. У тебя были когда-нибудь в руках заработанные тобой деньги?

Степа пожал плечами:

– А зачем?

– Вот и я говорю – «зачем»? А зачем жить – знаешь? Может

быть, ты от жизни никакого удовольствия не получаешь – откуда я знаю? Тебе интересно жить?

Степа не понимал, о чем его спрашивают. В это время подошли Витя Никольников и Саша Захаров.

– Нам удалось найти райком комсомола. Отлично. Всё в порядке. Сначала нам не поверили, а потом, когда посмотрели маршрутный лист, приняли как положено, – рассказывал Витя.

– В общем, нам дали работу, – вклинился Саша. – Будем работать в саду консервного комбината. Заработать в день можно в пределах шести рублей. Овощи и фрукты бесплатно. Подсчитали: за неделю можем заработать на проезд по Днепру до Херсона, а может быть, и до Одессы, а там, если не хватит средств, найдем другую работу.

– Добре-добре, – сказал Александр Иванович. – А не ругались там, в райкоме, что взрослых не было с вами?

– Сначала удивились, – пояснил Витя. – А потом даже похвалили: «Молодцы, что сами. Передайте вашим воспитателям, что они хороших ребят воспитали».

– Степа, ты слышишь? – сказала Варвара Петровна. – Вы знаете, я бы и своего Степу отдала к вам, хоть на недельку. Степа, ты бы пошел с ребятами работать на комбинат?

– Варя, что ты парня позоришь! – сорвался вдруг с места ее муж. – Прекрати немедленно!

– Замолчи, Владик! – ответила Варвара Петровна. – Я хочу понять, почему наш Степа растет таким вялым, безынициативным.

– Так нельзя, Варвара Петровна, – сказал Коля назидательно. – Нельзя при всех отчитывать своих детей. У нас, например, никто не делает замечания друг другу в общественных местах. Дома – пожалуйста, у нас тоже дома всякое бывает, а в гостях и в других местах мы отдыхаем и никогда не ругаемся.

– Видишь, до чего мы дожили, дети нас учат, – это Владислав Андреевич сказал.

– Извините нас, – сказал Коля. – Пойдем-ка, Степа, я тебе одну вещь покажу.

Когда Коля и Степа ушли к воде, Владислав Андреевич спросил:

– А у вас это что, специально?

– Что именно?

– А вот что они сами на предприятия идут – договариваются о работе, считают деньги, зарабатывают?

– Представьте себе, арифметика личных доходов и расходов – это тоже одно из средств воспитания. Вы удивлены?

– Но это ведь не советское воспитание?

– А вы считаете, что ваш Степа получил советское воспитание?

– У нас совсем другое дело. Наш Степка – нерадивый. Может быть, он еще опомнится. Это мать во всем виновата…

Прервем рассказ и сделаем некоторые выводы.

В приведенных ситуациях отражены типичные, на мой взгляд, противоречия семейного и школьного воспитания. Нетрудового воспитания. Воспитания, которое формирует у детей потребительскую психологию. Противоречие, как это ни странно, состоит в том, что дети хотят работать, хотят зарабатывать деньги, мечтают о производительном труде, а им не дают работать, чего-то боятся, чего-то остерегаются.

Однажды у Макаренко спросили: «Очень часто ребята не хотят учиться, а хотят работать, а мы до семнадцати лет их мучаем, мучаемся сами. Правильно ли это?» Он ответил: «Маркс считал, что дети с девяти лет должны принимать участие в производительном труде. Труд очень увлекает детей, и я уверен, что наша будущая школа будет применять производительный труд. Мы не справились с трудовым воспитанием в большой мере благодаря отсутствию кадров… Я вообще считаю, что у нас сейчас во многих школах главной бедой является дисгармония между бурными сильными, горячими натурами ребят в двенадцать-четырнадцать лет и скукой детского коллектива в школе».

6. Расковать физические и духовные силы ребенка – для этого не нужны годы и месяцы

Продолжу рассказ о походе.

Часа через два Степа вместе с нашими ребятами драил катер: мальчики договорились с моряками насчет почасовой работы. Оплата должна была производиться натурой – вычищенный катер отдавался на полдня в распоряжение отряда. К вечеру мальчики так сдружились, что Степа ни за что не пожелал расставаться с ребятами и слезно убеждал маму и папу отпустить его с ними хотя бы на недельку. И когда родители согласились, я все же спросил:

– А не боишься? Может быть очень трудно! Очень – понимаешь?

– Понимаю, – тихо ответил Степа.

А трудности действительно были. Утром мы прошли километров пятнадцать. Устали. Пообедали и отправились смотреть колодец, куда во время фашистской оккупации были брошены три подростка. Познакомились с родителями погибших.

Тяжело и горько.

Стал накрапывать дождь.

– Пойдем дальше, – сказала вдруг Маша.

– Дождь же. Идти будет скользко. Глина.

– Все равно пойдем, – сказал Коля.

– Устали!

– Все равно пойдем! – решили все.

Это был марш-бросок километров в двенадцать. Александр Иванович чертыхался:

– Ну и чертова детвора пошла. Совсем замучился.

А ребята шли как ни в чем не бывало. Прекрасная ночь окутывала нас. Дождь перестал. Небо прояснялось. Звездная рябь светилась, отражаясь в Днепре.

7. Производительный труд – это сложнейший мир социальных влияний, противоречий, первые опыты подлинно гражданского поведения

…Я работал со Славой и с Витей на прицепе – возили из сада груши в ящиках. Я сидел на тракторе «Беларусь» рядом с трактористом, а на прицепе – Слава и Витя. И вдруг в трактор врезается грузовик. За обочиной дороги глубокий овраг. Тракторист успел тормознуть, и нас развернуло так, что мы едва не перевернулись. Молоденький шофер кусал губы и виновато выслушивал мою ругань:

– Не видишь разве, дети? Как можно так ездить!

Приехала милиция. Начались акты, подписи. Молоденький шофер едва не плакал. Подошел ко мне Слава:

– Это мы виноваты в аварии. Мы его дразнили. Бросали ему груши, а он пытался их на ходу поймать. А когда это у него не получилось, он поравнялся с нами, и мы за храбрость ему в окошко стали бросать. Он и врезался. Не рассчитал. Хотите, мы признаемся милиции?

Я молчал. Прибежал Александр Иванович.

– Ну, вот что, – сказал он. – Нам надо побыстрее улепетывать отсюда.

– И все-таки надо было сказать милиции, что и мы виноваты в аварии. А мы подло сбежали. Нехорошо.

– Так еще не поздно, – сказал Слава с ехидцей.

– А у нас тут похлеще случай. Рассказать? – спросила Маша у Лены.

– Рассказывай, – поддержала Лена.

– Ну, в общем, сегодня в весовой без квитанции, «налево» отвезли две машины груш. Самые лучшие. Целый день

калибровали.

– А вы точно знаете, что «налево»?

– Мы же сидим на квитанциях. Все выходящее из весовой строго на учете, строго по документу. Специальный инструктаж прошли. Знаем.

Но тут поднялся Александр Иванович:

– Ребята, я со всем согласен. Возможно, я не прав, но я все-таки скажу. Черт его знает, мне как-то неловко. Нас здесь хорошо приняли. И кладовщики так внимательны, так заботятся о нас. Одеяла принесли с другого склада, спальные мешки достали, на дорогу нам подарок готовят. А мы на них из-за угла. Мне как-то совестно. А потом: вдруг все не так?

Я взглянул на Лену и Машу и увидел их растерянность.

– Ну, тогда, может быть, им прямо в глаза сказать? – предложил Витя.

– Я бы, например, не смог этого сделать, – сказал Александр Иванович. – А кто смог бы?

Ребята молчали.

– А может быть, эти две машины не украдены? – усомнился я.

Как было бы хорошо, если бы все в этом мире было честно и справедливо…

8. Учить порядочности – вот основа гражданского воспитания

И вдруг – неожиданность: к нашему костру подошел дядя Вася, кладовщик, которого мы уже успели и осудить, и приговорить.

– А я вам принес орешков. Думаю, дам ребятишкам, пусть пощелкают. Здорово вы нам помогли, ребятки. Я люблю детвору. У меня, знаете, такое горе. Был мальчик, вот как ты, – и дядя Вася погладил по плечу Славу Деревянко. – Похоронил год назад. Такой хлопец был. Красавец.

– А что с ним?

– Утонул, ребятки. И плавал хорошо. А вот не стало мальчика. Мать убивается, я сам не свой хожу. Работа не в радость. Провались все на этом свете.

– Ну зачем же так? – сказал Витя. – Может быть, у вас еще будут дети.

– Поздно. Не будут, ребятки. Разве сиротку взять на воспитание.

– А что, – сказал Слава. – У нас, там, где я живу, одна семья троих вырастила. Теперь у них и внуки есть.

Я поразился вниманию, с каким слушали дядю Васю ребята.

Думал: до чего же отходчивы, до чего же добры. Только Маша Куропаткина сиротливо наклонила головку, и непонятно было, что у нее на душе.

У меня часто спрашивают, когда я рассказываю об этом случае: «А как же вы, как педагог, поступили?» Я отвечаю: «Я, должно быть, поступил неправильно. Я тогда не сказал ни слова. Меня точно заклинило. Я наблюдал за детьми. Наблюдал за внутренней борьбой. Я почему-то боялся: а вдруг тот же Слава встанет и скажет: «Не верим вам. Вы – вор!» И как я обрадовался на следующий день, когда мы узнали, что две машины груш отмечены в какой-то другой книге…»

* * *

Следующая часть книги – методическая. Она отвечает на вопросы: как поступить? как влиять? как воспитывать?

Сам замысел создания «рабочей» педагогики на каждый день определил и способ изложения материала – не от абстрактных принципов, а от логики повседневного общения с детьми. Мне кажется, это один из путей к взаимопониманию с читателями-родителями, которые в постоянном поиске создают микропедагогику семейных отношений.

Часть VII
Педагогика на каждый час

Глава 1
Утро

Вы просыпаетесь, вы полны забот о предстоящем дне. В голове складывается цепочка предстоящих дел, их много, больших и малых, важных и пустячных, приятных и скучных, но обязательных, неотложных. В этом калейдоскопе одна из главных забот – ваш ребенок. Разбудить, накормить, присмотреть за одеждой, отправить в школу. Вы почти не осознаете своих действий: все давным-давно перешло в навык, в привычку. Какого рода эти привычки? Принял ли ваш ребенок участие в приготовлении завтрака? Помог убрать со стола? Напомнил о чем-то, пообещал что-то. В каком настроении уходит ребенок в школу? С каким выражением лица прощается? Как он отреагировал на ваше последнее замечание? С каким чувством вы идете на работу?

Утром время предельно сжато. Утро либо заряжает вас светлой духовностью, либо оставляет в вас горечь обиды, щемящий вопрос, предчувствие боли, которой еще нет, но которая, возможно, через некоторое время даст о себе знать.

Все знакомые мне семьи я бы разделил на три типа. Первый тип – идеальный, где утро приносит удовлетворение, радость, надежды. Второй тип – средний, где утро, в общем-то, не огорчает, все идет своим чередом, и каждый занят собой, выполняя свои обязанности. И третий тип – скандально-раздражительный, где первые встречи наполнены открытым или тайным недовольством.

Попробуем выстроить все три модели отношений, чтобы увидеть плюсы и минусы технологии повседневного общения.

Идеальная модель. Представим такую ситуацию. Вы просыпаетесь от легкого прикосновения вашего ребенка. Он говорит: «Пора, мама. Я включил чайник и утюг. Завтрак на столе. Я сегодня встал, как мы и договорились, пораньше – готовился к контрольной». За завтраком отец рассказывает о своих трудностях на работе, подчеркивая, что ему, наверное, все же удастся осуществить задуманное. Сын тоже говорит, что у него день не из легких. Он говорит отцу: «Не беспокойся. Все у меня будет в порядке». И бабушке: «Сегодня скользко – ты не ходи в магазин. Запиши все, что нужно, я куплю». Маме: «Иди, а то опоздаешь, я уберу со стола».

Средняя модель. Первой встала бабушка. Приготовлен завтрак. Встала мама, включает утюг, гладит брюки сыну. Будит

отца. Отец встает, умывается, завтракает один, уходит молча. Мать будит сына: «Пора». Сын: «Еще капельку». Мать обговаривает с бабушкой что-то. Слегка ссорятся. Бабушка: «Ему пора». Наконец ребенок встает, умывается. Молча съедает завтрак, уходит. Мама пытается его поцеловать, сын уклоняется.

Негативная модель (скандальный вариант). Эта модель из цепи антипатий, злости, недоразумений. Полчаса длится пробуждение. Бабушка, которую внук толкнул ногой, плачет. Мать: «Да перестань причитать!» Срывает, наконец, одеяло с сына. Сын съеживается и продолжает лежать. «Ну что это такое? – возмущается мать. – До каких пор это будет продолжаться?» – «У меня болит живот», – говорит сын. «Врешь!» – кричит мать. «Не вру, сама ты врешь», – отвечает сын, вставая. Идет в туалет. «Сколько можно там сидеть?» – кричат бабушка и мать. «Живот болит», – раздается из-за двери. Угрозы, уговоры.

«Я есть не хочу!» – скандал. «Я не пойду на первый урок!» – скандал. «Я эту рубашку не надену!» – скандал. «Сегодня классная болеет – я пойду в джинсах!» – опять скандал. Дом накален, звучат срывающиеся голоса. И плач бабушки: «Господи, да откуда же это такая беда?..» Сын швырнул матери шарф, который она пыталась надеть ему на шею, и скатился с лестницы.

Если ваши отношения строятся по схеме «идеальная модель», закройте эту книжку – вам она ничего не прибавит.

Если ваши отношения строятся по принципу второй модели, прочтите дальше, возможно, кое-что вы приобретете для себя.

Если же сложилось так, что ваши отношения где-то на стыке второй и третьей модели или же наметились симптомы «скандального варианта», давайте вместе подумаем, попробуем увидеть истоки ваших просчетов, чтобы разобраться в изъянах воспитания.

…Взгляните на спящего ребенка. Какая чистота и покой! Ваш ребенок прекрасен. Всмотритесь в эту красоту. Я много лет работал в школах-интернатах с трудными детьми. Часто по утрам, до подъема, приходил и наблюдал за лицами спящих. Они действительно были прекрасными и одухотворенными. Лица, светившиеся добротой. Лица, на которых не было усталости, раздражения, как будто все дурное было сброшено вместе с одеждой. И по мере того как дети пробуждались, как они приходили в себя, они будто надевали на себя и те нравственные одежды, которые в виде привычек, укоренившихся дурных наклонностей составляли пеструю ткань различных ощущений, моральных свойств, отношений.

1. Умейте отделить все дурное от того прекрасного,

что есть в ребенке

А этим прекрасным являются его потенциальные возможности, которые присущи каждому. Надо только создать условия, чтобы одежды безнравственного поведения были обязательно сброшены. Их нельзя срывать, надо, чтобы ребенок сам их сбросил, сам с ними расстался.

Вдумаемся хотя бы в причины нежелания встать вовремя. Первая – физиологическая: ребенок не выспался. А это значит, что он поздно лег или долго не мог уснуть, поел на ночь чего-то острого, возбуждающего, а может, мало был на воздухе. Кислородная недостаточность ведет к нарушению сна, к повышенной нервозности. Вообще, занимаясь нравственным воспитанием, не забывайте о физическом развитии ребенка, о физиологических факторах его поведения.

Вторая причина – моральная: ребенок ничего хорошего не ждет от предстоящего дня, ничего, кроме тревог, неприятностей, невзгод, замечаний, окриков. Уроки не выучены или выучены плохо, значит, опять страх ожидания вызова к доске, двойка в дневнике, строгие учительские нравоучения, обидные смешки одноклассников… И так изо дня в день!

2. Помогите ребенку выпутаться из мрачного лабиринта неприятных ощущений!

Запомните: его грубость и нервозность – результат педагогической запущенности, результат вашего невнимания к его делам. Никакая жесткость требований не может помочь вам сформировать в ребенке личность, если вы не снимете названные причины. Брань, угрозы, наказания только ожесточают. Оттого и нет желания просыпаться. Жизнь кажется сущим адом. И она именно такая у каждого запущенного ребенка.

> Ребенок еще не в состоянии сформулировать причины своих бед. Но уже понимает интуитивно, что простое сочувствие не может ему помочь. Потому нередко оно его раздражает.

И здесь не просто надо пожалеть сына или дочь, не просто приласкать, утешить, а помочь. Ласка и жалость в данном случае не менее вредны, чем окрик, ибо сострадание может лишь укрепить ощущение безвыходности. Ребенок еще не в состоянии сформулировать причины своих бед. Но уже понимает интуитивно, что простое сочувствие не может ему помочь.

Потому нередко оно его раздражает. Потому многие дети и восстают против сюсюкающей педагогики, против различных форм педагогического либерализма. Либерализм и жалость на какое-то время ослабляют боль, сглаживают противоречия, не разрешая их.

Отогреть душу ребенка, сделать так, чтобы он почувствовал радость жизни, – значит затронуть такие стороны его индивидуальности, которые в конечном итоге приведут ребенка к преодолению собственной отчужденности. Никакие внешние перемены не произведут метаморфозы, если ребенок сам не станет генератором своего обновления. А точнее, внешние перемены в сочетании с собственной детской самостоятельностью могут дать желаемый результат в воспитании. Попробуем разобраться в сложных механизмах этих нравственных преобразований.

Итак, нашей скромной целью является переход от скандального утреннего варианта к идеальной модели. Предупреждаю, что из предложенных мною двух десятков ситуаций вы можете выбрать те, которые больше всего подходят к вашему ребенку. Естественно, могут найтись и другие.

3. Механизм радости

Нет на свете такого ребенка, который не проснулся бы с радостью, если бы знал, что утром его ждет что-то приятное, желанное. Я поражался той волне положительных эмоций, которая буквально захлестывала детей, когда утром они знали, что им предстоят дела, сулящие удовольствие. Их лица сияли ожиданием и такой одухотворенностью, которая не может не сделать лицо любого человека прекрасным. Весь педагогический смысл этой радости заключался в том, что она была связана с самым обычным будничным делом (специально приведу подробный перечень этих дел): вымыть горячей водой асфальтовые дорожки (вычитали, что в Голландии моют асфальт с мылом!), привести в идеальный порядок все помещения до прихода воспитателей (чтобы воспитатели удивились и сказали: «Ах, не ожидали. Что же такое случилось?»), привести в идеальный порядок свою одежду и выучить уроки (чтобы самому себе сказать: «Ты все можешь»), помочь до уроков товарищу в чем-нибудь, подготовиться к выезду в поле, поход, на рыбалку и т. д.

Одно только условие нужно было выдержать: дело должно быть посильным, выполнимым. Причем я заметил, что источник радости иногда таился не в самом труде, а в том общении,

которое нес труд или какая-то деятельность. Например, один мальчик готов был выполнять любую работу, предложенную каким-нибудь дядей Колей, с которым он дружил. Иногда источник радости вспыхивал и в самом методе оформления занятий. Например, игра или соревнование.

> Нет на свете такого ребенка, у которого не было бы любимого занятия. Дети способны радоваться и получать удовольствие от выполненной ими работы. Используйте эту способность! Подготовьте такую радость. Важно, чтобы ребенок ждал этого дня, этого утра.

Нет на свете такого ребенка, у которого не было бы любимого занятия. Дети способны радоваться и получать удовольствие от выполненной ими работы. Используйте эту способность! Подготовьте такую радость. Важно, чтобы ребенок ждал этого дня, этого утра. Он проснется и сам, без напоминаний, умоется. Сам позавтракает. И возможно, сам впервые уберет со стола. Такой радостью может быть и хорошо подготовленный урок, и новые люди, и встреча с товарищем, и прогулка с отцом, и разбивка цветника, и многое другое…

4. Не ждите резких перемен

Воспитывать слишком рьяно так же опасно, как и вообще не воспитывать. Навязанная ребенку резкая перемена темпа жизни может стать вредной. Дурные привычки надо искоренять постепенно. Иной раз родитель ждет немедленных перемен, а они еще зреют. Надо научиться терпеливо ждать. Научиться видеть назревание перемен. Мне нередко возражали: «Нет этого назревания». Я отвечал: «Быть этого не может». И предлагал проанализировать факты. И действительно, удавалось вместе с родителем обнаружить перемены к лучшему.

5. Механизм поощрения

Радость – социальное свойство. Конечно, ребенок может радоваться и наедине. Но, как правило, он несет свою радость другим. Важно, чтобы его радость или успех были замечены. От того, что ребенок разделит свой восторг с родителем или сверстником, будет только польза. Ваше понимание и сочувствие придадут ему уверенности в своих силах, помогут созданию здорового микроклимата в семье. Если ребенок встал вовремя и без возражений выполнил некоторые ваши требования,

не поскупитесь на похвалу. Надо, чтобы вы сказали: «Оказывается, ты сам можешь встать и все сделать». Надо, чтобы кто-то из членов семьи поддержал: «Вот какой молодец!»

Если вы поставили цель вывести ребенка из тяжелого положения в учебном труде и для начала помогли ему подготовить домашнее задание, надо непременно поговорить с учителем, чтобы он спросил выученный ребенком урок и сказал примерно так: «Да ты, оказывается, можешь прекрасно отвечать».

Если вы поставили цель вывести ребенка из тяжелого положения в учебном труде и для начала помогли ему подготовить домашнее задание, надо непременно поговорить с учителем, чтобы он спросил выученный ребенком урок и сказал примерно так: «Да ты, оказывается, можешь прекрасно отвечать». Сверстники в таких случаях бывают добрыми и щедрыми. Ребенок почувствует эту щедрость и в их взглядах, и в репликах, и, возможно, в небрежно брошенном одобрении: «Да ты, старик, силен…» Радость вспыхнет в душе ребенка, и это будет и ваша, и его большая победа. Конечно, иногда нелегко уговорить педагога отметить, казалось бы, ничем не примечательный ответ ученика, сколько раз удручавшего его своей нерадивостью. Поймите педагога: ему трудно вот так сразу переменить свое мнение. И все-таки постарайтесь убедить его помочь вашему замыслу.

6. Не делайте из ребенка подопытного кролика

Надо усвоить такое правило: «Ребенок живет, а не воспитывается». Ему нравится творить самого себя, а не быть средством для достижения ваших пусть даже самых прекрасных целей. Никто не хочет быть средством для достижения чьих-то целей. Если ребенок обнаружит в ваших действиях некоторую нарочитость, скажите ему в лоб: «Да. Я хочу, чтобы у тебя больше было радости и счастья. Разве тебе так не нравится? Разве ты хотел бы, чтобы на тебя орали?..»

Никто не хочет быть средством для достижения чьих-то целей. Если ребенок обнаружит в ваших действиях некоторую нарочитость, скажите ему в лоб: «Да. Я хочу, чтобы у тебя больше было радости и счастья. Разве тебе так не нравится? Разве ты хотел бы, чтобы на тебя орали?..»

7. Единство труда и наслаждения

Удовольствие может выполнять в воспитании разную роль. Оно может быть полезным и вредным. Вредным становится тогда, когда ведет к образованию нездоровых наклонностей, к потребительству. Удовольствие полезно, если оно сопряжено с трудом, с мускульным напряжением или с работой мысли. Единство трудового усилия и наслаждения, которое ведет к нравственным образованиям, и есть то, к чему стремится педагогическое искусство. Когда говорят, что этот ребенок живет полнокровной жизнью, как раз и подчеркивают, что ему не чужды и радости, что труд доставляет ему мгновения подлинного счастья. Когда говорят, что этот ребенок очень трудолюбивый, но будто весь высушен, никогда не загорится, не придет в восторг, то подчеркивают серьезный изъян скучного, педантичного воспитания.

Удовольствие – это тот нектар, который должен быть разлит во всех движениях растущего человека даже в самых трудных и нежеланных напряженных действиях. Но этот нектар становится ядом, если потреблять его в чистом виде. Удовольствия чисто потребительского характера не только приводят к пресыщению, но и искажают личность.

Даже два удовольствия, поставленные рядом, рождают потребительское отношение. «Трудовое усилие – наслаждение – трудовое усилие» – вот формула, которая может привести к воспитательным удачам. Перевернуть эту формулу, поменяв в ней местами труд и удовольствие, – значит прийти к своеобразному педагогическому гедонизму, к этакому развлекательству, неизбежно ведущему к зарождению различных форм потребительской психологии.

«А не заблуждается ли автор? – может возникнуть вопрос у читателя. – Какая же здесь беда, если ребенок получил удовольствие от того, что убрал в комнате, затем от того, что выучил уроки, затем от того, что прочел интересную книжку? Вот вам целых три удовольствия, поставленных в один ряд…» Все правильно, отвечу я придирчивому читателю, здесь действительно три удовольствия, рожденных не на основе потребления, а на основе трудовой деятельности. Удовольствие, достигнутое трудовым усилием, формирует потребность. Если ребенок получил удовольствие от того, что сам встал по заведенному будильнику (это его волевое усилие), надо сделать так, чтобы от этого удовольствия был перекинут мостик к другому усилию, ранее не практиковавшемуся, – чтобы он сам умылся, оделся, убрал после себя и т. д. Если ребенок в нашем

замысле выучил один урок, ответил и получил от этого радость, то пусть эта радость станет первым звеном в цепи других подготовок к домашним заданиям.

8. Не избегайте мелочей

Общеизвестна формула «В воспитании нет мелочей». То, что для взрослого кажется мелочью, для ребенка весомо и существенно. Для малыша научиться зашнуровывать ботинки, быть может, не менее сложная премудрость, чем для взрослого выучить иностранный язык. Весь ход вашего повседневного общения строится порой на мелочах. Если вы хотите, чтобы ребенок по утрам мыл уши, то для этого не надо окунать его с головой в ванну: вы надолго отобьете у него желание умываться. Но если ребенок впервые сам, по доброй воле прикоснулся к своим ушам мокрыми руками, обязательно скажите ему: «Ты даже холодной воды не боишься. Ты сам вымыл себе уши!..»

> Попытайтесь посмотреть на вещи и явления глазами ребенка. Даже для младшего школьника обыкновенная простыня так же громадна и неуправляема, как для туриста-новичка десятиместная палатка. Разбейте элементарную уборку постели на две-три операции, и пусть ребенок начнет с первой, потом выполнит вторую и т. д.

Попытайтесь посмотреть на вещи и явления глазами ребенка. Даже для младшего школьника обыкновенная простыня так же громадна и неуправляема, как для туриста-новичка десятиместная палатка. Разбейте элементарную уборку постели на две-три операции, и пусть ребенок начнет с первой, потом выполнит вторую и т. д. Если он сам ускорит темп, то есть скажет: «Да я за один раз все сделаю», – пусть сделает. Но если он этого пока не говорит, не надо до поры до времени настаивать. Если ребенок вообще не приучен к самообслуживанию, то приучать его к повседневному труду надо постепенно. Пусть сначала он протирает не весь пол, а только часть, потом подоконник, потом стол и шкаф и т. д.

Иные родители спросят: для чего нужна такая постепенность? Ведь можно и заставить! Ну, судя по опыту «скандальных вариантов», заставить не просто. И потом: один нажим – еще куда ни шло, а система нажимов неизбежно дает отрицательный эффект.

9. Механизм возникновения полезных потребностей

Детская радость, удовольствие от завершенного дела, уместные оценки окружающих и самооценка ребенка создают основание для возникновения потребностей. Чтобы потребность в труде стала органичной, необходимы многократные повторения трудовых усилий, сопровождаемых формами удовольствия. Дело в том, что сами по себе потребности ребенком не осознаются: они слиты с привычкой, с возникшим желанием, с побуждением. Ребенок просто тянется к чему-то. Потребность в деятельности всегда связана с различного рода интересами личности. Потребность конструкторская: ребенок может часами возиться с радиоприемником. Потребность в чтении: не оторвешь от книги. Потребность в школьном преуспевании, как правило, связана с престижем личности ребенка. Любая формирующая потребность косвенно или напрямую связывается с потребностью в общении с другим человеком. Вот эта связь потребности деятельности с потребностью в общении с другими – всеобщая основа воспитания.

> Чтобы потребность в труде стала органичной, необходимы многократные повторения трудовых усилий, сопровождаемых формами удовольствия.

Если ваш ребенок прекрасно учится, но ничего не делает в доме, – это значит, в нем развиты честолюбие и чувство долга, работающие исключительно на него самого, но не развит альтруизм. Если мать моет посуду, а дочка никогда ей не помогает, то вряд ли такую девочку можно назвать доброй.

Я знаю девочку, которая не выносила тех дней, когда дома кто-нибудь болел: мама, бабушка или отец. В эти дни она старалась избежать раннего прихода домой. Сама мысль помочь кому-то, то есть тратить время «неинтересно», страшила ее. Девочка училась в четвертом классе и серьезно относилась ко всем школьным поручениям: они помогали ее самоутверждению.

Если ваш ребенок прекрасно учится, но ничего не делает в доме, – это значит, в нем развиты честолюбие и чувство долга, работающие исключительно на него самого, но не развит альтруизм.

Потребность в выполнении различных обязанностей по дому должна быть связана с желанием помочь близким, доставить им радость.

> Ребенок должен усваивать такую логику: я убираю в комнате не только для того, чтобы было чисто, но и потому, что облегчаю заботы мамы, бабушки и других. Научить делать добро – одна из высших воспитательных задач.

Приведенная нами в начале главы идеальная модель отличается от скандального варианта прежде всего тем, что в первом случае ребенок с любовью относится к близким. И задача воспитания была бы слишком зауженной, если бы она сводилась лишь к помощи в выборе деятельности. Педагогика, которая ограничивается проповедью деятельности и формированием потребности в деятельности, пусть самой творческой, неизбежно становится бездуховной. Ребенок должен усваивать такую логику: я убираю в комнате не только для того, чтобы было чисто, но и потому, что облегчаю заботы мамы, бабушки и других. Научить делать добро – одна из высших воспитательных задач.

10. Не бойтесь напоминаний

Ребенок – не автомат, и ничто человеческое ему не чуждо. Он забывчив. И причины забывчивости бывают разными. Если он не подмел в квартире, не делайте мгновенно вывода, что он вас не любит или плохо относится к бабушке. Тем более не говорите ему об этом. Вообще не старайтесь говорить о его любви к вам. Любовь не вынуждается. От того, что вы несколько раз напомните ребенку об одном и том же, ничего не изменится. Более того, ребенок привыкает к частым напоминаниям и перестает их воспринимать. Поэтому напоминать следует по-разному. Девочка постоянно разбрасывала свои вещи по комнате, а мать ходила за ней и убирала. Однажды ей надоело и напоминать, и убирать за дочкой, и она стала сама разбрасывать вещи по комнате, и свои, и дочкины. «Что ты делаешь?» – не выдержала дочь. «Подражаю тебе», – ответила мать. На девочку это подействовало. Это, конечно, не универсальный прием, и можно найти много других. Как бы то ни было, а параллельно с формированием потребностей идет процесс образования привычек, который почти невозможен без напоминаний.

11. Потребность в человеке

В приведенной модели «скандального варианта» страшны разобщенность и отсутствие потребности друг в друге. Спросите

родителей, любят ли они своего ребенка-деспота? Чаще всего ответят: «Очень». И это действительно так. Но тогда что же привело к такому положению? Чрезмерная любовь? Нетребовательность родителей? Характер отношений? Отсутствие в доме порядка и твердых правил? А может быть, все вместе?

Во всяком случае, коль факт разобщенности налицо – надо разобраться в истоках. И первой нашей заповедью давайте сделаем бескомпромиссность нравственных требований. Если ребенок грубит и дерзит старшим, оскорбляет их, нет и не может быть никаких смягчающих обстоятельств, никаких уважительных причин и скидок. Вместе с тем надо знать и другое. Отрицательные свойства детского характера, как правило, являются результатом неправильных взаимоотношений в семье. За мелкими фактами непослушания, детского протеста и неприятия родителей всегда стоят более весомые причины, порожденные духовной разобщенностью. Чтобы ребенок вас слушался, надо, чтобы он вас уважал, а не просто боялся. Нравственная зависимость уважения куда сильнее страха перед наказанием.

Нравственное отчуждение может возникнуть на основе безразличия ребенка к другим членам семьи. Родители, сами того не сознавая, формируют у детей такие шаблоны поведения, которые неизбежно развивают детский эгоизм, потребительство. И от ребенка нельзя ожидать другого поведения, если он усвоил только один стиль – стиль потребления. Что же делать?

Помните, ребенок всегда испытывает острую потребность в общении с вами. И на эту потребностъ надо опереться, чтобы снять возникшее потребительство. Для этого надо, чтобы он на какой-то момент осознал возможность утраты расположения родителей, свободного и легкого общения с ними. Вы уже сделали несколько шагов по пути сближения с ребенком, дав ему почувствовать радость труда, радость первых своих успехов. Но никакая радость общения не снимет то безнравственное начало, которое уже в качестве стереотипа сложилось в детском поведении. Нравственность всегда связана с выбором, с моральным переживанием и, если хотите, с нравственными мучениями. Доброе чувство чаще всего бывает выстраданным. И вы должны сознательно пойти на то, чтобы привести ребенка к мукам совести, чтобы он пережил нравственную боль. Здесь многое будет зависеть от вашей интуиции, от вашего искусства общения с ребенком. Давайте с вами проанализируем несколько ситуаций.

Помните, ребенок всегда испытывает острую

потребность в общении с вами. И на эту потребность надо опереться, чтобы снять возникшее потребительство. Для этого надо, чтобы он на какой-то момент осознал возможность утраты расположения родителей, свободного и легкого общения с ними.

Ситуация холодности. Сразу же после плохого поступка ребенка замкнитесь в себе. Но пусть он видит ваше огорченное лицо. Не старайтесь при этом разыгрывать спектакль; ведь вы на самом деле огорчены тем, что у вас ненормальные отношения с ребенком. Постарайтесь подвести его к вопросу: «В чем дело?» Не отвечайте сразу. Или же постарайтесь заинтриговать ребенка уклончивым вопросом: «А ты разве не знаешь? Не догадываешься?» Не огорчайтесь, если ребенок забудет о своем вопросе и не станет допытываться. Ждите момента, когда будет удобно начать разговор. Если речь пойдет о бабушке, то постарайтесь нарисовать картину ее нелегкой старости, болезни. Вызовите у ребенка чувство сострадания. Приведите впечатляющий пример, когда бессердечные эгоисты забывают о близких. Вызовите у ребенка отвращение к такому недостойному поведению. И снова не рассчитывайте сразу на то, что ребенок мгновенно узнает себя в приведенном примере. Но если с его стороны будет хотя бы малейшее понимание и стремление в чем-то изменить свое отношение, помогите ему, отметьте его искренний порыв. Пусть ребенок впервые сделает доброе дело и испытает от этого радость.

Ситуация разрыва. Не бойтесь дать бой по главным вопросам ваших отношений. Не стремитесь к конфликту, но будьте к нему готовы. Ребенок должен услышать в вашем голосе силу вашей справедливости, почувствовать силу вашей воли. Однако не обрушивайте все требования сразу. Нельзя говорить: «Вот с этого дня ты должен во всем слушаться старших». Но надо потребовать главное, чтобы не было хамства, не было потребительства. Надо сказать: «Я, очевидно, в чем-то виноват, что распустил тебя. Мы все тебе потакали. Я не требую от тебя сиюминутной перемены: это, наверное, невозможно. Но с этого дня, если ты хочешь с нами общаться, ты должен делать то-то и то-то».

Если ребенок скажет: «Не буду, не хочу, с какой стати!» – а такой поворот при педагогической запущенности вполне возможен – дайте ему почувствовать свою неотступность. Скажите: «Тогда нам не о чем говорить».

Ситуация параллельного действия. Заметьте, что, если вы будете действовать в одиночку, вы наверняка проиграете. Если

ребенок пошел на разрыв, вы не имеете права оставлять его наедине с собой. Это крайне опасно. Вы должны организовать параллельное действие, чтобы кто-нибудь разъяснил ребенку причины разрыва, доказал его неправоту. Пусть это сделает дядя, бабушка, учитель, школьный товарищ. В ситуации разрыва у ребенка все обострено, и этой обостренностью восприятия он, собственно, и подготовлен для нравственного влияния. Подготовленность надо, не теряя времени, использовать. Ребенок должен к вам прийти «с повинной».

Ситуация возможного компромисса. В зависимости от обстановки можно пойти на компромисс. Примите извинения ребенка. Но подчеркните: «Мне нужны не извинения. Важно, как ты будешь выполнять дальше те требования, о которых мы много раз с тобой говорили». Избегайте при этом сентиментальностей, не пускайтесь в общие разговоры. Сейчас они неуместны. Лучше всего займитесь каким-нибудь общим делом. Скажите, к примеру: «Хорошо. Если у тебя добрые намерения и ты искренне обещаешь, давай возьмемся за дело. Ну-ка, достань тетрадь по арифметике» или: «Давай-ка уберем квартиру». В ходе делового общения, если возникнет такая возможность, постарайтесь поддержать ребенка: «Ну вот видишь, как ты все можешь».

12. Не бойтесь приласкать ребенка

Потребность в общении у ребенка неразрывно связана с потребностью в ласке. Если ребенку недостает вашего теплого отношения, он неизбежно нервничает, грубит, не находит себе места. Это «нервное начало» – своеобразное требование тепла. Ласка смягчает нрав, создает необходимую контактность, устанавливает то необходимое равновесие, без которого не может быть продуктивного общения. Ребенок ищет ласковых прикосновений, добрых слов, взглядов. Будьте щедрыми в ласке. Только ласка и ваше душевное тепло могут растопить тот холод отчужденности, который по тем или иным причинам возник в ваших отношениях. Помните, что ваши руки обладают магической силой влияния, порой куда большей, чем слово, продолжительная беседа, подарок. Еще никто не изучал целительную силу человеческого прикосновения. Ребенок подсознательно различает легкое прикосновение матери, мужественную нежность отцовского рукопожатия, товарищеское похлопывание по плечу и т. д.

Потребность в общении у ребенка неразрывно

связана с потребностью в ласке. Если ребенку недостает вашего теплого отношения, он неизбежно нервничает, грубит, не находит себе места. Это «нервное начало» – своеобразное требование тепла.

Ребенок воспринимает мир чувством. Ощущения порой сообщают ему куда больше, чем слово. Если есть возможность избежать слов, а выразить свое отношение жестом, движением, прикосновением, делайте это смелее и чаще. Не обязательно ласкать специально. Лаской должно быть проникнуто все ваше деятельное общение. Вы выходите на прогулку – поправьте шарф, пригладьте волосы ребенку. Вы читаете книжку и, когда сочтете это возможным, прикоснитесь к его плечу. Вы увидели, что ребенку жарко. Расстегните ему пуговицу на воротничке. Если ребенок тянется к матери приласкаться или помериться силой с отцом, не отмахивайтесь от него, обнимите, пусть ребенок почувствует силу и тепло вашего тела. Такого рода контакты рождают у него чувство защищенности, покоя и раскованной свободы.

13. Механизм педагогического удовольствия

Если вы не получаете радости от общения с ребенком, вы не достигнете воспитательной цели. Воспитание – это такая работа, которая непременно должна доставлять удовольствие. Здесь и кроется тайна педагогического творчества.

У вас, скажем, появился замысел приучить ребенка к определенному режиму жизни. Но никогда не бывает так, чтобы была одна только цель. Особенность педагогических замыслов состоит в том, что каждый из них представляет собой своеобразный пучок целей. Вы вроде бы ставите одну цель, а на самом деле она оказывается связанной с целой системой тесно переплетенных и параллельно развивающихся устремлений, способностей, усилий и пр. Если вы добиваетесь, чтобы ребенок вовремя вставал утром и сам убирал свою постель, то вы наряду с этим, вольно или невольно, пытаетесь достичь и ряда смежных целей: установить с ребенком добрые взаимоотношения, научить его правильно реагировать на ваши замечания, воспитать в нем чувство ответственности, дисциплинированности, приучить к систематическому труду, к четкому режиму дня и т. д. Выберите из этого множества смежных целей одну, для вас сегодня главную. Если вам в реализации своего замысла удастся достигнуть вначале только одной цели – это уже успех. Одна реализованная цель поможет

вытащить и остальную цепочку.

Средством для достижения целей может быть все, начиная от подметания пола и чтения книги, то есть любое занятие, любая деятельность: ваша беседа, поощрение и осуждение, разрыв и компромисс, примирение и совместный труд. Применение различных средств в какой-то мере может изменить ваш замысел. Не смущайтесь этим. Попытайтесь вникнуть в то, как осуществляются ваши намерения, в какой мере ребенок стал вашим союзником. Вместе с тем ребенок должен усваивать, что высшей ценностью в мире является не только он сам, но и мать, отец, бабушка, дедушка, учителя, товарищи. Он должен знать, что у каждого из этих людей есть свои переживания, своя радость и боль, и этот мир других людей он должен уважать и по мере сил оберегать. Эти положения – лейтмотив всей вашей педагогической деятельности.

Если вы добились, что ребенок стал утром выполнять ваши требования, то есть стал действовать в соответствии с идеальной моделью, этот результат может послужить основанием для дальнейшей постановки новых целей. Если вы в течение месяца или двух-трех недель добивались достижения только «утренних» ваших целей, это не означает, что сами по себе другие задачи не решались. Вы проделали большую работу и в установлении нормального общения, и в изменении отношений ребенка к занятиям, к труду и т. д. Сами по себе наметились выходы, так сказать, в другую сферу – в урочное время, приготовление домашних заданий. Нравственный результат измерить трудно, но он распространится на все виды занятий, на все увлечения и с новой силой поставит перед вами новые проблемы, выдвинет новые противоречия, которые вам предстоит решать, решать и решать.

14. Принцип опережения

Как это ни странно, но многие конфликты возникают потому, что родители не успевают перестраиваться в своем отношении к ребенку. Они не замечают перемен, происходящих в детях. И детям приходится выжимать из родителей новую тональность их отношений к себе. По мере развития ребенка возрастают его притязания, усиливается стремление к самостоятельности. Нередко родители воспринимают эту естественную тенденцию как желание ребенка выйти из-под родительского контроля. Начинаются конфликты. Родители более консервативны в своих приемах, чем ребенок в своих ответных реакциях. И этот консерватизм может сказываться во многом.

> Как это ни странно, но многие конфликты возникают потому, что родители не успевают перестраиваться в своем отношении к ребенку. Они не замечают перемен, происходящих в детях. И детям приходится выжимать из родителей новую тональность их отношений к себе.

Например, ласка. Заметили, как ребенок увертывается от вашего поцелуя, когда вы это делаете на людях? И увертывается он не потому, что ему неприятна ваша ласка, а потому, что форма обнародования нежности ему уже неприятна. Он уже начинает понимать, что его возрасту необходимы другие формы внимания: достаточно теплого взгляда, легкого прикосновения. Он хочет, чтобы все было, как у взрослых. Или вы покрикивали на малыша, и он не обижался. Но вот ему уже четырнадцать лет, и каждый ваш окрик его ранит.

Постарайтесь изменить тональность вашего обращения к подростку. Пересмотрите способы предъявления к нему своих требований.

Надо сделать так, чтобы не ребенок вынуждал вас менять методы, а чтобы вы сами, как бы меняя и усложняя свои требования, ставили ребенка перед необходимостью менять его поведение. Лучше пусть ваши методы чуть-чуть опережают рост ребенка, чем идут где-то позади. На разных ступенях его физического и духовного развития вы должны проводить одну ту же линию: «Вот теперь ты стал старше и умнее, и вот это и это будешь делать уже сам». Добивайтесь, чтобы ребенок рвался ко все большей и большей самостоятельности.

> Лучше пусть ваши методы чуть-чуть опережают рост ребенка, чем идут где-то позади. На разных ступенях его физического и духовного развития вы должны проводить одну ту же линию: «Вот теперь ты стал старше и умнее, и вот это и это будешь делать уже сам». Добивайтесь, чтобы ребенок рвался ко все большей и большей самостоятельности.

Замечательная детская формула «Я – сам» пусть будет вашей путеводной звездой в приемах воспитания.

15. Не бойтесь конфликтов с детьми

Не может быть воспитания без конфликтов, как не может быть общения без разрешения противоречий. Конфликт – это столкновение взглядов, вкусов, желаний, представлений.

Конфликт – всегда пересмотр чего-то. Он всегда связан с необходимостью обновления.

Думается, что есть нечто объединяющее все конфликты и способы их разрешения. Во всяком случае, в любом конфликте можно увидеть несколько одних и тех же тенденций.

Предположим, ваш ребенок стал в ущерб занятиям зачитываться фантастикой. То, что вы стремитесь предотвратить угрозу нарушения режима, невыполнения занятий, – положительная тенденция в ваших действиях. Но, отнимая у ребенка книжку, вы чем-то рискуете: может еще больше усилиться его тяга к запретному плоду или, наоборот, может быть убит очень важный детский интерес к книге. Не менее сложное положение и у ребенка: он весь во власти происшествий, которые ему дарит фантастика, и это прекрасно. Но его мучительно, где-то в тайниках сознания сверлит мысль-обязательство: «Надо сделать уроки, надо проснуться рано». А расстаться с книжкой он не в состоянии. Поэтому он и готов (чисто импульсивно) вступить в конфликт с любым, кто посягнет на его пробудившуюся страсть к чтению.

Как видим, конфликт многослоен. Если вы просто подойдете к ребенку и скажете: «Хватит!», и отнимете книжку, и погасите свет, вы мало чего добьетесь. Такой авторитарный шаг приведет к новым наслоениям. Такой шаг не исключен, но, однако, как крайний вариант вашего поведения, и торопиться с ним не следует. Попробуйте иной способ разрешения возникшего противоречия. Подойдите к ребенку и спросите: «Это, должно быть, очень интересная книжка?» В редких случаях ребенок может сказать: «Не мешай». Когда ребенок испытывает удовольствие от чего-либо, он, как правило, стремится поделиться своей радостью. Он скорее ответит: «Очень интересная».

И когда вы задаете новый вопрос: «Наверное, на самом интересном месте остановился?» или «А что, она вся такая захватывающая?» – он начинает с вами разговаривать. И этот контакт очень важен: ребенок может сам принять подсказанное вами решение – отложить чтение до завтрашнего дня. В данном случае вы предотвратили назревание конфликта.

16. Помогите ребенку преодолеть «физиологический барьер» – от сладкого сна к дневным заботам

Утро – самое сложное и трудное для ребенка время. Причем для каждого оно разное. Один ребенок просыпается охотно, и расставание со сном происходит мгновенно. Другой долгое время не может перейти из одного состояния в другое. Одному

легко делать зарядку, для другого она – досадная обязанность. Но зато бывает и так, что этот второй оказывается через некоторое время более подготовленным для перенесения сильных и длительных напряжений, как умственных, так и физических. Важно учитывать особенности физиологического развития детей. Но еще важнее знать то общее, что присуще каждому человеку, в данном случае ребенку, в его утренние часы.

Утро – всегда надежда, всегда ожидание. Утром ребенок требует особенной бережности и внимания. Между покоем, сладким сном и напряжением предстоящего дня не должно быть резкого перепада. Поэтому пусть первые утренние минуты послужат своего рода прокладкой, через которую ребенок сам вступает в поток дневных забот. Весь ритм утренней поры должен способствовать этому размеренному вхождению, завтрак в спокойной обстановке, последние сборы и проверка портфеля, одевание – все должно делаться без суеты, но непременно с некоторым нарастанием темпа.

17. Не играйте роль обиженных

Иногда взрослые, общаясь между собой, вырабатывают тактику чередования ролей «обидчик – обиженный».

Скажем, кто-то проявил холодность к близкому, который хотя и не возмутился, но обиделся. И вот в течение дня идет демонстрация роли обиженного. «Обидчик», не понимая, в чем дело, допускает один промах за другим. Потом следуют долгие выяснения отношений, высказываются взаимные претензии и, наконец, происходит примирение. Этот стиль взрослые иногда подсознательно переносят на общение с детьми. Вот, к примеру, с вечера мать и дочь договорились, что утром дочь встанет и приготовит чай. А дочь забыла об этом. Схватила молоко, выпила, чем-то закусила и убежала в школу. Мать в обиде. Обижается день, обижается два. Дочь, наконец, замечает это и спрашивает: «Что ты, мама, такая расстроенная?» Этот вопрос еще больше обижает мать: «Ну почему она такая бесчувственная?» А ребенок вовсе не бесчувственный. Его ритм жизни напоминает бег. А разве можно в беге быть пристально-наблюдательным? Если вы не научите ребенка останавливаться, не научите прислушиваться к чужим голосам, всматриваться в чужие глаза, чтобы уметь различать оттенки переживаний, вы не сможете воспитать отзывчивого, доброго человека.

Роль обиженного принижает взрослого, делает его позицию слабой, беспомощной.

> Свою слабость можно порой как-то проявить перед ребенком. Можно в чем-то ему искренне признаться в расчете на его поддержку. Но это – в исключительных случаях. А каждый раз пользоваться слабостью в качестве инструмента пробуждения детской сердечности ни в коем случае нельзя.

Для того чтобы учить ребенка этому сложному и многомерному видению, надо быть спокойным и уверенным в разумности своей воспитательной тактики. Роль обиженного принижает взрослого, делает его позицию слабой, беспомощной.

Свою слабость можно порой как-то проявить перед ребенком. Можно в чем-то ему искренне признаться в расчете на его поддержку. Но это – в исключительных случаях. А каждый раз пользоваться слабостью в качестве инструмента пробуждения детской сердечности ни в коем случае нельзя.

В конфликте взрослый должен быть хозяином положения. Разрешение конфликта не следует затягивать, важно побыстрее выйти на оптимистические рубежи.

Если вы проанализируете внимательно свои отношения, то вы обнаружите, что они строятся на бесконечном количестве микростолкновений. Утром вы говорите: «Вынеси мусор». А ребенок занят своим делом и не слышит вас. Он, точнее, слышит, но не придает значения вашей просьбе. И если он увидит, что вы, обидевшись, делаете это сами, вы только снимете груз с его души. «Вот и прекрасно, – решает он, – вот и не надо возиться с каким-то дурацким мусором». Вы оказываетесь в состоянии внутреннего конфликта, а для ребенка, наоборот, конфликт исчерпан. Но если вы без раздражения, спокойно, но чуть настойчивее повторите просьбу: «Сделай побыстрее», – ребенок выполнит то, что вы от него хотите. Если он проявит при этом неудовольствие, не обращайте внимания. Если понадобится, снимите какой-нибудь шуткой возникшее напряжение.

Может быть и такой случай. Вы хватаете ведро с мусором, а ребенок кричит вам вслед: «Ну погоди еще минуточку! Я вынесу это ведро». Вы возвращаетесь с пустым ведром, ребенок виновато смотрит на вас, ему стало стыдно. Не давайте разрастаться губительному самоанализу по пустякам. Скажите ребенку спокойно и весело: «Ничего, в следующий раз ты сам без напоминаний будешь выносить ведро с мусором». И все. Если ребенок попытается что-то пробормотать в свое оправдание, спокойно остановите его: «Довольно». И переключитесь на другие дела.

> Нельзя вступать в выяснение отношений всякий раз – это изнурительно прежде всего для вас. Ждите, когда целая система микростолкновений приведет к тому, что основной конфликт созреет.

Нельзя вступать в выяснение отношений всякий раз – это изнурительно прежде всего для вас. Ждите, когда целая система микростолкновений приведет к тому, что основной конфликт созреет. И тогда следует выяснить, дать бой, доказать ребенку неправильность его поведения. И снова вы должны видеть конечный результат наметившейся разобщенности, то есть непременный выход на оптимистический рубеж.

18. Ребенка надо терпеливо учить

Все то, чему вы научились, скажем: быстро приготовить завтрак, убрать квартиру, рабочее место, – потребовало немало лет. Вы, однако, не отдаете себе в этом отчета, вы думаете, что все эти навыки – дело легкое, и ребенок может овладеть ими запросто. Вы часто повторяете: «Ну неужели такая мелочь тебе не под силу? Неужели такой пустяк ты не можешь сделать сам?» А ребенок действительно не в состоянии был справиться с этим пустяком: что-то ему мешало. Он связан нередко с теми установками, которые долгое время складывались в семье. О том, как преодолевать эти просчеты, мне бы и хотелось рассказать.

Асе было десять лет, когда ее мать, Нина Ивановна, пожаловалась мне: «Дочка привыкла к тому, что бабушка все за нее выполняла, и теперь Ася и от меня ждет такого же сервиса. Но я же работаю. Я не могу за ней ухаживать. И не хочу, потому что она должна же чему-то научиться. Придется ей жить и одной: не всегда будут мама и бабушка».

– А чего именно она не умеет? – спросил я, пытаясь вникнуть в ситуацию.

– Да ничего. Веник в руках держать не может. Постель застелить не умеет. Даже спичку зажечь боится! Вы не представляете, сколько мы сил затратили, чтобы научить ее зажигать спички. Ведь она приходит домой, когда никого еще нет. Ей что-то надо разогреть, вскипятить чай – неужели из-за этого я должна прибегать с работы? Она же взрослая девочка!

Ася хорошо учится. Посещает музыкальную школу. Хорошо развита. Но дома…

Я увидел очаровательную девочку с умными блестящими глазами, чуть-чуть ироничными, но пытливыми. В ее движениях чувствовалась сила, уверенность и энергия здорового ребенка,

быть может, немного капризного.

Мы сидим вчетвером: Ася, ее отец, мать и я.

– Ася не умеет зажигать спички? – говорю я. – Чепуха! Вы посмотрите, какие у Аси прекрасные пальчики! Такими пальчиками только звезды зажигать на небе, а не спички.

Ася смотрит изумленно-сомневающимися глазами. Она понимает, что я играю, и следит за моей игрой, и взгляд ее словно бросает мне вызов: «А все равно у тебя ничего не получится. Не умею я зажигать, и все». И взгляд, обращенный к родителям: «Чего он от меня хочет? Ну скажите ему…»

Теперь мой воспитательный престиж зависит от спичек. «Сейчас мы с Асей проделаем один фокус», – говорю я. Беру девочку за руку и веду ее в другую комнату. Мы садимся друг против друга. Ася приготовилась сопротивляться. А я говорю небрежно:

– Неужели ты в самом деле думаешь, что я стану тебя учить зажигать спички? – и прячу коробок в карман.

У Аси снимается напряжение, на лице вспыхивает любопытство.

– У тебя, мне кажется, – говорю я, – гибкие пальцы.

– А вот у меня какие пальцы, – говорит Ася, и она отгибает их назад с такой силой, что я на мгновение пугаюсь.

– Да ты ко всему прочему еще и бесстрашная, – говорю я. – Разве не больно?

– Ни капельки.

– Не может быть! – не уступаю я.

Ася смеется. И я чувствую, что контакт установлен. Можно приступать к делу.

– Кстати, о спичках, – бросаю я. – Все не так просто, как ты думаешь. Хочешь, я тебе расскажу, в чем здесь дело? Это касается твоей личности прежде всего.

Ася очень хочет знать все, что касается ее личности. Этого все дети хотят.

– Понимаешь, в тебе развивается нечто удивительно прекрасное, – говорю я. – Но это «нечто» может погибнуть. Ты придумала отличную игру в «не умею», а на самом деле это другая игра. Смотри, что получается. Тебя десять лет пугали спичками, говорили: «Не зажигай, не трогай. Не подходи к огню». Ты стала бояться. Страх поселился в тебе. И он проявляется не только по отношению к спичкам. Он дает о себе знать и тогда, когда ты садишься за пианино, и когда учишься, и когда говоришь с мальчишками…

– Но я действительно боюсь, – говорит Ася. – Я даже в лагере всегда звала мальчишек разжечь костер…

– В лагере ты и должна звать мальчишек разжигать костер – это их дело. И вообще девочка должна всякий раз подчеркивать свою принадлежность к слабому полу…

Ах, как ей нравится, что я с ней говорю, как со взрослой женщиной. Это ее невероятно подкупает, и хотя она все еще бормочет: «Я действительно боюсь», – в голосе уже звучат предательские сомнения, и я с уверенностью волшебника заявляю:

– Я сейчас тебя избавлю от страха!

Чувствую, что она действительно поражена страхом, который десять лет вколачивался в ее маленькую головку. Я отодвигаюсь, зажигаю спичку и даю ей привыкнуть к огню. Пламя ровное, красивое, как крохотный флажок. Я приближаю к огню свою руку и отдаляю ее. Так я жгу одну спичку за другой. Только после этого вкладываю ей спичку в руки. Она чуть не со слезами:

– Но я боюсь…

– А ты не будешь зажигать, – успокаиваю я. – Ты будешь держать спичку. Только держать. А зажигать буду я.

Я держу ее руку со спичкой в своей руке, и несколько раз мы вместе добываем огонь. Постепенно я отодвигаю руку. И где-то на десятой спичке я лишь чуть-чуть касаюсь ее локтя. Сначала Ася держала спичку за самый кончик. Но так было неудобно. Тогда она сама определила место, где должны находиться ее пальцы. И когда десятая спичка вспыхнула, я крикнул «ура» и объявил Асе, что она не заметила, как я убрал руку и сама зажгла спичку. Она разделила мой восторг, и мы отправились на кухню к газовой плите. Здесь повторилась та же методика зажигания. И когда Ася избавилась от страха, она начала рассказывать, что у них многие девочки даже боятся подходить газовой плите.

– А давай удивим твоих родителей. Ты чай сумеешь приготовить?

– Конечно, – сказала Ася.

Но чай в тот вечер она приготовила не сразу. Ася занялась демонстрацией своих новых умений. Она священнодействовала с огнем и сожгла коробок спичек, пока окончательно не убедилась в том, что умеет пользоваться и спичками, и газовой плитой.

19. Удовлетворите стремление ребенка к сверхзадачам

Любой ребенок стремится к некоторому максимализму. На каком-то этапе его развития поручаемые ему простейшие подобные дела начинают его тяготить. Родители, зачастую не замечая этого, продолжают держать его в положении мальчика на побегушках: «принеси», «подай», «закрой», «сбегай». А надо уже

переходить к передаче «целостных» функций: убрать всю комнату, приготовить завтрак, подготовить к школе младшего брата, сестру и т. д.

Вспомните, как ведут себя играющие дети. Если кто-либо из них выполняет лишь подсобные функции в игре, она для него быстро утрачивает интерес. Каждый хочет строить дом, а не только подавать кирпичики. Каждый стремится приготовить обед от начала до конца, а не ограничиться выполнением требований «подай-принеси».

Когда Асе предложили встать пораньше и приготовить «весь завтрак», она согласилась: «Хорошо, когда вы встанете, завтрак будет на столе». И конечно, никто из взрослых в то утро не спал. И каждый думал, как она там управляется с манной кашей, салатом, чаем. А маленькая хозяйка больше всего была обеспокоена тем, как бы вовремя успеть, как бы никто из взрослых не пришел на кухню раньше положенного.

– Когда мы были приглашены к столу, – рассказывала затем мать, – я увидела другую девочку. От моей беспомощной Асеньки не осталось и следа. На кухне суетилась маленькая женщина. Лицо ее горело таким радостным волнением, что я не удержалась и расцеловала ее. Она ждала наших оценок, и мы не поскупились на похвалы. Каша, да, чуть-чуть подгорела, но мы этого не замечали. Салат она забыла посолить, но мы сказали: «А что? Нестрашно: недосол на столе».

Разумеется, в самом приготовлении завтрака было кое-что от игры. Но именно такая игра нужна в семейном общении. Она создает приятный и радостный тон взаимоотношений. Ведет к той системе неигровых действий, которые переходят в навык, становятся привычкой.

20. О переходе от игры к неигре

Я застал Асину маму расстроенной.

– Десять дней Ася была идеальным ребенком, – рассказывала Нина Ивановна. – Утром сама вставала, помогала мне убирать квартиру, готовила завтрак. А вчера она так швырнула кастрюльку, что от нее отлетела эмаль. Нагрубила мне и сказала, что больше никогда не зайдет на кухню. Я попыталась поговорить с Асей, но она убежала в другую комнату. Вечером просила ее помочь вымыть посуду: у меня было срочное дело, и Ася знала об этом. Но она вдруг точно окаменела…

Я, конечно, перестала с ней разговаривать, – продолжала Нина Ивановна. – Знаю, что она долго не выдержит – станет подлизываться, извиняться. Но разве дело в этом? Мне кажется,

то важное, что родилось в ней, исчезло.

– А вы заметили, что в последнее время она с меньшим рвением участвовала в этой игре с приготовлением завтрака? – спросил я.

– Да, в последние дни она помогала мне, но думала все время о чем-то своем. И все путала: то вместо соли сахар возьмет, то молоко у нее сбежит, то повернет кран одной горелки, а зажигает другую…

– И вы нервничали? И делали замечания?..

– Ну а как же? Вчера, например, она грязной тряпкой стала протирать тарелки, а позавчера чистым полотенцем вытирала стол…

Я успокоил Нину Ивановну, сказав ей, что ничего страшного не происходит и что огорчаться нет причин. Попробуем разобраться, что же обнаружилось в общении матери и дочери. Начнем с того, что Нина Ивановна сначала применила игровые методы для привлечения дочери к самообслуживанию. Ася играла в приготовление завтрака. Как и всякая игра, эта строилась на интересе и удовольствии. Как и всякая игра, она требовала от девочки усилий, собранности и напряжения. Вспомним, еще недавно девочка ничего не умела, даже зажечь спичку. И вдруг такой резкий переход к самой настоящей деятельности. Если бы не игровое начало, Ася не сделала бы и того, что она сделала. Но игра обладает той особенностью, что она непременно когда-либо кончается или переходит в другие формы. Пока же она идет, руководить ею можно лишь игровыми методами. Нина Ивановна нарушила правила игры: она стала делать замечания, требовать, покрикивать. Она к тому же не учла и еще одного обстоятельства: девочка в игре несколько устала. Необходим был небольшой перерыв. Нужно было где-то на четвертом-пятом дне сказать: «Пожалуй, ты утомилась. Завтра я сама приготовлю завтрак. А ты поспи…»

Девочка действительно устала, ей надо как-то отойти от проведенной игры. И этот отход лучше использовать для какого-то подведения итога. Пусть предшествующие трудовые утренние часы Аси станут предметом обсуждения в доме. Вот здесь-то и уместно сказать, какие она ошибки допускала в уборке стола, посуды и т. д. Три-четыре дня некоторого послабления – и можно снова переходить на новый темп уже неигрового действия. Это послабление вовсе не означает ничегонеделания. Возможно, однажды утром вы пригласите девочку на кухню и покажете ей все то, что посчитаете нужным. Например, все тонкости заваривания чая или приготовления различных салатов. И это будет для нее вступлением в ту область

восприятия действительности, которая называется вкусом.

В Артеке я был на одном из детских конкурсов, который шел под названием «Салон молодой хозяйки». Детям разных стран предлагались продукты, и они должны были приготовить завтрак. Мне запомнилась отличная работа девочек из Украины и Молдавии, из Югославии и Австралии. Очень искусна была австралийка Джинни Хайгет, ее кулинарными навыками нельзя было не восхититься. Даже цветовая гамма салата у нее была гармонична. Я поинтересовался, как это она всему выучилась. Девочка ответила что ее учили и дома, и в школе. Так что у детей надо воспитывать вкус.

> И бережности обращения с продуктами питания, и эстетике надо учить. И это учение всегда на грани игры и неигры. В игре лишь вчерне начертана модель будущей неигровой будничной деятельности. И только сама жизнь с ее житейскими требованиями закрепляет навык, отрабатывает привычку.

Замечено, что девочки вообще тянутся к «кулинарной эстетике». Вот из морковки цветочек, а посредине в самом центре – свекольный кружочек, а вот маленький грибочек – яркая помидорная шапка на белом яйце, узор из картофеля, краплаковые блики перца, яркая зелень петрушки, тонкая разорванная сеточка укропа, белизна лука поверх серебристых ломтиков селедки… И бережности обращения с продуктами питания, и эстетике надо учить. И это учение всегда на грани игры и неигры. В игре лишь вчерне начертана модель будущей неигровой будничной деятельности. И только сама жизнь с ее житейскими требованиями закрепляет навык, отрабатывает привычку.

21. Срываясь на крик, вы сводите на нет все результаты воспитания

Уже говорилось, что от окрика на ребенка, кроме беды, ничего ждать нельзя. Рождается основание для вражды, которая может привести к разрыву навсегда. Иначе говоря, если вы хотите потерять ребенка, начните на него систематически кричать. Но вы этого, конечно же, не хотите, и поэтому крик надо исключить из обихода. Крик недостоин человека. Это самая простая и примитивная форма требования. Крик рождается злостью, а не праведным гневом. А злость немыслима при воспитании живого существа.

> Крик недостоин человека. Это самая простая и примитивная форма требования. Крик рождается злостью, а не праведным гневом. А злость немыслима при воспитании живого существа.

Ребенок, на которого накричали утром, не в состоянии высидеть спокойно пять-шесть уроков. Более того, в его программу словно заложили «код злости», который расшифруется в общении с товарищами, с учителем, то есть выльется в грубость, оскорбление, конфликт.

22. Помните, что одной из главных ваших забот является забота о здоровье ребенка

Интересен в этом отношении творческий опыт В. А. Сухомлинского.

Его книга «Сердце отдаю детям» – это синтетический опыт дошкольного и школьного, семейного и общественного трудового воспитания. Одна из глав этой книги так и называется «Здоровье, здоровье и еще раз здоровье». Сухомлинский разработал систему заботы о детском здоровье, основанную на рациональной организации жизни школьников, гимнастике, правильном режиме питания, ну и главное в этой системе – всевозможные виды труда на свежем воздухе. «Класс под синим небом», наблюдения за природой, уход за животными, сбор материала к урокам по русскому языку, математике, биологии.

Система оздоровления неразрывно связывалась с трудовой общественной активностью. По месяцу Сухомлинский жил с ребятами в шалашах. «Мы поднимались на заре, любовались неповторимой красотой пробуждающейся после ночного сна природы, бродили по росе, умывались ключевой водой, привезенной в большой деревянной бочке и налитой в умывальники. Все было для детей наслаждением: и утренняя гимнастика, и обмывание тела по пояс холодной водой, и вареный картофель, и арбузы. После завтрака мы трудились…

Некоторые критики этого опыта находят в нем нечто идиллическое, пасторально-сентиментальное, не понимая, как необходимо для гармонического развития это универсальное единение человеческого духа и природы – величайшего источника воспитания.

Скрупулезно, шаг за шагом раскрывает В. А. Сухомлинский сложнейшие пути становления человеческой личности, для которой труд становится первейшей радостью, неодолимой человеческой потребностью. На основе исследований он

убеждается в том, что истоки детских болезней, детской вялости, лености таятся в просчетах семейного воспитания. Именно с родителей начинает он воспитание детей, именно с заботы о здоровье детей начинает он нравственное воспитание. Он обнаруживает, что 20 % малышей не завтракают утром, им есть не хочется, 30 % – едят утром меньше половины нормы, 28 % – половину полноценного завтрака и только 2 % завтракают так, как требует норма.

Отсутствие аппетита – грозный бич здоровья, источник недомоганий, болезней. И причина, как правило, в том, что ребенок по нескольку часов просиживает в душном классе (значит, надо чередовать уроки с трудом, с пребыванием на воздухе) или имеет место однообразие умственной деятельности (значит, надо разнообразить эти занятия, соединить их с физическим трудом).

«Я знаю много случаев, – рассказывал В. А. Сухомлинский, – когда отвращение к занятиям приводило к расстройству пищеварения и к желудочно-кишечным заболеваниям».

Вот почему он строил свою «школу радости» под открытым небом, вот почему сборы проводил у костра, пионерские игры – на свежем воздухе.

23. Без экологического воспитания немыслимо нормальное развитие ребенка

Еще до поступления детей в школу Сухомлинский договаривался с родителями, чтобы каждый ребенок приобщался к подлинно социальным заботам отца, матери, колхоза, школы. Еще до школы каждый будущий первоклассник получал для выращивания ягненка и об этом «теплом комочке жизни» заботился, неустанно ухаживая за ним. Представим теперь этого малыша с думами и заботами о ягненке. Представим тот момент первого соприкосновения маленького человечка с большой социальной задачей, первое рождение красоты труда, первое ощущение радости от проявления доброго чувства, пробудившуюся потребность испытать себя.

Разве можно отделить здесь трудовое начало от эстетического, а нравственное – от физического? Это великое единство интеллектуальных и физических сил ребенка, связанных с различными формами человеческого наслаждения, и есть отражение той самой гармонии, в которой так нуждается современное воспитание, современное общество.

24. Чтобы снять сопротивление воспитанию, надо

менять тональность обращения к ребенку

Типичные конфликты во время завтрака такие:
– Я не хочу есть, – говорит ребенок.
– Съешь вот это… – настаивает мать.
– И это не хочу…
– Ну хоть чай выпей…
– И чай не хочу!
– Как же ты будешь заниматься? Это же невозможно…

> Есть дети, которые, прежде чем сесть за стол, даже если они очень голодны, несколько раз должны повторить: «А я не хочу». И это возражение звучит как ежедневная прелюдия перед едой.

Разыгрывается спектакль, в котором роли отработаны: страдающая мать и торжествующий ребенок. Заметьте, чем больше она настаивает, тем сильнее он сопротивляется. О том, что ребенок входит в роль и даже получает своего рода эгоистическое удовольствие от уговоров, свидетельствует многое. Есть дети, которые, прежде чем сесть за стол, даже если они очень голодны, несколько раз должны повторить: «А я не хочу». И это возражение звучит как ежедневная прелюдия перед едой. Сказал «не хочу» и после этого съел полный завтрак или обед. Не случайно педиатры рекомендуют не заставлять ребенка есть, а просто поставить перед ним пищу и даже, возможно, выйти на время из комнаты, где завтракает ребенок. Конечно, нет никакой гарантии, что он в первое же утро станет есть. Напротив, в некоторых случаях при изменении тональности обращения он может бросить вызов – уйти не позавтракав. Но даже в таком случае вы окажетесь в педагогическом выигрыше: будет сломлен сложившийся стереотип и подготовлена почва для установления новых отношений. Рассмотрим такой случай.

С Ниной Ивановной мы подробно обговаривали все возможные варианты обращения с Асей во время завтрака. По нашему предположению, Ася должна была возмутиться новой формой обращения. Так оно и случилось. Психологическая канва всего происшедшего в то утро представляет интерес, поэтому есть смысл ее воспроизвести. Завтрак был на столе, а Нина Ивановна не предлагала дочери сесть. Ася вертелась на кухне и не решалась сесть за стол: непривычно, не было маминых уговоров.

– Ма, – капризно протянула Ася, – чего есть?

– Все на столе, – спокойно ответила мать. Ася ковырнула

ложкой кашу:

– А чего здесь такое черненькое?

Мать промолчала.

– А чай сладкий? – не унималась Ася.

– Попробуй…

> Известный немецкий педагог А. Дистервег, когда говорил о необходимости руководства детской самодеятельностью, приводил такую поговорку: «Пастух должен привести лошадь к водопою, но лошадь будет пить сама».

Возмущенная поведением матери, Ася встала из-за стола и, не попрощавшись, ушла обиженная. Вечером она жаловалась матери:

– У меня на всех уроках живот болел и голова кружилась. Я ничего не соображала…

– Почему? – удивилась мать.

– Как это «почему»? – возмутилась дочь. – А что я ела утром? Глоток чая – и всё.

На следующее утро ситуация повторилась. Мать ласково сказала дочери: «Позавтракай как следует, чтобы снова живот не болел». И вышла из комнаты. В то утро Ася впервые без напоминаний хорошо позавтракала, убрала за собой посуду и молча ушла в школу.

Я рассказал об этом эпизоде другой маме, дочь которой тоже отличалась утренними капризами.

– Да это же ерунда, – сказала она. – Моя Светка только обрадуется и не будет есть. В том-то и беда, что она не хочет есть. Не в капризах здесь дело. Моя Света действительно очень слабенькая, ручки такие тоненькие.

Мне Света показалась вполне нормально развитой девочкой. И отнюдь не худенькая, руки у нее как руки. Румянец во всю щеку. Правда, заметна некоторая изнеженность.

– Скажите, – спросил я мать, – а вы обращаетесь с ней во время еды так же, как, скажем, в то время, когда вашей дочери было пять лет?

Мать, задумавшись, ответила:

– В общем-то так же.

– Так неужели вы думаете, что это нормально – обращаться с десятилетней девочкой, как с пятилетней?

На следующий день мать предложила дочери: «Ты уже большая. Ешь так, как тебе хочется».

Дочь расцеловала маму: «Наконец-то ты поняла, что меня нельзя пичкать, как младенца».

И отлично позавтракала.

Через два-три дня мать все-таки не выдержала и стала подсовывать дочке бутерброды, на что Света сказала:

– Мы же договорились с тобой, а ты опять за свое…

Известный немецкий педагог А. Дистервег, когда говорил о необходимости руководства детской самодеятельностью, приводил такую поговорку: «Пастух должен привести лошадь к водопою, но лошадь будет пить сама». Смысл таков: воспитатель должен сделать то, что ребенок не в состоянии сделать, остальное пусть делает сам.

Развитие самостоятельности, разумеется, не только не исключает, но и требует заботливого внимания к растущему человеку и разумного руководства его самовоспитанием.

Глава 2
Полдень

Даже те несколько часов разлуки, когда мы не видим детей (они в школе, а мы на работе), сближают нас больше, чем иные долгие дни общения. Может быть, так случается потому, что с особенной силой обостряются наши родительские чувства: как он там, маленький, слабенький? Каково ему там, в школе? Учителя, товарищи, десятки обязанностей и кажущаяся абсолютная беспомощность нашего чада. Но если у ребенка все получается неплохо, мы втайне гордимся этим и даже сожалеем, что где-то перегибали в своей чрезмерной требовательности. Вместо ласки – накричали. Вместо сочувствия – пожурили. Вместо ободрения – посмеялись.

И решаем иногда там, на работе, возможно, в обеденный перерыв, а может быть, возвращаясь домой, непременно быть добрее к ребенку. И слова нежные наготове. А встречаемся (при этом видим: школьная форма разбросана по комнате, опять на диване молоток и плоскогубцы, руки грязные) – и наших добрых намерений как не бывало. Опять недовольство, упреки, выговор. Ну а если наш ребенок принадлежит к тем, за которыми вечно тянется длинный хвост самых разнообразных неприятностей и невзгод: плохие отметки, что-то потерял; «нечаянно» кого-то ударил – пришла мама потерпевшего; разбил стекло; «влюбился» и преследует девочку – ее родители жалуются, в школе Дон Жуаном прозвали. Тут уж, конечно, не до нежностей! Виноватому попадает как следует…

Детские проказы и провинности кажутся милыми, когда их отделяет от нас время, ну как минимум лет десять. А в момент их свершения они доставляют только огорчения. Но почему «только»? Неужто в этом перечне «преступлений» обычного мальчишки нет ничего такого, что по-человечески в чем-то выше старательно приготовленных уроков, вежливых ответов, выше той желанной исполнительности, которая приводит родительское сердце в восторг? Впрочем, противопоставления здесь неуместны.

Когда речь шла об утренних часах, мы схематически очертили три модели поведения ребенка и соответствующие им типы семейных отношений. Как же эти отношения связаны с целью воспитания, с идеалом?

Если бы я определял цель воспитания, то определил бы ее как стремление к идеалу. Идеальная модель и есть та вершина, к которой мы должны вести нашего питомца.

Только ориентация на совершенство делает воспитание значимым. Я за педагогический максимализм, потому что воспитание – единственная, наверное, область человеческой деятельности, где максимализм может быть оправдан, где завышенность требований к человеческой личности означает бескомпромиссность нравственных установок.

Как и в предыдущей главе, в этой я следую за размеренным темпом жизни школьника в течение одного дня, за теми напряженными буднями ребенка и его родителей, без которых не может быть настоящего воспитания. Вместе с тем всегда надо помнить о соединении приемов организации жизни детей с их духовным становлением.

Итак, попробуем опять выстроить три модели поведения ребенка и соответствующие им типы семейных отношений, касающиеся преимущественно второй половины дня жизни ребенка.

Идеальная модель. Вы на работе. Ваше воображение воспроизводит калейдоскоп кадров. Массовая сцена: главный герой – ваш ребенок, режиссер – учитель, статисты – ученики. Класс подводит итоги: ваш ребенок и учился, и трудился (целый час на пришкольном участке) самоотверженно. В два тридцать он дома. Две минуты на переодевание (форма тщательно складывается в шкаф). Десять минут на просмотр газет. Ваше воображение рисует тщательную уборку квартиры. «Кинокамера» пробегает по отдельным уголкам: пыли нет, все чисто. Слегка уставшая дочь или сын потягивается в кресле. Крупным планом – с авоськой в магазине: мясной отдел, хлеб, молоко. Сдача – в стол, продукты – на место. Во весь экран цифры 15:30–18:30 – время приготовления уроков. Реквизит: книги, учебники, тетради, цветные карандаши, линейка, циркуль. Приходит товарищ. Ваш ребенок рассказывает, как решать трудную задачу. Товарищ уходит, договариваясь о встрече (прогулка на лыжах, скажем, где-то в 19:00).

Уроки сделаны, ребенок занят приготовлением ужина. Вы торопитесь домой. Вам помогают раздеться, подают тапочки. Вы благодарно смотрите на стол: расставлена посуда, подогрет ужин. За ужином вы рассказываете о том, что вам удалось достать интересную книжку об одном художнике… Стоп! Время наше истекло…

Кое-что я упустил. Например, такой диалог: «Ну как в школе?» – «По физике и алгебре пять, по русскому не спрашивали. А как у тебя?» – «Пришлось все-таки подать докладную. Больше не могу мириться с халатностью.» – «Но у тебя же будут неприятности?» – «Иначе я не могла!» –

«Ну и правильно сделала».

Средняя модель. Ваш ребенок с приятелем. В руках палки. Палка тарахтит по решетчатой ограде. Стук гулкий и сухой: тра-та-та-та. Когда им надоедает «стрельба», придумывается нечто новое. Портфель надевается на палку, идет раскрутка – и портфель (недавно вами купленный и торжественно врученный) летит подальше! Сели на скамейку. Поговорили о собаках, о книжке, о радиодеталях, о пластинках, об автомобилях, о джинсах, о задачах, о футбольном матче, о жвачках, о новом фильме. Причем все в лицах! Наперебой!

Три часа дня. Квартира. Главный герой включает телевизор. Застывает перед экраном. 16 часов – передача кончилась. Звонит товарищ по телефону. «Содержательный» разговор длится примерно полчаса:

– Ну как ты там?

– Ничего.

– Ну а Генка звонил?

– Нет.

– Что же он так?

– А я не знаю.

– А ты смотрел сейчас телик?

– Смотрел.

– А здорово он там?

– Здорово!

– А ты знаешь, у меня новый транзистор. Хочешь, принесу?

– Принеси.

– А у тебя нет олова?

– Нет.

– Ну ладно, я у Генки спрошу.

Разговор с Генкой:

– Ну как ты там?

– Ничего.

– Телик смотрел?

– Смотрел.

– Здорово он там…

– Чего будешь делать?

– Уроки.

– А может, ко мне придешь? В шахматишки сразимся. Я тебе мат влеплю. Хочешь, фору дам…

– Я тебя без форы обставлю.

– Когда придешь?

– Приходи ты ко мне.

Сцена следующая. Ваш ребенок в квартире товарища. Радиодетали, приемник, магнитофон, проигрыватель, шахматы –

все разбросано. Проигрыватель включен на полную мощность. Стучат соседи со всех сторон. Крик Генки: «Чего они всполошились? Имеем право: еще нет одиннадцати». Шесть часов вечера. Дети спохватываются: «Давай разбегаться, а то предки придут – начнется…» 18:20 – ребенок шарит в холодильнике. Ест. Затем садится за уроки, предварительно включив телевизор и магнитофон. Делает уроки. Входит мать. Радостная: «Что тут делают мои дети?» Ответ: «Не мешай». – «Голодненький, наверное? Ну, так и знала: кашу не разогрел, блинчики не заметил, кефир не выпил. Сейчас я быстренько тебя накормлю. Что же ты не переоделся?»

Негативная модель. «Камера воображения» не включается. Вы гоните от себя возможность воспроизвести тот ужасный ритм жизни, в котором в последнее время стал жить ваш сын.

Только вопросы: «Где он сейчас? С кем? Опять тот волосатый, небось, к нему приходил? Вчера в школу вызывали: уроки перестал учить. Из класса без разрешения вышел. Пришел поздно, плащ в грязи. В кого он такой уродился? Отец за ремень было взялся: «Ударишь – уйду из дома». Первый раз повысил голос на отца…»

Если ваши отношения строятся по «идеальной модели», думайте над тем, как увеличить нагрузку в интеллектуальном и физическом развитии ребенка.

Идеальная модель предполагает более глубокие и более скрытые противоречия в духовном мире вашего ребенка. Мы на них непременно остановимся, чтобы глубже понять процесс приближения к воспитательной цели.

Если ваши отношения развиваются в направлении средней модели, попробуйте хотя бы на первый случай организовать жизнь ребенка, чтобы меньше было у него праздного времяпрепровождения. Подумайте о том, чтобы добрые чувства основывались на добрых делах ребенка. Только совпадение полезной деятельности с добрым отношением к людям может приблизить к идеальной модели воспитания.

Если ваши отношения сложились в негативную модель, установите точный диагноз болезни вашего ребенка. Относитесь к нему именно как к тяжелому больному. Ведь больных не отчитывают и тем более не бьют. Их лечат, терпеливо и долго. Пока не приходит здоровье, предложенные варианты действий направлены исключительно на исправление негативной модели.

1. Подходите к ребенку с оптимистической гипотезой

Я не склонен призывать к оптимизму как к форме

нравственного самоуспокоения.

Педагогический оптимизм основан на знании, как разрешать противоречия в развитии личности ребенка, на убеждении в том, что даже самый запущенный ребенок несет в себе много положительного. Опереться на положительное! Казалось бы, хорошо известная, многократно проверенная практикой истина. Но сделать это бывает не легко и не просто.

Я неоднократно убеждался в том, что большинство трудных детей в конечном итоге становились хорошими людьми, прекрасными производственниками и заботливыми семьянинами.

Какие же позитивные свойства формируются у многих трудных детей?

Я неоднократно убеждался в том, что большинство трудных детей в конечном итоге становились хорошими людьми, прекрасными производственниками и заботливыми семьянинами.

Какие же позитивные свойства формируются у многих трудных детей?

Их отличает огромная энергия и, я бы сказал, жизнелюбие.

Их отличает огромная энергия и, я бы сказал, жизнелюбие. Трудный ребенок, сколько его ни отчитывай, ни ругай (а именно это нередко и проделывают с ним), сохраняет в себе ту удивительную силу, которая так и подмывает его совершать все новые и новые проказы. Он, как правило, хорошо закален физически, очень вынослив, и эти два качества помогают ему самоутверждаться в своей среде, выделяться в ней, занимать ведущую роль. Он смел, предприимчив, склонен к риску, а это импонирует сверстникам.

Когда я уходил с ребятами в многодневные походы, такие ребята всегда лидировали: они разбивали палатки, тащили самые тяжелые рюкзаки, помогали слабым. Когда мне в одной из школ-интернатов пришлось организовывать производственный труд на мебельной фабрике, то «трудные» были бригадирами и выполняли самую сложную работу. Когда я вел с детьми секцию бокса, лучшими в ней были именно «трудные».

Все эти качества – трудолюбие, энергия, воля, сноровка, общительность, самоотверженность – чрезвычайно ценны. Правда, сами по себе они еще не гарантируют нравственного поведения. Но это уже другой вопрос. Главное, что они есть, и всякий разумный воспитатель должен их использовать, на них опереться.

Я не могу полностью согласиться, когда утверждают: «Дети – первообраз добра, гармонии и красоты». Ведь дети бывают

и жестокими, и черствыми, и злыми. Никакой изначальной доброты нет. Доброта как явление нравственное обусловливается причинами социального свойства.

В то же время нет такого ребенка, в лице которого не проглядывало бы то прекрасное, что присуще роду человеческому. Особенность детского характера состоит в том, что он невероятно податлив. Самый черствый мальчишка всегда откликнется на интересное дело: загорятся его глаза, он потянется за вами, и вы увидите настоящую человеческую просветленность.

Итак, ваш трудный ребенок таит в себе столько ценного человеческого материала, что просто грешно не приложить усилий, чтобы этот материал превратился в настоящее золото человеческой души.

2. Установите точный диагноз

Если ваш ребенок стал плохо учиться и пропускать занятия, значит, он потерял веру в свои силы. Значит, он так отстал в учебе, что не в силах самостоятельно наверстать упущенное. Его мучит страх быть спрошенным. Ему стыдно перед товарищами, перед учителями, перед самим собой. Страх с каждым днем растет, и, чтобы избавиться от него, ребенок занимает агрессивную позицию. И тогда возникают конфликты с учителем, активом класса, с родителями. Все вдруг наваливаются на ребенка с требованиями, которые ему кажутся непосильными, невыполнимыми. Такое массовое давление усиливает страх, который все больше угнетает душу. Ребенок страдает оттого, что оказывается в моральной изоляции. Он не защищен, поэтому начинает отчаянно искать такого общения, которое в какой-то мере может избавить его от страха и стыда. Он всеми условиями поставлен перед необходимостью разрядить накопленный потенциал, его энергия должна найти выход, последствия которого предусмотреть почти невозможно.

Если ребенок не помогает вам в ваших домашних заботах, тому может быть несколько причин. Он не умеет делать то, что от него требуют. Он не приучен к труду. Его долгое время не привлекали к домашним заботам. Помощь близким не культивировалась в семье, в доме не было семейного коллектива. Причиной может быть и наметившаяся семейная разобщенность, когда каждый живет своей замкнутой внутренней жизнью.

Если ваш ребенок хорошо учится, но грубит вам, значит, в ваших отношениях наметилась неправильная линия. Надо

установить причину изменившихся отношений, в противном случае дурные отношения могут рано или поздно сказаться и на учении.

Возможны и другие причины, связанные с нарушением здоровья и самочувствием ребенка. В таких случаях надо, естественно, обращаться к врачу.

> Если ребенок не помогает вам в ваших домашних заботах, тому может быть несколько причин. Он не умеет делать то, что от него требуют. Он не приучен к труду. Его долгое время не привлекали к домашним заботам. Помощь близким не культивировалась в семье, в доме не было семейного коллектива. Причиной может быть и наметившаяся семейная разобщенность, когда каждый живет своей замкнутой внутренней жизнью.

Опыт показывает, что трудный ребенок, если он здоров, становится трудным тогда, когда обнаружилось отставание в учебе. Поэтому развитие ваших дальнейших отношений с сыном или дочерью будет зависеть от того, как вы организуете их продуктивную деятельность, и прежде всего учебную.

3. Реформа современного образования – это прежде всего повышение требований к детям, к учителям, к родителям. Войдите в круг учебных забот вашего ребенка

Большинство родителей допускают одну и ту же ошибку. Вместо помощи – поток требований: «Садись за уроки!», «Когда же ты начнешь заниматься?» В ответ – привычные детские оправдания: «Да успею», или «Сейчас!», или «А нам ничего не задавали».

Творцы идеальных моделей начинали с другого. «А ну-ка, давай посмотрим, что надо делать по русскому языку. Так. Упражнение. Хорошо. Сколько надо времени, чтобы выполнить? Полчаса. Прекрасно. А что по арифметике? Две задачи? Какие? Ах, вот эти… Ну, попробуй сам. Если не можешь, вместе подумаем…»

> Процесс образования – самое трудное дело в жизни человека. А в трудном деле нельзя оставлять ребенка одного.

Родители, если они хотят, чтобы ребенок хорошо успевал,

должны знать современную программу обучения. По крайней мере программу начальной школы. Если ребенок хорошо ее усвоил, в нем непременно должны выработаться и навыки систематических занятий, и привычка к умственному напряжению, и забота о своем престиже в среде учеников.

Если вы хотите помочь ребенку, вам необходимо хорошо представлять себе тот круг забот, в котором он живет, знать те требования, которые предъявляет к нему школа.

Я знаю матерей, которые получили в свое время лишь начальное образование, но которые все же занимались со своими детьми и не только контролировали, но и помогали им. Фактически они вместе учились, вместе осваивали учебный курс. Конечно, это нелегко, но крайне необходимо. Процесс образования – самое трудное дело в жизни человека. А в трудном деле нельзя оставлять ребенка одного.

4. Начинайте с малого

Вернее будет сказать, с самого малого. Поставьте первой своей целью вселить в ребенка хотя бы крохотное чувство уверенности в своих силах. Постарайтесь найти такое учебное занятие, чтобы в нем пробудился начальный интерес к делу, вера в то, что оно ему по плечу. Если ребенок слаб в арифметике, порешайте с ним задачки, которые были ему под силу и раньше. Первое ваше педагогическое усилие должно быть направлено на то, чтобы ребенок справился с заданием. Когда он выполнит задание и заявит, что это совсем не трудно, скажите ему: «Вот если будешь регулярно делать то-то и то-то, все задачки будешь щелкать как орешки, и тебе всегда будет легко».

Если ваш ребенок отстал в родном языке, займитесь с ним хотя бы полчаса в день следующим: пусть он под вашу диктовку напишет несколько предложений из учебника. Пусть сам проверит написанное и исправит ошибки. А вы убеждайте, что, если он будет вот так писать хотя бы по два-три предложения в день и разбирать вместе с вами ошибки, он непременно станет грамотным.

При отставании ребенка по каким-то другим предметам (история, природоведение, география), попробуйте заинтересовать его таким образом. Загляните предварительно в школьную программу сына или дочери, вникните в то, что им задают на дом. Сходите в библиотеку, возьмите книжки по той теме, которую изучает ваш ребенок. Просмотрите хотя бы несколько глав. Расскажите ребенку о том, что вы узнали из книжек, прочтите ему наиболее яркие места. Остановитесь

на самом интересном месте в избранном для чтения отрывке и дайте ему самому дочитать до конца. Несколько таких занятий – и ваш ребенок наверняка как-то проявит себя на уроке: сам вызовется отвечать, дополнит ответ товарища. И дело даже не в том, что он получит хорошую отметку. Он обретет большее – чувство уверенности в своих возможностях.

Рассеется или ослабнет чувство страха. И кроме того, общее с ребенком дело, совместное достижение цели помогут вам найти ту правильную тональность деловых, гуманных, творческих взаимоотношений, без которых не может быть воспитания.

5. Избегайте нервозной настойчивости и неоправданных конфликтов

Вы приступили к занятиям с ребенком. Будьте терпеливы, не раздражайтесь. Если вы хотя бы раз допустите срыв, повысите голос, ваши усилия пойдут насмарку.

Что бы ни делал ребенок во время ваших занятий, оставайтесь весело-непринужденным или добродушно-строгим. Допустим, вы диктуете такое предложение: «Я пошел в лес», а ваша девочка напишет: «Она пошла в лес по ягоды», похвалите дочку за сочинительство и уже потом скажите: «А теперь давай-ка напишем все же фразу со словом «пошёл». Это очень трудное слово».

Вы приступили к занятиям с ребенком. Будьте терпеливы, не раздражайтесь. Если вы хотя бы раз допустите срыв, повысите голос, ваши усилия пойдут насмарку.

Что бы ни делал ребенок во время ваших занятий, оставайтесь весело-непринужденным или добродушно-строгим.

Если же вы займете другую позицию в ваших первых занятиях с ребенком («Как так можно! Я тебе одно говорю, а ты пишешь другое. Ты совсем не хочешь слушать меня. В одно ухо влетает, в другое вылетает»), цели вы не достигнете. Вы с самого же начала отравите детское воображение ненужной педантичностью.

6. Следите за собой, за своей интонацией в процессе занятий с ребенком

Когда ребенок «окрепнет», то есть начнет с вами систематически заниматься и войдет в ритм, тогда вы можете

изменить тональность обращения – сделать порой строгое замечание и, если это нужно, задеть детское самолюбие. А в самом начале во что бы то ни стало избегайте резкости, будьте терпеливы и добры. Это должно создать для ребенка атмосферу спокойствия, защищенности, раскованности. Ваши усилия окупятся сторицей. Ведь что любопытно. Ребенок может ваше задание выполнить точно, и вместе с тем эта работа ничего не прибавит ему. Так бывает, если вы будете стоять над душой у ребенка и то и дело сердито выговаривать: «Ну как ты ручку держишь? Ну сколько раз тебе надо повторять, что… Неужели ты не можешь по-человечески писать букву «о»?»

От ваших добрых интонаций, от вашей мягкости будет зависеть главное: принесет ли пользу выполнение этого микроскопически малого или все останется на прежних местах.

7. Обязательно отметьте первый успех ребенка

А что значит первый успех? Что значит вообще успех? Для одного пятиклассника успехом будет то, что он решил задачи по программе седьмого класса и занял на городской олимпиаде первое место. А для другого успех в том, что он преодолел в себе сложившуюся привычку убегать после обеда на улицу и до самого вечера играть в футбол или хоккей. Преодолел – и сел за стол, чтобы сделать попытку наверстать упущенное.

Так что же тогда считать успехом? А это уж вам виднее. Нижняя граница успеха (мы ее определили) – ребенок сел заниматься. Значит, если он сел и даже ничего особенного при этом не сделал, надо все равно, не теряя надежды, ободрить: «Все-таки прекрасно, что ты взялся за дело. Ты мало успел сегодня, но это не беда. Главное, что ты сам решил исправиться…»

> Даже самый маленький первый успех надо отметить, чтобы пробудить в ребенке чувство уверенности.

Вы скажете: да ведь ребенок ничего не сделал! Зачем же его хвалить? Это неправда, отвечу я вам. Он преодолел в себе острое желание поиграть, поболтать с друзьями, преодолел во имя того, чтобы еще раз попробовать себя в том, в чем он совершенно не уверен, а точнее, в чем безнадежно разочарован. Сам по себе такой факт является немалой победой.

Даже самый маленький первый успех надо отметить, чтобы пробудить в ребенке чувство уверенности. Именно это чувство является условием, которое изначально помогает большому

и важному делу – формированию человеческого достоинства, трудолюбия, самостоятельности и гражданственности.

8. Соедините первый успех вашего ребенка со сверхзадачей самовоспитания

Между малым и великим в воспитании прямая связь. Вслед за маленькими, частными победами, отмеченными и поддержанными вами, в душе ребенка начинает постепенно расти вера и в свои силы, и в безграничность человеческих возможностей. Если не делать эту главную ставку на пробуждение высокого чувства собственного достоинства, уверенности в том, что человек всего может достичь трудом, упорством, настойчивостью, никакого воспитания вообще не получится. Ребенок должен понять, что через маленькие свои победы он идет к большим свершениям.

> Вслед за маленькими, частными победами, отмеченными и поддержанными вами, в душе ребенка начинает постепенно расти вера и в свои силы, и в безграничность человеческих возможностей.

Эдисон сделал около тысячи попыток, прежде чем лампочка зажглась. Чтобы в человеке вспыхнул погасший когда-то свет, возможно, понадобится не меньше труда. Ваши усилия могут совершить не менее величественные открытия в вашем ребенке – и это прекрасно!

Хороший воспитатель – всегда терпеливый исследователь в лучшем смысле этого слова. Вы познакомились с программой обучения, позанимались с ребенком, вы читаете педагогические книжки и раздумываете над воспитательными проблемами вашей семейной жизни – значит, вы неизбежно становитесь исследователем.

Воспитание детей все очевиднее становится у нас неотъемлемой частью духовной жизни человека, общества в целом. Здесь дело не только в возросшем чувстве родительской ответственности, хотя и этот фактор нельзя не учитывать. Главное – настоятельная потребность правильно воспитывать, передавать свой опыт младшим, в чем-то учиться самому.

Если вы всерьез хотите добиться успеха, настройтесь на длительное общение с детьми. И если у вас первая попытка обернулась неудачей, сделайте вторую попытку, возможно, на другом учебном материале. И если снова не получится, не кивайте раздраженно на учителей: «Пусть они и учат!»

Повремените немного и тщательно продумайте следующий свой заход. Но ни за что не отступайте от задуманного.

9. Не забудьте посоветоваться с учителем

Если ваш ребенок плохо учится, если он педагогически запущен, то вам неловко лишний раз (без вызова) появляться в школе. Но очень важно, чтобы вы пришли к учителю, когда ребенок хоть чуть продвинется вперед. И это продвижение может стать хорошим поводом для педагогического разговора. Цель вашего прихода будет ясной и точной. Вы пришли, чтобы поставить педагога в известность, что намерены заняться со своим сыном тем-то и тем-то. И вы хотели бы получить от него кое-какие советы: какие задачи решать, какие упражнения выполнять и т. п.

10. Постарайтесь привлечь всех, кто сможет помочь вашему ребенку

Если ваш ребенок заболел, вы бросаете многие свои дела и занимаетесь его лечением. Отставание в учебе – болезнь пострашнее гриппа, свинки или скарлатины. Отставание глубоко травмирует человека, делает его морально неполноценным. Чем сильнее заболевание, тем энергичнее вы ищете врачей-специалистов, консультантов, чтобы быстрее вылечить своего ребенка. Если же вы хотите, чтобы ребенок стал лучше учиться, надо использовать, кроме своих усилий, все, что может помочь ему.

Школьные товарищи, учителя, родственники – все те, кто может оказать конкретную реальную помощь, должны быть привлечены. Единственное, от чего нужно оградить ребенка, – это от ненужного морализирования, бесполезных упреков. Иной раз школьный товарищ сделает больше, чем даже учитель и родитель. И это объясняется доверием к товарищу, уважением или любовью к нему, а порой и педагогическим даром этого товарища.

Но кого бы вы ни привлекали со стороны, все же помните, что вы тот главный человек, от которого зависит судьба ребенка.

11. Переход к самостоятельности должен быть незаметным

Разумное педагогическое руководство активизирует самостоятельность, в этом его основное назначение.

Взаимодействие взрослого и ребенка в процессе воспитания всегда должно быть двуслойным. Первый пласт – это ваше руководство. Он должен быть весомым, однако не чрезмерно, чтобы второй пласт – самостоятельность – развивался свободно. Если руководство многому учит, но приглушает стремление проявить самостоятельность, оно окажется малоэффективным.

Росточки самостоятельных действий всходят зачастую мгновенно, но они обладают необычайной хрупкостью, поэтому главное требование к развитию самостоятельности состоит в том, чтобы умело поддержать инициативу ребенка. Первые его самостоятельные попытки обычно бывают неудачны и ошибочны. Огорчаться ни ему, ни вам не следует. Ребенок имеет право на эти ошибки, без них не может быть полнокровной детской деятельности. Одна из задач учения как раз и состоит в преодолении ошибок.

Разумное педагогическое руководство активизирует самостоятельностъ, в этом его основное назначение.

В сочетании педагогического руководства и детской самостоятельности возможен и некоторый негативный момент. Ребенок привыкает к руководству, наблюдению и склонен проявлять самостоятельность только в присутствии взрослого. Надо постепенно приучать ребенка к подлинной самостоятельности. И только когда он научится свободно ориентироваться в материале под вашим руководством, переходите на поощрение полностью самостоятельных действий.

Помните, что учение неотделимо от общего самочувствия ребенка.

В общении с ребенком, начиная с предельно малого и обязательно выполнимого, вы формируете потребность деятельности. Деятельность, если она основана на трудовом самостоятельном усилии и связана с радостью и удовольствием, обязательно развивает дружеские, деловые взаимоотношения, имеющие свое немалое воспитательное значение в образовании нравственных начал и в развитии познавательных способностей детей.

Если ваш ребенок что-то малое выполнил на пятый или десятый день самостоятельно, то он тем самым изменил свое отношение и к себе, и к вам, товарищам, учителю. Эти изменения пока что лишь наметились. Но они есть. А если набралось двадцать или тридцать таких выполненных им самостоятельно микродел, то самочувствие ребенка резко изменится. Он на какое-то время задерет нос. Но вы не торопитесь его одергивать: пусть получит удовольствие от своей первой победы. Через некоторое

время это детское и вполне естественное бахвальство пройдет.

Вам его уверенное самочувствие чрезвычайно важно. Но относитесь к потенциалу уверенности как к сырью, из которого предстоит еще что-то делать. Надо, чтобы вновь обретенное чувство не перешло в самоуверенность. Чтобы энергия веры в себя сказалась и в других видах деятельности. В каких, спросите вы? Прежде всего в труде. Используйте в качестве перерывов между занятиями, как разрядку, какую-нибудь работу. Попробуйте сказать так: «Вот мы здорово сейчас позанимались, а теперь давай вдвоем приготовим чего-нибудь поесть. Ты сходи за хлебом и молоком, а я поджарю котлеты. А если хочешь, наоборот?» Если ребенок откажется от предложенной альтернативы, скажите ему: «Ну ладно, отдохни. А потом мы с тобой уберем квартиру…»

Используйте в качестве перерывов между занятиями, как разрядку, какую-нибудь работу. Попробуйте сказать так: «Вот мы здорово сейчас позанимались, а теперь давай вдвоем приготовим чего-нибудь поесть. Ты сходи за хлебом и молоком, а я поджарю котлеты. А если хочешь, наоборот?»

Одним словом, ваша совместная работа, а точнее, ее методы должны перенестись и на общее за пределами учения. И наоборот, та радость, которую вы испытываете с ребенком на прогулке, в театре, в кино, в походе, должна перенестись в сферу ваших с ним занятий.

12. Не забывайте чередовать занятия ребенка с пребыванием на воздухе, с физическими упражнениями

Забота о здоровье включает в себя несколько важных моментов. Это и питание, и режим сна, и движения, и пребывание на воздухе. Результаты специальных исследований вырисовывают довольно привлекательную картину жизни городских школьников: они мало бывают на воздухе – вместо 2–3 часов – 30–40 минут. Вместо 2–3 часов гимнастики и труда в день – 20–30 минут случайных нагрузок. Такого рода отклонения ведут к тому, что организм становится неподготовленным для творческой умственной работы. Поэтому насколько возможно постарайтесь помочь ребенку сохранить и бодрость в теле, и ясную голову. Приобретите физкультурные снаряды (гантели, гири, скакалки, эспандер и т. д.), устройте в комнате один ряд

шведской стенки, укрепите перекладину. Даже если ребенок будет не систематически заниматься физкультурой, а лишь от случая к случаю (скажем, когда придут товарищи), и то от таких занятий будет большая польза.

Одной из приятных особенностей в многодетной семье Бориса Павловича и Лены Алексеевны Никитиных мне показалось то, что в их доме специально спортом никто не занимается. Но в тот день, когда я был у них, двухлетняя Лена по шесту поднялась до потолка и спустилась, наверное, около двадцати раз. А другая девочка только в течение часа несколько раз забиралась в укромное местечко, которое названо «гнездышко», – это маленький гамачок под потолком в коридоре. В «гнездышке» можно, удобно устроившись, почитать книжку, подумать. Но забраться туда и слезть физически неподготовленному ребенку не так уж просто. Во дворе есть гигантские шаги, перекладина, качели. И дети без напоминаний, по собственному желанию выбегают на пять-шесть минут к снарядам. За это время их организм получает достаточную нагрузку, которая способствует более высокой продуктивности умственных занятий и хорошему самочувствию вообще.

13. Старайтесь развивать в процессе совместного общения чувство собственного достоинства у ребенка

Социальные психологи установили такие закономерности: человек, который думает о себе как о никчемном, не способном ни на что, слабо включается в работу, чтобы улучшить свое собственное положение. И наоборот, человек с высокой самооценкой склонен работать напряженно, максимально использовать свои возможности, считает для себя недостойным спасовать перед трудностями. Чувство собственного достоинства является своеобразной мерой развитых способностей, мерой самочувствия, статуса и самооценки личности.

Чувство собственного достоинства является своеобразной мерой развитых способностей, мерой самочувствия, статуса и самооценки личности.

Ребенок с высоким чувством собственного достоинства ориентируется на тип поведения, который может быть выражен так: «Я это тоже смогу сделать, раз другие смогли».

Ребенок с пониженным чувством собственного достоинства ориентируется скорее на поведение, выраженное таким заявлением: «Я этого никогда не смогу сделать». Он особенно

чувствителен к различным отрицательным оценкам его деятельности. Он может не отреагировать на замечание, но тем не менее оно его сильно задевает. Если ему говорят: «Ты это неважно сделал», – у него сразу возникает решение: «Я вообще не буду этого никогда делать». Когда ему замечают: «Ты мог бы это лучше сделать», – он воспринимает эту оценку болезненно, и у него тут же опускаются руки. Появляются апатия и безразличие ко всему на свете.

> Особенность высокоразвитого чувства собственного достоинства как раз и проявляется в широте и щедрости души. Если слабый духом срывает зло на других, когда ему тяжело, то сильный и благородный человек становится тоньше и чувствительнее к другим в минуты своего горя, своих неприятностей.

Если ребенок с низким уровнем собственного достоинства прекрасно справился с какой-нибудь работой, а на это никто не обратил внимания, он чувствует себя обиженным. И как бы в отместку он решит: «Ну и не буду больше». Такому ребенку кажется, что он готовит уроки не для себя, а для других.

Неудовлетворенный тем, что его собственное Я не находит возможности для реализации, он создает свое иллюзорное Я, предаваясь несбыточным мечтам, фантазиям. Он часами может видеть себя сильным, смелым, уверенным. Он может рисовать причудливые картины своего самого активного участия в жизни (и все это в процессе реальных дел на уроке, дома за учебниками, книгой).

Если к низкому уровню собственного достоинства ребенка прибавляются еще и принижение личности, упреки, насмешки, оскорбления, то при таких условиях в нем может развиваться чрезвычайно опасный процесс накопления «силы отмщения». Ребенок втайне начинает вынашивать такую мысль: «Вот я вам скажу!» – и ждет своего часа. Ждет, чтобы отомстить товарищу, который недостаточно ценит его как личность. Ждет, чтобы что-то доказать своим родственникам (брату, сестре, теткам, которые посмеиваются над ним). Ждет, чтобы доказать учителям, что они были не правы в оценках его знаний и поведения.

Иногда такого рода ожидания могут привести ребенка к серьезной решимости преодолеть рубеж заниженного чувства собственного достоинства и сделать «скачок». Но чаще всего такая тенденция ведет к накоплению потенциала недоброжелательности к окружающим. И ребенок, повзрослев, даже помимо своей воли (не исключена и такая возможность), будет «излучать» жесткое поле недоброжелательности,

озлобленности, которая накапливалась годами.

У ребенка с высоким чувством собственного достоинства нет такой надломленности и разорванности психики и весь уклад жизни строится на иной основе.

Ему незачем лгать, унижаться, бояться наказаний. Если у него в дневнике появилась плохая отметка, он знает, что его дома за нее, разумеется, не похвалят, но и не станут наказывать. Он расскажет, как и за что он получил двойку, потому что в доме принято рассказывать и о неудачах. Он поступит так, как поступает отец или мать, у которых тоже бывают неприятности.

Он не падает духом, когда случаются невзгоды. Он переживает, как всякий, кого постигла неудача, но эти переживания не выбивают его из колеи. Он не сомневается в своей способности найти выход из затруднительного положения. У него сложились свои стереотипы поведения в трудных ситуациях. Он ищет и устанавливает контакты с теми, кто может ему помочь в достижении цели.

Он даже в трудных для себя обстоятельствах готов помочь другим. Особенность высокоразвитого чувства собственного достоинства как раз и проявляется в широте и щедрости души. Если слабый духом срывает зло на других, когда ему тяжело, то сильный и благородный человек становится тоньше и чувствительнее к другим в минуты своего горя, своих неприятностей.

Держится такой ребенок со всеми на равных. И в среде тех, кто намного моложе его (поэтому его любят совсем маленькие дети), и в кругу тех, кто старше, – «на равных» со старшими; это и означает подлинное уважение к ним, он готов внимательно выслушать их, если уж очень с чем-то не согласится, то непременно скажет об этом и будет отстаивать свою точку зрения. Он готов помочь старшему. Прислушивается даже к тем советам, которые явно ему не по душе, делая для себя вывод: «Что ж, существует и такая точка зрения. Надо подумать, почему она такая?»

Он ведет себя с достоинством в любой компании, так как уверен в том, что его нельзя проигнорировать, не заметить. Он не сомневается, что к нему отнесутся с должным уважением.

14. Помогите ребенку увидеть себя таким, каков он есть на самом деле

Если десять человек станут давать характеристику одному

и тому же ребенку, она у всех будет разная, вернее – с разных точек зрения. Учитель оценит его с позиций выполнения школьных требований. Бабушка и дедушка скажут, насколько он добр и послушен, аккуратен и трудолюбив. Ровесники будут судить прежде всего по тому, как он выполняет «групповой кодекс» чести: готов ли выручить товарища, в какой мере на него можно положиться и т. д. Одни будут говорить о недостатках, другие – о достоинствах.

С какой же правдой «о себе» (о его, ребенка, собственном «я») нужно познакомить растущего человека? Ведь он растет. Сегодня – он один, завтра – другой, послезавтра – совсем иной. Рассказать ребенку всю правду о том, каков он есть на самом деле, – значит раскрыть ему его истинные возможности, приблизить ребенка к пониманию его движения к своей собственной идеальной модели. Надо столкнуть то реальное, что есть в ребенке (возможно, даже с примесью отрицательного), с тем, чего можно от него ждать.

> Дети зачастую не представляют себе, на что способны.

Дети зачастую не представляют себе, на что способны. Они меряют себя чужими оценками. Смотрите, что получается. Многие ребята учатся на «3» и «4». В школе им дали характеристику – негласную, разумеется, – что они так себе, почти посредственность. И дома свыклись с такими выводами: «Ну что ж, раз нет особых способностей…» И у ребенка на основе такого негласного единства (это не сговор, а просто обобщение на уровне здравого смысла) складывается о себе такой Я-образ: «Значит, я родился без способностей. Значит, не всем дано. Значит, мне в жизни не повезло». И он дополняет свой образ выводами, впрочем, выводами тайными, подчас грустными: «Я еще и некрасивый (кстати, даже самые красивые дети очень часто страдают именно от такой мнительности), меня никто не любит».

Вряд ли можно с ходу разрушить эти сложившиеся Я-образы. Но надо непременно подвести ребенка к тому, чтобы он имел возможность увидеть себя и в другом свете, осознать свои сильные стороны, свои не оцененные им самим достоинства.

15. Не мучайте ребенка своей подозрительностью, недоверием

– Что-то она опустив голову идет, – говорит мама, –

в последнее время стала меня часто обманывать.

Я смотрю в окно: медленно, понуро идет девочка, в одной руке – сумка с обувью, а в другой – портфель. Руки без перчаток. Ветер осенний, резкий, порывистый. Это Ася. Она улыбается чуть застенчиво. Чуть приветливо. Чуть с надеждой…

А до этого мама с тревогой в глазах рассказывала: «Я заметила, как дочка стала меня обманывать. И придумала такую игру: Ася, давай ходить по квартире и останавливаться на том месте, где ты меня обманула. И каждый раз ты будешь загибать по пальчику. И вы знаете, пять пальцев были загнуты! Я ей ничего не сказала…»

Слышу, как мама разговаривает с Асей.

– У тебя что-то случилось?

– Ничего не случилось.

– А почему ты на меня так смотришь?

– А как я смотрю?

– Глаза прячешь…

– Я не знаю, почему так получается.

– Может быть, плохую оценку получила?

– Нет, меня не спрашивали…

– А как ты себя чувствуешь?

– Хорошо чувствую.

> Интересоваться жизнью ребенка надо, это верно. Но надо еще уметь быть деликатным в обращении с детьми. Ребенок растет, он вынашивает свое внутреннее «я», прислушивается к нему, оберегает его как своеобразную суверенную силу. Силу, которая созидает душу ребенка, одухотворяет его жизнь.

Потом, когда Ася уходит в магазин за продуктами, мама мне говорит:

– Вот и сейчас меня обманывает. Что-то скрывает. Я ведь чувствую.

Мать всегда чувствует что-то неладное. Кому, как не матери, чувствовать, что делается с ее ребенком! А с двенадцатилетним мальчиком или девочкой ежедневно творятся самые необыкновенные истории. Одна девочка рассказывала о своей большой обиде так: «Я шла по дороге с подругой Верой. И я споткнулась и упала. А Вера стояла и смеялась».

И представьте себе, что это было не просто разочарование в подруге. Это было горе. Девочка плакала, никому ничего не рассказывая. И ее мама тоже говорила, что с девочкой что-то происходит. И допытывалась. И настаивала. А девочка молчала. Расспросы еще больше повергли ее в уныние.

Другой случай. Девочка много думала о мальчике из соседнего класса. О своем чувстве она рассказала подруге. А подруга возьми и влюбись в того же мальчика. И девочка расценила это как «жуткое предательство». Вроде бы ничего особенного не произошло. А для девочки – трагедия. И снова мама допытывается: «Что случилось?»

Интересоваться жизнью ребенка надо, это верно. Но надо еще уметь быть деликатным в обращении с детьми. Ребенок растет, он вынашивает свое внутреннее «я», прислушивается к нему, оберегает его как своеобразную суверенную силу. Силу, которая созидает душу ребенка, одухотворяет его жизнь. Этот глубоко интимный мир раскрывается лишь сам по себе. В него нельзя грубо вторгаться. От этого он искажается. Ребенок начинает лгать. Под пристальным жестким взглядом недоверия и подозрительности испепеляется уважение ребенка даже к самым близким людям. Ребенок не в состоянии долго хранить тайны. Он испытывает острую потребность рассказать и поделиться всем, что его мучит, волнует. Не лишайте себя радости быть первым человеком, к которому придет ребенок и за советом, и просто с рассказом о своих тревогах, сомнениях.

16. Помните, что подражательная способность ребенка так же естественна, как и творческая

Кому и в чем подражает ваш ребенок? Допустим, что вы не обнаружили конкретного лица. Вполне вероятно, он подражает той среде, в которой живет и учится, многим или нескольким сверстникам сразу! Он стремится, чтобы у него все было, как и у всех. По крайней мере, не хуже. Чтобы сумка – такая, как у всех. Чтобы джинсы, и куртка, и шапка, и ремень, и рубашки, и ботинки – все, как у всех. А уж походку, прическу, манеру говорить, задавать вопросы, отвечать, смеяться – все это он сам постарается отработать. Он-то уж точно разбирается в этом.

Так кому же он подражает?

Отвечаю: своему поколению. Если разделить детей на возрастные группы, то вот что примерно получится.

Поколение второклассников. О чем-то думающее, пытливо всматривающееся: рот раскрыт от удивления, глаза расширены.

Поколение пятиклассников. Быстрота и натиск, некогда сосредоточиться. За косичку – дерг! По голове – бах! Портфелем – шарах! Уроки не выучил – а черт с ними, успею! Все ему нипочем – этому бездумному, беспокойному, неистовому племени: всадники без головы, команчи, путешественники

в Туманностях Андромеды и в недрах земли!

Поколение восьмиклассников. Первые признаки важничанья. Контуры чего-то нового, зыбкого, ломкого. Недотроги. Обиды и огорчения: ах, как страдает оттого, что слишком худа, оттого, что слишком толст, оттого, что бледен, румян, оттого, что прыщи. И всякие воображаемые ситуации. И придуманные истории. И так хочется подружиться, и нет друга. И так горько оттого, что тебя никто не понимает. И учиться надо. Надо и «выглядеть». Так озабочен своей внешностью, что готов с зеркалом спать. И расческа появилась новая, и платочек новый, и зубная щетка изнашивается в пять раз быстрее, чем у взрослых.

Поколение десятиклассников. Был мальчишка, стал мужчина. Когда только и вырос! Уже выше отца. Ботинки 44-го размера! Голос – бас! И знает себе цену, говорит спокойно, рассудительно. И мудрее отца с матерью. Не так он будет жить: и экономнее, и разумнее, и интереснее. И пить не станет, и курить не станет. И такую дорогую вещь не станет покупать – зачем лишние расходы. А вроде бы никто и не учил экономии. И честность абсолютная: «Вот еще десять копеек осталось». – «Возьми себе». – «А зачем мне?» И книжки читает. И с девчонками запросто. Так же, как с мальчишками. Никаких комплексов. Никаких тревог. Может быть, это лишь со стороны, внешне? Ну, конечно, внешне. На самом деле всё круто замешано. Всё на пределе. И с девчонками. И с учителями. И с размышлениями о смысле жизни. Всё в ожидании. Всё на острие. И ох как нуждаются в помощи!

Каждый в своем поколении уникален. И каждый несет много общего, присущего только этому поколению. Наверное, у каждой возрастной группы есть свой идеал, общая модель такая. Поколение неоднородно. У сельских десятиклассников будет один тип для подражания. У одной группы их городских сверстников – совершенно иной. У другой группы эталоны абсолютно не схожи с первой.

Дети не могут не подражать. Подражая, они приспосабливаются к условиям среды. К тем стандартам, которые доминируют в данной группе. Если все пятиклассники ходят в длинных брюках, то одному ходить в коротких будет ужасно неловко. Он будет настаивать, чтоб ему купили такие брюки, как у всех. И родители обязаны пойти навстречу. Я знаю случай, когда сын надолго обиделся на своих родителей за то, что они ему не покупали джинсы, а покупали хорошие, дорогие шерстяные брюки, которые он измазывал и рвал на следующий день…

Ребенок бессознательно подражает во многом – в выборе

книг, одежды, музыки, форм поведения. Скажите ему: «Это очень хорошо, что ты стремишься подражать своему кругу товарищей. Но человек ценен не подражанием, а чем-то своим, особенным. Попробуй задуматься над тем, что тебе на самом деле нравится. И попробуй отличить это «свое» от того, в чем ты подражаешь другим». Пусть поломает голову. Повторяйте почаще в разных вариациях такого рода предложения. Они обязательно что-то оставят в сердце ребенка. Я помню, как мать говорила сыну: «Ну, этому тебя отец научил, этому – я, а этому – учитель. А вот чему ты сам научился?» Прекрасный вопрос!

В селе Прелестном Донецкой области жил третьеклассник Юра Сидоров. Его дедушка Николай Тихонович часто повторял: «Вот ты выучился играть на баяне. А попробуй что-нибудь сам сочинить». И Юра сочинял. Получались у него красивые грустные мелодии. Пусть он не станет композитором. Но он этим сочинительством открывает для себя совершенно новый мир. И это обязательно скажется в чем-то другом. Придаст ребенку больше уверенности, разовьет его чувства. И вот в этом пусть все дети подражают друг другу – в поиске наиболее близкого их сердцу и вкусу.

17. Остерегайтесь «перезащищенности» ребенка

Чувство собственного достоинства ребенка – всегда отражение стиля жизни семьи. Если ребенка дома любят, уважают и по заслугам, не перехваливая, оценивают его поведение, то он растет уверенным в себе человеком. Если в семье складывается такой стиль жизни, когда кто-то дискриминируется (дедушка, бабушка, младший брат), то такой стиль отношений непременно отрицательно скажется на воспитании ребенка. Он обязательно вберет в себя эти практикуемые в семье формы неприязни. Если в семье утвердился авторитарный стиль общения (кто-то один безраздельно властвует и злоупотребляет своей властью) или к ребенку относятся как к собственности: «Пусть делает то, что я хочу», такое отношение неизбежно формирует негативные свойства характера – жестокость, неполноценность, равнодушие и неуверенность в себе. Ребенок в семье иной раз усваивает шаблоны поведения, которыми вряд ли ему удастся воспользоваться в общении с друзьями, на улице. А если воспользуется, то ему придется через каждые полчаса бегать в дом и говорить, что с ним играть не хотят, что его опять кто-то ударил.

Тот разрыв, который образуется между воспитанной дома вседозволенностью и непозволительностью в иной среде, рождает

неуверенность, неполноценность. И так как ребенок не в состоянии разрешать образовавшиеся противоречия, то он оказывается в крайне критическом положении. С ним случаются частые истерики, развивается мнительность, недоверие.

Мы взяли крайний случай «перезащищенности». Но всякое тепличное (нетрудовое, без должных физических нагрузок и напряжений, без чувства ответственности) воспитание ведет к образованию отрицательных черт характера.

> Если ребенок, заигравшись, забыл во дворе куртку, а за окном сейчас темно и дождь и вы предлагаете ему все-таки пойти одному (вопреки страху) и поискать куртку, вы поступаете правильно, ибо вы защищаете ребенка от его же собственного страха.

Важно в условиях гарантированной защищенности личности ребенка воспитывать сильного человека – трудолюбивого, бесстрашного, честного, доброго. Можно ли в связи с этим сформулировать хотя бы самые общие правила?

Думаю, да.

Если ребенок, заигравшись, забыл во дворе куртку, а за окном сейчас темно и дождь и вы предлагаете ему все-таки пойти одному (вопреки страху) и поискать куртку, вы поступаете правильно, ибо вы защищаете ребенка от его же собственного страха. Ему необходимо побороть себя и справиться с этой свойственной всем детям боязнью темноты и т. д.

Если ребенок не выполнил урок и вы разбудили его на час раньше (а ему так хочется поспать, и вам так жалко его будить!), то это не значит, что вы ущемляете его как личность. Напротив, вы боретесь за его защищенность в классе. Он будет знать урок и без страха будет сидеть за партой.

Если в воскресный день вы не разрешаете ребенку пойти в кино до тех пор, пока он не уберет комнату, – вы поступаете правильно, поскольку вы воспитываете в нем ответственность и дисциплинированность, которые очень часто являются следствием защищенности Диалектика защищенности состоит в том, чтобы ребенок не чувствовал себя в привилегированном положении сравнительно с другими. Чтобы защищенность его складывалась не за счет незащищенности других. Поэтому если от вседозволенности (когда хочу и куда хочу пойду, мне безразлично, что скажут другие) страдаете вы (ребенок ушел, и вам приходится за ним убирать), то в таком случае уже ваша незащищенность непременно дурно скажется на воспитании ребенка.

18. Учите ребенка деловому расчету и разумной практичности

Деньги тоже воспитывают. Пренебрежительное отношение к проблеме денег часто ведет к двоякому роду просчетов. У детей может воспитаться иждивенчество и нежелание знать о возможных экономических трудностях семьи. И другая крайность – деньги могут воспитать алчность, зависть, стремление к накопительству.

С самого раннего возраста необходимо вводить ребенка в круг хозяйственных забот семьи. Ребенок должен знать семейный бюджет, «примерную смету» жизни семьи в месяц, в день. Он должен знать стоимость основных продуктов: хлеба, масла, молока, мяса, рыбы, овощей, кондитерских изделий. По мере развития ребенка надо посвящать в «ценностный мир» вещей (стоимость одежды, обуви, телевизора и т. д.). Он должен быть в курсе того, сколько средств уходит на ремонт квартиры, на проведение отпуска, пошив отдельных вещей, на различные приобретения…

С самого раннего возраста необходимо вводить ребенка в круг хозяйственных забот семьи. Ребенок должен знать семейный бюджет, «примерную смету» жизни семьи в месяц, в день. Он должен знать стоимость основных продуктов: хлеба, масла, молока, мяса, рыбы, овощей, кондитерских изделий.

19. Приучайте ребенка к домашнему труду, вводите его в экономику семьи

Ребенок должен знать прожиточный минимум семьи, участвовать в ведении домашнего хозяйства и в случае временного отсутствия или болезни родителей уметь заменить их в выполнении основных домашних функций: закупке продуктов, приготовлении пищи, уборке квартиры, маленькой стирке и т. д.

Существует мнение, что детей, напротив, не стоит учить деловому расчету, что они, как правило, и так прекрасно знают, что почем. Это верно. Дети у нас бывают по-своему расчетливы. Но их расчетливость зачастую направлена на удовлетворение своих личных потребностей: они подсчитывают свою карманную мелочь, одалживают деньги друг другу, иногда что-то продают, меняют, одним словом, ведут свое собственное «хозяйство». Но я сейчас говорю о другом. Не о развитии собственнических инстинктов и той излишней расчетливости, которая способна

разъединить взрослых и детей. Я говорю о той коллективистской силе, которая заключена в разумном деловом расчете, направленном на улучшение жизни семьи.

Если ваш ребенок заработал летом деньги и ничего не купил своим родителям, а израсходовал все только на себя – это уже сигнал тревоги.

Если ваш ребенок заработал летом деньги и ничего не купил своим родителям, а израсходовал все только на себя – это уже сигнал тревоги.

Если ваш ребенок принес заработанные деньги (даже несколько копеек) в семью и отдал их маме, пусть сам этот факт будет маленьким семейным праздником. И когда деньги будут истрачены на дело, об этом должно быть сказано: «Вот это молоко мы купили на заработанные Колей деньги». Или: «Вот этот пирог испечен на продукты, которые куплены на Танин заработок».

Если ваш ребенок заработал сравнительно крупную сумму, надо вместе, сообща подумать, на что истратить эти деньги. Сам факт такого разговора будет иметь большое воспитательное значение.

20. Стремитесь воспитать сильный характер

Понятие «сильный характер» несколько скомпрометировано тем, что в это определение вкладывался некий суперменовский смысл. Сила ассоциировалась либо с деятельным бездумным невежеством, либо с утонченно-карьеристским делячеством, враждебным нежнейшим струнам человеческих устремлений.

В понятие «сильный характер» я вкладываю как бы два основных содержания. С одной стороны, это способность понимать и чувствовать мир прекрасного (доброту, справедливость, красоту труда), а с другой – готовность и умение защитить этот мир. Способность противостоять злу.

В понятие «сильный характер» я вкладываю как бы два основных содержания. С одной стороны, это способность понимать и чувствовать мир прекрасного (доброту, справедливость, красоту труда), а с другой – готовность и умение защитить этот мир. Способность противостоять злу. Способность побороть зло. Для этого нужны и сила ума, и сила чувств, и сила действия, и сила критического расчета.

Когда мы говорим о сильной личности, мы неизбежно

возвращаемся к проблеме здоровья. Если ребенок с детства растет закаленным (не простужается от того, что ноги промокнут, легко переносит холод, ночует поздней осенью в палатке, совершает походы и т. д.), то эта закалка сделает его мужественным и физически крепким человеком.

Когда мы говорим о сильной личности, мы подчеркиваем и силу духа, и моральную стойкость, и силу убеждений.

Когда мы говорим о сильном характере, мы имеем в виду и остроту ума, и взлеты творческих способностей человека, которые делают окружающий мир ярче, а личность духовно богаче. Если ребенок растет умным и пытливым, постоянно «озадачивающим» себя и других, то такая направленность способствует и его собственному росту и меняет к лучшему то окружение, в котором находится этот ребенок.

Глава 3
Вечер

Я говорил со многими девочками и мальчиками. Со взрослыми говорил. Я спрашивал, какие часы в их детских рабочих буднях доставляли им больше всего радости. И многие отвечали: «Вечерние». Когда уроки сделаны, когда все тревоги дня позади и можно заняться чем-то своим, заветным.

1. Что главное в вечере?

Если нет у ребенка вечеров с теплыми бликами настольной лампы, с негромкими спокойными голосами, с красивой музыкой, с мягкими прикосновениями, с мирными беседами о событиях дня, такой ребенок многое теряет, а воспитание во многом проигрывает.

Что главное в вечере? Интимная сторона? Идиллическая освещенность завершения рабочего дня – этакая мягкая акварель в светло-голубых тонах? Отдых после двенадцати часов деятельности (уроки, общение – у ребенка, у вас – труд, семейные заботы)? Приготовление к завтрашнему дню? Без этого не обойтись, но это не главное.

Каковы слагаемые вечера? Наверное, без ответа на этот вопрос не очертить нам контуры трех типов сугубо «вечерних» отношений.

Идеальная модель. Время – с семи часов вечера до десяти: три часа отдыха, любимых занятий, сокровенных бесед… как их провести? Получасовая прогулка на воздухе с отцом, старшим братом или матерью? Это было бы прекрасно. Во время прогулки можно разобраться во многом. И ответить на вопросы дочери: почему Галя заплакала, когда учительница заподозрила ее в обмане? Почему мальчишки такие вредные: и грубят, и пристают, и не отделаешься от них? Почему не всегда можно говорить правду? Почему Наполеон был такой безжалостный, а его многие боготворили? Почему у Лобачевского параллельные прямые пересекаются? И этих «почему» бесконечно много. Если каждый вечер не отвечать на них, то их скопится больше, чем звезд на небе.

Итак, одно из звеньев идеальной модели: прогулка с ответами на вопросы. Потом ваш ребенок начинает заниматься интересным для него делом, возможно, он дочитывает захватывающий детектив, возможно, разучивает музыкальный

этюд, возможно, решает задачку, которую никто не решил на олимпиаде. Глаза его светятся, лицо горит, не надо его сейчас ничем отвлекать. Вы сидите и читаете книгу или газету. И вам спокойно. Вы рады тому, что ребенок вовремя закончил свои занятия, помог вам в чем-то по дому. Вы успеваете еще поговорить о завтрашнем дне, о том, кто чем займется с утра…. Позже вы на несколько секунд задерживаетесь у постели ребенка, гладите его по голове, целуете…

Средняя модель.

– А ну-ка, покажи, как ты сделал арифметику? – спрашивает отец. – Так, опять нацарапал как курица лапой. Что тебе еще осталось сделать?

– Еще географию и стихотворение не выучил…

– Когда же ты будешь учить?

– Сейчас.

Проходит двадцать минут. Отец и мать смотрят телевизор. Ребенок сначала застывает в дверях, потом потихоньку садится на диван рядом с отцом.

Отец спохватывается:

– Когда же будешь учить уроки?

– Сейчас, – отвечает сын и продолжает смотреть фильм. В девять он садится за географию. Мать и отец после чая спрашивают сына про зоны черноземные, про подзолистые почвы, – а сын ничего не знает. Отец сердится, мать расстроена.

Но наконец сын решительно берет учебник. И еще через час уроки готовы. Одиннадцать вечера. Сын ложится спать. Никаких поглаживаний по головке…

Негативная модель. Мать поглядывает на часы: десятый. Дочь в это время в подъезде беседует с подругой.

– Ты чего на секцию не пришла? Ну и дурочка ты!

– А что было?

– А такое было! Мы вышли и стали на улице изображать пьяных. К нам стали приставать даже. Смеху было!

– А чего Катя зареванная пришла?

– Ей сказали кувырок сделать! Ну ты ж понимаешь, на какой она кувырок способна! При ее-то толщине. Она не захотела. А мы стали смеяться. И она сбежала в раздевалку. Чего, спрашивается, реветь? Из-за чего? Ну пошутили! Что, пошутить нельзя?

Десять тридцать. Дочь осторожно входит в комнату. Мать поднимает с подушки голову:

– Где это ты болталась? Уроки небось не сделала…

– Сделала уроки. Чего поесть?

– Сейчас дам… – встает. Разогревает. Кормит дочь. После ужина дочь в постели листает журнал «Вокруг света». Листает,

пока не смыкаются глаза. Засыпает во втором часу. Свет остается невыключенным.

2. Постарайтесь вникнуть в проблему «единственный ребенок – класс»

Опыт показывает, что большинство трудностей возникает в семьях, где единственный сын или дочь. Причины этих трудностей разные.

Иногда ребенок начинает плохо учиться потому, что у него складываются неправильные отношения с учителем, со сверстниками. Как часто по вечерам родители, вникая в детские трудности, делают справедливые выводы: «Да как же так мог учитель? Вместе с классом стал смеяться над растерявшимся первоклашкой!» Или: «А где же коллектив, если ребенка обижают сверстники?!»

Система «единственный ребенок – класс» вбирает в себя многие социально-педагогические проблемы. То, что естественно и обычно для детей из многодетных семей, нередко становится опасным для единственного ребенка.

> Столкновение внутреннего мира ребенка с общеклассным «Мы» вызывает массу проблем, одна из которых наиглавнейшая: смогут ли развиваться индивидуальные способности маленького человека, или они будут подавлены?

Ребенок формируется в семье и приходит в первый класс с определенными ценностями. Наблюдения показывают, что в семье, где есть, скажем, старший брат, младшие, привыкшие к домашней компании, легче входят в коллектив класса, более защищенными вступают в контакт с другими детьми. При этом необходимо иметь в виду то неизбежное противоречие между ребенком и классом, которое возникает почти всегда.

Дело в том, что каждый семилетний человек приносит в коллектив свое специфическое мировоззрение. Столкновение внутреннего мира ребенка с общеклассным «Мы» вызывает массу проблем, одна из которых наиглавнейшая: смогут ли развиваться индивидуальные способности маленького человека, или они будут подавлены?

Проблема эта волнует педагогов, о ней немало пишут и говорят ученые, но, очевидно, почти в такой же степени она должна заботить и родителей. Единственный ребенок обычно более уязвим, поэтому при столкновении с коллективом он

особенно трудно преодолевает еще одно психологическое противоречие – между интересом и страхом. В чем оно заключается? Ребенок испытывает острую потребность не просто в общении, но даже в какой-то демонстрации своих способностей, всего того, что он умеет, чему научился до школы, вне ее стен. Вместе с тем все понимающий семилетний человек боится показаться смешным, поскольку видит, что класс не больно-то щадит чувства каждого в отдельности и легко высмеивает того, кто кажется ему не очень достойным внимания и уважения. Так возникает боязнь открыть себя, свой внутренний мир, причем опять-таки в первую очередь у тех, кто до школы находился в основном в кругу любящих, уступчивых взрослых.

Попав в мир сверстников, наши дочки и сыновья начинают тянуться друг к другу, но раза два-три обожгутся, попадут в конфликтную ситуацию, к которой в домашней, сугубо взрослой среде они не привыкли, и тут же с детской категоричностью принимают другое твердое решение: «Ну и не надо! Обойдусь без них». А «они» – это класс. Ребенок остается в одиночестве, что чревато самыми неблагоприятными последствиями. Не заполненное деятельностью длительное пребывание ребенка наедине с собой, как правило, ведет к различного рода нарушениям, вплоть до психических.

Что делать? Как быть в такой ситуации? Думается, выход единственный: надо помочь ребенку обрести такое общение, которое будет благотворно действовать на его развитие. Многие родители приглашают к себе в дом на воскресный завтрак, или на прогулку (в лес, на пароходе), или в кино, в театр сверстников своих детей. И от этого сверстники начинают несколько по-иному, более уважительно относиться к товарищу, статус которого был низким в коллективе класса или двора.

Желательно, чтобы родители сами ближе познакомились с товарищами своего ребенка. Это даст возможность подсказать сыну или дочери правильную манеру поведения в коллективе сверстников.

Одним словом, если родители захотят, они смогут помочь своему ребенку повысить свой статус в детском коллективе.

Есть и противоположный тип единственного ребенка. Привыкнув к общению со взрослыми, он набирается у них эдакой легкости в обращении с окружающими, излишней фамильярности, даже развязности. При столкновении со сверстниками это ведет к чрезмерному общению – вечным компаниям, сборищам. В конце концов такой ребенок, даже если и имеет хорошие задатки, попусту теряет время и возможность их развивать.

3. Вам необходимо выработать привычку разрешать главные проблемы детского общения

По вечерам, успокоенный несколькими «домашними» часами, ваш ребенок не очень-то стремится к осмыслению тех неприятных ситуаций, конфликтов, которые произошли с ним в школе. И хотя этого стремления нет, он все равно, может быть, в подсознании, занят своими раскладами отношений: «икс» снова лезет к «игреку», а «зет» так и не посмотрела в мою сторону, а «икс второй» снова стал мне угрожать». И хотя неизвестные вроде бы все известны, лабиринт взаимоотношений настолько сложен, что в нем легко запутаться и совершить ошибки.

Каждый вечер вы обязаны знать, что произошло с ребенком днем, ибо его тревоги могут быть настолько сильными, что в них утонет все: и занятия, и добрые замыслы, и надежды…

Помощь ваша должна быть конкретной.

– Сегодня Сушков опять, – рассказывает сын, – загородил рукой дверь, и каждый должен был выходить из класса, согнувшись…

– И ты тоже согнулся?..

– И я тоже, – признается сын. – У него брат большой…

Что вы должны сделать? Как поступить? Пойти к учительнице или к директору? Это вроде бы самое правильное решение. Но каково мальчику, которого пришла защищать мама? Не ущемит ли это ребячье самолюбие?

Если бы мой сын сказал мне, что он, боясь неприятностей, прошел в дверях согнувшись, я бы выразил свое огорчение. И если бы он спросил у меня: «А что я должен был сделать?» – я бы ответил: «Прорваться! Рискнуть, но не унизиться».

«Вас пятнадцать ребят, которые прошли под рукой Сушкова, – сказал бы я. – Если бы вы все вместе подошли к Сушкову и сказали: «Либо ты перестанешь издеваться, либо тебе здорово достанется», то он был бы вынужден уступить, и никакой бы брат ему не помог».

«Легко рассуждать», – сказал бы мне сын. И все-таки даже если бы он не поступил так, как ему советовали, все равно я заронил бы в его душу то зерно справедливого протеста, без которого не может быть нравственного воспитания.

4. Помимо чувствительности вы должны ориентировать ребенка и на воспитание душевной стойкости и чувства собственного достоинства

Естественно, что по вечерам, в свободные часы, идет не только процесс общения с детьми, но вырабатывается самими родителями как бы своя собственная микротеория воспитания, определяются главные направления семейной педагогики. Один из родителей так сформулировал важнейший воспитательный вопрос: «Как же гармонично совместить в одном человеке силу духа, душевную стойкость, закаленность с душевной же тонкостью, чуткостью, умением сопереживать?»

Конечно, сколько бы каждый из нас ни ратовал за необходимость воспитания доброты, чуткости, мягкости, он все равно по отношению к своему ребенку будет добиваться, чтобы наряду с этими качествами воспитывались еще и разумная практичность, умение постоять за себя и готовность с риском для себя защищать добро от зла. Но может быть, в таком случае речь идет лишь о мере: немножко жесткости, немножко доброты? Нет, конечно, дело сложнее.

Я знаю, что слишком добрые и чувствительные дети вызывают раздражение у некоторых сверстников. Знаю немало случаев, когда таких ребят били, отбирали у них деньги, шапки и т. д. Я даже знаю девочек, которые однажды не согласившуюся в чем-то с ними подругу избили до синяков.

> Из атмосферы любви, ласки, заботы, которые окружают его дома, ребенок, приходя в школу, попадает в мир динамических проявлений. В мир, где все кипит и где ребенок может столкнуться и с излишней строгостью, и резкостью, и даже жестокостью.
>
> Педагогу предстоит сложнейшая работа по «очеловечиванию» детского общения.

Из атмосферы любви, ласки, заботы, которые окружают его дома, ребенок, приходя в школу, попадает в мир динамических проявлений. В мир, где все кипит и где ребенок может столкнуться и с излишней строгостью, и резкостью, и даже жестокостью.

Педагогу предстоит сложнейшая работа по «очеловечиванию» детского общения. В чем она выражается?

В организации этого общения на основе духовных ценностей: взаимоответственности, справедливости, доброты, товарищества. В такой организации, когда коллектив способен заявить свое грозное и непримиримое «нет» насилию, неправоте.

В пробуждении и неустанном развитии добрых чувств. В воспитании доброты, но не абстрактной, а непременно проникнутой содержанием гражданственности.

…Передо мною последний план учебно-воспитательной

работы павлышской средней школы, написанный самим В. А. Сухомлинским. Рабочий документ. План на 1970/71 учебный год. Читаю. Раздел под названием «Воспитание элементарной моральной культуры». Обозначено 300 тем. Каждая развернута в виде афоризма. Вот некоторые из них.

…43. Кладбище – это человеческая святыня. Это не прах прошлого, а вечно живые корни будущего. Умей оберегать человеческую святыню. При виде могил своих предков равнодушным может остаться только негодяй или кретин.

…55. Старость не может быть счастьем, радостью. Это невежды выдумали слова «счастливая старость». Старость может быть покоем или горем. Покоем она становится тогда, когда ее уважают. Горем ее делают забвение и одиночество…

…173. Ты – будущая мать. Природой и обществом на тебя возложена огромная ответственность. Ты женщина, а подлинная женственность – это слияние нежности и строгости, ласки и непоколебимости.

Я специально выбрал столь, казалось бы, разные темы. Обратите внимание, как в них, в каждой, органически слиты гуманизм и гражданственность, человеческая доброта и общественные, социальные ценности. Это и есть гражданское воспитание, берущее свои истоки от народных традиций.

5. Надо уметь отличать подлинную коллективность от мнимой

Многие наши просчеты являются, как известно, следствием, продолжением (вернее, искажением) наших достоинств… Стремление к открытости, гласности – вообще говоря, достоинство – есть признак коллективизма. Но желание, ни с чем не считаясь, непременно коллектив сколотить (какое словечко, точно речь идет о ящике из досок!) породило у иных воспитателей целую систему бездумных педагогических действий. И как высшая педагогическая «находка» некоторых воспитателей – коллективные разбирательства и беспощадность ребят. Ученик на середине класса с опущенной головой, руки в карманах, переминается с ноги на ногу. Чей-то окрик: «Да ты встань, как положено!», и поощрительный кивок учителя: «А ты помоги ему встать, как положено», и резкое движение товарищей: руки вывернули – вот теперь «как положено», привели в норму. И начинается с учительского одобрения допрос с пристрастием.

Детям присуще стремление проявить свое общественное лицо. Прекрасно! Надо поддержать эту стремительную горячность. И в семье, и в школе. А непременное требование

порядочности, как бы сплавленное с гражданским порывом, и даст нужный и правильный нравственный результат воспитания.

Одна ученица заявила своим родителям: «Вы мне противны! Вы погрязли во лжи, корысти!» Учителя размышляли над педагогическим значением этого факта. Кто-то высказал мнение: «А не сделать ли этот факт достоянием общественности? Бороться – так бороться!» У меня от сердца отлегло, когда я встретился с этой девочкой, которая мне сказала, что она ни за что не оставит родителей, что она жалеет о своей горячности и постарается сделать все, чтобы помочь им стать иными… Запомнились мне и слова классной руководительницы: «У ребенка должно быть чувство сопричастности по крови, то есть он должен чувствовать голос родственной близости. Когда этот голос приглушается, возможны тяжелые последствия. Неслучайно в народе говорят как о самом страшном зле: «Отца родного не пожалеет»…»

В данном случае педагоги поступили правильно, не соблазнившись коллективным воспитательным мероприятием. Они позаботились о личности, о ее нравственном здоровье.

6. Воспитывая доброго и дружественного человека, вы воспитываете хорошего семьянина

Задавая себе вопрос, для чего мы растим своих детей, мы неизбежно отвечаем: для счастья, для труда. И как-то не решаемся еще поставить рядом с нашим ребенком такое большое и емкое понятие, как его будущая собственная семья. Но ведь когда-то придет и ее время.

Если вашей дочери пятнадцать лет, то уже скоро она может иметь свою семью, своих детей. И к этому ответственному назначению вы должны готовить ее. Готовить изо дня в день. Именно поэтому необходимо повседневно воспитывать в ней стремление выполнять любую будничную работу. Вы должны научить ее создавать уют для себя, для детей, для мужа.

Если ваши дети растут закаленными и выносливыми, если они готовы всегда, чего бы это им ни стоило, защитить слабого, если они во время вашей болезни заботливо ухаживают за вами, если они интересы семейного коллектива ставят выше своих личных желаний, то можете быть уверенными в том, что эти добрые отношения спроецируются на их собственную семью.

7. Несколько советов, вынесенных из практики воспитания

Вечер – всегда раздумья о завтрашнем дне. Сделайте максимальное, чтобы грядущее утро стало началом свершения счастливых событий.

Несколько будничных правил.

Нельзя острые этические разговоры с ребенком переносить на самое позднее время. Постарайтесь их закончить к семи-восьми вечера. За два последних часа перед сном ребенок должен успокоиться. Важно научить его обстоятельно готовиться к завтрашнему дню. Пусть он соберет книги, тетради, приготовит карандаши, ручки. Просмотрит одежду и, если надо, пришьет пуговицу или выгладит брюки. И, наконец, – вовремя лечь спать. Вечером, разумеется, нельзя допускать никакого перевозбуждения. Так, ребенок не должен смотреть по вечерам остросюжетные фильмы, в особенности детективного плана, с убийствами и расследованиями. Вообще на телевизор лучше отводить не более часа в день.

Ни в коем случае нельзя перед сном давать ребенку кофе или острые блюда, разрешать играть в азартные игры или рассказывать ему «страшные» истории и сказки. Если в вашей семье назрел конфликт и вам надо его разрешить между собой, подождите, когда ребенок уснет. Если у вас гости, постарайтесь ребенка уложить спать вовремя: он не должен перевозбуждаться от их присутствия и уж тем более быть свидетелем подогретых спиртными напитками откровений взрослой компании.

Несколько будничных правил.

Нельзя острые этические разговоры с ребенком переносить на самое позднее время. Постарайтесь их закончить к семи-восьми вечера. За два последних часа перед сном ребенок должен успокоиться.

Самое лучшее перед сном – прогулка на воздухе с разговором о завтрашнем дне, приготовление к новому рабочему утру. И здесь допустима некоторая «игра». Если вы ребенку скажете: «Ну что, спать? Или еще раз расскажешь мне заданное по географии?», он предпочтет первое – спать. Пусть уж укладывается с мыслью, что ему утром надо еще перед выходом в школу просмотреть этот не вполне усвоенный текст по географии. Пусть его голова будет чуть-чуть озабочена ожиданием завтрашних напряжений. В меру – это не страшно.

8. Проникновение в сущность детства помогает познавать и преобразовывать мир

В пионерских лагерях я неоднократно встречался с такими явлениями. Девочки не могли уснуть и просили воспитательниц: «Посидите немножко с нами», или: «А меня мама всегда целовала перед сном, и я засыпала…», или: «Расскажите что-нибудь».

В этих словах – не только естественная потребность ребенка в ласке, но и более высокая потребность в духовно обогащающем общении, желание услышать от другого нечто сокровенное, интимно-доверительное, снимающее как дневное напряжение, так и ту тревожность, которая порой колеблет уверенность ребенка в своих возможностях.

И как важно несколькими словами, ласковым прикосновением придать ему новые силы, которые развернутся завтра. Может быть, в этих словах должен прозвучать такой мотив: «Ты сегодня добился очень многого. Я даже поражаюсь, как тебе удалось взять себя в руки… Но, конечно, если бы постарался, ты бы смог еще лучше выполнить задание…»

> И желательно, чтобы в ваших действиях чувствовалась такая направленность, которая подводила ребенка к мысли: «Мама всегда понимает меня… Я завтра обязательно постараюсь доказать ей, на что я способен»…

И желательно, чтобы в ваших действиях чувствовалась такая направленность, которая подводила ребенка к мысли: «Мама всегда понимает меня… Я завтра обязательно постараюсь доказать ей, на что я способен»…

Однажды в пятом классе дети писали сочинение о дружбе, о своем лучшем друге. Миша писал, что он своим настоящим другом считает бабушку, потому что она умеет выслушать, понимает его. Я спросил: «Наверное, бабушка не так требовательна, как мама?» – «Нет, – ответил Миша, – мама часто говорит бабушке, что она чересчур требовательна ко мне, ничего мне не спускает. Но я все равно больше дружу с бабушкой, потому что она справедлива и хорошо слушает то, что ей говоришь».

В педагогике неоднократно подчеркивалось, что деятельность, и только деятельность, формирует личность. Но пусть в понятие деятельности входит и то интимное общение, в котором происходит освоение ребенком нравственных норм, понимание им своего долга перед родителями, школой, постижение умом и сердцем высокого духовного идеала.

Путь к этому идеалу – добрые и требовательные отношения с детьми, вера в творческие возможности ребенка.

В лучших традициях нашей педагогики всегда была вера

в светлое начало человека, было такое понимание доброты, которое не исключало требовательности, целесообразной строгости и уважения к достоинству ребенка. Эти традиции надо развивать в практике воспитания детей.

Часть VIII
Дети в бушующем мире

Глава 1
Не убий!

1. Гарантия защищенности детства и материнства – основа семейного воспитания

Сегодня эти гарантии порушены – и в этом трагизм и семьи, и растущего поколения.

Когда полыхал конфликт вокруг Нагорного Карабаха, я спрашивал у азербайджанских детей:

– Вы или ваши родители знают, почему идет война с армянами?

– Этого никто не знает, – ответил подросток. – И главное, никто не знает, как остановить убийства.

Девочка лет двенадцати заплакала:

– Моего братика и сестру убило снарядом, а дедушку с бабушкой, они были в подвале, засыпало землей…

Беседую с армянскими детьми. Они признаются:

– У нас никогда не было ненависти к азербайджанским детям. Вместе учились, играли, дружили.

Девять молодых армянских женщин, вычитал я из газет, бежали с детьми из азербайджанских селений. И каково было их горе, когда, ступив на армянскую землю, они услышали на родном языке:

– В жилах ваших течет не только армянская кровь, но и кровь этих выродков. Отдайте своих детей мусульманам, и мы примем вас!

– Мусульмане скорее убьют наших детей, чем возьмут их к себе! Будьте же милосердны к детям нашим: они ни в чем не повинны.

– Нет, не нужна нам кровь этих выродков! – ответили «христиане», должно быть, забыв завет апостола Павла: «От одной кровинки весь род человеческий».

Но и религиозные аргументы несостоятельны. Ровно две тысячи лет тому назад армян, как и евреев, также стремились истребить, вырезать, «изъять» из человечества. Как и сегодня, две тысячи лет тому назад потоками лилась кровь ни в чем не повинных детей, их пап и мам, дедушек и бабушек. Как и сегодня, две тысячи лет тому назад многократно повторяли заповеди Моисея, Христа, Будды – не убий! Повторяли и убивали, и запах крови пьянил народы, звал к новым убийствам, поджогам, грабежам!..

У меня дети спрашивают: «Это когда-нибудь кончится?» – и я не могу ответить. Я все-таки склоняюсь сказать: «Нет!», потому что в отрицании больше правды и реализма, чем в надежде с ее хрупкой неуверенностью.

2. Воспитательный процесс в семье нельзя приостановить, как нельзя приостановить приближение весны

В трудные годы XIX века в дворянских и крестьянских семьях читали историю Карамзина. В исторических фактах пытались найти ответы на острые вопросы жизни. Читали историю еврейского народа и античного мира. Совершали паломничества в Иерусалим и Мекку. Потребность духовного обновления люди удовлетворяли через соприкосновения с тайнами прошлой жизни. Сегодня у нынешних детей не стихает интерес к истории.

Когда-то я несколько месяцев проработал с подростками разных регионов: мы изучали историю революций, возрождений, реакций, духовных кризисов. Мы пытались ответить на глубинные вопросы нравственности: для чего живет человек? Для чего люди растят детей? Почему происходят войны, революции и кровопролития? Почему одни люди угнетают других, живут за счет чужого труда? Что такое паразитарные формы отношений?

> Часто думаю: школа и родители совершают антипедагогическую ошибку, оберегая детей от знания кошмаров – и той действительности, в которой мы живем сегодня, и полной людских трагедий истории человечества.

…Как я уже отмечал, первыми читателями моего романа «Паразитарий» были ребята – подростки, юноши. И мы вместе творили заповеди Любви и Свободы. Хочу еще раз подчеркнуть: мы руководствовались, в частности, глубочайшей мыслью древнегреческого философа Платона о том, что в душе каждого человека происходят те же процессы, что и в государстве. Считаю важным для всех, особенно для педагогов и родителей, проникнуть в глубинный смысл платоновского тезиса, поскольку происходящее в душах людей определяет ситуацию в государстве и наоборот – то, что происходит в стране, обусловливает состояние и «качество» человеческих душ. Если на глазах у подростков совершается вопиющая несправедливость и нельзя помешать беззаконию, – их протестующая нравственность,

их души наполнятся бунтарством и стремлением отвечать беззаконием на попрание закона. Либо они впоследствии сами примут и усвоят «правила игры», согласно которым «сила и деньги решают всё»…

Страница за страницей раскрывали нам чудовищное содержание тоталитарных режимов. В судьбе главного героя романа чистые, открытые к Добру ребячьи души видели накапливавшиеся тысячелетиями силы мирового Зла…

Часто думаю: школа и родители совершают антипедагогическую ошибку, оберегая детей от знания кошмаров – и той действительности, в которой мы живем сегодня, и полной людских трагедий истории человечества. Надо усвоить простую истину: не постигнув смысла Тьмы, невозможно полюбить Свет, его всечеловеческий, божественный смысл.

И опять задаемся вопросом: какие уроки извлекло человечество из своей истории за прошедшие две тысячи лет? Перестала ли, хотя бы на минуту, литься кровь невинных жертв, прекратились ли бесстыдства в виде предательств, клеветы, подлогов, лжесвидетельств, грабежей? Христос учил: «Нет ни эллина, ни иудея». Сегодня мы видим то же, что кровью начертано на скрижалях истории: безумные распри, ложь, ненависть, черная зависть к чужому успеху, полное равнодушие власть имущих к человеческой жизни…

3. Злобность, зависть захлестывают современную семью. Преодолеть эти дурные побуждения могут только Любовь и Всепрощение

По поводу всех наших бед высказывают нередко и такие доводы: «Это промысел Божий». Или: «Это проделки Сатаны».

Уроженец Калифорнии, связавший свою судьбу с православием, иеромонах Серафим Роуз в своей работе «Знаки явления бесов» писал: «Сатанинский дух, вселяясь в человека, требует крови, убийств, поджогов, смертей. Нередко человек с «сатанинской душой» действует как добротворец, как защитник человеческих прав, как проводник Божественных начал». Добавлю от себя: «Как демократ или демократка».

Живой большеглазый мальчуган обращается к обществу – к родителям, к школе, к педагогам, к государству:

– Чего вы хотите от меня? Что вы называете хорошим? К чему вы сами стремитесь? Мне нет дела до ваших заблуждений. Укажите мне прямую дорогу. Не говорите мне, что вы ненавидите, а скажите, что вы любите! Не говорите, что вы рушите, а скажите, что вы хотите строить! Только не торопитесь

ответить, взвесьте все. Детям ведь нельзя лгать.

А кто из педагогов может признаться этому мальчугану, как это сделал в одном из частных писем к Н. А. Корфу сам Ушинский:

«Чему мы должны учить теперь детей? – раздувать их народные страсти и народное самолюбие, вливать в них ненависть к чужеземцам, приучать стрелять и резать. Вот какие школы мы должны устраивать – и это неизбежно, необходимо. Вот куда повернули людей Наполеоны, Бисмарки и Вильгельмы – да поразит их кара небесная!..»

Учитель бьется, не зная покоя, учит детей премудростям науки. Но во имя чего?

Неужто для того, чтобы убивать своих братьев во Христе? Неужто для того, чтобы уничтожать все созданное людьми, человеческим гением?

А страсти, человеконенавистнические страсти раздуваются и слева, и справа, и со стороны русофилов, и русофобов, и от «консерваторов», и «прогрессистов» я слышу весьма ходовой упрек: «Да никакие они не прогрессисты! Жулики. Нажрутся, а потом сбегут», – и новый поток ненависти захлестывает семейные сердца, и никому нет дела до истинной религиозности, до истинного воспитания, когда на первом месте будет поставлено каждым: «Возлюби врагов своих, а затем уже желаемых близких и ближних!»

Надежда только на детей – другого выхода нет!

Могу предсказать конец войнам, распрям и кровопролитиям! (Об этом говорю детям.) Убийства кончатся, когда все станут считать войны тягчайшим злом, когда потребность во всепрощении станет истинным мировоззрением и вероисповеданием общества.

И тут разгорелся спор. Девочка, считавшая себя христианкой, сказала:

– Никакого всепрощения!

Другая девочка, католичка, прослушавшая курс какого-то американского проповедника, яростно стояла на своем:

– Бог милостив. Он всем все простит: и убийце, и проститутке, и грабителю, и сутенеру!

– А вы как считаете? – спросил меня юноша, внимательно следивший за спором своих одноклассниц.

– Не знаю, – признался я. – Мне все же ближе позиция всепрощения, хотя я категорически отрицаю как вседозволенность, так и безнаказанность.

А потом мне в голову пришла неожиданная мысль, и я

поделился ею с детьми.

– Между теорией и практикой всегда не только зазор, но и бездна. То, что излагается в теории, едва ли в сотой доли доходит до практики. Призывая к всепрощению, надо делать скидку на этот зазор: только сотая доля дойдет, как теперь говорят, до «получателя» информации. Поэтому призывайте к всепрощению, все равно душа человеческая так устроена, что она будет мстить и обижаться, лгать и жульничать. Зло повсюду подкарауливает наши добрые начинания. И если мы самое светлое, что есть в нас, будем утверждать в себе оговорками, то ничего, кроме темноты, от нашего светлого не останется! Жизнь всегда вносит коррективы в любые наши чаяния, гипотезы и в способы движения к ним.

Максималистские детские души не приняли моего совета: здесь есть ложь, а значит, изначально убита истина. Значит, погребенным оказался и завет: «Не убий!»

Я согласился с ними, и на душе сделалось теплее: они лучше нас, взрослых! Надежда только на детей – другого выхода нет!

4. Необходимо внушить детям неприятие любых форм человеческой разобщенности

У меня спросили дети: «А почему вы назвали так свой роман – «Паразитарий»?» Я ответил: «Считаю паразитаризм главным злом нашего отечества». Пояснил: я однажды спросил у нашего замечательного педагога Никитина: «Самый главный порок, нажитый за годы советской власти, – злобность! А вы как считаете?» Он ответил: «Главных порока два: лень и глупость». Я согласился с ним. Лень, тупость, жадность и потребительство составляют самую суть паразитаризма».

И наша новая заповедь в нашем Манифесте звучала так:

«Добывая в поте лица свой хлеб, учитесь у других народов самому великому учителю жизни – труду. Только труд, помноженный на любовь и свободу, способен вывести нашу страну из беды, а тело избавить от холода и голода».

– Никогда не забуду, – рассказывал я детям, – как однажды подъезжал к одной деревушке в Пермской области. Я ехал с лекциями, и сопровождавший меня партийный работник сказал:

– Сейчас увидите кусочек настоящей Западной Европы.

И мы действительно увидели чудо. Это было селение высланных сюда немцев. Великолепные дома, кафе, удивительное обслуживание, кофе в крохотных чашечках, бутерброды с семгой и полные достоинства люди – невероятный контраст окружающей

жуткой действительности: поваленные избы, голод и нищета, плач детей. А партийный работник рассуждал:

– Они как бельмо в глазу. Их, подлецов, сгрузили здесь и ничего, кроме лопат и топоров, не дали, причем здесь самая худшая земля: песок да камень, а они вон что отстроили, как в рожу нам плюнули…

Надо ли комментировать это высказывание?

Вот где истоки паразитаризма! Истоки ненависти и неприязни к другим народам! Злобная зависть!

Глава 2
Рынок и нравственность

1. С развитием рыночных отношений возникает опасность усиления безнравственных и даже преступных явлений в среде детей и молодежи

Увидев крохотного мальчонку-продавца в овощном ларьке, я неожиданно вспомнил слова Макаренко о том, что в нашей стране уже не найти ребенка, который мечтал бы о собственной лавочке.

А мальчику было лет тринадцать. Отец поставил его торговать огурцами, а сам отправился за другой партией. Мальчик еще не умел быстро умножать и иногда брал ручку и делал расчеты на бумаге. В очереди улыбались и терпеливо ждали. Потом я разговорился с ним.

– Что ты сам имеешь от торговли?

– Отец мне дает часть денег.

– И что ты собираешься на них приобрести?

– Мотоцикл.

– Ты не учишься?

– Бросил. Чтобы торговать и считать бабки, моих классов достаточно.

Рынок не только меняет жизненные ориентации и духовные ценности, он еще и изнутри корежит и преображает культуру, образование, все устройство семейного и общественного уклада. Вместе с рыночными отношениями вступают в жизнь и волчьи законы… поди разберись в них!

Слыхал, как на почве рыночных отношений подростки, не поделив доходы, едва не поубивали друг друга, а еще одного юнца исколотили в милиции так, что он едва добрался до своего дома. А у скольких детей отбирают заработанное! А как эксплуатируют их доверчивость! А какая злобность, зависть и трусость рождается в детях в жестоких схватках с нравами взрослых?! Сам видел, как побледнели, как стерлись до неузнаваемости лица подростков, когда к ним направился милиционер. В одну секунду они свернули свои бархатки со значками и медалями и спрятались за угол.

– Чего вы испугались? – спросил я. – Разве у нас не свободный рынок?

– Ага, – потянул носом один из них. – Про свободу только в газетах, а на самом деле за нами охотятся, как за последней

тварью.

– Кто?

– Во-первых, рэкет. А во-вторых, милиция. Мент всегда найдет повод, чтобы отобрать товар. У меня на прошлой неделе отобрали медали, которые я купил за полторы тыщи. А забрали за то, что я две медали продал иностранцам за немецкие марки.

– Ну и что?

– Нельзя, говорят, продавать за валюту.

– А взрослые своих матрешек продают и за валюту.

– Они отстегивают кому надо…

И потом один из них сказал фразу, над которой я долго думал:

– Вот встану на ноги, тогда создам свое что-нибудь.

– А как это «на ноги»? Свой ларек?

Оказывается, «встать на ноги» – это не только заработать первичный капитал, но еще и обезопасить себя; найти заступников, тех же рэкетиров, – это значит иметь возможность проглотить всех мелких торговцев, создать свою торговую сеть, организацию, не точку, а именно организацию: скупщики, экспедиторы, поставщики, добытчики и даже реставраторы, художники, дизайнеры…

В Древней Греции слово «рынок» было ругательным. Обозвать человека «вонючим рыбным рынком» означало крайнее, последнее оскорбление.

На прилавке золотятся мокрые красноперки.

– Двадцать рублей кучка, – говорит мальчик лет двенадцати.

– Сам ловил?

– Еще чего! Мое дело сбыть товар…

– Сколько тебе платят?

– Пятнадцать процентов.

– А почему бы тебе не продавать по пятнадцать рублей?

– А это все равно. Кому надо, тот и за двадцать купит. А кому не надо, тот и за пятерку не возьмет.

В одной школе разговорился со старшеклассниками. Рассказал о торговцах значками и рыбками. Скривились: мелкота. Бизнес надо делать крупно.

– Как?

– Ну, хотя бы партию кроссовок толкнуть, компьютеры, видео. А где взять? В этом проблема…

Поговорил с другой группой. Намекнул на то, что надвигаются страшные времена: голод, экологические беды, может быть, гражданская война. Наткнулся на яростный отпор:

– Чепуха! Сейчас самое лучшее время. Еще никогда не было у людей столько свободы: куда хочешь езжай, что хочешь делай,

можешь вообще не работать…

– Но откуда деньги брать, чтобы жить?

– Разве это серьезная проблема?! Деньги лежат повсюду – их надо уметь взять. Надо учиться зарабатывать.

2. Вторая надвигающаяся опасность – это понижение интереса к гуманитарному образованию, к проблемам духовной жизни людей

Думаю, что это понижение интереса – явление временное. Рыночные отношения, надвигающиеся экономические беды и нищета народа, конечно же, вытесняют потребность в духовно-эстетическом общении, но зато нельзя и не отметить того, что усиливается у молодых людей жажда веры и духовного обновления. В этих условиях семье важно наполниться истинно духовным содержанием: надо говорить о книгах, об истории своего и других народов, о культуре и искусствах.

Важно не расставаться с заветом Федора Достоевского: «Выгоднее всего быть честным человеком». Общаясь с молодыми людьми, я обратил внимание на две крайности в их душах. С одной стороны, отрицание нравственности, дескать, это все разговоры, а вот есть дело – это то, что надо. И с другой стороны, признание и религиозных ценностей, и абсолютных авторитетов – в Боге. Эти две крайности в железных тисках держат детей, и от семьи зависит, где и как будет найдена детьми та необходимая истинность поведения, которая позволит не утратить молодым людям высокой нравственности в выборе самих себя, вариантов своего поведения. А выбор этот всегда приходится делать. Спрашиваю у старшеклассников:

– Раньше самыми престижными вузами были гуманитарные. Вы как считаете?

– Кому сегодня нужна гуманитарность? Самые лучшие вузы – торговый, финансово-экономический и юридический…

– А юридический почему?

Улыбаются. Нет, не только доступ к государственным структурам дает юридический факультет: он открывает широкие просторы к предпринимательству и к тому, что раньше именовалось отвратительным словом «взятки».

– Мой знакомый юрист работает в трех малых предприятиях. Думаете, сколько он имеет? Двадцать, а то и тридцать штук в месяц. А один нотариус на оформлении наследств заколачивает по сорок тысяч в неделю…

– А вы знаете, что приватизация начинается с авоськи?

– Какой авоськи? – недоумеваю я.

– В которой деньги завернутые лежат. Так, тысяч сто-двести. Швырнул авоську в угол – и через пару дней приватизация готова. Все по закону! Честно!

И это говорится с абсолютным убеждением в том, что истинная честность сегодня выглядит именно так.

«Видоизменилась» нравственность? Нет! Утратилась. Исчезла и попрана. Этому попранию потакает печать: как же, рынок – панацея! Нравственно не то, что нравственно, а то, что полезно и выгодно. Был поражен, когда услыхал по телевидению проповедь бывшего лидера пионерского движения Симона Соловейчика, автора многих книг и статей «про пионеров» и про коммунарское движение. В проповеди настойчиво развивался тезис: «Нравственно то, что полезно. И правда не есть истина, а тоже то, что полезно!»

Я не против рынка, предпринимательства, кооперации и приобщения детей к новым формам экономического бытия, но я за то, чтобы не утрачивалось то, без чего не может быть настоящей кооперации – без того, чем так дорожат современные западные воротилы, – честного имени, духовных ценностей, доверия. Очевидно, надо широко вводить в школы и в вузы специальные курсы о незыблемости нравственных законов, о красоте духовных идеалов, об этике деловой жизни, кооперации и предпринимательства. Конечно же, само по себе чистое просветительство мало что может дать. Важнее, чтобы вся жизнь, все социально-экономические структуры, все средства информации были пронизаны мощным духовно-творческим содержанием.

3. Соотнесение отечественной культуры и современной народной жизни

Это особая проблема. Здесь важно по крайней мере не лгать, а сообщать детям правдивые факты, давать достоверную информацию.

У Бердяева читаю: «К. Леонтьев не верил в русский народ, как не верил ни в какой народ. Великий народ держится и процветает не собственной автономной стихией, а организующей принудительной силой»[15]. Значит, по К. Леонтьеву, не свобода и народность, а деспотически-разумная власть. Сравниваю ленинско-сталинское определение: «Диктатура пролетариата опирается на насилие, а не на закон». То есть насилие возводится в культ. Неправовое государство. Без свободы. И леонтьевское: народ наш любит власть больше, чем закон. Хороший «генерал» ему приятнее хорошего параграфа

устава. Любая конституция, как и любой парламент в России, приведут к пугачевщине, к голоду и разрухе.

У меня спросили дети: «Вы согласны с этим?» Я ответил: «Нет. Нужны хорошая конституция, хороший парламент и хорошие честные люди во главе реформ. С последним крайне трудно. Здесь есть некоторая психологическая закавыка. Особенностью наших, в частности, бесчестных граждан стало убеждение в своей абсолютной честности. Этому способствует рынок, собственнические тенденции: все дозволено. Не случайно и термин сочинен: *прихватизация…»*

Вторая особенность: каждый бывший «абсолютно честный» предельно активно гребет под себя. Тот же К. Леонтьев говорил, что в России не может быть честных людей, могут быть святые, но не честные. Предел и беспредел. Святая любовь к Отечеству, к Идее, к Самосожжению и обыденные безбожие, бунт, воровство, грабеж, безличный коллективизм, клановый деспотизм… Поистине: «Ты и обильная, ты и бессильная…»

Во многих семьях прочно живет здравый смысл: «Все воруют, поскольку мир устроен несправедливо, а потому и ты гляди в оба». Здравый смысл диктует и такое: «Будь всегда честным и добрым».

Два берега у полноводной реки, именуемой рынком!

Снова и снова сердце родительское обращается к библейским заповедям: «Не воруй! Не лги! Не завидуй! Не бери чужого!» В них, и только в них истинная правда! Только честный человек может быть хорошим работником, семьянином, гражданином, человеком, любящим свою семью, свою родину.

Вспоминаю мысли Толстого из «Круга чтения»: «Последнее прибежище негодяя – патриотизм». И далее: «Патриотизм в наше время выставляется поводом оправдания и всякого общественного зла и личной выгоды». И еще: «…самые ужасные злодеяния – шпионство, поборы с народа и ужасные смертоубийства, войны – совершаются людьми ради патриотизма, и совершающие их гордятся этими злодеяниями».

Вижу три педагогические проблемы. Первую сформулировал учитель: «Как же учить любить отечество? Какое? Рассказывать детям о сегодняшних злодеяниях сегодняшних правителей – значит взращивать ненависть, злобу».

Вторая проблема обозначилась в диалоге с учеником. «В России законы не действуют», – сказал старшеклассник. Я спросил: «Почему?» Он ответил: «Круговая порука беззакония». Другой пояснил: «Воровское государство». – «Как же быть? Бороться или смириться?» – «Вы уже ответили на этот вопрос, – сказали дети. – Смирение – тоже борьба».

По третьей проблеме одна родительница сделала такой вывод: «Сейчас трудно удержаться от злобности. Но надо, иначе погубим и мужей, и детей».

Как тут не вспомнить слова Достоевского: «Страну спасут женщины».

4. Детей надо ориентировать на труд. Правда, помноженная на трудовое усилие, – едва ли не главный воспитатель личности

То, что дети втягиваются в производительный труд, в труд по обеспечению себя и своей семьи необходимыми продуктами – это замечательная, хотя в чем-то и печальная реальность. Поверьте, грустно смотреть, как в конце XX века юноши и девушки пользуются допотопной мотыгой, чтобы возделать землю и получить урожай. Но иного выхода нет. И главное здесь другое – дети учатся работать. И если бы правительство действительно дало бы каждой семье землю, быт семьи значительно улучшился бы. Выступая перед родителями, я нередко объясняю им, что участие детей в производительном труде есть величайшее благо.

Поясняя, я прибегаю и к таким фактам, которые каждый родитель может проверить и убедиться в их достоверности.

Однажды я спросил у музыканта, возвратившегося из Японии: «Ваше самое сильное впечатление?» Он ответил: «Годовалый ребенок с веником в одной руке и с совочком в другой – убирает улицу».

Обследование американских, австралийских и европейских школьников показало, что подросток занят учебно-спортивной и трудовой деятельностью до 16 часов в сутки, из них на труд уходит до 6 часов. К совершеннолетию мальчик зарабатывает на квартиру и машину.

В Царскосельском лицее в первой половине дня было 5 часов занятий, во второй – столько же. Вечернее время посвящалось книгам, музыке, общению. Рабочий день макаренковских колонистов включал 5–6 часов производительного труда на заводе, затем учебные и клубные занятия – итого 15–16 часов.

Помню, как один из министров образования, еще не став министром, сказал мне с невероятной убежденностью: «В школе, которую мы создадим, труда не будет!»

Когда мною для наших школьников был опубликован в «Науке и жизни» учебный план, где подростку предлагалось учиться и трудиться до 10 часов, родители забросали журнал протестующими письмами: «Не устраивайте детям каторгу!»

Помню, с какой яростью вычеркивали у меня в «Литературной газете» абзац о производительном детском труде, а я так же яростно вставлял абзац, пока редакция коммунистического воспитания не выдохлась, объявив мне: «Что ж, придется нам расстаться, и навсегда!» Они свое слово сдержали. Вот уже пятнадцать лет в этом отделе я не печатаюсь. Честь и хвала журналистам, сумевшим «защитить» счастливое детство!

Я работал в школе-интернате, где у детей (до восьмого класса) было 180 га земли, 10 га огорода, две фермы, столярные мастерские: дети вставали в шестом часу утра, чтобы накормить животных, поработать в поле и на огороде до занятий. У нас было изобилие: своим трудом мы создавали условия для гармонического развития.

Небезызвестный Гаргантюа вставал в четыре утра, читал божественный текст, прыгал, взбегал на скалы, играл в подвижные игры, фехтовал и уставал так, что несколько слуг выжимали от пота его одежду – и так весь день… Попробуйте разбудить городского мальчика в четыре утра и предложить ему вынести мусорное ведро, или вымыть лестничную площадку, или сбегать на рынок…

В романе «Паразитарий» я проследил целенаправленное разложение молодых людей: из поколения в поколение «воссоздаются» безынициативные, потребительско-злобные папы и мамы. Спит неразбуженная Россия! Спят отяжелевшие папы и мамы, спят на работе, в городском транспорте, у голубых экранов, спят сытые и полуголодные, семейные и холостые, с похмелья и с недосыпу, удачливые и несчастные – всеобщая лень, а может быть, и не лень, а судьбоносное безразличие или безграничная усталость от исторических тревог; так вот это нечто всеобщее накрыло бесконечную раздольную ширь, лишь изредка назойливо-вяловато повторяется нелепый вопрос: «Будет катастрофа или нет?» И каждый чувствует: непременно будет! Вселенская паразитарная лень поддерживается гигантских размеров праздной болтовней. Болтают дети в подворотнях, в школах, в кружках, срываясь на капризный ор: «Мало развлечений!» Болтают молодые неумытые люди: «Не реализуемся!» Семь лет депутатской болтовни, – это не о том, как работать, а о том, как толочь воду в ступе. Семь лет народ болтает о том, что депутаты наживаются на пустой болтовне, – всеобщая злоба смешалась с ленью и напрочь вытеснила самое главное в жизни человека – ТРУД!

Глава 3
Воспитывать не по лжи

1. С раннего детства воспитывать правдивость и честность

Мать удивляется: «Два года – и уже лжет!» Отвечаю: «Если бы грудной ребенок мог говорить, он стал бы лгать на первом месяце жизни». – «Вы шутите?» – «Нисколько».

Когда мы говорим о том, что воспитывает среда, атмосфера, уклад жизни, поведение и нравы родителей, мы подчеркиваем особые, изумительные эколого-культурологические свойства личности ребенка. Подсознательные, родовые, инстинктивные, природные данные настолько сильны и настолько опережают культуру воспитания, что в первые годы, создается впечатление, ребенок сам творит свое Я. Может быть, отсюда и весьма интересные воспитательные теории о невмешательстве в жизнь ребенка, о том, что всякое воспитание есть ложь (Толстой).

Когда мы говорим о том, что ребенок – Божье чудо и что надо уберечь детей от грязи жизни, мы подчеркиваем не только нелживость природных начал, но и то великое, от чего мы, современники Макаренко и Крупской, отказались, – *ребенок есть первообраз гармонии и красоты.* Мы формулируем то противоречие, которое непременно возникнет между Божьим и культурологическим. Итак, первый мой вывод: дети начинают лгать, потому что волею общества входят в насквозь лживый социум. Они входят в мир, где лгут взрослые и подростки, стены и книги, экраны и газеты, митинги и депутатские собрания, где даже самая высшая правда лжива, ибо правдивая защита неистины – есть еще большее зло.

К двум-трем годам лживость ребенка приобретает законченные формы и становится приуготовленной для более глубинных лжедействий. На сцене детской жизни появляется грозное амебообразное, невидимое, но вездесущее чудовище – СТРАХ. Ребенок своими природными «эколого-локаторными» свойствами считывает, скажем, с папиной физиономии то, как отец наедине с собой, в тайных мыслях своих проговаривает, репетирует свою ложь, которую он произнесет в кабинете своего руководителя или в общении с другом, с подчиненным, с возлюбленной, такими же лживыми, как и он сам.

Что происходит в психике дитяти, когда ложь

удалась раз, два, три, сотни раз?! Ребенок усваивает, что ложь выгодна. Она срабатывает и может быть взята в качестве надежного союзника.

Ребенок улавливает на маминой физиономии, в ее грустных глазах то, как она скрывает папину ложь, о которой, может быть, лишь догадывается, как сама стремится обмануться, лишь бы защитить себя от лишних треволнений! Итак, второе свойство – ложь как защитное свойство, как стиль жизни, как мотив поведения.

К пяти-шести годам в каком-нибудь мирном дворике или в детском садике сталкивается и бурлит многообразная ложь: юные лжецы и лгуньи щеголяют друг перед другом в лучшем случае мастерством вымысла и в худшем – искусством козней и лжесвидетельства. Формируется третье свойство – ложь как средство провести ближнего, уйти от ответственности, спастись посредством вранья: «Это не я, это он!» И наглая настойчивость: «Да, это он!» Что происходит в психике дитяти, когда ложь удалась раз, два, три, сотни раз?! Ребенок усваивает, что ложь выгодна. Она срабатывает и может быть взята в качестве надежного союзника.

Недалеки от истины те родители, которые восклицают: «У моего ребенка фантастическая лживость! Откуда?» Истинность здесь обнаружилась в слове «фантастическая». Дело в том, что подсознательные силы ребенка – это действительно область фантастики: ребенок творит чудные образы, так развиваются его творческие данные. Так сплетаются в его действиях игровые и неигровые начала: он поистине начинает мыслить образами фантастики, – иначе каким же способом обыкновенная пустая катушка из-под ниток превращается в баллистическую ракету, а старая кукла с оторванной ножкой – в Бабу Ягу – костяную ногу. И если эта чудотворящая образность соединяется с той лживостью, какую ребенок впитал в себя из окружающей жизни, то получается состав особого свойства, который, может быть, надо назвать лжефантастикой или лжесущим.

Иногда я слышу восклицания и такого рода: «Патологическая лживость! Лгут даже без надобности». И это случается тогда, когда ложь стала не вторым, а первым Я. Человек уже не в силах остановиться, чтобы не солгать. Ложь становится потребностью личности, острой, притягательной, сладкой, наркотической! Всякое честное слово требует невероятных усилий, борений. Человек нередко оказывается неспособным предать свое первое Я.

2. Лучший метод воспитания правдивости – это ваша

правда, ваша совесть и ваше раскаяние

У меня спрашивают иногда: «Что ж, всякая лживая семья непременно воспитывает лживую личность?» Не всегда. Как правило, все негативные семьи (воровские, коррупционные, грабительские, одним словом, где ложь – закон жизни!) – остроконфликтны. В этих семьях потенциал враждебности с годами дает катастрофические взрывы. Эти катастрофы нередко сопровождаются не только протестами детей, но и категорическим отрицанием всего того уклада, который утверждался родительским авторитетом, точнее, родительской авторитарностью. Вместе с отрицанием родительских нравственных установок низвергается ложь! Но не дай же Бог обретать честность такой дорогой ценой?!

Почему «не дай Бог», скажете вы? Да потому, что всякое низвержение родительского авторитета чревато серьезными психопатологическими последствиями: непременно начинается еще никем не изученная болезнь души. Эта болезнь, как нечто разлагающе-совестливое, может быть, карамазовское, как правило, заканчивается трагедией: убийцей и гробовщиком становится антипод лжи – не правда, а «правдивая» ярость!

«Что же, нет никаких средств, приемов от лжи?» – возмутитесь вы. Есть! Есть один универсальный прием или даже метод. Он прост, как правда. Надо утром и вечером, в полдень и ночью, в ненастье и в добрую погоду не лгать.

Надо поступать так, чтобы дети знали, что самое дорогое в вашей жизни – правда. Чтобы дети знали, что во имя правды вы готовы, как говаривал великий русский педагог Ушинский, пойти на позор, унижения и даже смерть.

Надо, чтобы вы имели моральное право сочинять с детьми бесконечно прекрасную сказку, где принц скажет: «Нет, я лучше умру, но не солгу».

Надо, чтобы вы вместе с детьми учились «жить не по лжи» (А. И. Солженицын).

3. У любого дела есть своя технология. Педагогическая технология всегда духовна и нелжива

Конечно же, везде есть своя техника и своя технология. Приемчики и приемы складываются в систему, которая может стать блистательной прибавкой к истинно высокой и даже Божественной нравственности семьи, ее воспитательного уклада.

Если бы мы в состоянии были войти в детскую душу,

мы бы могли увидеть свой собственный образ таким, каким он воссоздан творческим гением ребенка. Знаете ли вы, каким вы кажетесь ребенку? Злым или добрым, трусом или смелым, истинным или ложным?

Если бы мы в состоянии были войти в детскую душу, мы бы могли увидеть свой собственный образ таким, каким он воссоздан творческим гением ребенка. Знаете ли вы, каким вы кажетесь ребенку? Злым или добрым, трусом или смелым, истинным или ложным? Я далек от мысли, чтобы призывать вас к тому, чтобы вы приукрашивали свой образ в детском восприятии. Предложение мое сводится лишь к одному: задумайтесь над тем, какие черты вашего характера на первом месте у ребенка? Какие ваши достоинства он ценит прежде всего? Чтобы у ребенка сложился желаемый вами образ, надо делать две вещи. Первое, побольше рассказывайте (и как можно раньше, даже тогда, когда ребенку два-три года) о себе, о своих удачах и неудачах, о своих переживаниях, о своих ценностях. Не думайте, что ребенок вас не поймет. Он действительно из ваших рассказов мало что поймет, но его душа потянется к восприятию вашей души. Гениально скроенная душа ребенка вычленит и возьмет для себя все то лучшее, что шевельнулось в вашем сердце. Поведайте ребенку о своих неудачах так, чтобы он вам сочувствовал, сопереживал с вами. Советовал или настаивал на своих решениях. Сообщайте ребенку и о своих удачах, победах и достижениях. Делайте это предельно сдержанно, скромно. Постарайтесь найти в своем ликовании изъян, просчет, пожалейте потерпевшего, пообещайте вникнуть в его судьбу, подружиться с ним. Пусть элемент прощения, покаяния, доброты повсюду сопровождает ваш прекрасный образ. И, конечно же, ваши слова непременно подкреплены делом. Например, вы схватились за голову (да не так, без театра и игровой лжи!) и сказали вслух: «Господи, я же солгал! А теперь, если я признаюсь во лжи, во-первых, я потеряю уважение друзей, во-вторых, лишусь премии, в-третьих, у меня будут неприятности с руководством…» Что по этому поводу скажут ваш четырехлетний сын или трехлетняя дочь?! Не улыбайтесь. Сегодняшняя нравственная акселерация восхитительна: многие процессы становления наших детей по сравнению с 1913 годом действительно во сто крат изменились. Итак, вы схватились за голову, и ваш ребенок вам сочувствует. Начинайте решать задачу: как вам быть?! Это решение есть не просто прием, это есть образ вашего педагогического творчества!

Чтобы у ребенка сложился желаемый вами образ, надо делать две вещи. Первое, побольше рассказывайте (и как можно раньше, даже тогда, когда ребенку два-три года) о себе, о своих удачах и неудачах, о своих переживаниях, о своих ценностях. Не думайте, что ребенок вас не поймет. Он действительно из ваших рассказов мало что поймет, но его душа потянется к восприятию вашей души.

Создавая в душе ребенка свой нелживый образ, вы утверждаете такую максиму: правда выгоднее, чем неправда. Правда – даже если она причиняет временную боль – освобождает лучшие человеческие силы, формирует благородство, бесстрашие. Правдивый – всегда красивее лжеца. Пусть в ваших рассказах, сказках, разговорах присутствуют два борющихся начала – неистинность и правдолюбство. Пусть образ лжеца проигрывает рядом с правдолюбцем. Одной из примет нашего времени является такой парадокс: ребенок знает, что ложь – плохо, а правда – хорошо, а сам постоянно лжет, и его ничем не отучишь от вранья!

Не наказывайте ребенка за ложь.

Отвечу. Ребенок упорно подсознательно или сознательно врет, если живет в авторитарных обстоятельствах, если за ложь наказывают, тем более бьют, оскорбляют, поносят и так далее. Укоренившаяся ложь – это та же болезнь. Вы же не лупите ребенка, когда у него болит живот или ушко. Смените авторитарные отношения на авторитетно-доверительные – и вы почувствуете, как начнет меняться душа ребенка. Снимите непременно и такой авторитарный пресс, как страх. Не наказывайте ребенка за ложь.

4. Игра является одним из сильнейших средств нелживого безнасильственного воспитания

Одним из универсальных средств воспитания личности является игра. На разных возрастных этапах игра должна быть разной и насыщена соответствующим дидактическим материалом. Например, трехлетний малыш охотно включается в ролевую игру, где отец, скажем, играет лживого волка, а ребенок – правдивого зайчика. Волк говорит зайчику: «Я тебе дам грязную бумажку, а ты мне два яблока». Ребенок хохочет: какая нелепость! А волк поясняет: «Грязную бумажку можно

съесть, а яблоко – выкинуть». – «Ты обманщик! – кричит зайчик. – Бумажка плохая. Ее надо выбросить в мусорное ведро». – «Неправда, бумажка самая лучшая, а яблоко плохое». – «Ты обманщик». Может быть, есть смысл прервать игру и спросить: «А почему волк говорит, что бумажка хорошая, а яблоко плохое?» – «Он врет. Он плохой!» Итак, ложь заклеймили, что-то да останется в сознании ребенка от этой игры и от этой дидактической беседы. И не надо говорить, что у вас нет времени на игры с детьми! Ребенок нуждается в вашем игровом общении – оно-то и есть настоящее воспитание. Так, по крайней мере, говорят все великие педагоги. Вся жизнь ребенка должна быть пронизана игрой.

Ролевое общение надо чередовать с неролевым. Это, как ни странно, понятно ребенку. Он с двух лет различает образ поведения «понарошку» и «по-серьезному». Поэтому можно и порассуждать по поводу сказки: «А почему волк хотел выманить яблочко у зайчика?» – «Волк плохой». Здесь можно нарисовать образ волка, выставить лжеца в смешном виде. Смех – грозное оружие в борьбе с ложью. Смех экологичен. Он, как природное явление, требует окультуривания, ибо животный смех вреден не меньше, чем вранье или какое-нибудь другое зло.

А вот еще один прием – игра-импровизация. Известно, дети охотно берут на себя игровые роли. Ребенок под впечатлением телепередач изображал поросенка Мука, а папа, надев на руку куклу – кота Мура, сказал: «Мук, я разбил чашку, что мне сказать маме?» – «Скажи, что ты больше не будешь». – «Но тогда мама меня выругает и побьет полотенцем». – «А меня мама тоже побила полотенцем, когда я прилепил к стенке жвачку и оторвал обои». – «Сказать маме, что я разбил чашку?» – «Не говори!» – посоветовал Мук и обнял друга: общее горе объединило несчастных! А Мур между тем не унимался: «А мама все равно узнает, и будет еще хуже. Что делать?» – «Скажи: мама, не бей меня, я разбил чашку и больше не буду». Вот это идеальное решение. Хотим мы того или не хотим, а мы все равно немножко враги детям. В особенности маленьким. Даже если ребенка не бьют, а все равно – то одергивают, то хватают за руки, то кричат или вышвыривают из-за стола. Ни один взрослый не выдержал бы такого режима. Представьте себе на минутку, что ваш начальник, когда вы разлили чай на его рукопись, стукнул бы вас по носу, или наорал, или вышвырнул из-за стола! Это невозможно представить! А ребенок выносит, он проходит все цивилизации – от варварства до демократических свобод. И надо сделать все, чтобы в его жизни было как можно меньше рабства, феодализма, крепостничества и других форм угнетения!

Глава 4
Бедная злобная жестокость

1. Бог есть Любовь

Сегодня мы вместе с детьми учимся любить Бога, себя и ближних своих. От нашего понимания себя и жизни зависит то, какой будет наша семья, что в ней будет преобладать – добро или зло, любовь или ненависть. Когда мы говорим, что Любовь и есть Бог, мы утверждаем, что Бог и вне нас, и в нас. Убивая в себе свои возможности, свои лучшие человеческие свойства, мы убиваем в себе Бога, что является величайшим грехом.

В сокровищнице духовной культуры хранятся общечеловеческие ценности и их заповеди. Главные из них развертываются так:

– Какая наибольшая заповедь в законе?

Апостол Матфей отвечает: «Иисус сказал: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь, вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя, на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф., 22: 36–40).

– В первом послании апостол Иоанн говорит: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, а Бог – в нем».

Толстой повторял многократно такую мысль: истинная любовь только та, когда в человеке любишь того же Бога, какой в тебе. Этой любовью любишь не только своих родных, не только тех, которые любят тебя, но любишь неприятных, злых, ненавидящих тебя.

Сознание современного молодого человека, живущего на территории России, характеризуется в том числе и такими ответами. На вопрос: «Любишь ли ты себя? – из ста опрошенных девяносто два ответили отрицательно. На вопрос: «Способен ли ты полюбить того, кто ненавидит тебя или поступил с тобой скверно?» – все ответили однозначно: «Нет».

Сознание современного молодого человека, живущего на территории России, характеризуется в том числе и такими ответами. На вопрос: «Любишь ли ты себя? – из ста опрошенных девяносто два ответили отрицательно. На вопрос: «Способен ли ты полюбить того, кто ненавидит тебя или поступил с тобой

скверно?» – все ответили однозначно: «Нет».

Правда, некоторые молодые люди ставили знак равенства между «любовью к себе» и эгоизмом. Между любовью к себе, к своим возможностям и даже достоинствами и себялюбием или эгоизмом – дистанция огромного размера. В первом случае мы имеем дело с деликатным интимным свойством личности, без осознания которого не может быть развития своих разносторонних способностей. Во втором случае мы сталкиваемся с отрицательным проявлением человеческого «я», перерастающим в чванство, гордыню, эгоизм, человеконенавистничество и многие другие негативные качества. Только истинная любовь к Богу, к себе, свято верующему в Божественные идеалы, делает человека свободным. Об этом писали Соловьев и Бердяев, Мережковский и Флоренский. Яркая представительница Серебряного века Зинаида Гиппиус постоянно подчеркивала, что нельзя прийти к Свободе без Любви, что надо полюбить себя, как Бога. В 1894 году она опубликовала стихи, которые вызвали немало споров. В этих стихах были такие строчки: «Но люблю я себя, как Бога, – / Любовь мою душу спасет». Она поясняла: «Истинная священная свобода начинается с любви к себе – через усилие воскресить в себе божественный образ, реализовать абсолютное значение своей личности. Только из такой выдержавшей все испытания любви к себе рождается действительно свободное Я, способное сказать другому достойное ТЫ, и в этом «ты» открыть подлинное равенство «я» и «ты». Лишь через опыт такого равенства личность (отдельное «я») может осуществить правду любви и свободы как в символическом «ты», так и в общественном «мы». Таким образом, не утрачивая своей индивидуальности, человек открывает ценность другого и начинает жить в другом, освобождаясь от изолированности, эгоизма, инстинктов обладания, погружающих его душу еще при жизни в ледяное озеро ада» (Наше наследие. 1990. № 4. С. 63). Я убежден, что в такого рода мыслях о единстве религиозного и светского сознания нуждается сегодняшний молодой человек, где бы он ни учился: в школе или в профессионально-техническом училище, в вузе или в среднем специальном учебном заведении.

2. У современных подростков нередко любовь к Богу и к себе уживается со вседозволенностью

Женя ласков, умен, коварен и… религиозен. Мне рассказывали: родную мать до смерти довел, а затем

вымаливал у Бога прощение. Я не верил. Но когда однажды во время занятий с ним (живопись, история культуры, литературное творчество) он спокойненько заметил: «Я доведу отца до инфаркта, я знаю, как это сделать», – мне стало жутко. Его башка начинена триллерами, оккультными жмыхами, ясновидением. Он рассказывает свои «вещие» сны, где сам дьявол или ангелы советуют ему украсть, угнать машину или совершить возмездие. Он сочиняет фантастические истории о Боге, Добре и Зле, воплощает свои замыслы на холстах. В тринадцать лет твердо решил стать предпринимателем. Скажем, таким, как Савва Морозов или Третьяков. Успел приобщиться к наркотикам, побывать в вытрезвителе и совершить массу непристойностей. Чтобы стать настоящим дельцом, надо пройти через все! – таков девиз его друзей, с которыми он неразлучен.

Дети воспроизводят мир взрослых. Лишь масштабы иные. Заказное избиение или убийство у взрослых – 2 миллиона, у подростков – 20 тысяч. Гарантия защищенности, так называемая «крыша», рэкет идут по жесткой таксе – 20 %. Хочешь зарабатывать и жить спокойно – плати дань сильным. Иначе пеняй на себя! Никто из взрослых практически не проникает в мрачные застенки подросткового «бизнеса». На проблемы воспитания нет спроса! – так мне, собственно, и сказали в нескольких изданиях. Интеллигенция предала детство. Она ограничивается констатацией уродства. Беру наугад первый попавшийся номер «Московского комсомольца» (от 7.06.1994 г.). Заголовки: «Выбросила бабушку с 12 этажа», «Школы сдают под публичные дома», «Детьми торгуют прямо на улице», «Ваш автомобиль могут обстрелять за здорово живешь», «По наводке надо работать»… Это не фон детской жизни. Сама жизнь!

Шансов на сто процентов переориентировать Женю у меня мало. Но я знаю: мои зерна произрастут. Не сегодня, так завтра. Никакие меры сверху не спасут детей, если кто-то снизу не развернет духовно-творческие процессы. Среди этих «кто-то» должны быть и предприниматели. Воспитанию нужны позарез нравственные образцы деловой жизни.

3. Ненасилие есть свобода от насилия

Насилие – это тип отношений между людьми, допускающий пытки, шантаж, убийства, издевательства, – вот так примерно говорилось на международной конференции в Москве (1989), посвященной проблемам этики ненасилия.

Все верно. Жизнь дает страшные образцы этой правильности.

Никто не измерял, насколько выросла жестокость среди родителей, взрослых, детей по отношению к слабым. Но она выросла, ибо столько смертей, издевательств, кошмаров, связанных с проявлением человеческой злобы, казалось бы, не знала история.

Не буду приводить факты из страшных событий жизни армянских и азербайджанских семей, не буду говорить о гибели грузинских и осетинских детей, о голодных детях Средней Азии, остановлюсь на маленьком эпизоде, который рассказал замечательный журналист Виктор Кожемяко.

…Девочка вся в бинтах, распорках, резиновых и стеклянных трубках, а в глазах отчаяние и испуг. Девочку избил сожитель родной матери Иры.

Виктор Кожемяко задает вопрос: «Чем объяснить такую жестокость?» Врачи, с которыми он говорил, считают, что главная причина – социальная. Жить стало труднее, нравственность падает, досаду и безысходность многие пытаются заглушить алкоголем, а пьяная злоба бьет нередко именно по самым слабым – по малышам. Следователь рассказал, как все произошло. Сожитель выпил бутылку вина – потом тут же, днем, с матерью Иры лег отдыхать. А девочка плакала и раздражала его. Пытаясь ее унять, стал хлестать по щекам, затем взялся за ремень. Однако ребенок, естественно, плакал еще сильнее. «Тут я вошел в злость, – рассказывал он, – и уже не отдавал отчета своим действиям». Выразилось это в том, что озверевший мужик схватил девочку за руки и, раскручивая, стал бить о пол, добавляя еще ногами. Невероятно! Унялся лишь тогда, когда у ребенка, потерявшего сознание, начали синеть губы. Испугался немного, но, привезя Иру в больницу, и он и мать уже были достаточно спокойны и выработали свою версию происшедшего: девочка упала с подоконника.

– Сколько же раз она упала? – иронически спросил врач.

– А мы и не знаем, – последовал ответ. – Она у нас постоянно падает.

Против истязателя Иры, как вы поняли, возбуждено уголовное дело. Казалось бы, абсолютно закономерно: так и должно быть всегда в случаях издевательства над детьми. Но… врачи говорят, что далеко не всегда это бывает, и снисходительность правоохранительных органов, вседозволенность, которые чувствуют взрослые изуверы, поощряет творящийся беспредел (см.: «Правда» от 6.06.1992).

Самое страшное, что происходит в нашем обществе, так это то, что порой озверевшие взрослые даже не задумываются о том, что, избивая детей, убивают самих себя. И нельзя не согласиться

с Кожемяко: жестокость поощряется в обществе. Учитель радуется, когда родители наказывают своих детей, правоохранительные органы радуются, когда правонарушители избивают друг друга… А сколько довелось мне видеть «интеллигентных людей», ратующих за ужесточение наказаний, за суды над детьми!

4. Жестокость – явление социальное, а она порождение бездуховной жизни, которую творят государство, культура, просвещение

Однажды я написал о Каверине – классике нашей литературы, знатоке школы, детства, учительства, написал, как мне показалось, остро и даже с посягательством на каверинский авторитет. Редактор «Литературной газеты» заметил мне поначалу: «Это никогда не пройдет». Когда же моя статья была напечатана, я спросил у Каверина, не кажется ли Вениамину Александровичу, что я написал слишком резко и даже обвинил писателя в безнравственности?

– Не кажется, – сказал Каверин. – Мне ваша статья понравилась.

Снова вчитываюсь в каверинский текст жестокой его повести «Загадка». Эта повесть особенно актуальна сегодня, поскольку рассказывает о том, как растут дети богатых и дети обездоленных. Эта повесть о нищете учителя. Эта повесть, говоря словами Каверина, – дом, в котором много комнат и двери каждой распахнуты настежь. Чем дышат стены этих комнат? Нежностью, гневом, беспощадностью? Чем?

Героиня повести – добрая Галина Петровна, учительница по прозвищу «тетушка Ло» (лошадь), с лиловатым лицом, одинокая и неустроенная, единственная привязанность: дети и школа, – посещает своего питомца Олега Рязанцева, сына начальника электростанции, широкоплечего красавца в дорогой «канадке» (идет на медаль, нацелен на Институт международных отношений, потому и ходят к нему учителя, репетируют частным образом). «Холодный дом», – делает вывод героиня.

А вот Галина Петровна у Пети Бугаева, мальчика с мясистым звероподобным лицом: ждут не дождутся учителя, когда Петя уйдет в ПТУ. На глазах учительницы пьяный отец хлещет сына кнутом.

Эпизод, подобный увеличительному стеклу, сквозь которое глядит на уродливый педагогический мир писатель и заставляет смотреть читателя:

«Мне казалось, что отец станет расспрашивать, но он,

не сказав ни слова, позвал Петю и приказал ему принести два чайных блюдца с водой. Очевидно, это было не первый раз, потому что Петя побледнел и, вернувшись с блюдцами, стал на колени. В каждой высоко поднятой руке он держал теперь блюдце с водой. Я молчала, но уже горько жалела, что пошла к Бугаевым. Но еще больше я пожалела, когда Петины руки начали дрожать и вода стала выплескиваться. (Дома я попробовала, стоя на коленях, держать пустые блюдца в поднятых руках и устала через две минуты.) Бугаев тем временем вернулся, держа короткое кнутовище с длинным кожаным ремешком. Мы все молчали. Левая рука задрожала, вода выплеснулась, он размахнулся, и ремешок со свистом обвился вокруг Петиного тела. Петя коротко вскрикнул, но рук не опустил и, только закусив губу, злобно взглянул на отца. С новым всплеском новый удар. Вода стала проливаться все чаще, и каждый раз Бугаев метко и ловко хлестал сына. Не помня себя, я встала между ними. Не помню, что я закричала, кажется: «Не надо!» или «Не смейте!» Помню только, что, когда он отвел за спину руку в очередной раз, я бросилась к Пете, заслонила его, и удар едва не пришелся по мне. Мы все молчали. Петя еще стоял на коленях.

– Встань! – приказал отец.

Петя встал. Я не могла говорить, простилась и ушла, едва заставив себя выслушать короткий разговор отца с сыном. Впрочем, никакого разговора не было.

– Понятно? – только спросил Бугаев и, когда Петя, опустив голову, ничего не ответил, грозно переспросил: – Понятно?

– Понятно, – еле слышным шепотом ответил Петя».

Позднее, уже дома, проклиная себя, «тетушка Ло» вспомнит эту «отвратительную сцену» и скажет, сомневаясь: в этой сцене «было что-то безнравственное, заставляющее думать, что сын, в сущности, недалеко ушел от отца».

Я читал эту фразу сто раз. Что это – редакторская ошибка? Или кредо автора? На глазах учителя вершится чудовищное, а она – «что-то»? Может быть, Каверин лишь подтвердил то, что традиционно развертывается в литературе: заложенные в детстве злоба или ласка потом вырастают в тот фундамент, на котором строятся семья, общество. Неужто свинцовая мерзость всегда будет в Бугаеве-младшем?

Каверин как бы восстает (это я понял потом) против такого линейного, однозначного мышления. Гражданский смысл литературы – непременный бунт против мерзости.

В приведенной сцене вывернуты наизнанку поэтика и обычная правда, может быть, потому и каверинская авторитарная безапелляционность вдруг воспринимается мной

как проклятие, которое носится в воздухе над нами, и в первую очередь над школой и семьей: что бы вы ни делали, но пока стоят вот так рядом отец сын и учитель, вот так ненавидяще разят друг друга, пока вот так разрушается родственность, будет расти разобщенность.

Обратимся к другой сцене, которую наблюдает Галина Петровна из окна школы.

Старшеклассник Паша Перов – художник, талант, влюбленный в Нину Порошину, – написал ее портрет: «На задумчивом, слегка порозовевшем лице лежала волшебная прозрачная тень, которая как бы одновременно и существовала, и не существовала. Таинственно сгущаясь, она лежала на верхней части лица, на опущенных глазах, и вы чувствовали, что она непреодолимо, неотразимо нужна. Зачем? Кто знает». Нину непристойным словом оскорбляет Петя Бугаев, и Паша Перов вступается за честь школьной красавицы. Жестокая драка. И снова неоправданная педагогическая гнусность: «училка» спокойно наблюдает кровопролитие.

Двери распахнуты настежь… И я думаю: а что, собственно, может сделать милая, тонкая, нежная, добрая Галина Петровна, у которой в жизни нет ничего, кроме этих сердечных забот о детях?! Может ли она повлиять на жизнь Олега Рязанцева, который, с презрением взглянув, прошел мимо дерущихся? Может ли «тетушка Ло» изменить что-либо в жизни Пети Бугаева, который порывается вдруг понять Галину Петровну: «Галина Петровна, завтра я вам тоже цветы принесу». – «Нет, Бугаев, я от тебя цветы не возьму». Как может повлиять Галина Петровна на мысли и чувства Паши Перова, влюбленного в Нину, когда та, должно быть в отместку Олегу, решила провести время с юным художником? Бросившись на зов Нины, Паша погибает. Кто-то ночью разрезал на куски портрет Нины с волшебной тенью. Кто? Бугаев? Олег Рязанцев? Загадка! Да и какая разница – кто! Портрет с прозрачной тенью – символ идеального, этот портрет растерзан, и не восстановить больше никогда этого портрета, потому что будущий великий художник Паша Перов погиб и унес с собой тайну мерцающей тени, которая как бы одновременно и тень, и свет. Вот оно то, что ведет к постижению философии автора «Загадки» и к некоторым ответам на загадочные философские проблемы сегодняшнего воспитания.

5. Педагог должен быть психологически и профессионально готов к участию в совершенствовании системы образования

Реформа современного образования, помимо прочих, будет решать проблемы духовного обновления школы. Вопрос стоит так: могут ли быть осуществлены педагогические преобразования, если нравственно и профессионально не подготовлен тот, кто их осуществляет?

Я понимаю, сколь обнаженно я ставлю вопрос, но другой постановки в такой важной сфере, как воспитание, быть не может. В свое время А. В. Луначарский, как бы полемизируя с философом Фихте (Фихте говорил: какой смысл воспитывать гармоничных людей для дисгармоничного общества, да и кто воспитает?), ответил на этот вопрос так: разорвать замкнутый круг можно только одним способом – преобразования духовные в самой личности должны совпадать с преобразованием обстоятельств.

Каверин затронул важнейшую проблему школьного дела. Он подвел нас к подножию нравственных вершин. Он верит в молодое поколение: «все эти Нины, Олеги и Паши, в сущности, прекрасные люди, которые инстинктивно ждут, что мы им напомним…» А о чем? Кстати, в этом перечне прекрасных людей автор не назвал Петю Бугаева. Может быть, это прием?

Не побоюсь сказать: школа как битва. И выигрывается битва не только числом кабинетов, технических средств, количеством компьютеров, кинокамер и телеустановок. Многое решает дух школьного войска. Школьная реформа обращена к духовной ответственности взрослых и детей, обращена к педагогам и к учащимся. Всколыхнуть детские силы, силы молодежи, дать простор их инициативе, их способности чутко и по-доброму решать сложные вопросы своего бытия – вот для чего нужна школьная самодеятельность, которой нет в доме с настежь распахнутыми дверьми – в современной школе.

Реформа современного образования, помимо прочих, будет решать проблемы духовного обновления школы. Вопрос стоит так: могут ли быть осуществлены педагогические преобразования, если нравственно и профессионально не подготовлен тот, кто их осуществляет?

Нравственная сила педагогики Каверина состоит в том, что она, являясь педагогикой борьбы, выступает против проявлений формализма и невежества, ратует за то, чтобы действия учащихся и их учителей были согреты теплом человечности, отвечали бы высоким требованиям духовной культуры.

Глава 5
Сорок заповедей Любви и Свободы

Общечеловеческая культура создала максимы о любви, которые мы сгруппировали в данный далеко не полный перечень. В основу этих заповедей легли пятнадцать заветов апостола Павла. Наша задача осмыслить их применительно к семейному воспитанию. Вот они, эти заповеди:

1. *ЛЮБОВЬ ДОЛГОТЕРПИТ.* Греческое слово «макрофумейн» означает терпение к людям, а не к обстоятельствам. Толкователь Нового Завета А. П. Лопухин подчеркивает, что долготерпение обнаруживается в отношении к разным оскорблениям, какие причиняются человеку ближними. Уильям Бартли, замечательный английский комментатор Библии, ссылаясь на Хризостома, говорит, что это слово применимо к несправедливо обиженному, который мог бы легко отомстить за обиду, но все же не делает этого. В таком человеке трудно вызвать гнев. Долготерпение – это признание права другого человека на ошибку.

Как часто мы говорим: «Сколько же можно терпеть тебя?!»

Ответ: «Беспредельно». Суть педагогического труда, одна из главных его сторон в *долготерпении,* в сердечной мягкости.

2. *ЛЮБОВЬ МИЛОСЕРДСТВУЕТ.* Любовь ласкова и мила во всем. Многие благочестивые христиане встали бы на сторону правителей, а не на сторону Иисуса, если бы им пришлось решать дело уголовника, прелюбодеяния женщины, измены и т. д.

Помню, я в течение шести месяцев спасал девочку, которая совершила дерзкое хулиганство (ударила коньком незнакомую девочку в лицо, едва не выбив глаз). Юную хулиганку звали Люда Мун. Я обращался к педагогам и писателям, к судьям и прокурорам: «Помогите спасти Люду. Она уже наказана тем, что три месяца сидит в изоляторе, где ее избили товарки и надзиратели». – «Нет!» – отвечали писатели и судьи, педагоги и прокуроры. Вызвался помочь мне замечательный журналист Евгений Михайлович Богат, который заведовал тогда отделом воспитания в «Литературной газете». По его совету я сказал тюремщикам и руководителям района: «Я работаю над очерком, который будет называться либо «Спасение», либо «Отречение».

> Суть педагогического труда, одна из главных его сторон в долготерпении, в сердечной мягкости.

Мне удалось вызволить девочку из тюрьмы и благодаря педагогам 913-й школы города Москвы, и благодаря

руководителям района, где жила и училась Люда Мун. Могу признаться, что, может быть, это то лучшее, что сделал я в своей жизни. Через три года Люда спасала от тюрьмы других ребят.

3. *ЛЮБОВЬ НЕ ЗАВИДУЕТ.* Детская зависть более нравственна, чем зависть взрослых. Дети просто хотят иметь то, что имеют другие. Макаренко даже оправдывал такую зависть, называя ее проявлением правовых эмоций, мотивов, дескать, на каком основании те же буржуи имеют то, чего нет у нас?!

Современная зависть наших родителей странна своей абсурдностью, зафиксированной, скажем, в такого рода анекдотах: «Я больше радовался не тогда, когда купил корову, а тогда, когда у соседа сдохла». Недовольство самим фактом того, что другие имеют то, что не принадлежит завистникам, рождает злобность и агрессивность. Некоторые толкователи заповедей о любви заверяют, что такая зависть – самое низкое проявление человеческой души.

Сознание детей чаще всего не в состоянии постичь эту низость, но их подсознание вбирает в себя родительскую ненависть, и эта ненависть дает о себе знать в проявлении этих самых якобы правовых эмоциях.

Сегодня злобность, как пожар в лесу, охватывает семьи, выжигая и любовь, и доброту, и человеческий разум.

Я повсюду вижу, как в период расцвета рыночных отношений в народе, в семьях постоянно лелеется ненависть к тем, кто успел что-то приватизировать или построить дом, купить машину или приобрести какие-нибудь вещи. Зависть уничтожает то лучшее, что есть в человеке.

4. *ЛЮБОВЬ САМОУКОРЯЕТ.* Пожалуй, самоукорению невозможно научить. Это глубинное нравственное образование рождается всем стилем жизни, где все подают пример скромности и далее самоуничижения. Неслучайно святые отцы отмечали, что истинной любви присуще самоуничижение. Я наблюдал в крестьянских семьях просто героическое самоотречение. Подростки отказывались принимать подарки от родителей, мотивируя тем, что не заслужили награду.

> Истинная любовь предпочитает согласиться с тем, что она недостойна чего-либо, нежели претендовать на свои заслуги и достоинства. Меня до сих пор подташнивает, что и я был причастен к тому, что поддерживал «новаторский пыл» многих педагогов, с пеной у рта доказывавших, что они новаторы и таланты.

Истинная любовь предпочитает согласиться с тем, что она

недостойна чего-либо, нежели претендовать на свои заслуги и достоинства. Меня до сих пор подташнивает, что и я был причастен к тому, что поддерживал «новаторский пыл» многих педагогов, с пеной у рта доказывавших, что они новаторы и таланты. Я не встречал ни одного педагога, который бы анализировал свои недостатки, а без этого нет ни любви, ни правды, ни самоукорения.

Самоукорение – одно из действенных средств Любви. Самоукорение требует искать в себе вину и ошибки, а не в других.

Преподобный Дорофей поучал еще в шестом веке: «Если человек совершит тьму добродетелей, но не будет держаться самоукорения, как пути своего, он никогда не перестанет оскорбляться и оскорблять других. Он не обретет покоя».

Никто так не откликался на мой призыв учиться самоукорению, как дети. Им понятен был великий смысл этой заповеди.

5. *ЛЮБОВЬ ЗАЩИЩАЕТ СВОБОДУ БЕЗНАСИЛЬСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ.* Там, где нет свободы, нет любви, там рождаются духовные мутанты и среди рабов, и среди господ. Любовь освобождает человека от дурных страстей, от рабства, от незащищенности. Любовь и свобода, помноженные на социальную справедливость, создают подлинную демократию жизни, подлинную гарантию человеческих прав.

Любовь к самому себе, к Богу, к ближнему и есть подлинный путь преодоления авторитарности во всех сферах человеческой жизни, есть истинный Путь к Храму.

Предшествующие десятилетия были в нашей стране десятилетиями борьбы с авторитаризмом. Сегодня акценты переносятся на защиту этики ненасилия, всепрощения и любви. Между тем жизнь рождает новые явления: дети, подростки, молодые люди рвутся к насилию, мечтают о подвигах с оружием в руках, жаждут убийств и даже массовых уничтожений. Культ нравственной слабости, мягкой доброты и нежнейших вибраций сердца заменяется в иных душах культом сильного тела, прагматизма, огрубленных чувств. Культ силы способен вытеснить и любовь, и свободу. Здесь таится угроза и демократии, и миру.

6. *ЛЮБОВЬ НЕ ГОРДИТСЯ.* Если говорить об идеальном родителе или воспитателе детей, то его облик ближе все же к тому типу человеческого характера, какой воплощен, скажем, в таких личностях, как Пушкин или Достоевский, Моцарт или Корчак. О культуре человека можно судить по тому, как этот человек относится к детям: умеет ли играть с ними, общается ли на равных, способен ли радоваться тому, что дети могут

и должны стать умнее своих родителей. Гордыня – это то, что абсолютно не приемлет детское сердце. Гордыня – это высокомерие и чванство, презрение к другим и обожание самого себя. Родитель с гордыней в душе всегда будет врагом детства – от этого и многие семейные беды. Важничая среди близких, родитель становится деспотом своей семьи, деспотизм рождает одиночество и полную отчужденность. Гордыня бывает двух видов: трудолюбивая и паразитарная. Успехи иногда пьянят гордые головы, человек превозносит себя, забывая правило: все, что возносится, должно упасть.

> О культуре человека можно судить по тому, как этот человек относится к детям: умеет ли играть с ними, общается ли на равных, способен ли радоваться тому, что дети могут и должны стать умнее своих родителей.

7. *ЛЮБОВЬ – ЭТО ПОДВИГ*. Она ставит перед человеком сверхзадачи, учит преодолевать сильные препятствия, в поте лица достигать успеха.

Я около сорока лет наблюдал за творческим опытом семьи Бориса Павловича Никитина и, насколько это возможно с моей стороны, помогал в популяризации их достижений. Постоянно поражался долготерпению и мужеству родителей этой семьи, совершившей подвиг в семейном воспитании. Раннее развитие и закаливание, свобода познания мира и снятие традиционных запретов: «Не лезь!», «Не трогай!», оборудование в квартире спортивного детского комплекса и раннее закаливание (годовалые дети на снегу!), «запуск» всех рефлексов, заложенных матерью-Природой, развивающие игры, раннее знакомство с инструментами, электричеством, участие детей в самообслуживании и в самообеспечении – это далеко не полный перечень всего того, что сделала эта большая многодетная семья, где все были счастливы, где царила подлинная Любовь и подлинная Свобода!

8. *ЛЮБОВЬ ОТВЕТСТВЕННА*. Она помнит о человеческих обязанностях. В конечном итоге в мире живут лишь две категории людей: одни прежде всего добиваются привилегий, а другие – всегда помнят о своих обязанностях. Одних всегда беспокоит, что они должны получить от жизни, других всегда тревожит, чем они обязаны жизни. Одни говорят больше о правах, другие об обязанностях. Естественно, вторые ближе к христианской любви.

Проблема прав и обязанностей – это главная проблема школы и семьи. Многим педагогам, впрочем, как и родителям, кажется, что дети не должны иметь никаких прав – только обязанности.

Это неверно. Только наделенный большими правами способен почувствовать обязывающую силу всех тех необходимостей, которые человек выполняет по долгу, по велению сердца. Большие права – это большая свобода, а большая свобода необыкновенно тяжела и требовательна.

> Раздражение – всегда признак поражения. Когда мы выходим из себя, когда мы теряем над собой контроль, мы теряем все.

9. *ЛЮБОВЬ НЕ РАЗДРАЖАЕТСЯ.* Раздражение – всегда признак поражения. Когда мы выходим из себя, когда мы теряем над собой контроль, мы теряем все. Человек, владеющий собой, может владеть всем. Раздражительность – самый страшный враг семейного воспитания.

10. *ЛЮБОВЬ НЕ МЫСЛИТ ЗЛА.* Нередко важно научиться забывать то, что лучше забыть. Многие люди лелеют свою ненависть, непрерывно подогревая и освежая ее в памяти. Истинная любовь учит прощать и забывать. В этой способности забывать ненужное и малозначимое надо учиться у детей. Мать может сто раз наказывать ребенка, но ребенок все равно на вопрос, кого он больше всего любит, ответит: «Маму». Он про наказания не помнит. Забыл. А вот материнское тепло, в котором он нуждается ежесекундно, он помнит без напоминаний.

> Истинная любовь учит прощать и забывать. В этой способности забывать ненужное и малозначимое надо учиться у детей.

11. *ЛЮБОВЬ НЕ РАДУЕТСЯ НЕПРАВДЕ.* Не радуется тому, что дурно. Отвергает злобное наслаждение. Жить по неправде, по лжи – значит калечить себя и других.

12. *ЛЮБОВЬ СОРАДУЕТСЯ ИСТИНЕ.* Устами младенца глаголет истина – гласит народная мудрость. И как часто отцы и матери не прислушиваются к голосу детей. Больше того, нередки случаи, когда мы не хотим, чтобы восторжествовала истина, если она исходит от детей или от неугодных нам людей. Христианская любовь не заинтересована скрывать истину, ей нечего утаивать, поэтому она радуется, когда побеждает истина.

13. *ЛЮБОВЬ ВСЕ ПОКРЫВАЕТ.* Это означает, подчеркивает Бартли, что Любовь не стремится выставить напоказ недостатки, проступки и ошибки других людей. Как часто папы и мамы ругают бабушек и дедушек за то, что те будто бы покрывают

проступки внуков и тем самым нарушают единство требований. В доброжелательных отношениях бабушек и дедушек к своим внукам и внучкам проявляется великий закон защищенности ребенка. Как должны поступить родители в таких случаях? Поддержать игру, хотя это вовсе не игра, а тончайшее кружево отношений, в которых родители выступают как умные и всесильные взрослые, допускающие к жизни этот великий закон защиты детства. Пусть между родителями и дедушками и бабушками будет добрый сговор, позволяющий детям находить укрытие под теплыми крылышками тех, для кого они последнее и подлинное утешение в жизни. Добрые отношения между бабушками и дедушками и внуками нередко позволяют хорошо влиять на развитие детей, позволяют направить детскую энергию в то русло, о котором мечтают родители.

> Детям надо верить без оговорок. И в этом смысл любви. Если дети почувствуют, что вы именно так верите, их сердце распахнется перед вами.

14. *ЛЮБОВЬ ВСЕМУ ВЕРИТ.* Вера – важнейшее из средств любви. Нас научили не доверять другим и даже самим себе. Если мы и говорим и о вере или о доверии, то непременно прибегаем к пресловутым оговоркам, дескать, доверяй, но… Детям надо верить без оговорок. И в этом смысл любви. Если дети почувствуют, что вы именно так верите, их сердце распахнется перед вами.

15. *ЛЮБОВЬ СМИРЕННОМУДРА.* Она готова на каждое слово сказать: «прости», ибо только смиренномудрие сокрушает любого противника. Если человек не покроется смирением, он мало-помалу придет в гневное, бесовское состояние. Никто так не приуготовлен к смиренномудрию, как дети. Это должны почувствовать родители. Именно почувствовать, потому что понять это невозможно.

16. *ЛЮБОВЬ ВСЕ ПЕРЕНОСИТ.* Нет ничего выше материнской любви. Дети учатся у матерей своих непосильному терпению, способности все преодолевать, побеждать. Эту стойкость называют торжествующей. Истинно нравственное торжество Христа выразил поэт: «И руки простер для объятья, и в каждой из ней по гвоздю». В мире нет ничего выше Христовой нравственной силы, частица которой передалась нашим матерям. Может быть, поэтому Сухомлинский и вводил в свою школу культ Матери.

17. *ЛЮБОВЬ ЩЕДРА.* Щедрость души, отмечают американские исследователи, одно из важнейших качеств личности воспитателя. Мы, так называемые советские

воспитатели, боялись похвалы, как чумы! Мы боялись зарождения у детей зазнайства, а на самом деле не выносили совсем другого – появления дарования, чего-то индивидуального, непохожего на то, что имеется по прейскуранту у типичного коллективиста. Между тем наши дети, да и педагоги, существа с заниженным статусом, с попранным человеческим достоинством, больше всего нуждаются в моральной поддержке, в похвале, в стимуляции. Я проводил десятки опытов по изучению того, как прививается щедрость души взрослым и детям. Результат: индивиды с озлобленным подсознанием не приемлют щедрости. Не в состоянии, оказывается, наш педагог, ребенок или родитель говорить, скажем, в течение одного дня о достоинствах своих питомцев или сверстниках. Между тем именно установка родителя «Мой ребенок талантлив, и его талант непременно проявится, и я ему должен или должна помочь!» дает возможность детям не просто выжить, но и добиться хороших успехов в своем продвижении.

Между тем наши дети, да и педагоги, существа с заниженным статусом, с попранным человеческим достоинством, больше всего нуждаются в моральной поддержке, в похвале, в стимуляции.

18. *ЛЮБОВЬ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА СИЛЬНЫМ.* Она дарит человеку власть над собой. Формирует силу духа и направляет волю в русло добрых дел и поступков. Только согретая любовью деятельность личности творит добро. Все методики и технологии воздействия на ребенка без любви сущая профанация. Сила педагогического искусства измеряется силой любви. Сильным становится лишь тот, кто черпает силы в Любви и нигде больше!

19. *ЛЮБОВЬ ЭСТЕТИЧЕСКИ ВЫРАЖАЕТ СЕБЯ.* Любовь является не иначе как в образе Красоты. Истинное в культуре пронизано любовью. Чем выше любовь в произведении искусства, тем ярче его художественность. Чем больше красоты в общении взрослых и детей, тем совершеннее воспитание. Когда Достоевский говорил о том, что красота спасет мир, он имел в виду и Любовь. Он был прав, когда заявлял, что дети спасут мир. Дети, чьи сердца обращены к Красоте, Любви и Свободе.

Только согретая любовью деятельность личности творит добро. Все методики и технологии воздействия на ребенка без любви сущая профанация. Сила педагогического искусства измеряется силой любви.

20. *ИСТИННАЯ ПЕДАГОГИКА И ИСТИННОЕ ВОСПИТАНИЕ*

И ЕСТЬ ЛЮБОВЬ. Любовь всегда против авторитарности. Любовь всегда защищает авторитет, построенный на вышеозначенных максимах. Авторитет есть любовь воспитателя к питомцу и ответная любовь питомца к воспитателю. Сила авторитета есть сила любви. Любовь безнасильственна, и в этом выражается суть ее авторитета. Сила любви есть сила характера, сила нравственных устоев, сила Духа.

* * *

Представленные мысли о свободе есть всего лишь крупицы, взятые из того духовного богатства, которое наработано человечеством.

1. *ЖИЗНЬ БЕЗ СВОБОДЫ – ДУХОВНАЯ КАТОРГА.* Свобода – всегда гарантия защищенности. Только в свободе, через свободу и для свободы может развиваться истинная любовь и истинная личность! Свобода личности в развертывании дарований через труд, творчество, духовное обогащение.

2. *СВОБОДНЫЙ ВЫБОР* – это всегда нравственный выбор, исключающий произвол и вседозволенность.

> Истинно свободен лишь тот, кто заботится о свободе ближнего.

3. *СВОБОДА – САМОЕ ВЫСОКОЕ СВОЙСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА.* Свобода не есть осознанная неволя, но есть сознание своей воли, обретение ее всеми чувствами и всеми рациональными свойствами. Ребенок с детства должен открыть эту тайну и вместе с родителями полагать границы своей свободы, с ростом расширяя ее. Осознание границ своей свободы есть способ целеполагания и реализации своих возможностей. В этом отношении свобода человека безгранична. Она не кончается там, где начинается свобода другого индивида. Истинно свободен лишь тот, кто заботится о свободе ближнего. Это вторая тайна, которую с радостью осваивает растущий наш воспитанник. Величайшее наслаждение человека состоит в его способности обогатить свободу достоинствами свобод своих ближних. В этом и состоит основа демократизации социума. Заботиться о его гуманном и безнасильственном развитии – это третья тайна свободного мира и свободного человека.

4. *СВОБОДА ВСЕГДА ВРАЖДЕБНА ДИКТАТУ, ТОТАЛИТАРНОСТИ, АВТОРИТАРИЗМУ.* Она проходит самое сложное испытание – испытание властью!

Очевидно, еще немало столетий свобода будет оставаться

таинственной золотой жилой в мощных авторитарных пластах. Не раз под знаком свобод и демократий будут меняться режимы насильственными и ненасильственными способами, но истинная свобода, как линия горизонта для приближающегося к нему путника, будет уходить все дальше и дальше. Истинная свобода есть идеал человеческого самочувствия, есть идеал социального устройства. Диктат и авторитаризм питаются, точнее, паразитируют на свободе, ибо способы действия авторитаризма стары и однообразны, свобода всякий раз нова.

В школах, в семьях, в книгах, в искусстве дети учатся по крупицам постигать вечно обновляющуюся свободу, через прошлые падения заглядывать в будущие демократические устройства семьи, общества, государства, а в жизни, в глубинах своего подсознания они будут до смерти своей блуждать по темным авторитарным лабиринтам. Свобода – это светильник для всех заключенных в авторитарные застенки. Воспитание должно дать каждому надежный светильник – и в этом состоит четвертая тайна свободы.

5. *СВОБОДА ЛИШЕНА СТРЕМЛЕНИЯ ДОСТИЧЬ ВЛАСТИ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ.* Сегодня многие семьи захвачены жутким безнравственным ажиотажем, который можно определить двумя словами: любой ценой! Добыть деньги, приватизировать что-то, выдвинуться на важный пост, отхватить куш – любой ценой… а потом, дескать, разберемся! Ажиотажный спрос на безнравственность! Схватить, повалить, отодвинуть – и как угорелые – по ближним, по купюрам, по трупам! Любой ценой! И государство будто стремится любой ценой обмануть родителей и учительство, любой ценой загнать детей в производство, любой ценой продержаться! Любой ценой уродуются и гробятся ростки истинной демократии! Об этом надо говорить с детьми, вместе с ними видеть линии свободного горизонта, приближаться к великим нравственным Идеалам.

6. *СВОБОДА ДЕЛИКАТНА,* она не вторгается, не вламывается в мир другого человека, считая бестактность одним из сквернейших проявлений души человеческой. Право на внутреннюю свободу и есть пятая тайна духовной вольности. Когда дети мне иной раз говорят, что они хотели бы общаться своими сущностными мирами, они подчеркивают великий смысл деликатных и безнасильственных соприкосновений сущностных свобод, то есть своих глубинных и тайных миров. Это соприкосновение и есть дружба, ибо через подобного рода контакты рождаются и личность, и справедливые социальные устройства, и крепкая семья, и подлинная Любовь.

7. *СВОБОДА ОПРЕДЕЛЯЕТ СМЫСЛ И ОБРАЗ ЖИЗНИ.* На что я

трачу свою свободу? Хочу я прожить без цели (как трава) или же я хочу направить свою свободу в русло, необходимое *мне?*

Если цель жизни человека не минует *возможную* самореализацию личности, развитие своих данных – физических, интеллектуальных, эстетических, духовно-культурных, создание своей семьи, выбор профессии и хобби, то какой линии намерены мы придерживаться: «самотечной» (принцип травы) или осознанно-конструктивной?

Если смысл жизни в приближении своей сущности к Божественным, а не к сатанинским началам, в состоянии ли мы получить радость от побед над самим собой, от преодоления в себе бесовских соблазнов (в еде, сне, удовольствиях, суетном времяпрепровождении, в разжигании нечистых страстей)?

8. *СВОБОДА ОПРЕДЕЛЯЕТ ПУТИ И МЕТОДЫ САМОРАЗВИТИЯ.* Определение своей доминантной линии, своей индивидуальной программы, своего возможного достатка, своей системы ценностей способно помочь организовать жизненную цель: каким я хочу видеть себя? какими будут мой спутник жизни и моя семья? как реализуюсь в своем профессиональном мастерстве? какими средствами буду достигать цели, начиная с сегодняшнего дня, часа, минуты? Школа и семья должны предоставить ребенку столько свободы, сколько нужно для развития всех сторон человеческого ума, тела, души. Свобода мысли и свобода делания, свобода выбора и свобода общения составляют основу духовной жизни и семьи, и школы. Духовный смысл свободы личности определяется нравственным характером обязательств, которые берет на себя человек. Эти обязательства могут находиться в эстетической, физической, интеллектуальной и духовной сферах саморазвития личности. Истинное саморазвитие всегда духовно обогащает окружающих.

9. *СВОБОДА НРАВСТВЕННА И ЦЕЛОМУДРЕННА.* Целомудренные влюбленные нравственные состояния прекрасны: они помогают быть великодушными и мужественными, терпеливыми и милосердными, открывают глаза на красоту, сдерживают и переплавляют плотские желания.

10. *СВОБОДЕ ПРОТИВОСТОИТ ЛОЖЬ.* Как выразился Солженицын, жить не по лжи – основа справедливого и свободного устройства общества.

11. *СВОБОДА ЗАЩИЩАЕТ СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ.* Она залог истинного общежития в государстве, в школьном классе, в семье.

12. *СВОБОДА БЕРЕЖЕТ ДОСТОИНСТВО КАЖДОГО,* бережно относится к личности, заботится о повышении чувства собственного достоинства.

13. *СВОБОДА ОБЪЕДИНЯЕТ НАРОДЫ,* социальные общности, отдельных людей, руководителей и подчиненных, взрослых и детей. Она верит в высшие ценности мира, верит в человека!.. Свобода гарантирует развитие дарований каждого.

14. *СВОБОДА ТВОРИТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ «Я»,* ибо творцом своей свободы является личность. Человек по своей природе призван расширять нравственные пределы человеческого «я». Свобода реализует себя через труд, творчество, духовное единение с людьми.

15. *СВОБОДА ВОЛИ ЕСТЬ* способ управления самим собой, есть способ одерживать победы над собой. Свобода личности обнаруживает себя в гражданской смелости неприятия зла, любви к ближнему, в авторитете знаний, ума, сердца.

Свобода личности обнаруживает себя в гражданской смелости неприятия зла, любви к ближнему, в авторитете знаний, ума, сердца.

16. *СВОБОДА НЕМЫСЛИМА БЕЗ САМООТРЕЧЕНИЯ,* освобождающего каждого от тирании соблазнов, искушений, страстей, от деспотизма собственного «я».

17. *РАСКРЕПОЩЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СИЛ,* полная разбуженность души – все это достигается любовью к выявлению своих возможностей, безнасильственным отношением к себе, постоянным внимательным упражнением, саморазвитием и самоактуализацией.

18. *САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ* есть главный результат свободы. Самореализация личности предполагает общее и профессиональное развитие человека.

19. *СВОБОДА И САМОСОЗНАНИЕ (ОТНОШЕНИЕ К СЕБЕ САМОМУ) НЕРАЗЛУЧНЫ.* Самосознание свободного человека направлено на то, чтобы постоянно сверять свою жизнь и свои поступки с идеалами свободы и любви.

20. *СВОБОДА, ПОМНОЖЕННАЯ НА ЛЮБОВЬ,* есть цель жизни для себя и для других (прежде всего не в ущерб другим), полное самоосуществление и реализация физических, духовных, интеллектуальных и эстетических данных, потребностей и способностей.

Приложение

Семья – активный участник формирования кадрового потенциала страны

Мы создадим принципиально новое духовное знание о детях, если останемся последовательными в отрицании авторитаризма, если будем верить в природную талантливость наших детей.

Но нет пророка в своем отечестве…

Для меня было крайне важно узнать, что больше всего привлекает зарубежных педагогов в разработанных мною технологиях. Ответы, полученные из Парижа, Лос-Анджелеса, Варшавы, были разные, но сходились в следующем:

• Создан уникальный жанр, основанный на синтезе наук, культур и искусств.

• Работающие технологии ускоренного развития талантов.

• Мгновенное освоение высших духовных ценностей.

• Мощная энергетика как в педагогических технологиях, так и в живописи.

Зарубежным педагогам это интересно. А нашим?

Говоря о формировании кадрового резерва страны, Д. А. Медведев настаивал: «Нам нужно организовать масштабный системный поиск талантов и в России, и за рубежом, вести настоящую охоту за головами, содействовать приходу молодых одаренных людей во все сферы жизнедеятельности страны. Сегодняшней России нужна и новая система формирования кадрового потенциала, которая позволит привлечь в органы государственного, муниципального управления, в бизнес наиболее талантливых мыслящих и профессиональных людей».

Я убежден, что основа формирования кадрового потенциала России – это ускоренное выявление и развитие дарований, профессиональных талантов и высших способностей (гениальности) российской молодежи.

Идеи ускоренного развития дарований и профессиональных талантов развернуты в ряде учебных пособий, таких, как «Дорогу талантам!», «Руководство по развитию талантов»; в романах-эссе «Пророки и пророчицы», «Триумф», «Энергия красоты», «Апофеоз Любви и Свободы».

Я убежден, что для развития талантов надо преодолевать заниженные самооценки, самоуничижительные установки и настроения. Нет сомнения: в нашей стране сегодня растут будущие таланты и гении, работают талантливые и даже гениальные педагоги. Но для реализации их интеллектуального и нравственного потенциала *нужна новая социальная политика,*

способная преодолеть повсеместный авторитаризм, открыть шлюзы для выхода мощнейшей духовной энергии – прежде всего молодых людей. Немалую роль в этом могут сыграть:

1. Открытие Федеральной экспериментальной площадки (сетевой проект) по теме: «Гражданско-патриотическое становление личности в процессе ускоренного развития профессиональных талантов, дарований и высших способностей – основа формирования кадрового резерва страны».

2. Реализация программы «Основные направления движения «Молодые таланты России».

3. Внедрение в школьную и вузовскую практику педагогических технологий ускоренного развития талантов, широкая организация соответствующих семинаров-тренингов.

Рекомендуемая литература

Азаров Ю. П. 100 тайн детского развития. М., 1996.

Азаров Ю. П. Дорогу талантам! М., 2006.

Азаров Ю. П. Искусство развития дарований (теория и практика). М., 2001.

Азаров Ю. П. Не подняться тебе, старик. М., 1989.

Азаров Ю. П., Азарова Л. Н. Основы трансцендентальной педагогики. М., 2000.

Азаров Ю. П. Печора. Новый Свет // Романы. М., 1987.

Азаров Ю. П. Пророки и пророчицы: В 2 т. М., 2007.

Азаров Ю. П. Руководство по развитию талантов. М., 2003.

Азаров Ю. П. Свет Любви и Свободы: живопись, образование, культура: Худож. альбом. М., 2009.

Азаров Ю. П. Тайны педагогического мастерства: Учебное пособие. М., 2004.

Азаров Ю. П. Триумф. М., 2009.

Азаров Ю. П. Энергия красоты. М., 2009.

Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994.

Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.

Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология. М., 1998.

Булгаков С. Н. Свет невечерний. М., 1994.

Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М., 1994.

Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. М., 1956.

Ильин И. А. Родина и мы. М., 1995.

Кант И. О педагогике // Трактаты и письма. М., 1980.

Коменский Я. А. Великая дидактика // Я. А. Коменский. Д. Локк. Ж.-Ж. Руссо.

И. Г. Песталоцци / Педагогическое наследие. М., 1989.

Лосев. А. Ф. Философия, мифология, культура. М.: Политиздат, 1991.

Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991.

Макаренко А. С. Книга для родителей.

Нилл А. Саммерхилл – воспитание свободой. М., 2000.

Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.

Рерих Н. К. О вечном. М., 1994.

Спок Бенджамин. Разговор с матерью. М., 1990.

Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Рождение гражданина. Письма к сыну. Киев, 1985.

Толстой Л. Н. Воспитание и образование // Педагогические

сочинения. М., 1989.

Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. М., 1954.

Френе С. Избранные педагогические сочинения. М., 1990.

Фромм Э. Человек для самого себя // Психоанализ и этика. М., 1993.

Юнг К.-Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М., 1998.

notes

Примечания

1

Ю. П. Азаров. Семейная педагогика. – М.: Политиздат, 1982.

2

М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979. С. 100.

3

Нечаев Сергей Геннадьевич (1847–1882), организатор тайного революционного общества «Народная расправа»; в 1869 году по подозрению в предательстве убил студента И. И. Иванова. Скрывался от полиции за границей. В 1873 году приговорен к 20 годам каторги; умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

Ильин И. А. Наши задачи // Собр. соч. – М., 1954. Т. 2. С. 114.

Ильин И. А. Собр. соч. – М., 1993. С. 94–95.

Ильин И. А. Собр. соч. – М., 1993. Т. 1. С. 103.

Ильин И. А. Наши задачи. – М., 1954. Т. 1. С. 190.

Ильин И. А. Одинокий художник. – М.: Искусство, 1993. С. 263.

9

Апостол Павел. Рим., 7:23.

10

Апостол Павел. Рим., 7:15.

11

Печерин Владимир Сергеевич (1807–1885), русский общественный деятель, философ, поэт.

«Вехи». – М., 1990. С. 174–175.

13

Труд и издание Архимандрита Никифора. – М., 1891. С. 456.

Этика преображенного эроса. – М., 1994. С. 291.

15

Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. Очерки из истории русской религиозной мысли.